ВЕСТНИК
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

КНИГА
XI

1925

Главлит № 35.664. Тираж 6.200.

Мосполиграф, 27-я тип. „Красная Печать". Москва, Остоженка, 10.

Доклады памяти В. И. Ульянова (Ленина).

МАРКС и ЛЕНИН.

(Доклад Е. А. Преображенского [1]).

Товарищи, я в своем докладе не отваживаюсь исчерпать хотя бы $^1/_{10}$ доли того содержания, которого я обязан был бы коснуться на основании темы моего доклада. Я заранее отказываюсь от конкретного рассмотрения отдельных теоретических проблем, которые нужно было бы подвергнуть анализу, и весь свой доклад прошу рассматривать только как постановку вопроса об анализе работ Маркса и работ Ленина, как теоретиков. Ленин продолжал дело Маркса во всех областях своей деятельности, в том числе и в области теории, и поэтому основной интерес темы, которую я сегодня взял, заключается в том, чтобы найти, прощупать ту линию, начиная с которой марксизм в области теории переходит в ленинизм, или, так как в данном случае дело идет только о тов. Ленине, с какого пункта теоретическое творчество тов. Ленина представляет из себя нечто новое по сравнению с марксизмом. Я думаю, что легче всего нам рассмотреть этот вопрос, если мы заранее дадим основные элементы марксизма, разложенные на их отдельные части по степени убывающей важности, с одной стороны, и, с другой стороны, по степени их исторической долговечности. При таком анализе делается видней, какие из элементов марксизма остаются полностью в ленинизме, какие элементы, относившиеся к построению на почве капиталистического общества и по поводу капиталистического общества, должны замещаться новыми построениями, представляющими из себя начало теории нового общества.

Я начну с самого главного и основного, т.-е. с диалектического метода Маркса. Диалектический метод Маркса должен рассматриваться нами как основа, как стержень марксистской философии и всей

[1]) Печатаемые ниже доклады т. т. Е. А. Преображенского, В. П. Милютина, Л. Н. Крицмана и Л. Рудаша были заслушаны 24/I—25 г. на заседании Ком. академии, посвященном памяти В. И. Ленина. *(Ред.)*.

теоретической системы марксизма. Путем применения этого метода к естественным наукам, путем применения этого метода к познанию всей природы может быть создана и определенная система взглядов на эту природу. Но такая систематизация есть нечто вторичное. Метод является основным. Я не буду затрогивать здесь спорного вопроса относительно того, можно ли говорить о философии марксизма в широком смысле этого слова. Я думаю, что этот вопрос для большинства марксистов является бесспорным, и с этой точки зрения то, что писал Плеханов в своей статье, которая недавно была помещена и представляет собой отрывок рукописи, посвященной философской эволюции взглядов Маркса,—я думаю, что это место из Плеханова можно считать наиболее точным и правильным определением этого вопроса. Плеханов писал там:

«Теория мышления и его законов предполагает общий синтетический взгляд на природу и жизнь. Мы увидим, что такой общий синтез и был дан самим Марксом и Энгельсом. Мы считаем диалектическую философию одной из самых замечательных попыток об'единяющей философской мысли».

В другом месте Плеханов писал: «Если мы примем ограничение Энгельсом области философии областью мышления и его законов, то и эта область достаточно обширна и интересна. Ее-то и можно подразумевать под названием «философских основ марксизма».

В скобках замечу, что нельзя согласиться в этом пункте с И. И. Скворцовым, который в своей последней книжке «Исторический материализм и современное естествознание» дает на стр. 56—57 такую формулу взаимоотношений между историческим материализмом и современным естествознанием, что для метода диалектического материализма, как основы марксистской философии, совсем не остается места. Общий метод диалектического материализма является основным стержнем марксистской философии, основой для всякого изучения как природы, так и человеческого общества.

Если мы изучим все то, что имеется по этому вопросу у Маркса, то мы будем поражены крайней бедностью и скупостью сколько-нибудь законченных формулировок. (Как мы увидим ниже, судьбу Маркса в этом отношении разделяет и Ленин, хотя в другой области теории). Основное только намечено. Вообще же метод Маркса надо изучать по его применению к конкретным исследованиям. Но насколько это возможно и легко в сфере экономики и социологии, настолько трудно в области философии и естествознания, потому что Маркс не занимался конкретными исследованиями в области точных наук.

Маркс не успел даже, как он писал в одном письме к Энгельсу, «изложить на 2—3 листах на доступном человеческому рассудку языке все то ценное в области диалектики, что открыл Гегель и что он сам же затемнил». Даже эту работу в два—три печатных листа Маркс не успел нам дать. И тем не менее основы диалектического метода, более систематически изложенного Энгельсом в «Анти-Дюринге», мы от Маркса получили.

Теперь посмотрим, что мы находим у Ленина в этой области. Но я должен предварительно сделать следующее важное замечание общего характера. Ленин в области теории никогда не дублировал Маркса, когда то или иное исследование у Маркса было доведено до конца. Разделение труда между этими двумя гениями в области теории происходило таким образом, что Ленин целиком использовал результаты теоретических исследований Маркса там, где этих исследований было достаточно для его практических целей. Опираясь здесь на Маркса, он высвобождал себе время для других задач, в том числе для конкретных исследований. Там, где Ленин находил у Маркса только зародыши теории в той или иной области, лишь наброски, он развивал самостоятельно эти наброски дальше, превращал их в целую систему взглядов, с присущей ему скромностью приписывая основное здесь Марксу, а не себе.

Наконец, в тех случаях, когда Ленин должен был строить заново, он, обыскав Маркса и ничего не найдя, принимался за эту новую стройку, постоянно проверяя верность применяемого им метода.

Что касается метода диалектического материализма, то Ленин полностью усвоил этот метод в том виде, в каком он нашел его у Маркса и Энгельса, и очень подозрительно относился ко всяким попыткам углубить или дополнить этот метод. Он блестяще применил этот метод в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм», нанося сокрушительные удары философии эксплоататорских классов—старому и новому идеализму. Ленин не дублирует здесь исследования в области метода, он считает, что Маркса и Энгельса здесь надо не углублять и поправлять, а верно понять и уметь правильно применять их метод к исследованию нового материала. Здесь крайне характерно одно различие между Марксом и Лениным. Маркс вышел, если так можно выразиться, из классической немецкой философии, преодолевши эту философию. Он усвоил все наиболее ценное у Гегеля и Спинозы, но в то же время чрезвычайно много усвоил и у других философов, отбрасывая, разумеется, все то, что противоречило основам диалектико-материалистического мировоззрения. Если мы проследим влияние классической философии на Маркса, то даже в его экономических работах мы найдем много таких оборотов,

которые прямым путем ведут к Канту и Гегелю. Из одного «Капитала» я мог бы привести с полдюжины таких мест, которые, употребляя выражение самого же Маркса по другому поводу, можно было бы назвать родимыми пятнами немецкой классической философии. Ленин, наоборот, с самого начала берет за основу Маркса; он не начинал с классической немецкой философии. Старика Гегеля он читал и перечитывал после Маркса, так сказать, по рекомендации последнего. Он изучает Маркса, преодолевает в том смысле, что полностью его усваивает и продолжает дальше его работу.

Следующий вопрос—применение метода диалектического материализма к исследованию общественных явлений, т.-е. вопрос об историческом материализме. Исторический материализм — это диалектический же метод, но примененный к исследованию общественных процессов и требующий, благодаря этому, известной модификации применительно к особенностям самого материала исследования. Прежде всего нужно сказать, что и здесь Маркс не дал исчерпывающе полного изложения этого метода в специальном труде. Предисловие к «К критике политической экономии», где изложен этот метод, является классическим по точности и концентрированности языка, но оно чрезвычайно кратко. Но здесь есть уже большой плюс по сравнению с тем, что Маркс дал в области общего философского метода. Кроме того, Маркс, как социолог, дал нам теорию классового общества вообще и прежде всего конкретно теорию капиталистического общества, как экономист— теорию капиталистического хозяйства. Следовательно, мы имеем здесь у Маркса не только формулировку метода, но и ряд конструкций на основе применения этого метода.

Теперь посмотрим, как относятся работы Ленина в этой области к работам Маркса. Ленин мало писал по методологии исторического материализм (см. его статью в Энциклопедическом словаре Граната). Ленин сознательно не желал дублировать здесь Маркса. Напротив, он считал своей задачей здесь защищать революционный марксизм от нападений со стороны классовых противников пролетариата и применять этот метод к определенным конкретным исследованиям. Он считал, что и эту область марксистской теории надо правильно понять, правильно применять, а не исправлять и обновлять. А насколько он, Ленин, правильно понял этот метод, насколько правильно применял и насколько верен самый метод, для этого есть доказательства. Верность каждой теории проверяется на практике. Об этом неоднократно и Маркс, и Энгельс, и многие действительно революционные марксисты говорили. На практике ленинизма произошла в историческом масштабе изумительная

проверка правильности метода исторического материализма. Руководясь именно методом исторического материализма в классовых боях, применяя к делу именно свое понимание этого метода, Ленин одержал величайшие из своих тактических побед на протяжении трех революций и тем на опыте доказал превосходство своей теории, теории правильно понятого исторического материализма, над буржуазными теориями общества.

Теперь я перехожу к построениям Маркса на основе метода исторического материализма. Разумеется, т.т., не случайным является тот факт, что Маркс нашел нужным основную формулировку метода исторического материализма поместить в виде предисловия к «К критике политической экономии», т.-е. к своей первой крупной экономической работе, которая являлась прелюдией к «Капиталу» и начинала собой исследование исторически-конкретного, т.-е. капиталистического, общества и его закономерностей. Здесь связь абсолютно не случайная, потому что исторический материализм, примененный к исследованию общества, дает целый ряд построений, вскрывающих внутреннюю закономерность структуры и развития данного общества. Метод исторического материализма, примененный к анализу капиталистической экономики и ее закономерностей и пополненный абстрактно-аналитическим методом, которого требует своеобразие самого материала исследования, да лнам амрксову политическую экономию. В «Капитале» нам дан анализ капиталистической системы хозяйства в период ее развития, в период ее равновесия и, в общих чертах теории, гибели капиталистического общества.

Рассмотрим этот момент у Ленина. Будем говорить о двух вещах: с одной стороны—о теории капиталистического хозяйства, а с другой стороны—о теории капиталистического общества. Что мы имеем здесь у Ленина? Следуя своей привычке не дублировать Маркса там, где исследования у Маркса в основном доведены до конца, Ленин здесь поступает следующим образом. Поскольку ему предстояло дать анализ отрезка капиталистического же общества, анализ капиталистических отношений России и, прежде всего, аграрных отношений, он не дублирует Маркса в сфере общей теории. Основные конструктивные идеи из области теоретической экономии он целиком берет у Маркса (теории ренты, накопления и кризисов, капитализации земледелия и т. д.) и применяет эти основные конструктивные идеи к исследованию того капитализма и таких областей капитализма, с которыми мы имели дело в нашей конкретной российской обстановке. Если мы возьмем «Развитие капитализма в России», затем все работы Ленина, посвященные критике народ-

ников, затем его теоретические работы, посвященные борьбе с критиками Маркса, то мы увидим, что здесь Ленин последовательно придерживается своего основного правила—не дублировать Маркса там, где на него можно целиком опереться, защищать его, вести конкретные исследования по теоретическим схемам Маркса.

Но обстоятельства меняются в корне с того момента, когда капиталистическое общество вступает в период своего упадка, когда в нем начинают проявляться новые закономерности, которые не свойственны капитализму, находящемуся в состоянии равновесия, которые не свойственны капитализму в период свободной конкуренции и которых не мог наблюдать Маркс. Здесь Ленин приступает к работам, которые коренным образом отличаются от его конкретных исследовательских работ, в основе которых лежит теория капиталистического хозяйства Маркса. Здесь как самый анализ, так и основные конструктивные идеи и основные выводы являются новыми. Возьмем его работу об империализме. Исследуя законы развития и законы упадка монополистического капитализма, Ленин устанавливает колоссальной важности факт, что закон стоимости в период монополистического капитализма ограничивается и искажается благодаря ограничению капиталистической конкуренции внутри страны. Он здесь проводит анализ по отношению к такому материалу, которым Маркс оперировать не мог, потому что не мог наблюдать закономерностей капиталистического общества периода упадка.

Если мы под этим углом зрения просмотрим также все, что относится к социологическим работам Маркса, посвященным этому периоду капитализма, то мы увидим, что здесь Ленин, как социолог, не мог уже целиком опереться на эти работы, потому что Маркс исследовал капиталистическое общество, исследовал классовую борьбу в капиталистическом обществе в условиях относительного равновесия буржуазной системы. Ленину приходится исследовать не только капиталистическое хозяйство в эпоху начинающегося его упадка и распада, но ему приходится исследовать капиталистическое общество в целом в эпоху его упадка. Поэтому теорию классовой борьбы, которую он целиком воспринял у Маркса, ему приходится обогащать целым рядом новых построений. Это относится также и к теории государства. Возьмем книжку Ленина «Государство и революция», где автор упорно предпочитает выдвигать на первый план Маркса и Энгельса, а сам себя отодвигает на задний план. Почему все приводимые им отрывки из Маркса выступают перед нами в каком-то новом свете, почему вырастают в законченную теорию, более глубокую и стройную? Дело здесь

не только в гениальности автора, а и в том, что Ленин наблюдает все факты с иной исторической высоты, с точки зрения другой эпохи. Ленин дает анализ государства, и в том числе капиталистического государства, в период начинающегося развала всей капиталистической системы. Ему здесь делается ясным то, что не могло быть достаточно ясным Марксу в период жизни и деятельности последнего. Ленин, как социолог, делает новые построения по сравнению с Марксом только потому, что человечество вступило в новую эпоху, эпоху новых закономерностей.

Перейдем теперь к экономике, к экономике не только периода упадка капитализма, но и к той экономике, которая вырастает на основе победы пролетарской революции. Теория выхода из капитализма есть теория пролетарской диктатуры. Вопрос о пролетарской диктатуре у Маркса ставится впервые после 1848 года. Тов. Рязанов в одной своей работе показал, что идея пролетарской диктатуры возникает у Маркса после кровавой неудачи парижских рабочих в 48 г. К этому же времени относится и идея диктатуры у Бланки.

Другим событием, которое толкало Маркса к углублению и развитию его взглядов на диктатуру пролетариата, был опыт Парижской Коммуны. Но эти обе попытки пролетариата прорвать кору капитализма представляли из себя слишком недостаточную экспериментальную базу для создания законченной теории пролетарской диктатуры и теории перехода к социализму.

Гений Маркса дал в деле обобщения этого опыта максимум того, что об'ективно мог дать. Но то, что он дал, есть только гениальный прогноз самого общего характера.

Наоборот, Ленин жил в эпоху распада капитализма, в период начавшихся пролетарских революций, в период победы и укрепления диктатуры пролетариата в огромнейшей стране мира.

Он не только наблюдал борьбу пролетариата, взрывающего капиталистическую систему, и руководил этой борьбой, но и мог наблюдать новые формы классовой борьбы, неизвестные Марксу: классовую борьбу рабочих с буржуазией в форме борьбы двух классово-противоположных государств, классовую борьбу в форме социалистических войн, классовую борьбу в форме «мирной» внешней политики пролетарского государства и т. д. Разумеется, для теоретического обобщения всего этого грандиозного опыта Ленину пришлось почти заново построить и теорию пролетарской диктатуры и теоретические предпосылки пролетарской тактики.

Теперь я перехожу к экономике. Я уже сказал, что Маркс дал нам здесь, кроме метода, теорию капиталистического хозяйства, что он не мог дать нам ничего больше, если хотел оставаться на почве научного коммунизма. Что же касается теории нового общества, т.-е. теории новых закономерностей, то некоторые новые закономерности Маркс мог предвидеть лишь в самой алгебраической форме. Мы можем найти у него десятка два мест, которые показывают, что он продумывал все эти вопросы, поскольку ему методологически было необходимо мысленно преодолеть буржуазное общество, чтобы лучше понять и лучше описать особенности самого капитализма. Но во всяком случае все эти мысли о будущем обществе у Маркса не связаны вместе в законченное целое, это были скорее для него рабочие гипотезы.

В другом положении был Ленин. Экономические работы Ленина резко делятся на две части — те работы, которые были посвящены капиталистическому обществу периода его развития, где он пользовался основными конструктивными идеями Маркса, и затем его работы, которые посвящены закономерностям новой экономики, складывающейся после революционного выхода из капитализма при диктатуре пролетариата. Ему приходилось конструировать первые представления о реально рождающемся социалистическом обществе и делать прогнозы насчет путей его дальнейшего развития. То, что дал Ленин в области теории новой экономики, то, что носит общий и принципиальный характер, мы должны уметь отделить от лозунгов текущего дня, которые давались под давлением данной минуты, данной обстановки. Общие мысли Ленина о новой экономике в крестьянской стране и общие мысли о новой экономике в о в с я к о й с т р а н е, переходящей к строительству социализма, сосредоточены у него в ряде его статей, речей и брошюр, из которых самая большая по размеру брошюра «О продналоге» занимает всего каких-либо 40 страниц. Все это по своему об'ему и по системе изложения очень непохоже на «Капитал». Однако основной капитал ленинского наследства в этой области имеет огромное всемирно-историческое значение по глубине и новизне своего содержания. Столь не похожие внешне на «Капитал» Маркса экономические работы Ленина являются прямым продолжением «Капитала». Они дают на основе того же метода, на основе того же общего мировоззерцания и с точки зрения того же самого революционного класса анализ закономерностей, но только не капиталистического, а послекапиталистического хозяйства. Ленин рассматривает здесь не только чисто экономические вопросы, но вопросы увязки экономики с политикой, вопросы воспитания нового поколения, вопросы культуры и т. д.

Дальше, поскольку дело идет о теоретическом исследовании не только новой экономики, но и всего нового советского общества в целом, то Ленин выступает здесь в качестве первого социолога этой новой системы общества. Наше советское общество — это система, в корне отличная от буржуазного общества не тем, что у нас нет буржуазии, а тем, что буржуазия играет в нем совершенно другую роль. У нас нет помещиков, буржуазия действует под контролем пролетарского государства, и равновесие всей системы зависит от взаимоотношений пролетариата с крестьянством (а следовательно, и от взаимоотношений крестьянства с новой буржуазией). Теоретическая заслуга Ленина, как социолога, состоит в том, что он вскрыл основы и внутренние закономерности общества нового типа, что он впервые оценил роль крестьянства не только до, но и после завоевания власти пролетариатом и гениально охватил те особенности во взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства, которые характерны для переходной эпохи к социализму. Отсюда и ряд ценнейших тактических выводов, на которых я здесь не останавливаюсь, чтобы не отклониться от темы.

Необходимо далее указать на огромную роль, которую играет в теоретических взглядах Ленина национальная проблема. Еще Фурье указывал на то, что европейская наука занята теориями, применимыми лишь к цивилизованной части человечества и игнорирует большинство людей, населяющих землю. Маркс высказал ряд ценных мыслей о роли народов, угнетенных капитализмом, в частности в связи с ирландским вопросом. Но это все были лишь зародыши той гениальной системы мыслей о колониях и угнетенных буржуазией народах, которую развил Ленин. Без преувеличения можно сказать, что Ленин не только впервые поставил правильно перед политикой пролетариата проблему колоний, но и открыл для теоретического исследования большинство человечества. Ленин впервые стащил теоретическую мысль рабочего класса с европейско-американской точки зрения на действительно мировую. Он показал, что пролетариат капиталистических стран не решит своей основной социалистической задачи ни в сфере борьбы за власть, ни в деле строительства нового общества, если не сумеет правильно поставить и правильно и коммунистически разрешить национальной проблемы и проблемы бывших колоний капитализма.

Теперь я перехожу к вопросу относительно теоретических предпосылок марксово-ленинской тактики. Вопросы тактики не входят

в основном в тему моего сегодняшнего доклада, но теоретических предпосылок тактики я должен коснуться. У Маркса был определенный метод при подходе к тактическим проблемам пролетарской борьбы. Этот метод был увязан с методом исследования и с его теорией классовой борьбы. Здесь метод исследования и результаты исследования непосредственно служили делу руководства пролетарской борьбой. Но Марксу приходилось решать иные тактические задачи пролетарской борьбы, чем Ленину. Он занимался преимущественно проблемами революционной борьбы рабочих внутри капитализма, на базе капиталистического общества. Дело шло здесь о длительной организационной и идейной подготовке рабочего класса к борьбе за власть, дело шло о максимально возможных завоеваниях для пролетариата на базе капитализма. Наоборот, Ленину на $^{9}/_{10}$ приходилось иметь дело с проблемами революционного разрушения, сначала царизма, затем капитализма, с проблемами борьбы за власть в масштабе мирового рабочего движения, с проблемами борьбы рабочего класса при диктатуре пролетариата. И хотя Ленин целиком воспринял предпосылки марксовой тактики, этого наследства было для него еще менее достаточно, чем в других областях. Он был создателем целой науки о стратегии и тактике пролетариата. Здесь даже с чисто количественной точки зрения его работы во много раз превосходят все то, что написал когда-либо Маркс по вопросам тактики. Но Ленин записал лишь малую часть того, что мог бы записать. В высокой степени глубокая, разветвленная, сложная система мыслей, лежавшая в основе всех его тактических обобщений и боевых лозунгов дня, находила свое выражение на бумаге и в речах лишь в очень малой степени. По литературным работам невозможно полностью воспроизвести все рабочие гипотезы Ленина, которые он унес с собой в могилу и которыми он пользовался при решении тактических проблем. Несомненно, и целый ряд определенных конструктивных идей и методологических подходов к проблемам, которыми пользовался Ленин, у него не записаны. Он считал их, вероятно, личным делом мастера, рабочими гипотезами, которые для иной организации мозга могут и не годиться. Но именно потому, что Ленин был так скуп на систематические обобщения, огромный интерес и жгучее практическое значение приобретают для нас все обрывки этих обобщений, разбросанные повсюду в его речах и статьях. Их надо собрать и на анализе тактических решений, которые давал Ленин, надо воспроизвести все те теоретические предпосылки, которые были у него при решении этих тактических задач.

Кончаю. В области теории, как и в области практической борьбы, Ленин продолжал работу Маркса. Овладев в совершенстве его методом, он заложил основы для теории нового общества. Этой теории, теории марксизма и ленинизма, также суждено по всей линии победить теорию эксплоататорских классов, как пролетариату суждено разнести до основания всю систему капитализма.

НАУЧНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ БЕЗ ЛЕНИНА.

(Доклад В. П. Милютина).

Перед нами сейчас стоит крайне серьезный вопрос о том, что сделали коммунисты в области теории после смерти Владимира Ильича. Опасность, несомненно, состоит в том, что у нас повседневная практика, повседневная действительность может отвлечь нас от области теории. Более углубленное изучение общественной жизни, философии, естествознания и т. д. может отойти на задний план перед теми задачами, которые сейчас непосредственно стоят перед партией, стоят перед рабочим классом, стоят в развитии революции. Этот уклон к практицизму, несомненно, имеется, и эту опасность партия должна учесть полностью. В. И. писал с подчеркиванием следующие слова, которые мне необходимо напомнить особенно теперь, когда в лице Ленина мы потеряли не только вождя-практика, вождя миллионов, который об'единял энергию масс для ударного действия в определенном направлении, но и теоретического вождя. Ленин писал следующее: «Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией».

И дальше: «Без революционной теории не может быть и революционных действий».

И каждый свой практический шаг,— мы это прекрасно знаем теперь,—Ленин прорабатывал теоретически, научно, и поэтому, когда он вел к определенному действию, к выступлению, когда он производил определенный поворот в политике, это не делалось им под влиянием непосредственного чувства или выводов, основанных на поверхностном наблюдении, а это являлось результатом научной проработки. Поэтому мы и видим, что каждая статья Ленина, каждая его брошюра проникнуты определенной теоретической мыслью.

Такие сложные проблемы, как проблема общественных наук, как проблема государственной власти пролетариата, как проблема экономики переходного периода, проблемы права и т. д., тов. Ленин про-

рабатывал в течение этих годов непосредственного действия, революционной борьбы, гражданской войны, он прорабатывал их и проверял на опыте.

Ленин как в практике, так и в теории намечал определенную твердую линию, при чем практика проверяла теорию, и теория проверяла практику. Это был об'единенный процесс. Поэтому именно он так чутко относился ко всяким уклонам в области теории, в области коммунистической мысли, и со всей энергией, ему присущей, с решительной резкостью он бросался в борьбу против таких уклонов, и он боролся против них с той же решительностью, с какой он боролся на поле непосредственной борьбы с меньшевиками, эсерами и всякими выступлениями направленными против пролетариата. В теоретической области он с беспощадной энергией гнул и гнал всякого, даже своих ближайших товарищей по борьбе, если он видел, что они сбиваются сами и сбивают других на неправильный путь.

Тов. Крицман и тов. Рудаш уже здесь подчеркнули, что Ленин умел, как никто, чисто теоретические исследования, чисто теоретические мысли излагать просто, доступно для широких слоев. Это замечательное искусство, которым, к сожалению, очень мало кто у нас обладает до сих пор, было у Ленина. Ленин мог ясным, понятным языком говорить о теоретических вопросах перед самой широкой массой, и самые сложные мысли он умел излагать таким образом, что они становились понятными для самых широких масс и легко сравнительно усваивались ими.

Он понимал, что ценность теории заключается в том, что она будет существовать не только для узкого круга лиц, а что она должна быть доступна массам.

Вот, товарищи, почему теперь так остро встает вопрос, как у нас проделывается эта работа, трудная, ответственная и важная, без Ленина. Срок годовой, истекший после смерти Ленина, конечно, сам по себе недостаточен для каких-либо окончательных выводов, и, тем не менее, мы должны крайне внимательно отнестись именно к этой области, так как наши недостатки, которые имеются в этой области, сильно будут сказываться и на нашей практике. Победоносную борьбу с буржуазным строем мы можем вести тогда, если мы лучше, точнее и глубже осознаем те общественные процессы, которые сейчас проходят перед нами, если мы лучше, чем буржуазия, будем ориентироваться в них. Это даст нам возможность заблаговременно мобилизовать силы, развернуть их, предвидение даст нам уверенность в действиях, именно то, чего достигал и что давал нам Ленин. Это замечательное предви-

ление событий, которым он обладал и которое сообщало потом ему хладнокровие в действиях, хладнокровие в выводах. Уверенность, когда мы захватили власть, проводили те или иные мероприятия, делали повороты и т. д., была необычайно ценным качеством, так как мы знали, куда и как мы идем. Это тоже преимущество перед буржуазией, которая хуже нас умела учитывать свои силы. Она, несомненно, не учла, наприм., наших сил в Октябрьском перевороте и после Октябрьского переворота. Буржуазные ученые учитывали наши силы так, что мы слетим через 2—3 недели, и видели в Октябрьском перевороте поверхностное явление. Здесь на опыте оказалось, чья теория была глубже.

Наука буржуазная еще господствует в целом ряде областей, но, несомненно, в области методологии, в области общественных наук у нас имеются крупнейшие преимущества перед буржуазией. В этом отношении мы идем впереди буржуазной науки. Конечно, львиная доля во всем этом принадлежит Марксу и Ленину, этим двум гигантам мысли, которые двинули общественную науку так, что поставили ее далеко впереди буржуазной науки.

Оглядываясь на прожитый год, мы видим, что теоретическая работа идет вперед.

Коммунистическая академия произвела подсчет теоретическим работам, произведенным коммунистами как в СССР, так и за границей в 1924 г. Неполные предварительные данные говорят за то, что у нас проделана все-таки довольно значительная работа—600 названий работ. Из них свыше 400 по СССР и около 200 по заграничным партиям. Это указывает нато, что работа в этой области не приостановилась, а идет вперед. Конечно, перечень у нас неполный, затем в него вошли работы описательного и пропагандистского характера. Но что касается характера работ, то надо сказать, что теория марксизма и ленинизма не является «чистой теорией», так, как это понимается обычно буржуазной наукой. Она всегда была вплотную, непосредственно связана и проникнута практикой. Еще Энгельс писал в предисловии к III тому «Капитала», что чистые теоретики в общественном движении имеются только на стороне реакции, поэтому-то они в действительности и не являются теоретиками. Это можно отнести и к теоретикам, и к теориям. У нас среди теоретических обследований жизнь и фактическая действительность всегда должны иметь место. Всегда так должно быть, иначе наша теория была бы отвлеченной, оторванной от жизни и была бы плохой помощницей нам в борьбе. Таким образом, повторяю, эта сводка дает общее представление о том ходе теоретической работы, которая у нас имеется.

Основным в области теоретической работы после смерти Ленина является, прежде всего, использование всего того богатого теоретического наследства, которое осталось после В. И., а затем разработка вопросов ленинизма. В настоящее время, как вы знаете, предприняты первые шаги в этом отношении для издания полного собрания сочинений В. И. и, вместе с тем, перевода их на другие языки, потому что, действительно, наша задача сделать доступным учение В. И. для миллионов, как здесь, в СССР, так и за границей, как на Западе, так и на Востоке. Нужно добиться того, чтобы не только его имя, благодаря его делам, было везде известно, но также нужно, чтобы его мысли, то, чему он учил,—чтобы это также стало достоянием миллионов. Это наша задача, обязанность, наше подспорье в той борьбе, которую мы ведем во всем мире против капитализма.

Эта задача намечена, и первые шаги в этом смысле сделаны.

Второй шаг заключается в популяризации идей ленинизма. Тут мы имеем богатейшую литературу, такие общеизвестные работы, как Зиновьева, Ярославского, Каменева, Яковлева, Попова и т. д., которые в миллионах экземпляров расходятся по стране. Но главная наша работа производилась в сторону разработки основных проблем в области экономики, истории, права и т. д. В области экономики перед нами стоял, стоит и будет стоять вопрос об ориентации в состоянии миров ого капитализма. Мы должны знать, и не только поверхностно, но изучить все изменения, которые происходят внутри капиталистического строя.

Из более крупных работ в этой области я назову работу Бухарина—«Империализм и накопление капитала», работу Осинского—«Мировой кризис сельского хозяйства», делающую серьезный шаг вперед по анализу мирового сельского хозяйства и аграрных отношений в мировом масштабе и хода экономического и общественного развития капиталистических стран. В области русской экономики мы точно также не только не можем удовлетвориться описанием положения, но должны выявлять те изменения в самых основах экономики, которые у нас происходят. Проблема социалистического накопления, проблема блока рабочих и крестьян, проблема производительности труда—эти проблемы являются актуальнейшими и не только чисто практического характера, но и теоретического характера, и в этом отношении наша практика связывается непосредственно, самым тесным образом с нашей теорией. Здесь проделана довольно серьезная работа целым рядом наших экономистов. Таковы работы т.т. Крицмана, Бухарина, Сокольникова, Куйбышева и др.

В области истории мы можем назвать работы Покровского, как наиболее крупные работы по русской истории и изучению современности, и по изучению Октябрьской революции. В области права происходит дальнейшее изучение в работах Гурвича, Стучки, Крыленко и т. д. Наконец, необходимо остановить внимание на области философии. Здесь мы имеем такой журнал, как «Под знаменем марксизма», где разработка философских вопросов проводится серьезно и с достаточной основательностью и четкостью. Наконец, необходимо остановиться на работах Института Маркса и Энгельса, в котором разрабатывается наследство Маркса и Энгельса и вообще ведутся серьезные работы по истории социализма и выполняются ценнейшие работы международного значения.

Таковы положительные достижения в самых общих чертах, но мы должны остановить наше внимание и на тех ошибочных уклонах, которые имеются в коммунистической теории. Учитывая положительные достижения, которые сделаны нами в теоретической области, мы не можем пройти мимо отрицательных сторон. Ошибочные направления в нашей теории (как и практике) имеются. Дело в том, что время, переживаемое нами, является временем, когда непосредственно горячая борьба, наступательная борьба пролетариата несколько ослабела. Такие периоды в истории всегда являлись благоприятными для возникновения и развития ревизионистско-реформистских течений в области революционной борьбы. Всегда в такие периоды начиналось возрождение ревизионистских уклонов. И сейчас мы наблюдаем в известной степени возрождение этой картины. В области философии мы неоднократно останавливались на уклонах заграничных т. т.: Лукача, Корша, которые стараются философию Маркса об'единить с буржуазной философией.

В экономической области мы имеем точно также ревизионистский уклон,—уклон тов. Варги, который старается вместо марксистской, ленинской теории развития сельского хозяйства, теории классовой борьбы в деревне, дать нам мелкобуржуазную теорию, ревизионистскую теорию, когда эти процессы отступают на второй план, когда вместо основного экономического базиса в основу кладется политика текущего дня, благодаря чему страдает и теория, и практика текущего дня.

Наконец, последняя дискуссия с тов. Троцким, как ранее с оппозицией, являлась не только по вопросам тактики текущего дня, но и затронула основные наши теоретические проблемы: проблему механизма революции, движущих сил революции, проблему крестьянства, про-

блему организации партии. Эти вопросы стали на очередь дня. Мимо них партия не прошла, она резко, решительно и определенно на них реагировала и определила как мелкобуржуазные, опасные для коммунистического движения, уклоны. Точно такие же уклоны наблюдаются и среди наших западноевропейских товарищей по вопросу о теории накопления Розы Люксембург, где вопросы развития империалистской политики и характер современного империализма, а также национальный вопрос ставятся в ошибочную совершенно плоскость.

Таким образом, мы видим, что в области теории, коммунистической теории, мы не можем сказать, что у нас все благополучно, что в этом отношении коммунистическая мысль тверда, и уклоны, идущие по пути разложения Маркса и Ленина, у нас не существуют. Нет, они есть, и мы должны на них поглядеть открытыми глазами. Для нас теория не может быть посторонним делом. Она связана у нас непосредственно с практикой, и поэтому этот фронт теоретической борьбы остается для нас серьезнейшим фронтом. Ленин в одном месте подчеркивал мысль Энгельса, что у нас три фронта: экономический, политический и теоретический. Действительно, теория связана тесно с нашим методом и способом борьбы с капитализмом и здесь ослабления ее, сворачивания ее на неверный путь мы не должны допускать.

И в этом смысле, повторяю, истекший год дает нам указания, что не только в нашей практике, но и в нашей теории опасные явления имеются и мы должны провести определенную работу в сторону исправления этих ошибок, в сторону борьбы с этими ошибочными направлениями, решительную борьбу, которой учил нас Ленин и словом и своим собственным примером. Он боролся с уклонами в области теории самым решительным образом и беспощадно рвал даже со своими ближайшими товарищами, если они находились на неверном теоретическом пути. Его книга «Эмпириокритицизм» является великолепным свидетельством этого.

Перед нами лежит в этом смысле определенная обязанность вести такого же характера борьбу, поскольку мы видим опасные уклоны в нашей коммунистической мысли, уклоны в сторону схождения с позиции ортодоксального ленинизма и марксизма на позицию мелкобуржуазных учений.

Теперь нужно остановиться еще на одном пункте, мимо которого нельзя пройти. Сейчас мы с большим удовлетворением можем констатировать, что на смену старому поколению в области теории идут молодые силы, и первые вы-

ступления их показывают, что они идут по правильному пути дальнейшего развития революционной деятельности марксизма и ленинизма, по тому пути, на котором стояли Маркс и Ленин. Если мы просмотрим такие журналы, как «Большевик», «Под знаменем марксизма», «Вестник Коммунистической Академии», то увидим целый ряд новых имен молодых работников в области теории, и их работы показывают, что они всплывают на теоретическую поверхность, что они овладевают научной методологией, овладевают теоретическим багажем и выступают теперь более или менее как самостоятельные теоретические силы. В этом отношении идет определенная смена, которая показывает нам, что опасность ослабления нашей работы в области теории перед нами не стоит. Мне как-то пришлось слушать, не помню от кого, рассказ, что за границей говорят,—ну, что же у вас—все старые коммунисты переработались от перегруженности работой, а смена-то у вас недостаточно теоретически подготовлена. Старое поколение училось и получило свой теоретический багаж путем годов тюремного заключения, когда они могли проходить науку революционного марксизма и могли разрабатывать вопросы в тишине и спокойствии, а смены для них нет и не будет.—А практика нам показывает, что эти надежды наших противников будут разбиты, и теоретические работы, которые имеются в «Большевике» или «Под знаменем марксизма», показывают, что такая смена растет. Но сейчас мы должны подчеркнуть следующее, что сейчас в области теории, особенно в виду того, что с нами нет тов. Ленина, который являлся в области теории для всех таким авторитетом, который любой теоретический уклон мог исправить, указать его неправильности, ошибки, что сейчас эту работу мы можем выполнить только коллективными силами. Только тогда, когда мы к теории привлечем коллективные знания, коллективный опыт, коллективную проработку наших теоретических работ, мы сможем итти по твердому пути. Сейчас вопрос о коллективной работе стоит в более сильной степени, чем раньше. Каждый отдельный работник в теоретической области не может быть огражден от ошибок, но мы меньше будем ошибаться, если мы привнесем коллективные знания, коллективный опыт в его работу. Вопросы теории должны быть сделаны вопросами более массового усилия, чем это было до сих пор. На этот путь мы должны и обязаны вступить, иначе ошибки наших отдельных товарищей будут вырастать в серьезные ошибочные уклоны, направления, с которыми впоследствии нам трудно будет бороться.

В этом отношении здесь в учреждениях, призванных работать над коммунистической теорией, нужно сделать, несомненно, шаг вперед в смысле коллективной проработки теоретических вопросов, и чем более широкие и глубокие пласты будут привлекаться к работе, тем сама теория будет больше связана с действительностью и вместе с этим меньше будет опасности впадать в теоретические ошибки, которые мы имели и имеем до сих пор.

Таков путь, который сейчас намечается. Он диктуется тем, что мы не имеем такого авторитета в области теории, каким был всегда Ленин.

Итак, продолжение разработки вопросов марксизма и ленинизма, с одной стороны, осваивание всего наследства Ленина, с другой стороны, и привлечение к теоретической работе более широких слоев, чем это было до сих пор, взаимная проверка, руководствуясь тем, что на этом фронте мы должны соблюсти ту же последовательность и решительность, как на других фронтах,—таковы задачи, которые сейчас стоят перед нами, именно после смерти тов. Ленина. Коммунистическая мысль работает дальше, идет вперед, имеются уклоны, заболевания, и с ними необходимо бороться, и чем более широкие слои партии мы к этой работе привлечем, тем большие результаты будут нами достигнуты.

ЛЕНИН И ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ.

(Доклад Л. Н. Крицмана).

Товарищи, характерной чертой, отличавшей Владимира Ильича, является его умение подойти ко всякому вопросу не шаблонно, не так, как обычно к этому вопросу подходят. Неверно, если думают, что оригинальность состоит в том, чтобы выдумывать. Нет. Действительность оригинальнее, чем какая бы то ни была фантазия, и подлинная оригинальность состоит в том, чтобы суметь раскусить действительность, разглядеть в ней за поверхностным существенное. Этим даром Владимир Ильич отличался в исключительной степени. Он и в этом отношении является продолжателем Маркса. Всякого, кто читает теперь произведения Маркса, например, «Коммунистический манифест», написанный $^3/_4$ века тому назад, больше всего поражает то обстоятельство, что читаешь, как будто современника, раскрывающего перед читателем современную действительность. Это возможно только потому, что Маркс $^3/_4$ века тому назад, когда то, что развертывается на наших глазах теперь, было еще скрытым, неявным, сумел уловить это и тем самым гениально предвосхитить действительность.

Владимир Ильич также умел вылущить сокровенное зерно действительности, разглядеть за поверхностным существенное, как это умел делать Маркс. Эта способность Владимира Ильича проявилась с особенной яркостью в том вопросе, который является темой моего доклада—о Владимире Ильиче и о путях к социализму—она проявилась и в другом вопросе, который тесно связан с первым и служит к нему подступом, а, именно, в вопросе о роли крестьянства в нашей революции.

В этом вопросе у большинства тех, кто считал себя последователями Маркса, существовал определенный шаблон, вытекавший по видимости как будто из учения Маркса. Но только по видимости, но не в действительности, ибо основное в марксизме—это его метод, т.-е. способ подхода к действительности. Но действительность непрерывно меняется и потому требует каждый раз о с о б о г о применения того могучего и великого метода, который носит название марксизма.

Шаблон этот по отношению к крестьянству заключался в представлении, что по мере развития капитализма все собственники сплачиваются в одну массу, в реакционную массу, которая противостоит рабочему классу, как классу, лишенному собственности, как классу, который должен уничтожить все классы. Отсюда выводилось, что никакой существенной разницы между крестьянством, с одной стороны, и городской мелкой буржуазией и капиталистической буржуазией — с другой — нет. Больше того, что крестьянство, как продукт докапиталистических отношений, еще реакционнее, чем капиталистическая буржуазия. Но этот претендовавший на всеобщее применение шаблон являлся в действительности ни чем иным, как результатом ограниченности тех, кто этот шаблон создал. И притом ограниченности в двойном смысле, ибо он был основан исключительно на опыте западно-европейского рабочего класса, на опыте Англии, на опыте Франции, на опыте Германии и притом в определенную эпоху. Но что представляли из себя эти страны? Это были страны, которые уже пережили свою буржуазную революцию, в которых уже было уничтожено крепостничество, в которых капитал уже господствовал и экономически, и политически, и в которых, действительно, в эту эпоху интересы собственников об'единяли их воедино и противопоставляли их рабочему классу,—классу, лишенному собственности—пролетариату. Но люди, которые выдвигали этот шаблон, как всеобщий для всех стран и для всех времен забывали об ограниченности своего опыта, не принимая во внимание, что Западная Европа не есть весь мир, и что за пределами этой Западной Европы существуют страны, где положение совершенно иное. Страны, где сохраняются остатки крепостничества и где они в известном отношении определяют весь характер общественных отношений. Но шаблон этот был проявлением ограниченности и в другом отношении. Он был приноровлен к определенной эпохе, и к той эпохе, когда капитализм еще развивался и когда промежуточные мелкобуржуазные классы находились не в таком невыносимом положении, в какое они попадают в эпоху распада и крушения капитализма, когда для всего общества уже нет никакого иного выхода, кроме низвержения диктатуры капитала и установления диктатуры пролетариата, обеспечивающей переход к социализму.

Владимир Ильич совершенно иначе подошел к делу. Этой схеме об'единения реакционной массы собственников он у нас в России противопоставил об'единение (союз) пролетариата и крестьянства, т.-е. союз пролетариев и части собственников. Этот выдвинутый Владимиром Ильичем лозунг показывает, насколько он сумел схватить то спе-

цифическое, то особенное, что было в нашей действительности, что можно было выявить только путем не шаблонного применения методов марксизма. Специфичность нашей русской обстановки состояла прежде всего в том, что Россия была страной, где буржуазная революция еще не произошла, где, несмотря на то, что экономически господствовал капитал, еще в огромных размерах сохранялись докапиталистические отношения, где преобладали еще помещики крепостнического и полукрепостнического типа, где существовала власть этих помещиков, царизм. Это обстоятельство и придавало совершенно особенный характер общественным отношениям у нас в России. Специфичность наших условий состояла далее в том, что на ряду с господством помещиков у нас, в России, вне России существовали страны высокоразвитого капитализма, в которых капитал господствовал и экономически и политически. Страны, которые стояли не перед своей буржуазной революцией, уже пережитой ими, а перед своей пролетарской революцией, и где страх перед этой грядущей пролетарской революцией вызывал у капитала боязнь каких бы то ни было социальных потрясений, способных вызвать отклик и у них. В результате иностранный, т.-е. мировой, капитал поддерживал наш царизм. Наши капиталисты, наша туземная буржуазия также не решалась выступить против царизма и в критические моменты поддерживала его. Таким образом, капитал в интересах сохранения капитализма выступал против устранения помех его развитию. А на ряду с этим существовала громадная масса мелкой буржуазии, громадная масса крестьянства, которая на эти остатки крепостничества непрерывно натыкалась и поэтому неизбежно должна была против них выступить.

В результате, крестьянство, которое составляло большинство русского населения, вынуждено было выступить в известном смысле и против капитала, поскольку капитал поддерживал власть помещиков, поскольку капитал, защищая интересы сохранения капитализма, выступал против устранения помех его развития. Свергнуть помещиков крестьяне могли только при наличии руководителя своего движения. Но в этих условиях таким руководителем не могла быть капиталистическая буржуазия, им мог быть только пролетариат. Вот в этом-то и состоял совершенно своеобразный, специфический характер наших общественных отношений. Его уловил В. И. Из него он вывел свою формулу союза пролетариата и крестьянства и открыл, таким образом, действительный путь к русской революции.

В вопросе о переходе к социализму имела место аналогичная история. И здесь существовал определенный шаблон, определенная

схема, по виду как будто марксистская, но в действительности не являющаяся марксистским построением. Она шаблонна, потому что она пытается применить определенные положения, не учитывая своеобразия действительности. Обычная схема пути к социализму выводится из того несомненного положения, что социализм идет на смену капитализму и заключается в том, что переход к социализму возможен только и исключительно через крупное капиталистическое хозяйство. Раньше крупное капиталистическое хозяйство должно повсюду, во всех отраслях, если не до конца, то в основном, вытеснить мелкое докапиталистическое и превратить пролетариат в класс, охватывающий большинство населения, только тогда окажутся налицо об'ективные препосылки социализма, т.-е., только тогда станет возможен переход к социализму. У нас, в России, эта схема приобрела особую прочность, благодаря долговременной борьбе марксистов с народниками, ошибочно принимавшими мелкобуржуазные тенденции нашего полукрепостнического крестьянства (уравнительное землепользование) за тенденции к социализму. Вскрывая утопичность народнических взглядов, марксисты показывали, что община, которую народники принимали за зародыш социализма, носит характер не социалистический, а крепостнический, что крестьянство раскрестьянивается, расслаивается на капиталистическую буржуазию и пролетариат, и что крестьянин становится доступным для идей социализма, когда он перестает быть хозяином и превращается в наемного рабочего.

Марксисты, как показала история, оказались и в этом случае целиком и полностью правы.

Но как раз эта борьба необычайно благоприятствовала укреплению описанной выше схемы.

Однако и эта схема есть схема, на которой лежит печать ограниченности, потому что она основана на учете опыта Западной Европы и притом определенной эпохи. Если мы возьмем Англию, то здесь мы имеем полное господство крупного капиталистического хозяйства. В Германии, во Франции также преобладает крупное капиталистическое хозяйство, и пролетариат составляет большинство населения. Но, если мы возьмем весь мир в целом, то мы найдем целый ряд стран, где главная масса населения связана не с крупным хозяйством, а с хозяйством мелким, хотя полное и безусловное господство в этих странах (как и в мировом хозяйстве в целом) принадлежит крупному капиталистическому хозяйству.

И вот после того, как пробушевала мировая война, после того, как вслед за ней началась пролетарская революция, после того, как она

в СССР победила, после того, как господство помещиков и капиталистов у нас сломили, а крупное землевладение и капитал экспроприировали,—после всего этого встает вопрос: как пойдет дальнейшее развитие? Если предположить, что для мелкого хозяйства пути к социализму заказаны, то в нашей стране, где мы имеем, с одной стороны, находящееся в руках пролетариата крупное хозяйство, а с другой стороны, громадную массу мелкого хозяйства, неизбежны две расходящиеся линии развития: одна линия развития крупного хозяйства к социализму, другая линия развития мелкого хозяйства только к капитализму. Конфликт между этими двумя линиями развития означает тогда при том соотношении между крупным и мелким хозяйством, какое имеет место у нас, постепенное приближение неибежного краха классовой диктатуры пролетариата. Конечно, можно от этой дилеммы освободиться путем вымысла, но гениальность В. И. заключается в том, что он умел найти выход не путем вымысла, а путем анализа самой действительности. Он увидал, что дело обстоит не так, как представляет себе обычный шаблон, что мелкое хозяйство носит в себе противоречивые тенденции, что ему вовсе не свойственно при всех условиях переходить в крупное хозяйство непременно в формах частной собственности, в формах единоличного хозяйства, что в мелком хозяйстве существуют и тенденции к товарищескому об'единению мелкого хозяйства, но при капитализме эти тенденции подавляются или направляются в русло капиталистического развития. Дело, однако, меняется, когда на сцене появляется диктатура пролетариата. Пролетариат создает тогда такие условия, которые усиливают темп товарищеского об'единения мелких хозяйств и ослабляют тенденции к укрупнению единоличных хозяйств. Это не означает, что противоречие между тенденциями мелкого хозяйства исчезает. Но это означает, что противоречие это (хотя оно продолжает существовать и после победы пролетариата) не неизбежно должно привести к конфликту между мелким крестьянским и крупным социалистическим хозяйством, а что, поддерживая те тенденции к товарищескому его об'единению, которые существуют в этом мелком хозяйстве,—пролетариат может, опираясь на эти тенденции, усиливая их, открыть перед мелким хозяйством путь перехода к социализму. И вот это-то открытие пути мелкого хозяйства к социализму и есть то открытие В. И., к которому он пришел, анализируя нашу действительность, не выдумывая, не измышляя того, чего нет, а анализируя то, что имеется в скрытом виде. Мысль о том, что, как писал еще Энгельс, «наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том,

чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели», обогащенная анализом тенденций крестьянского мелкого хозяйства к товарищескому об'единению в условиях диктатуры капитала и в условиях диктатуры пролетариата, стала в руках Владимира Ильича ключом к разрешению труднейшей проблемы революции—о пути перехода мелких хозяев к социализму. Трудность задачи, так же как и у Маркса при анализе капитализма, состояла в том, чтобы найти тенденции развития не тогда, когда они ясны, а тогда, когда они скрыты, не явны, когда их нужно искать. В этом гениальное открытие Владимира Ильича, освещающее тот путь, которым рабочий класс может вести и поведет вперед громадные массы крестьянства у нас, а в будущем и во всем мире.

Обычный шаблон перехода к социализму есть результат узкого и потому неправильного понимания задач пролетариата; шаблон этот, с одной стороны, берет один только пролетариат Западной Европы, а задача в том, чтобы пролетариат Западной Европы связать с громадной массой человечества, значит, с массой мелких хозяев. С другой стороны, шаблон этот берет эпоху органического, беспрепятственного развития капитализма, а не эпоху его крушения. Поэтому те, кто способны лишь на такую шаблонную постановку вопроса, те, кто считают, что путь к социализму лежит и с к л ю ч и т е л ь н о через крупное капиталистическое хозяйство,—те, кто и сейчас рисуют такую одностороннюю и потому неверную картину перехода к социализму,— это мнимые вожди рабочего класса. Это люди, которые опираются на шаблоны и на предрассудки той части рабочего класса, которая замкнута в пределах сравнительно небольшой части земли, эксплоатирующей всю остальную часть земного шара и его население.

Наоборот, Владимир Ильич выступает здесь, как истинный вождь рабочего класса, как вождь, который учитывает всю обстановку движения в целом, всю грандиозность задач пролетарской революции. И именно потому, что Владимир Ильич выступает таким образом, он выступает не только как истинный вождь пролетариата, но как истинный вождь всего человечества.

———————

ЛЕНИН И ЗАДАЧИ МАРКСИСТОВ-ЛЕНИНИСТОВ В ЕВРОПЕ.

(Доклад Л. Рудаша).

Немногие замечания, которыми я здесь ограничусь по поводу этого очень сложного вопроса, разрешимого только путем дальнейшего развития самого революционного движения, претендуют только на то, чтобы отдать дань уважения памяти великого революционного вождя и мыслителя, столь безвременно вырванного из нашей среды в прошлом году. Всякий из нас, когда ему приходится говорить о значении Ленина, должен это делать с чувством величайшей скромности. Герберт Спенсер сравнил однажды наше знание с шаром, поверхность которого всюду соприкасается с морем неведения. Чем больше становится этот шар, т.-е. чем больше увеличивается наше знание, тем больше становится его поверхность—тем больше у нас точек соприкосновения с тем, чего мы еще не знаем, тем больше мы осознаем наше незнание. Так и с Лениным. Он — часть великого революционного движения современного пролетариата. Он громаден, как это движение. И только рука об руку с развитием этого самого движения постигнем мы, в результате долгого процесса, и Ленина, правильнее—ленинизм. Ибо ленинизм жив именно потому, что, будучи тесно связан с революционным движением современного пролетариата, он будет обнаруживать свои глубочайшие и ныне еще зачастую сокровенные богатства именно тогда, когда перед революцией будут вставать новые проблемы, разрешимые только в духе Ленина. Как сам Ленин находил у Маркса все важнейшие вопросы революционного движения—вопросы революционной стратегии («искусство» вооруженной борьбы), крестьянский вопрос, вопросы о государстве и диктатуре пролетариата и т. д.—и вместе с тем подход к их решению (прямое доказательство, что марксизм был и остается ж и в ы м), точно так же и дух ленинизма представляет собою неисчерпаемое, вечно живое наследие, овладеть которым нас научит только сама революция.

Можно было бы думать, что ныне уже все прониклись убеждением, что без Ленина нет более марксизма, и что революционный мар-

ксизм и ленинизм синонимы. Но это не так. Что так называемый «марксисты» в кавычках, что социал-демократические «теоретики» отвергают Ленина, это понятно само собой. Ведь существует не только революционное единство теории и практики, но и контр-революционное единство той и другой. Если первое заключается в неискаженном отражении революционного движения пролетариата и в оплодотворяющем обратном воздействии на него, то социал-демократическая теория отражает, разумеется, контр-революционную роль самой социал-демократии. Тем не менее даже часть социал-демократии находится под влиянием ленинизма, но, конечно, только в том смысле, в каком, по известному изречению Спинозы, свет является причиной как самого себя, так и тени. Так называемое «левое крыло» социал-демократии (в том числе и иные банкроты вроде Пауля Леви и т. д., но в первую очередь «австро-марксисты»—Отто Бауэр, Макс Адлер и т. д.) вплетает многие ленинские идеи—о конкретном значении и классовом характере демократии, государства и т. д.—в свой бессвязный лепет, которым они искажают Маркса и марксизм. Они делают это, ничем не обнаруживая, что черпают из Ленина, и делают, конечно, только для того, чтобы надеть революционную маску на свои контр-революционные теории. Но о ф и ц и а л ь н о все социал-демократические «теоретики» согласны в том, что Ленин, как теоретик, должен быть отвергнут, даже когда как «практика» и «политика» его не то что признают, но и не оспаривают его значения. Что же касается Ленина, как теоретика, то нас, коммунистов, прямо обвиняют в отказе от марксизма на том основании, что мы говорим о марксизме-ленинизме.

Со стороны социал-демократов это понятно. Но что сказать, когда даже коммунистические теоретики вступают на тот же путь? Есть такие коммунистические «теоретики», которые признают Ленина только как практика. Они, разумеется, все время говорят о том, что Ленин был «также» и великим теоретиком. Но если не считать это полупризнание (вернее, мнимое признание), они реально ничем не обнаруживают, что действительно поняли его теоретическое значение. Наоборот, т е о р е т и ч е с к и они попросту проходят мимо Ленина. Один отбрасывает ленинскую теорию земельной ренты, другой доказывает, что правильная теория империализма была дана Розой Люксембург, Ленин же в этой области теоретически не дал ничего нового, а просто принял теорию Гильфердинга; третий относится с пренебрежением к философской работе Ленина.

При таких обстоятельствах является, пожалуй, особой задачей то, что при других условиях было бы излишним: з а щ и т а н а ш е г о

права говорить о ленинизме. Это ведь вовсе не значит, что мы, как утверждают социал-демократы, хотим отбросить марксизм! Уже то обстоятельство, что это бессмысленное утверждение делается как раз теми, кто фактически отказался от марксизма решительно во всем, доказывает всю лживость этого обвинения. Мы подчеркнем здесь только (и мы должны это сделать), что марксизм получил в руках Ленина такое теоретическое углубление, значение которого следует не затушевывать, а, наоборот, выдвигать. Именно Ленин научил нас тому, что каждое историческое явление нужно брать в его конкретном своеобразии. Недостаточно болтать о «демократии вообще»,—решающий, революционный момент заключается как раз в том, чтобы отличить буржуазную демократию от пролетарской. Недостаточно разглагольствовать о «насилии, угнетении» вообще; с точки зрения революционной решающий момент состоит именно в том, чтобы понять различие между угнетением большинства трудящихся капиталистами, и угнетением кучки капиталистов громадным большинством трудящихся. Ленинизм есть историческое явление, как и всякое другое, и я затушую значение, я не постигну своеобразия этого конкретного исторического явления, если обозначу его общим именем «марксизма». Названия и лозунги имеют колоссальное значение: они выражают сущность дела, иногда они являются самой этой сущностью. Название «большевик» не просто название,—большевик это революционер, в наше время—единственный революционер. Название «ленинизм» не просто название; ленинизм есть сущность: в отличие от различных оттенков марксизма он представляет его революционный дух, а вместе с тем и то новое теоретическое содержание, которым обогатился марксизм. Каждый социал-демократический предатель может называть себя «марксистом» (к сожалению, у нас нет средств воспретить ему это),—но ни один из них не назовет себя ленинистом.

Первой задачей революционного марксиста в Европе является поэтому—защита ленинизма (и, между прочим, защита самого названия «ленинизм»). Его защита против правых, но также и против тех из наших собственных рядов, которые расшаркиваются перед Лениным, но не желают его понять, не желают стать ленинистами.

Стать ленинистом означает нечто большее, чем изучать сочинения Ленина. Последнее, как известно, связано в Европе с большими трудностями. Только немногие отрывки доходят туда; большая и важнейшая часть произведений Ленина в Европе неизвестна. Но если бы даже весь Ленин был переведен на иностранные языки, это, конечно,

все еще не было бы ручательством, что он будет действительно понят. Человек понимает не то, что хочет понять, а то, что он может понять. А то, что он может понять, зависит от того, каково его классовое положение. Ленин, как Маркс, будет понят только истинными революционерами. Но и эти истинные революционеры сумеют понять его только тогда, когда выучатся по русски. Я имею, конечно, в виду не изучение русского языка, хотя чем дальше, тем все больше даже знание русского языка будет становиться необходимой предпосылкой для овладения марксистской литературой. В эпоху II Интернационала нельзя было себе представить, что можно быть марксистом, не умея читать по-немецки. Чем дальше, тем все невозможнее будет быть марксистом, не будучи в состоянии следить за русской литературой, или знакомясь с ней только в отрывках. Однако, гораздо важнее другая сторона вопроса. Ученики Ленина должны будут выучиться по русски и в другом отношении, они должны будут не только овладеть русским языком, но и понять, что русская революция есть тип пролетарской революции вообще. Ленин не раз обращал внимание на это. Формы пролетарской революции будут становиться, по мере дальнейшего движения революции, все более разнообразными и гибкими,—русская революция не шаблон, созданный мировой историей для избавления западно-европейского пролетариата от усилий самостоятельного творчества,— русская революция остается все-таки первой пролетарской революцией в большом масштабе, и, как таковая, обнаруживает все основные черты пролетарской революции.

Не подлежит спору—и сам Ленин часто указывал на это (см. например, «О партийной программе», Собрание сочинений, том XIV),— что русское рабочее движение училось у западно-европейского, главным образом, у немецкого. Но с тех пор положение радикально изменилось. Все мировое революционное движение ориентируется теперь на русскую революцию. Тем более должны все раволюционеры-марксисты в Европе ориентироваться на русскую революционную литературу. В России теперь—фокус революционной теории. Россия является ныне той почвой, в которой укоренилась и с каждым днем все больше укореняется революционная теория.

И, что еще важнее, мы можем констатировать тот своеобразный факт, что в Европе поднимают голову те же враги, в борьбе с которыми слагалась русская революционная теория! Как европейский меньшевизм являет те же основные черты, какими он характеризовался на русской почве, так мы видим теперь во многих областях воскресение тех самых теорий, против которых боролся ленинизм и в борьбе с которыми он

стал ленинизмом, стал дальнейшим развитием марксизма. Мы видим те же явления в области теории—внутри и вне нашей партии,—против которых ленинизм должен был вести ожесточеннейшую борьбу, внутри партии и за ее пределами!

В области социологии Ленин дал свою первую великую битву народникам (Михайловскому и т. д.), и здесь одержал он свою первую великую победу. Это была борьба против субъективизма в социологии. Корни субъективизма неуничтожимы до тех пор, пока мы остаемся в мелко-буржуазном окружении. Методологически же субъективизм сводится к тому, что социологи отличают «важные» явления от «неважных», не будучи в состоянии указать твердый критерий для выделения «важных» явлений. В противоположность этому марксизм такой критерий дает: это—производственные отношения. Они-то и есть «важное», все остальное в обществе зависит от этого «важного». Тем самым не только найдена объективная основа общественных явлений и исключен всякий произвол при определении «важных» явлений, в противоположность «неважным», но эта основа признана вместе с тем материально-объективной основой, поскольку производственные отношения зависят от материальных условий производства. А подчеркивать материалистически-объективный момент в противоположность просто объективному, как известно, не только не излишне, но даже очень важно, потому что объективная теория вполне возможна и на идеалистической почве.

И вот именно Ленин яснее, отчетливее и решительнее всех выдвинул против социологического субъективного материалистически-объективный характер марксистской социологии. Между тем как раз субъективистическая социология начинает теперь снова процветать в Европе. Ее главный представитель Макс Вебер, но и Готте, Канторович, Теннис и др. идут теми же путями, не говоря уже о Максе Адлере и др. И даже в наши собственные ряды проникает субъективизм. Начинают с того, что склоняются в сторону хотя и объективной, но не материалистической теории, а кончают открытым идеализмом и (еще решительнее) открытым отрицанием всякой теории.

Борьбу с этим явлением, которую должны будут вести все революционные марксисты в Европе, они смогут вести только в том случае, если будут не только марксистами, но—ленинистами. Ни один химик не станет в наше время излагать свою науку по Лавуазье, ни один не решится пройти мимо последних достижений химии,—точно так же никто не сможет с успехом бороться за марксизм против субъективизма и идеализма, если он не стоит на созданной и разработанной

Лениным методологической основе. Русский суб'ективизм учился в свое время у западно-европейского, но он имел и свои особые черты. Эти в то время особые черты сделались ныне общими чертами суб'ективистической социологии, ибо, как некогда у русских народников, острие европейского суб'ективистического течения в социологии теперь направляется исключительно против марксизма. Возможно ли бороться против этого течения без оружия, выкованного Лениным?

Так же обстоит дело и в области философии; всякий знает, что в Европе философии больше не существует. Недавно, в связи с двухсотлетней годовщиной со дня рождения Канта, неокантианство открыто признало свое банкротство. Философская мысль Германии (а ведь она издавна была страной философии) представляет собою хаотическую смесь самых реакционных и насквозь скептических умствований. То величавое, что некогда характеризовало немецкий идеализм, давным давно кануло в вечность, остался только идеализм.

И здесь снова повторяется то же явление, которое мы отметили выше,—повторяется то, против чего приходилось бороться Ленину: буржуазные философские направления, вернее—отсутствие направлений, проникают и в наши ряды. В философии так же, как в социологии, отбрасывается материализм, и начинается развитие по направлению к идеализму. Знаменосцы этого в Европе нового, в России же давно известного, направления не признают ленинизм «только» в одном этом пункте: в пункте философского материализма. «Ленин не был философом»,—этим, по их мнению, все сказано. За этим скрывается, конечно, то, о чем я упомянул выше: Ленина признают как практика, как политика, но не как теоретика. Известная и как раз самая опасная уловка оппортунистов заключается в том, что они очень радикальны по отношению к чужим странам, но весьма оппортунистичны у себя дома. То же самое и здесь: во всех областях Ленин был великим теоретиком, но каждый отрицает это в своей собственной области!

Из этого положения вырастает вторая великая задача, стоящая перед революционными марксистами-ленинистами в Европе: боевая пропаганда материализма. И именно определенно естественно-научного материализма.

В самом деле, свою вражду к материализму вообще многие прикрывают речами о том, что они только против «грубого», «примитивного», «естественно-научного» материализма. Они не решаются утверждать (впрочем, многие прямо высказывают это), что всякий мате-

риализм есть «примитивное», «грубое» учение; они смотрят не туда, куда метят,—метят же они в материализм вообще.

Благодаря этому именно философская работа Ленина приобретает особенное значение для Европы, даже если бы она не была значительна сама по себе,—значительна, как теоретическое достижение и как орудие борьбы. В теоретическом отношении нужно особенно разработать ту черту, которую Ленин считал важнейшей,—основанную на современном естествознании сторону материализма, т.-е. раз'яснение того обстоятельства, что современный диалектический материализм не перестает быть естественно-научным оттого, что он диалектичен и последовательно проводит материализм также в области общественных явлений. Наоборот: распространение материалистического миросозерцания окажет оплодотворяющее действие и на естественные науки, оно сделает сознательным стихийное материалистически-диалектическое направление естественных наук. Но эта задача сможет быть, конечно, выполнена только тогда, когда марксисты-ленинисты станут уделять больше внимания естественным наукам. Не-меньшей обязанностью является, однако, охранение, как драгоценного наследия, и практической боевой стороны ленинского материализма; философская смута в Европе вдвойне обязывает нас беспощадно выступать и до конца бороться против всякого скрытого или замаскированного идеализма в наших собственных рядах.

Как раз в период, когда революция не движется быстро от победы к победе, сильнее всего опасность, что будут делаться попытки отклонения от строгой линии теории. Мы смело можем говорить о факте ревизионизма по отношению к важнейшим пунктам нашей теории.

Тем более должны все марксисты-ленинисты стараться усвоить себе прежде всего боевой дух, отличающий ленинизм. Чем ближе кто-нибудь стоит к нам, тем беспощаднее должны мы бороться против него, если он проявляет склонность к «ревизии». Ибо «ревизия» означает теперь уже не только ревизию марксизма, но и ревизию ленинизма, как это видно на примере т. Варги, который «ревизирует» Маркса и не замечает при этом, что дословно повторяет те самые теории, с которыми давным давно покончил Ленин.

Все эти задачи могут быть разрешены только в том случае, если мы твердо встанем на почву ленинизма. Дух ленинизма будет с таким же трудом пролагать себе путь в Европе, как дух большевизма вообще. А дух большевизма заключается в первую очередь в том, чтобы

не давать ослеплять себя фразам и идеологиям, а всегда разыскивать об'ективно-материальные корни, скрытые за поверхностью явлений. Великое достижение марксизма состоит ведь, в самой общей форме, в том, что марксизм есть теория, с помощью которой возможно отличить сущность явлений от тех облачений, в которых они выступают перед нами. Своими блестящими успехами ленинизм обязан тому, что он, согласно духу марксистского метода, беспощадно сорвал маски нашей эпохи и явил могучий исторический пример того, как за идеологическими прикрасами открывать самую сущность предмета. Наша высшая задача—охранять и впредь чистоту нашей теории от всякого влияния со стороны буржуазных теорий, всегда грозящего нам в условиях буржуазного окружения, и вооружаться против этой опасности ленинизмом, воинствующим ленинизмом.

О ТЕОРИИ ИМПЕРИАЛИЗМА ЛЕНИНА И ТЕОРИИ НАКОПЛЕНИЯ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ.

(К вопросу о причинах мировой войны).

Введение.

Настоящая работа представляет собою часть подготовляемого к печати труда автора «Причины мировой войны», но часть, приспособленную к самостятельному изданию в свет. К проблемам, затронутым в данной части, особенно к вопросу о причинах мировой войны и о неминуемости гибели капитализма, автор более подробно вернется в других местах в своем труде. Необходимо сделать следующих три примечания.

Первое. Полемические выражения, употребляемые автором в этой работе, относятся исключительно к неудачным сторонникам Розы, готовым писать о чем угодно на свете с ученым видом знатока (и при этом забывающим слова самой Розы Люксембург в ее «Антикритике» о такого рода «ученых»). К самой Розе Люксембург эти слова, конечно, не относятся и относиться не могут; это ясно и из изложения. Ошибки гениальных людей тоже поучительны; но кто из учения гениального человека принимает и упорно защищает его ошибки—тот совсем не поучителен и просто не умен.

Второе. Автор отнюдь не думает отрицать существования торговой конкуренции между капиталистическими державами и погоню этих держав за рынками сбыта. Его цель иная. Он старается доказать, что не этими явлениями, однако, определяется политика этих держав накануне мировой войны; что не эти явления являются наиболее характерными для империалистического капитализма; не они суть главные причины мировой войны. Экспорт капитала и погоня за источниками сырья—вот главные причины лихорадочного вооружения капиталистических стран с конца XIX века, в них следует искать и главные причины мировой войны. Торговая конкуренция, конечно, продолжает существовать и в период империализма, но она не играет больше такой главенствующей роли, как в эпоху, предшествующую империализму.

И, наконец, третье и самое важное примечание. В данной работе автор старается доказать, что экономическое об'яснение империализма, данное Розой Люксембург, не соответствовало конкретной действитель-

ности, что ни колониальной политики империалистических держав, ни самой мировой войны по теории Розы об'яснить нельзя. Остальных теоретических построений Розы Люксембург в ее книге «Накопление Капитала» автор не касается. Это пока не входит в его задачи. Не надо однако забывать, что именно в об'яснении империализма весь гвоздь книги Розы. Вместе с опровержением этого пункта само собой рушится все здание теории накопления Розы Люксембург. Роза сама это прекрасно поняла. Недаром она назвала свою книгу «Накопление Капитала. — К вопросу об экономическом об'яснении империализма».

Теории империализма Розы и Ленина и действительность.

Теория Розы Люксембург о накоплении капитала неоднократно подверглась у нас в России страстной дискуссии. Ее обвиняли в фатализме, телеологическом взгляде на историю и т. д. Все эти обвинения легко опровергались ее защитниками. Между тем, эта теория до сих пор почти не подвергалась проверке на действительных фактах. Как ее сторонники, так и ее противники все время занимались теоретическими спорами, но не проверяли теорию практикой. И получилась такая картина, что один товарищ (Бессонов) даже пытался превратить Ленина в сторонника Розы Люксембург. И только недавно опубликованная предсмертная статья Ленина в «Правде» от 16 апреля 1924 г. «Об охоте на лис», где он определенно заявляет, что Роза ошиблась в теории накопления, доказала всем всю тщетность попытки Бессонова. Между тем, достаточно внимательно проштудировать глубокую по содержанию, но скупую на слова книгу Ленина «Империализм», чтобы убедиться, что взгляды Ленина весьма далеки от взглядов Розы и причины империализма по теории Ленина кардинально противоположны причинам империализма по теории Розы.

Пишущий эти строки, бывший одно время тоже сторонником Розы, задался целью проверить на практике теорию накопления. Он пришел к выводу, что без изучения действительности мы спора не решим.

А проверить теорию накопления есть возможость. Согласно теории Розы, причиной воинствующей политики империализма является погоня капиталистов за некапиталистическим рынком сбыта. Капиталисты не могут реализовать части прибавочной стоимости у себя дома или в других капиталистических странах. Они для реализации этой части прибавочной стоимости непременно нуждаются в некапиталистических слоях населения, главным образом, крестьянства. Колонии и выполняют эту роль. Они являются потребителями товаров, производимых в капиталистических промышленных странах. Этим самым капиталисты получают возможность реализовать всю прибавочную стоимость и, таким образом, могут накоплять. Накопление же есть главная цель капиталистического хозяйства. Погоня за колониями, главным образом, как за рынком сбыта, и есть главная

причина империализма, согласно теории Розы Люксембург. (Накопление, начало главы XXXI).

Ленин в «Империализме» [1]) об'ясняет воинствующую политику империалистических стран след. тремя причинами. Во-первых, экспортом капиталов (но не товаров): во вторых, погоней за источниками сырья. В-третьих, идеологией монополистического капитализма. Он почти нигде не подчеркивает, что колонии нужны капиталистам, как рынки сбыта. Зато он многократно говорит о том, что колонии необходимы, как источники сырья и для экспорта капиталов.

С этого места и решил начать автор свое исследование. Проверить на практике теорию Розы можно только, начиная с этого пункта. Мы же не можем проверить на деле, возможно ли накопление в чисто капиталистическом обществе, т.-е. обществе, состоящем из одних пролетариев и капиталистов. Такого общества нет и не будет, так как раньше, чем оно станет возможным, рабочие в союзе с крестьянами придушат капиталистов и покончат с капитализмом.

Что же нам говорят факты, которые, как известно, еще более упрямы, чем даже те квази-ученые, которые с серьезным видом готовы писать целые трактаты о вещах, о которых они, мягко выражаясь, не имеют никакого представления? Прежде всего, оказывается, что до войны все капиталистические страны (за исключением Северо-Американских Соединенных Штатов, находящихся в специфических условиях) мира имеют пассивный торговый баланс, т.-е. ввозят из-за границы чужих товаров больше, чем вывозят за границу своих собственных товаров. Зато все почти аграрные земледельческие государства имеют активный баланс, т.-е. ввозят меньше, чем вывозят. Так, например, в 1901 году Германия вывозила товаров на 4.431 милл. марок, а ввозила на 5.421 милл. марок. Англия в том же году ввозила на 9.264 милл. мар., а вывозила только на 5.712 милл. мар., Франция (менее капиталистическая страна) ввозила на 3.495 милл. мар., а вывозила на 3.210 милл. мар., Бельгия ввозила на 1.776 милл. мар., вывозила же только на 1.462 милл. мар. В 1913 году Германия вывозила на 10.097 милл. мар., а ввозила на 10.769 милл. мар., Англия вывозила на 10.715 милл. мар., а ввозила на 13.446 милл. мар., Франция вывозила на 5.500 милл. мар., а ввозила на 6.806 милл. мар.; Бельгия ввозила на 4.039 милл. мар., а вывозила только на 2.972 милл. мар. И даже Соединенные Штаты, несмотря на то, что они до войны в значительной степени продолжают сохранять характер земледельческой страны, и их торговый баланс обнаруживает определенную тенденцию к перевесу ввоза над вывозом. Так, в 1901 году экспорт Соед. Штатов равнялся 6.633 милл. мар., импорт же—3.392 милл. мар., т.-е. активный баланс (перевес вывоза над ввозом) равнялся 3.241 милл. мар., т.-е. почти был равен ввозу. В 1913 же году экспорт Соед. Штатов равнялся 10.192 милл. мар., импорт же—7.457 милл. мар., т.-е. активный баланс равнялся только 2.735 милл. марок. Таким образом, он уменьшался не только относительно, но и абсолютно, и внешняя торговля Соед. Штатов все

[1]) Изд. II, глава 6, стр. 67.

больше приближалась к пассивному балансу. Известный экономист Карл Тышка в своей интересной книге «Хозяйственная проблема современных промышленных государств» (на немецком языке) и дает такое определение: «Капиталистическим государством обыкновенно называется такое государство, ввоз которого превышает вывоз; аграрным земледельческим государством называется такое—вывоз которого превышает ввоз».

С точки зрения теории Розы Люксембург должно было быть как раз наоборот. Ведь, если главнейшим затруднением для капитализма является невозможность реализации части прибавочной стоимости, если поэтому капитализм нуждается в некапиталистических слоях населения и во внешнем рынке, то что это значит? Это может означать лишь то, что капиталистические страны производят больше, чем потребляют, т.-е. покупают извне меньше, чем продают за границу. Излишек производства, часть прибавочной стоимости им некуда девать. Ее покупают, реализуют некапиталистические слои населения в колониях. Но ведь в таком случае торговый баланс должен быть активным. Они должны продавать больше, чем покупать. На самом же деле оказывается наоборот. Оказывается, что чем развитее капитализм в какой-нибудь стране, чем меньше в этой стране некапиталистических слоев населения, тем ее пассив (перевес ввоза над вывозом) больше, выше. Но ведь в таком случае перед капиталистическими государствами, главным образом, стоит совсем иная проблема — проблема источников сырья, а не рынков сбыта. Ведь если я, скажем, произвожу больше, чем сам потребляю, тогда передо мною стоит задача, куда девать излишек своего производства. Если же я, наоборот, потребляю больше, чем произвожу, тогда я должен решить задачу совсем другого рода. Я должен найти источник, откуда я мог бы черпать перевес потребления над производством в моем личном бюджете. Или для иллюстрации еще один пример. Если мой доход превышает мой расход, тогда передо мною встает вопрос, куда девать излишек дохода: в сберегательную ли кассу, покупать ли хлебный заем и т. д. Но если мой доход меньше моего расхода, тогда я уже о сберегательных кассах и думать не буду. Куда мне до них? Я буду ломать себе голову, откуда достать, у кого одолжить недостающую мне сумму денег. Конечно, для капиталистических стран и при пассивном балансе существует проблема сбыта. Но главное затруднение в таком случае заключается в источниках сырья. Ленин в своем «Империализме» [1]) приводит следующие слова Шильдера, с которыми и он соглашается: «Можно выставить утверждение, которое некоторым, пожалуй, покажется парадоксальным, именно, рост городского и промышленного населения в более или менее близком будущем гораздо скорее может встретить препятствия в недостатке сырья для промышленности, чем в недостатке предметов питания». А сам Ленин тут же добавляет: «Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем

[1]) Изд. II. стр. 66.

острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний». Так вот в чем главное затруднение капитализма! Сырья ему нехватает, ибо капиталистические страны потребляют иностранных товаров больше, чем производят своих товаров для заграницы. И они поэтому нуждаются в привозном сырье для промышленности и в привозной пище для населения. Это затруднение совсем другого рода, оно как раз диаметрально противоположно затруднению реализации, затруднению, вытекающему из теории Розы.

И это станет для нас тем яснее, если мы примем во внимание слова Маркса, что в международном товарообмене промышленные страны продают свои товары дороже, чем земледельческие. Тогда перевес ввоза над вывозом в капиталистических странах, перевес, о котором нам говорят данные о внешней торговле, станет еще более внушительным.

Нельзя ссылаться тут на случайности или на привходящие обстоятельства. Это явление (пассивный торговый баланс у промышленных стран) почти не имеет исключения. Оно повторяется из года в год. Проверено на опыте десятков стран в течение десятков лет. И в политической экономии оно считается железным, незыблемым законом, так что, как мы видели уже, некоторые экономисты считают этот признак достаточным для определения характера хозяйства какой-нибудь страны.

Это явление — пассивный баланс капиталистических стран — имеет глубокие причины. Конечно, каждый рабочий производит больше, чем потребляет сам, и создает прибавочную стоимость, которая вообще превышает также потребление капиталиста, на которого он работает. Точно так же растет производительность труда. Но капитализм в высших стадиях своего развития вызывает и рост потребления всего населения. Кроме того, весьма важной причиной пассивного баланса капиталистических стран является повышение органического состава капитала — рост основного капитала по сравнению с оборотным. Капиталистические страны не только производят и потребляют, но и накопляют богатства. Размеры фабрик все увеличиваются, растет и величина машин, двигатели становятся все более мощными [1]). Шахты углубляются. Земля покрывается железными дорогами, каналами, мостами, гигантскими строениями, аэродромами, станциями беспроволочного телеграфа, телеграфными и телефонными проводами. Техника изменяет поверхность земли не хуже любой геологической эпохи. Она забирается и во внутренности земли. Там она проводит туннели, подземные железные дороги, разрывает недра земли и добывает металлы и уголь. Земледельческая же страна может вывозить почти весь излишек продукции над ее потреблением. Она не в такой сильной степени нуждается в накоплении богатств, в росте основного

[1]) Средняя стоимость хорошо оборудованного рудника в Германии в 50-х годах XIX в. была около 20 тыс. марок: накануне мировой войны — 20 милл. марок. В 50 лет рост в 1000 раз!

капитала. Наконец, наиболее важной причиной пассивного баланса капиталистических государств является то, что капитализм содействует возникновению многочисленного слоя паразитического населения, не участвующего в создании ценностей. Таковы чиновники, (рост бюрократизма), проститутки, содержатели кабарэ, дач, шоферы автомобилей, служащих для прогулок, артисты, профессора и т. д. («король, поп, солдат, проститутка, профессор» Маркса). Растет также количество торговцев, людей, занимающихся обменом продуктов, но не их производством. Это ясно показал Зомбарт в своей книге «Развитие Нар. Хоз. Германии в XIX веке». А ко всем этим слоям прибавляется еще все растущий слой рантье—стригателей купонов. Достаточно прогуляться по улицам современных больших городов с их бесконечными увеселительными и прочими заведениями, чтобы убедиться в этом. Все эти паразитические слои населения являются, однако, весьма усердными потребителями [1]).

Неумение об'яснить пассивный баланс капиталистических стран является одной из причин ошибки Туган-Барановского, додумавшегося до возможности прекрасного расцвета капиталистического производства без всякого потребления, одного производства ради производства. И находятся же люди, смеющие себя называть марксистами и с пеной у рта защищающие несуразности Тугана!

Есть еще одно явление, противоречащее теории Розы. Это явление менее показательно, оно менее бьет в глаза, но все таки его также никак не об'яснить с точки зрения теории накопления. Это факт недостатка дешевой рабочей силы в промышленных странах и вследствие этого постоянная иммиграция чужих, иностранных рабочих в эти страны. Ведь если теория накопления соответствовала бы действительности, то что должно было бы получиться? А вот что. Так как главное затруднение капитализма, особенно в эпоху империализма, состоит в сбыте части прибавочной стоимости, то это затруднение должно дать себя чувствовать в жизни. А каким образом? Понятно, что следующим образом. Затруднения сбыта должны вызывать безработицу, безработица—отлив рабочего населения за границу. Что же мы видим на самом деле? Как раз обратное явление. Из многих аграрных стран население эмигрирует в промышленные страны. Вот что мы по этому поводу чи-

---

[1]) Необходимо отметить, что это явление—рост паразитизма капиталистического города — начинает все сильнее и сильнее вызывать протесты сельского населения — крестьян. Это движение трудящегося крестьянства против паразитического города, весьма реакционное по своей форме, должно в конце концов стать революционным по существу и помогать пролетариату в его борьбе с эксплоататорами. Лучшее доказательство—Болгария. Крестьянское движение, во главе которого стоял Стамболийский, и ставило своей целью освобождение земледельца от гнета города-паразита. Оно тогда было реакционным по своей форме. Теперь оно идет рука об руку с коммунистами. Настоящие реакционеры—социал-демократы—которые об'являют реакционной всякую борьбу мелкобуржуазных слоев против капитализма, упорно не хотят понимать, что борьба крестьянина против паразитизма новейшего капитализма есть по существу революционное движение и при существовании коммунистического пролетарского движения должно в конце концов привести к союзу между крестьянством и пролетариатом для замены паразитического капитализма продуктивным социализмом.

таем у Ленина: «К числу особенностей империализма, которые связаны с описываемым кругом явлений, относится уменьшение эмиграции из империалистических стран и увеличение иммиграции в эти страны из более отсталых стран с более низкой заработной платой» [1]. Накануне войны мы и замечаем, как падает эмиграция, например, из Германии. Германия становится страной, куда ежегодно иммигрируют сотни тысяч рабочих из России, Австрии, Италии, и откуда ежегодно, несмотря на громадный естественный прирост населения (доходивший в последние годы накануне войны до 800—900 тыс. человек в год), эмигрирует ничтожное количество в 20—30 тыс. человек. То же самое и Франция. Факт эмиграции китайцев и японцев в Америку общеизвестен. Попытки отвести это возражение тем, что накануне мировой войны еще не было затруднений сбыта для капиталистов, так как еще существовало достаточно много некапиталистических стран—эта попытка не выдерживает никакой критики. Ведь затруднениями реализации вызвана, согласно теории Розы, погоня за колониями, это есть главная причина захватнической политики империализма, и наконец, этим же вызвана и мировая война. Если же это так, то эти затруднения кое-где должны были замечаться. Не в эфирном же межпланетном пространстве. А в действительной реальной жизни. Ведь воюют же не за интересы отдаленнейшего будущего, а из-за столкновения конкретных интересов сегодняшнего дня. Если же вместо тех затруднений, которые вытекают из теории Розы, встречаемся с затруднениями как раз обратного характера, то отсюда мы имеем полное право заключать, что теория Розы ничего общего с конкретной действительностью не имеет, что эта теория, следовательно, как и заявляет Ленин, является ошибкой.

Наконец самое важное и самое серьезное. Из теории Розы Люксембург вытекает, и в ее книге это написано черным по белому, что колонии нужны капиталистам, главным образом, как рынок сбыта. Посмотрим, верно ли это, оправдается ли это в реальной действительности. Действительно ли капиталистические державы гнались потому за колониями, что им необходимы были рынки для сбыта товаров своей промышленности? Действительно ли капиталистические страны и принимали все усилия для того, чтобы колонии эту роль свою выполняли? Действительно ли конкуренция при сбыте продуктов индустрии заставляла капиталистов требовать от своих государств все новых и новых завоеваний? Посмотрим, что нам говорят факты, что нам говорят цифры. Какой ответ они нам дают на все эти поставленные нами вопросы?

Если бы колонии являлись, главным образом, рынком сбыта, то совершенно непонятным становится следующее явление, известное всем знакомым с историей колоний и колониальной политикой капиталистических держав в последнее десятилетие XIX и начале XX века. В последние десятилетия накануне войны, почти все колонии были ограждены от товаров своих собственных метрополий (материнских стран)

[1]) «Империализм», гл. 7. стр. 108.

пошлинами. Все правительства, владевшие колониями, принимали всяческие меры для развития в колониях местной промышленности. В то же время почти нигде, ни в одной колонии не существовали льготные тарифы в пользу товаров метрополии. Все товары чужих стран, как метрополии, так и других государств, при ввозе в колонии облагались почти всегда одинаковыми пошлинами. Канада и Австралия, правда, ввели у себя льготные тарифы для английских товаров. Но они это сделали самостоятельно без всякого давления со стороны Англии. Они, ведь, фактически и не являются колониями, в настоящем смысле этого слова. Они доминионы, т.-е. почти самостоятельные державы. Ввели они у себя льготные тарифы по отношению к английским товарам исключительно по своим внутренним соображениям. В английских же колониях, т.-е. в землях, не пользующихся самоуправлением, а находящихся в прямом ведении Англии, льготные тарифы в пользу английских товаров не существовали, и торговля Германии с этими колониями пышно расцветала. Все знают, как Англия дорожит Индией, и какие меры она принимает и принимала испокон веков для охраны путей в эту колонию. Одним росчерком пера Англия могла установить в Индии льготные тарифы для своих товаров, или совсем отменить на них пошлины. Она, однако, этого не сделала. Не существовали льготные тарифы и в колониях других государств, ни в колониях Германии, ни в колониях Голландии, ни в некоторых колониях Франции, и германская торговля с некоторыми французскими колониями развивалась гораздо успешнее даже, чем французская. По теории Розы должно было быть как раз наоборот. Раз колонии нужны, главным образом, как некапиталистические рынки для сбыта товаров промышленных стран, то капиталистические державы не должны были особенно заботиться о развитии в колониях собственной индустрии, не должны были пускать туда на одинаковых правах со своими товарами и товаров из других капиталистических стран; не должны были, наконец, устанавливать для своих собственных товаров пошлин. Они должны были, как раз наоборот, принимать меры, чтобы не допустить в колониальных странах развития местной промышленности. Т.-е. они должны были вести ту политику, которую до эпохи финансового капитализма—до середины XIX века вела по отношению к своим колониям Англия, но от которой она отказалась, как раз в эпоху империализма. Как мы видим, действительность во всем противоречит теории о роли колоний, как рынков сбыта.

Торговля с колониями.

Но пойдем дальше. Посмотрим, какова была действительная роль колоний, как рынков сбыта. И тут, оказывается, новый сюрприз. Конечно, колонии являлись рынком сбыта для капиталистических стран, но это были не только свои колонии, но и чужие. Германские колонии торговали, главным образом, с другими странами, не с Германией. В 1902 г. вся внешняя торговля германских колоний равнялась

ста миллионам золотых марок. Из них на долю Германии приходится около 29 миллионов марок, приблизительно $^1/_3$. В 1912 г. внешняя торговля германских колоний равняется 464 миллионам марок, из них на долю Германии приходится 93 миллиона марок—ровно $^1/_5$. Участие Германии в торговле со своими колониями относительно понижается в то время, как процент участия Германии в мировой торговле повышается. Зато вот в Марокко вывоз германских товаров растет прямо бешеным темпом. Если взять цифры германского экспорта в Марокко в 1907 г. за 100, то рост ввоза немецких товаров в эту французскую колонию выражается следующими числами: в 1909 г. он равнялся 279, в 1910—397, в 1911—445, в 1912—637, в 1913—1060. В абсолютных цифрах экспорт германских товаров в Марокко равнялся в 1909 г. 3,5 миллиона марок, в 1910—4,9 м. м., в 1911—5,5 м. м., в 1912—7,9 м. м., в 1913—13,2 м. м. Французская торговля с Марокко не росла таким темпом и, что особенно замечательно, после оккупации французами Марокко, т.-е. с 1911 г., вывоз немцев особенно быстро растет. Может быть, это беспокоит французов? На словах, может быть, да, на деле—нет. Когда Германия запротестовала против оккупации Марокко французами, первое слово французов было—свободная торговля. «Обеспечиваем вам равные права при торговле в Марокко». Немцы же этим ответом отнюдь не удовлетворились. Мы в дальнейшем увидим, каким языком разговаривали французы с немцами, когда речь шла о другом—об экспорте капиталов. Тогда уступок не было никаких. С первого же слова шли угрозы саблей и пушкой. А вот экспорт немецких товаров в Марокко французов совсем не тревожит. Журналисты иногда и плачутся об успехах этого экспорта. Но мало ли о чем пишут журналисты? Другое дело серьезные люди—люди политики и финансов. Их сон совсем не нарушается успехами германского экспорта в Марокко, и против этого экспорта никакие меры не принимаются.

Но, скажут в ответ,—то Германия. Ее сам бог обидел. Поздно она явилась на колониальный базар, ей достались худшие колонии, самые отбросы. Ее колонии—не пример. И хотя это возражение глубоко неверно (многие германские колонии имели прекрасное будущее и отличалось своими выгодными позициями для торговли, как, например, Киа-Чау), но согласимся с этим возражением. Возьмем тогда Англию, владеющую лучшими колониями в мире. В среднем за 1905—1908 г.г., вывоз Англии в ее колонии кроме Египта, равнялся 32% всего ее вывоза. Может быть, это много. Но посмотрим, какую часть света составляли английские колонии. В английских колониях жило к тому времени около 400 миллионов человек. На всем земном шаре без Великобритании, которая в данном случае в счет не идет, жило около 1.460 миллионов человек. Население колоний Великобритании было немногим больше $^1/_4$ населения всего земного шара, а Англия туда экспортировала немногим больше $^1/_4$ всего своего экспорта, т.-е. на долю английских колоний приходится почти столько же, сколько на долю любой другой части земного шара, имеющей столько же жителей, сколько английские колонии. Если еще принять во внимание, что

многие английские колонии по своему местоположению принуждены были торговать с Англией, так как она ближе всего к ним расположена и имеет величайший торговый флот в мире и лучшие гавани и т. д., то всякие преимущества от политического владения колониями для развития английского экспорта исчезают. Рассмотрим еще несколько цифр. С 1897 г. по 1907 г. английский экспорт в Индию возрос на 74%, германский же—на 150%. И Англия никаких мер против этого не принимает. Ее это ничуть не беспокоит. Ведь ей легко было препятствовать развитию германского экспорта в Индию, хотя бы установлением пошлин, о чем мы уже упоминали. А она упорно ничего не делает. Зато мы скоро увидим, с каким вниманием Англия следила за экспортом германских капиталов. Постройка Германией какой-нибудь железной дороги вблизи (т.-е. вдали—этак на расстоянии 2.000 километров) границ Индии выводит Англию из терпения. Она буквально теряет равновесие. Ее министры начинают страдать бессонницей, и для успокоения их нервов английский флот (в 1904 г.), быстро захватывает Ковейт, турецкую гавань персидского залива, и об'являет ее собственностью английской короны. Но об этом потом. И не только с Индией происходит такой казус. С Южной Африкой дела обстоят не лучше. В 1910 г. Германия ввозит туда в два раза больше товаров, чем в 1898 г., т.-е. чем до завоевания Южной Африки англичанами. Скажут: что же могла Англия сделать? Южная Африка—доминион, почти самостоятельная держава. Так вот другой пример из другой колонии. Торговля Англии с Египтом равнялась в 1884 г. (два года после оккупации Египта англичанами, которая, как известно, состоялась в 1882 г.) 52,6% всей внешней торговли Египта, торговля же Германии равнялась только 0,25% внешней торговли Египта. В 1910 году, 28 лет после оккупации, картина резко меняется: участие Великобритании в торговле Египта равняется всего 40%, т.-е. относительно падает, зато участие Германии достигает уже 8%. Скажут—известное дело: германская конкуренция. Но почему же Англия спокойно наблюдает эту конкуренцию и не ставит ей никаких преград? Ведь с Египтом Англия не бог весть как церемонилась! Сидел же в Египте английский комиссар, без резрешения которого египтяне фактически и глазом моргнуть не смели. Почему же он не принимал никаких мер против германской торговли? Наоборот, Английский комиссар неоднократно советывал египтянам делать заказы в Германии или в Бельгии, так как там товары дешевле. На вопрос изумленных египтян комиссар ответил: «я обязан, по приказу английского правительства, соблюдать интересы Египта, а не Англии». Что же это такое? Или англичане в Египте действительно превратились из бульдогов и агнцев? (К сведению читателей, главнокомандующим войск Англии и фактическим хозяином в Египте, долгое время был такой «ягненок», как лорд Китченер). В Египте англичане владели железными дорогами, хлопковыми плантациями, портами, Суэцким каналом. У них было достаточно возможностей, чтобы бороться против германской конкуренции. Почему же они их не применяли? Пусть горе-защитники теории Розы, вытавшиеся Ленина и даже чуть

ли не Маркса превратить в ее сторонников (вопреки самой Розе даже; см. статью т. Мотылева [1]) в «Вестнике Соц. Академии» за 1923 г., № 4 и статью т. Бессонова в «Спутнике Коммуниста» за июнь—июль 1923 г.), пусть они укажут на те шаги, которые Англия, английское правительство делало для уничтожения германской конкуренции в Египте или в Индии.

А вот если бы германцы захотели строить железные дороги в Египте, если бы они захотели разводит свои хлопковые плантации там, если бы задумали получить концессию на постройку портов в Египте—о, тогда англичане показали бы немедленно свои зубы бульдога. О таких вещах немцы не смели даже мечтать. Это все вещи общеизвестные. И над разрешением этих непонятных явлений буржуазные историки, и экономисты, и специалисты по колониальной политике достаточно ломали себе голову. Накануне войны многие буржуазные ученые также считали, что главное значение колоний заключается в потреблении ими товаров промышленных стран, в развитии внешней торговли метрополии. У них, правда, это не было додумано до конца, как у Розы, их взгляды не так глубоки, как теория Розы. Буржуазная наука поверхностна, в корень она боится заглядывать. Но все-таки и они задумывались над этими странными, как будто, явлениями в колониальной политике капиталистических держав. Для их об'яснения были придуманы разные теории. Некоторые экономисты вообще стали отрицать пользу колоний для капиталистических стран и повторяли слова д'Израэли, что колонии являются жерновами на шее метрополии. Другие экономисты додумались до такой несуразности, которую можно назвать кукушкиной (кукушка, как известно, кладет яйца в чужие гнезда) теорией колониальной политики. Колонии, конечно, важны, как рынки сбыта,—утверждали эти экономисты,—но не свои колонии, а чужие. Свои колонии вызывают страшные расходы по их завоеванию, усмирению, управлению. Они поэтому истощают метрополию. Другое дело чужие колонии. Они расходов никаких не требуют, государственного бюджета не обременяют, зато торговать с ними можно сколько угодно. Лучшее доказательство — Германия. Промышленный расцвет Германии в XX веке и об'ясняется,— говорили эти экономисты,—тем, что у нее так мало колоний. А кот Васька слушает да ест. Капиталистические державы продолжали бешеную погоню за колониями, готовы были вызвать мировую войну из-за какой-нибудь области внутренней Африки. Но в то же время они не принимали почти никаких мер для того, чтобы закреплять колонии только за своими товарами, только за своим экспортом. Наоборот, как выше было уже сказано, они ограждали колонии и от своего ввоза, облагали и свои товары пошлинами, и всячески старались развивать в своих колониях промышленность. Было, правда, время, когда Англия заботилась о закреплении

[1]) Эта статья представляет собою поразительный пример упрощенного понимания духа и задачи II тома Капитала Маркса, понимания, достойного чуть ли не Фэйдиграта (см. биографию Маркса у Мерринга гл. 12, разд. 4). Некоторые правильные замечания по этому поводу в статье т. Лейкина в № 7 «Вестника Комм. Академии».

колоний только за своей торговлей, когда она препятствовала как ввозу чужих товаров в колонии, так и развитию в колониях собственной промышленности. То было в начале и даже в середине еще XIX века. Тогда знаменитый немецкий поэт Грильпарцер в следующих едких стихах изобразил английскую политику: Ihr schwärmt enfzückt mit verklärten Blicken, für die Freiheit der Länder, die ohne Fabriken». («Вы мечтаете восхищенные, с задумчивыми взорами о свободе стран, у которых нет фабрик»). Но это время кануло в вечность. Как раз в эпоху империализма Англия отказалась от этой политики и стала проводить диаметрально противоположную политику. Некоторые буржуазные ученые оперировали этими фактами для борьбы с марксизмом. Не экономические интересы лежат в основе завоевательной политики,—говорили они,— а стремление каждого организма, в том числе и государственного, к господству, к расширению власти. Речь идет не о том, кто будет торговать в колониях, а чей флаг будет там развиваться. Мы в дальнейшем увидим, шла ли в действительности речь о флаге или о нечто более существенном. Но факт остается фактом. С точки зрения теории Розы Люксембург, колониальную политику, которую вели как раз в эпоху империализма капиталистические державы по отношению к своим колониям, никак об'яснить нельзя. Эта политика, с точки зрения этой теории, полна несуразностей. Или, действительно, господа капиталисты не понимали своих интересов???

Развитие мировой торговли в эпоху империализма.

Если верно, что захватническая политика империализма вызвана погоней за колониями, как за рынками сбыта, то обострение империалистических захватнических тенденций в конце XIX столетия и особенно в начале XX столетия, накануне мировой войны, должно об'ясняться затруднениями сбыта товаров, затруднениями во внешней торговле. Между тем, факты говорят, что ничего подобного не было. Как раз, начиная с 90-х годов XIX века, внешняя торговля капиталистических стран процветала и развивалась, как никогда. Одной из главных причин мировой войны является, как известно, конкуренция между Англией и Германией. Между тем, в области внешней торговли эта конкуренция была особенно остра в 70-х и 80-х годах прошлого века. В 1884 г. в Англии была основана империалистическая Лига «Imperial Federation Leagua». Целью этой Лиги и была борьба против свободной торговли в Англии, введение пошлин и таможенное об'единение Англии с колониями. В 1887 г. Англия для борьбы с германской конкуренцией ввела знаменитый закон о фабричных марках, о «Made in Germany (сделано в Германии). 70-е, 80-е и начало 90-х годов XIX века являются годами действительного застоя в английской торговле. Вся внешняя торговля Англии в 1862 г. равнялась 9,1 миллиардам марок; в 1898 г. она равнялась 15,6 миллиардам марок. В течение 36-ти лет внешняя торговля Англии даже не удвоилась. В то время Германия дей-

ствительно побивала Англию. И удивительное дело! Англия тогда не только не думает о войне с Германией. Наоборот. Сейчас уже всем известен тот факт, что в 70-е, 80-е и даже еще в 90-е годы Англия была скрытым союзником Германии. И всячески поддерживала тройственный союз. Последнее предложение о союзе Англия сделала Германии еще в начале XX века. Закон о Made in Germany отнюдь не мешал их политической дружбе. Врагом Англии была тогда Франция. Еще в 1898 г. между Англией и Францией из-за Фашоды (местности в Судане) чуть не вспыхнула война. С конца XIX века торговая конкуренция между Англией и Германией начинает исчезать. Торговые дела Англии начинают улучшаться и скоро становятся блестящими. Лучшее доказательство—следующие цифры об английском экспорте. Он равнялся в миллиардах марок в 1898 г. о-ти, в 1899—6,7, в 1901—7,1, в 1905—8,3, в 1913—13. Вся внешняя торговля Великобритании с 1862 г. по 1900 г., т.-е. за 39 лет, увеличилась всего на 10 миллиардов марок, а с 1910—1912 г., т.-е. за 12 лет, тоже на 10 миллардов марок. В 1890 г. на голову жителя Великобритании приходится 144 марки вывоза, на голову жителя Германии—68 марок. Перевес у англичанина 76 марок. В 1911 г. на голову англичанина приходится 205 марок экспорта, на голову же немца—123. Перевес у англичанина на 83 марки уже. Безработица в профессиональных союзах в Англии была в процентах в 1911 г. 3, в 1912—3,2, в 1913—2,1. В Германии: в 1911—1,7, в 1912—2, в 1913 2,9. С другой стороны, Англия и Германия были между собой теснейшим образом связаны. Германия занимала второе место в английском экспорте (после Индии). Англия занимала первое место в германском экспорте. В 1913 г. Германия экспортировала в Англию на 1438 миллионов марок товаров. Англия в Германию—на 876,1 милл. марок. Английский экспорт во все африканские колонии не равнялся даже половине ее экспорта в Германию. Если же исключить Южную Африку, то экспорт английских товаров в Германию больше, чем в восемь раз, превышал экспорт этих товаров в африканские колонии. Расцвет английской торговли в XX веке, как известно, и является причиной неудачи кампании Чемберлена и империалистической Лиги против свободной торговли в Англии. Правда, по старой привычке о торговой конкуренции Германии в Англии некоторое время продолжали еще говорить и писать, но к концу первого десятилетия XX века и разговоры эти прекратились. Стали говорить не о торговой конкуренции, а о политической. Торговцы, наоборот, были весьма миролюбиво настроены. Воинствующие писатели кричали больше о политической опасности со стороны Германии. Они стремились доказать, что, несмотря на теснейшие торговые узы, связывающие Германию и Англию, война между ними неизбежна из-за политического соперничества, из-за германского флота, милитаризма и т. д. Внешняя торговля Англии развивалась, как никогда, и узы ее с Германией все крепли. Развивалась и торговля Германии. В 1890 г. внешняя торговля Германии равнялась в миллиардах марок 8,2, в 1895 г.—8,1, в 1899 г.—10,3, в 1901 г.—10,4, в 1905—13,7,

в 1913—22,5. Шульце-Геверниц даже доказал, и вполне правильно, что между Англией и Германией установилось своего рода разделение труда, что Англия и Германия друг друга дополняют на международном рынке, что торговый расцвет одной страны немыслим без под'ема другой. Теперь, после мировой войны и 5-ти лет Версаля, многое из прошлого нам стало ясным. Теперь в этом утверждении Шульце-Геверница никто из серьезных экономистов не сомневается. Это доказано застоем в Англии после экономического разгрома Германии. Теперь это стало азбучной истиной. Нет ни одного серьезного экономиста, который бы не утверждал, что безработица в Англии окончательно исчезнет только после экономического восстановления Германии. А между тем, как раз тогда, с начала XX века, политическая вражда между Англией и Германией все обострялась и принимала все более грозные формы. Чем это об'яснить? Пишущему эти строки неизвестен ни один серьезный международный конфликт в течение последних десятилетий накануне мировой войны, который был бы вызван торговой конкуренцией, кроме австро-сербского (Австрия затрудняла транзит сербских товаров, главным образом, рогатого скота и свиней, как этого требовали интересы ее аграриев, в особенности венгерских магнатов). Может быть, сторонники Розы возьмутся доказать, что главной причиной мировой войны и является невозможность для свинопасов Сербии реализации всей прибавочной стоимости?

Если же существовала торговая конкуренция, так совсем между двумя другими странами—между Северо-Американскими Соединенными Штатами и Англией. Правда, и эта конкуренция была не особенно грозная. Но она была куда, куда серьезнее германо-английской. Сев.-Амер. Соединенные Штаты, а не Германия, занимали первое место в английском импорте. Сев.-Ам. Соединенные Штаты почти окончательно вытеснили Англию с канадского рынка. Участие Англии во внешней торговле Канады равнялось 27%, в то время как ее участие во внешней торговле Аргентины равнялось 32%. В последние годы накануне мировой войны американский экспорт в Канаду в три раза превышал английский экспорт туда же. Из суммы ввоза в английские колонии за 1889—91 г.г. Германия занимала 2%, а Соедин. Штаты 9,6%. За 1899—1901 годы Соед. Штаты 14,5%, а Германия всего 3.4%. Всякий, знакомый хотя бы поверхностно с народным хозяйством Англии, знает, какую роль для этой страны играют и играли с начала XIX века рынки Южной и Средней Америки. А Соед. Штаты постепенно вытесняли Англию и оттуда. Вся внешняя торговля Южной и Средней Америки в 1912 году равнялась 12 миллиардам марок. Из них на долю Англии приходится 22%, на долю Германии всего 14%, а на долю Соед. Штатов целых 30%. И проф. Ленц, ссылаясь на подобные факты, восклицает по адресу марксистов: «Что ж, и после всего этого будете утверждать, что в основе политики лежит экономика, а не расовая проблема? Как же вы об'ясните эти факты? Почему Англия дружит с Америкой и воюет с Германией?» Словом, из-за колоний, из-за рынков сбыта, из-за интересов внешней торговли воевать не было никаких оснований.

Пацифизм и социал-оппортунизм.

Социал-оппортунисты во главе с Бернштейном, а отчасти и Каутским, и буржуазные пацифисты придерживались того мнения, что из-за колоний, из-за интересов торговли, воевать не выгодно и не нужно. В то время, как мы, большевики, утверждали, что империализм имманентно присущ теперешней стадии капитализма, что поэтому борьба против империалистической резни бесполезна, если она не ведется против капитализма вообще, социал-оппортунисты и пацифисты были и остаются совершенно другого мнения. Норман Энжель, глава английских пацифистов, выпустил накануне войны весьма интересную книгу: «Великая иллюзия». Эта интересная книга была переведена почти на все европейские языки и разошлась в миллионах экземпляров. В своей книге Энжель с цифрами в руках доказывает не более и не менее, как то, что капитализму милитаризм вовсе не нужен, что война весьма невыгодна для промышленных стран, даже для победителей, что причиной милитаризма и империализма является людское невежество. Надо просвещать людей, доказать им и показать, что война совсем вредное и убыточное дело. Тогда войны исчезнут, как исчезли торговля рабами, сжигание ведьм и тому подобные вредные общественные явления. Такого же мнения был и глава социал-оппортунистов, Бернштейн, и он в своей книге «Английская опасность и немецкий народ» доказывает, что империализм—плод недоразумений, что возможен мирный демократический капитализм, а поэтому необходимо бороться против империализма, а не против капитализма вообще. И Норман Энжель и Бернштейн доказывают свои утверждения с цифрами в руках. В чем же их ошибка? Ведь цифры у них верные, факты правдивые.

Как это ни странно, но приходится сказать, что ошибка у социал-оппортунистов и пацифистов общая с Розой Люксембург. И пацифисты и оппортунисты исходят из того положения, что войны происходят из-за колоний. Колонии же нужны капитализму, главным образом, как рынки сбыта. Т.-е. они исходят из того-же положения, из которого исходит Роза Люксембург. И у них, и у Розы общее об'яснение империализма. Но в то время, как Роза считает это положение неопровержимыми и незыблемыми, в то время как она придерживается того мнения, что капитализм без колоний не может развиваться, что они ему необходимы, как воздух для легких, Норман Энжель, Бернштейн и др. посмотрели на действительность, изучали ее и увидели, что это положение не оправдывается. Отсюда они сделали вывод—капиталисты ошибаются в своих расчетах. Империализм—плод недоразумения и невежества. Колонии совсем уж не так необходимы, как рынки сбыта. Да и для сбыта в них товаров нечего воевать. Это возможно и без войны. Можно торговать и с колониями других государств. И торговая конкуренция капиталистических держав совсем не так уж грозна. Наоборот, торговля промышленных стран процветает. Международный товарообмен все развивается и без особых затруднений. Емкость мирового рынка все расширяется. Затруднения сбыта, бывшие

в 70-е, 80-е и частично еще в 90-е годы XIX века, исчезли. Так зачем же вооружаться? Зачем же готовиться к новым войнам? Зачем тратить миллиарды на армии и флоты? Зачем обременять государственный бюджет этими ненужными и непроизводительными расходами? Давайте просвещать народ, доказывать, что воевать ему не из-за чего. И когда все в этом убедятся, милитаризм умрет естественной смертью без революции, без гражданской войны. Капитализм же останется жить на благо всего человечества, в особенности на благо социал-оппортунистов и пацифистов. Правы ли были социал-оппортунисты и пацифисты? Капиталисты ли не поняли своих задач или социал-оппортунисты не поняли новейшего капитализма? И если социал-оппортунисты ошибались, то в чем их ошибка? В чем кроется причина мировой войны и небывалого расцвета милитаризма накануне войны? Чего не заметили социал-оппортунисты и пацифисты? А не заметили они главного слона—финансового капитализма. Они почти совсем проглядели экспорт капиталов. Они не постигли или не хотели постичь великого значения этого явления в развитии капиталистического хозяйства в эпоху империализма. Они не замечали, что колонии нужны капиталистам не столько как рынки сбыта, сколько как источник сырья, и, что особенно важно, для экспорта капиталов. А это совсем иная песнь—иные слова, иной мотив, иной певец.

Экспорт капиталов и борьба из-за источников сырья.

В книге Ленина «Империализм», издание второе, глава 7-я, страница 72, читаем о третьем признаке империализма по Ленину: «Вывоз капиталов, в отличие от вывоза товаров, приобретает особое значение». На странице 75-й той же книги читаем цитату из Гобсона, с которым Ленин в данном случае вполне согласен: «Новый империализм отличается от старого, во-вторых, господством над торговыми интересами интересов финансовых или относящихся к помещению капитала». Почему экспорт капиталов так важен для империалистических стран? Именно потому, что капиталистические страны больше ввозят товаров, чем вывозят, они нуждаются в такой сильной степени в экспорте капиталов. Ведь платить за товары надо. А чем платить за излишек ввоза над вывозом? Одним и самым важным источником для покрытия этого дефицита и является экспорт капиталов. За капиталы платят проценты, в мало развитых странах даже очень высокие проценты. Все народы мира постепенно превращаются в данников трех—четырех капиталистических держав кредиторов всего мира. Эти державы постепенно превращаются в рантье. Их главными доходами постепенно становятся проценты с экспортируемых капиталов. Ленинская теория империализма действительно об'ясняет нам весь ход мировых событий до и во время мировой войны. Она рассеивает все наши недоразумения, дает нам точные ответы на все наши вопросы, всякие неясности исчезают. Мы не только получаем возможность по мар-

ксистски об'яснить все перипетии международной политики в эпоху империализма, но марксистское об'яснение оказывается единственно возможным, годным, отвечающим на все вопросы.

Почему Англия установила в Индии пошлины на английские же товары? Потому, что английскому финансовому капиталу выгоднее развитие промышленности в Индии, чем в Англии. В Англии до войны капиталы, помещенные в промышленности, давали 5—6, максимум 9—10% дохода, а английские капиталы, помещенные в Индии, давали нередко 30—40%. Джутовые фабрики в Калькутте, принадлежащие англичанам же, давали чуть ли не 50% доходу. Конечно, английским капиталистам выгоднее, если индусы потребляют товары индусской промышленности, чем если они покупают английские. [1]).

Почему Англия в 80-е и 90-е годы враждовала с Францией? Да потому, что тогда, как известно всем и всякому, Франция была единственным конкурентом Англии по экспорту капиталов. Германия тогда капиталов за границу почти совсем не экспортировала. У нее самой их было мало. Поэтому Англия тогда была скрытым союзником Германии, хотя германские товары частично побивали тогда английские. Поэтому Англия поддерживала тройственный союз. С конца XIX века картина резко изменяется. Германия начинает все усиленнее и усиленнее вывозить капиталы. Франция начинает отставать. Тогда Англия поворачивает фронт. Торговая конкуренция ее с Германией, правда, ослабевала, зато интересы их финансовых капитализмов все больше и больше сталкивались. А это дело серьезное. В эпоху империализма интересы вывоза капиталов господствуют, они определяют собой политику капиталистических держав. Германия вывозила с 1902—1914 г. 32 миллиарда франков, Франция же—около 25 миллиардов (у Ленина есть две цифры, правильнее последняя). Англия—38 миллиардов. Это по данным Ленина; по последним же, новейшим данным, развитие шло еще быстрее, и конкуренция Германии с Англией на этом поприще стала все острее.

Так, по некоторым данным, экспорт капиталов из Англии равнялся:

за	1895—1904	—	250	миллионам фунтов
»	1905—1909	—	547	» »
»	1910	—	150	» »
»	1911	—	192	» »
»	1912	—	226	» »

[1]) Почему капиталы в колониях дают так много дохода? В колониях рабочая сила дешевле. Кроме того, накладных расходов куда меньше. Ведь, если перевозить индусский хлопок в Англию, там его перерабатывать и обратно отправлять в Индию, сколько расходов по одной перевозке! Капиталисту ткань, выработанная в самой Индии, поэтому обходится дешевле. Кроме того, в колониях куда дешевле земля, необходимая на постройки. Товары для колонии могут быть и качеством пониже. Население колоний не хочет как избаловано в этом отношении. И еще много причин.

По данным Гобсона за 1914 г. экспорт капитала из Англии в миллионах фунтов был равен:

в 1900—31,2	в 1905—62,8	
» 1901—13	» 1906—104	в 1910—150
» 1902—11,2	» 1907—140	» 1911—192
» 1903—23	» 1908—129	» 1912—226
» 1904—27	» 1909—110	

По другим данным Гобсона эмиссия ценных бумаг в Англии равнялась (в миллионах фунтов стерлингов):

Годы.	Местные.	Иностран. цен. бумаги.
1900	100	32
1901	107	28
1902	75	67
1903	45	64
1904	50	73
1905	48	120
1906	39	82
1907	33	90
1908	50	142
1909	19	204
1910	60	207
1911	26	167
1912	45	165

Из этой таблицы ясно видно стремление капиталов эмигрировать за границу. Англия сама не особенно нуждается в капиталах, и они устремляются в страны, бедные капиталами. Подобную тенденцию мы в дальнейшем заметим и у Франции. По данным Пейша, Англия имела в 1910 г. капиталов: в колониях—1554,15 миллионов фунтов, в чужих странах—1637,7 милл. ф. Дальнейший рост английского капитала выражается, по Пейшу, в следующих числах:

1911—169,2 миллионов фунтов,
1912—212,3 » »
1913—248.2 » »

из них помещено в самой Англии: 134,24 мил. фунтов,
в колониях 224,9 » »
за границей 297,63 » »

Капиталы все больше отливают за границу. Колонии занимают в экспорте капиталов важное место. В них экспортируются почти 50% всех капиталов, эмигрирующих из Англии. В экспорте английских товаров колонии, как мы видели, занимали гораздо менее важное место. На их долю приходилось всего около 32% английского вывоза. Но в последние годы накануне войны английские капиталы все больше уходят в чужие страны. Даже в колониях им становится все теснее и теснее. По данным Эльяшева в его книге: «Англо-германские отноше-

ния» английских капиталов было за границей (в миллионах фунтов стерлингов):

	1896	1910
В колониях:		
Индия и Цейлон	294	430
Австралия	323	395
Африка	339	391
Канада	140	365
В других колониях	33	71
Итого	1129	1652
В чужих странах:		
Соединен. Штаты	315	610
Аргентина	117	292
Бразилия	45	105
Мексика	27	73
Япония	13	69
Чили	29	44
Египет	51	72
Европа	254	151
Китай	26	31
Итого	877	1447

В этой таблице Египет фигурирует как независимая страна На самом деле его следует отнести к английским колониям. Тогда перевес колоний в экспорте английских капиталов станет еще более значительный. Но что наиболее замечательное в этой таблице, так это, несомненно, отлив английских капиталов из Европы. В 1910 г. Англия имеет на 100 миллионов фунтов стерлингов меньше капиталов в Европе, чем в 1896 г. Выгоднее помещать капиталы в странах менее развитых, и поэтому английские капиталы покидают Европу и уходят за океан. По сведениям, приведенным тов. Лариным в его книжке «Америка и война», за 11 лет до войны с 1903 по 1913 г. английскими капиталистами было помещено в Англии 452 мил. фунт. стер., в колониях — 626 м. ф. стерл., за границей — 808 м: ф. стерл.

В течение первых пяти лет было помещено в Англии 217 мил. ф. с. Вне Англии—419 мил. ф. с. В течение последних 6-ти лет в Англии — 235 м. ф. с., вне Англии—1015 м. ф. с. Из них в Турции, Германии, Австрии и Болгарии всего 12 м. ф. с. В железных дорогах Южной Америки было вложено 6 миллиардов английского капитала. Всего накануне войны было за границей, по словам Ллойд Джорджа, около 4-х миллиардов фунтов английского капитала. Эта же цифра называется и многими экономистами и может считаться весьма близкой к истине.

Франция имела меньше капиталов за границей, чем Англия. Накопление богатств во Франции весьма отставало от английского. Ежегодное накопление во Франции равнялось: в 1903—1911 г.г. приблизительно 2 миллиардам франк. в год; с 1903—1911 г.г. приблизительно

3½ миллиардов франков в год. В то же время внутри страны и в промышленности и торговле вкладывалось ежегодно за время с 1891 по 1910 г. около 600—700 милилонов франков. Остальное уходило почти исключительно за границу. По сведениям Гельфриха, накопление во Франции равнялось 2-м миллиардам марок в год, но эта цифра, несомненно, не соответствует истине. Она преуменьшена. По данным Гобсона, эмиссия ценных бумаг во Франции равнялась:

Годы.	Местные.	Иностранные.
1900	51 м. ф. ст.	54 м. ф. ст.
1901	26 »	82 »
1902	12 »	57 »
1903	31 »	94 »
1904	18 »	115 »
1905	35 »	120 »
1906	35 »	168 »
1907	39 »	75 »
1908	29 »	110 »
1909	71 »	100 »
1910	35 »	189 »
1911	32 »	155 »
1912	78 »	123 »

Тут мы видим уже яркий образец государства-рантье, помещающего нередко в пять раз больше капиталов за границей, чем у себя на родине. По сведениям Рорбаха, в 1914 г. Франция имела накануне войны за границей 40—45 миллиардов франков.

Из них в России было около 20 милиардов франков

»	Испании	»	3	»
»	Португалии	»	2	»
»	Италии	»	1,5	»
»	Австро-Венгрии	»	3	»
»	Балканах	»	1	»
»	Турции	»	2,5	»
»	Китае	»	1,2	»
»	Египте	»	1,5	»
»	Южн. Африке	»	1,5	»
»	Южн. Америке	»	4	»

Профессор Эйленбург в своей статье в «Weltwirtschaftliches Archiv» за 1923 г. считает сумму французских капиталов, помещенных накануне войны за границей, равной 50 миллиардам франков.

Совсем иную картину представляет Германия. Ее накопление превосходило накопление Англии и Франции. Оно в среднем равнялось 6—7 миллиардам марок в год (все денежные единицы, приводимые в данной работе, взяты по их довоенному паритету. Одна марка равняется—1,25 франка, 1 фунт равняется—20,4 марок, 1 доллар равняется 4,2 марок, 1 рубль равняется 2,16 марок). В последние же годы накануне войны оно равнялось уже 8—9 млрд. мар. в год. Между тем, вывоз капи-

талов из Германиивзн а чительнейшей степени отставал от английского и не превосходил, если не отставал, французского. Так Кайнс считает, что Германия имела накануне войны за границей всего 1250 миллионов фунтов стерлингов. Гельферих в 1913 г. считал германских капиталов за границей около 20-ти миллиардов марок. По сведениям немецкого «Экономиста», курсовая стоимость бумаг, допущенных на немецкую биржу с 1885—1913 г. равнялась 59-ти милиардам марок, из них заграничных было 11,8 миллиардов марок. С 1910—1913 г. было допущено бумаг всего на 11,2 миллиардов марок, из них заграничных было 1,88 миллиарда. Эйленбург в своей вышеупомянутой статье оценивает все германские вклады и иностранные ценные бумаги в 20 миллиардов марок. Кроме того, Германия имела за границей свои предприятия. Их стоимость не определена. Только в Соединенных Штатах известно, что она равнялась приблизительно 1,5 миллиарда марок. По данным комиссии экспортов все заграничные капиталы Германии накануне войны равнялись 28 миллиардам марок. Как бы то ни было, эмиграция германских капиталов за границу по сравнению с накоплением в Германии весьма отставала от эмиграции английских и французских капиталов. В то же время, как на голову жителя Франции и Англии приходилось иностранных вкладов до 900 марок, на голову немца их приходилось всего до 300—350—400 марок. Франция и Англия имели за границей до $^1/_6$ своих национальных богатств; Германия же—всего $^1/_{15}$ — $^1/_{20}$. Германские капиталы рвались за границу но для них места не было. Германия вынуждена была вкладывать свои капиталы в наименее выгодные иностранные предприятия, да в отдаленных странах, где ее политическое влияние было не особенно сильно. Мы в дальнейшем увидим, к чему это привело. В своей статье в «Zeitschrift für Sozialwissenschaft» за 1915 г. Пауль Арндт приводит следующие данные о немецких заграничных капиталах накануне войны:

Европа в миллионах марок.

Страна:	1897—1906 г.	1907—1914 г.	Всего:
Австрия	797	1.090	1.887
Венгрия	582	1.474	2.056
Босния	85	51	136
Бельгия	2	58	60
Люксембург	23	—	23
Нидерланды	67	3	70
Швейцария	156	138	296
Англия	6	60	66
Дания	523	464	987
Норвегия	61	11	72
Швеция	318	23	341
Финляндия	33	141	174
Россия	3.231	1.042	4.273
Испания	11	3	14

Страна:	1897—1906 г.	1907—1914 г.	Всего:
Португалия	15	—	15
Италия	131	40	171
Румыния	475	513	988
Болгария	91	81	172
Сербия	152	30	182
Турция	353	296	649
Итого	7111	5498	12.632
Америка в миллионах марок.			
Соед. Штаты	3.842	476	4.318
Канада	153	666	819
Куба	147	23	170
Доминго	—	84	84
Аргентина	57	569	626
Бразилия	78	82	160
Чили	76	120	196
Мексика	578	507	1.085
Итого	4931	2527	7458
Азия.			
Китай	336	348	714
Япония	1.290	444	1.734
Сиам	61	—	61
Итого	1.717	792	2.509
Африка.			
Либерия	—	7	7
Марокко	—	82	82
Родезия	—	61	61
Итого	—	150	140
Всего	13.701	9.048	22.749

Тут мы видим, во-первых, что германские капиталы, в отличие от капиталов Англии и даже Франции, помещены в сравнительно развитых странах, т.-е. в таких странах, где доходы с экспортируемых капиталов не так уж высоки. В Европе (исключая Россию и Турцию) помещено около 8 миллиардов капитала из 22 мил., о которых у Арндта имеются сведения, т.-е. около 4/11 всего заграничного капитала Германии были помещены в сравнительно капиталистических странах Европы. Во-вторых, мы из этой таблицы видим замедление германского

экспорта капитала как раз в последнее десятилетие накануне войны. Германским капиталам было тесно, но для них отдушины не было. В то время, как Англия и Франция продолжали усиленный экспорт капитала, Германия должна была отставать, несмотря на то, что накопление внутри Германии во много раз превышало накопление во Франции и даже в Англии. Граф Чернин в своей книге о мировой войне говорит, что национальные страсти угнетенных народов Австро-Венгрии взорвали мир. Это не совсем верно. Национальные страсти угнетенных народов Австро-Венгрии были использованы капиталистами в их борьбе не на жизнь, а на смерть. Мир же был взорван вследствие стремления к экспансии германского капитала, для которого места под луной не оказалось.

Поэтому Германия так страстно отстаивала свою концессию на Багдадскую железную дорогу, поэтому она так упорно защищала свои концессии в Марокко. Это и является, как мы в дальнейшем увидим, и причиной ее стремления к сильному военному флоту. Недостатком экспорта капиталов, быть может, и об'ясняются германские пошлины, которые, как известно, главным образом касались продуктов питания. Германии не так легко было, как Франции и особенно Англии покрывать свой дефицит по внешней торговле доходами с заграничных капиталов. Она вынуждена была поэтому принимать все меры для сокращения ввоза продуктов питания. Этого она достигала двумя способами. Во-первых, развитием внутреннего земледелия, во-вторых, сокращением потребления своего пролетариата. Реальная заработная плата в Германии накануне войны была гораздо ниже, чем в Англии и даже во Франции.

Большую роль в колониальной политике европейских стран играла также погоня за источниками сырья. Ею, главным образом, об'ясняется также вражда между Германией и Францией. В области экспорта капиталов Германия слабо конкурировала с Францией. Франция вкладывала свои капиталы преимущественно в государственные займы; Германия же, на подобие Англии, главным образом,—в промышленные предприятия и транспорт. Германия имела самые богатые в Европе каменноугольные копи; Франция же—самые богатые железные рудники. Германии необходимо было железо; Франции же—уголь. Но нужда в железе не была так остра. Железную руду достать было не так трудно, да и ее перевозка не так много стоит[1]). Зато с углем дело обстоит хуже. Уголь перевозить невыгоднее, чем железо. В течение 1885—1905 г.г. Франция ежегодно переплачивала в среднем на каждую тонну угля на 36% дороже, чем Германия, и на 45% дороже, чем Англия. Средняя цена тонны угля в 1912 г. во франках была: в Англии — 11,25, в Германии — 13,15, во Франции — 15,63. Добыча железной руды в Германии равнялась в миллионах тонн: в 1902 г. — 17,96, в 1905 г. — 23,4, в 1910 г. — 28,7, в 1912 г. — 32,6. Во Франции же добыча руды, включая Алжир и Тунис, равнялась в 1895 г. — 7,9, в 1910 г. — 16,2, в 1911 г. — 18,1, в 1912 г. — 20,7, в 1913 г. — 23,6 миллионов тонн. В то же время потребление железа в 1912 г. в миллионах тоннах равнялось: Германия — 43,5, Франция — только 12,29. Значительную часть своей руды

[1]) На пуд руды необходимо 2 пуда угля.

Франция, за неимением своего угля, принуждена была экспортировать за границу. Экспорт руды из Франции в миллионах тонн равнялся:

1900	0,32	1911	6,17
1905	1,35	1912	8,32
1908	2,38	1913	9,74
1910	4,89		

Из этого экспорта Германия импортировала: в 1912 г. — 2,7 миллиона тонн, в 1913 — 3,8 миллиона тонн. Зато Германия экспортировала в большом количестве во Францию готовые железные изделия. Французская руда жаждала немецкого угля. И эта жажда является главной причиной, почему Франция никак не могла забыть раны, нанесенные ей франкфуртским миром. Россия была разбита Японией, и скоро после этого стала ее политическим другом. Австрия была разбита Германией—это, однако, не помешало ей стать наиболее тесной союзницей Германии. Италия уступила Франции три чисто итальянских области— Ниццу (родину Гарибальди), Савойю и Корсику и все таки была политической союзницей Франции. Одна Франция не могла забыть уступки Эльзас-Лотарингии, двух областей, населенных немцами, хотя и сочувствующими Франции. Франция не могла забыть франкфуртской раны потому, что эта рана все время вновь вскрывалась, так как Франции необходим был германский уголь. И чем больше развивалась французская промышленность, в особенности металлургия, тем жизненнее становилась идея реванша. Война с Германией была необходима не столько для обратного завоевания Эльзас-Лотарингии, сколько из-за угля Саарской области и Рура. Французская же железоделательная промышленность развивалась весьма быстро. Производство стали возрасло с 1903 по 1913 год: в Англии на 52%, в Германии—на 118%, в Америке— на 115%, а во Франции—на целых 152%.

Таким образом мы видим, как теория империализма Ленина об'ясняет нам всю политику капиталистических держав накануне войны и происхождение мировой войны. Почему капиталистические державы бешено гнались за колониями и в то же время не закрывали доступа в колонии товарам других государств? Да потому, что колонии нужны были капиталистам главным образом для помещения своих капиталов и для добычи сырья, а не для сбыта своих товаров. Поэтому и Франция, и Англия, и Германия разрешали другим державам торговать в своих колониях, но ни за что не хотели разрешать им там помещать свои капиталы. Поэтому в последнее десятилетие накануне мировой войны столкновения торговых интересов капиталистических государств не вызвали столько конфликтов, сколько вызвала одна Багдадская железная дорога или концессия братьев Маннесман в Марокко. Поэтому, и именно поэтому, из-за какого-нибудь источника нефти или из-за хлопковых плантаций империалисты готовы были тысячу раз скорее бросаться в драку, чем из-за торговой конкуренции на всех рынках земного шара.

Почему Англия враждовала с Германией и дружила с Соединенными Штатами? Да потому, что Германия делалась конкурентом Англии

по экспорту капитала [1]), Соединенные Штаты же сами в громадном количестве одалживали капиталы у европейских стран, главным образом, у англичан. Не общность языка, не кровные узы являлись причиной дружбы Англии с Америкой, а четырнадцать миллиардов марок английского капитала, которые по Пейшу уже в 1910 г. были помещены англичанами в Соединенных Штатах. Успехи Соединенных Штатов были и успехами английских капиталистов. Англичанам доставалась часть прибылей американцев и поэтому, несмотря на торговую конкуренцию, Англия и не думала враждовать с Америкой.

Экспорт капиталов и экспорт товаров.

На одном собрании немецких коммунистов, на котором автор выступал против теории Розы, один ярый сторонник этой теории заявил, что нелепо делать различие между экспортом капиталов и экспортом товаров, что оба эти явления тождественны, что оба они служат для реализации прибавочной стоимости, что экспорт капиталов происходит в виде экспорта товаров и, наконец, что и сама Роза говорит об экспорте капиталов. Так как подобные невежественные возражения можно ожидать и со стороны некоторых русских товарищей (симптомы некоторые уже имеются) так как с другой стороны, одним из слабых мест «Накопления капитала» Розы и является недостаточное различие со стороны Розы между этими двумя явлениями, то необходимо здесь выяснить этот вопрос. Существует ли связь между этими явлениями? Несомненно. Очень часто (но не всегда) экспорт капиталов

---

[1]) Некоторое значение играла также конкуренция германского торгового флота с английским. Доходы торгового флота Англии помогли ей покрывать дефицит своего торгового баланса. Таким образом значение торгового флота для Англии во многом совпадало со значением экспорта капиталов. Доходы торгового флота Англии равнялись, по сведениям английского торгового ведомства, в 1903 г. 1,8 миллиардам марок. В 1912 г. эти доходы, по сведениям Рорбахa, превышали 2 миллиарда марок. Германия же быстро догоняла Англию. В 1904 г. тоннаж нетто английского парового торгового флота равнялся 8394 тысяч тонн, германского же — 1739 тысяч тонн. В 1909 г. английский тоннаж равнялся 10132 тысяч тонн, германский 2302 тысяч тонн. В 1912 г. английский тоннаж парового торгового флота равнялся 10711 тысяч тонн, германский — 2513 тысяч тонн. В 1913 г. английский тоннаж равнялся 10985 тысяч тонн, а германский — 2832 тыс. тонн. Тоннаж же всего торгового (парусного и парового) флота Англии равнялся 10244 тыс. тонн в 1904 г. и 11882 тыс. тонн в 1913 г. Германский торговый (паровой и парусный) флот за этот же промежуток времени вырос с 2321 тыс. тонн до 3319 тыс. тонн. Из мирового парового флота в 1871 г. приходилось на долю Англии—59%, Соед.-Штатов—1,8%, Германии—3,8%. В 1914 г. доля Германии в мировом торговом флоте достигла 11,3%, Соед.-Штатов — 9,5%, Англии—41,5% (с колониями—45%). Пароходов вместимостью больше 12000 тыс. тонн каждый в 1910 г. было в мире 80. Из них 42 принадлежали Англии, 22 Германии, а 16 всем остальным странам. Крупнейших же пароходов вместимостью больше 40 тыс. тонн было у Германии 3 (Vaterland, Bismark и Imperator), а у Англии всего один (Titanic), и тот тоже пошел ко дну.

Таким образом, торговый флот Германии не только быстро догонял английский, но и в некоторых отраслях даже вытеснял его. Англия сильно боялась потерять свое доходное ремесло мирового извозчика. Об этом свидетельствуют многие дипломатические документы Англии, а также некоторые публицистические работы. К этому вопросу автор более подробно вернется в другом месте.

происходит в виде экспорта товаров, главным образом, машин, рельс. локомотивов и других орудий производства. Обыкновенно экспорт капиталов в какую-нибудь страну вызывает усиленный экспорт туда и товаров той страны, которая экспортировала туда свои капиталы. На это указывает и тов. Ленин в своем «Империализме». Тождественны ли оба явления? Ни в коем случае. Между ними существует большая разница, точнее—три кардинальных различия.

Первое различие. Экспорт капиталов не всегда совпадает с экспортом товаров. Часто экспорт капиталов имеет место в виде экспорта денежного капитала, то-есть уже реализованной прибав. стоимости, и это бывает не только тогда, когда капиталы вкладываются в иностранные займы, но и когда они вкладываются в заграничные промышленные предприятия. Так, многие фабрики и заводы, основанные французами на юге России, были оборудованы немецкими машинами. Поэтому мы встречаем подобные примеры, когда страна, экспортирующая капиталы в какую-нибудь другую страну, совсем почти не экспортирует туда своих товаров. Франция занимала первое место по импорту капиталов в царскую Россию; по импорту же товаров в Россию она занимала одно из последних мест.

Внешняя торговля России в миллионах рублей:

	Экспорт (в миллионах рублей)		
	1902—06 г.	1907—11 г.	1912 г.
в Германию	142	367	453
в Англию	222	278	327
в Голландию	107	157	154
во Францию	66	82	98
	Импорт:		
из Германии	243	397	532
из Англии	103	134	142
из Голландии	50	73	87
из Франции	27	46	56

(Товары, шедшие в Голландию или из Голландии, были почти исключительно германские или для Германии). И Франция не принимала почти никаких мер для развития экспорта своих товаров в Россию. Скажут: то Франция, страна рантье, ее мало интересовала внешняя торговля, она была для нее мало выгодна. И хотя это глубоко неверно, так как ни одна страна не имела такого выгодного экспорта товаров, как Франция (Экспорт товаров тем выгоднее, чем больше труда в них заключается, чем квалифицированнее эти товары. Экспорт фибрикатов поэтому выгоднее экспорта полуфабрикатов; полуфабрикатов—выгоднее, чем экспорт руды. Экспорт муки выгоднее экспорта зерна; экспорт мяса—экспорта скота. Из всех стран Европы Франция экспортировала наиболее квалифицированные товары—предметы роскоши и моды), согласимся, однако, временно, и с этим возражением. Тогда возьмем другой пример. Германия с начала XX века экспортировала, как

известно, громадные капиталы в Турцию (Багдадская железная дорога). Германия имела по некоторым сведениям в Турции в 1913 г. около полутора миллиарда марок. В то же время Германия еще в 1909 г. занимала пятое место во внешней торговле Турции. Германский экспорт в Турцию равнялся в 1910 г.—109 миллионам марок, в 1911 г.—113 милл. марок, в 1912 г.—113 мил. марок, в 1913 г.—98,4 мил. марок. Во внешней торговле Германии Турция занимала одно из самых последних мест. Можно смело утверждать, что Германия не потратила на завоевание турецкого рынка и одной сотой той энергии, которую она потратила на Багдадскую железную дорогу. На турецком рынке господствовали Англия, Франция, Италия, и Германия не делала никаких серьезных попыток для их вытеснения оттуда. Но допустить Англию к постройке Багдадской жел. дороги Германия ни за что не соглашалась. Тут речь шла о жизненных интересах капитала, и разговоры были серьезные. Ошибка Розы Люксембург в том и состоит, что она этого не заметила. Она об'ясняет великое значение Багдадской жел. дороги для Германии именно тем, что благодаря этой железной дороге растет сбыт германских продуктов в Турцию. А это как раз не соответствовало действительности. Третий пример. Северо-Американские Соединенные Штаты. Накануне войны они экспортировали больше всего товаров в Англию и занимали первое место в английском импорте; капиталы же экспортировала, как мы уже знаем, Англия в Соединенные Штаты.

Второе различие. Экспорт товаров не связан с особенно большим риском и поэтому он не вызывает агрессивной захватнической внешней политики в такой сильной степени, как экспорт капиталов. Если какая-нибудь торговая фирма экспортирует в какую-нибудь страну на миллион рублей товаров, то судьбы этой страны не особенно сильно интересуют эту фирму. Если в этой стране вспыхнет революция, возникнут беспорядки, фирма прекратит экспорт своих товаров и будет стараться их сбывать в другом месте. Другое дело, если акционерная компания куда-нибудь экспортирует капиталы, если она строит железные дороги, фабрики, заводы, трамваи и т. д. Тогда судьбы этой страны затрагивают жизненные интересы акционерной компании. В случае революции железные дороги вывозить нельзя, фабрики вывозить нельзя. Железную дорогу можно разрушить, можно национализировать. Наконец, ее доходы тесно связаны с состоянием страны. Поэтому акционерная компания будет прилагать все силы, чтобы ее государство получило эту страну в сферу своего влияния; она будет оказывать давление на внешнюю политику своего государства, заставит ее стать более агрессивной; акционерная компания будет ратовать за усиление армии и флота, дабы в случае чего государство могло бронированным кулаком защищать интересы ее капитала. Норман Энжель вполне прав, опровергая мнение тех, которые усиление милитаризма об'ясняют интересами внешней торговли: «Я—говорит он—тысячи раз присутствовал при торговых сделках; при этом разговаривали о чем угодно: спрашивали о цене, о качествах товара, о перевозке его, осведомлялись о прошлом торговой фирмы. Но никогда я не слышал, чтобы заговорили о разме-

рах военного флота государства одной из сторон, чтобы кто-нибудь, предлагая свои товары, заявил: «мое государство имеет сильнейшую армию в мире, столько то пушек и т. д.». О таких вещах при торговых сделках не разговаривают». И мы можем добавить, что нам также почти не известен случай, чтобы флот содействовал взиманию долгов у несостоятельных купцов Турции, Мексики и других стран. Это все верно относительно экспорта товаров. Другое дело—при экспорте капиталов. Тут уже пример Энжеля совсем не подходит. При получении концессии на постройку железной дороги, на эксплоатацию нефтяного источника и т. д., принимается во внимание каждая дивизия участвующего государства. Тогда речь больше всего и идет о вооруженной силе. И вооруженная сила еще больше нужна после получения концессии для защиты интересов капиталистов-концессионеров. Лучшее доказательство—Германия и Россия. Россия национализировала все иностранные капиталы. Германия в результате проигранной войны и Версальского договора потеряла почти все свои заграничные капиталы. Поэтому капиталы безопаснее всего экспортировать в колонии, а для приобретения и защиты колоний необходимы армия и флот. Поэтому пока Германия не экспортировала капиталов, Бисмарк мог спокойно, по его собственным словам, предоставлять защиту германских интересов английскому флоту. Но когда в Германии образовались свободные капиталы и начался их усиленный экспорт, она вынуждена была с такой силой и энергией взяться за строительство своего военного флота, и Вильгельм заявил—«будущность Германии—на море». Поэтому дальновидная и осторожная Англия экспортировала свои капиталы, главным образом, в колонии или страны, непосредственно подверженные ее прямому влиянию. В последние годы накануне войны экспорт англгийских капиталов в Австрию,, Болгарию и Турцию почти совсем прекратился. Незначителен он был и в Россию. Отсутствие экспорта капиталов является одной из причин того, как будто, странного явления, что накануне войны Северо-Американские Соединенные Штаты, несмотря на свою весьма развитую внешнюю торговлю, имели сравнительно слабый военный флот.

Третье различие. Экспорт товаров в какую-нибудь отсталую страну задерживает ее развитие, мешает прогрессу ее индустрии. Экспорт же капиталов в отсталые страны содействует их развитию и индустриализации. Поэтому буржуазия отсталой страны относится враждебно к буржуазии капиталистической страны, экспортирующей товары в эту отсталую страну и тем самым задерживающей ее развитие. (Отношение русской буржуазии к германской; турецкой к английской). Наоборот, буржуазия отсталой страны относится дружелюбно к буржуазии страны, экспортирующей в эту отсталую страну свои капиталы и тем самым содействующей ее промышленному развитию и расцвету. (Отношение русской буржуазии к Франции, турецкой—к Германии). Двойственное отношение буржуазии Индии к Англии и об'ясняется тем, что Англия экспортирует в Индию не только товары, но и капиталы.

Ленин и теория Розы Люксембург.

Почему же, спросят товарищи, Ленин не выступил против Розы открыто с полемикой. Да потому, что нельзя было. Ленин и Роза принадлежали к одному левому крылу во 2-м Интернационале. Книга Розы Люксембург вышла накануне войны. Ленин написал свой «Империализм» во время войны. Свои взгляды он изложил достаточно ясно, хотя скупо на слова. Он ничего не скрыл. Полемизировать же с Розой, которая вела тогда геройскую борьбу за социалистическую революцию в империалистической Германии, Ленин считал ненужным и вредным для борьбы с империализмом. Однако, прямо недопустима мысль, что на деле то Ленин был на стороне Розы, только он это скрывал и выступал в 90-х годах против теории о невозможности накопления в чисто капиталистическом обществе, потому что считал это необходимым для борьбы с народниками.

Так тов. Бессонов в своей статье: «Теория рынков и тов. Ленин», помещенной в «Спутнике коммуниста» № 23 за июнь—июль 1923 года, пишет: «вывод, который напрашивается сам собою из изучения теории рынков Ленина, гораздо ближе к концепции покойной Розы, чем это принято думать в марксистской среде и чем это думала сама Люксембург. Ошибка в оценке позиции Ленина, на наш взгляд, об'ясняется у Розы тем, что она создавала эту оценку на основе одной только работы Ленина: «К характеристике экономического романтизма». Из всех работ тов. Ленина, посвященных вопросу о рынках, названная имеет наиболее боевое, политическое значение в знаменитом споре с народниками».

Подобное мнение не только свидетельствует о полном непонимании «Империализма» Ленина, но и о непонимании другой стороны вопроса.

По мнению тов. Бессонова, с Лениным случилось то же, что, по мнению оппортунистов и буржуазных ученых, случилось с Марксом: Ленин—революционер, противник народников—победил ученого, и Ленин высказался против теории Розы.

Пора тов. Бессонову знать, что мы—сторонники научного социализма—мы не утописты. Мы, как это заявляет Энгельс, готовы отказаться от любой нашей теории, если об'ективные научные данные докажут ее ошибочность. Ленин против научной истины никогда, ни по каким тактическим соображениям, не выступал. Он в своем «Империализме», написанном в 1916 г., определенно говорит, что теория империализма Розы—не его теория. Он ни разу не упоминает Розы Люксембург, открыто против нее не выступает, потому что тогда время не годилось для полемики с Розой. Были дела поважнее. Ленин вместе с славно й Красной Розой полемизировал тогда против господ империалистов и оппортунистов.

Империализм и протекционизм.

Не противоречит ли однако протекционизм всему вышесказанному? Ведь одновременно с началом эпохи империализма, приблизительно с конца семидесятых годов XIX века, начинается и период усиленного протекционизма.

С семидесятых годов прошлого столетия теория свободной торговли, теория фритредерства, начинает подвергаться резкой критике и начинает сменяться протекционизмом. Одно государство за другим отказывается от принципа свободной торговли в своей экономической политике и переходит к покровительственной системе. Начинает Германия, за ней следуют Франция, Россия, Соединенные Штаты и другие государства. Как же это примирить с тем, что мы только что сказали и как будто доказали? Ведь если империализм не вызван затруднением в сбыте товаров, как это утверждает Роза, а экспортом капиталов и борьбой из-за рынков сырья,—так зачем же нужен был протекционизм? Протекционизм является как будто признаком существования затруднений в сбыте товаров, признаком усиления торговой конкуренции. Из-за торговой конкуренции или из-за облегчения экспорта своих товаров (демпинг) государства вводят тарифы и таким образом обеспечивают внутренний рынок только за своей собственной внутренней промышленностью. Таково, как будто, господствующее мнение о протекционизме, таково как будто общераспространенное об'яснение покровительственных пошлин. Но если это так, тогда права Роза Люксембург, утверждая, что век империализма характеризуется все большими трудностями при реализации прибавочной стоимости. Каким же образом мы только что осмелились утверждать, что в эпоху империализма никакого особого обострения торговой конкуренции не было, а наоборот, последние двадцать лет накануне войны характеризуются небывалым в истории развитием внешней торговли всех капиталистических стран и всей мировой торговли вообще? Но ведь у нас приведены цифры, факты, неужели они подложны?!

Прежде всего два замечания. Первое замечание. Надо различать между протекционизмом в отсталых странах, как например в России, и в Сев.-Амер. Соед. Штатах в 80-х и 90-х годах XIX века и протекционизмом промышленных стран: Англии, Франции и Германии. В отсталых странах протекционизм ничего не доказывает ни в пользу теории Розы, ни против этой теории. Причиной таможенных пошлин в отсталых странах является не затруднение для капиталистов в реализации прибавочной стоимости. Причина кроется в ином. Задача тарифной политики в отсталых странах—защищать слабую, молодую, недоразвитую еще национальную промышленность от конкуренции старой, сильной, хорошо организованной промышленности крупных капиталистических держав. Задача воспитательная, если можно так выразиться.

Второе замечание. Нужно резко различать между приблизительно 20-летним периодом с середины 70-х годов XIX века до середины 90-х годов того же века и другим 20-летним периодом с середины 90-х годов XIX века до начала мировой войны. Иногда оба периода вместе считаются эпохой империализма. Это не совсем верно. Первый период был, если можно так выразиться, предимпериалистической эпохой. Только второй период является уже веком настоящего воинствующего, захватнического империализма. Именно тогда, во второй период, вся Европа разделяется на два враждебных лагеря—Тройственный Союз и Тройственное Согласие. Именно тогда с отчаянной энергией строятся гигантские военные флоты и вооружаются миллионные армии. Только в течение второго периода наступило полное и безраздельное господство финансового капитала; тресты и синдикаты разделили между собой весь мир. Между тем, этот период и характеризуется небывалым расцветом мировой торговли, неслыханным расширением емкости мирового рынка, резким ослаблением торговых антагонизмов. Первый период, период предимпериалистический как раз характеризуется весьма продолжительным застоем в торговле и промышленности, продолжительной европейской депрессией. Этими двумя замечаниями значительная часть доводов от протекционизма в пользу теории Розы отпадает. Свободная торговля уступила свое место протекционизму как раз в первый период. Во второй период протекционистское движение во всех капиталистических странах стало слабее, а в Англии совсем заглохло. Кроме того, поскольку отпадают таможенные пошлины России и Америки, Англия же все время оставалась при свободной торговле, остается разбирать только политику Германии и Франции. Мы могли бы, таким образом, ответить на недоуменные вопросы сторонников Розы вопросом с нашей стороны: почему Англия, имевшая внутри страны ничтожные группы некапиталистических слоев населения (крестьянства), почему именно она, которой по теории Розы труднее всего должна была быть реализация прибавочной стоимости, почему как раз Англия не ввела таможенных пошлин и осталась при свободной торговле? Ссылка же на громадные английские колонии ничего не раз'ясняет. Мы видели выше, какую торговую политику Англия вела в своих колониях, и какую роль колонии играли в ее экспорте. Таким образом, мы могли бы в ответ на аргументацию сторонников Розы протекционизмом Германии и Франции (фактически речь может итти только об одной Германии, Франция не в счет, ее можно отвести), со своей стороны аргументировать Англией и ее свободной торговлей. Но так как недостаточно на вопрос отвечать вопросом, перейдем к вопросу по существу.

Первое. Неверно, будто бы таможенная политика капиталистических держав накануне войны является козырем в руках сторонников Розы. Что утверждает Роза? Она утверждает, что капиталистическому хозяйству, как воздух для легких, необходим некапиталистический рынок сбыта. Что же мы видим? Капиталистические державы (и то не все, Англия этого не делает) охраняют от конкурентов как раз свой внутренний, главным образом, капиталистический рынок. Какую поли-

тику они вели в своих колониях, мы уже выше видели. Значит, капиталистическим державам дороже всего капиталистический рынок сбыта, не некапиталистический, что весьма противоречит даже теории Розы.

Второе. Неверно, будто протекционизм капиталистических держав—Германии, Франции (с 90-х годов XIX века и Соединенных Штатов) явился результатом боязни обыкновенной конкуренции, боязни невозможности реализовать всю прибавочную стоимость. Причина протекционизма кроется в другой плоскости. Речь идет о сверх-прибыли (слово, которое приводит в раздражение сторонников Розы, особенно тов. Бориса). Новейший протекционизм капиталистических государств об'ясняется почти исключительно смычкой между аграриями (крупными землевладельцами) и трестами и синдикатами, главным образом, тяжелой и горной индустрией. Поэтому в Англии, где до войны промышленность была сравнительно слабо синдицирована, и не было протекционизма. Для достижения монопольного положения на рынке трестам и синдикатам необходимы были таможенные пошлины. Протекционизм защищает тресты и синдикаты от внешней конкуренции, и тем самым дает им возможность господствовать на внутреннем рынке, устанавливать какие угодно цены и получать сверх-прибыль. На внешнем же рынке протекционизм дает возможность трестам и синдикатам продавать свои товары по баснословно дешевым ценам; этим самым они убивают своих противников и на мировом рынке и устанавливают свою монополию и за границей. Поэтому думпингом недовольны и внутри страны и вне ее. Так, германские потребители и даже капиталисты несиндицированной промышленности рассматривали думпинг немецких товаров на мировом рынке, как расхищение и растрату германского богатства и народного благосостояния. «Германские товары—продукты немецкого труда—продаются за бесценок иностранцам в то время, как мы в Германии кряхтим от дороговизны»—жаловались они. В то же время и в Англии были недовольны немецким думпингом, который разоряет английские фирмы и отнимает у них английский рынок. Такое отрицательное отношение и со стороны своих сограждан, и со стороны иностранцев мы замечаем и по отношению к американскому думпингу.

Была еще одна причина протекционизма—делать возможным производство при неблагоприятных условиях. Так германский протекционизм имел своей целью развитие в Германии земледелия даже на самых неплодородных землях; защиту германского крупного землевладельца от конкуренции дешевого заокеанского хлеба. Тем самым протекционизм содействовал поднятию цен на землю. Германский протекционизм и касался главным образом продуктов сельского хозяйства. Так по официальным данным за 1911. 1912 и 1913 годы таможенный сбор с ввезенных в Германию продуктов питания равнялся 20,7% их общей стоимости, с ввезенных же фабрикатов—10%, с полуфабрикатов—2,5%, а с ввезенного сырья для промышленности—2,8%.

Таким образом, мы видим, что протекционизм капиталистических держав в эпоху империализма (т.-е. за последние 20 лет накануне войны) ни в каком случае не может служить доказательством в пользу

теории Розы. Он вызван другими причинами и имеет совершенно другие цели, чем это должно было бы вытекать из теории накопления Люксембург.

Точно также ничего не говорит в пользу этой теории и та система торговых договоров, которая усиленно практиковалась в Европе в последние десятилетия накануне войны. Как правило, можно утверждать, что военные силы договаривающихся сторон почти никогда не оказывали влияния на содержание торгового договора. При заключении торгового договора больше всего значения имеют взаимные коммерческие интересы договаривающихся сторон, меньше всего—военные силы этих сторон. Бисмарк—этот железный канцлер—уже в 1871 году отказался силой навязать разбитой Франции торговый договор, выгодный только для Германии. Характерно, что даже он счел нужным тогда заявить в рейхстаге, что великие нации должны в своих торговых связях руководствоваться добровольными соглашениями, а не силой навязанными договорами. В дальнейшем это правило еще больше соблюдалось [1]). Так, малые, слабые государства—Швеция, Дания, Бельгия, Голландия и т. д.—вели не менее выгодную внешнюю торговлю, чем крупные, и заключали не менее выгодные торговые договоры, чем самые сильные державы. По размерам своей внешней торговли некоторые малые государства далеко превосходили крупные державы. Так, на голову жителя Бельгии накануне войны приходилось в $2^1/_2$ раза больше внешней торговли, чем на голову германца, и в $1^1/_2$ раза больше, чем на голову жителя Великобритании. Точно также на голову жителя Норвегии накануне войны приходилось в 15 раз больше тоннажа торгового флота, чем в Германии, и в три раза больше, чем в Англии. Как уже было упомянуто, нельзя указать ни на один серьезный международный конфликт в последние десятилетия накануне войны, который был бы вызван столкновением торговых интересов или торговым договором.

Революционность теории Розы Люксембург и революционность теории Ленина.

Книга Розы «Накопление Капитала» принадлежит, несмотря на ошибки, к самым глубоким и захватывающим произведениям революционного марксизма. Многие ее страницы будут в течение веков рассказывать будущим поколениям о «доблестях» капиталистического строя. Редкие произведения мировой литературы блещут таким неподражаемым остроумием, как ее анти-критика. Роза Люксембург во всю ширь и глубину поставила и пыталась разрешить проблему об экономических взаимоотношениях капиталистических и некапиталистических слоев населения. Ошибки ее были неизбежны. Войны и революции раскрывают тайные стороны общественной структуры, точно так же, как

[1]) Не является исключением, вопреки общепринятому мнению, и русско-германский торговый договор 1904 г. Несмотря на тогдашнее тяжелое положение России (поражение в Маньчжурии), и этот договор был заключен на основе взаимности. Германия получила право облагать высокими пошлинами русский хлеб, а Россия — германские промышленные товары.

землетрясение обнажает скрытые пласты земной коры. Нам сейчас многое видно лучше, чем до войны. Нам теперь многое понятно, что раньше было скрыто от обыкновенных человеческих взоров. То, что мы видим сейчас, не могла видеть Роза в 1913 г.

Но из этого отнюдь не следует, что мы обязаны держаться теории накопления Розы, хотя бы нам теперь стало ясно, что она ошибочна. Между тем, часто на дискуссиях немецкие товарищи, сторонники Розы, аргументируют следующим образом. Пусть,—говорят они,—теория Розы и не соответствует всем новейшим данным науки, пусть она с точки зрения политической экономии является ошибкой. Зато она революционна. Это единственная теория, которая доказывает абсолютную невозможность накопления в чистом капиталистическом обществе. Пусть с чисто научной точки зрения теория Розы и не совсем правильна,—нам нужна теория, которая доказала бы неминуемую гибель капитализма на известной стадии его развития. Это делает теория Розы. Поэтому мы за нее.

Подобные рассуждения весьма неправильны и вредны. Мы не утописты, наша наука существует для того, чтобы служить пролетариату в его борьбе за освобождение. А для этого она должна прежде всего соответствовать действительности, т.-е. должна быть выдержанной со строго научной точки зрения. Рассуждения немецких товарищей напоминают рассуждения суеверного почитателя святого в анекдоте: «Святой молился в своей келье в Киево-Печерской лавре,—рассказывает его почитатель.—Вдруг святой выбежал и стал кричать: «Царьград горит». А действительно горел Царьград?—спрашивают рассказчика.—«Горел не горел—это безразлично,—отвечает он,—но дальнозоркост-то какая!» Надо помнить, что всякая теория, как бы революционна она ни была, если она не соответствует действительности, если она ей противоречит,—вредна для пролетариата. Перед революционером и ученым стоит одна и та же задача: изучить мир для того, чтобы его изменить к лучшему. Поэтому, по словам Ленина, важнейшей задачей революционера и является усердное изучение действительности. Если теория Розы противоречит действительности, она вредна для пролетариата. Мы, конечно, не будем при этом ссылаться на Пауля Леви и иже с ними, которые свою оппортунистическую тактику об'ясняют теорией Розы. Ею они доказывают, что последний час капитализма еще далек, что поэтому утверждения большевиков о социалистической революции—утопия. Подобные аргументы оппортунистов отнюдь не могут быть поставлены в вину Розе. Ни одно революционное учение не гарантировано от извращения в руках социал-предателей. Слабость теории Розы в другом,—в том, что она нам действительности не об'ясняет, что империалистическая политика капиталистических держав до и во время войны полна несуразностей, если мы будем держаться этой теории: ибо тогда эта политика совсем не соответствует их экономическим интересам. Теория Ленина нам все это об'ясняет. Поэтому мы волей-неволей должны принять теорию Ленина.

Но посмотрим, не более ли и революционно учение Ленина об империализме? Согласно теории Ленина, накопление в чистом капитали-

стическом обществе возможно, прибавочная стоимость может быть реализована. Но может ли мир дойти до чистого капитализма? Есть некоторые основания утверждать, что из теории империализма по Ленину вытекает, что весь мир не только не может доразвиться при капиталистическом способе производства до полного исчезновения некапиталистических производителей, но больше того. Есть основание утверждать, что из теории Ленина вытекает абсолютная невозможность для всего земного шара дойти, хотя бы до известной степени капиталистического развития, до той стадии, когда страна, хотя в ней сохранились еще некапиталистические производители, вынуждена экспортировать капиталы, т.-е. дойти при капиталистическом способе производства до стадии развития Германии, примерно, в конце XIX века [1]).

Постараемся это доказать. Все капиталистические державы на известной ступени развития своей промышленности переходят к пассивному торговому балансу, т.-е. начинают больше ввозить товаров в виде сырья и продуктов питания, чем вывозить продукты промышленности. Все государства мира в таком положении находиться не могут. Это очевидно. Раз одни государства больше ввозят, чем вывозят, то обязательно должны быть другие государства, которые больше вывозят, чем ввозят. В противном случае, ведь откуда взять излишек ввоза над вывозом для капиталистических стран? Не с Марса же! Можно ли, однако, предполагать, что в мире установится при капиталистическом строе равновесие между странами, вывозящими сырье, и странами, его ввозящими? Конечно, нет. Ведь для покрытия своего дефицита промышленные страны, ввозящие сырье, экспортируют капиталы. Процентами с капиталов они покрывают свой торговый дефицит. Куда же они экспортируют капиталы? Понятно, что в страны, вывозящие сырье, в страны отсталые, нуждающиеся в капиталах. Эти отсталые страны, благодаря импорту в них капиталов, быстро индустриализируются. Так, на наших глазах индустриализировались Соединенные Штаты Северной Америки; так шла и индустриализация России. Так идет и сейчас индустреализация английских колоний, особенно Канады и Индии, идет ин-

[1]) Это, конечно, не значит, что по теории Ленина, капитализм когда-нибудь рухнет сам собою. Подобное допущение неверно, ложно, ошибочно и вредно. Без насилия господствующай класс от своей власти не отказывается. Без классовой борьбы, без революция подобные перемены в обществе не совершаются. Если на минуту допустить, что классовая борьба прекратилась или что молодой класс (пролетариат) оказался не в силах свергнуть господство буржуазии, тогда мыслимо дальнейшее существование капитализма, даже тогда, когда дальнейшее его развитие невозможно. Тогда общество будет загнивать, производительные силы не будут расти, прогресс заменится регрессом, и человечество будет деградировать. Капитализм имеет две тенденции: созидательную и разрушительную (кризисы, войны и т. д.). До полного развития капитализма богатства накопляются, т. к. их потребление и разрушение отстает от созидания новых богатств. Производительные силы растут. Если бы капитализм перешагнул за указанную стадию, тогда разрушительная тенденция получила бы перевес, выражаясь языком физики, приток новых богатств был бы ниже, или, во всяком случае, не превышал бы расхода старых богатств. Именно потому, что мы знаем, что классовая борьба ни на минуту прекратиться не может, именно потому, что мы видим, что с развитием капитализма растет мощь пролетариата, усиливается его стремление к власти и все больше углубляются противоречия в лагере буржуазии именно поэтому мы уверены, что социализм сменит капитализм.

дустриализация Южной Америки. Постепенно эти страны превращаются из стран, вывозящих сырье, в страны, вывозящие промышленные товары и капиталы. Недостаток источников сырья дает себя все острее чувствовать; конкуренция экспортируемых капиталов становится все ожесточеннее. Происходят империалистические войны — грандиозные по своим размерам, катастрофические по своим разрушениям, гибельные для человечества и культуры.

Таким образом, финансовый капитализм усиленным экспортом капиталов сам подрубает сук, на котором он сидит и сам роет себе могилу. На наших глазах Соединенные Штаты Северной Америки из страны, ввозящей капиталы, превратились в страну, экспортирующую капиталы и затопляющую ими Северную и Южную Америку и даже Европу. Империализм начинает насильственное превращение в колонии промышленных стран (Германия, Австрия). Ему становится все теснее на свете. Противоречия между империалистическими странами из-за экспорта капиталов и из-за погони за рынками сырья все обостряются. Параллельно с этим идет и обострение классовых противоречий внутри капиталистического общества, особенно в странах, побежденных, насильственно превращаемых в колонии. И в конце-концов капитализм гибнет даже гораздо скорее, чем становится невозможным его дальнейшее развитие: он гибнет под ударами пролетарской революции, которой на помощь идет восстание колоний—стран, ввозящих капиталы и платящих дань, в виде сверхприбыли своим кредиторам.

У Ленина эта мысль ясно не выражена, автор высказывает ее в виде предположения и считает необходимым дальнейшие дискуссии по этому вопросу, а главным образом, дальнейшие исследования. Но все-таки есть основание предполагать, что именно это думает Ленин, когда соглашается со словами Шильдера о вероятности приостановки прогресса человечества (конечно, при капиталистическом способе производства, как это подчеркивает сам Ленин) из-за отсутствия сырья [1]).

Ленин в своей теории империализма исходит из конкретных противоречий современного монополистического капитализма, когда мировые тресты, синдикаты и банки достигли уже почти высшей точки своего развития и до крайности обострилась конкуренция экспортируемых капиталов. Роза исходит из неразрешимых, по ее мнению, противоречий чистого капиталистического общества, где существуют только рабочие и предприниматели, но совсем отсутствует крестьянство. Тенденциями к развитию этих противоречий она пытается об'яснить современный империализм. Она поэтому совершенно абстрагируется от истинной главной причины империализма, от существования монополистического капитализма—мировых трестов, синдикатов и банков. Так как исходным пунктом Люксембург является чистый капитализм, так как абсолютно неизбежное загнивание капитализма, по ее теории, наступает лишь с исчезновением крестьянства, то она не видела и не

[1]) В своих позднейших произведениях Ленин определенно говорит, что уже теперь перед человечеством стоит дилемма: либо дальнейшее существование капитализма и тогда вырождение человечества и гибель культуры от империализма и его войн; либо социалистическая революция и возрождение человечества. Третьего не дано.

могла видеть всей революционной роли крестьянства уже сейчас в настоящее время, когда, несмотря на существование более миллиарда крестьян, противоречия капитализма приближаются к своему максимуму и процесс загнивания капитализма уже начался.

Теория империализма Ленина об'ясняет нам необходимость союза пролетариата, отдающего капиталистам прибавочную стоимость, с крестьянством отсталых стран, платящим капиталистам дань в виде сверхприбыли и процентов с капитала. Теория Розы в этом отношении нам ничего не об'ясняет [1]).

Теория Ленина дает нам также ключ к пониманию послевоенной ситуации. При тщательном изучении современного мирового хозяйства, становится ясно, что план Дауэса и некоторое господство разоружительных тенденций в современной политике буржуазных государств об'ясняются не чем иным, как страстным стремлением американских капиталов (а не товаров) к экспорту и временным почти полным отсутствием конкурентов у Америки. Ведь сейчас ни одна страна, кроме Америки и отчасти Англии, не способна к экспорту капиталов. Все государства сами нуждаются в капиталах. План Дауэса и есть план экспорта американских капиталов в Европу и в другие части света. При чем и тут интересы вывоза капиталов взяли верх над интересами вывоза товаров. Но обо всем этом в другой раз.

Берлин, 10 сентября 1924 г. *И. Литинов.*

[1]) Можно утверждать, что подобно тому, как на экономических взглядов Ленина вытекает его решение крестьянского, колониального и национального вопросов, точно так же на теории накопления Розы вытекает ее позиция (ошибочная) в этих вопросах, а также ее отношение (первоначальное, в тюрьме в 1918 г. См. книгу ее, выпущенную ренегатом Паулем Леви) к политике большевиков после октября 1917 г. и к революции 1905 г., когда она близко примыкала к теории „перманентной революции".

ПОСЛЕДНИЙ РУДНИК И СТОИМОСТЬ ДЕНЕЖНОГО МЕТАЛЛА.

I.

В своем курсе «Учение о деньгах и кредите» проф. З. С. Каценеленбаум указывает, что тем теориям, которые связывают стоимость металлических денег с трудовыми затратами или же с издержками производства, угрожает опасность логического круга. Проф. Каценеленбаум останавливается на критике воззрений Сениора, но подчеркивает при этом, что те же критические замечания с полным правом могут быть адресованы также и Марксу. Дело в следующем. Денежный металл добывается из более или менее богатых месторождений и в виду такой дифференциальности производственных условий стоимость его устанавливается аналогично стоимости сельскохозяйственных продуктов: «Затрата на участке наименьшей производительности определяет ценность продукта». На каком же именно участке остановится производство, какой участок будет последним? Поскольку мы говорим, например, о пшенице, это зависит от тех количеств пшеницы, которые требуются обществу. «Очевидно, что «последний рудник» определяется спросом на благородные металлы. Если спрос на серебро возрастает, то в обработку вступают новые худшие рудники, а вместе с тем растут издержки производства 1 фунта серебра и его ценность, и наоборот». Но здесь мы наталкиваемся на логические трудности. Если исходить из потребностей денежного обращения, то «спрос на серебро, который должен определить общие размеры добычи, «последний рудник», а вместе с тем и ценность одного фунта серебра, будет зависеть от общей суммы бюджетов и той части доходов, которую принято при данных условиях держать в монете, но дело в том, что эти последние количества в свою очередь зависят от ценности единицы серебра». «Мы оказываемся, таким образом, в ложном кругу: издержки производства единицы серебра определяются количеством, необходимого для обслуживания денежного обращения металла, а количество, необходимое для обслуживания денежного обращения, определяется издержками производства единицы серебра»[1]). Возникает логический круг: стоимость денежного металла—трудовые затраты на последнем руднике—количество металла, нужное обществу—стоимость денежного металла.

---

[1]) З. С. Каценеленбаум. „Учение о деньгах и кредите", ч. I, стр. 66—69.

Сениор надеется найти выход из круга, утверждая, что margin of cultivation определяется спросом на металл для других целей (предметы роскоши и проч.). Проф. Каценеленбаум указывает, что этот «индустриальный спрос» незначителен по сравнению со «спросом монетным»; последний является основным; исходить нужно именно из него (мы с этим согласны и в дальнейшем совершенно абстрагируемся от индустриального спроса). Сам проф. Каценеленбаум предлагает другое решение вопроса: «Движение товарных цен, а вместе с тем и изменение ценности денег представляет собою непрерывный исторический процесс, который можно понять только в движении, в динамике. Сегодняшние цены можно понять только как результат изменения вчерашних, а завтрашние—как результат изменения сегодняшних... И потому нет противоречия в том, что ценность денег зависит от спроса на деньги, а спрос на деньги—от их ценности» [1]).

Таким образом, круг развертывается в спираль. Но это нас нисколько не устраивает. Ведь подобным же путем можно оправдать и тот логический круг, в который впадает вся теория издержек производства, и тот круг, в котором вращается австрийская теория, выясняя соотношение между суб'ективными оценками и рыночными ценами [2]). Мы вовсе не расположены спасаться бегством через одну и ту же дверь с упомянутыми теоретиками и хотим поискать другого, менее сомнительного выхода.

Прежде всего, как устанавливается стоимость [3]) производимого в дифференциальных условиях товара и какую роль играет в этом процессе потребность?

Мы считаем, что не только цена, но и стоимость таких товаров, поскольку речь идет о плодородии почвы и о богатстве месторождений, связана с худшими условиями производства. Почему и в каком именно смысле здесь можно говорить о стоимости?

Приводя примеры с хлебом, продающимся за 600 шилл., при сумме индивидуальных цен производства только в 240 шилл., Маркс замечает:

«Мы имеем перед собою определение при посредстве рыночной стоимости в том ее виде, как она на базисе капиталистического способа производства проявляется при посредстве конкуренции; эта последняя порождает обманчивую социальную стоимость (einen falschen

---

[1]) Там же, стр. 85.

[2]) Ср. Л. Н. Юровский. „Очерки по теории цены", стр. 75. Н. Н. Шапошников. „Теория ценности и распределения", стр. 38—39. Е. Бем-Баверк. „Основы теории ценности хозяйственных благ". Русск. пер., стр. 80. Н. Бухарин. „Политическая экономия рантье". Изд. I, стр.86.

[3]) Абстрактность дальнейшего изложения дает право говорить здесь именно о стоимости. По Каутскому вопрос о влиянии добычи золота на цены должен быть решен уже на основе простого товарного производства. („Изменения в условиях производства золота и меняющийся характер дороговизны". Сборник „Деньги и денежное обращение в освещении марксизма", стр. 94).

Об издержках и о цене производства мы говорим лишь там, где этими понятиями оперируют разбираемые нами теоретики.

Явления дифференциальной ренты не стоят в необходимой связи с различиями в органическом составе капитала.

socialen Werth). Это вытекает из закона рыночной стоимости, которому подчинены продукты земледелия. Определение рыночной стоимости продуктов есть общественный акт, хотя акт общественно-бессознательный и непреднамеренный, акт, необходимо основанный на меновой стоимости продукта, не на качестве земли и различии в ее плодородии. Если представить себе, что капиталистическая форма общества уничтожена и общество организовано, как сознательная и планомерная ассоциация, то эти 10 кварт. будут представлять собою количество самостоятельного рабочего времени, равное тому, которое содержится в 240 шиллингах. Следовательно, общество не стало бы приобретать этот земледельческий продукт в обмен на такое количество рабочего времени, которое в 2½ раза превышает действительно содержащееся в этом продукте рабочее время... Ложно утверждение, что стоимость продуктов при замене капиталистического производства ассоциацией осталась бы прежней. Тождество рыночной цены однородных товаров есть способ, посредством которого, на базисе капиталистического производства и вообще производства, покоящегося на обмене товаров между отдельными производителями (auf Waarenaustausch zwischen Einzelnen), проявляется общественный характер стоимости» [1]).

Тот специфический для товарного общества способ, которым частный труд включается в ситему общественного труда, приводит здесь не только к проявлению трудовой затраты в форме меновой стоимости, но и к своеобразному определению количественной стороны этой последней, так что стоимость здесь количественно не совпадает с суммой реальных трудовых затрат во всей данной отрасли производства.

Разумеется, все сказанное об этом выше нельзя распространять на все товары вообще, как это делает Рикардо [2]). Общее решение вопроса дано Марксом при анализе рыночной цены и рыночной стоимости [3]). Но в этом общем случае различные условия производства проявляются не так, и имеют не то значение, как в занимающем нас особом случае. В конце концов, «если рассматривать дело само по себе, нет никаких препятствий тому, чтобы весь капитал в известной сфере производства применялся одинаковым способом. Конкуренция между капиталами стремится, напротив, к все большему уравнению этих различий» [4]). Значит, и потребность отходит на задний план. (Мы везде говорим именно о потребности, а не о колебании спроса). Совершенно другое дело, если перед нами естественная сила, не относящаяся «ни к числу общих условий производства, ни

[1]) „Капитал". т. III, ч. II. изд. 1923 г.. стр. 200—201. 5-е немецкое издание S. S. 200—201.

[2]) Д. Рикардо. Собрание сочинений. Перевод под ред. Рязанова. Т. I, стр. 38.

[3]) В десятой главе III тома. Там же примечание о Рикардо. Н. Н. Ковалевский. „К проблеме общественно-необходимого рабочего времени". „Под знаменем марксизма" 1923 г., № 11—12.

[4]) „Капитал", т. III, ч. II, стр. 185.

к числу таких ее условий, которые можно создать, как общие условия». «Владение этой естественной силой составляет монополию в руках ее владельца, такое условие производительной силы вложенного капитала, которое не может быть создано производственным процессом самого капитала» [1]). Как раз в том случае, когда дифференциальность условий производства, при данном уровне техники, естественно закреплена, количественно определенная потребность становится необходимой предпосылкой установления стоимости на той или ной высоте.

Уклон в сторону потребительской версии? Разумеется, нет. В основе лежит структура данной отрасли производства—градации трудовых затрат и распределение продукции между предприятиями, находящимися в дифференциальных условиях. Потребность не является фактором, образующим стоимость или непосредственно влияющим на нее. Потребность—условие, предпосылка. В этом ее значении она должна быть признана и сторонниками противоположного взгляда, согласно которому не только вообще, но и в данном случае стоимость определяется, как мода индивидуальных стоимостей. Брать ли моду, брать ли последний член ряда—указанная зависимость остается, так как границы ряда через размер производства связаны с потребностью [2]).

Относительно же противоположной точки зрения надлежит заметить следующее. Стоимость, определенная как средняя или как мода, в данном, специфическом случае представляется какой-то вещью в себе. В каких общественных отношениях она реализуется? Она не проявляется ни в чем. Это чисто умственное построение, в роле «средней дифференциальной ренты» А. Богданова.

Впрочем, приемлемость дальнейших соображений не зависит от того, какая точка зрения будет принята по этому вопросу. Необходимо подчеркнуть:

1. Потребность, в свою очередь, зависит от стоимости. Потребность эластична, и зависимость здесь двусторонняя [3]). Так что даже в невинном случае с пшеницей кроются зачатки «логического круга».

2. Потребность—условие, труд—основание стоимости. А если так, то в нашем логическом круге: стоимость денежного металла—трудовая затрата на последнем руднике—потребность в металле—стоимость его—связь между отдельными звеньями круга отнюдь не имеет однородного характера, и это уже дает нам надежду, что самый круг окажется мнимым.

Но с денежным металлом дело обстоит сложнее, чем с пшеницей или любым другим товаром. «Товар реально есть потребительная

[1]) Там же, стр. 186.

[2]) „Спрос может воздействовать на стоимость не непосредственно, во лишь косвенно, посредственно, видоизменяя размер производства и тем самым технические его условия. Противоречит ли марксовой теорив такое косвенное влияние спроса на стоимость? Нисколько". И. И. Рубин, „Очерки по теории стоимости Маркса". Изд. 2-е, стр. 154.

[3]) „Капитал". т. III, ч. I, изд. 1922 г., стр. 167—168. „Теории прибавочной ценности". вып. II. изд. 1923 г., стр. 45.

стоимость... Наоборот, вещество золота играет роль лишь материализации стоимости, т.-е. денег. Поэтому золото реально есть меновая стоимость» [1]). Потребность в том или ином товаре имеет самостоятельное основание, которое коренится в материальной связи процессов воспроизводства. Это—потребность в определенном количестве товарных тел. Изменения стоимости товара могут расширить или сжать эту потребность; они воздействуют на нее, так сказать, сбоку, видоизменяя, но не определяя ее. Напротив, денежный металл требуется обществу, как материализация стоимости, и требуемое количество металла есть всецело производная величина. Для одной и той же страны, смотря по тому, какая там будет валюта—золотая, серебряная, или, скажем, платиновая, при прочих равных условиях потребуются различные количества металла, но в целом, одна и та же масса стоимости. Обществу, как деньги, необходима по существу определенная сумма стоимостей, хотя внешне это—потребность в определенном количестве металла.

«Представим себе», говорит проф. Каценеленбаум, «что общие размеры бюджетов всех жителей какой-либо страны составят 120 миллионов рабочих дней, и что для оборота нужно держать в деньгах $^{1}/_{25}$ всех бюджетов» [2]). Иными словами, обществу требуется некоторое количество денежного металла общей стоимостью в 4800 тысяч рабочих дней, при чем величина этой стоимости определяется фактором, лежащим вне логического круга (стоимостью денежной части бюджетов. Мы предпочли бы другой путь определения этой «необходимой стоимости», об этом дальше). Во всяком случае, «необходимая стоимость» есть нечто данное и определенное. Опираясь на эту данность и определенность, мы преодолеваем логический круг.

Если индивидуальные стоимости весовых единиц денежного металла на рудниках разного богатства равны W_1, W_2, W_3..., то последним рудником будет тот рудник, чье Wn, помноженное на все количество металла, производимого на этом руднике и более богатых рудниках, даст в результате ту определенную массу стоимости, о которой мы говорили.

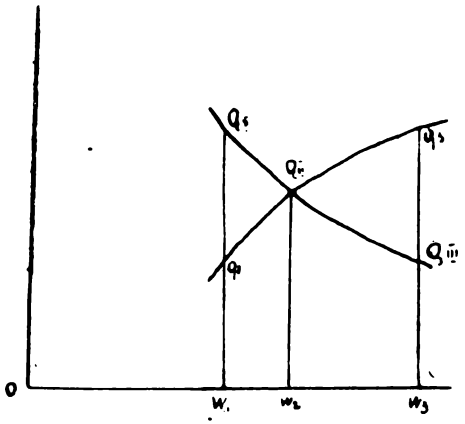
Грубо абстрактный пример. Мы предполагаем чистое золотое обращение и совершенно игнорируем индустриальный спрос на золото

Пусть обществу требуется, как деньги, стоимость в 1000 трудовых единиц. Пусть рудники первой, самой богатой категории, дают 500 весовых единиц металла, при чем W_1 каждой весовой единицы равно 1; это—все произведенное золото. При такой стоимости весовой единицы обществу потребовалась бы 1000 таких единиц. Равновесия между производством денежного металла и потребностью в этом металле нет. Очевидно, повышенный спрос на золото вызовет его переоценку. Проф. Каценеленбаум полагает, что в случае подобных расхождений дело может ограничиться одной переоценкой—и толь-

[1]) „Капитал", т. I, изд. 1920 г., стр. 74.
[2]) Цит. соч., стр. 69.

ко [1]). Но сама эта переоценка немедленно вызовет разработку менее богатых рудников. Возрастет количество металла, возрастет также и стоимость весовой единицы. Если при этом будет произведено 1000 весовых единиц золота с $W_3 = 2$ (значит обществу потребовалось бы только 500 таких единиц), вся масса металла будет иметь стоимость в 2000,—то мы имеем новое расхождение, которое вызовет новую переоценку металла, но уже в обратную сторону: произойдет повышение товарных цен, и производство золота сократится. Равновесие установится, например, в том случае, когда последними рудниками будут рудники с $W_2 = 1^1/_3$, дающие вместе с более богатыми 750 весовых единиц золота, т.-е. именно ту стоимость, которая необходима.

Как все произведение (в нашем примере 2000) будет разлагаться на два своих множителя—это зависит от того, сколько металла дает каждый рудник, и от того, как возрастает W при переходе к менее богатым рудникам, т.-е. опять-таки от структуры данной отрасли производства.



(На оси абсцисс отложены W_1, W_2, W_3: стоимость весовых единиц золота, меняющаяся, поскольку мы переходим от более богатых к менее богатым рудникам на оси ординат—q_1, q_2, q_3: количества всего произведенного металла, которые при этом переходе возрастают, и Q_1, Q_2, Q_3—потребные количества металла; они убывают пропорционально возрастающей стоимости весовой единицы золота; «необходимая стоимость» предполагается данной и неизменной. Условие равновесия—равенство q и Q. (Разумеется, это только иллюстрация, а отнюдь не математическая формулировка).

[1]) Пусть потребность в деньгах возросла на 10%. Значит ли это, что необходимо приступить к усиленной обработке новых рудников? Отнюдь нет. Стоит лишь хозяйствующим лицам в старых странах повысить оценку наличных металлических денег на 10%, и этим самым проблема будет разрешена с тем же успехом". Цит. соч., стр. 69—70.

Так фиксируется последний рудник; так, ощупью, вслепую (как вообще всякое равновесие в системе неорганизованного хозяйства) устанавливается равновесие между производством денежного металла и потребностью в нем.

Наша схема изображает явление в его статике. Поэтому, когда мы говорим о «переходе к худшим рудникам», не следует этого понимать исторически. «Порядок в своем законченном виде,—каков бы ни был ход процесса его образования,—всегда представляется в нисходящем виде» [1]).

Так как произведенный металл в высшей степени медленно выбывает из строя, а потребность в нем растет, то ежегодное производство денежного металла, за покрытием убыли (вследствие снашивания монет) должно соответствовать годичному приращению потребности в денежном металле.

«Наличные запасы благородных металлов так громадны, сравнительно с ежегодной добычей этих металлов, что даже самые значительные колебания добычи очень слабо отражаются на величине этих запасов» [2]). Тем самым возможный размах несоответствий между производством денежного металла и потребностью в нем сводится к самым незначительным размерам, хотя и не устраняется полностью. Последнее мы подчеркиваем. В дальнейшем изложении нам еще придется дополнять и ограничивать сказанное по этому поводу здесь.

2.

Величина «стоимости, необходимой обществу, как деньги» определяется стоимостью реализуемых товаров и структурой обращения. В понятие структуры обращения входят: скорость оборота монеты [3]), соотношение между сделками за наличные и платежами, распространенность взаимной компенсации последних и, наконец, соотношение между деньгами в обращении и сокровищем. Поскольку сокровище есть обязательное условие нормально-функционирующего обращения, само собой разумеется, что потребность в денежном металле отнюдь не исчерпывается непосредственной потребностью обращения [4]). Можем ли мы исходить из структуры обращения, как чего-то заранее данного?

---

[1]) „Капитал", т. III, ч. II, стр. 198. Речь идет о таблицах, иллюстрирующих теорию первой формы дифференциальной ренты.

[2]) Туган-Барановский. „Бумажные деньги и металл.", стр. 41.

[3]) В марксову формулу иногда вводят еще „скорость обращения товаров", разумея под последней число сделок, в которых фигурирует один и тот же товар. Соответственный коэффициент включается в числитель первого члена формулы. (И. А. Трахтенберг. „Бумажные деньги," 1922 г., стр. 42). Неудачное нововведение. „Один и тот же товар может быть много раз куплен и продан. Он обращается тогда не как простой товар, но как такой, определение которого не может быть представлено с точки зрения простого обращения товаров". („К критике политической экономии" Изд. 1922 г., стр. 104.). Здесь мы имеем движение Д—т—Д$_1$. Товар повторно появляется в обращении с разными ценами. Поэтому, если „скорость обращения товаров" увеличится в три раза, это вовсе не значит, что при прочих равных условиях денег для обращения понадобится именно в три раза больше. Когда мы говорим о сумме товарных цен, мы включаем в нее и цены товара, повторно появляющегося в обращении.

[4]) См. „Капитал", т. II, изд. 1918 г., стр. 307 и 311.

Возьмем скорость оборота. По Марксу быстрота оборота золота может заменить его количество, но «только до некоторой степени, так как в каждый данный момент бесконечно раздробленные акты покупки и продажи происходят рядом один с другим» [1]). Можно пойти даже дальше. Первый член марксовой формулы, если мы его сократим арифметически и логически, дает нам в результате как раз сумму цен одновременно, «один рядом с другим» реализуемых товаров. Если уровень цен остается неизменным, то при данной сумме товарных цен скорость оборота монеты может изменяться только в том случае, если число единовременных сделок изменяется в обратном направлении.

При данной сумме товарных цен и данном числе единовременных сделок скорость оборота вовсе не может изменяться. При данном числе единовременных сделок скорость оборота монеты может увеличиваться или уменьшаться, если соответственно возрастает или понижается сумма товарных цен, так как каждым новым оборотом монеты в обращение включается новый товар. Здесь речь идет именно об одном из элементов структуры обращения: о том, в какой мере изолированы и раздроблены отдельные сделки, о том, в какой мере они нанизываются на одну и ту же нить движения одной монеты. Все это мы можем принять, как нечто данное (см. следующую ниже цитату). Но пусть денежного металла произведено слишком мало или слишком много; могут ли скорость оборота и число единовременных сделок измениться так, чтобы привести количество денег в соответствие с потребностью в них? Если бы мы ответили: да, то любое количество металла могло бы оказаться достаточным для обращения. Но если уж допускать, что быстрота оборота может измениться под влиянием подобного несоответствия, то мы должны предположить изменение как раз в обратную сторону: при недостаче золота скорость оборота денег будет замедляться, и наоборот [2]). Таким образом, несоответствие окажется только более обостренным, чтобы в дальнейшем тем скорее ликвидироваться.

«...Все моменты, определяющие количество орудий обращения, как масса обращающихся товаров, цены, повышение и падение их, количество одновременных актов покупки и продажи, быстрота оборота денег, зависят от процесса метаморфоз в товарном мире; а этот процесс зависит, в свою очередь, от общего характера производства, от населенности, отношений между деревней и городом, от

[1]) „К критике политической экономии", стр. 109.

[2]) „В предположением нами крайнем случае (когда производительность добычи золота удвоилась) должен возникнуть новый бурный спрос на товары... Каждый появляющийся на рынке товар тотчас же находит себе покупателя. Вследствие этого ускоряется товарооборот, а вместе с этим спрос на товары возрастает в еще большей мере, чем это соответствовало бы дополнительному количеству золота.

Каутский, цит. соч., стр. 97. По Туган-Барановскому увеличение количества денег в обращении замедляет скорость их оборота, и обратно. („Бумажные деньги и металл", стр. 21). Тугая неправильно отождествляет переход денег в сокровище с замедлением скорости оборота.

развития средств перевозки и сообщения, от большего или меньшего разделения труда, от кредита, и т. д., словом, от условий, которые все находятся вне сферы простого денежного обращения и которые в ней только отражаются» [1]).

Это можно отнести ко всем элементам структуры денежного обращения: они даны структурой всего народного хозяйства страны [2]), связаны, в конечном счете, с производительными силами.

На сокровище следует остановиться подробнее. Не может ли сокровище поглотить весь избыточный денежный металл? Варга и Гильфердинг как раз полагают, что эмиссионные банки пред'являют неограниченный спрос на золото. Каутский весьма убедительно доказывает, что ни о каком неограниченном спросе здесь не может быть и речи [3]). Конечно, сокровище то расширяется, то сжимается; и только в силу этого оно и может выполнять свою экономическую функцию; но беспредельное расширение сокровища, вне всякой связи с потребностями обращения, противоречило бы этой его функции. Сокровище, конечно, не является той дырой, куда может провалиться любое количество золота, какова бы ни была его стоимость.

Хотя общее количество денег в стране находится в постоянно изменяющемся отношении к сумме обращающихся денег, но все-таки для каждой страны за данный период существует некоторое определенное среднее отношение [4]).

Итак, мы имеем производство, как источник, и сокровище, как резервуар. Роль этих двух факторов нетрудно разграничить, поскольку перед нами, с одной стороны, частные и периодические (точнее, сезонные) колебания непосредственной потребности обращения [5]), с другой—общая тенденция упадка или роста обращения. Мы имеем меняющееся взаимоотношение двух слагаемых, сокровища и обращения, и общее более равномерное движение совокупности их. Равновесие должно осуществляться в двух плоскостях (так мы и будем их называть): во-первых, между производством денежного металла и совокупной потребностью в нем; во-вторых, между количеством де-

[1]) „К критике политической экономии", стр. 110.

[2]) Вот, например, как можно соотношение между сделками за наличные и платежами связать с определенными производственными отношениями: „Если деньги выступают как денежная форма дохода, они функционируют больше в качестве собственно средств обращения (монеты, покупательного средства), вследствие раздробления этих покупок и продаж и потому что большинство тратящих доход, рабочие, сравнительно мало могут купить в кредит, тогда как в оборотах торгового мира, где средство обращения представляет денежную форму капитала, деньги, частью вследствие концентрации, частью вследствие преобладания кредитной системы, функционируют главным образом, как платежное средство". Капитал, т. III, ч. I, стр. 431.

[3]) Каутский. „Золото, бумажные деньги и товар".

[4]) „В странах с развитым капиталистическим производством резервные фонды банков всегда служат выражением среднего количества денег, находящихся в форме сокровища". „Капитал", т. III, ч. II, стр. 7.

[5]) См., например, об этих сезонных колебаниях в России — Д. В. Кузовков. „Наши валюты". „Вестник Коммунистической Академии", № 7, стр. 121—122. Смену промышленных циклов мы оставляем здесь в стороне.

нег в обращении и сокровищем. Первое является условием второго. Если мы оставим в стороне собственное движение во второй плоскости, то картина рисуется так. Деньги из обращения частично отливают в сокровище, другие деньги должны занять их место. Это будет продолжаться до тех пор, пока и обращение, и сокровище не наполнятся деньгами настолько, насколько это нужно для того, чтобы обращение могло нормально функционировать.

Поскольку происходит собственное колебательное движение во второй плоскости, можно считать данными два предельных отношения: минимальный размер сокровища при максимальном размере обращения («фаза прилива») и максимальный размер сокровища при минимальном размере обращения («фаза отлива»). Если сокровище расширяется выше этого максимума или сжимается ниже минимума, то нормальные функции обращения нарушаются. Пусть мы имеем длительное расширение потребности в денежном металле. Это скажется, прежде всего, в том, что непосредственная потребность обращения расширится, и абсолютные величины максимума и минимума обращения будут теперь выше, чем при прежней потребности. Сперва сокровище сократится до величины своего прежнего минимума. Но когда наступит новая фаза прилива, сокровище уже окажется бессильным; тогда (и т о л ь к о т о г д а) начинается переоценка металла, вызывающая интервенцию производства. Mutatis mutandis, то же относится и к обратному случаю—длительного сокращения потребности.

Несоответствия в первой сфере проявляются во второй сфере, как ее собственные несоответствия; они приводят в действие механизм второй сферы. Последний сглаживает эти несоответствия, но не может их окончательно устранить. Выбора нет: или эластичность сокровища беспредельна и, следовательно, для производства денежного металла не существует никаких границ (абсурдное предположение)— или эта эластичность имеет свои пределы: тогда развитые выше положения остаются в силе.

Во избежание этих недоразумений:

1. Наше понятие «необходимой стоимости» и гильфердинговская «общественно-необходимая стоимость обращения»—совершенно различные понятия. У Гильфердинга стоимость денег (металлических при ограниченной чеканке и бумажных) возникает, как рефлекс стоимости обращающихся товаров [1]). У нас же деньги обладают самостоятельным качеством стоимости («Eigenwert»). Значение производственных условий для количественных определений этой стоимости мы уже подчеркивали.

Наше понятие «необходимой стоимости» формулирует условия равновесия между производством денежного металла и производством всех остальных товаров при данной структуре обращения и с этой точки зрения столь же правомерно, как любая пропорция в марксовых схемах воспроизводства.

---

[1]) «Финансовый капитал», нед. 1918 г., стр. 64. «Деньги и товар» (в сборнике «Деньги и денежное обращение в освещении марксизма»), стр. 23.

2. Мы допускаем, в случаях чрезмерной или недостаточной продукции денежного металла, временные отклонения покупательной силы золота и серебра от их стоимости. По этому поводу нам могут напомнить замечания Маркса о теории денег Рикардо [1]). Действительно, поскольку речь идет о равновесии между производством денежного металла и всей потребностью в нем, упомянутое допущение представляется нам совершенно неизбежным [2]). В противном случае, значение стоимости, как регулятора производства, не было бы универсальным. Но у Рикардо количество денег превращается в исходный момент: «спрос на деньги регулируется всецело их стоимостью, а их стоимость — их количеством» [3]). Упомянутых двух плоскостей он не разграничивает. Он думает, что все деньги должны находиться в обращении. Его теория «основывается на абстракции всех других формальных предназначений, которые имеют деньги, кроме формы орудия обращения [4]). Мы поступаем как раз наоборот и, думается, в рикардианстве неповинны. К тому же все внимание Маркса направлено в другую сторону, и вопрос о производстве золота его мало занимает. Предположение, что в этой сфере все обстоит благополучно, можно считать предпосылкой всего марксова учения о деньгах.

3.

В этой связи нам необходимо затронуть известный тезис тов. Варги: «Изменения в добыче золота не могут быть причиной дороговизны» [5]). Исходный пункт Варги — неограниченный спрос на золото. Об излишке золота не может быть и речи, все оно жадно поглощается эмиссионными банками. При понижении издержек производства золота начинается разработка менее богатых рудников. Рудник, бывший прежде наихудшим, начинает теперь давать дифференциальную ренту. Банки берут все золото «по прежней цене». Стоимость золота остается на прежнем уровне.

Оппоненты Варги доказывают, что такого неограниченного спроса нет, и изображают, как действует механизм, который приводит товарные цены в соответствие с понизившимися издержками производства золота. Но, насколько мне известно, основное внутреннее противоречие взглядов Варги не было отмечено его критиками.

[1]) „К критике политической экономии", стр. 166—174.

[2]) Таково же, повидимому, мнение Каутского. У Маркса в случае простого воспроизводства золотопромышленники „ограничивают свое производство пределами среднего годового спашивания и вытекающего из него среднего годового потребления" металла. („Капитал", т. II, стр. 307—308. Золото и серебро, производимые для предметов роскоши, Маркс оставляет в стороне). По Каутскому, золото, производимое сверх этой нормы, „должно будет, при неизменном предложении товаров, вызывать увеличенный спрос, а следовательно, и вздорожание товаров, которое вскоре положит конец добыче золота"—вернет ее в прежние рамки. (Изменения в условиях производства золота etc., стр. 113—114).

[3]) Рикардо. Собрание сочинений, т. I. стр. 122.

[4]) „К критике политической экономии", стр. 170.

[5]) Е. Варга. „Добыча золота и дороговизна" в сборнике „Деньги и денежное обращение", стр. 11.

На каком уровне останавливается стоимость золота, какой рудник будет последним? С точки зрения рассматриваемой теории можно дать, приблизительно, такой ответ. Сопоставьте издержки производства (в килограммах золота) и количество добытых килограммов золота [1]). Тот рудник, где эти величины находятся в таком соотношении, что получается прибыль, соответствующая средней норме прибыли,—будет последним рудником. Но ведь издержки производства золота не состоят материально из золота, а только могут быть выражены в нем. Если стоимость золота будет достаточно высокой, то можно разрабатывать любые месторождения и получать при этом среднюю прибыль. Меновое отношение золота к товарам предполагается здесь данным. Мы нисколько не подвинулись вперед. После введения технических усовершенствований стоимость золота останется на прежнем уровне,—но сам-то этот прежний уровень, как он установился?

Суть дела в следующем: поскольку спрос на золото неограничен, стоимость его становится сколь угодно большой, и последний рудник отодвигается в бесконечность. В этих условиях океан, в состав воды которого входит некоторое количество золота—около 0,02 миллиграмма на один кубический метр [2]),— очевидно, должен был бы давать дифференциальную ренту. Быть может, спрос на золото неограничен только при данном уровне его стоимости. Нельзя так говорить, потому что предпосылкой этого данного уровня является именно ограниченный, определенный спрос на золото.

Позвольте,—скажут нам,—это все гораздо проще. Некогда, еще во времена ограниченного спроса, установился определенный уровень стоимости золота. С момента организации эмиссионных банков ограниченный спрос на золото превращается в неограниченный, с тех пор этот уровень стоимости пребывает неизменным.

Такая постановка вопроса не удовлетворяет нас по чисто методологическим соображениям. Тут ведь речь идет не о том, что стоимость золота устанавливается исторически. Нет, здесь нас отсылают к некогда установившемуся отношению, к тому ограниченному спросу, который существовал когда-то, и считают, что этого достаточно. Между тем, с точки зрения воспроизводства общественных отношений, мы имеем право требовать, чтобы данный уровень стоимости золота был об'яснен для каждого данного момента, был связан с условиями этого момента.

---

[1]) «...Благодаря удешевленной переработке руды, один килограмм золота может быть добыт с затратой меньшего количества чеканного золота. Стоимость производства золота, определяющего цену, т.-е. золота, добытого при наихудших условиях, осталась бы та же, что и прежде» (курсив автора), Варга, цит. соч., стр. 8. Его же «Стоимость золота в учении Маркса о стоимости», сборник «Основные проблемы политической экономии», под ред. Ш. Двойлайцкого и И. Рубина. Изд. 2-е, стр. 407—408. Но «золото добывается не золотом»—резонно замечает Каутский (в том же сборнике, стр. 101) и доказывает, что цены все-таки повысятся. Противоречия, о котором мы говорим дальше, Каутский не видит.

[2]) H. Erdmann. „Lehrbuch der anorganischen Chemie", S. 715.

а не определялся, как нечто застывшее и автоматически перенесенное из некоих отдаленных времен. Поэтому мы настаиваем на вышеприведенном возражении.

Технические усовершенствования понижают W и повышают q (см. первую главу) таким образом, что произведение их вполне покрывает (пусть даже возрастающую) «необходимую стоимость».

Если же развитие техники только отодвигает все ниже и ниже последний рудник, а стоимость золота не изменяется, то это значит, что возникает некоторый излишек золота. Фактически «неограниченный спрос» у т. Варги ограничен размерами именно этого излишка.

Отвлечемся теперь от всех факторов, влияющих на цены со стороны товаров. Пусть стоимость и масса товаров будет неизменной. Понижаются издержки производства золота, увеличивается количество золота—цены не изменятся, говорит т. Варга, потому что весь избыток золота будет поглощен эмиссионными банками. (Добавим, что он должен быть поглощен бесследно, не увеличив обращения ни единой банкнотой). Но с большим правом можно сказать: весь избыток золота поглощен банками, потому что цены не повысились. Ведь если цены повысились, для обращения потребуются или новые банкноты, или дополнительное золото. Неизменная стоимость золота есть не столько следствие, сколько условие поглощения банком всего золотого избытка. Иными словами, т. Варга предполагает заранее то, что он хочет доказать.

В своей последней статье по этому вопросу он допускает, что если золота произведено больше, чем требуется для обращения, то понижение издержек производства золота может повысить цены. Но это произойдет лишь после того, как банкноты будут целиком вытеснены из обращения золотом [1]). С последним утверждением мы несогласны. Есть сферы обращения, откуда вытеснить банкноту не так-то легко. В крупных платежах замена банкноты золотом будет технически затруднительной. Повышение цен произойдет и без этого вытеснения.

Т. Варга протестует, когда ему приписывают мнение, что золотые деньги не имеют собственной стоимости [2]).

Да, стоимость золота у Варги определяется общественно-необходимым рабочим временем. Но закрепленное раз-навсегда, оно становится чисто формальным звеном в его системе. Утратившая свою связь с меняющейся производительностью труда, исключенная из живого движения стоимостей, консервированная стоимость — не есть стоимость.

Что же произойдет, когда издержки производства золота понизятся? Отто Бауэр отвечает на это чрезвычайно, даже чрезмерно обстоятельными схемами. Однако, схемы эти не помогают, так как Бауэр согласен с Варгой в том, что в пределах самой золотопромышленности конкуренции не существует. Понизившиеся издержки производства золота, утверждает Бауэр, окажут влияние на товарные цены лишь

[1]) Стоимость золота etc., стр. 410.

[2]) Там же, стр. 406—407. Э. Людвиг. «Золото, деньги и бумажные деньги», в том же сборнике, стр. 374.

через посредство конкуренции между всей золотопромышленностью в целом и остальными отраслями промышленности [1]). Тут же он метко ссылается на Маркса: «что производит конкуренция в одной и той же сфере производства, это определение ценности товара средним количеством рабочего времени, требующимся в этой сфере, следовательно, установление рыночной ценности. А то, что производит конкуренция между различными сферами производства, заключается в установлении одной и той же нормы прибыли в различных сферах сведением различных рыночных ценностей к рыночным ценам, которые представляют цены производства и отличны от действительных рыночных ценностей» [2]). Цитата как раз говорит, что интересующая нас связь подведомственна именно внутренней конкуренции. После того, как Бауэр сделал такую существенную уступку, Варге было уже нетрудно с ним справиться.

Итак, решающую роль здесь играет конкуренция внутри данной отрасли производства. И совершенно непонятно, почему золотопромышленники не могут конкурировать друг с другом.

Повышая свой спрос на товары, они конкурируют друг с другом, формально, как покупатели. Результат достигается тот же. Конечно, не следует забывать о связи между всеми отраслями производства и о средней норме прибыли.

Вообще, при понижении издержек производства, здесь возможны три случая: или внутренняя конкуренция не может сразу опустить цены до уровня новых нормальных цен и требуется дополнительный прилив капитала; или цены падают совсем низко, норма прибыли опускается ниже средней, и капитал отливает в другие отрасли; или (случай наименее вероятный) цены сразу опускаются до нового нормального уровня. Границы действия внутренней конкуренции определяются тем, насколько возросла продукция, и тем, насколько эластична потребность, в какой мере она расширяется под влиянием понижения цен.

Потребность в золоте (как денежном металле) расширяется пропорционально падению его стоимости. Если стоимость килограмма золота упала в два раза, потребуется вдвое большее количество золота. Но вся масса ранее произведенного золота так велика, по сравнению с его годичным производством, что повышение производительности скажется не сразу и товарные цены будут подыматься лишь постепенно, мало-помалу. За это время, под влиянием нормы прибыли, все еще превышающей среднюю норму, хотя постепенно приближающейся к ней, в золотопромышленность прильют новые капиталы и начнется разработка менее богатых месторождений. Придется ли в дальнейшем эту разработку ликвидировать, или нет, это зависит от того, успеет ли за эти годы достаточно возрасти потребность в золоте. При значительном увеличении этой потребности последний рудник может отодвинуться достаточно далеко вниз, и, следовательно, стоимость золота в резуль-

[1]) О. Бауэр. «Добыча золота и дороговизна». Сборник «Деньги и денежное обращение» etc, стр. 74.

[2]) «Теории прибавочной ценности», вып. 2-й, стр. 49.

тате технических усовершенстований уменьшится не очень значительно. Теоретически это возможно, хотя не очень вероятно. Во всяком случае, если это и происходит, то не в силу тех причин, на которые ссылается Е. Варга.

Наконец, еще одно замечание. Если последний рудник фиксируется потребностью в денежном металле, а эта последняя все возрастает, то не ведет ли это к разработке все менее и менее богатых рудников и, следовательно, к неуклонному повышению стоимости металла? Общая тенденция здесь такова. С одной стороны—растет масса и стоимость товаров. Но меняется и структура обращения. Оборот удовлетворяется относительно меньшим количеством денег вообще и уж, конечно, относительно меньшим количеством реального золота. С другой стороны, снашивание монет настолько незначительно, что даже при неизменном размере годичной продукции золота масса его все-таки возрастала бы. Затем (не говорю уже об открытии новых месторождений) добывание драгоценных металлов технически прогрессирует.

Это особенно важно. Возьмем хотя бы золотопромышленность: развитие драги от той лопаты, которой она некогда была, до ее современного типа; новейшие амальгаматоры, хлорирование, цианистый процесс и т. д. Принимая все это во внимание, нужно сказать, что действительно теперь могут разрабатывать такие бедные месторождения, о которых раньше и думать не приходилось, и все-таки стоимость золота понижается. Закон убывающей производительности труда в его расширенной трактовке оказывается несостоятельным относительно производства золота. В данном случае, как и вообще, он отменяется прогрессом техники [1]).

В. Келлер.

[1]) Ср. В. Ильин. «Аграрный вопрос и критики Маркса». «Аграрный вопрос» ч. I, 1908 г., стр. 167.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МАРКСА И ЛАССАЛЯ [1]).

(По их переписке).

Взаимотношения между Марксом и Лассалем представляют одну из важнейших сторон биографии Лассаля (а также Маркса). Анализ этих взаимоотношений очень трудно отделить также и от других проблем, например, проблемы оценки Лассаля, как политика и вождя германского рабочего движения на определенном этапе его развития. Но тема о взаимоотношениях между Лассалем и Марксом имеет и свои специфические стороны.

Вопросом о взаимоотношениях между Марксом и Лассалем занимались почти все биографы Лассаля как буржуазные, так и социал-демократические. Однако ни один из этих биографов не дает такой законченной и исторически верной оценки, которую мы могли бы принять целиком. Биографы буржуазные, как Онкен [2]) и Майер [3]), несмотря на большой труд, потраченный ими в своих работах, и несмотря на ряд отдельных верных замечаний, не в состоянии понять сущность взаимоотношений между Лассалем и Марксом потому, что они не в состоянии дать научно-марксистский анализ марксизма и лассальянства вообще, без чего анализ взаимоотношений между Марксом и Лассалем теряет под собой научную основу, превращаясь в простую коллекцию фактов и анекдотов.

Но научного и законченного анализа этих взаимоотношений не дали до сих пор и биографы-марксисты. Мы имеем в виду здесь прежде всего старика Меринга. Что же касается патриотов из германской социал-демократии, которых мы отнюдь не относим к лагерю марксистов, то они сами уже понемножку сбрасывают с себя ту идеологическую одежду, которой они достаточно попользовались для прикрытия своей работы в пользу капитализма.[4]). Но поскольку они до сих пор продолжали маскироваться марксизмом, они вынуждены были в своих работах о Лассале исходить из ложной концепции: они противопоставляли лассальянство социал-демократии и марксизму, тогда как правильней — противопоставлять марксизм лассальянству и социал-демократии, вместе взятым. Правда, за последнее время германские со-

[1]) Эта статья представляет собой, в несколько измененном виде, главу, из подготовляемой мной к печати книги: «Фердинанд Лассаль».

[2]) Herman Onken. «Lassalle. Eine politische Biographie». Stuttgart—Berlin. 1920.

[3]) Gustav Mayer. «Zur Einführung in II u. III Bnd. Ferdinaud Lassalle «Nachgelassene Briefe und Schriften». Deutsche Verlag-Anst. Stuttgart—Berlin.

[4]) В частности это станет особенно ясным, если сравнить принятую съездом в Германии в 1921 г. программу со старой эрфуртской.

циал-демократы (особенно наиболее правые) совсем откровенно признаются в том, что их партия является продолжительницей традиций и хранительницей заветов Лассаля, истинным основателем, творцом и основоположником которой он и является. Для этого достаточно просмотреть новейшие работы с.-д. за последний период:

Конрад Гениш в своей работе «Лассаль, человек и политик»[1]), написанной им по поручению партии в 1923 г., т.-е. к 60-летнему юбилею со дня смерти Лассаля, последовательно развивает вышеуказанную мысль, которая тем самым об'является официальной точкой зрения германской с.-д. по этому вопросу.

Далее Эдуард Бернштейн. Наиболее знаменательной в этом отношении является та эволюция, которую он проделал в своей оценке Лассаля. Эдуард Бернштейн начинает с предисловия к собранию сочинений Лассаля (Ferdinand Lassalles Reden und Schriften». Herausgegeben und eingeleitet von Ed. Bernstein 1892-93), написанном в Лондоне под непосредственным влиянием и с участием Энгельса (который еще раньше неоднократно в переписке с Бернштейном давал оценку Лассалю и лассальянству [2]). В этом своем предисловии Бернштейн проводил правильный взгляд по данному вопросу. Но уже в брошюре о Лассале, изданной в 1904 [3]) году к 40-летию со дня смерти Лассаля: «Ferd. Lassalle und seine Bedeutung für die Arbeiterklasse. Eine Denckschrift zu seinem vierzigsten Todestage». Berlin. Verlag Vorwärts, S. 96, он существенным образом изменил свою старую точку зрения. По мере того, как Бернштейн в своих общих взглядах переходил от социализма к буржуазной демократии, он и в оценке Лассаля проделал эволюцию от марксистской оценки Лассаля к апологии его. Приведем наиболее характерное место из его предисловия к этой брошюре: «Суждения, высказанные в этой работе во многих местах, разнятся от тех, которые были изложены в введении к собранию сочинений Лассаля. Я прошу причину этого отклонения от прежних взглядов видеть не в том, что работа эта—юбилейная. Поскольку в этой брошюре имеются изменения в оценке Лассаля, то они являются результатом как моего более глубокого изучения Лассаля, с одной стороны, так и, с другой стороны, результатом моего собствен-

[1]) Konrad Haenisch. «Lassalle, Mensch und Politiker». Franz Schneider Verlag. 1923.

[2]) См. письма Фр. Энгельса к Э. Бернштейну. Архив Маркса и Энгельса под ред. Рязанова. Кн. 1-я 1924 г.

[3]) Хотя еще за два года до этого, в 1902 г., в связи с опубликованными Мерингом письмами Лассаля к Марксу и с той критикой, которую дал тем в примечаниях Меринг взглядам Бернштейна на Лассаля, Бернштейн написал в (S. 157—177) «Documente des Socialismus», 1 Band, Heft 1—12. Herausg. von Bernstein, Verl. Social. Monatsheft. статью о взаимоотношениях Лассаля и Маркса—Энгельса «Ueber das Verhältnisse von Lassalle zu Marx-Engels». В этой своей статье Бернштейн под видом, якобы, возражений Мерингу сдает ему на деле все свои позиции и кое-где в пересмотре своих взглядов по этому вопросу идет гораздо дальше того, что требовал от него Меринг. Это вытекало уже тогда из общей эволюции взглядов, проделанной Бернштейном.

ного умственного развития, которое сблизило меня духовно больше с Лассалем; его образ стоит предо мною сегодня более целостным, чем в то время, когда я писал предисловие». Далее он говорит: «Некоторые мои выводы буквально совпадают с выводами Онкена, сделанными им в его краткой биографии Лассаля. Я должен, в связи с этим обстоятельством, указать на то, что появившаяся ныне книга Онкена попала ко мне в руки лишь тогда, когда моя рукопись была уже в типографии». Эта цитата вряд ли нуждается в комментарии. Мы можем поверить Бернштейну в том, что он свою эволюцию к буржуазной демократии и в частности свою переоценку Лассаля проделал вполне самостоятельно без помощи буржуазного биографа Лассаля, Онкена.

Но если так обстояло дело в 1904 году, то можно себе представить, как далеко от'ехал Бернштейн от своих первоначальных взглядов при переиздании этой брошюры в 1919 году [1]), где он «счел уместным» противопоставить бессмертную заслугу Лассаля в деле пропаганды и борьбы за всеобщее избирательное право, политике большевиков, направленной к ликвидации демократии.

Но, в конце концов, вместо того, чтобы в каждом новом издании оставлять следы своего все большего поворота направо, Бернштейн предпочел суммировать весь путь, пройденный им вместе с немецкой социал-демократией в новой большой работе в 307 стр., посвященной Лассалю: «Ferdinand Lassalle. Eine Würdigung des Lehrers und Kämpfers». Verlegt bei Paul Cassirer. Berlin. 1919 г. S. 307.

В конечном счете вся эта эволюция взглядов Бернштейна, рассматриваемая на фоне общей эволюции всей немецкой с.-д., показывает нам, что эта партия возвращается не только по существу (что она сделала уже раньше), но и формально к своему исходному историческому пункту,—она возвращается назад к Лассалю в тот самый момент, когда большевики, ликвидируя идейное наследство II Интернационала, восстанавливают подлинно революционный марксизм и свою идейную связь с ним.

Даже К а у т с к и й, которому гораздо труднее [2]), чем Бернштейну, изменить свой взгляд на Лассаля, в своей последней статье (см. «Die Gesellschaft» № 4, 1924 г.) ставит знак равенства между марксизмом и лассальянством, сводя разницу между ними к второстепенным моментам. Между тем, всего еще год тому назад тот же Каутский в своей статье, посвященной 40-летию со дня смерти Маркса: «Marx und Lassalle» [3]), высказал ряд верных мыслей о взаимоотношениях Маркса и

[1]) Eduard Bernstein. «Ferdinand Lassalle und seine Bedeutnng für die Arbeiterklasse». Verlag. Dietz. 1919 Berlin.

[2]) Надо заметить, что трудность положения Каутского в данном вопросе увеличивается еще тем, что ему еще совсем недавно пришлось выступать на страницах «Neue Zeit» в защиту Маркса в связи с неправильной позицией, занятой Мерингом (в его последней работе о Марксе) в вопросе о взаимоотношениях Маркса и Лассаля. Правда, трудно сказать, что здесь больше руководило Каутским, чувство обиды за Маркса или чувство давнишней злобы к Мерингу, особенно обострившейся в эти годы в связи с уходом Меринга к спартаковцам.

[3]) См. «Der Kampf» № 3. März 1923. Jahrgang 16.

Лассаля. Урок 1914 г. заставил сбросить с себя маску не одну только немецкую с.-д. Теоретик австрийской с.-д. Макс Адлер в самый разгар империалистической бойни—в декабре 1914 г.—писал по поводу 50-летия со дня смерти Лассаля: «...И потому-то с полным спокойствием могла с.-д. отбросить упрек в отсутствии патриотизма, упрек, ныне снятый самой историей. Когда в эти кровавые дни мировой войны, лассалевские батальоны выполняют в деле защиты отечества то, что им диктует долг и даже сверх того, то именно для с.-д. все это не является неожиданностью, в то время как изумленные официальные круги пожинают плоды того воспитания рабочих в духе идеи государства, о котором эти круги никогда не заботились и не могли заботиться»[1]).

В одном мы можем согласиться здесь с Адлером, что если рабочие Германии и Австрии под руководством социалистов защищали в империалистической войне капиталистическое отечество, то все это—от Лассаля, а не от Маркса.

Чрезвычайно характерно в этом отношении, что буржуазные мыслители великолепно отдают себе отчет в том, что происходит в настоящее время в рядах с.-д. Идеологи буржуазии обнаруживают в этом вопросе вполне верное классовое чутье. Поворот германской с.-д. от Маркса к Лассалю (если допустить, что они были когда-либо марксистами) важен для них не потому, что они питают к Лассалю особенное почтение, как к социалисту. Этот поворот с.-д. они оценивают, как ликвидацию теории классовой борьбы, идею пролетарской революции, замену интернационализма патриотизмом, переход к буржуазному пониманию государства, ликвидацию теории исторического материализма и переход к идеализму в области общего мировоззрения.

Послушаем, что говорят некоторые из немецких буржуазных идеологов. Ц. Барон в предисловии к своей работе о Лассале пишет: «Марксизм переживает тяжелые времена, его формальная носительница—германская социал-демократия—ослаблена продолжительной внутренней политической борьбой, а в еще большей мере она испытавает разброд в области теоретической. И даже новый наследник марксизма—русский большевизм,—вырвавший руководство из ее рук, оказался непригодным для настоящего времени в силу своей изолированности». Останавливаясь дальше на вопросе о том, что война осложнила международные отношения, разрушила хозяйство многих стран и т. п. и выдвинула целый ряд новых проблем, ожидающих еще своего разрешения, автор приходит к следующему выводу: «По отношению ко всем этим государственным и национальным проблемам политическая теория марксизма оказалась недостаточной. Необходимо ее дополнить, проверить, если не отбросить целиком. Самое меньшее, что должны были бы сделать ортодоксальные марксисты, это—заново интерпретировать теорию Маркса.

---

[1]) Max Adler. «Ferdinand Lassalle Fünfziger Todestag». «Der Kampf» № 11—12, Dezember 1914. S. 484. См. также предисловие Карла Реннера к «Auswahl von Reden und Schriften Ferd. Lassalles» 1923, Berlin. Verlag Dietz.

И, конечно, нет ничего удивительного в том, что имя Лассаля все громче стало раздаваться. Иные думают, что здесь имеется налицо законченная политическая доктрина социализма, которую можно противопоставить марксизму, другие думают здесь найти только дополнение к Марксу. Люди таких различных направлений и таких противоположных лагерей, как Кунов, Кельзен и Онкен, зовут пролетариат в открытом или замаскированном виде назад, к Лассалю, к Лассалю-дополнителю или Лассалю-противнику Маркса» [1]).

Вопросу о том, что современное немецкое рабочее движение, руководимое социал-демократией, идет по пути Лассаля, а не Маркса, профессор Бернгард Гармс посвящает почти всю вторую часть своей книги о Лассале [2]).

Карл Траутвейн в своей книге о Лассале с величайшим одобрением относится к тому, что в немецком рабочем движении снова «возрождается дух Лассаля», а вместе с ним и национальное чувство. Это возрождение он называет нео-лассальянством и высказывает при этом надежду, что «такое нео-лассальянство перебросит мост не только к почтенному философскому миру мышления, который породил из себя национальную идею, но и к тому глубокому пониманию немецкой нации, которая нашла своего пламенного проповедника в лице Фихте, правильно понявшего культ этой идеи «как истинное служение богу»» [3]).

Несомненно, все идеологи буржуазии правы в этом отношении, когда связывают вопрос о «возврате с.-д. назад к Лассалю» с логически-неизбежным при этом возвратом «назад к Фихте». Поскольку с.-д. партии со строго-классового материалистического взгляда Маркса на государство (которого они по крайней мере формально держались) переходят на точку зрения Лассаля, несовместимую с историческим материализмом, то им приходится «пересматривать» и всю философию марксизма, а следовательно, и свое отношение к гегелевской диалектике, ставшей материалистической после того, как Маркс «поставил ее на ноги». Следовательно, с призывом «назад к Лассалю» в области политики и тактики связан теснейшим образом призыв «назад к Фихте» или «назад к Канту» в области философской.

Впрочем, сама немецкая с.-д. в своем официальном органе писала к юбилею Канта: «От Канта текут два больших духовных потока — через Фихте к Лассалю, через Гегеля к Марксу» [4]).

Вот этот-то поворот к Фихте особенно пришелся по душе идеологам буржуазии, и под этим углом зрения они готовы помогать вождям с.-д. голосить «назад к Лассалю».

Герман Онкен в своей заново переработанной книге о Лассале пишет: «После того как героическое напряжение сил нации ока-

[1]) C. Baron. «Die Politische Theorie Ferd. Lassalles». Verlag Hirschfeld, Leipzig 1923. Einleitung.

[2]) Bernhard Harms (Profes. an der Univers. im Kiel). «Ferdinand Lassalle und seine Bedeutung für die Deutsche Social-Demokratie». Verlag Fischer. Jena. 1909.

[3]) Carl Trautwein. «F. Lassalle und seine Verhältniss zur Fichteschen Socialphilosophie». 1913. Jena. Verl. Fischer. S. 166.

[4]) См. газету «Vorwärts» от 20 апр. 1924 г.

залось тщетным, ибо в своем жертвенном порыве нация оказалась недостаточно единодушной, зрелой и проникнутой чувством ответственности, чтобы с полной решимостью взять на свои плечи бремя, ниспосланное судьбой, мы снова оказываемся на том пути, который как будто бы длится для нас бесконечно; но тут перед нами снова вырастает из прошлого дух нашего национального возрождения; кто ныне не найдет непосредственного пути к духу Фихте, тот возможно сумеет притти к нему через посредство Лассаля» [1]).

Совсем иначе нам приходится расценивать взгляды Меринга по данному вопросу. Он неправ был во многом, но нельзя его относить к компании с.-д.

Что касается Меринга, то мы не можем согласиться с той оценкой взаимоотношений между Лассалем и Марксом, которые он дает в своей истории германской социал-демократии [2]), в своей биографии Маркса [3]) и в примечаниях к переписке Лассаля с Марксом [4]). Изложение, анализ и выводы Меринга являются более благожелательными по отношению к Лассалю, чем это оправдывается об'ективными историческими данными. Ошибка Меринга, быть может, связана отчасти с тем, что он не успел сделать должную переоценку всего прошлого германской социал-демократии на основании ее поведения во время войны, а особенно после нее, и в связи с этим радикально пересмотреть вопрос о взаимоотношениях между марксизмом, с одной стороны, лассальянством и социал-демократией—с другой.

Несомненно, что одним из препятствий, мешавших Рингу дать правильную оценку взаимоотношений Маркса и Лассаля, было и то, что Рингу не были известны все те фактические данные и материалы, которые стали известны лишь теперь и которые проливают новый свет на эти отношения. В частности Рингу не были известны играющие особенно важную роль в этом вопросе ответные письма Маркса к Лассалю, которые еще покойная Элеонора Маркс тщетно пыталась заполучить от сына графини Гатцфельд, Павла Гатцфельда, к которому перешла после смерти матери часть архива Лассаля.

Обстоятельный и об'ективно-научный марксистский анализ взаимоотношений Маркса и Лассаля (а также и Энгельса) может быть дан лишь теперь, когда, с одной стороны, история германской социал-демократии, завершившаяся изменой делу рабочего класса в 1914 году и после войны, с полной ясностью доказала, что эта партия в своей реальной политике была на протяжении долгих лет более лассальянской, чем марксистской (чего собственно не отрицают теперь уже и сами социал-демократы, о чем мы упоминали выше); с другой стороны,

---

[1]) Hermann Onken. «Ferdinand Lassalle. Eine Politische Biographie». Dritte Auflage. 1920. Deutsche-Verlag-Anst. Vorwort.

[2]) Меринг. «История герм. социал-демокр.». Госиздат. Перев. Ландау, том II, том III и том IV.

[3]) Ф. Меринг. «К. Маркс, история его жизни». Госиздат. 1920 г.

[4]) Письма Ф. Лассаля к Марксу и Энгельсу с прим. и предисл. Меринга. Русский перев. Шанина. Изд. «Литературное Дело».

этот анализ может быть сделан правильно и полно лишь теперь, когда мы имеем, наконец, все материалы и данные, касающиеся личных взаимоотношений Маркса и Лассаля [1]).

Каковы те источники, которые находятся в настоящий момент в нашем распоряжении для освещения этого вопроса? Самыми важными документами являются, прежде всего, конечно письма Лассаля к Марксу и Маркса к Лассалю, несколько писем Энгельса к Лассалю и обратно, интимная переписка Маркса с Энгельсом по поводу Лассаля, та оценка деятельности Лассаля и его последователей, которую они давали по разным поводам после смерти Лассаля, те места из переписки Лассаля с другими лицами, где последний касается своих взаимоотношений с Марксом и друзьями последнего. Наконец, рассказы и оценки их современников, получившие то или иное отражение в их переписке, мемуарах и устной передаче; важнейшие из этих, однако, будут большинство ответных писем Маркса и Энгельса к Лассалю, которые были неизвестны Мерингу [2]) и которые изданы теперь впервые Майером в 3-м томе литературного наследства Лассаля [3]).

Во взаимоотношениях между Лассалем и Марксом довольно явственно выступают три периода: первый период начинается от начала их знакомства, т.-е. с революционного периода 1848 года вплоть до окончания процесса графиня Гатцфельд (примерно до 1855 года); второй период тянется до начала лассалевской агитации и, наконец, третий период — это период агитации Лассаля и организации всеобщего германского рабочего союза, период, оканчивающийся смертью Лассаля.

Деление на три периода мы считаем правильным по следующим мотивам. В первый период, т.-е. до окончания гатцфельдского процесса, политические взгляды Лассаля (которые до революции 48 года складывались совсем по иному, чем политические взгляды Маркса) формируются под сильным влиянием Маркса. Это особенно видно в оценке Лассаля французских дел, т.-е. прежде всего бонапартистского пе-

---

[1]) В настоящей статье я не претендую дать исчерпывающую характеристику этих взаимоотношений, а пытаюсь наметить лишь основные вехи для решения этой задачи.

[2]) Меринг, как известно, издал письма Лассаля к Марксу без ответных писем последнего, которых он не мог достать. «К тексту и примечаниям» указанного издания (стр. XIII) Меринг писал: «Элеонора Маркс уже давно сделала ему запрос по поводу писем отца, которые могли остаться в литературном наследии Лассаля, но она не получила никакого ответа. Понятно, что я не прибег к этому пути вторично; насколько было необходимо сделать такую попытку раз, настолько было лишним, даже более, ее повторение».

С этой точки зрения надо считать изданную Мерингом переписку Лассаля и Маркса устаревшей ныне, несмотря на то, что сам Меринг был уверен, будто «ему удалось выяснить до немногих маловажных пунктов то, что могло быть неясным современному читателю в этих письмах» (там же).

[3]) Переписка между Марксом и Лассалем составляет третий том литературного наследства Лассаля, изданного Майером. **Ferdinand Lassalle. «Nachgelassene Briefe und Schriften. Band III. Der Briefwechsel zwischen Lassalle und Marx». Dentsche Verlag. Berl.—Stuttg. 1922 г.**

реворота и много др. В этот период Маркс не имел еще оснований считать Лассаля «безнадежным»; он мог рассчитывать еще видеть его в числе своих действительных учеников и в числе членов своей «партии» [1]). Наоборот, в промежутке времени от окончания гатцфельдского процесса до начала своей агитации Лассаль все дальше и больше отходит от Маркса. В теоретических работах этого периода выявляется, что он никогда в сущности не был марксистом в сфере своих философских и социологических взглядов, оставаясь скорее на уровне своих юношеских философских воззрений, лишь покрытых кое-где позолотой марксизма. Что же касается политики, то здесь по ряду вопросов он занимает отличную от Маркса и Энгельса позицию. Наконец, в третьем периоде, периоде практического дела, разногласия его с Марксом достигают кульминационного пункта, потому что дело идет о совершенно различном понимании ближайших задач начавшегося в Германии рабочего движения, которое, по мнению Маркса и Энгельса, Лассаль вел по совершенно неверному и опасному пути.

Период первого знакомства.

Личное знакомство Лассаля с Марксом произошло уже во время революции 1848 года. Лассаль, заинтересованный в успешном ходе дела графини Гатцфельд, обращался неоднократно в «Новую Рейнскую Газету» и добивался освещения на страницах этой революционной демократической газеты хода дела, которое, по мнению Лассаля, тоже было революционным делом (как известно, Лассаль сидел в тюрьме в связи с кражей шкатулки по гатцфельдскому делу вплоть до августа 1848 года).

До начала революции пути Лассаля и Маркса нигде не скрещиваются [2]). Лассаль (в 1844 году), как и Маркс, учился в Берлинском университете: как и Маркс, он усердно изучал гегелевскую философию; он, как и Маркс, вынужден был слушать философию у самого посредственного ученика великого учителя Гегеля — у Габлера, но Маркса Лассаль уже не застал. Он как известно, оставил Берлин за три года до этого, и Лассалю, таким образом, не пришлось с ним встречаться в период студенчества. Уже Гейне сказал: «В таких университетских городах постоянный прилив и отлив, каждые три года возникает новое поколение студентов — вечный человеческий поток; волна одного семестра отгоняет другую и только старые профессора стоят непоколебимо и недвижно среди всего общего движения, подобно пирамидам Египта, но только в этих университетских пирамидах не скрыто никакой премудрости» [3]).

---

[1]) Ниже мы увидим, как условно надо понимать по отношению к тому периоду, т.-е. по отношению к остаткам союза коммунистов, слово «партия».

[2]) Энгельс, как известно в письме к Конраду Шмидту от 26 ноября 1887 г., указывал, что до революции «ни Маркс, ни я не знали его (Лассаля)».

[3]) Heinrich Heine. «Die Harzreise». Reisebilder. Band V. «Werke» Hamburg Hoffmann und Campe. 1887.

Точно так же и в Париже (когда Лассаль приехал туда в 1845 г.) он Маркса уже не застал; Маркс находился уже в Брюсселе, будучи изгнанным из Парижа (зато, правда, Лассаль познакомился там близко и подружился с Карлом Грюном и Прудоном). О последнем знакомстве он вспоминает с восторгом в письме к отцу из тюрьмы от 11 апреля 1847 г. (см. т. I-й «Лит. Наслед.»). Итак, Лассаль встретился и близко сошелся с Марксом на промежутке времени между 11-м августа 1848 года, когда Лассаль был освобожден из тюрьмы, до 22 ноября того же года, когда Лассаль снова был арестован, но на этот раз уже не по гатцфельдскому делу, а за непосредственное участие в революции 1848 г. Повторяем: только теперь они могли близко познакомиться, и только такой маленький промежуток времени длилось их личное знакомство. Тем не менее Лассаль и Маркс настолько сблизились и подружились за этот короткий трехмесячный промежуток времени, что перешли на «ты» и сохранили это вплоть до разрыва. Маркс с женой посетили его и графиню в Дюссельдорфе и, как видно из письма Маркса к Фрейлигграту от 1849 года, Маркс, никогда не обладавший денежными излишками, пришел тогда на помощь графине в ее бедственном положении [1]).

Перейдем теперь к сущности их взаимоотношений. Здесь необходимо, прежде всего, опровергнуть утверждение Меринга, «что Маркс, как и Энгельс, питал просто антипатию к Лассалю, не поддающуюся доводам разума» с той лишь разницей, что «Маркс совладал со своей антипатией» [2]). Это, как мы докажем, в корне неверно. Единственно, что можно сказать, это то, что Маркс с самого начала отнесся к Лассалю дружественно, более дружественно, чем Энгельс, который, как известно, всегда был холоден к «еврею с восточной границы». Это видно не только из совершенно откровенной переписки его с Марксом, но отчасти также и из его переписки с Лассалем. От всех писем Энгельса к Лассалю, при всей их лойяльности и даже внешней любезности, веет внутренним холодом. Но об этом подробно ниже.

Маркс сумел (как это видно из позднейших писем Джени Маркс к Лассалю) уже тогда увидеть «настоящего революционера в энергичном, талантливом и полном огня юноше». Правда, и Лассаль сумел сразу понять и оценить все размеры гения Маркса, «почувствовать симпатию» к этой великой силе и проникнуться тем уважением к нему, которое он сохранил до самой своей кончины. Лассаль отдавал себе отчет в том, что он не мог считать себя равным Марксу. Он не только был моложе последнего на семь лет, но и далеко отставал от него и в других отношениях. Маркс вступил в революцию уже вполне сложившимся человеком, с определенным мировоззрением, которое раскрывало перед ним тайны человеческой истории и которое было продук-

[1]) Когда несколько позже Маркс, бежавший из Пруссии, испытывал денежную нужду, он тоже обратился к Лассалю и Фрейлигграту за помощью, хотя у него было много более близких друзей чем Лассаль. К сожалению, Лассаль не совсем благородно выказал себя на этот раз, как это видно из сообщения Фрейлигграта к Марксу, но об этом позже.

[2]) Ф. Мерингт. «Карл Маркс. Ист. его жизни», стр. 143 русского перевода.

том его собственной упорной творческой работы. Он обладал уже огромной эрудицией к этому времени. Как мы знаем, Маркс вступил в революцию 1848 года под знаком расчета с гегелевской философией («Критика гегелевской философии права»); под знаком расчета с полуутопическим и утопическим французским социализмом в лице Прудона («Нищета философии»); расчета с социализмом немецких подмастерьев в лице Вейтлинга и, наконец, с оформленной, законченной теорией классовой борьбы пролетариата. («Коммунистический Манифест»), т.-е. с документом, имеющим всемирное историческое значение. Сам Маркс отдавал себе ясный отчет в том, что он давал для мирового рабочего движения своими работами. Наоборот, Лассаль был лишь подающим большие надежды 24-летним юношей, который только впервые вступил на путь политической борьбы, который за время своей рассеянной жизни не мог накопить и десятой доли познаний Маркса, а главное не обладал важнейшим, что имел Маркс — не обладал его методом. Последнее вполне понятно, если принять во внимание, что мировоззрение Лассаля складывалось по-иному и существенно отличалось от мировоззрения Маркса. Лассаль вступает в движение 1848 года как верный сторонник гегелевской философии, приправленной лишь активизмом Фихте, как сторонник «истинных» социалистов Германии (К. Грюна), утопического и полуутопического французского социализма (Прудона, Луи-Блана), наконец, как последователь взглядов Бруно Бауэра в вопросе о роли вождей и масс в историческом процессе. Он, следовательно, не мог не относиться к Марксу теперь иначе, чем ученик к учителю, как бы ни противоречила такая участь огромному самолюбию и самонадеянности Лассаля. Но и Маркс, как мы указали, уже в этот период сумел оценить по достоинству талант и революционный темперамент Лассаля.

Это впечатление от личной встречи долго еще, повидимому, было для Маркса определяющим в его оценке Лассаля. Но, Маркс, несомненно, успел уже и в этот период заметить и главнейшие отрицательные черты Лассаля. Между прочим, уже в этот период существования «Новой Рейнской Газеты» Марксу не могло нравиться в Лассале, что он с головой погрузился в дело графини [1]); Марксу, конечно, не могла нравиться и та настойчивость, с которой Лассаль добивался внимания к этому процессу со стороны газеты, редактируемой Марксом, газеты, у которой в период революции было достаточно других более важных дел [2]).

---

[1]) Маркс еще в 1856 году 5/III, уже после окончания процесса, вспоминает в письме к Энгельсу: «как будто бы действительно значительный человек мог бы пожертвовать десять лет для такого пустяка».

Фрейлигграт, как известно, тоже всегда порицал Лассаля за то, что, по мнению последнего, вся мировая история вертится вокруг кучи семейного навоза графини.

[2]) Тем не менее Маркс освещал на страницах своей газеты ход процесса графини Гатцфельд в связи с кражей шкатулки, несмотря на то, что реакционная пресса даже пыталась пустить слухи о материальной заинтересованности этой газеты в судебном деле графини. Энгельс не прав, когда он

Революция является важнейшим пробным камнем для людей и в то же время сильнейшим цементом, который часто на долгие годы соединяет участников революционного процесса. Испытание, которому подвергла Лассаля революция 1848 года, не было достаточно глубоким. Он не участвовал ни в вооруженной борьбе на юге Германии, ни в столице Пруссии—Берлине, где прежде всего решалась судьба Мартовской революции. Как «главноуполномоченный» графини Гатцфельд, он вынужден был держаться попеременно рейнских провинций: Ахена, Кобленца, Кельна. Революционное участие он принял в дюссельдорфском движении. Таким образом, Лассаль участвовал в движении, если можно так выразиться, в губернском масштабе, и с этой точки зрения можно согласиться с утверждением Энгельса, что «Лассаль тогда никакой политической фигуры собой не представлял»[1]). Но, тем не менее, и участие в губернском масштабе не помешало Лассалю проявить в достаточной мере свойственный ему революционный темперамент[2]). Но, несомненно, его связанность с гатцфельдским процессом, который поглощал все его внимание и все его силы до начала революции и во время самой революции (даже в тот период, когда Лассаль сидел в тюрьме за участие в революции, он не переставал из тюрьмы интересоваться гатцфельдским процессом, который вызывал не меньший интерес в нем, чем продолжавшая еще тлеть революция), сыграла отрицательную роль в том смысле, что он недостаточно понимал и чувствовал решающее значение для дальнейших судеб Германии этого «безумного года». Но тут, пожалуй, правильнее было бы взглянуть на это явление несколько глубже. Гатцфельдский процесс мешал участию его в революции скорее физически. Дело в том, что Лассаль не видел разницы между этими двумя явлениями: судебный процесс был для него как бы ветвью революционного процесса вообще. Он самым серьезным образом рассматривал процесс графини Гатцфельд, как революционный акт. Это дело отнюдь не было его увлечением или «грехом юности». Такой взгляд на этот процесс вполне вытекал из общего мировоззрения Лассаля: для него всегда критерием при оценке событий и фактов исторического значения служила отдельная выдающаяся личность, концентрирующая в себе основные черты эпохи. По его мнению и революционный принцип мог воплотиться в отдельном человеке и его судьбе. В данном случае все зло феодального мира воплотилось для него

утверждает, что «Новая Рейнская Газета» никогда не хотела заниматься этим процессом. Как правильно указал Меринг: «память в данном случае изменила ему».

[1]) Энгельс к Конраду Шмидту 26 ноября 1887 г.

[2]) Едва он только был выпущен из тюрьмы 11 августа, как он немедленно окунулся головой в революцию. 29 августа мы его видим уже выступающим в Народном собрании в Кельне, требуя освобождения Фрейлиграта. Два дня позже такое же собрание в Дюссельдорфе, требовавшее освобождения поэта революции, послало адрес прокурору. Этот адрес, как оказывается, был составлен Лассалем. Он играл также видную роль в Народном клубе и в городской милиции Дюссельдорфского округа. 22-го ноября он уже арестован за призыв к всеобщему вооружению, неподчинению королевской власти. (Gustav Mayer „Zur Einführung in den zweiten Band Lassalles „Nachg. Briefe“ etc. S. I. III).

в несчастной судьбе графини Гатцфельд. Далее, его взгляд на право, на то, что всякий принцип должен сначала найти себе правовое выражение, пришпоривал его вести многолетние судебные процессы за восстановление попранных прав графини [1]). Не только в эти годы, но и в более поздние, Лассаль, оглядываясь на пройденный путь, не жалел, что посвятил так много лет этому процессу. Больше того, он считал этот процесс самой красивой страницей своей жизни, потому что он был уверен, что он боролся за революционное дело [2]).

Но Маркс, конечно, связался и подружился с Лассалем не как с участником этого процесса, а именно, как с деятелем революции 1848 года. Воспоминания об этом общем участии в движении играли большую роль в их взаимоотношениях на ближайшие годы.

Как мы уже говорили, в ноябре 1848 года Лассаль был снова арестован и выпущен на свободу лишь в июле 1849 года за участие в революции 48-го года. Правда, присяжными заседателями он был оправдан несколько раньше, именно в мае, но он снова был взят под стражу, так как он должен был предстать затем перед судом профессиональных судей за противодействие, оказанное в тюрьме тюремной админи-

---

[1]) Еще в 1856 году Лассаль в письмах графине Гатцфельд писал: «в вас облеклась плотью некая всемирно-историческая мысль, впервые нашедшая себе выражение в действительности, и что, следовательно, Ваша судьба, хороша ли она или дурна, есть не что иное, как практически выявленное следствие из этой мысли и ее оппозиционного отношения ко всему прошлому». (Ferdinand Lassalle's Nachgelassene Briefe und Schriften. Band IV, S. 14).

«И если одинокою борющаяся женщина находит эту помощь, то это является самым сильным и победоносным доказательством, что она борется не просто за свое счастье и вообще не за какое-нибудь чисто личное, хотя бы и высоко ценное благо, но что она страдала и боролась за действительную и безусловную всеобщую идею века, за подлинно, всеобщий принцип свободной личности...». См. большое письмо-статью в „Nachgelassene Briefe und Schriften". Band IV, S. 11—44.

«...Мы не исключения, а лишь представители общества, спешащие принести дань уважения вновь народившемуся принципу женской личности. Свободная личность борется за всеобщее признание и утверждение своей внутренней истины, своего принципа. Но принцип, достигший всеобщего признания и внешнего господства, есть право. Личность борется, следовательно, за свое право и борется правовым путем» (стр. 44).

«... И, конечно, уж эта помощь могла притти только из рядов тех, кто целиком стал под знамя свободного осуществления личности, т.-е. из рядов социальных революционеров; она могла, далее, притти только в такой момент, когда идея безусловного осуществления свободной личности достаточно глубоко проникла в мир и развилась настолько, чтобы решиться на насильственное проведение себя в жизнь, т.-е. незадолго до взрыва всеобщей социальной революции» (там же, стр. 40, 41).

В таком же духе, как известно, он произнес речь на суде.

[2]) Об этом он писал в интимном письме-исповеди к Софье Солнцевой в 1860 г., а еще позже в 1864 г. в письме к профессору Губеру. См. Archiv für Geschichte des Socialismus und der Arbeiterbewegung. Herausgegeben von Carl Grünberg. Erster Band. 1911. S. 191.

Возможно, что тут было и много привходящих причин чисто личного характера, касавшихся интимных отношений Лассаля и графини. Но рыться в этом сплетении предоставим буржуазным психологам и Карлу Каутскому, усиленно занимающемуся на старости лет вопросом о любовных отношениях Лассаля и графини. (См. Die Gesellschaft № 4, 1924 г.).

страции. На этот раз его присудили к шестимесячному тюремному заключению, но ему отсрочили эту отсидку за залог в 500 тал. до ноября 1850 г. Из тюрьмы Лассаль вышел в апреле 1851 г.

Когда он был выпущен на свободу, революция на Рейне была уже раздавлена; только кое-где еще догорало революционное пламя. Энгельс принимал еще участие в Баденской революционной армии, как ад'ютант Виллиха. Но реакция подымала уже голову: «Новая Рейнская Газета» была закрыта, а Маркс после долгих перипетий бежал в Париж; отсюда, как известно, он переехал затем в Лондон, куда вызвал и Энгельса.

С этого времени вплоть до 1861 года (пока Маркс не посетил лично Лассаля в Берлине) они не видались и поддерживали связь лишь путем переписки. Переписка Лассаля с Марксом, с одной стороны, и Маркса с Энгельсом, с другой, за весь этот период является важнейшим материалом для оценки их взаимоотношений в этот период. Поэтому на этой переписке мы и сосредоточим теперь наше главное внимание.

Маркс и Лассаль перешли на «ты» во время революции 48-го года. Это «ты» они сохранили до конца своей переписки, несмотря на очень резкое охлаждение и резкое недовольство друг другом, имевшие место в последние годы жизни Лассаля. Общий характер писем Лассаля таков: во-первых, его письма значительно длиннее марксовых; тон писем — совершенно искренняя любовь и уважение к Марксу и глубокая уверенность во взаимности с другой стороны. Лассаль часто впадает в лирический тон и часто не чувствует рисовки и позерства. Создается впечатление, как-будто бы Лассаль несколько подтягивался перед Марксом, как будто бы он был заинтересован, чтоб снискать доверие у Маркса и чтобы Маркс был о нем как можно более хорошего мнения. Письма Маркса значительно короче, суше, но вместе с тем чувствуется, что Маркс, зная самолюбие и самонадеянность Лассаля, пытается отвечать ему в тон. Только этим можно об'яснить то, что Маркс настоящую оценку Лассаля, его поступков и теоретической работы давал лишь в письмах к Энгельсу, не решаясь об этом писать самому Лассалю. Однако то, что Маркс и позднее, в годы агитаторской деятельности Лассаля, не выступал с публичной критикой Лассаля, несмотря на уговоры друзей и, в частности, Энгельса, об'ясняется совсем иной причиной, а именно: Маркс не хотел критикой Лассаля нанести вред молодому, не окрепшему еще рабочему движению. Это, как известно, Маркс сделал лишь после смерти Лассаля перед окрепшими организациями рабочего класса, после того, как он убедился, что и об'единенная партия эйзенаховцев и лассальянцев весьма далека от позиции революционного марксизма.

Обратимся теперь к переписке между Лассалем и Марксом—Энгельсом. Но предварительно мы считаем необходимым для понимания всего дальнейшего дать краткий перечень и хронологию важнейших моментов из жизни Лассаля за этот период: 11 августа 1848 года Лассаль был выпущен из тюрьмы (где он сидел по делу графини Гатцфельд в связи с обвинением его в подстрекательстве друзей Мендельсона

и Оппенгеймера к краже шкатулки у любовницы графа — баронессы Мейндорф). После этого Лассаль находился на свободе вплоть до 22 ноября 1848 года, когда он был вновь арестован, на этот раз за участие в революционном движении, и просидел вплоть до июня 1849 года.

Дошедшая до нас переписка Маркса и Лассаля начинается письмом от 28 февраля 1849 года [1]). Это письмо Лассаль писал Марксу из Дюссельдорфской тюрьмы, в которой он сидел с 22 ноября 1848 года, в связи с обвинением его в призыве к неподчинению властям и в подстрекательстве к восстанию против королевской власти [2]). В своем письме Лассаль сообщает о предании его одновременно ассизному суду и суду исправительной полиции и просит Маркса: 1) написать громовую статью об этом (разумеется, в «Neue Rheinische Zeitung») и 2) организовать депутацию к генеральному прокурору Николавиусу, которая должна требовать передачи дела уже в ближайшую сессию суда. Это должно было ускорить решение дела месяца на четыре.

В заключение Лассаль обещал Марксу, с своей стороны, привести все в движение, если Маркс «сядет», что, конечно, «непременно когда-либо случится», привести в движение, «несмотря на свойственную мне лень» (характеристика самого себя, явно несправедливая).

---

[1]) Все письма Лассаля к Марксу и Энгельсу и их ответы составляют 3-й том «Литературного наследства» Лассаля. Для краткости мы будем указывать 3-й том «Наследства».

[2]) Как мы уже указывали, Лассаль был арестован за участие в событиях 48 года. К Лассалю хотели применить двойное обвинение, ибо одно только обвинение в призыве к вооруженному сопротивлению войскам и чиновникам не требует предварительного заключения. Тут, несомненно, прав Мерінг, который утверждает, что рейнская юстиция мстила теперь Лассалю за то поражение, которое он ей нанес перед судом присяжных в Кельне по гатцфельдскому процессу в августе 48 года (см. Мерінг, примечание к письмам Фердинанда Лассаля, стр. 11).

Лассаль сильно нервничал в тюрьме, ссорился бесконечно и бунтовал против тюремной администрации и чиновников юстиции. Как теперь выясняется из актов, найденных Густавом Майером в «Литературном наследстве», особенно крупные стычки происходили у Лассаля с начальником тюрьмы Морретом, которые чуть не кончились рукопашной между надзирателем и Лассалем, в которой приняли участие и начальник тюрьмы и судебный инспектор (как известно, за это «сопротивление властям» Лассаль снова предстал перед судом).

Как раз к этому же периоду относятся попытки властей арестовать и графиню и ее сына. (Gustav Mayer „Zur Einführung in den II Band Lassalles „Nachgelass. Briefe", etc. S. 3, 4).

Ничего удивительного, что Лассаль в это время сильно нервничал (о чем он писал своему отцу и прежнему другу Арнольду Мендельсону) и всячески приставал к Марксу и Энгельсу, чтобы они сами и газета их партии, к которой он теперь и себя причислял, проявили внимание и участие к его судьбе и будили бы общественное мнение.

Отцу он писал 9-го января 1851 г., во время своей второй отсидки: «Это счастье, что природа наделила меня стоицизмом, столь неотразимым для жизни в этом мире. А то я бы, действительно, должен был иметь сожаление к самому себе. 1-го апреля 1851 г. я уж буду насчитывать 21 месяц моей жизни, проведенной в тюрьме. Это не пустяки». Intime Briefe an Eltern und Schwester. Herausgegeben von E. Bernstein. 1905.

Во втором письме от 26 марта [1]), написанном в этой же тюрьме, Лассаль жалуется на невнимание Маркса к его просьбе и не без горести пишет: «... при некотором интересе ко мне, который я имел смелость до сих пор предполагать у тебя, ты непременно должен был бы разразиться громом» [2]). Далее, Лассаль пишет о том, что, согласно просьбе Маркса, находившего необходимым подвергнуть критике решения апелляционного суда цо гражданским делам, он посылает длинную статью в «Neue Rhein. Zeitung». Автор очень торопил Маркса с помещением статьи и просил его самого снабдить статью примечаниями «от самого ядовитого être suprême твоего ума». «Прояви внимание к статье и обряди ее, как любимое дитя, которое выпускают в свет». (Между прочим, эта статья совсем не появилась в газете не по вине Маркса, так как газета доживала свои последние недели). К обычному нетерпению Лассаля присоединилась здесь еще психология каждого тюремного сидельца, которому всегда кажется, что на воле его забыли.

Затем Лассаль выражает сожаление по поводу болезни Маркса (печень) и потому «прощает» невнимательное отношение газеты к своей личности[3]): выражает свое восхищение статьей Маркса о франкфуртском мартовском ферейне (статья в «Новой Рейнской Газете» от 11-го и 17-го марта 1849 г.) и в заключение приглашает Маркса снова «побывать у нас» (Маркс с женой посетил Лассаля и графиню в Дюссельдорфе).

Следующее в хронологическом порядке письмо, писанное Лассалем в начале мая из той же тюрьмы, адресовано Энгельсу. В этом письме Лассаль просит Энгельса поместить в газете «Räsonierenden

. Lassalle. «Nachgel. Briefe» etc. Band III, S. 4.

[2]) Жалобы Лассаля не совсем были справедливы. 3-го марта Маркс, Энгельс, Шаппер, Бюргерс, Риттингаузен и сын графини Гатцфельд, Павел, отправились с ходатайством к генеральному прокурору, но им ничего не удалось от него добиться.

Еще до этого, 2-го января, депутация дюссельдорфских граждан вместе с депутацией от кельнского рабочего союза и демократического общества Кельна, в количестве 16 человек, подали генеральному прокурору Николавиусу адрес с 2.800 подписями, в котором, между прочим, говорилось:

«Люди, подобные Ф. Лассалю, который за короткое время своего выступления на общественную арену приобрел многочисленных и восторженных друзей и которому злейшие враги принуждены были отдать должное в том, что он посвятил все свои силы своей богато одаренной натуры, всю мощь своей речи и всю свою неутомимую деятельность лишь ограждению конституционной свободы и ни на секунду не оставлял почвы законного протеста,—эти люди томятся неделями в тюрьме и подвергнуты судебному следствию, построенному на самых бессмысленных доносах и могущему поэтому легко затянуться до бесконечности». Одновременно с этим адресом «Neue Rheinische Zeitung» напечатала известное письмо, в котором Генрих Гейне рекомендовал несколько лет тому назад молодого Лассаля Варнагену фон-Энзе, и прибавляла к просьбе, высказанной депутацией генеральному прокурору, просьбу и пожелание, «чтобы не гибло в тюрьмах все то, что наша бедная страна имеет среди молодежи лучшего и талантливого, одаренного всеми теми способностями, которые так верно сумел оценить один из величайших умов». (См. примечания Мерринга к «Письмам Лассаля», русское издание, стр. 12).

[3]) О процессе Лассаля в «Новой Гейнской Газете» была помещена передовая 2-го и 3-го мая.

Artikel» о «произволе» ассизного суда в связи с его делом. В этом письме он дает весь необходимый материал, освещающий ход дела на суде и поведение последнего [1]). В газете от 6-го мая был дан отчет о суде, но статья, о которой просил Лассаль Энгельса, в газете не появилась.

После закрытия «Новой Рейнской Газеты» и эмиграции из Германии Маркс, находясь во Франции и испытывая крайнюю нужду, обратился за материальной поддержкой к Фрейлиграту и Лассалю. Лассаль в это время (т.-е. в июле 1849 года) уже был освобожден из тюрьмы. В своем письме, которое не сохранилось, Маркс просил не делать огласки по поводу его просьбы. Она была обращена лишь к его друзьям.

Этим письмом к Лассалю открывается целая серия писем или отдельных мест в письмах, которые можно отнести к одной рубрике «денежного угла». Как мы увидим ниже, нельзя сказать, чтобы эта сторона отношений Лассаля к Марксу была особенно привлекательной, особенно для рабочего читателя наших дней. И как раз то письмо, которое написал Лассаль в ответ Марксу [2]), а также и предпринятые им шаги с целью помочь своему товарищу, обнаруживают характерную вообще для него бестакность в подобного рода делах.

Лассаль писал Марксу следующее.

Требуемой для Маркса суммы, примерно 200—300 талеров, у него самого нет. Точно так же, насколько он знает здешнюю публику и сочувствующих, то и среди них нет такого лица, которое могло бы дать сразу всю сумму. Чтобы как можно скорее достать деньги и в то же время сделать все осторожно и тактично («Mit ganz ausnahmweiser Diskretion und Delikatesse») (! ? *П. В.*), Лассаль придумал ни больше ни меньше, как собрать нужную сумму с двух-трех десятков лиц, с каждого по десять талеров. Он уже собрал таким путем с пяти лиц 60 талеров и собирается послать Марксу перевод, как только будет собрано сто талеров. Далее Лассаль пишет: «однако Фрейлиграт думает, что тот способ, каким я хочу достать тебе деньги, тебе покажется недопустимым. Я этого не думаю». И дальше Лассаль мотивирует это тем, что «avant tout il faut vivre» (прежде всего надо жить) [3]).

Маркс, разумеется, был иного мнения на этот счет и был очень раздражен и удивлен поведением Лассаля. В письме к Фрейлиграту он писал по этому поводу: «сознаюсь тебе, что поведение Лассаля меня крайне удивило. Я обратился лично к нему, и так как я сам однажды одолжил

---

[1]) Как известно суд постановил, несмотря на все протесты Лассаля (4-го и 5-го мая 1849 года), слушать его дело при закрытых дверях в наказание за то, что предстоящая защитительная речь подсудимого появилась накануне в печати. (См. письмо Лассаля к Энгельсу. Начало мая 1849 года. 3-й том «Литературного наследства», изд. Густава Майера).

[2]) На этом письме с датой 30 июля 1849 г. имеется пометка: «Bei Freiligrath, Köln» см. F. Lassalle, „Nachgel. Briefe" etc. Band III. S. 10.

[3]) Ф. Меринг в своей книге «Карл Маркс» выставляет Лассаля здесь в более выгодном свете, чем последний этого заслуживает. «Он пишет: «Оба сделали все, что могли, чтобы помочь ему, но Фрейлиграт жаловался на неделикатность Лассаля, обсуждавшего положение Маркса во всех пивных» (стр. 153).

графине деньги, а с другой стороны, знаю о симпатии Лассаля ко мне, то я был далек от того, чтобы ожидать с его стороны такой компрометации. Наоборот, я рекомендовал ему величайшую осторожность. Самая большая нужда для меня легче публичного нищенства. Я написал об этом Лассалю. Вся эта история до чрезвычайности огорчает меня».

Письмо Маркса к Лассалю на ту же тему не сохранилось.

Для понимания дальнейших писем нам необходимо указать на следующее. В судьбе гатцфельдских процессов после революции 48 года произошел определенный перелом. В воздухе повеяло иным. Если раньше присяжные заседатели свои симпатии выражали угнетенной стороне и выносили приговоры в пользу графини, то теперь реакционная юстиция торопилась отомстить Лассалю и графине. Он был теперь вынужден вести целый ряд процессов, которые отнимали у него, несомненно, больше сил, времени, внимания и энергии, чем общеполитические дела. Лассаль, конечно, не был бы Лассалем, который «хотел бороться, пока жив, и уступить, лишь умирая», если бы он бросил это дело, не доведя до конца. И даже в такие минуты, когда он чувствует себя утомленным и «ненужно обремененным семьей, будучи холостяком», он ни на одну минуту не помышляет оставить процесс. Его рыцарство, долголетняя дружба с графиней пришпоривала Лассаля, помимо его убеждения и взгляда на процесс, как на революционное дело.

Следующее из сохранившихся писем к Марксу датировано 24-м октября 1849 г. Лассаль извиняется, что долго не отвечал на письмо Маркса (не сохранившееся) и в дальнейшем пишет, главным образом, о политическом положении в Европе. В виду важности этого письма, приведем здесь большую часть его. В начале письма Лассаль, жалуясь на ход гатцфельдских процессов, говорит:

«Яд и желчь, которыми меня ежедневно пичкают наши превосходные судебные коллеги в виде своих милых решений в мириадах гатцфельдских процессов, заставят меня verbotens лопнуть, если эта кормежка будет продолжаться еще два года. Всякий живущий в Германии красный демократ раз навсегда испытывает на себе, что значит быть красным. Его или лишают должности, или арестовывают, или делают нищим, или уничтожают. Но нас в полном смысле слова к а л е ч а т. Сегодня нам отрезывают нос, завтра ухо, послезавтра ногу и т. д., а, главное, господа судьи отрезывают нас, как осажденный город, от всякого провианта. Наше положение, наши бесчисленные процессы в бесчисленном количестве судов делают возможным то, что на единичные личности падают у нас все несчастья, которые постигли демократию и которые ее еще постигнут; то, что у других распределяется на многие тысячи людей, так что на долю каждого выпадает бремя, которое еще можно перенести, у нас сосредоточивается на одном лице. Это очень почетно; для поэта, воспевающего страдания,—в высшей степени интересный материал, новая судьба Христа, которая концентрирует все страдания человеческого рода в его единичной личности—но это очень утомительно! Поэтому я истекаю ядом и желчью, и это тебе достаточно об'яснит, почему все мои письма, бывшие и будущие, имеют, будут и должны иметь исключительно сильный желчный привкус». Далее Лассаль переходит к обще-политическим вопросам:

«Мои взгляды относительно Венгрии совершенно согласуются с твоими, но мои выводы из них, пожалуй, отличны от твоих. Венгрия имеет больше шансов, чем какая-либо иная страна, счастливо окончить борьбу. И это—среди других причин, потому что там партии еще не достигли определенного разделения, резкого антагонизма, как в Западной Европе, потому что революция там была облечена в значительной степени в форму национальной борьбы за независимость. Тем не менее Венгрия была побеждена и именно вследствие предательства национальной партии. Из этого в связи с историей Германии 1848 г. и 1849 г. я извлек тот непоколебимый урок, что никакая борьба в Европе не может быть успешна, если только с самого начала она не будет провозглашена чисто социалистической; что не может больше удаться никакая борьба, в которой социальные вопросы входят лишь как туманный элемент и стоят на заднем плане и которая с внешней стороны ведется под знаменем национального возрождения или буржуазного республиканизма; что никакая борьба не может иметь успеха, если она, как в июне 1848 г., заранее не об'явит своим паролем без всяких прибавлений: «труд или смерть». С одной стороны, это, правда, очень приятное убеждение, что мы тем самым избегаем гнусности буржуазного господства. Но, с другой стороны, напрашивается вопрос, будет ли Германия обладать в скором времени такой силой, чтобы победоносно поднять чисто красное знамя? Достаточной ли силой уже обладает социализм в Германии, чтобы быть в состоянии в скором времени для себя самого, и не драпируясь в чисто республиканский энтузиазм, сорвать со стены меч? Если иметь в виду одну лишь Германию, то пришлось бы на этот вопрос ответить печально и отрицательно. На счастье у нас есть Франция! Ты пишешь, что ждешь с уверенностью будущей весной восстания в Париже. Источником при этом служат тебе французские réfugiés. Но из письма Дронке [1]), которое я только что получил и которое согласуется со многим другим, я вижу, что французские рабочие очень abattus (чего я не думаю) и что рабочие (чему я очень верю) потеряли всякое доверие к Montagne, вследствие ее ужасного и чисто немецкого поведения 13-го июня. Как бы они ни были правы, но это во всяком случае тормозило бы новый под'ем движения, так как и вожди тайных обществ пока запрятаны в тюрьму Mont St. Michel [2]). И очень возможно, что французские réfugiés в Лондоне, Ледрю и др., тешат себя иллюзиями относительно настроения рабочих по отношению к ним и недостаточно осведомлены на этот счет.

Однако во всяком случае думаю, что во Франции весной или летом 1850 г. вспыхнет революция [3]).

В этом письме необходимо отметить два момента: с одной стороны, ни на чем не основанную веру в под'ем революции как раз в то

---

[1]) Один из редакторов «Нов. Рейнской Газеты» после многих лет революционной работы, лишений и нищеты занялся коммерцией и отошел от работы.

[2]) Речь идет об аресте Бланки.

[3]) Цитировано по русск. перев. писем Лассаля изд. Меринга; в изд. Майера см.: «Ferd. Lassalles «Nachgelas. Briefe» etc. Band III, S. 13 u. a.

время, когда реакция только еще началась. Эту иллюзию тогда разделяли представители всех без исключения революционных партий, и Маркс с Энгельсом в том числе. С другой стороны, мы должны отметить чрезвычайно важную и впервые высказанную Лассалем уже тогда (в конце 1849 г.) мысль о том, что никакая революционная борьба в Европе не будет иметь успеха, если с самого начала она не будет провозглашена, как борьба социалистическая. Ниже мы увидим, что Лассаль далеко не всегда последовательно придерживался на практике этого взгляда. Но та водораздельная линия, которая отделяла его пропаганду 60-х годов от пропаганды, например, Либкнехта, шла именно по этой линии. Но об этом ниже.

Следующее письмо Лассаля к Марксу писано из Дюссельдорфа 12 февраля 1850 г. Лассаль описывает в нем свою очередную неудачу с гатцфельдским процессом, жалуется на болезнь и подавленное настроение духа. Во второй части письма Лассаль пишет о том, что он сделал для распространения издававшихся Марксом «Revue»[1]). Приведем эти строки целиком, потому что они очень хорошо характеризуют ту общественную обстановку, в которой приходилось жить и действовать Лассалю.

Я отдал напечатать об'явление в «Дюссельдорфскую Газету». Я заказал, далее, отлитографировать об'явления вместе с подписными листами во многих экземплярах, выложил их для подписывания в трактирах и у друзей, роздал их разносчикам и т. д. Тем не менее результат очень скромный. Причина этого в совершенной разрозненности демократии в Дюссельдорфе; чтобы изловить ее, нужно было бы, подобно хомяку, пролезть через все подземные норы. Вторая причина та, что демократия в Дюссельдорфе стоит на бесконечно-низкой ступени. Далее, люди этого сорта здесь также невероятно напуганы деспотическим правлением. Многие трактирщики из страха отказались выкладывать листы в своих заведениях. Насколько этот страх может казаться смешным, настолько же основателен, если упомянуть, что на этой неделе полиция отняла разрешение на торговлю и закрыла заведения приблизительно у шести—восьми здешних трактирщиков на том только основании, что они демократы. Эти люди могут теперь умирать с голоду вместе со своими многочисленными семьями! При этом прилагаю лист здешних абонентов. Куда мне посылать подписные листы, на которых значатся оригинальные подписи? Напиши мне об этом немедленно. Замечу однако, что ты можешь сейчас же послать сюда по крайней мере вдвое больше экземпляров, чем подписано, и это потому, что главным основанием у многих неподписавшихся было желание сначала увидеть журнал. Ты ведь знаешь, что эти буржуа

[1]) Маркс, как известно, вызвал из Швейцарии Энгельса в Лондон для продолжения издания «Новой Рейнской Газеты», которая должна теперь выходить в виде журнала-ежемесячника под названием „Revue". Маркс надеялся, что при успешном ходе издания, удастся издавать его затем двухнедельным и даже еженедельником. 11-го января 1850 г. было опубликовано приглашение к подписке на акции по 50 франков каждая. Лассалю, как и Вейдемейеру было поручено завербовать подписчиков.

должны сначала видеть, слышать, обонять и осязать, прежде чем решиться израсходовать хоть крейцер. Мои старания раздобыть что-нибудь для экспедиции в Нью-Йорк оказались совершенно неудачными. Здесь считают безумием посылку в Нью-Йорк эмиссара для завязывания сношений с трансатлантической партией или тому подобные вещи; если говоришь здесь о таких обширных делах, то раскрывают рты и носы. В маленьких городах постигают только то, что находится вблизи. Тем не менее я, может быть, собрал бы что-нибудь, если бы незадолго перед этим нам не пришлось собирать для обвиненных и разоренных вследствие здешних майских происшествий. Тогда я и Кантадор [1]) выпустили воззвание, которое принесло 120 талеров. Но этим самым мы исчерпали карманы и щедрость дюссельдорфских граждан на несколько месяцев. Короче говоря, я не мог ничего получить. А касса графини—я скоро должен буду сам итти собирать для нее» (цитир. по изданию Ф. Меринга).

В письме от 16 апреля, являющемся ответом на записку Маркса, Лассаль, главным образом, рассказывает о том, что им сделано для распространения издававшихся Марксом сборников. Успех Лассаля в этом деле, как видно из письма, был невелик [2]). Лассаль очень хвалит блестящие статьи Маркса в сборнике и находит «очень живыми и статьи Энгельса». В связи с общей оценкой положения в Европе Лассаль пишет: «Я очень обрадовался тому, что ты считаешь наступление революции столь близким, тем более, что это совпадает с моим мнением. Но я здесь в этом отношении достаточно одинок, потому что большинство считает возможным опять надеяться только на президентские выборы во Франции (в конце 1851 года)» [3]).

---

[1]) Кантадор один из вожаков дюссельдорфских демократов 1848 г., арестованный тогда вместе с Лассалем, но выпущенный вскоре.

[2]) Да и вообще все это предприятие не имело успеха. Меринг пишет: «... Удалось разместить лишь небольшое количество акций. Газета печаталась в Гамбурге, где одна книгопродавческая фирма взяла на себя комиссионное издательство журнала: она потребовала за это 50% из 25 зильбергрошей (около 1 р. 25 к.), составлявших подписную плату за четверть года. Особенных трудов фирма не затратила на это дело, тем более, что ей мешала прусская оккупация в Гамбурге. Впрочем, дело едва ли пошло бы лучше, если бы она прилагала и большее усердие. Лассаль не набрал в Дюссельдорфе и 50 подписчиков, а Вейдемейер, который выписал 100 экземпляров для распространения во Франкфурте, получил за полгода лишь 51 гульден; «хотя я в достаточной степени надоедаю людям, все же, несмотря на все напоминания, никто не торопится платить». С справедливым огорчением писала ему жена Маркса, что дело загублено небрежностью, и неизвестно, что более всего повредило ему, неаккуратность ли книгоиздательской фирмы, знакомые ли и управляющие делами в Кельне или поведение демократии.

Часть вины заключалась также в недостаточной редакционной подготовке, которая, в сущности, покоилась только на Марксе и Энгельсе. Рукописи для январской книжки получены были в Гамбурге лишь 6-го февраля. Однако потомки должны быть благодарны и за то, что этот план был вообще приведен в исполнение: если бы он задержался хотя на несколько месяцев, то быстрый упадок революционного настроения сделал бы выполнение его вообще невозможным» (Карл Маркс. История его жизни. написанная Францем Мерингом. Гл. VII. Лондонское изгнание. 1. «Новое Рейнское Обозрение». стр. 154, 155).

[3]) Lassalle. «Nachgel. Briefe» etc. Band III. S. 24.

Как видим, обмен иллюзиями между друзьями еще продолжался и в 1850 г., хотя Маркс уже начал тогда переоценку ценностей.

Точно также и в письме Лассаля от 16 мая 1850 г. после отчета в распространении издания Маркса (около 50 экземпляров) Лассаль пишет:

«Напиши мне, возможно скорее, думают ли французские эмигранты в Лондоне о возможности восстания в Париже в случае проекта избирательной реформы. Я, впрочем, твердо убежден, что это случится и должно случиться. Социализм или, вернее, социалистическая партия во Франции совершенно осрамила бы себя, если бы она в таком жизненном вопросе не обнажила своего меча. И если она его обнажит, то, по моему убеждению, победа совсем не так уж сомнительна» [1]).

Из переписки этого года надо еще упомянуть письмо Лассаля к жене Маркса, где он на ряду с соображениями о французских делах пишет несколько теплых слов утешения г-же Маркс в связи с ее семейными печалями.

Как известно, эти надежды на скорую победу революции не оправдались. Во Франции уничтожение всеобщего избирательного права не вызвало рабочего восстания. «Борьба шла уже только между Луи Бонапартом и реакционным монархическим национальным собранием». В Германии мелкая буржуазия, сыгравшая революционную роль, сошла со сцены. А на сцене продолжала орудовать буржуазия, помогавшая реакционной Пруссии ликвидировать остатки революции.

Маркс и Энгельс были слишком крупными политиками и теоретиками, чтобы дать себя увлечь «революционными фразами» и авантюристическими попытками искусственно вызвать революцию, исходившими со стороны части эмиграции, которая, по словам Маркса, считала: «мы должны немедленно получить власть или пиши пропало»; так могло думать это меньшинство только потому, что оно «устанавливает вместо критического воззрения догматическое, вместо материалистического идеалистическое; вместо реальных обстоятельств маховым колесом истории для него становится воля». Маркс же звал рабочих к реальному учету вещей, к закаленности и выдержке; он говорил: «вам предстоит пятнадцать, двадцать, пятьдесят лет гражданской борьбы, а также войны между народами не только для того, чтобы изменить условия жизни, а чтобы изменить самих себя и приобрести умение и навык к политическому господству».

Как известно, разногласия привели к расколу Союза Коммунистов, при чем «старая гвардия», за исключением Шаппера, в большинстве пошла за Марксом-Энгельсом. Чтобы спасти Союз, пришлось его управление перенести в Кельн.

Для того, чтобы понять ход взаимоотношений Маркса-Лассаля за эти годы, чрезвычайно важно выяснить сначала, каковы были взаимоотношения Лассаля с членами Союза Коммунистов, т.-е. как относился в эти годы Лассаль к той организации рабочего движения, которой продолжал руководить Маркс вплоть до процесса Союза Коммунистов.

[1]) Ibidem, S. 26.

Меринг уверен, что отношения между Марксом и Лассалем испортились в эти годы исключительно потому, что некоторые из кельнцев и дюссельдорфцев были лично заинтересованы в том, чтобы очернить Лассаля в глазах Маркса, и возводили на первого всякого рода небылицы и сплетни. Причина, конечно, глубже, хотя, разумеется, и личное играло не малую роль.

Лассаль часто в письмах к Марксу жаловался на того или иного из членов Союза, а те в свою очередь на Лассаля. Так еще в письме от 24 октября 1849 г. Лассаль очень резко отзывается о Беккере и его руководстве газетой «West Deutsche Zeitung», которая имела претензию считаться продолжением «Новой Рейнской Газеты». В дальнейшем Лассаль не раз еще имел случай жаловаться на Беккера, который относился к нему весьма отрицательно. Причина недовольства Беккером заключалась здесь, главным образом, в инциденте, происшедшем между Беккером и Теллерингом. Герман Беккер (1820—1885 г. г.), принимавший участие в революционном движении 48 года, вошедший через год в ново-организованную кельнскую общину Союза Коммунистов (перешедший впрочем, впоследствии, после отбывания наказания по процессу Союза, на службу к прусскому правительству и ставший бургомистром Кельна), стал издавать после подавления революции «Западно-Немецкую Газету», которая должна была якобы заменить закрытую «Новую Рейнскую Газету». В эту газету он привлек Мюллера-Теллеринга, бывшего референдара «Новой Рейнской Газеты» в Вене. За его статьи ему теперь грозило обвинение в оскорблении его величества, при чем он утверждал, что авторство его открыл властям струсивший Беккер. Лассаль, как, впрочем, сначала и Маркс, стал в этом споре на сторону Теллеринга. Он писал Марксу в том же письме: «Беккер эксплоатировал Теллеринга, который сделал попытку поднять его газету, д о н о с и л на него действительно самым ужасным образом и третировал его».

Теллеринга, вынужденного бежать из Кельна из-за преследования его сыскной полицией, Лассаль приютил у себя в Дюссельдорфе. Здесь Теллеринг начал свою брошюру против Беккера, которая вышла в 1850 г. (в Дюссельдорфе) под заглавием: «Западно-немецкий газетный Katzenjammer».

Несмотря на внимание, оказанное Лассалем ему, и на старание, которое последний приложил к тому, чтобы добиться снятия с него обвинения, Теллеринг нашел возможным в письме к Марксу, где он сообщал о результатах стараний Лассаля и о своем отбытии в Лондон, добавить, что он «насытился пребыванием у графини и ее мирмидонян»... «Вы знаете вечно колебательные, неизбежные кассационные, апелляционные, и т. д. надежды нашего рыцаря принципов и невыносимое animal disputax о цвете звезд, находившихся за Сириусом, нашего Лассаля. Они не хотели отпустить меня в путь, хотя я уже раньше хотел их послать ко всем чертям; и вот я, наконец, добился удовлетворения тем, что мое временное освобождение было отвергнуто как обвинительной камерой, так и судебной коллегией. Юридическое красноречие Лассаля особенно не хотело верить в возможность отклонения моего ходатайства

судебной палатой, потому что последняя незадолго до того согласилась на временное освобождение одного фабриканта векселей. Но политическое предчувствие Лассаля не из важных, он еще ведет диспуты, верит еще в туманную возможность и имеет по временам глупость думать, что юстиция или иное политическое учреждение должно двигаться в определенных формах и не может явно пренебрегать известными принципами» [1]).

Однако вскоре Маркс и Энгельс разочаровались в Теллеринге, который исчез бесследно затем в Америке. Поэтому к отзыву Теллеринга о Лассале надо отнестись с осторожностью. Но не лучшим отзывом о Лассале является и отзыв Бермбаха, который он дал позже в письме к Марксу. Он писал ему:

«С некоторых пор Лассаль суется здесь повсюду, вертится среди рабочих, подзадоривает некоторых и делает все, чтобы быть больше в курсе дела или попасть и быть принятым в организацию; чем меньше ему это удается, тем больше он горячится. Независимо от всех прежних его историй и вмешательства во все мелочные отвратительные интриги одной аристократической графской семьи, я не мог заставить себя доверять этому человеку; и даже если бы я был вполне убежден в чистоте его намерений, я никогда бы не доверился ему, потому что он болтун и эгоист».

По этому поводу Меринг, конечно, презрительно замечает: «Даже кандидат на звание нотариуса» Бермбах и тот доносил на Лассаля Марксу (см. его примечания к письмам, стр. 17).

Сам Лассаль о всех своих недоброжелателях, которые чернили его в глазах Маркса, писал гораздо позже, когда узнал об этом, в письме к Марксу от февраля 1860 года.

«В Кельне интриговали против меня многие из мелкой буржуазии, Бермбах и др., которые, я думаю, делали это из зависти к моему личному превосходству. Я никогда не обращал на них внимания. Дальнейшее показало, что они представляют собой. Беккер напал на меня из-за брошюры Теллеринга. Сначала я не знал Теллеринга. Я принял его тайно у себя в доме, в Дюссельдорфе, во время его бегства, ради тебя, как твоего корреспондента, и скрывал в течение шести недель с большой опасностью для графини. Он утверждал, что его эксплоатируют, и хотел иметь какого-нибудь книгоиздателя. Я предоставил ему своего. Это все что было. Он уехал. Бюргерс взял на себя корректуру брошюры. Ты сам писал мне из Лондона—точно так же и Ф. Вольф от твоего имени—когда Теллеринг уже был там, настоятельно побуждая меня ускорить печатание брошюры против Беккера. Позднее ты счел нужным сойтись с ним, а он—напасть на меня, когда в апреле 1851 г. я, наконец, освободился от шестимесячного тюремного заключения в Дюссельдорфе и вскоре затем стал посещать кельнский рабочий ферейн. Тогда я впервые увидел, какая свора ядовитой мелкой демократии составилась против меня, свора, которой я совершенно не знал и которая, повидимому, была натравлена на меня только тем,

[1]) Приведено в примеч. Меринга к письмам Лассаля, стр. 17.

что я никогда не обращал на нее внимания (Бермбах, Эргардт, Улендорф и др.)».

Но если нужно с осторожностью относиться к отрицательным отзывам Теллеринга о Лассале, то с такой же осторожностью надо отнестись и к только что цитированному отрывку из лассалевского письма, в котором он высказывает уж слишком много презрения к «рейнской мелкой демократии» и занимается слишком большим восхвалением самого себя. Ни откуда не видно, чтобы Лассаль в этот период проявлял больше политической активности, чем «эта свора мелкой демократии». Неверность и суб'ективность этой оценки Лассаля подтверждается, между прочим, и полицейскими обзорами истории коммунистического движения XIX века [1]). Эти обзоры, правда, имеют специфический привкус, но известное отражение исторической действительности они в себе содержат. В этих исторических обзорах мы находим характеристики Бермбаха и Лассаля [2]). Об Адольфе Бермбахе говорится, что он был раньше членом Национального собрания, позже был корреспондентом Союза Коммунистов. Особенно усилилась его деятельность во время кельнских ассизных дел. Он был посредником между Марксом и Союзом Коммунистов, через его руки шли все письма из Лондона, которые посылались ему по адресу купца Котеса. Это были те письма Маркса, говорится там, «которые во время процесса давали указания свидетелям, эти письма стремились создать благоприятную для обвиняемых обстановку, ввести в заблуждение судей и вызвать к подсудимым сочувственное общественное мнение». «Удалось, наконец, напасть на след этой переписки и открыть новую ветвь союза в Кельне, во главе которой стоял нотариальный кандидат Бермбах. Этому помог обыск у Бермбаха. Сам Бермбах подвергся аресту, но был затем освобожден».

О Лассале имеется очень короткое сообщение, где говорится, что он был управляющим делами графини в Дюссельдорфе. «Лишь из показаний Бюргерса на суде выяснилось, что Лассаль писал ему три раза и хотел через него связаться с тайной организацией коммунистов».

Гораздо важнее то, что о Лассале были плохого мнения сами члены кельнской общины Союза Коммунистов. Несомненно, главной причиной отрицательного отношения их к Лассалю было то, что Лассаль не отдался всецело и полностью теперь рабочему движению, а занимался, главным образом, ведением процесса графини Гатцфельд, из-за которого, между прочим, он вынужден был поддерживать связи с лицами, принадлежавшими отнюдь не к коммунистической среде. Лишь частично он мог оказывать услуги рабочему движению, скрывать у себя порой преследуемых вождей, помогать деньгами гонимым полицией рабочим, словом, делать то, что делали в свое время в России «сочувствовавшие» революционерам радикальные и либеральные круги общества в годы подполья.

[1]) См. Die Kommunisten Verschwörungen des Neunzenten Jahrhunderts auf Grund der betreffenden gerichtlichen und polizeilichen Acten dargestellt von Gen.-Polizei-Director Wermuth und Preus. Polizei-Director Stieber. 2 Bände.

[2]) См. ibidem. Band I, S. 26 und Band II, S. 121.

Рабочие не могли считать Лассаля своим человеком, п. ч. он не стоял целиком на точке зрения рабочего класса. С этой точки зрения становится вполне понятным, что заново-организованный Союз Коммунистов в Кельне, куда вошел теперь и Генрих Бюргерс, один из «старой гвардии», организовавший еще в 1846 году первую ячейку новой международной коммунистической партии [1]), живший последнее время в доме Лассаля и графини (в качестве домашнего учителя сына последней, Павла Гатцфельда), отклонил вопрос о приеме Лассаля в Союз Коммунистов.

Как известно, Маркс сам предложил Союзу принять Лассаля. Рабочий Резер, член Союза, в своем ответном письме к Марксу от 18 июня 1851 года писал: «... твое предложение, переданное устно через Клейна, включить гражданина Л. из Дюссельдорфа, мы не могли выполнить в виду того, что мы имели возможность тут его ближе узнать; мы находим, что Лассаль еще не изжил в себе аристократического духа, и в нем нет того одушевления для дела рабочих, какое должно было бы быть» [2]).

Вопрос о том, в каких отношениях находился Лассаль с Союзом Коммунистов и как понимать те места из переписки Лассаля с Марксом, которые касались этого пункта (о чем еще будет речь впереди в их переписке), оставался долгое время недостаточно выясненным. В работах Меринга этот вопрос либо просто обойден, либо освещен неверно. Дело в том, что Меринг не видел принципиальных корней в тех, выражаясь мягко, недоразумениях, которые происходили между Лассалем и Союзом, с одной стороны, и, в связи с этим между Марксом и Лассалем, с другой стороны. Эти недоразумения Меринг, на подобие буржуазным биографам Лассаля, об'яснял, главным образом, сплетнями и интригами, которые велись окружающими Лассаля, и которые доносились до Маркса.

Теперь мы располагаем некоторыми новыми материалами, которые иначе и глубже освещают весь этот вопрос. Некоторый свет на этот вопрос проливает, в частности, переписка Лассаля с его бывшим другом Бюргерсом.

В 1851 г., накануне своего освобождения из тюрьмы, Лассаль пригласил письмом Бюргерса и Резера притти к нему 1-го апреля отпраздновать его освобождение и выпить стакан вина в честь будущей красной республики. Из письма Резера к Лассалю, датированного 31-м марта 1851 года, мы видим, что Резер свой отказ мотивирует от'ездом [3]). Бюргерс же счел необходимым мотивировать свой отказ принципиальными соображениями в своем послании от 1-го апреля 1851 г. Надо заметить, что у Бюргерса вышло какое-то личное столкновение с Лассалем еще до этого, как это видно из письма его к Лассалю от 2-го марта 1850 года, в котором он отказывается от долж-

[1]) См. Э. Цобель. „К истории Союза Коммунистов". Архив К. Маркса и Ф. Энгельса под ред. Д. Рязанова. Книга 1. Стр. 77—104.

[2]) Меринг знал про это письмо. В своей статье: „Союз Коммунистов"—„Neue Zeit" 29 февр. 1911 г. — он приводит его, но он комментирует этот ответ по-своему.

[3]) Lassalle. „Nachgel. Briefe" etc. Band II, S. 47, 48.

ности домашнего учителя. В письме от 1-го апреля 1851 года Бюргерс писал Лассалю: ...«Словом, оставим прошлое позади. Отбросим злобу и сентиментальность, подойдем друг к другу такими, как мы стали, и такими, как мы есть, и спросим себя, что нас может снова об'единить? Вы меня приглашаете в день вашего освобождения — с чем я вас поздравляю — выпить с вами в честь будущего прихода Красной... Красная, да, это идеальное дело, к которому мы можем протянуть наши руки, разумеется, если мы к этому стремились. Ибо и здесь должно быть решительно порвано с прошлым! Красная — это для нас приход коммунизма прямой дорогой, без постепенных переходов, без половинчатости. Последнее мы оставляем нашим противникам. Красная — это самая строгая партийная организация, это безусловное самоотречение и полное подчинение принципу. Перед Красной должно исчезнуть самовольство интеллигентов, желание командовать, опираясь на всякие преимущества, какие дают интеллектуальные способности личности. Вы хотите Красную? Хорошо, только докажите, что вы выполнили условия, необходимые для того, чтобы быть одним из наших. Для этого прежде всего необходимо, чтобы вы приобрели доверие лиц, что, во всяком случае, может быть достигнуто лишь постепенно, шаг за шагом. Одного лишь исповедания веры для этого недостаточно, так же, как и дружбы со мной, если бы даже она была полна преданности и усердия»... [1]).

Ничего удивительного, что Лассаль был возмущен этим письмом и жаловался Марксу на Бюргерса. Он писал ему в письме от 12-го мая 1851 года: «...Я имел еще возможность получать сведения о тебе через Бюргерса... Но он меня оскорбил самым грубым образом безо всякого повода и основания, благодаря своей проклятой и непонятной чувствительности, и это в ответ на мое дружеское пригласительное письмо, которое я ему послал еще до моего выхода из тюрьмы. После того я порвал с ним близкие отношения» [2]).

Но насколько Лассаль действительно стоял в стороне от самой организации и мало о ней знал, хотя был в личной дружбе с отдельными ее членами и оказывал им всяческое содействие, видно из того, как он ответил Бюргерсу на вышеприведенное письмо:

«... Многие смогут меня во многом превзойти, но никто меня не превзойдет в той последовательности, какой я отдаюсь какому-нибудь принципу, в твердой об'ективности моего характера, в самоотречении ради моих убеждений и во имя моей партии...

... Поскольку кто-нибудь придерживается определенного принципа и партии, и поскольку его действия не противоречат последним, постольку никто не может усомниться и спрашивать его, является ли данный принцип в действительности и его принципом...

...Я всегда все делал для партии, что только было в моих силах; я даже делал больше, чем это действительно было в моих силах и соответствовало последним; при каждом случае, который представлялся

---

[1]) Ferd. Lassalle. „Nachgel. Briefe" etc., Band II. S. 45—47.
[2]) Band III, S. 30.

мне, я воплощал в жизнь фразу насчет того, чтобы отдать тело и душу (Gut und Blut) для дела моей партии, не останавливаясь ни перед какими жертвами. После всего этого я имею полное п р а в о на доверие партии...

... Кто, однако, не доверяет мне, от того и я не добиваюсь доверия».

В ответ на слова Бюргерса, что Лассаль должен сначала доказать, что он выполнил все требования партии, прежде чем иметь право к ней принадлежать, последний писал: «Кому это я должен доказать? Кто это такие «мы», о которых вы говорите? Имеете ли вы полномочие на такие издевательства? Где, наконец, те, кто вас на это уполномочил? Я просил бы мне указать их, или, быть может, все они воплотились в одном лице (Plural Majestätis)? Вы обращаетесь ко мне, как настоящий шеф и великий учитель партии к какому-нибудь неофиту? В то время, как я должен сначала еще что-то «доказать», вы выставляете себя в качестве ипостаси, которая, без дальнейшего, отождествляет себя с партией!» [1]).

Густав Майер считает достаточным ограничиться здесь лишь замечанием, в котором он задается вопросом: «Действительно ли Лассаль не знал, или же только игнорировал тот факт, что Бюргерс принадлежал к Центральному Комитету Союза Коммунистов?» Он ссылается при этом на Фрейлигната, который подтверждает первое предположение [2]).

И тот и другой ответ на поставленный Густавом Майером вопрос не рисует нам Лассаля с благоприятной стороны. Если он ничего не знал о Союзе Коммунистов в Кельне и об его руководящем составе, то это доказывало бы только, что он далеко стоял от самого центра местного рабочего движения. Если же он знал о Союзе и игнорировал его существование, то это было бы еще хуже.

Во всяком случае, из приведенных выше цитат из письма Бюргерса и из ответа Лассаля мы видим, что Лассаль, с одной стороны, и Маркс с членами Союза, с другой, имели разное представление о том, что такое партия. Лассаль в этот период смотрел на партию приблизительно так, как смотрят на нее буржуазные круги. Партия—это что-то вроде Lose-organisation — можно быть членом партии, не входя формально в организацию (вспомним разногласие большевиков с меньшевиками по первому пункту устава на 2-м с'езде партии), не подчиняясь дисциплине и не неся ответственности перед ней за свои политические шаги, а также не неся ответственности за решение самой партии.

Хотя Лассаль и обрушивался на Бюргерса, но последний в своем ответе развивал более правильный марксистский взгляд на партию (что не помешало, однако, ему впоследствии покинуть ее ряды). С этой точки зрения не является случайным тот факт, что Лассаль не был привлечен в 1852 году к суду в связи с делом Союза Коммунистов

---

[1]) „Nachgel. Briefe", etc., Band II, S. 48.
[2]) Ibidem, S. 50.

ограничились по отношению к нему лишь обыском и отобранием части переписки). Это все доказывает, что Лассаль в эти годы не подошел еще вплотную к рабочему движению и что к нему, следовательно, было соответствующее отношение со стороны членов Союза Коммунистов.

Меринг, которому неизвестны были все эти обстоятельства, считал все донесения местных работников сплошными сплетнями и укорял Маркса за то, что он прислушивался к ним. Меринг пишет:

«Достаточно самого факта, что он (т.-е. Лассаль. *П. В.*) сделался победоносным передовым борцом немецкого класса, в то время, как Беккер, Бюргерс, Бермах застряли в болоте капитализма» [1]).

Маркс не мог предвидеть ту роль, которую эти «доносчики» на Лассаля должны были сыграть в дальнейшем, как и не мог знать, что будет делать Лассаль в будущем; Маркс в этот период, конечно, должен был прислушиваться к голосу товарищей, которые непосредственно руководили рабочим движением в эти годы в Германии и вынесли на себе все удары полиции.

Бернштейн, который фактически знал больше, чем Меринг по данному вопросу мог бы, конечно, рассказать правду и разбить Меринга, но дело в том, что Бернштейн за это время успел проникнуться «той любовью к самой личности Лассаля», которой он не испытывал тогда, когда писал первый свой очерк о Лассале, ибо тогда у него сложился образ Лассаля под впечатлением рассказов (понимай: рассказов Энгельса),—на это он прозрачно намекает в упомянутой нами уже выше статье, написанной в 1902 г. в «Documente des Socialismus» (über das Verhältniss von Lassale zu Marx—Engels).

Он хоть и полемизирует с Рерингом, ибо Меринг критиковал Бернштейна за позицию (кстати сказать вполне правильную), занятую им в первом очерке, но на деле Бернштейн только больше запутывает вопрос. Так если Меринг считает, что непринятие Лассаля в Союз произошло не по вине Маркса, а «маленьких людей», то Бернштейн говорит, что «маленькие люди» действовали в согласии с Марксом,: «Нельзя ни в коем случае допустить, что Бермбах не действовал в духе Маркса, когда он высказался против приема Лассаля в Союз». В действительности же предложение о принятии Лассаля в Союз исходило от Маркса, это предложение было отвергнуто членами Союза. Маркс даже скрыл от самого Лассаля все это, чтобы его не обидеть, но об этом ниже.

А Густав Майер, который имел уже возможность ознакомиться с новыми материалами, проливающими иной свет на взаимоотношения Маркса и Лассаля, считает, однако, нужным итти за Рерингом и выдвигает новые упреки против Маркса, в частности в связи с отказом Союза Коммунистов принять Лассаля в члены Союза.

Он говорит: «Однако, он (Маркс. *П. В.*) не пошевелил и пальцем, когда эти маленькие люди, задававшие тон на Рейне, единогласно отклонили сделанное неофициально Марксом предложение о принятии в

[1]) Меринг. Примеч. к письмам Ф. Лассаля, стр. 45—47, русск. издан.

Союз главноуполномоченного графини, именно «из-за его этого звания». Маркс даже думал, что он поступил особенно деликатно, когда не рассказал Лассалю об этом случае; несомненно, он проявил бы больше дружеских чувств, если бы не играл в прятки с человеком, который всегда так страстно требовал откровенности» [1]).

Майеру, конечно, не понять того, что Маркс скрыл тогда от Лассаля случай с отказом именно потому, что не желал причинять ему ненужного огорчения. Достаточное доказательство этого мы находим в письме Маркса к Энгельсу, писанном гораздо позже—9-го февраля 1860 года; он писал тогда Энгельсу: «Неужели он (Лассаль. *П. В.*) забывает, что в то время как я хотел его принять в Союз, со стороны центральной общины в Кельне последовало единогласное постановление о непринятии его из-за его звания. Суть-то в том, что из деликатности к этому человеку я держал все это в тайне...» [2]).

Маркс, правда, не настаивал дальше на приеме Лассаля, он, несомненно, признал, что отказ имел за собой некоторую долю оснований. Тот факт, что Лассаль продолжал дальше убивать главные свои силы на гатцфельдский процесс, Маркс считал также большой ошибкой и бестактностью со стороны Лассаля. Но Маркс рассчитывал на будущее, он думал, что Лассаль, может быть, еще будет полезным членом партии. Поэтому он не прерывал с ним сношений. Это отношение Маркса к Лассалю, как к человеку, который подает надежды, но не является еще своим, как к человеку, который имеет еще слишком много «но», чтобы стать своим, характерно для всего этого периода, до разрыва между ними. Хотя надо сказать, что «местные» «донесения» на Лассаля Марксу влияли, конечно, на их отношения и находили себе отражение в их переписке. Так, например, с отзвуками этого мы встретимся еще в дальнейшем, в письмах 1854 и 1856 г.г.

Маркс, несмотря на свою крайнюю занятость теоретической и другой работой, поддерживал переписку с Лассалем, который для него как раз, начиная с ближайшего года, становится почти единственной живой нитью, которая связывала его с Германией.

Отказ членов Союза Коммунистов в принятии Лассаля в Союз уберег его от ареста, которому подверглись члены Союза в мае 1851 года, и от суда над ними, состоявшегося в октябре и ноябре 1852 года, присудившего членов Союза ко многим годам тюрьмы и крепости. Лассаль избег этого всего, он был именно теперь одним из тех «последних могикан», которому пришлось быть свидетелем крушения Союза и в то же время оказаться первым, кто встретил новую зарю, услышал первые шаги пробуждающегося рабочего движения, и кто стал во главе его.

Надо тут же заметить, что в годы несчастья, которые обрушились на головы отдельных членов Союза в связи с разгромом его, Лассаль

[1]) **Gustav Mayer. Zur Einführ. in den III. Band. Ferdin. Lassalles «Nachg. Briefe» etc., S. 6.**

[2]) **«Briefwechsel zwischen Marx und Engels». Band II, S. 382. Herausgegeben von E. Bernstein und A. Bebel.**

забыл все личные обиды и оскорбления, нанесенные ему, проявил такое великодушие, незлобивость и отсутствие мелочности, какое может быть только свойственно революционеру и большому человеку вообще. Он писал Марксу в связи с этим 26 июня 1851 года (между прочим, о Бюргерсе): «Но, естественно, я моментально забыл всю личную склоку, когда мне стало известно, какой удар на него обрушился, я вспоминаю только о наших дружеских отношениях, и случай с ним меня действительно глубоко трогает» [1]).

Вернемся теперь к дальнейшей переписке Лассаля и Маркса. В выше цитированном письме Лассаль пишет: «Я бы так охотно, так охотно примчался в Лондон, чтобы немножко освежиться и омоло-

---

[1]) См. Ferdin. Lassalle. „Nachgel. Briefe" etc., Band III, S. 32.

Из сохранившихся писем Бюргерса к Лассалю от 26 января 1853 года и 16 июня 1855 года, писанных им из крепости, видно, что Лассаль принимал участие в его судьбе («Nachg. Briefe», Band II, S. 59 u. 119).

Как известно, Бюргерс и рабочий Резер, как и портновский подмастерье Нотьюнг были приговорены к 6-ти годам крепости, Беккер, приказчик Рейф и химик Отт—к 5-ти годам. Всем им оказывал помощь Лассаль.

Густав Майер указывает (введение ко 2-му тому «Литературного наследства» Лассаля, стр. 9) на благодарственные письма, которые он нашел среди бумаг Лассаля, от рабочих Нотьюнга, Рейфа и Резера, особенно последнего, который в письме от 22 января 1859 года писал, что «Лассаль был единственным человеком, который проявил истинное участие в течение этих многих мучительных лет».

Однако не все из заключенных по делу Союза принимали с радостью и благодарностью эту помощь от Лассаля, не все из них забыли о стычках с ним. В числе таких был, наприм., Беккер. И хотя Лассаль в письме к Марксу, писанном позже в 1860 году, в конце февраля, и хвалился, что «Беккер был здесь у меня после своего освобождения из тюрьмы и высказал мне свое сожаление по поводу тогдашней сцены (т.-е. спора в связи с Теллерингом. *П. В.*), о которой я охотно забыл», но Лассаль не знал (как не знал этого и Меринг), что по поводу первого письма Лассаля к Беккеру в тюрьму от 3-го декабря 1855 года, с посылкой 29 талеров (из которых 20 собраны друзьями Беккера, а 9 от самого Лассаля), с припиской, что «эту помощь Беккер должен принять с легким сердцем, как самую обычную помощь и как дело само собой разумеющееся»,—что по поводу этого Беккер писал одному своему другу, Бауту, в тот же самый день получки, т.-е. 7-го декабря, что ему неприятны заботы Лассаля, и что он очень охотно вернул бы последнему его взнос в 9 талеров. В этом письме он, между прочим, пишет: «Об одном я сегодня и вчера вспоминал—это отзыв, данный Ролландом Даниэльсом о Лассале, этот его отзыв запечатлелся огненными буквами в моей душе» (копии с этих писем имеются в еженедельном отчете кельнской полиции, откуда их и приводит Майер. Смотрв Band II, S. 123—124).

Здесь утешением Лассалю может послужить уж одно то, что рабочие Резер, Нотьюнг и другие по отбывании наказания присоединились к тем пролетариям, которые строились позже в колонны под знаменем Лассаля, в то время как интеллигенты, в том числе Беккер, изменили делу рабочего класса. Когда Лассаль осознал необходимость вырвать рабочее движение из-под влияния буржуазии и организовать его самостоятельно, они доказывали, что нужно, «чтоб сначала» буржуазия окончательно победила юнкерство, а потом уже может итти речь о победе пролетариата. Но они до этого еще перешли на службу к Прусскому государству. В частности Беккер сделался Кельнским обер-бургомистром.

Лассаль помогал не только арестованным, но и их семьям, в частности жене рабочего Резера. Так, еще в письме от 27 октября 1858 года, Лассаль писал

диться». Там же он выражает сочувствие Марксу в его тяжелом положении. Приведем также одно место по тому же поводу из письма от 12 мая 1851 г.:

«Я слышал от других, что это время было для тебя очень печальным и что только теперь оно стало немного лучше. Я страдал от этого известия, потому что ты принадлежишь к тем немногим, к которым я действительно питаю даже слабость; и мне хотелось бы, чтобы иной раз помощь была бы оказана скорее таким людям, чем мне самому» [1]).

графине, между прочим: «Справьтесь также при случае у Шнейдера, получил ли он мое письмо от 21 сентября из Праги со вложением 25 талеров для поддержки жены Резера в течение пяти месяцев» (Т. IV, стр. 94).

Что Лассаль в эти годы выказал много сочувствия арестованным по делу Союза, видно из того, что в связи с арестом Дронке, Маркс писал Энгельсу 5-го апреля 1852 года: «Дронке сейчас же на другой день, после того как ты мне вернул его первое письмо, писал к Фрейлигграту из тюрьмы, о чем я забыл тебе рассказать. Фрейлигграт немедленно отослал письмо к Лассалю с тем, чтобы этот ему выслал деньги»... Но при этом Маркс замечает: «что, по всей вероятности, требуется выслать скорей, чем Лассаль с этим письмом обойдет всех либеральных буржуа города Дюссельдорфа» («Briefwechsel zwischen Marx und Engels». Band I, S. 310).

Но Лассаль, который не обладал излишней скромностью и тактом, старался эту свою помощь афишировать и всячески выставлять на показ свою добродетель. Следы этого мы находим и в его письмах этого периода к Фрейлигграту, см.«Archiv für die Geschichte des Socialismus» etc. Heransgeg. von Carl Grünberg. Siebenter Jahrgang. 1916. S. 431.

[1]) Ferdin. Lassalle. «Nachgel. Briefe» etc., Band III, S. 29.

Как известно, Маркс переживал очень тяжелые дни. Друзей у него становилось все меньше. Издание журнала прекратилось и издание сочинений Маркса не удавалось, так как взявшийся за это дело Беккер был арестован в мае 1851 года.

А между тем нужда все больше давала себя знать. К тому же, ребенок, рожденный в ноябре 1850 г., умер через год. Жена очень сильно хворала после новых родов.

В конце октября 1850 г. Маркс писал Вейдемейеру в Франкфурт и просил его выкупить и продать заложенные в тамошнем ломбарде серебряные вещи, оставив только детский прибор, принадлежавший маленькой Женни. «Мое положение таково,— писал Маркс,— что необходимо во что бы то ни стало достать деньги, а то я не смогу даже продолжать работу». А Энгельсу он писал 6 января 1851 года: «Ты меня очень обяжешь, если ты немедленно пришлешь мне деньги, если только возможно: Моя хозяйка очень бедна; я ей вторую неделю не плачу, и она страшно настойчиво ко мне пристает»(«Briefwechsel zwischen Marx und Engels». Band I, S. 121. Herausg. von. E. Bernstein und A. Bebel). Тому же Вейдемейеру Маркс писал в августе 1851 г.: «Ты понимаешь, что мое положение очень невеселое. Жена моя погибнет, если будет долго так длиться. Постоянные заботы, бесконечно мелкая житейская борьба убивают ее. И к этому еще присоединяется бесстыдство моих врагов; они никогда даже не пытались напасть на меня по существу и стараются отомстить за свое бессилие тем, что возбуждают против меня житейские подозрения и распространяют непередаваемую грязь... Я бы, конечно, смеялся над всей этой мерзостью и она меня ни на минуту не отвлекает от моей работы. Но жена моя слабого здоровья, она с утра до вечера погружена в тяжелые житейские заботы, нервы у нее расшатаны, и понятно, что ей не становится лучше от того, что глупые сплетники являются к ней каждый день с испарениями из демократических чумных клоак».

И в следующем письме Лассаль, после того как он потерпел неудачу в поисках издателя для экономического сочинения Маркса (первоначальный набросок «Капитала» в 3 томах), он пишет последнему:

«Ты не знаешь до чего мне больно, что я не могу помочь тебе, как я бы того хотел. Всякая беспомощность, всякая невозможность помочь там, где я хотел бы помочь, является чем-то ужасным для моей натуры! И этот ужас охватывает теперь меня на каждом шагу!» (26 июня 1851. Band III, S. 32).

Но в том же письме Лассаль жалуется и на свое положение. Он имел очередную неудачу с процессом в Берлинской кассационной палате, сохранил, однако, способность к юмору. Он пишет:

«Иногда мне приходится смеяться над своим иронически-смешным положением: в качестве холостого парня быть обремененным всеми заботами несчастного отца семейства!».

События во Франции были предметом самого живого обсуждения при переписке Лассаля с Марксом.

Мы приведем здесь длинные выдержки из писем Лассаля не потому, что эти письма в противоположность большинству публикуемых здесь писем Маркса неизвестны русским читателям (за некоторыми исключениями эти письма вошли в издание Меринга, см. русск. перевод Шанина, изд. «Литературное Дело»). Мы приведем их для того, чтобы показать, как сильно было влияние Маркса на Лассаля в первые годы их встречи и после революции. В этот период Лассаль как бы получил единовременно заряд марксизма. Но затем Лассаль все больше и дальше отходит от марксизма, в результате чего мы с полным правом на основании документов можем утверждать: Лассаль в год революции и в ближайший период после нее, был ближе к марксизму, чем скажем 10 лет спустя.

Все это вместе с тем лишний раз доказывает, как ошибся Меринг в самом корне своей оценки взаимоотношений Лассаля с Марксом.

Но к этому вопросу мы еще вернемся.

В письме от 19 июля Лассаль писал Марксу:

«Представление во Франции является во всяком случае достаточно комичным. Палата должна была во всяком случае, оскандалиться. Кто заставлял ее делать такие глупости, как совещаться о пересмотре конституции и даже о республике или монархии!

Никакое собрание никогда не свергало и никогда не свергнет существующего строя. Все, что какое-либо собрание когда-нибудь сделало и могло сделать, это—провозгласить существующий вне его порядок, санкционировать уже произведенный вне его общественный переворот и разрабатывать его детальные последствия, законы и т. д. Но такое собрание будет до скончания веков импотентным свергнуть то общество, представителем которого оно является.

Повидимому, французы недостаточно знакомы с тем историческим законом, что всякая такая революционная инициатива недоступна собраниям, иначе, они, конечно, остереглись бы заявить на глазах своих издевающихся противников так торжественно и con amore о своей импотенции. Но, это показывает, что среди французов нет достаточного числа «мыслящих друзей истории». Пошли же к ним Руге!» [1]). (Band III, S. 37).

После бонапартовского переворота он пишет 12 декабря 1851 г.[2]):

«Я должен заметить, что мировой дух ни в коем случае не подвергся опасности скомпрометировать себя, благодаря этому событию, в глазах старика Гегеля. Четыре недели до того, как оно разразилось, я его чувствовал всем своим существом. Когда во время дебатов о квесторском предложении пришло известие, что Montagne будет вотировать против и, таким образом, предложение будет отвергнуто, я сказал некоторым своим знакомым: если Наполеон теперь, в течение четырех недель, выбросит за окно собрание под предлогом восстановления всеобщего избирательного права и призыва к народу, то он победит. И пролетариат, удерживаемый общим положением дела, не сделает никакой попытки к восстанию.

Но громадное значение события стало для меня ясным только после того, как оно уже совершилось. В нем прежде всего выступают на первый план два факта: рабочие не принимали участия в восстании и парижская национальная гвардия совсем не появилась на сцене.

Я не разделяю твоего взгляда, что парижский пролетариат был слишком слаб, чтобы выдерживать борьбу. Если бы он поднялся, то конечно, победил бы; и все это подтверждается тем, что мы уже теперь знаем из провинций. Что он не восстал, это я об'ясняю общим положением дел. Было рассеяно собрание, которое было предметом ненависти par excellence у рабочих, собрание, которое уничтожило всеобщее избирательное право. Само всеобщее избирательное право было восстановлено. В этих событиях не было ничего такого, что могло бы вызвать восстание пролетариата. Если бы даже ни один рабочий не обманывал себя насчет мотивов и намерений Наполеона, то все-таки их упрекам недоставало бы жала; у восстания не было бы лозунга.

---

[1]) В свое время «Новая Рейнская Газета» высмеивала Руге за попытки «управлять разумом событий» в 1848 г., называя его «мыслителем из Померании». В описываемое время он принадлежал к числу тех эмигрантов, которые непрестанно грызлись между собой. 20 июля 1851 г. он стал во главе новоосновавшего «агитационного союза», вступившего в борьбу с другим союзом «эмигрантский клуб», во главе которого стоял Кинкель.

[2]) Для характеристики отношений Маркса и Лассаля необходимо тут заметить, что Лассаль начинает свое это письмо так: «Дорогой Маркс, если мое замечание Фрейлиграту послужило поводом к тому, что ты собрался, наконец, мне написать, то меня радует, что я ему высказался». А Фрейлиграту, как оказывается, Лассаль в августе жаловался, что Маркс и Лупус (Вольф. *Л. В.*) пишут ему только тогда, когда для них надо какое-либо поручение выполнить. Далее он негодует по поводу того, что эти «варвары» даже не считают нужным подтвердить хоть получение письма... (см. «Nachgel Briefe» etc., Band III, S. 38. Примечание Майера).

Они могли быть зрителями. Более разительным могло бы показаться то, что национальная гвардия не принимала участия, и что она отчасти выступала даже за Л. Наполеона. Ведь как раз политическое и парламентское господство буржуазии было выброшено за окно, ведь она была беспощадно разбита со всеми ее шестидесятилетними традициями. Но панический страх перед тем, что из борьбы может выйти победительницей социальная республика, толкал ее на самое ужасное. Французская буржуазия отреклась от своего политического господства, из-за которого она боролась шестьдесят лет и победила трех королей. Она отреклась от него, потому что признала, что дальнейшее существование ее экономических учреждений возможно лишь под условием диктатуры военного деспотизма! В э т о м заключается значение тех дней и в отрицательном, и в положительном смысле. Победа со 2-го по 5-е декабря была совершена социализмом. В отрицательном смысле тем, что единственная способная победить социальная партия. не тронулась с места; в положительном—тем, что из страха перед социализмом буржуазия с энтузиазмом обрекла себя на унижение и уничтожение! Таким образом, эти события представляют не что иное, как ужасные конвульсии общества в виду постигающей его судьбы,—не что иное, как откровение, что эта судьба, уже т е п е р ь является, хотя еще отрицательно, решающим для нее существом. Круг событий завершился. Неуловимым следствием июньской победы было уничтожение всеобщего избирательного права и эриниями их обеих является 2-е декабря. А со 2-м декабрем общество очутилось на волосок от бездны новой пролетарской революции. Я вижу уже, как оно падает...».

«Я вполне разделяю твое злорадство по поводу уничтожения или, скорее, ничтожества всех фракций консервативной партии, которое проявилось лишь случайно. Тьер, Берри, Барро, Кавеньяк, Шангарнье, все власти побеждены несколькими сержантами, и об этом даже ни один петух не крикнул! Нельзя было выдумать никакой более превосходной иронии над тем чванством, с каким эти давно прогнившие насквозь партии все еще приписывали себе большое значение.

Старик Гегель обыкновенно говорил: Непосредственно перед наступлением качественного нового, старое качественное состояние путем устранения или поглощения в себе своих резких различий и особенностей, которые оно создавало, пока было жизнеспособно, проявляется в своей чистой, общей первоначальной сущности, в своей простой целостности. Так, перед тем, как должен проявиться атеизм, религиозный дух выражается непосредственно в общей сущности религий, в простой бессодержательности деизма. Закон подтверждается. Буржуазный режим и частная собственность в своей последней смертельной борьбе выражаются в виде простой общности всех своих фракций, в виде военного деспотизма и господства насилия».

Относительно же ближайших перспектив во Франции и о том, насколько может быть прочно господство Бонапарта, Лассаль в конце письма писал:

«Его господство, во всяком случае, может быть рассчитано лишь на месяц. Он падает скоро п о т о й с а м о й п р и ч и н е, по которой

только и поднялся, и именно потому, что он абсолютно ничто, олицетворенная пустота. Утешительны, впрочем, показания. событий в провинции, что как раз крестьяне захвачены социализмом больше, чем это предполагали».

Из приведенных мест переписки надо, во-первых, отметить у Лассаля, совершенно марксистскую оценку бессилия французского парламента. Мы видели выше, что взгляды Лассаля складывались независимо от Маркса до момента их личного знакомства. Но после 1848 г. Лассаль, не сразу и в небольших пропорциях, но все же начинает усваивать некоторые элементы материалистического понимания истории. Это помогает ему давать часто правильный анализ происходящих политических событий. Во всяком случае, для 26-летнего человека, это по тому времени было огромнейшим шагом вперед. Кроме Энгельса, Маркс тогда вряд ли имел в кругу своих друзей и участников в революционной борьбе кого-либо, кто подавал бы бо́льшие надежды усвоить марксистскую точку зрения на исторический процесс, чем Лассаль.

Отметим здесь, что оценка событий, которую давал Лассаль, во многом совпадала с оценкой Маркса. Это видно из работ Маркса, относящихся к этому периоду. Однако, революционная горячность, отчасти подогреваемая оптимистической информацией из Парижа, заставляет его делать еще совершенно ребяческие прогнозы насчет будущего. Лассаль согласен был ассигновать для господства Бонапарта, который правил более 20-ти лет, всего только один месяц. Маркс также не чужд был ошибок, вызванных революционным нетерпением. Но когда он в «18 Брюмера», совершенно верно предсказал, что восшествие на престол Бонапарта кончится низвержением Вандомской колонны в Париже, он все-таки был достаточно осторожен, чтобы не отмерять для этого процесса срок в четыре недели.

Чрезвычайно любопытно отметить здесь, что к цитированному выше письму Лассаля графиня Гатцфельд [1]) сделала маленькую приписку для Маркса, в которой она писала следующее:

«Дорогой Маркс! Прежде всего сердечный привет и благодарность, что Вы снова дали о себе знать. Я очень бы Вас просила найти минуту, чтобы снова написать и высказать Ваше мнение о позорной истории, происшедшей в Париже. Мне кажется, что Лассаль слишком уже ослеплен своими страстными желаниями, которые он хочет видеть осуществленными, т.-е. он судит правильно о причинах и следствиях происшедшей катастрофы, но, мне кажется, он питает иллюзии относительно срока, в течение которого будет продолжаться господство этого захватчика. Я боюсь, что оно будет длиться долгие годы.

Лассаль утверждает, что это невозможно. Я настолько полна бешенства и чувства унижения от того, что подобный авантюрист спо-

---

[1]) Band III, S. 42. Anschrift der Gräfin Hatzfeld. Между прочем, в издании Мерингa «Письма Лассаля к Марксу» эта приписка опущена и упоминается Мерингом лишь в его примечаниях.

собен играть судьбами Европы, что для меня было бы большим успокоением слышать от Вас, что и Вы разделяете мнение Лассаля, т.-е. что это господство лишь кратковременно».

Как видим, умная женщина оказалась в рассматриваемом вопросе проницательней не одного только Лассаля [1]).

На последнее из указанных писем Лассаля мы имеем уже ответ Маркса. Маркс, между прочим, писал: «Со времени моего последнего письма к тебе, состояние моего здоровья опять улучшилось, хотя я еще сильно страдаю глазами, наоборот, социальное положение ухудшилось. Я получил окончательный отказ издателя от выпуска моей экономии; мой манускрипт против Прудона, который целый год гулял в Германии, также очутился в корзине; мой финансовый кризис достиг, в конце концов, такой степени, что его можно сравнить лишь с торговым кризисом, который дает себя знать в Нью-Йорке и Лондоне. Но в то же время, к сожалению, я не в состоянии, подобно господам купцам, прибегнуть к банкротству. Г-н Бонапарт, когда он рискнул на свой coup d'état, был в таком же положении» [2]).

Что же касается Бонапарта, то в ответ на ряд вопросов Лассаля, Маркс посылает последнему письмо, полученное им из Парижа от Рихарда Рейнгардта [3]). В этом письме Рейнгардт описывает политическое состояние Франции, изоляцию Наполеона от всех партий, его неудачные попытки задобрить массы некоторыми мероприятиями и заканчивает указанием на завоевательный зуд Бонапарта, который, по мнению публики, заставит его сломать себе шею.

Маркс не делает никаких комментариев к этому письму и лишь, упомянув о начавшемся торговом кризисе, пишет:

«Если удастся как-нибудь пережить переходную эпоху, тем лучше («Wenn es nur gelingt die Zwischenepoche sich durchzudrücken, tant bien que mal»).«

---

[1]) Мы еще не раз в дальнейшем встретимся с тем, как графиня Гатцфельд, вращаясь в высших сферах Берлина и будучи в курсе всей «высшей политики» высказывается в письмах к Марксу на различные политические темы. Между прочим, она обнаруживает там такую проницательность, что Маркс даже готов порой ставить ее выше Лассаля в смысле ее политического понимания. Но все же Маркс знал ей настоящую цену.

Так, в одном письме к Энгельсу от 9 июня (?) 1861 г. Маркс пишет: «Второе приложение, которое я посылаю (и прошу вернуть назад, так как я должен ей ответить)—это письмо от Гатцфельд. Я ее сохраню, как частную корреспондентку из Берлина, ибо она имеет несравненно больше политического понимания (не говоря уже о ее ресурсах), чем der das systematische Princip ines Genius in sich selbsttragende Schritt (Siehe Lassal. Band II. S. 545). Гатцфельд совершенно правильно осуждает официальную демократию. Но с настоящим народом она, естественно, не приходит в соприкосновение и поэтому она не знает настроения в народных низах, которое гораздо лучше» („Briefwechsel zwischen Marx und Engels", Band III, S. 22. Herausg. von Bernstein und Bebel).

[2]) Ferd. Lassalle. „Nachg. Briefe" etc. Band. III, S. 43. Marx an Lassalle 23 Februar 1852; 28 Deanstreet Soho. London.

[3]) Характерно, что в письме к Энгельсу, от 23 же февраля, Маркс прилагает, видно, копию того же письма с припиской «Прилагаю письмо от Рейнгардта, где ты найдешь hübsche Canans». («Briefwechsel zwischen Marx und Engels». Band I, S. 298. Herausgeg. von Bernstein und Bebel).

Ответное письмо Лассаля относится к концу февраля 1852 г. О Бонапарте Лассаль в нем пишет:

«Наполеон—это струп (Schorf), образовавшийся на трупе благородной республики. Он существует для того чтобы уничтожить в старом традиционном хозяйстве все, что казалось еще способным к жизни. Он скоро сделает одну половину Франции возмущенно-революционной, другую же пассивно-революционной, примирившуюся с неизбежностью. Он революционизирует обстоятельства, а это важнее воли людей и настроения партий. Он является, в первый раз после мая 1848 г., восстановлением господства масс, хотя в самой ее грязной, несправедливой и отвратительной форме. Но олигархия имущих классов, благородных, раз навсегда уничтожена и сам он—скрытое начало массовой революции и революции против интересов собственности» [1]).

В этой оценке бонапартизма много верного. Но нельзя сказать, чтобы эта оценка была целиком оригинальной. Еще до Лассаля Гизо сказал по поводу Наполеона: «Это окончательный и полный триумф социализма!»

Что же касается брошюры Маркса «18 Брюмера Луи Бонапарта», которая давала классический марксистский анализ переворота, то нужно сказать, Лассаль тогда еще не был с ней знаком. Насчет же «сроков» он, присоединяясь к Марксову «дела идут», прибавляет: «только немного терпения!».

В этом письме Лассаль снова возвращается к своему отклоненному Марксом предложению издать экономический труд последнего на паях. Он пишет:

«Был ли ты прав, отклонивши то предложение? Я возвращаюсь к этому и прошу тебя обдумать еще раз хорошо это дело. Ты думаешь, что среди буржуа не найдется в настоящий момент на это охотников и ils sont dans leur [illegible] и они правы). Может быть! Нельзя не сознаться, что осуществление моего проекта вследствие французского поражения сделалось гораздо труднее. Но из этого не следует, что оно н е в о з м о ж н о. И всего менее, думаю я, в твоих интересах предполагать и предрешать эту невозможность! И с другой, по твоему уважительной, причиной—страхом себя скомпрометировать,—я также далеко не согласен. Тебя нисколько не компрометирует, что ты не можешь при теперешних обстоятельствах найти издателя. Тебя так же мало скомпрометирует издание на паях научного произведения, как и издание газеты. Тебя не скомпрометирует, если ты позволишь своей партии попытку выпустить в свет сочинение, от которого она ожидает так много. Тебя не может компрометировать брать за честную работу честный гонорар. Если попытка не удастся, то в этом скандала не будет ни на грош. Но за то, мой друг, сколько шампанского, если она удастся! Серьезно. Я бы ни на секунду не задумался над принятием проекта, если бы это было м о е сочинение. Совершенно

---

[1]) Ferd. Lassalle «Nachgelass. Briefe» etc., Band III, S. 48, Ende Februar 1852 г. В издании Мерингa „Письма Лассаля к Марксу" это письмо ошибочно помечено „Январь 1852 г.".

того же мнения Фрейлиграт. Мой друг, ты привык читать другому нотации. Устрой хоть раз так, чтобы роли переменились и чтобы другой читал их тебе. Я люблю и в высшей степени уважаю живое point d'honneur в человеке. Но никогда не следует превращать его в мелкобуржуазную сентиментальность и в щепетильную трусость буржуа, у которого нет ничего за душой кроме его «платежеспособной морали». Но иногда твоя похвальная мужская гордость действительно приобретает досадную склонность выродиться в это pointilleuse noli me tangere».

Как и в инциденте с «публичным нищенством», Лассаль и здесь допускает принципиально гораздо бо́льшую неразборчивость в средствах, чем это когда-либо мог себе позволить Маркс. Если какой-либо буржуазный издатель выпускает социалистическое произведение в расчете на нем заработать, здесь происходит лишь совпадение его частных интересов с общественными и также с частными интересами автора. Другое дело, когда ряд либеральных или всяких иных буржуа согласны внести паи на издание социалистического произведения, подталкиваемые к этому только настойчивостью Лассаля. Это немногим отличалось от «публичного нищенства». Маркс прекрасно это понимал и потому был вполне прав, отклонив предложение Лассаля.

Не лишены рисовки и позерства следующие строки, под соусом которых Лассаль подносит маленькую помощь своему другу. Он пишет:

«Мне, мой друг, было бы очень больно отправлять тебе при desolatio твоих обстоятельств совершенно пустое письмо. Я посылаю тебе, поэтому, при письме жалкие 3 фунта стерлингов. Эти 3 фунта, странствуя от нищеты к нищете, обладают поэтической ценностью, ценностью любви, равной, по меньшей мере, 30 фунтам обыкновенного металла. О, если бы нашелся поэт, который купил бы их у тебя за эту цену».

За промежуток времени—с 1852 по 1854 г.—мы имеем, главным образом, письма Лассаля к Марксу, ответных писем Маркса не имеется. Маркс был слишком поглощен процессом Союза Коммунистов [1]), изданием брошюры о разоблачении его. Первое издание брошюры, как известно, было целиком конфисковано. Удалось второй раз выпустить в Америке, в виде статьи, в «Ново-Английской газете» в Бостоне и бо-

---

[1]) Чтобы понять, что творилось в доме Маркса в Лондоне во время процесса в Кельне, достаточно привести письмо жены Маркса к друзьям. Она там писала: «Все доказательства подлога нужно прислать сюда, и муж мой работает весь день и до глубокой ночи. Затем еще приходится все переписывать по шести, восьми раз и отправлять в Германию различными путями через Франкфурт. Париж и т. д., так как все письма к моему мужу и все его письма отсюда в Кельн вскрываются и исчезают. Все сделалось теперь к борьбе между полицией и моим мужем, которому приписывают даже руководство процессом». И далее продолжает она: «У нас теперь создалась целая канцелярия. Двое-трое пишут, другие—на побегушках, третьи стараются наскрести денег для того, чтобы переписчики могли существовать, и чтобы можно было разоблачить неслыханный скандал, выступив против всего официального мира. А моя трое детишек поют и свистят среди всех, за что на них часто покрикивает сурово господин папаша. Суматоха, в общем, большая».

лее 440 оттисков нужно было распространить в Германии, о чем велась усиленная переписка в этот период между женой Маркса и Лассалем.

Марксу пришлось, в связи с этим, выдержать еще борьбу с Виллихом, который агитировал против указанной брошюры Маркса в немецко-американской печати. В конце 1853 г. он выпустил против Виллиха брошюру под заглавием «Рыцарь благородного образа мыслей».

При каких тяжелых условиях пришлось Марксу работать, видно из письма к американским друзьям, которое Маркс писал 7 декабря 1852 г.: «Чтобы оценить юмор брошюры, имейте в виду, что автор ее, за отсутствием одежды, для достаточного прикрытия тела, а также и обуви, был почти под домашним арестом, и что каждую минуту на его семью грозила обрушиться и обрушивалась горькая нужда. Процесс и в этом смысле поддел меня: в течение пяти недель, вместо того, чтобы зарабатывать хлеб насущный, я вынужден был работать для партии против правительственных махинаций. Кроме того, процесс окончательно оттолкнул от меня всех немецких издателей, с которыми я надеялся договориться относительно моей «Политической Экономии».

После этого мы видим Маркса ушедшим в научно-теоретическую работу, от которой его отрывало на протяжении всего дня сотрудничество из-за заработка в газете («Нью-Йорская Трибуна» и др.). Порой это сотрудничество никакого удовлетворения ему не давало: «Толочь и перемалывать кости и варить из них суп, как бедняки в рабочем доме,—вот к чему сводится политическая работа, на которую мы очень часто обречены в подобном предприятии»,—говорил в минуты раздражения Маркс. Однако, для сотрудничества в газетах Марксу, благодаря его глубокой литературной и научной добросовестности, приходилось заниматься изучением самых «разнообразных предметов», что сам Маркс отметил позже в своем предисловии к «Критике политической экономии» [1]). Особенно много уделял внимания Маркс важнейшим историческим событиям, внешней и внутренней политике государств Западной Европы и Америки.

С этой точки зрения не вполне прав Меринг, утверждавший, что Маркс ушел исключительно в кабинетную и строго-теоретическую работу, что в свое время опроверг тов. Рязанов [2]) в своем предисловии к «Статьям и корреспонденциям 1852—54 года».

[1]) «Эти занятия приводили отчасти сами собой к подобным вопросам, повидимому, не относящимся к предмету, но на которых я должен был более или менее долго останавливаться. Имевшееся у меня в распоряжении время особенно сокращалось необходимостью работать ради приобретения средств к существованию. Мое восьмилетнее сотрудничество в «New-York Tribune» первом англо-американском органе, вызвало чрезвычайное дробление моих занятий: собственно, газетные корреспонденции я писал только в виде исключений. Однако, статьи о важнейших экономических явлениях в Англии и на континенте составляли настолько значительную часть моих трудов для названного издания, что я принужден был познакомиться ближе с практическими вопросами, собственно, находящимися вне круга науки и политической экономии» (Маркс. Предисловие к «Критико-политической экономии», стр. XV).

[2]) Ом. Рязанов. Предисловие к X тому сочинений Маркса и Энгельса, стр. VII. Госиздат.

Все это, вместе взятое, лишило возможности Маркса специально заниматься вопросами о Германии и местным рабочим движением. В связи с процессом коммунистов у него, в значительной мере, порвались и политические связи с родиной.

Лассаль, один из числа оставшихся «могикан» в Германии, продолжал для Маркса служить живой нитью, которая его связывала, после разгрома Союза Коммунистов, с Германией этих дней. Лассаль беспрестанно информировал Маркса о настроении рабочего класса, о политической ситуации, о ближайших перспективах и, таким образом, держал Маркса в курсе дела. Недаром Маркс хвалил в эти годы Лассаля и писал Энгельсу 18 июля 1853 года: «Лассаль это единственный человек, который еще решается корреспондировать в Лондон» [1]).

Обратимся теперь к следующим шести письмам Лассаля, писанным им на промежутке от июля 1852 г., до марта 1854 г.

Информируя Маркса о положении дел в Германии, Лассаль в письме [2]), от 24 июня 1852 г., писал: «О Германии нечего сообщать. Возрастающие и все более давящие налоги; растущее раздражение со стороны буржуазии и увеличивающийся страх дать ему открыто проявиться—voilà tout. Если действительно наступит прекращение таможенного союза, то это малодушие возрастет до бесконечности.

Что касается пролетариата, то здесь, повидимому, в широких кругах происходит движение, которое Гегель назвал бы «самоуглублением» (Einkehr in sich). Рабочий класс, очевидно, намерен в большом масштабе и в широких размерах, пользуясь политическим затишьем, сжиться со своим внутренним содержанием, проникнуться сознанием его и, таким образом, укрепиться. Современные политические обстоятельства приводят рабочих гораздо меньше в уныние, гораздо меньше давят на них, чем на буржуа; они меньше теряют от этого мужества, потому что они и без того знают, что не могут в самом ближайшем времени пред'явить никаких претензий, а, с другой стороны, они инстинктивно чувствуют, что чем дальше продолжится абсолютизм, настолько же сократится непосредственно классовое господство буржуазии. Таким образом, рабочие употребляют этот промежуток времени на то, чтобы с своей стороны насколько возможно живо проникнуться своим классовым самосознанием, выяснить себе всесторонне понятие рабочего класса и развить теоретически вытекающие из него следствия.

Мне не нужно говорить тебе, как отрадно это движение. Следствием его будет то, что ближайшая революция найдет в рабочем классе гораздо более сплотившийся и сознательный материал, чем те разрозненные элементы, из которых в 1848 году пришлось импровизировать рабочую партию. Если не ошибаюсь, то настоящая немецкая рабочая партия родится как раз во время этой кажущейся мертвой тишины».

---

[1]) «Briefwechsel zwischen Marx und Engels». Band 1, S. 424.
[2]) Ferd. Lassalle. «Nachgel. Briefe» etc. Band III, S. 50—52.

Далее о положении в Кельне, он пишет:

«Нельзя также отрицать, что партия в Кельне достаточно-таки бездеятельна! И это естественно. Сами рабочие непосредственно могут сделать в этом отношении очень мало, для этого им нужны вожди. Имеющиеся же у них вожди суть большею частью мелкие буржуа самого плачевного свойства, без взглядов, без энергии, без самопожертвования».

В письме от 10 февраля 1854 г. Лассаль пишет:

«Современную апатию нельзя преодолеть теоретическим путем,— в этом ты совершенно прав. Я обобщаю эту мысль даже до того, что еще никогда апатию не побеждали чисто-теоретическим путем, т.-е. теоретическое преодоление такой апатии рождало учеников и секты или неудачные практические движения, но никогда еще не вызывало ни реального мирового движения, ни общего массового движения умов. Массы вовлекаются в поток движения не только практически, но и духовно, только кипучей силой действительных событий.

Но я думаю, что теперь можно делать одно, что я не считаю маловажным. Можно воспитать теоретически большее или меньшее число пролетариев и сделать из них в возможно большем числе городов доверенных лиц пролетариата и умственные центры для будущего движения, они потом будут препятствовать тому, чтобы пролетариат еще раз изображал из себя хор для буржуазных героев. Эти пролетарии, благодаря высоте и ясности своего духовного самосознания, которое в них нужно суметь развить, и благодаря непосредственной связи и влиянию, которые они имеют на рабочих, как рабочие, эти пролетарии могут в будущих движениях влиять в высшей степени сильно и благотворно; ведь несколько пролетариев могут часто отвечать за целый город.

Что же касается теперешней апатии, то пробил ее последний час. Надвигаются уже могучие политические события» (Band III, S. 66).

Лассаль и здесь забегал вперед. Новый период, в котором ему пришлось сыграть историческую роль, начался все же шестью годами позже. Но очень характерно, что уже в 1854 г. он чувствовал приближение того момента, когда партии нужно будет до приближения массовой волны начать пропагандистским путем готовить кадры будущего движения. Что касается разногласий между Марксом и Лассалем в этом пункте, то мы к ним еще вернемся.

В том же письме есть место, которое имеет большое значение для характеристики отношений Лассаля к Марксу и к их «партии», но которое недостаточно ясно потому, что соответствующее письмо Маркса не сохранилось. Вот это место:

«Твое письмо дошло до меня исправно. Сначала отвечу:

1. Я ни одного слова не говорил о том, что твое поведение нашли «невежливым». Я пользовался лишь выражением «резкое». Очень может быть, что это слово было само слишком резким. Я скорее должен был сказать «холодное».

Ты знаешь, что трудно выразить общие и довольно-таки неопределенные впечатления определенным словом. Я хотел этим замечанием, вообще, лишь довести до твоего сведения впечатление, произведенное на меня путешествием, насколько я его прочувствовал. Собственно говоря, я вовсе не расположен к этому, и это излишнее замечание очень прискорбно для меня потому, что: а) ты, повидимому, отнесся к этому делу с большим раздражением, чем оно того, по своей совершенной невинности, заслуживает, и б) эта «резкость», как я теперь знаю, об'ясняется в сущности не чем иным, как тем, что вызванные ожидания не оправдались, так как это находится уже в связи с вторым пунктом твоего письма.

2. Думали, что ты туда зовешь. Относительно этого теперь выяснилось, что в неопределенности выражений в письме рабочего из Ф... лежит причина нежелательной ни для кого мистификации.

Теперь рабочие знают, что ты не призывал никого. Они вполне выяснили себе это недоразумение.

Впрочем, твое письмо показывает, как легко даже при личных переговорах возникают недоразумения.

Я уже писал тебе, что посетитель заявил, что он имеет предложение от твоего и м е н и побудить меня решительно и настойчиво вступить в дюссельдорфскую о б щ и н у. Ты не ответил мне п о л о ж и т е л ь н о, правда ли это. Но все твое письмо,—теоретические взгляды которого, как ты сам замечаешь, вполне согласуются с высказанными мною,—стоит в с т о л ь прямом противоречии с этим предложением, что мне приходится и здесь предполагать недоразумение, хотя я его еще никак не могу себе об'яснить. Тот утверждает и теперь, п о с л е т о г о к а к я сообщил ему содержание твоего письма, что ты еще во время последнего свидания с ним повторил свое предложение относительно моего вступления в дюссельдорфскую общину и даже поручил ему сообщить об этом как можно скорее. Он уверял тебя, что я уже давно принадлежу к «рабочей организации» в том смысле, в каком оно указывается в твоем теперешнем письме ко мне. Но ты будто бы совершенно определенно заявил, что этого недостаточно. Мне было бы интересно открыть примирительный пункт в этом кажущемся противоречии, что, однако, при антагонизме обеих сторон я на этот раз не могу сделать даже при помощи Гегеля; в этом помочь мне можешь только ты».

По предположению Меринга, дело здесь идет вот о чем: Маркс советовал Лассалю принять более деятельное участие в дюссельдорфской общине Союза Коммунистов, о жалобах которой на Лассаля в дальнейшем мы еще будем говорить. Меринг пишет:

«Весьма возможно, что Маркс желал, чтобы Лассаль вступил в формальную организацию в виду того, что до него опять доходили жалобы на Лассаля—в стиле Бермбаха. Это предположение нисколько не является оскорбительным для Маркса, так как он ведь не сказал, подобно Бермбаху: вон его! но как раз обратное: принять его!». И далее он продолжает:

«Несколько загадочна также «дюссельдорфская община», так как Союз Коммунистов прекратил свое существование в ноябре 1852 года, тотчас же после осуждения кельнских обвиняемых. Может быть, были еще отделы Союза, которые Маркс хотел сохранить» [1]).

8-го мая 1856 года Маркс писал Энгельсу: «Существует некоторое соревнование между Кельном и Дюссельдорфом в деле руководства пролетарским движением. Главное я не знаю, известно ли кельнцам, что дюссельдорфцы совсем порвали с Лассалем, который стал им крайне неприятен [2]).

Еще более запутывает вопрос Эдуард Бернштейн; придерживаясь версии, что в 1851 г. Союз Коммунистов отклонил в просьбе Лассаля о приеме его, якобы, с согласия Маркса, он пишет об инциденте 1854 г. (в цитированной выше статье) следующее:

«Если Маркс был против принятия Лассаля в 1851 г., то это нисколько не противоречит тому, что в 1854 г. предложение о принятии его исходило как раз от Маркса. Во-первых, между этими двумя событиями протекло три года, в течение которых Маркс мог узнать Лассаля с лучшей стороны и, во-вторых, на основании этого считать свое прежнее недоверие к Лассалю ликвидированным» (стр. 160, 161). Приходится только изумляться тому, что Бернштейн не удосужился по источникам обследовать этот вопрос. И в первый и во второй раз инициатива о приеме Лассаля исходила от Маркса, главная же задача состояла в том, чтобы выяснить, какого рода организация существовала в Дюссельдорфе в эти годы—после разгрома Союза Коммунистов.

Некоторый свет на этот вопрос проливает пара строк из письма Маркса к Энгельсу, относящегося к 1853 г., на основании которых можно допустить, что Маркс предполагал приступить к организации Союза Коммунистов на новых основаниях и желал использовать для этого Лассаля. Маркс писал Энгельсу: «Мы вообще должны нашу партию заново рекрутировать. Клус хорош. Рейнгардт в Париже прилежен. Лассаль, несмотря на многие «но», тверд и энергичен. Иманд и Либкнехт настойчивы (zähe) и каждый в своем роде полезен. Но все это еще не партия» [3]).

Если бы Лассаль самостоятельно предпринял что-либо в этом направлении, то он мог бы уйти из-под руководства Маркса вместе с той организацией, которую бы создал. Наоборот, входя в вышеуказанную дюссельдорфскую ячейку, он должен был бы подчиниться дисциплине партии и тем самым идейному руководству Маркса. Это предположение имеет основание только в том случае, если в это время в Дюссель-

[1]) См. Мерингт. Примечания к письмам Лассаля, etc., стр. 88. Тут Маркс сам себе противоречит, так как в другом месте (см. Мерингт, «Карл Маркс», стр. 180) он категорически утверждает: «с прекращением Союза Коммунистов порвались последние нити, связывавшие Маркса с общественной жизнью Германии».

[2]) „Briefwechsel zwischen Marx und Engels". Band II. S. 109. Все мои попытки выяснить подробнее этот вопрос на основании имеющихся источников остались безуспешными. Может быть, со временем он будет выяснен, когда тов. Рязановым будет издана вся переписка Маркса и Энгельса и другие материалы.

[3]) „Briefwechsel zwischen Marx und Engels". Band I. S. 396.

дорфе действительно существовала какая-либо ячейка Союза. А некоторые указания на то, что в Дюссельдорфе существовала ячейка Союза Коммунистов, которая вела даже борьбу за главенство в деле руководства рабочим движением с аналогичной кельнской ячейкой, мы находим в более позднем письме Маркса к Энгельсу в связи с упомянутым инцидентом между Лассалем и дюссельдорфцами.

В рассматриваемых письмах Лассаль не раз выражает сочувствие Марксу в его тяжелом положении [1]). В письме от 24 июня 1852 г. он пишет:

«Я слышал, что тебя недавно снова постигли различные печальные удары судьбы! Не сочти только что приведенное об'яснение моего молчания за равнодушие! Судьба только немногих людей близка мне так, как твоя, и я, чувствуя бесконечную симпатию ко всякой большой силе, уже давно смотрю со злобой и печалью, как в постоянной борьбе с нищетой твоя сила надламывается или, по меньшей мере, подвергается опасности потерять свою свежесть. Именно борьба с «самым обыденным» действует на гения тягостно и гораздо сильнее, чем крупные трагические удары, которые вместе с тем и подымают, и пробуждают к жизни все эластические силы, дремлющие в душе».

В письме осенью того же года находим такое место [2]):

«С истинно сердечной болью я увидел по горькому тону твоего последнего письма, как отчаянно должно быть твое положение. Как ужасно должно быть оно, если оно было в состоянии вызвать в тебе это настроение. В виду этого я охотно оставляю в стороне твое несправедливое отношение ко мне.

И лишь в свою защиту, а не в укор тебе, я хочу сказать, что ты был несправедлив и почему. Хотя по меньшей мере будет эвфемизмом, если скажу, что я также не на розах лежу, тем не менее я чувствую себя вполне свободным и чистым от «флегмы», которую ты мне приписываешь. Я не флегматичен там, где дело идет о моих друзьях, и этого не случится со мной еще многие годы. Но книгопродавец вскоре после получения брошюры уехал и возвратился лишь вчера вечером. Это было причиной моего молчания».

И далее в том же письме:

---

[1]) На письм Маркса к Энгельсу мы теперь видим, какую страшную нужду переживал в эти годы Маркс, как часто он был лишен возможности итти заниматься в британский музей, так как единственный сюртук—заложен в ломбарде, как часто недоставало мелочи для покупки марки к письму или газеты. 27 февраля Маркс писал: «В течение последней недели не выхожу из дому из-за отсутствия сюртука, отправленного в ломбард, и не ем мяса в виду отказа в кредите». Жутью веет, например, от такого письма к Энгельсу от 24 апреля 1852 г., где он описывает, как не на что было хоронить умершую девочку: «Я пережил кошмарную неделю, о которой ты не можешь иметь никакого представления. Обещанные со всех сторон деньги я не получил в день похорон, так что я был вынужден одолжить деньги у соседей—французов, чтобы оплатить похоронные расходы. И, к несчастью, прибыло еще письмо от Вейдемейера о том, что и надежды на Америку напрасны»... „Briefwechsel zwischen Marx und Engels", Band I. S. 299 и 313).

[2]) Ferd. Lassalle „Nachgel Briefe" etc., Band III. S. 54.

«Молча жду я ближайшей волны, которая снова меня несколько подымет, чтобы я мог тогда оказать и тебе хоть ничтожную помощь. Океан нищеты, который мы переплываем, имеет свои берега!» [1]).

В этот период Лассаль послал также 5 писем жене Маркса, которая вела с ним переписку по вопросам пересылки и распространения в Германии через Лассаля брошюры и статьи Маркса о кельнском процессе коммунистов.

В своем письме от 10 февраля 1854 г. [2]) Лассаль также сообщал Марксу полученные им из «самого надежного источника» последние политические новости в связи с Крымской войной, о намерениях Наполеона поддержать итальянское восстание против Австрии, о предполагаемой мобилизации в Пруссии и т. д. Вместе с тем он сообщает, что правительство решило арестовать сразу всех виднейших демократов в стране. Лассаль, считая, что его арестуют в первую голову, решил предупредить события и попутешествовать за границу. Насчет этого своего плана он просил совета у Маркса.

Мы не имеем ответного письма Маркса, но из ответа Лассаля Марксу от 7-го марта 1854 г. видно, что Маркс понял намерения Лассаля, как бегство с континента, против чего последний решительно возражал.

Он писал [3]):

«Дорогой друг!

Как мог ты из употребленного мною выражения «exiler» заключить, что я имею намерение «покинуть» континент? Как? После того как я защищал действительно à outrance эту немецкую землю с 1848 по 1854 г., я должен теперь удалиться, теперь, когда настало время, в ожидании которого я и защищал ее! У pensez vous? Прежде чем я бы попал в такое противоречие, я лучше рискнул бы Сибирью, Уралом и Кавказом вместе взятыми! Нет! Предлагаемое тобой mezotermino (sic) было с самого начала тем единственным спасительным путем, о котором я думал и который я противопоставил вечному и непрерывному моему пребыванию здесь. Если я удалюсь, то я не пойду дальше Брюсселя—если не считать восьми или четырнадцатидневного предполагаемого мною посещения вас в Лондоне—да и это я сделаю лишь с постоянно согнутыми для прыжка лапами, подобно тигрице в ожидании добычи. Но даже в таком случае, если я буду принужден отправиться против своей воли в Брюссель на шесть-восемь недель и не ради чего-нибудь иного, как только того, чтобы избежать «Варфоломеевской ночи», то я называю уже такое спасительное путешествие самоизгнанием; и даже в таких границах это путешествие представляет для меня много неприятного: поэтому-то я и был нерешителен насчет того, следует ли мне вообще его предпринять».

---

[1]) Что материальное положение Лассаля не было блестящим, видно также из его письма отцу в этот же период. См. „Intime Briefe an Eltern und Schwester" Herausgegeben von Ed. Bernstein.

[2]) Bebend III, 66.

[3]) „Nachgel. Briefe" etc., Band III. S. 70.

В том же письме Лассаль очень подробно развивает свою точку зрения на Крымскую войну, восточный вопрос вообще, выражал здесь в некоторых пунктах несогласие с Марксом, а также не соглашался с утверждением Маркса, что Пальмерстон является русским агентом. Свой взгляд на восточный вопрос Лассаль резюмирует следующим образом.

«Действительно, глубоко провиденциально то, что наша революционная эра дебютирует возникновением этого восточного кризиса, призрак которого пугает наших глупых политиков с 1828 г. Если с уничтожением Турции исчезает возможность существования Австрии, то этим самым уже в чисто политико-национальном отношении открывается возможность создания Германии, как единой самостоятельной республики. В беспощадной войне с Россией на жизнь и смерть и одновременно с этим в преобразовании и в новом оплодотворении европейско-турецких стран заключается могучее призвание немецкой революции и з в н е и это— громадный труд, который ее закаляет и делает великой, и могучее расширение территории, которое ей дает средства—побудит ее выполнить и внутри свою задачу. Большой труд создает и большую силу. О социально-экономических вопросах, которые должны быть огромны, нечего и говорить».

Между прочим, Энгельс, который не был дилетантом в военном вопросе наподобие Лассаля, а серьезно изучал это дело, высмеял эти «удивительные стратегические планы» Лассаля в ответном письме к Марксу от 23/III.

На это письмо Лассаля Маркс отвечал письмом от 6 апреля того же года [1]). Он прежде всего излагает свой взгляд на некоторые стратегические вопросы Крымской войны и на позицию Австрии. Дело военно-исторической критики решить—кто тут был прав.

Относительно Пальмерстона Маркс продолжает настойчиво утверждать, что он является русским агентом, а что мнение Лассаля есть «ходячее мнение на этот счет на континенте» и среди либеральных масс в Англии. На целой странице он приводит ряд доказательств своего утверждения. После этого он в заключение письма делает следующий вывод: «Всюду, где он (Пальмерстон. *П. В.*) действовал, он действовал вопреки английским торговым интересам, под предлогом их защиты. Например, в вопросе о Неаполитанской сере. Он ликвидировал выгодный торговый договор с Францией, бывший накануне ратификации. Он является человеком, который предал Италию и Венгрию. Если бы он действовал только против революционных национальностей, это было бы понятно. Между тем, как раз в вопросах, где дело шло исключительно об английских интересах, он, как и всегда, самым рафинированным образом предавал в интересах России. Впрочем, здесь начинают его понимать».

Маркс был не очень высокого мнения о дипломатических и стратегических рассуждениях Лассаля, считая их дилетантскими, наобо-

---

[1]) «Nachgel. Briefe», etc. Band III. S. 80. Мы тут приводим лишь небольшую часть его, так как конец этого письма имеется в русском издании «Письма Маркса и Энгельса». Перев. Адоратского, стр. 54. Изд. «Московский Рабочий».

рот, его информацию, которую Лассаль получал из надежного источника, он ценил и все время требовал новых сведений от Лассаля [1]). Этой информацией, между прочим, он пользовался для своих корреспонденций в «Нью-Йоркскую Трибуну». Так, в это же время, в своем письме к Энгельсу от 29 марта 1854 г., Маркс писал:

«Дипломатическая часть письма Лассаля, за исключением его информации, которая хороша, так же малоценна, как и военная. То, что он говорит о Пальмерстоне, есть лишь ходячее мнение на континенте». Нужно заметить, что все эти письма Лассаля Маркс пересылал Энгельсу, при чем последний разнес очень основательно перед этим [2]) (в письме к Марксу от 23 марта т. г.) как раз стратегические соображения Лассаля насчет одного из этапов Крымской войны.

Мы коснемся ниже разногласий Лассаля с Марксом по австрийскому и турецкому вопросам, в связи с их разногласиями также и по итальянскому вопросу.

Заметим только здесь, что Лассаль уже в данном вопросе рассматривал события под углом зрения немецко-национальных интересов, в то время как Маркс тут, как и всегда, рассматривал события с точки зрения международных интересов революции в Европе. Поэтому, Маркс желал прежде всего поражения России, которая была оплотом европейской реакции, а Лассаль—распадения Турции, которая, по его мнению, должна была привести к распаду Австрии, а это в свою очередь к созданию единой Германии.

В следующем письме, от 20 мая, Лассаль, кроме некоторых новостей из Пруссии, пишет, главным образом, о своих соображениях насчет Пальмерстона, приводя несколько фактов против версий Маркса, на что ему Маркс в письме от 1 июня отвечает контр-аргументами историко-дипломатического свойства, на которых мы здесь не останавливаемся.

---

[1]) Еще в письме от 10 февраля 1854 г. Лассаль писал Марксу: «Содержание изложенных выше известий ты можешь распространять, если ты найдешь это для себя удобным; но никто не должен знать, что они исходят отмена и вообще из немецкого источника». До сих пор оставался в неизвестности этот «немецкий источник». Мерринг, останавливаясь на этом вопросе, приходит к выводу: «Кто бы ни доставлял ему эти сведения, несомненно, что парень этот находился у самого источника» (Мерринг. Примечан. к письм. Лассаля. Стр. 89). Лишь теперь, в связи с новоопубликованными материалами (особенно из IV Band Ferd. Lassalles. „Nachgelass. Briefe" etc.), мы узнаем, каков был этот «самый источник».

Оказывается, Лассаль, будучи в эти годы затишья в Дюссельдорфе и присматриваясь к становлению рабочего движения, не упустил случая познакомиться и близко сойтись с «красивой Агнессой Денн-Стрит», бывшей ученицей композитора Листа. Возвращаясь к этому кругу, Лассаль узнает все закулисные дипломатические тайны, так как отец Агнессы—Георг Кляндворт—был тем самым таинственным источником, у которого он черпал эти новости и сообщал Марксу. Сей муж Кляндворт, получивший впоследствии чин статского советника (под каковым титулом он фигурирует в переписке Лассаля и графини Гатцфельд), был тайным дипломатическим агентом высшей марки. За приличную мзду он успешно обслуживал различные правительства Западной Европы.

[2]) „Briefwechsel zwischen Marx und Engels". Band II. S. 9—10.

1855 год Лассаль встречал уже в лучшем настроении, чем предыдущий. Он выиграл к этому времени процесс графини, что сразу сделало его в материальном положении независимым человеком. Выиграв для графини 300.000 талеров, он сам получил за свой труд ежегодную ренту в 4.000 талеров (как видно из письма-исповеди к Солнцевой). Если раньше он жил частью на средства отца, частью графини, то теперь он имел много больше того, что было необходимо для скромной жизни вождя рабочего класса и теоретического работника. Как раз в письме к Солнцевой он доказывал, что его доход, при дешевизне жизни в Германии, кажется, солидным и что его хватило бы для них двоих. Если это так—а не верить показаниям и расчетам самого Лассаля нет оснований, — то ясно одно: после выигрыша процесса Лассаль, если бы он этого действительно желал и если бы он дружбу с Марксом понимал так, как понимают в товарищеской и партийной среде, он мог бы серьезнейшим образом помочь Марксу и спасти его не на один год от страданий, нищеты, унижений и перерыва его теоретической работы. Но Лассаль этого не сделал. Пустившись позже в сомнительные биржевые спекуляции с ценными бумагами, он имел несколько потерь [1]). А эти потери были для него мотивом, почему он, якобы, не мог придти в том или ином случае на помощь своему «другу» (все это, однако, не мешало тому, что standart of live Лассаля очень мало страдал от этого); Лассаль не хотел поступить действительно по-товарищески, так, как поступал Энгельс, он ограничился мелкими, почти нечувствительными подачками или одолжениями, что, конечно, не могло не нервировать и раздражать Маркса. Ниже мы более подробно скажем об этой стороне отношений между Лассалем и Марксом. Здесь же отметим, что письмо от 7 января 1855 г., к которому мы подошли, начинается как раз денежными сообщениями. Лассаль извещал Маркса, что посылает обещанные раньше 200 талеров. Это было все, чем реагировал Лассаль на нищету Маркса, после того как выиграл процесс и стал материально обеспеченным человеком.

В этом же письме [2]) Лассаль описывает провокационные полицейские проделки, направленные к тому, чтобы его изловить, сообщает

---

[1]) С революционной точки зрения Лассаля приходится упрекать не столько в том, что он в результате процесса стал состоятельным человеком и даже не в том, что он связался со всякого рода коммерческими предприятиями и спекуляциями, а в том, что все это было отнюдь не в интересах партии, а в чисто личных интересах. Между тем помочь в тогдашних условиях Марксу—значило серьезно помочь партии на теоретическом фронте ее работы. Не лишнее будет вспомнить в связи с этим одно любопытное место из письма Энгельса к Бернштейну.

„Но можно очень хорошо самому быть биржевиком и в то же самое время социалистом, и именно поэтому ненавидеть и презирать класс биржевиков. Разве мне придет в голову оправдываться в том, что я когда-то также был компаньоном в одной фабрике. Хотел бы я посмотреть на того, кто упрекнул бы меня в этом. И если бы я был уверен, что могу выиграть на бирже миллион и этим дать большие средства партии в Европе и Америке, я бы тотчас же пошел на биржу".

См. письма Ф. Энгельса к Эд. Бернштейну. Архив Маркса—Энгельса, под редакцией Рязанова, кн. 1-я 1924 г.

[2]) Ferd. Lassalle „Nachgel. Briefe" etc. Band III. S. 86—90.

о приказе из Берлина «накрыть» его во что бы то ни стало и выражает при этом надежду, что изловить его все же не удастся [1]).

В заключение Лассаль просит Маркса назвать ему исследования или материалы на английском языке, которые давали бы представление о том, какие экономические последствия имела для Англии отмена хлебных пошлин: 1) данные о влиянии ее на уровень цен, 2) на посевную площадь Англии, 3) об изменении в размерах потребления хлеба, 4) о количестве лиц, занятых в этих производствах, и о движении этой цифры.

Ответное письмо Маркса датировано 23 января 1855 г. Автор замечает, что письмо задержалось на 8 дней, вследствие рождения дочери (Элеоноры) и связанных с этим обстоятельств. Маркс дает в письме немедленный и обстоятельный ответ на вопросы Лассаля. Он приводит цифровые данные по годам об импорте пшеницы в Англию, предполагаемом сборе хлеба в Англии, об уменьшении посевной площади. Далее идут соображения насчет движения цен на продукты промышленности, о заработной плате и ее движении, о влиянии реформы на рост английского экспорта, о том, кто выиграл от отмены пошлин и т. д. Этот обстоятельный ответ Маркс дает Лассалю немедленно, без предварительной подготовки. Он обещает ему привести те цифры, которые еще найдет в своих тетрадях. «Что же касается книг, то они (пишет Маркс) будут т о л ь к о т е п е р ь появляться». Иными словами, все, что он сообщил Лассалю, он знал на основании предыдущего самостоятельного изучения вопроса. Этот небольшой инцидент из переписки показывает изумительную осведомленность Маркса в вопросах тогдашней мировой экономики.

Следующее письмо Лассаля к Марксу датировано 25 января. В нем нет начала. Это длинное письмо целиком представляет из себя очерки экономического и политического положения Германии. Лассаль описывает в нем ухудшение дел с экспортом, сокращение производства с одной стороны, с другой стороны, он описывает политические настроения

---

[1]) Во втором томе «Литературного наследства» Лассаля (Band II. S. 112) мы находим жалобу Лассаля от 20 ноября 1854 г. на имя директора полиции Дюссельдорфа Фальдерна на то, что к рабочему ножевщику Рейнгарду-Юлиусу Петерсу в Кельне явился некто под именем Лассаля с провокационными предложениями насчет «организации прочных связей между рабочими Золингена и рабочими Лене, Изорлона и Эберфельда; на возражения Петерса он ответил, что его обязанность устанавливать такие связи в интересах рабочего класса. В ближайшее время произойдут события во Франции и рабочие должны быть готовы к тому, чтобы выступить как к о м п а к т н а я м а с с а».

Описывая затем наружность этого лже-Лассаля, Лассаль требовал произвести расследования этого дела и установления личности. Однако эту жалобу полиция попыталась было обратить против самого Лассаля, усмотрев в этом наличие связей между Лассалем и рабочими. 7-го февраля 1855 года полиция известила по своей инстанции, что ей удалось установить подлинность появления в районе Золингена псевдо-Лассаля, прибывшего с целями и задать связи с коммунистами, выяснить, однако, его личность ей не удалось. Конечно, ей это не могло удасться: как мы знаем из письма Лассаля к Марксу от 27 января 1855 г. (Band III S. 94—96) этот псевдо-Лассаль был не кто иной, как шеф тайной полиции Берлина Гольдгейм.

буржуазии, которая недовольна внешней политикой правительства, его русофильством, которое он считает проявлением династических интересов вопреки интересам национальным. Он описывает рост недовольства под влиянием все растущих налогов. Он резюмирует свое описание следующими строками:

«Мое описание нашего положения дел выражается, согласно всему этому, кратко в следующих словах: Германия теперь подобна пустыне, выжженой тропическим солнцем Африки, где достаточно одной искры, чтобы пожар охватил квадратные мили. Но в этой-то искре—нужда, и из нашего собственного нутра она не вспыхнет. Война, напротив того, может ее вызвать» [1]).

Мы не знаем, ответил ли Маркс на это письмо. Между этим и следующим письмом Лассаля протекло почти полгода. В письме [2]), посланном в начале июля 1855 г. из Парижа, Лассаль пишет, что не отвечал на письмо Маркса, в котором последний сообщал о смерти сына Эдгара (умершего 6 апреля), так как такие моменты не для писем. Что же касается его, Лассаля, то никто так не сочувствует горю друга, как именно он. Лассаль рассказывает дальше, куда путешествовал, что делает и что намерен делать, как нашел парижскую выставку и т. д. В виду того, что это письмо имеет биографический интерес (на этом письме нам придется позже остановиться подробней), в виду того, что оно не было известно русскому читателю (в издании Меринга его нет), я приведу здесь его большую часть:

«Начиная с 1-го июня, я предпринял маленькое путешествие; в течение восьми дней я нахожусь с родными в Париже, куда мы приехали посмотреть выставку. Графиня лечится в Мариенбаде (в Богемии). По всей вероятности, я проведу здесь еще 14 дней (самое меньшее 10); отсюда я, может быть, направлюсь в Италию. Вообще говоря, вся эта поездка совсем не в моем духе. Я мечтаю поскорей вырваться из этого странствования, которое я предпринял, начиная с августа прошлого года, в целях поправки, и для того, чтобы с полным спокойствием отдаться некоторым научным работам, чтобы закончить те из них, которые остались неоконченными от прежнего времени. Но Дюссельдорф, во-первых, не является таким городом, который был бы подходящ для такой работы, с другой стороны, он мне порядком надоел. Я хочу, во всяком случае, перенести свой домашний очаг. В Дюссельдорфе нет необходимых научных учреждений; он не может дать никаких стимулов к умственной деятельности, ни соответствующей общественной среды, ни развлечений. Я бы очень охотно переселился в Берлин. Поэтому я написал несколько недель тому назад Гинкельдею и спросил его, встретится ли какое-либо препятствие к этому переезду [3]). Он мне ответил,

---

[1]) Ferd. Lassalle. „Nachgel. Briefe" etc. Band III. S. 98.

[2]) Ibidem. S. 98—100. Это письмо, на котором нет даты, очевидно, было послано Лассалем в первых числах июня, так как Маркс это письмо переслал Энгельсу вместе со своим письмом от 17-го июля. (См. „Briefwechsel zwischen Marx und Engels" Band II, S. 77).

[3]) Лассаль, понятно, не сообщает при этом Марксу те доводы, которые он приводил Гинкельдею, и тот тон, в котором он написал последнему про-

что ни под каким видом не допустить моего переезда, и категорически отказал в разрешении. Sic stantibus rebus, я, вероятно, на два месяца поеду в Италию. Ибо я и так слишком рано еще возвращусь в Дюссельдорф. Я сам ношусь с мыслью, что если мне удастся преодолеть эти препятствия и осуществить мое желание о переезде в Берлин (во что я, однако, не верю),—временно осесть в Париже или в Гейдельберге. Spectakelstück oder Ibillie. Быть может, ты знаешь, для меня более подходящее место (Лондон мне слишком дорог) (? *П. В.*). Дадут ли мне жить в Гейдельберге, еще остается вопросом. Немецкая свобода передвижений в действительности прекрасная штука. Когда мне понадобилось в апреле с. г. по поводу одного срочного дела съездить на несколько дней в Берлин, то я имел удовольствие (несмотря на то, что имел при себе паспорт) быть арестованным в поезде. Меня тащили от Понтия к Пилату и продержали в арестном доме от 1 часу дня до 9 вечера, пока я, наконец, с Hängen und Würgen (после всяческих мытарств) не получил разрешения на четырехдневное пребывание [1]). Великолепные порядки!

Посетить ли мне кого-нибудь из твоих друзей в Берлине?»...

В заключение он сообщает, что посетил Гейне, положение которого в высшей степени ухудшилось. Голова же осталась бодрой и остроумной. Он был рад увидеть Лассаля, отмочил ему одну неприличную шутку; о Марксе у него, по словам Лассаля, остались самые дружеские воспоминания.

Маркс послал письмо Лассалю 28 июля [2]). Это небольшое письмо мы приведем здесь целиком.

«Дорогой Лассаль!

Вот уже несколько недель я нахожусь в деревне, в коттедже, который мне предоставил друг, отправившийся в экскурсию в Шотландию. В результате твое письмо было мне доставлено только вчера. Я теперь принял срочные меры к тому, чтобы письма из города мне доставлялись тотчас же.

Я, естественно, поражен тем, что ты находишься так близко от Лондона и в то же время не имеешь в виду заглянуть сюда на несколько дней. Я надеюсь еще, что ты поразмыслишь и найдешь, как короток и удобен путь из Парижа в Лондон. Если б двери во Францию не были для меня герметически закрыты, я бы нагрянул к тебе в Париж.

Я имею друзей в Париже, адреса же их я могу послать (пишу это письмо не в городе), когда прибуду в Soho [3]), где они хранятся.

Бэкон говорит, что действительно значительные люди имеют так много связей с природой и с миром, так много об'ектов интереса, что они легко переносят всякую потерю. Я не принадлежу к этим значительным людям. Смерть моего ребенка глубоко потрясла мой мозг и мое

чение. Мы позже еще будем иметь случай остановиться на заигрываниях Лассаля с полицией в связи с ходатайством о переезде в Берлин.

[1]) См. подробн. в письме к графине Гатцфельд (Band IV, S. 48).

[2]) „Nachgel. Briefe" etc. Band III. S. 100—101.

[3]) Улица в Лондоне, на которой жил Маркс, называлась Dean street Soho.

сердце и я ощущаю потерю так же свежо, как и в первый день. Моя бедная жена также совершенно убита.

Если снова увидишь Гейне, поклонись ему от меня.

Твой К. М.»

Мы привели это письмо Маркса не только потому, что оно интересно само по себе, но прежде всего затем, чтобы дать образчик эпистолярного стиля и тона Маркса в тех случаях, когда его отношения к Лассалю были нормальными и когда Маркс не был чем-либо раздражен.

Ниже мы познакомимся с письмами Маркса, наоборот, когда он был максимально раздражен против Лассаля.

В ответном письме [1]) от 24 сентября 1855 г. (уже из Дюссельдорфа) Лассаль пишет:

«Дорогой Маркс!

Твое дружеское письмо со столь сердечным приглашением заехать к тебе я получил в Париже. Я было уже решил последовать ему и переехать на несколько дней в Лондон, чтобы снова, наконец, быть среди людей (потому что в Германии иному почти кажется, что он «единственная чувствующая душа среди немых существ», как это говорится в «Водолазе»),—но я получил письма графини, которые сделали важным мое возвращение в Германию раньше, чем я предполагал» [2]).

За статистические данные Маркса Лассаль платит дань той же монетой, посылая Марксу цифры статистического бюро в Берлине о цене на пшеницу за 1849—55 годы, и отмечает рост дороговизны. В следующем маленьком письме от октября 1855 г. (Band III, S. 102) он просит Маркса указать ему, где достать книгу Коффино «Les mystères de la Bourse» par Coffineau.

Ответное письмо Маркса помечено 8-м ноября того же года (Ibidem, S. 103). Маркс извиняется за запоздание с ответом, потому что, во-первых, он был в это время в Манчестере. «С другой стороны,— пишет он,—я настолько страдал от зубной боли, что пережил такое состояние, какое Гегель требует от чувственного ощущения на той его ступени, когда оно должно перейти в стадию самопознания,—в результате чего я потерял способность видеть и слышать, а тем самым и писать.

---

[1]) Band III. S. 101, 102.

[2]) Заметим мимоходом, что из писем графини к Лассалю этого периода (см. „Nachgel. Briefe" etc. Band IV, S. 50—58) не видно ничего экстренного и необычайного, что заставило бы Лассаля срочно вернуться домой, отказавшись от свидания с Марксом, которого он не видел с 1848 г.

В последнем письме графини (если только не было более позднего) от 14 августа, она, как и в предыдущих, жалуется на одиночество, на плохое настроение, которое, помимо дум о надвигающейся старости, о предстоящей разлуке с лучшим другом Лассалем, в связи с его предполагаемым отъездом, отягощено еще заботами о сыне, которому она хочет притти на помощь, но не знает как. Она пишет: «В ближайшую субботу я прибуду в Дюссельдорф. Я себя чувствую тут сиротливо и покинутой. Я чувствую необходимость вас видеть, с вами беседовать, но не оставаться одной со своими думами» (Band IV. S. 57).

Что же касается твоего вопроса насчет книги Коффино, под заглавием «Les Mystères de la Bourse», то это жалкое произведение, я полагаю, находится в числе тех моих книг, которые я оставил на родине. Во время моего первого пребывания в Париже я соблазнился подзаголовком и купил книгу, чтобы ее прочесть. Г-н Коффино—адвокат, который по существу биржи не знает и лишь предостерегает от «юридических agents de change». Из книги нечего взять, ни фактов, ни теории, ни даже забавных анекдотов. К тому же она совсем устарела: «Пусть он (т.-е. Коффино) идет, дорогая Донна. Он недостоин твоего гнева» (место из Гейне, Atta Troll. *П. В.*).

Дальше Маркс сообщает о Веерте и его путешествиях в Тропики и об эмигрантских делах.

На этом переписка Маркса и Лассаля прерывается почти на полтора года.

С какого же точно времени произошло ухудшение отношений между Марксом и Лассалем и что было причиной?

Обратимся прежде всего к документам, которые дают некоторые опорные пункты для ответа на этот вопрос; прежде всего, к переписке Маркса с Энгельсом. В 1856 году к Марксу прибыл из Германии некто Леви в качестве представителя дюссельдорфских рабочих. Как видно из позднейшего письма Лассаля к Марксу, Леви был купцом, который вращался среди рабочих и был приятелем Лассаля и графини. После окончания процесса графини Леви просил в долг у нее две тысячи, но получил отказ; на этой почве, по словам Лассаля, произошла ссора Леви с ними [1]). Впоследствии Леви сблизился с Лассалем и был первым кассиром лассалевского 1-го Всеобщего Германского Рабочего Союза. Кстати, Меринг в своих комментариях к письмам Лассаля замечает: «совершенно

---

[1]) Еще до этого мы находим в письме графини к Лассалю, писанном 9-го августа 1855 г. (во время пребывания его в Париже), одно место, которое в некоторой степени оправдывает утверждение Лассаля. Она там писала: «Вообще в денежных делах стремиться удовлетворить всех людей—это все равно, что желать наполнить бочку Данаид. Если вы вспомните об опытах, которые мы имеем уже в этих делах в последнее время с Гладбахом и Леви, то вы этого сами не будете отрицать. Если даже десять раз дать полными пригоршнями, а один раз отказать, то все равно оклеветают так же, как если бы ни разу не дали» („Nachgel. Briefe" etc. Band IV, S. 52—53). Но вместе с тем, из более позднего письма графини к Лассалю, где она учит Лассаля не одалживать окружающим денег, видно, что Леви был в числе наиболее кредитоспособных: «И вы должны себе сделать твердым правилом не одалживать больше той суммы, с каковой вы хотите распрощаться, ибо вы еще никогда не получали что-нибудь обратно от людей, как Пиквик и другие, за исключением Леви, где одолженная сумма возмещается благодаря процентам» (т. IV, стр. 99—100). В другом месте «Литературного наследства» мы находим более позднее письмо Леви к Лассалю, от 5-го октября 1855 г., которое написано в очень резком тоне где речь, правда, идет лишь о требовании возврата книг, взятых Лассалем, но где чувствуется, что причины лежат глубже („Nachgel. Briefe" etc. Band II, S. 122, 123).

невероятно, чтобы он был тем самым «маленьким Леви», которого Лассаль так сурово осуждал, как предполагаемого виновника предъявленного против него обвинения» [1]). Однако, Густав Майер установил тождество одного персонажа с другим [2]).

Леви, с одной стороны, поставил перед Марксом вопросы, касающиеся тактики рабочего движения в Рейнской области. С другой стороны, он от имени дюссельдорфских рабочих сформулировал обвинение против Лассаля. Текст этого обвинения нам, к сожалению, неизвестен, существо же его можно видеть из письма Маркса к Энгельсу от 5-го марта 1856 года [3]). В этом письме мы, в связи с интересующим нас вопросом, читаем:

«Л е в и. Депутат от дюссельдорфских рабочих с двумя поручениями.

1. Дезавуирование Лассаля. П о с л е о ч е н ь о с н о в а т е л ь н о г о и с с л е д о в а н и я я нахожу, что рабочие п р а в ы. Лассаль, после того как графиня получила ее 300.000 талеров, совершенно переменился (ganz umgewaldet). Сознательно отталкивает рабочих, кокетничает с ними.

Процесс кончился, уполномоченный в делах графа Гатцфельда, Стокум, который, как ты знаешь, был приговорен ассизным судом к 5-ти годам исправительной тюрьмы [4]), порвал с графом. Он дал понять Лассалю, что располагает документами, которые могут обеспечить графу каторгу за нарушение присяги, за подлоги и т. д. Лассаль обещает ему 10.000 талеров, уговаривает обер-прокурора Кестерица (который в связи с этим делом должен был подать в отставку) довести до сведения графа Гатцфельда, что обвинительный акт находится у него на руках. Гатцфельд бежит уже в Париж, когда Лассаль вручает ему на подпись мировое соглашение с графиней и берет назад обвинительный акт (Кестериц действует здесь целиком как инструмент в его руках)... Они, (т.-е. рабочие Дюссельдорфа. *П. В.*) передают массу частностей, которые я не могу воспроизвести, потому что их одну за другой перезабыл. Рабочие говорят, что они все согласны были бы простить Лассалю, раз он взялся за этот процесс, как за дело чести. Теперь, когда он выиграл, вместо того чтобы заставить графиню заплатить ему и сделаться независимым, он позорно живет под ее ярмом в качестве подручного, без всяких условий. После выигрыша процесса он прокламирует о всем, что хочет делать. Он отбрасывает теперь рабочих сознательно, как ненужный инструмент. Он устроил только одно тайное собрание, при встрече нового года...

Ко всеобщему удивлению он говорил перед 60 рабочими не о чем другом, как о «борьбе цивилизации с варварством», о борьбе Запада

---

[1]) Меринг. Примеч. к «Письмам Лассаля и Маркса», стр. 309.

[2]) Ferd. Lassalle. „Nachgel. Briefe" etc. Band III. S. 267—68, Anmerk. von G. Mayer und Band IV. S. 52.

[3]) „Briefwechsel zwischen Marx und Engels". Band. II. S. 398.

[4]) Летом 1855 г., когда Лассаль был в Париже, графиня ему об этом сообщила из Мариенбада: очевидно, об этом передавали тогда общие друзья Марксу и Энгельсу.

с Россией. Его план состоит в том, чтобы отправиться в Берлин вести там себя в качестве важной персоны и открыть салон. После своего возвращения оттуда он, в присутствии Леви, обещал графине создать вокруг нее свиту из «литераторов». Он, также в присутствии Леви, высказывал свои «диктаторские вожделения» и т. д. (Он расценивает себя совсем иначе, чем мы его. Когда он целиком уходит в частные интриги, он считает это своей мировой задачей, как будто действительно выдающийся человек может убить десять лет на такие пустяки). Рабочие далее говорят: при свойственной ему дипломатии он никогда не решился бы так резко выступить против них, если б он не имел в виду перейти в партию буржуазии. Он считает себя достаточно влиятельным для того, чтобы заговорить им зубы во время восстания, если только он взберется на стол и увлечет за собой массы, и т. д.

Леви говорит: ненависть к нему так велика, что, что бы мы ни решили, рабочие убьют его, если он в момент начавшегося движения будет находиться в Дюссельдорфе. Впрочем, они убеждены, что если до него дойдут сведения о том, в чем его подозревают, он во время начнет вести себя двулично (начнет играть на обе стороны).

Все это отдельные моменты из того, что я слышал и отрывочно фиксирую. В целом же все произвело на меня и Фрейлиграта определенное впечатление (definitiven Eindruck), как ни защищаю я Лассаля и как ни отношусь недоверчиво к болтовне рабочих. Я сказал Леви: разумеется, невозможно вынести какое-либо решение только на основании сообщения одной из сторон; подозрительность же при всяких условиях полезна; они должны следить за этим человеком, но воздержаться от какого-либо публичного выступления; мы, может быть, найдем возможность заставить Лассаля занять определенную позицию и т. д.

Qu'en pensez-vous?

Я хотел бы также знать мнение и Лупуса».

В ответ на эту информацию и этот запрос Энгельс в письме от 7 марта 1856 г. писал [1]): «О Лассале. Очень жаль парня из-за его большого таланта, но все эти вещи слишком серьезны. Как настоящий еврей с польской границы, он всегда был склонен, под предлогом партийных интересов, устраивать свои личные дела. А потом—эта противная склонность проникать в круги знати. Однако, все это были лишь факты, которые делали необходимым более тщательное наблюдение над ним. Но если он делает поступки, которые прямиком ведут к исключению из партии, то я понимаю дюссельдорфских рабочих, если они питают к нему ненависть. Я пойду сегодня к Лупусу и расскажу ему о всех этих обстоятельствах... Мое мнение таково, что нужно поступить так, как ты указал дюссельдорфским рабочим. Поднимать скандал было бы несвоевременно.

История насчет Гатцфельд и 300.000 талеров была для меня новостью; я думал, что они добьются лишь месячной или годовой ренты.

sel zwischen Marx und Engels". Band II. S. 102.

Что он сохранил для Гатцфельд черные и желтые фраки, ему нельзя никогда простить. К остальным вопросам я еще вернусь.

Твой Ф. Э.».

Эти места из писем Маркса и Энгельса не нуждаются в особых комментариях. Они дают достаточно ясное представление, как они оба относились к Лассалю вообще и, в частности, как реагировали на донос от имени дюссельдорфских рабочих.

Франц Меринг (в своей книге «Карл Маркс» см. стр. 200 и 201), а за ним, конечно, Густав Майер [1]) обвиняет Маркса в том—что он нашел возможным прервать из-за этих донесений переписку с Лассалем. Вообще от обвинения Маркса в несправедливом отношении должно удерживать в каждом отдельном случае уже одно то, что правильность общей оценки Лассаля Марксом и Энгельсом не только подтверждается всей литературной и политической деятельностью Лассаля, но и предательством германской социал-демократии, поскольку она в последующую эпоху, во всех основных моментах своей деятельности шла гораздо больше по стопам Лассаля, чем Маркса, вопреки тому, что сама думала и говорила о себе.

Но если мы разберем и поймем те мотивы, которые руководили Марксом в данном конкретном случае, то мы не только не найдем ничего предосудительного в его поведении: наоборот, поведение Маркса рисует его с лучшей стороны. В самом деле, Маркс не мог все сообщение целиком считать абсолютной выдумкой (как увидим ниже, кой-какую почву последнее донесение имело под собой), тем более, что жалобы на Лассаля доносились до Маркса неоднократно и до этого. Еще в 1853 году, когда Маркс запросил Клуса о Лассале, то последний дал очень нелестный отзыв о нем [2]). Маркс не мог лично на месте проверить до-

---

[1]) Майер, введение к III тому „Литер. насл.“, стр. 9.

[2]) Клус (Clus) был одним из хороших коммунистов, принимавших участие в революции 48 г. После революции он бежал в Америку и там нашел себе службу. В течение долгих лет Маркс был с ним в самой тесной переписке. В своем ответном письме Марксу на запрос о Лассале он писал: «Кстати, что касается Лассаля, то о его характере со стороны социально-политической активности я не могу дать никакого отзыва, т. к. он развил свою политическую деятельность в Кельне, и, насколько я мог за ним следить, он действовал не по внутренним импульсам, а под влиянием того, что его (Industrier Kittertum) рыцарство и прислужничество перед распутной графиней привело его к столкновениям с государственной прокуратурой в связи с отбыванием наказаний. Что касается его характера в частной жизни, то я знаю его, как талантливейшего разнратника, который не гнушается никакими средствами, не исключая измены по отношению к друзьям, чтобы щекотать свои утонченные вкусы, пировать по-лукулловски и бахвалиться. Так в Берлине он якобы для одного из своих бедных друзей нагрел барона Штикера из Силезии на 300 талеров; этот друг писал мне потом из долговой тюрьмы, в то время как Лассаль пировал со своей графиней, восхищенный ее величием и гордый ее роскошью, позволяющей ей пользоваться для ее сиятельского носа платками ценой не ниже 100 талеров. Такой человек опасен для каждой партии: он не станет изменником в обычном смысле слова, но он не согласится отказаться от своего тщеславия и комфорта. Впрочем все только что сказанное, есть лишь мое личное убежде-

стоверность всех этих слухов о Лассале. Лично Лассаля Маркс также не видел и не говорил с ним со времени революции 48 года; когда же представилась возможность встретиться и побеседовать лично в 1855 году (во время пребывания Лассаля в Париже), Лассаль, как мы видели, не пошел этому навстречу, хотя Маркс настаивал на свидании.

Как же вообще мог и должен был поступить Маркс в данном случае? У него было два пути: он должен был либо выложить Лассалю с полной откровенностью все то, что ему сообщали о нем и что он сам не в состоянии был пока проверить; либо он должен был временно скрыть от Лассаля все эти обвинения до тех пор, пока жизнь их не подтвердит, или пока Лассаль сам не подаст в будущем повода к тому, чтобы напомнить ему обо всем этом. Маркс выбрал второе. Только корректным, терпимым и лойяльным отношением Маркса к Лассалю можно об'яснить то, что Маркс скрыл, таким образом, теперь от Лассаля факт обвинений последнего дюссельдорфцами и решился ему сообщить об этом лишь впоследствии, через три года—после того как сам Лассаль подал к этому повод в связи с позицией, занятой Лассалем в деле между Марксом и Фогтом. Лишь через три года в 1859 году Маркс ознакомил Лассаля с материалами донесений дюссельдорфцев, а также и с запиской Клуса [1]).

Разумеется, Лассаль был страшно оскорблен и возмущен как этой конспирацией Маркса, так и самым характером этих обвинений, и очень резко отпарировал их в своем ответном письме от марта 1860 года. Мы не будем сейчас приводить соответствующую сцену из письма Лассаля, чтобы не нарушить наше хронологическое изложение. Иначе читателю будет непонятен тон и содержание лассалевских писем к Марксу до т о г о м о м е н т а, когда последний счел, наконец, возможным посвятить Лассаля в существо пред'явленных к нему обвинений.

Но если Маркс не считал целесообразным теперь, в 1856 году, немедленно переслать Лассалю все эти сведения и порвать с ним всякие отношения, то он не мог также, с другой стороны, после всех заверений рабочих поддерживать переписку с Лассалем в прежнем дружеском тоне, как если бы ничего не случилось. Поэтому Маркс предпочел вообще умолчать и не отвечать Лассалю на письма последнего. В результате мы имеем перерыв в их переписке на целых полтора года.

нее, к которому я пришел благодаря знакомству с характером его в личной жизни. Если же я не имею для этого фактов, то я не желаю ни сам иметь эти факты, не желаю этого Марксу и его друзьям» (Band III. стр. 267).

О достоверности фактов, сообщаемых в этой записке, в особенности о столкновении Лассаля с бароном Штикером, у нас будет еще речь впереди в связи с письмом Лассаля к Марксу на эту тему, написанным в 1860 году.

[1]) Маркс, не желая выдавать автора этой записки, вычеркнул его имя, так что не только Лассаль не мог узнать имя автора, как он этого ни добивался, но и для историков это имя осталось тайной. Лишь благодаря т. Рязанову, которому удалось в одной записной книжке Маркса отыскать заметку, относящуюся к данному вопросу, было в точности установлено, что автор этой записки был не кто иной, как Клус. Интересно заметить, что даже Бернштейн не знал достоверно имени автора и называет его Wiess (см. указ. выше его статью из «Documente» etc.).

Теперь перейдем к другой стороне дела—к вопросу о том, насколько верны были донесения Леви и рабочих. Действительно ли эти донесения были по существу клеветническими и в основе их лежали лишь денежные недоразумения между Леви и Лассалем, как это думает Меринг [1]), или же в образе жизни, поведении и в отношениях Лассаля с рабочими в этот период, на самом деле, произошел какой-то перелом? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется обратиться и к другим фактам и документам, помимо переписки Лассаля и Маркса.

Для того, чтобы понять, действительно ли в образе жизни Лассаля и его отношениях к рабочим произошел перелом (54—55 г., в связи с выигрышем процесса), нам надо знать, что же фактически делал Лассаль после своего освобождения из тюрьмы в апреле 1851 года и после разгрома Союза Коммунистов в сфере рабочего движения и каковы в этот период были его отношения с пролетариатом Дюссельдорфа? Некоторый ответ на этот вопрос дают приводившиеся выше нами факты помощи со стороны Лассаля некоторым рабочим Дюссельдорфа и членам Союза Коммунистов и его пропагандистская работа (правда, довольно случайная) среди передовых слоев рабочих Дюссельдорфа. Доказательство этому мы находим как в письмах отдельных рабочих, сохранившихся во 2-м томе «Литературного наследства» (например, письмо рабочего Кихниавы [2]), как даже в еженедельных донесениях кельнской и дюссельдорфской полиции [3]), так и, наконец, в письме самого Лассаля к Марксу (посланному гораздо позже, в 1860 г. в февр.). Лассаль писал Марксу: «Ты не имеешь никакого понятия и представления обо всем том, что я сделал для этих людей, что я вытерпел из-за них, какие жертвы принес им. На благодарность с их стороны я никогда не рассчитывал и не буду рассчитывать, но тем сильнее всегда действует в первый момент неблагодарность. Если они нуждались в деньгах, то шли ко мне, искали у меня помощи и всегда находили ее. Почти всегда я давал гораздо больше, чем мог, давал с величайшими жертвами, но я давал потому, что меньше не помогало, и потому, что я всегда предпочитал обременять самого себя и попасть самому в совершенно безвыходное положение, чем не помочь этим людям, которые обладали меньшими средствами, чем я. Часто я доходил при этом до величайшей бессовестности по отношению к самому себе и порой по отношению к графине, которая была так дорога мне и судьба которой лежала на мне, но я все же брал их под свою защиту.

Я бросался к начальнику полиции и улаживал эти споры—как часто—при помощи угроз, чего я не советовал бы делать никому другому. Если они попадали в тюрьму, то я заботился об их защите, если

[1]) См. Примеч. Меринга к «Письмам Лассаля и Маркса», стр. 309 и др.
[2]) **Ferd. Lassalle. „Nachgel. Briefe" etc. Band II, S. 128.**
[3]) Г. Майер приводит выдержки из еженедельных отчетов кельнской и дюссельдорфской полиции в Берлин, по которым видно, что они следили за Лассалем в эти годы, считая его «главным руководителем партии переворота на Нижнем Рейне» (**Band III, S. 89.**)

это было нужно, я за это время кормил их семьи. Если дело шло о том, что кому-нибудь из них нужно было завести самостоятельное дело, то я до тех пор бегал повсюду, пока не доставал денег, всегда сам отдавая все, что было нужно и чего нельзя было достать. Мой дом был их приютом в течение целого года. Всякого беглеца, всякого из них, кому вообще нужно было бежать, приводили в мой дом,—там я его скрывал по целым дням с величайшей опасностью для себя и графини и отправлял потом на лошадях в Голландию и т. д. Я всегда служил советом и делом всем и не только своим любимцам. По субботам и воскресеньям они собирались у меня, когда хотели, и очень часто. Когда дело шло о том, чтобы распространить книги среди рабочих всего правительственного округа (сюда относится также и Wupperthal), то я достал книги, по их желанию, от своего книгопродавца на 70 талеров, которых я, конечно, никогда не получил обратно, и передал книги им. Каждый новый год я встречал вместе с ними и произносил им речи, в которых давал обзор всего происшедшего за год и указывал на ход исторического развития. В течение долгого промежутка времени—во все время самой сильной реакции—несмотря на самые свирепые угрозы со стороны полиции, большие или меньшие наряды которой всегда во время этих лекций лежали в кустах против моего дома—я читал у себя дома лекции о социальном развитии с 1789 года, несмотря на все бешенство и всякие угрозы полиции, пока рабочие п р о т и в моей воли, не заявили, что они не могут и не станут подвергать меня дальше такой опасности, и упорно после этого не приходили.

Короче сказать, мой дом был их крепостью и крепостным валом. Я всегда выступал за них, за каждого из них, при всяком случае. Полиция и обер-прокурор никогда не могли меня ни в чем обвинить. Но сумели это сделать другим способом. Мои постоянные сношения с пролетариатом привели в бешенство всю бюрократию в Дюссельдорфе и в Рейнской провинции— и вследствие их мести я терял все гражданские процессы графини, и виды на будущее становились все мрачнее, и поток бешенства, угрожавший задушить меня, все больше вздувался и поднимался во мне. Рабочие этого, разумеется, не знали и не понимали» [1]).

К этому документу разумеется надо все же отнестись с известной осторожностью, потому что мы хорошо знаем, как любил всегда преувеличивать свои заслуги перед рабочим движением Лассаль. Однако, правильность фактов, сообщаемых здесь Лассалем, отчасти подтверждается и тем, что в 1863 году Лассаль, говоря о своей тогдашней деятельности в Дюссельдорфе, имел возможность призвать в свидетели самих рабочих, знакомых с ним по Дюссельдорфу в период 50-х годов.

На собрании 28 сентября 1863 года Лассаль в начале своей речи сказал: «Вы знаете меня. Я жил среди рейнских рабочих 10 лет; я был с вами как во время революции, так и в эпоху белого террора 50-х годов. Вы видели меня как в тот, так и другой период. Вы знаете, ч е й дом был до последнего момента моего пребывания в Рейнской провинции

---

[1]) „Nachgel. Briefe" etc. Band III, S. 26—68. У Мерингa это письмо ошибочно помечено „март".

бесстрашным убежищем демократической пропаганды, верным прибежищем для самой неустрашимой и решительной партийной помощи, и это, несмотря на белый террор Гинкельдея-Вестфалена, несмотря на все дикое бесправие того времени».

Но так было в эти годы до выигрыша процесса.

Когда же процесс графини Гатцфельд Лассаль довел до победоносного конца, в его настроении, образе жизни и отношениях к рабочим происходит перелом, которого рабочие не могли не заметить. Прежде всего на Лассаля повлиял тот факт, что не только графиня, но и он получил благодаря выигрышу процесса большие материальные средства, что сразу сблизило его, с этой стороны, с буржуазной средой и отдалило от рабочих.

Далее: после напряжения предыдущих лет, связанных с процессом, у Лассаля происходит теперь известная психологическая реакция. С одной стороны, у него появляется желание отдохнуть, пожить в свое удовольствие, рассеяться—получить новые впечатления [1]). С другой стороны, окончание процесса развязало вместе с тем внутренние силы Лассаля, которые искали себе приложения в работе на более широком поприще. Он ищет теперь нового дела, которое принесло бы ему и славу и известность. До общего политического перелома в Германии, происшедшего позже, такой известности Лассаль мог добиться лишь в литературной и научной области и то постольку, поскольку эти работы по своему идейному содержанию не означали разрыва по всей линии с существующей буржуазной идеологией. Вот почему Лассаль принимается оканчивать свою работу о Гераклите, начатую им еще в студенческие годы, в 1855 году, в Берлине. Эту последнюю мысль, которая об'ясняет нам, почему Лассаль занялся именно такими темами, как «Гераклит», «Система приобретенных прав», мы разовьем более подробно в другой связи. Но Дюссельдорф был слишком мал и слишком провинциальный город для осуществления этих планов. Лассаль мечтает о переезде в Берлин [2]). Он прилагает все усилия, чтобы добиться разрешения на переезд в столицу, при чем для достижения этой цели он не брезгует воспользоваться даже такими средствами, которые принципиально недопустимы для революционера. К подобного сорта приемам нужно отнести ходатайство его перед разными высокопоставленными прусскими чиновниками и его обращения с этой целью в полицию вплоть до составления на самого себя политического доноса, который

[1]) После окончания процесса Лассаль и графиня предпринимают ряд поездок на курорты, путешествие по Рейну, затем он с родными едет в Париж, позже в Швейцарию, а оттуда на Восток. (См. вышецитированное письмо к Марксу, а особенно письма к отцу „Intime Briefe an Eltern und Schwester" in „Nachgelass. Lassalles Briefe." Band IV).

[2]) С этой точки зрения, несомненно, прав Бернштейн (сколько бы ни негодовал Меринг—см. примеч. его к письмам, стр. 110), когда говорит в своей первой работе о Лассале: «Лассаль страстно хотел, чтобы его признали, он желал славы подвигов, а для этого ему нужна была столица»... Как мы уже указывали, Бернштейн в свой первый период дал правильную оценку Лассаля. Хотя через несколько лет в своей статье (в „Documente des Socialismus") он отказался от этого взгляда.

должен был убедить ее в целесообразности переезда Лассаля в Берлин, с точки зрения самой полиции [1]).

Начиная с 1855 года, по возвращении из Парижа в Дюссельдорф, Лассаль принимается за Гераклита со свойственным ему темпераментом. С этой целью он совершает летом 1856 года поездку в Бонн для пользования необходимыми книгами, имеющимися при Боннском университете, оттуда едет в Гейдельберг.

В ожидании разрешения на переезд, он совершает пока поездку с графиней в Швейцарию. По личным причинам (размолвка с графиней), Лассаль возвращается в Прагу и в начале сентября отправляется со своим шурином путешествовать на Восток. Однако, еще накануне от'езда он снова обращается к директору полиции в Дюссельдорфе с пространным прошением [2]). По этому же поводу он писал родителям 7-го

[1]) См. «Ein Spitzelbericht Lassalles über sich selbst» опубл. Mayer'ом в „Archiv für die Geschichte des Socialismus" etc. Zehnter Jahrgang 1921 г. 1 Heft. S. 398—410.

Как мы уже указывали раньше, в связи с пребыванием в Берлине в течение 4-х дней в 1855 году, Лассаль в личном разговоре с Гинкельдейем просил о разрешении на пребывание постоянно в Берлине. Он нашел еще возможным обратиться с запиской „больше личного характера" к тому же Гинкельдейю; эта записка в свое время была опубликована в 1903 г. (См. „Documente des Socialismus" Band II u. III. 1903 г. S. 408—413. Lassalles Eingabe an den Polizeipräsidenten von Hinkeldey).

В этой записке, поданной от 31 мая 1855 года, Лассаль [illegible] ром по адресу дорогой родины — Германии: «Я могу дать честное слово, я никогда добровольно не дам себя высылать из пределов моей родины, которую я люблю (in meiner Weise) по-своему". Далее, он, убеждая адресата в научном характере своей поездки, доказывает, что наука вне партии. Немец, славившийся издавна глубокими интересами к науке не только во времена величайшего политического спокойствия, как теперь, но и во времена острой борьбы, способен рассматривать науку, как нейтральную terrain (сферу)». И, далее, он убеждает его не верить донесениям местной полиции, так как, на самом деле, он против всяких конспираций и игры в революцию. Заканчивает он прошение тем, что переездом он не преследует политических целей. Лассаль там доказывает, что, наоборот, с этой точки зрения он даже теряет, ибо рейнские массы его знают из участия в 48-м году, в то время как в Берлине он всем чужой и никому неизвестный. Характерно, что даже Онкен, буржуазный историк, понимает, что эти слова Лассаля нельзя весить на чашке золотых» и что Маркс считал бы ниже своего достоинства» обращаться в таком тоне к полиции, а Меринг считал возможным брать Лассаля под свою защиту и утверждать, что Лассаль, «как революционер, равен Марксу».

Мы в другом месте приводим текст доноса полностью. См. журнал „Печать и Революция" кн. 1 (7) 1925 г. „Один документ из жизни Лассаля".

[2]) 5-го августа 1856 года Лассаль обратился к директору полиции Дюссельдорфа Раффелю: До него дошли слухи, что разрешение на переселение в Берлин ему не выдают не столько из-за его политических взглядов, как скорей из-за той клеветы, которую распространил про него в свое время управляющий графа Гатцфельдт Штокум, что будто бы он принимал участие после своего освобождения из тюрьмы в августе 48 года в враждебной демонстрации, устроенной королю во время его посещения Дюссельдорфа. Он считал теперь необходимым опровергнуть эту клевету и при этом он писал, что он имел всегда более высокое и более достойное, во всяком случае более принципиальное понимание исторического развития классовой борьбы», и одно уже это должно было его уберечь от того, чтобы принять участие в мальчишеской уличной

августа 1856 года: «Что касается берлинского дела, то я говорил с теперешним директором полиции. Он обещал мне расследовать это дело, если я подам ему письменное об этом прошение». И далее он продолжает: «Во всяком случае, добром или злом, но как только я кончу Гераклита, я должен быть в Берлине и добьюсь этого, если бы даже они стали на голову» [1]). Вернувшись к концу года, срочно вызванный графиней в связи с крупной потерей денег из-за падения ценных бумаг, Лассаль заканчивает Гераклита к весне 1857 года и, наконец, в апреле месяце ему удается в связи с удостоверением врача о необходимости лечения глаз в Берлине получить разрешение на шестимесячное пребывание в столице. Так как полиция имела затем возможность убедиться в том, что Лассаль действительно «вел себя очень мирно», то Лассалю было разрешено продолжать пребывание в Берлине и по истечении срока, но с тем, чтобы в дальнейшем разрешение возобновлялось каждые четыре недели. При таких условиях Лассаль выпустил свой первый и второй том «Гераклита», удостоился похвал и признания со стороны буржуазных мыслителей, сразу обратил на себя внимание «общества» и стал носиться мыслями о том, чтобы открыть салон, во что бы то ни стало вызвать графиню сюда и таким образом сделаться вхожим в высшие круги берлинского светского общества [2]). В «Литературном

демонстрации, которая не может от себя «оттолкнуть самых отъявленных консерваторов в такой степени, как это может оттолкнуть его, такого человека, который привык рассматривать демократию как великую и глубокую борьбу во имя вечных принципов, идей и целей человечества». В заключение он доказывает всяческими хронологическими справками, что он еще тогда не находился ни в какой связи с демократическими элементами, которые выступили на сцену, начиная с мартовской революции. Он требовал расследования этого. Однако это расследование, произведенное Раффелем 31 августа, не привело к выдаче разрешений на въезд. Дело осталось в прежнем положении.

[1]) „Intime Briefe an Eltern und Schwester" S. 71, 72. Herausg. von Bernstein.

[2]) После окончания процесса естественно казалось пути графини и Лассаля должны были разойтись. Какие бы крепкие узы их не об'единяли: совместная долголетняя борьба, интимная дружба и т. п., сейчас же по окончании процесса стало ясно, что теперь перед ними разные пути и разные цели. Лассаль мечтал о славе, о новой деятельности в области науки и литературы. Он почувствовал, что теперь наступил только вторые период его творчества, деятельности и наслаждения жизнью и пожинания лавров, о чем он так мечтал всю жизнь. А графиню, стареющуюся и утомленную после всех перипетий, потянуло снова в свое близкое и родное общество, в свой бомонд, тем более, что этот бомонд не теперь готов был снова принять в свой круг как равную, при условии, конечно, что она не будет показываться с Лассалем (на последнем настаивала даже сама королева). Вся переписка графини с Лассалем, начиная с 1855 г., со времени его поездки в Париж, вплоть до 1857 г., переезда в Берлин, полна этих мотивов. В письме от 9-го августа 1855 г. графиня писала Лассалю: «Но это и чувствую, наши пути теперь все больше разойдутся и навсегда, ибо и это есть настоящая причина расчения наших взглядов: вы молоды, а я стара; вы бодры и стремитесь вперед, а я не могу дальше следовать за вами» (14 августа 1855 г., IV, стр. 54).

«... даже если бы я не была больна, то все же я теперь всегда полна такого чувства, как будто бы у меня не хватает жизненных сил, ни физических, ни духовных, наподобие той лампы, которая не имеет больше масла» (от 14 августа 1855 г., т. IV, стр. 55).

наследстве» мы находим письма к графине, которые определенно подтверждают слова Маркса, сказанные им в письме к Энгельсу после своего пребывания у Лассаля. Он писал Энгельсу: «... в кругу паразитов столицы он приобрел себе почет и уважение хорошим вином и кухней, но он не знает, конечно, что в широкой публике он пользуется дурной славой».

Но как только графиня поддечилась и пришла в себя, она не перестает носиться с мыслью о том, чтобы переменить прежний образ жизни и приобщиться к обществу.

В письме от 25 февраля 1867 года Агнеса Стритт—дочь упомянутого выше Клиндтворна — писала Лассалю, что при личном свидании с графиней в курорте в Вильдбаде, последняя спрашивала ее совета, как подготовить уход от Лассаля. Сколько бы она ни была ему благодарна и обязана, она все же желала находиться снова в «обществе» и особенно вблизи своего сына (ее сын Павел учился в Берлине).

Лассаль, отсылая это письмо графине 27 февраля 1857 года, спрашивал у графини: «возможно ли это?» (т. IV, стр. 116).

Собственно говоря, Лассаля здесь могло поразить только то, что графиня по этому поводу говорила с Агнессой. Но его нисколько не должны были удивить сами эти сведения по существу. Настоящие желания графини в этот период были хорошо известны и ему лично. Она это ему дала сильно почувствовать еще в начале осени 1856 года во время их совместной поездки, что послужило отчасти причиной его срочного отъезда и решения поехать путешествовать на Восток, чтобы забыться. Он напомнил сам об этом графине письмом из Константинополя, когда она стала жаловаться на тоску из-за разлуки. Он ей писал 20 октября 1856 года:

«Когда дело, наконец, дошло до того, что я оказываюсь ничем больше как только преградой на вашем пути, когда я увидел, что вы мечтаете одновременно о том, чтобы освободиться от меня, и не имеете только мужества предпринять активно шаги к освобождению от меня.... то я пришел к заключению, самому действовать и каким-нибудь способом освободить вас от этой помехи»... «Когда вторично представилась возможность восточной поездки, то я решился совершить ее из-за вышеуказанной причины»... «...И все же было может это было во всяком случае самым лучшим, что я предпринял эту поездку. Она во всяком случае приведет к какому-нибудь решению, и именно к такому, о котором вы не пожалеете, ибо вам предоставлено время прислушаться к своему сердцу, изучить его и зрело все обдумать» (т. IV, стр. 90 и 89).

Однако, Лассаль готов в случае, если бы она решила не уходить от него, посвятить ей свою жизнь и служить ей — и выполнить так же честно это и 1847 году. Он пишет ей в том же письме: «Вы знаете, я вам дал однажды свое слово, как он выполнил в течение десяти лет свое первое слово, данное ей в 1847 году, теперь исполнилось почти десять лет, из Парижа свою клятву, что я вас не оставлю до тех пор, пока вы будете нуждаться во мне, даже если бы угрожала гибель мне и всему тому, что со мною связано. Вы знаете, что я это слово сумел сдержать. Я теперь снова из другой мировой столицы, из границе Европы, даю вам слово, что я постоянно с той же самой теплотой и глубокой привязанностью буду относиться, что я останусь при вас так долго, как вы сами это захотите, что я вас не оставлю никогда, если только вы меня сами к этому не принудите. И я сумею сдержать так же хорошо и это слово, как я сдержал то». (Т. IV, стр. 91).

Он всячески убеждает ее, что то общество, к которому она стремится, и подходящее для нее общество, и что она не должна обращать внимания на тот факт, что она оказалась исключенной из этой среды, ибо она исключена в данном случае не как отдельная личность, а как политическая единица—представительница партии. При этом крайне интересны те взгляды на партию, которые попутно развивает тут Лассаль, и которые дают нам представление о том, какое понятие имел Лассаль о партии не только в дни своей

Лассаль сам писал графине 22 августа 1857 года: «Уже с тех пор, как появился «Гераклит», я, поверьте мне, завоевал совсем другое положение и должен уметь его использовать ради вас. Вы увидите, какую радостную жизнь я постараюсь вам создать. Я пущу в ход всю мою любезность, так подкупающую людей. Вы будете окружены людьми, которые вас будут любить, почитать и преклоняться, которые вас будут развлекать и увеселять», и далее: «Если вы будете здесь, я буду только около вас, и моя задача будет заключаться только в том, чтобы вас развлекать» [1]).

В упомянутом выше „политическом доносе, который Лассаль написал на самого себя в полицию, говорится, что рабочие Дюссельдорфа горячо протестовали против плана переселения Лассаля в Берлин и оставления Дюссельдорфа; они грозили порвать с ним всякие сношения в случае осуществления Лассалем задуманного им плана, и он заколебался после этого. Но в итоге взяло верх влияние графини, которая настаивала на этом переезде и оставлении Лассалем всякой политической работы среди пролетариев. Этим самым доказывалось, что полиция выдачей разрешения Лассалю на переезд в Берлин достигнет того, что он не будет принимать участия в политическом движении.

Из всех этих фактов видно, что рабочие не без оснований констатировали перемену в образе жизни Лассаля, отмечая в частности его отрыв от них в этот период. Возможно также, что рабочие сильно преувеличили этот временный перелом в Лассале (который, как известно, не помешал ему впоследствии приняться за знаменитую агитацию), а Леви, передавая обо всем Марксу, мог преувеличить это недовольство еще из чисто личных мотивов (о чем мы уже указывали выше).

юношеской незрелости, сейчас же после революции 48-го года (что послужило, как мы видели, отчасти причиной неприятия его в Союз Коммунистов в 1851 году), но й теперь в 1857 году. Он писал графине: «Ваше исключение относится не к вам, как к частной персоне, а к вам, как партийному лицу»... «Те круги, которые в XIX веке оттолкнули от себя Платена, точно так же как в XVII веке—Гуттена, те круги общества не для вас. Не стремитесь туда, ибо этим вы себе желаете зла»... «Ваши жалобы же на действительно образованных людей из кругов буржуазии я нахожу больше чем несправедливыми. Ибо, со стороны людей из этих кругов, которых мы имели возможность наблюдать, вы видели всегда по отношению к себе в высшей степени почтительное отношение. Точно также несправедливыми являются ваши замечания относительно политической партии. Я здесь ни в коем случае не могу оправдать вас. Ни история, ни ваша собственная жизнь не подтверждают этого. Конечно, и в недрах собственной партии вы встречаете враждебность. Но с кем это не случается в демократической партии? Но кто с этим не сталкивался в демократической партии? Я нет? Маркс нет? Вальдек нет? Кинкель нет? Прудон нет? Ледрю нет?». (Т. IV, стр. 68, 69).

(Вот так партия?! *П. В.*)

В заключение того же письма Лассаль пишет: «Присмотритесь хорошенько к знатному блестящему обществу! Пропустите это общество перед вашими глазами и вы увидите, что оно — зрелище мертвецов, п а р а д п р и в и д е н и й. Если я не слишком ошибаюсь, то это п о с л е д н и й год, в течение которого вы можете блеснуть. Небо заволакивается черными тучами. Поистине, верьте мне, люди, которые вытащат вас оттуда, стоят уже у дверей». Однако, как оказалось, Лассаль не только вытащил графиню из этого общества, но сам ради нее потащился туда.

[1]) Ferd. Lassalle „Nachgelassene Briefe" etc. Band IV. S. 177.

Но нам совершенно непонятно негодование Меринга по адресу Маркса за то, что он не отнесся «совсем отрицательно к сообщениям дюссельдорфцев». Нам это тем более непонятно, что когда Меринг не занимается «восстановлением попранной Марксом справедливости Лассаля», как это он делает в своей книге «Карл Маркс» и «Примечаниях к письмам Лассаля и Маркса», а просто занимается историческим рассмотрением Лассаля и его роли (как, например, в 7-й главе II тома «Истории германской соц.-демокр.»), он сам подчеркивает перелом в жизни Лассаля в эти годы и указывает на недопустимые его поступки в связи с этим переломом. Он пишет: «Нельзя признать достойными Лассаля ни письмо, с которым он обратился в мае 1855 года к президенту полиции фон-Гинкельдею, ни его прошение к принцу прусскому... (Что было уже позже. *П. В.*). От такого шага должно было его удерживать то, что Маркс назвал однажды простым нравственным тактом, который сторонится даже от кажущегося компромисса с предержащими властями». Далее, касаясь его образа жизни в эти годы, Меринг пишет: «...но его общественные отношения простирались дальше, захватывая не только научные круги таких людей, как Бек и Гумбольдт, но и многие общественные слои, где уж не могло быть и речи о какой бы то ни было общности духовных интересов и где начиналось простое разыгрывание роли модного льва. Не принесло пользы Лассалю и то, что графиня Гатцфельд последовала за ним в Берлин. Было бы, конечно, несправедливо упускать из виду высокое чувство, лежавшее в основе преданности Лассаля графине и графини Лассалю, но постоянное общение с опытной, светской и умной 50-летней женщиной не всегда приводило на правильный путь Лассаля, который был значительно моложе и, несмотря на свою гениальность, много наивнее ее. Несомненно, что графиня Гатцфельд, поскольку она могла руководить Лассалем, всегда склоняла его к тому, что она по искреннему убеждению своему считала наилучшим для него, но о том, что для него было самым лучшим, она, в виду всего своего прошлого, могла иметь в лучшем случае смутное представление: и благодарное поклонение, которым она окружала каждый шаг Лассаля, скорее поддерживало в нем дурные, чем хорошие инстинкты»[1]).

Однако, и в отдаленной мере Лассаль не предполагал, что до Маркса дошли сведения о всех его этих действиях. В то время, когда между Марксом, Энгельсом и друзьями велась усиленная переписка о Лассале, Лассаль ничего не знал о характере ее. Ниже мы увидим еще образчики этой двойной эпистолярной бухгалтерии (когда Энгельсу пишется о Лассале одно, а Лассалю самому — другое), — бухгалтерии, которая от итальянской отличается тем, что одна сторона в ней далеко не равняется другой. И в дальнейшем мы еще увидим, в какое двусмысленное положение она ставила Лассаля[2]). Так и на этот раз мы видим, что

[1]) Ф. Меринг. История германской социал-демократии. Т. II, стр. 218—219. Госиздат.

[2]) Но было бы, конечно, неправильно видеть в этом вину лишь Маркса, не Лассаля, как это делает Лукач в своей рецензии: «Литературное наследство Лассаля» — см. Вестник Коммун. Академии № 7, стр. 414.

«парень», ничего не подозревая, продолжает себя считать другом Маркса и даже близким другом, и долго живет еще с этой иллюзией. Не получая в этот период долго ответа от Маркса, Лассаль решается снова писать Марксу, выражая при этом наивное удивление по поводу такого долгого, упорного молчания Маркса.

26-го апреля 1857 года [1]), следовательно, после полуторагодового перерыва, Лассаль посылает из Дюссельдорфа письмо Марксу. Приведем несколько выдержек из этого письма, чтобы читатель видел не только то, о чем писал Лассаль, но и как он писал в то самое время, когда у Маркса и Энгельса сложилось уже столь неблагоприятное мнение о нем. «Дорогой Маркс! Прошло, пожалуй, уже два года, как я ничего не слыхал о тебе! Прав ли ты, оставляя меня так долго без всякого известия! Нет! Ведь я написал последнее письмо, которое осталось без ответа, и вот я все ждал. Так как это продолжалось слишком долго, то я часто собирался написать тебе. Но в том-то и заключается беда, если надолго прервать переписку! Возобновление ее затягивается тогда обыкновенно до бесконечности. К тому же я совсем не знал, как адресовать тебе письмо! Очень легко могло быть, что ты за это долгое время переменил свою квартиру! В таком неведении я нахожусь также и теперь; я не знаю еще, как адресовать это письмо. Но так как наша переписка не должна, ведь, окончательно прекратиться, то я делаю effort suprême и пишу»... Далее следуют расспросы у «старого друга» о домашних, о друзьях; Лассаль, в свою очередь, жалуется на одиночество, на отсутствие подходящей среды в Дюссельдорфе, сообщает, между прочим, о предпринятой им в 1856 году поездке на Восток, которая его привела к убеждению, что «кто знает личное счастье, тот найдет там все средства и условия для индивидуального блаженства, но для кого культурно-историческая борьба есть жизненная потребность, тот может жить только в нашей атмосфере»! В письме находим также такое место: «Ах! Не вы в изгнании, а в изгнании—я! Ведь вы там вместе, в одном городе вас там м н о г о старых товарищей по убеждениям и борьбе! А я живу здесь все эти годы совсем один, в совершенном уединении от прежних собратьев по оружию, «последний из могикан», как я себя называл в припадке сантиментальности. Это, действительно, очень жестоко! Ведь если не считать рабочего класса, который не только сохраняет в здравии и свежести свой ум и свое сердце, но еще с тех пор сильно развился, то среди так называемых образованных людей господствуют все еще и даже больше, чем когда-либо, та же самая дикость нравов, тот же страх, то же, как и прежде, прятание самих себя. Здесь с трудом найдется одно-два исключения из этого правила». В заключение Лассаль пишет:

«Впрочем, за этот промежуток времени я очень напряженно и многоразлично работал. Над одной из этих работ ты, пожалуй, будешь смеяться. Еще в начале 1846 года, прежде чем меня захватил гати-

[1]) „Nachgel. Briefe" etc. Band III, S. 101—105.

фельдский процесс, у меня было в значительной степени готово большое полу-филологическое, полу-философское сочинение. Теперь я закончил этот безумный труд, стоивший мне двух лет, и я намерен теперь опубликовать его.

Возможно, что сочтут педантичным с моей стороны то, что я сделал эту работу, так как она так мало вяжется с непосредственными или, собственно, практическими потребностями современности. Но это не только своего рода потребность моего характера никогда не оставлять неоконченным то, что я когда-нибудь начал,—я ужасно ненавижу такой дилетантизм,—но я также вообще держусь иного мнения. Я всегда придавал очень большое значение античному теоретическому и философскому образованию и в сущности остаюсь при том же взгляде и теперь. Это—духовная свобода, а вместе с этим корень и источник всех других свобод. Поэтому всякая научная работа в этом отношении всегда является для меня достойной выполнения. Наука о духе и политика ни в каком случае не противоположны друг другу, ни—в самом глубоком своем смысле—не независимы друг от друга. Тем более, что мы, немцы, создали себе этим путем наше понятие свободы, понятие, может быть, именно поэтому маложизненное, но зато тем более глубокое. Я думаю также, что в некотором отношении может быть полезным, если я внушу себе некоторое уважение со стороны наших теоретиков, так как мы ведь теоретический народ»...

Можно себе представить, какой убедительной показалась Марксу такая идеалистическая формулировка и такого рода аргументация.

Сочинение, о котором идет речь, есть лассалевский «Гераклит». Дальше в письме Лассаль говорит о другой работе, которую хочет написать, и задает Марксу в заключение пару вопросов.

Получив это письмо, Маркс (от 8 мая 1857 г.) [1]) переслал его Энгельсу со следующими строками: «Прилагаю письмо от Лассаля, которое ты дай прочитать Люпусу и пришли мне обратно в начале следующей недели. Что с ним мне делать? Отвечать или нет?».

На это Энгельс в письме от 11 мая отвечает Марксу [2]): «Возвращаю письмо Лассаля...

Трудно найти какое-либо существенное основание, чтобы с ним прямо порвать, тем более, что и от дюссельдорфских рабочих ничего больше не слышно. Если судить по письму, он совершенно оторван от них. Или, по крайней мере, они от него, п. ч. он ничего положительного не в состоянии сказать о том, как обстоит дело среди рабочих в Германии... Я бы на твоем месте ответил ему, поскольку это приходится сделать, но ты спроси его прямо, как обстоит дело с рабочим движением на Рейне, в частности в Дюссельдорфе. Письмо можно составить так, что ему трудно будет уклониться от ответа. И тогда либо он должен будет более или менее об'ясниться, либо ему трудно будет вообще поддерживать с тобой переписку

[1]) „Briefwechsel zwischen Marx und Engels" Band II, S. 161.
[2]) Ibidem, S. 162.

Люпус весьма иронизировал над письмом, но наш разговор на эту тему был прерван».

Маркс не ответил Лассалю совсем.

Тогда Лассаль снова пишет Марксу [1]) (Берлин, 17 декабря 1857 г.), при чем уведомляет Маркса, что он писал ему перед этим два раза: в январе 1857 г. и апреле (январское письмо не сохранилось). В этом письме Лассаль писал: «На этот раз я не получил ни слова в ответ, и как ни чужда мне сантиментальность, я должен сказать, что это меня огорчило, потому что, как человек, над которым время ни в каком смысле не имеет власти, я питаю к тебе такую же любовь и уважение, как и прежде. Ты же, повидимому, меня позабыл, что не совсем справедливо».

Лассаль, далее, пересылает Марксу письмо своего двоюродного брата Фридлендера из Вены, который был редактором венской газеты «Wiener Presse» и искал себе сотрудников. Лассаль советовал Марксу принять предложение, запросив максимальный гонорар. Затем Лассаль извещает о посылке Марксу своего «Гераклита»: «Не затем, чтобы ты его читал, а в знак моей продолжающейся к тебе любви и высокого уважения».

Далее, Лассаль писал:

«Книга появилась во второй половине ноября, и ей было суждено возбудить удивительную сенсацию в здешнем ученом мире. Я получил хвалебнейшие письма от Бека, Лепсиуса, Гумбольдта и многих других. Бек, Лепсиус, Иоганн Шульц устремились все ко мне (вследствие комической случайности Бек непосредственно столкнулся у меня с красным Беккером, который был тогда проездом), и филологи и гегельянцы ходят вокруг меня, как Агасфер, глашатай короля, перед Мордухаем, и кричат: «вот тот человек, который написал «Гераклита». Дальше Лассаль, не без рисовки, замечает, что остается совершенно равнодушным к этим похвалам.

Маркс, посылая это письмо Энгельсу 22 декабря 1857 года, писал при этом следующее: «Прилагаю письмо Лассаля, которое определенно доказывает, что он на самом деле и всерьез делается известным, благодаря своей славе, в Берлине. Бравый Лассаль, если ему верить, действовал в области философии с «Гераклитом» так же, как в гатцфельдском процессе, и, в конце концов, выиграл этот свой «процесс». Кажется, старики филологи и гегельянцы были поражены тем, что он снова вытащил на свет эти увядшие цветы минувшей эпохи» [2]).

В то же время Лассалю Маркс пишет 21-го декабря 1857 года:

«Дорогой Лассаль, из тех писем, о которых ты упоминаешь, я получил лишь одно, посланное по адресу Фрейлиграта. Я не отвечал (или, вернее, ожидал для отправки оказии, которой не было) по причинам, о которых неудобно сообщать письменно. Замечу лишь кстати, что ты первый прервал переписку, поскольку ты более года не отвечая на письмо из Манчестера.

[1]) Ferd. Lassalle. «Nachgel.» etc. Band III, S. 108.
[2]) «Briefwechsel zwischen Marx und Engels». Band II, S. 220.

Благодарю за «Гераклита». Я всегда имел слабость к этому последнему; из древних я предпочитаю ему—только Аристотеля» [1]).

Далее, в этом же письме, где есть ряд пробелов, Маркс сообщает, что по вопросу о Пальмерстоне он остается при своем старом мнении.

О себе Маркс сообщает, что живет в одиночестве, потому что все друзья покинули Лондон, кроме Фрейлиграта, который остается попрежнему тем же милым бравым парнем. Далее Маркс пишет, что современный торговый кризис побудил его приняться серьезно за окончание его работы по политэкономии. Но весь день приходится убивать на работу для заработка, так что для научной работы остается только ночь.

В заключение Маркс сообщает: «Как я слышал, старый Руге сделал попытку воскресить свои немецкие летописи. Если последнее можно сделать, то ведь нельзя повернуть назад колесо истории.

Твой К. М.».

Лассаль ответил письмом [2]) от 10 февраля 1858 г., которое он начинает с извинения за замедленный, по случаю болезни, ответ. Далее он категорически отводит попытку Маркса обвинить его самого в перерыве переписки.

«Как это только ты можешь говорить, что я первый «прервал» переписку... Если я долго не отвечал на письмо из Манчестера, то виной в этом были мои путешествия. Я могу только посмеяться, когда ты говоришь, что так как ты имеешь мне нечто сообщить и не находишь оказии, нужной для этого, то—прекращаешь поэтому совсем писать. Что за логика—дорогой друг! Не советую никогда руководствоваться такой логикой, иначе я рискую вообще никогда и ничего не услышать о тебе» [3]).

В ответном письме от 22 февраля 1858 г. Маркс писал [4]):

«Дорогой Лассаль.

Нутт прислал мне теперь «Гераклита» [5]). Как только я его прочитаю, я сообщу тебе свое мнение. Но ты должен потерпеть некоторое время, потому что как раз именно теперь я имею слишком мало сво-

---

[1]) Ferd. Lassalle. «Nachgel. Briefe» etc. Band III, S. 110.

[2]) Ibidem, S. 112.

[3]) Из этих слов также видно, что Лассаль просто не понял Маркса, так как он не был в курсе дела.

[4]) Ibidem, S. 114. Этот отрывок письма несколько иначе переведен Адоратским; см. Письма К. Маркса и Ф. Энгельса. Партиздат Московского Рабочего, стр. 71.

[5]) Еще раньше, по получении книги Лассаля, Маркс писал Энгельсу в письме от 28 января 1858 г.: «Сегодня пришла книга Лассаля, обошлась в два наполеона, это не цена книги, а пересылка. Это обстоятельство обеспечило ей плохой прием. Два тома, примерно в 30 листов. Успел только заглянуть. Парень повествует дубликс в предисловии, что он был беременен этой работой еще с 1846 г. Работа, как будто совсем в строго-гегельянском духе. При изложении и сравнении текстов ему, вероятно, помогла привычка юриста. Посмотрим, хотя штука слишком толста, чтобы прочитать...» („Briefwechsel zwischen Marx und Engels". Band II, S. 239).

бодного времени. Я сам не исследовал отношения стоиков к Гераклиту со стороны натурфилософии, потому что в этой области, мне казалось, они обнаружили лишь ученическую серьезность. Наоборот, в отношении Эпикура можно доказать детально, что, хотя он и исходит из натурфилософии Демокрита, однако всюду «die point umdreht» (поворачивает острие в обратную сторону). Цицерону и Плутарху вряд ли можно ставить в вину, что они не поняли этого, хотя этого не заметили даже такие проницательные люди, как Бейль и сам Гегель. Впрочем, от последнего, который впервые понял всю историю философии, как целое, нельзя требовать того, чтобы он входил в анализ деталей».

Далее, после нескольких строк о Пальмерстоне и о переписке насчет предполагавшегося сотрудничества Маркса в венской «Presse», мы находим в письме довольно подробное сообщение Маркса о состоянии его работы по политической экономии. Это место, неизвестное нашим читателям, мы приведем ниже, а пока рассмотрим дальше вопрос о «Гераклите» и перейдем к письму Маркса от 31 мая 1858 года, в котором он сообщает Лассалю свой отзыв о «Гераклите». Этот отзыв, как увидим ниже, очень сильно разнится от того отзыва, который дал Маркс гораздо раньше в письме к Энгельсу. Лассалю же Маркс писал:

«Во время болезни я прочитал твоего «Гераклита» и нахожу твою работу по восстановлению всей системы из оставшихся нам отрывков мастерской, так же, как и твое остроумие в полемике.

То, что я имел бы возразить, относится главным образом к форме. Я думаю, что без ущерба для содержания изложение можно было бы сжать. Было бы желательно иметь в самой книге к р и т и ч е с к и е пояснения насчет твоего собственного отношения к гегелевской диалектике. Поскольку эта диалектика неизбежно является последним словом всякой философии, тем более необходимо освободить ее от той мистической внешности, которую она имеет у Гегеля. Я не согласен с тобой и в отдельных деталях, напр., в понимании демокритовской натурфилософии. Все это однако частности. Трудности, которые ты должен был преодолеть при этой работе, для меня тем очевидней, что я сам примерно 18 лет тому назад проделал аналогичную работу над гораздо более темным философом — Эпикуром, работу, состоявшую в изложении целостной системы на основании фрагментов, при чем здесь, как и по отношению к Гераклиту, я убежден, что суть системы надо искать в сочинениях самого Эпикура, а не произвольной (bewussten) систематике. Даже у философов, которые давали свои работы в систематической форме, как, например, у Спинозы, действительное внутреннее строение его системы совершенно отлично от той формы, которую он ей сознательно придал в изложении. Чего я однако не постигаю, так это того, откуда ты при всех твоих прочих работах берешь время, чтобы в такой мере отдаться греческой филологии» («Nachgelassene Briefe» etc., Band III, S. 122).

В тот же день (31 мая) Маркс писал по этому поводу Энгельсу следующее:

«Наконец, я написал Лассалю. Ты должен простить мне те похвалы, которые я расточаю Гераклиту Темному. В нескольких глухих замечаниях—так как похвала похожа на правду только на фоне некоторой критики— я очень осторожно отметил некоторые действительные недостатки работы» («Briefwechsel zwischen Marx und Engels». Band II. S. 275).

Из этих немногих строк, написанных Ф. Энгельсу, по поводу вышеприведенного письма к Лассалю, мы можем видеть, как «в малой капле воды», всю суть отношений Маркса к Лассалю. Но эти строки проливают также свет на другое интересное обстоятельство: на отношения между Марксом и Энгельсом в связи с Лассалем. Дальше мы еще вернемся к этому вопросу и увидим там, почему Марксу в данном случае приходилось как бы извиняться перед Энгельсом за свои лейяльно-светские похвалы Лассалю по адресу его работы, которую он, по совести, считал неважной. Теперь же мы, чтобы не разрывать связи нашего изложения, перейдем к оценке «Гераклита» по существу, оценке, сделанной Марксом в письме к Энгельсу.

В письме же к Энгельсу от 1-го февраля 1858 г. мы находим более подробную по об'ему и довольно убийственную по содержанию оценку «Гераклита». Маркс там писал 1-го февраля 1858 г. («Briefw.», т. II, S. 242—3).

«Гераклит Темный». По поводу каждого из того множества образов, с помощью которых Гераклит вырабатывает для себя единство утверждения и отрицания, выступает Лассаль и по случаю этого преподносит какой-нибудь отрывок из логики Гегеля, которая нисколько от этого не выигрывает. И все это делается так широковещательно, как и подобает ученику, который на какой-нибудь задаче должен доказать, что он осилил и «сущность», и «проявление», и «диалектический процесс». Если ученик навострился рассуждать таким образом, то можно быть уверенным, что он сможет проделывать мыслительный процесс только согласно предписанному рецепту и в формах, уже выработанных. Так и наш Лассаль. Он, повидимому, пытался уяснить себе логику Гегеля на Гераклите, и ему ничуть не надоедает постоянно начинать это сызнова. Что касается учености, то ее выставлено на показ несметное количество. Однако, всякий понимающий человек знает, как легко составить подобную выставку цитат, если есть время и деньги, и если, как Лассаль, получаешь из Боннской университетской библиотеки сколько угодно книг на дом. Видно, что в этом усыпанном блестками филологическом костюме он кажется сам себе необычайно великим и расхаживает с грацией человека, надевшего в первый раз в своей жизни элегантный костюм. Так как у большинства филологов нет умозрительной идеи, которая у Гераклита преобладает, то понятно, что каждый гегелианец обладает неоспоримым преимуществом понимать то, чего не понимает филолог. (На самом деле, было бы очень странно, если человек, не будучи философом на немецком языке, становился бы философом на греческом языке только потому, что изучает греческий язык).

Вместо того, чтобы считать это само собой разумеющимся, Лассаль обращается с нами в лессинговском духе. С юридической широковещательностью доказывается правильность гегелевского толкования и неправильность понимания филологов, происходящая от недостатка знания дела. Таким образом, мы получаем двойное удовольствие: во-первых, нам во всех подробностях изображаются диалектические вещи, которые мы почти вовсе забыли, и, во-вторых, это «спекулятивное наследство» представлено в виде особой юридически-филологической проницательности и учености Лассаля в противоположность неспекулятивным филологам.

Но, собственно говоря, несмотря на хвастовство по поводу того, что Гераклит до сих пор был книгой за семью печатями, он (Лассаль) не прибавил н и ч е г о н о в о г о к тому, что говорит уже Гегель в истории философии. Он только подробнейшим образом рассказывает то, о чем можно было бы сказать всего на двух печатных листах. Еще меньше приходит ему в голову высказать хоть одну критическую мысль по поводу диалектики» (Band II, S. 309 «М.—Э».).

Из сопоставлений этих писем может показаться, что Маркс не был искренен с Лассалем. Но нельзя понять психологию отношений Маркса к Лассалю, если мерить ее на аршин мещанско-интеллигентской «правды—истины» и «правды—справедливости». Маркс прекрасно понимал, что ему уже не переделать Лассаля, поскольку дело шло о самолюбии, честолюбии, самоуверенности последнего, его любви к славе и рисовке. А, с другой стороны, Лассаль очень хорошо относился к Марксу и ждал взаимности. При таких условиях Маркс или должен был щадить Лассаля и ценой внешней уступки его слабостям сохранить внешне приятельские взаимоотношения и и с п о л ь з о в а т ь е г о д л я о б щ е г о д е л а, либо он должен был писать Лассалю все то, что думал и что писал о нем Энгельсу, что закончилось бы разрывом их отношений гораздо раньше, чем это фактически произошло. То же надо сказать и об оценке Марксом «Гераклита». Все это можно понять только с точки зрения революционной целесообразности.

Несомненно также и другое. Из переписки Маркса с Энгельсом видно, что одним из мотивов, удерживавших Маркса от разрыва с Лассалем именно в это время, было то, что Маркс надеялся при помощи Лассаля найти издателя для своих трудов. Об этом он неоднократно пишет в это время Энгельсу. В указанном уже письме от 22 декабря 1857 года (т. II, стр. 220) Маркс писал: ...«пожалуй, он еще может быть полезен для нажима на издателей».., а в письме от 24 февраля 1858 года (т. II, стр. 250) он говорит: ...«при таких обстоятельствах Лассаль может быть очень полезен. Я думаю, что для издания труда моего по экономии он сделает все необходимое, равно как и в вопросе с венской «Прессой» («Presse»)».

Что касается венской газеты «Presse» Фридлендера, то дело с ней обстояло так.

Еще раньше, в письме от 5 декабря 1857 года, Маркс писал Энгельсу по поводу предложения Лассаля сотрудничать в венской «Presse» у

Фридлендера: «Фридлендеру, через Лассаля, я ответил, что я являюсь анти-французским, но и не в меньшей степени анти-английским и менее всего могу писать в защиту лорда Пальмерстона. Таким образом, я отказался от этого дела» (т. II, стр. 220).

Как известно, в следующем году Фридлендер снова предложил Марксу сотрудничать, не ставя на этот раз Марксу никаких условий. Он писал Энгельсу 16 апреля 1859 года: «Дядя Лассаля, Фридлендер (прежде редактор «Новой Одерской Газеты»), ныне редактор «Прессы» в Вене (которая, en passant, имеет 24.000 абонентов), предложил мне в январе 1858 года корреспондировать в его газету. Я тогда это предложение отверг, так как он ставил условие, что Пальмерстон не должен быть подвергнут нападкам, а лишь Бонапарт. Теперь он возобновил свое предложение без всяких оговорок» [1]). Однако, в дальнейшем Фридлендер оставил вопрос без всякого движения, и Маркс даже стал подумывать, что Лассаль в этом виноват, так как к этому времени возникли разногласия между ним и Марксом по вопросу о событиях 59-го года.

На запрос Лассаля об экономическом труде Маркса последний очень подробно ответил в упомянутом уже письме от 22-го февраля 1858 года. Он там писал:

«Я должен тебе рассказать, как обстоит дело с экономическим трудом. Через несколько месяцев я буду иметь текст в окончательной обработке. Дело, однако, подвигается вперед очень медленно, п. ч. вопросы, которые на протяжении многих лет были главным об'ектом изучения, когда дело идёт об окончательной формулировке, всегда обнаруживают новые стороны и наводят на новые размышления. К тому же я являюсь не хозяином моего времени, а скорей его рабом. Для меня самого остается лишь ночь и опять-таки припадки болезни печени прерывают также даже и эту ночную работу. При наличии всех этих обстоятельств для меня было бы, вероятно, самым лучшим, если бы я мог издать всю работу самостоятельными выпусками. Это имело бы и ту выгоду, что тогда легче было бы найти издателя, п. ч. ему пришлось бы вкладывать в предприятие меньше капитала. Ты меня очень обяжешь, если возьмешься выяснить, можно ли найти в Берлине издателя. Под «выпусками» я понимаю нечто в роде тех книжек, в виде которых выходит постепенно эстетика Вишера.

Работа, о которой прежде всего идет речь, есть книжка об экономических категориях или, если хочешь, о системе буржуазной экономии. Это одновременно изложение системы и ее критика в процессе изложения. Я совершенно не представляю себе, сколько печатных листов составит работа в целом. Если б я имел время, покой и средства, чтобы закончить целое, прежде чем пускать работу в публику, я весьма сильно сжал бы ее, п. ч. я издавна люблю метод конденсации. Когда же работа будет напечатана в форме следующих один за другим выпусков,—быть может с выгодой для усвоения ее публикой, хотя несомненно в ущерб форме,—она по необходимости будет более растя-

[1]) Т. II, стр. 316.

нутой. Nota bene. Как только ты выяснишь, можно ли чего-либо добиться в Берлине, будь добр написать мне, п. ч. я, если тут не выйдет, сделаю попытку в Гамбурге. Во-вторых, мне необходимо, чтобы издатель, берущийся за это дело, заплатил мне,—необходимое условие, вследствие которого попытка в Берлине может кончиться неудачей.

Изложение, я имею в виду форму, является вполне научным, следовательно, с полицейской точки зрения приемлемым. Работа в целом делится на 6 книг: 1) О капитале (содержит несколько предварительных глав); 2) О земельной собственности; 3) О наемном труде; 4) О государстве; 5) Международная торговля; 6) Мировой рынок. Я, разумеется, не могу в известных местах обойтись без критических замечаний по адресу других экономистов, особенно без полемики против Рикардо, поскольку он сам, как буржуа, оставаясь даже на строго-экономической точке зрения, не мог избежать ошибок.

Вообще же критика и история политической экономии и социализма должна составить предмет другой работы [1]).

Наконец, краткий исторический очерк развития экономических категорий и отношений—составит третью работу. В общем же, мне кажется, что теперь, когда после пятнадцатилетнего изучения я вполне овладел предметом, надо ожидать, вероятно, натиска бурных событий извне. Never mind. Если я опоздаю с тем, чтобы обратить внимание света на мою работу, то это будет, несомненно, моя собственная вина».

...«В ближайшем будущем нам предстоят бурные времена. Если б я рассуждал с точки зрения лишь моих личных склонностей, то я должен был бы желать, чтобы внешнее спокойствие продолжалось еще несколько лет... Впрочем, все это лишь филистерские настроения, которые будут сметены новой бурей.

Твой К. М.

P. S. Связь последующих событий во Франции с торговым кризисом ясна, быть может, для немногих. Она делается, однако, очевидной, если проанализировать: 1) реальную экономическую ситуацию во Франции, порожденную кризисом; 2) поставить и продуманно ответить на вопрос, почему покушение имело такой эффект [2]), который не стоял ни в каком соответствии и ни в какой необходимой связи с вызванными им последствиями» (Band II, S. 117).

Следующее письмо Лассаля от 3 марта и письмо Маркса к Лассалю от 11 марта посвящены переговорам об издании марксова труда. Из письма Маркса мы приведем лишь несколько строк о Рикардо. Он пишет: «Ты, при своих занятиях в области экономики, должен был заметить, что Рикардо, при развитии учения о прибыли, вступает в противоречие со своей (правильной) теорией трудовой ценности, которую его школа или ликвидировала в самой основе, либо свела к жал-

[1]) Весь этот план, как известно, был изменен при издании Энгельсом остальных томов «Капитала».

[2]) Дело здесь идет о покушении, организованном итальянским патриотом Орсини 14 января 1858 г. в Париже на Бонапарта.

кому эклектизму. Я думаю, что мне удалось восстановить ясность в этом вопросе» (Band III, S. 120).

Сообщение Лассаля о том, что ему удалось, в лице Франца Дункера, найти издателя для работы Маркса, очень обрадовало последнего [1]). Не будучи в состоянии лично поблагодарить Лассаля вследствие постигшего его нового припадка болезни (расширение печени), заставившей его поехать отдохнуть в Манчестер к Энгельсу, он просил последнего поблагодарить Лассаля (см. письмо к Энгельсу от 24 февр. 1858 г. Т. II, стр. 250).

Таким образом, мы вовсе не хотим отрицать того факта, что в числе мотивов, удержавших на этот раз от разрыва с Лассалем, играли также роль и соображения Маркса насчет использования Лассаля в издательских целях, соображения, которые так усиленно и ехидно подчеркивают все биографы Лассаля, особенно буржуазные. Но для нас здесь важна другая сторона дела, значение которой не в состоянии был понять и оценить ни один из этих биографов.

Подготовляя «Капитал», Маркс выполнял работу всемирно-исторического значения. Книжка «К критике политической экономии» была, в некотором смысле, предисловием к этому труду; а предисловием к этому предисловию была та знаменитая классическая формулировка теории исторического материализма, которая представляет из себя краеугольный камень марксистской идеологии. Из современников Маркса никто, кроме Энгельса, не понимал огромного значения для всего будущего рабочего движения трудов Маркса.

Между тем, сам Маркс отдавал себе ясный отчет в том, какую громадную теоретическую работу он проделал в тиши реакции 50-х годов в условиях горькой нищеты, материальных лишений и семейных треволнений этого периода [2]).

Таким образом Маркс оказался полностью прав пред судом истории, когда он использовал Лассаля для того, чтобы пробить брешь в стене издательского бойкота, посредством которого буржуазный мир отрезывал гениальную голову Маркса от тела рабочего класса. Таким

[1]) Лассаль, действительно, проявил в данном случае много энергии, а Маркс вполне это сознал. 1-го февраля 1859 г. он писал, между прочим, Нейдемайеру: «Моя «Критика политической экономии» будет выходить отдельными выпусками (первый выпуск через 8—10 дней) в издании Франца Дункера в Берлине. Побудить Дункера на этот шаг удалось только благодаря необыкновенному рвению и дару красноречия Лассаля. Однако, Дункер оставил себе лазейку. Окончательное заключение контракта поставлено в зависимость от продажи первого выпуска».

[2]) Достаточно указать хотя бы на то, что когда все трудности уже были преодолены, Лассаль нашел издателя, и у Маркса, наконец, в 1859 году была готова рукопись, то в доме не оказалось ни полушки, чтобы отправить манускрипт к издателю. Маркс писал 21 января 1859 г. Энгельсу: «Несчастный манускрипт готов, но не может быть отослан, т. к. я не имею ни полушки, чтобы оплатить пересылку и страховку. Особенно необходимо последнее, т. к. я не оставил себе копии. Поэтому я вынужден тебя просить мне выслать еще до понедельника немного денег». «Briefwechsel zwischen Marx und Engels» т. II стр. 302).

образом, Маркс, прорывая руками Лассаля эту блокаду, делал это не в своих личных интересах, а в интересах мирового рабочего движения.

С другой стороны, Лассаль, содействуя появлению на свет увертюры «Капитала», оказал рабочему движению гораздо большую услугу, чем всеми своими литературными и теоретическими трудами вместе взятыми. В самом деле, не останавливаясь подробно на характеристике работ Лассаля, что будет сделано нами в другом месте, нам достаточно здесь сравнить основные элементы марксизма и теоретические предпосылки «Критики политической экономии» с научными работами Лассаля. Чтобы написать 150 страниц своей брошюры, Марксу потребовалось, во- первых, поставить на голову гегелевскую философию и создать предпосылки диалектического материализма, во-вторых, дать критику буржуазной политической экономии и создать теорию капиталистического хозяйства, в-третьих, изгнать идеализм из области общественных наук и заложить фундамент своей теорией классовой борьбы и материалистического понимания истории. Лично для Маркса эта работа означала колоссальнейший труд, который требовал полутора десятка лет упорнейшей работы и энциклопедических знаний.

Наоборот, труды Лассаля (как «Гераклит», так и позднейшие) носят совсем иной характер. Разложенные на составные элементы, они представляют собой смесь «старого французского либерализма» с гегельянством, «возведенным в квадрат», смесь этой смеси с интеллигентским социализмом сороковых годов, наконец, смесь этого социализма с некоторыми элементами марксизма, поскольку чтение «Коммунистического манифеста» не прошло для Лассаля бесследно. В результате Лассаль, как философ,—поскольку преодоление консервативной стороны гегелевской философии шло у него не по пути от Гегеля через Фейербаха к диалектическому материализму Маркса, а от Гегеля—к Фихте, что не только не поднимало его над гегельянством, а опускало на догегельянскую ступень,—оставался идеалистом. Как социолог, Лассаль проводил в своих работах и своих политических выступлениях смесь идеализма с материалистическим пониманием истории, при чем он не только внешне облекал свои построения в юридические правовые формулы—что тоже есть весьма существенный признак буржуазного идеалистического понимания общественных процессов,—но и принципиально, и по существу оставался эклектиком. Как экономист, Лассаль либо повторял Рикардо, либо вульгаризировал Маркса, часто без указания источника.

С этой точки зрения совершенно неправ Меринг, который хочет смазать этот вопрос и который наивно замечает: «От исторического материализма идеализм Лассаля отличался лишь тем, что Лассаль воспринимал условия и законы пролетарской классовой борьбы не в их экономической наготе, а переводил их предварительно в идеалистические формы мышления, которые больше всего были характерны для буржуазного века, т.-е. в формы философии и права»... «Буржуазная революция в течение нескольких столетий протекала в формах религиозного мышления феодальной эпохи, точно также пролетарская револю-

ция совершалась, по меньшей мере, несколько десятилетий в юридических и философских формах буржуазной эпохи»... «От исторического материализма его (т.-е. Лассаля. *П. В.*) отделяла лишь та несравненно более слабая преграда, что он пришел к указанному пониманию через буржуазные формы мышления» [1]).

Но в том-то и дело, что в то время как Маркс еще до Лассаля сумел выйти из этих форм мышления и критически к ним отнестись, более молодой Лассаль никогда не смог из них выбраться. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Меринг, занявши такую позицию по отношению к Лассалю, находит, в конце-концов, утешение и успокоение в том, что если Лассаль теряет в сравнении с Марксом и Энгельсом, то зато «он гигантски вырастает и в ширь и в высь» по сравнению с либералом Якоби и с экономистом, «государственным социалистом» Родбертусом. Слабое утешение!

Но окончательно Меринг убивает Лассаля следующими аргументами: «Идеализм Лассаля, будучи его слабостью, был и его силой. Он дал Лассалю ту несокрушимую веру в могущество идеи, под влиянием которой он совершил так много». Это место из Меринга вряд ли следует критиковать всерьез. В своих работах, в том числе и брошюре «Об историческом материализме», он сам разоблачил и высмеял подобную постановку вопроса, поскольку она исходила от представителей буржуазного идеализма. Выходит, что если идеализм Лассаля был «не только его слабостью, но и его силой», то материализм Маркса был не только его силой, но и слабостью.

Неудивительно поэтому, что все эти Гумбольдты, Беки, Шульцы и другие выразили свое восхищение и почтение перед Лассалем по поводу его труда [2]). «Гераклит», в общем и целом, не порывал с основами буржуазного мировоззрения. Похвалы этому труду (если эти господа его читали, а не считали только страницы)—есть факт, убийственный для Лассаля. Трудов Маркса эти господа не хвалили, в лучшем случае—подвергали молчаливому бойкоту.

Между мировоззрением Лассаля и взглядами Маркса существовали коренные противоречия, лишь смягченные лассалевским эклектизмом. Отсюда понятно, почему Маркс не смог быть откровенным с Лассалем при оценке работ последнего. Если б Маркс писал Лассалю все, что думал о взглядах последнего, то Лассаль либо совсем не понял бы его (так как фактически они говорили на разных языках), либо понял бы откровенность Маркса лишь как сигнал к разрыву. Поэтому Марксу приходилось ограничиваться дипломатической перепиской с Лассалем, свои же истинные взгляды на эту тему он излагал только Энгельсу.

П. Виноградская.

(Продолжение следует).

---

[1]) Меринг. «История германской социал-демократии». т. II. стр. 224. 225. русск. перев. Ландау.

[2]) Недаром Маркс писал Энгельсу: «Старо-гегельянцы и филологи должны быть очень довольны, найдя в молодом человеке, считающемся великим революционером, столь старомодную сущность».

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ ВО ФРАНЦИИ В 1793—94 ГОДУ.

(По протоколам заседаний Конвента и протоколам Революционного Трибунала).

Проблема террора является одной из важных и интересных проблем французской революции. В настоящий момент эта проблема делается злободневной в виду оживления этого вопроса в белой эмигрантской печати. Зимой 1923 года вышла книга И. Левина: «Эмиграция в эпоху французской революции», где много внимания уделено террору, совсем недавно вышла брошюра Олара, являющаяся переводом его речи, произнесенной на конгрессе ученых обществ в Париже и изданная там же русским книгоиздательством, под названием «Теория насилия и французская революция».

Настоящая статья не задается полемическими целями. В ее задачу входит только рассмотрение некоторых моментов французской революции, особенно острых в смысле усиления террора, а также анализ тех причин, которые вызывали это обострение террористической политики. Главной же и основной задачей статьи является попытка разрушить старую легенду, явившуюся чуть ли не вместе с первой книжкой о терроре французской революции и живущей еще до сих пор — легенду о том, что Революционный Трибунал разил, главным образом, «мелкоту».

Но в статье о терроре трудно обойти молчанием книгу Олара «Теория насилия», поэтому нам придется уделить ей большое внимание особенно при рассмотрении вопроса о происхождении террора французской революции.

---

[1]) 1) Настоящая работа была представлена в качестве доклада в семинарии И. М. Лукина. Здесь она печатается в значительно сокращенном виде.

Для этой работы в качестве источника был использован «Rempression be l'ancien Moniteur» XV — XX томы в ссылках Mon и соответствующая римская цифра. В качестве пособий:

1) Wallon „Histoire du tribunal revolutionnaire de Paris" I—IV, 1880— в ссылках Wall. и соответствующий том.

2) Wallon. Ge terreur, I—II том, 1881.

3) Campardon. „Le tribunal revolutionnaire de Paris" I—II том 1868 г.

4) Mautoucqet. „Le douvernement revolutionaire" 1912 г.

5) Mellié. Ges sections de Paris", 1898—в ссылках Mellié.

6) Луи Блан. „История французской революции. Изд. 1918 г.

7) Олар. „Политическая история французской революции". Изд. 1918.

8) Олар „Теория насилия и французская революция. Русское книгоиздательство.

9) Купов. Борьба классов и партий изд. 1919 г. Я. Поволоцкий и К° Париж 1924 г.

10) Лукин И. М. „Из истории революционных армий" 1923 г.

11) Боровой. „История личной свободы во Франции", 1910 г. и некоторые другие, указанные в сносках под текстом.

I. Происхождение террористического режима во Франции в 1793—94 году.

Задачей данного краткого очерка является рассмотрение вопроса, как разрешалась проблема террора в разбираемую нами эпоху. И в виду того, что Олар встал в этом вопросе совершенно на особую точку зрения, мы обратимся к ее рассмотрению и изложим содержание его брошюры «Теория насилия и французская революция».

Необходимо отметить полемический характер этой книги. Последнее обстоятельство выявляется уже из чтения предисловия, которым снабжена «Теория насилия», принадлежащее перу прив.-доцента Миркина-Гецевича. Последний подчеркивает злободневность книги Олара. «Маститый историк,—говорит Миркин-Гецевич,—задался определенной целью разрушить легенду, что французская революция создала теорию насилия и классовую диктатуру, на которую постоянно ссылаются большевики в Москве, в оправдание проводимого ими террора».

Олар,—говорит Миркин-Гецевич,—произнес речь о той теории насилия, которую в Москве хотят подкрепить историческими примерами французского террора. Таким образом, речь знаменитого историка, являющегося вместе с тем идеологом французского демократизма, вырастает в некоторую программу. Олар заклеймил насилие, главным образом, потому, что Москва, практикующая террор и насилие, пытается оправдать кровь Чека террором Конвента». «Речь Олара поэтому,— говорит Гецевич,—приобретает для русского читателя особое современное, волнующее значение: ее тема, ее авторитетный автор, момент ее произнесения—все в ней злободневно и близко» (стр. 10).

Таким образом, характер этой речи ясен. Это—политическая программа, как определяет ее Миркин-Гецевич. Нужно было уничтожить террор французской революции, для того, чтобы иметь возможность осудить Советскую власть. В этой речи Олар выступает больше как политический деятель, чем как историк. Поэтому нам кажутся неправильными все утверждения Миркина-Гецевича о том, что Олар, являясь общественным и политическим деятелем, в изучении революции—лишь ученый, следующий своим строго научным методам. В данном выступлении политический темперамент отвлекает его в сторону от об'ективного исследования, он вступает в полемику с защитниками террора. Факты освещаются Оларом тенденциозно с явным стремлением уничтожить насильственный характер некоторых моментов французской революции, так что в общем получается неправильная картина основных этапов революционной борьбы. И все это сделано для того, чтобы иметь возможность осудить «современных русских революционеров», которые, по его выражению, «не только возвеличили теорию насилия, но и применили ее к делу».

Каково же в существенном содержание брошюры Олара? Маститый исследователь отказывается видеть среди вождей французской революции идеологов насилия. «Если не считать,—пишет Олар,—пылких и быстро забытых аббата Ру, Варле, Леклера, чьи призывы к насилию

в Париже, во время террора, имели некоторую видимость системы,— среди влиятельных революционеров одному лишь Марату можно, по-моему, приписать известную теорию насилия. Но в этом смысле Марат был одиноким: в Конвенте не было маратистов» (стр. 18). Еще менее был теоретиком террора и диктатуры Дантон. «Никто не был человечнее ни сердцем ни разумом Дантона, который столь жестоко громил аристократов и, громя, в то же время спас столько голов» (стр. 35). «Насилие и диктатура,—пишет далее Олар,—эти два явления неразрывно связаны между собой, и если насилие может быть плодотворным, то лишь во имя или путем диктатуры—диктатуры личности, либо диктатуры группы, класса. И вот, если во французской революции и были насилия, если эта революция привела в конце-концов к диктатуре, самая теория насилия и диктатуры была, повторяю, чужда и духу революции и ее вождям» (стр. 20).

Для обоснования этого положения Олар дает краткий очерк нараставших и сменивших друг друга фазисов борьбы от созыва Генеральных Штатов до Наполеона. В 1789 году французы нигде не выражают призывов к насилию. Наказы не говорят о короле иначе, как с уважением, с верностью, с любовью и доверием. Отмечая особо мирный характер эпохи деятельности Национального Собрания и также мирную обстановку работ Законодательного Собрания, Олар приступает, наконец, к обрисовке эпохи террора. «Взгляд на террор, как на последствие войны, так часто развивался, что мне здесь незачем настаивать на нем,—пишет Олар.—Мне хотелось бы лишь отметить, что в нашей революции постоянно, даже в моменты проявления самой грубой жестокости, жил дух законности» (стр. 31). «Отдельные акты насилия,— говорит далее Олар,—если они и существовали, не создали ничего ценного. Все законы общего характера были проведены без всякого давления улицы. Провозглашение республики 22-го сентября 92 года, это крупное политическое событие, прошло среди полного спокойствия населения, почти в молчании» (стр. 32). Говоря о террористических мероприятиях Конвента для обеспечения военной победы, Олар утверждает, что Конвент все же не поставил террор «в порядок дня», как от него требовала Коммуна, и даже уничтожил крайних или считавшихся такими, как Эберта и его друзей. И едва лишь была достигнута военная победа, едва лишь была обеспечена национальная охрана, Конвент сбросил Робеспьера, символ насилия и террора. «Впрочем, Робеспьер, гильотинированный, как террорист,—говорит Олар,—никогда не хочет сделать насилие ни системой, ни даже режимом. Это был, как почти все эти революционеры, юрист». «Девятого термидора у городской ратуши, в очаге восстания, готовившегося против Конвента, Робеспьеру подали перо, чтобы он подписал призыв к восстанию. Это было единственным средством спасти свою голову. Но Робеспьер не пожелал подписать этого призыва к восстанию. Общая воля оказалась сильнее воли Робеспьера» (стр. 35).

Итак, Олар в своей брошюре выставляет следующие положения: 1) Теория насилия, а также теория диктатуры были чужды духу рево-

люции и ее вождям. 2) Террор французской революции определяется только войной и является последствием войны. 3) Неорганизованного террора во французской революции не было и все законы общего характера были приняты без всякого давления улицы. 4) Конвент никогда не ставил террор «в порядке дня». 5) Диктатура Робеспьера была сброшена вследствие того, что была достигнута военная победа.

В дальнейшем мы дадим краткий очерк создания организованного террора, вотирования террористических мероприятий, при чем будем следить, по возможности, за теми причинами и влияниями, которые определили необходимость этих террористических мер. Будем также отмечать выступления наиболее видных деятелей французской революции по вопросу о терроре и выявлять их взгляды на этот вопрос [1]). На основании протоколов Конвента мы постараемся прежде всего доказать, что, вопреки утверждениям Олара, вожди французской революции выявили вполне определенное отношение к террору и рассматривают его, как могущественное средство революционной борьбы.

Остановимся прежде всего на таком остром моменте революционной борьбы, как февраль и март 93 года. Этот момент знаменателен в истории террора. В эту эпоху издаются первые террористические мероприятия, организуется Революционный Трибунал. В этот же момент ярко выявляют свои взгляды на террор такие видные деятели революционной эпохи, как Марат и Дантон. Проследим историю создания Революционного Трибунала. Положение республики становится критическим из-за военных неудач. В этот момент война является одной из главных причин усиления террора. Но далеко не так непосредственно, как это изображено у Олара. Война создает такую обстановку, в которой легче всего выявляется недовольство народных масс, оказывающее давление на власть в сторону усиления террора.

Так по крайней мере происходит в описываемый нами момент. Вокруг Франции смыкается железное кольцо коалиции. Против нее направляются силы пруссаков, австрийцев, испанцев. К тому же Франция начинает испытывать торгово-промышленный кризис. Война изолировала ее от рынков, прекратилось снабжение Франции сырьем. Целый ряд предприятий оказывается закрытым. Растет безработица. Усиливается дороговизна предметов первой необходимости. Все эти обстоятельства определили один факт огромной важности: тяжелое положение широких масс городской бедноты. В собраниях парижских секций и городском совете не замолкали жалобы на нищету, царившую среди низших слоев населения; небольшие толпы, состоявшие главным образом из женщин, уже несколько раз делали попытки разгрома пекарен. 25-го февраля в Париже происходит погром булочных и бакалейных лавок, толпа растаскивает товары и подвергает угрозам лавочников. Марат отзывается на это движение, и на страницах «Друга Народа» появляются его статьи, в которых он обвиняет во всем происшед-

1) Все материалы для данной статьи взяты из протоколов Конвента, помещенных в Moniteur'e.

шем капиталистов и крупных собственников. «Не подлежит спору,— пишет Марат,—что капиталисты, маклера, монополисты, продавцы предметов роскоши, шайка крючкотворов, бюрократы и бывшие дворяне — все они почти сплошь опора старого строя. Так как я не вижу никакого способа изменить их разумение, то я не нахожу других средств, способных обеспечить спокойствие государства, как совершенное уничтожение этих достойных проклятия заговорщиков. Теперь они удваивают свои усилия, чтобы превосходящими всякую меру ценами ввергнуть народ в голод и нищету».

«Нация, измученная постоянными происками, все еще никак не возьмется за то, чтобы очистить свободную землю от этой преступной породы, а жизнерадостные представители нации прямо поощряют подобные преступления, гарантируя для них безнаказанность. В виду этого остается только дивиться, как это народ в каждом городе, доведенный до отчаяния, не возьмет свое право своей собственной рукой. Во всякой стране, где права народа не являются пустыми фразами, простым бумажным украшением, посредством разгрома нескольких лавок, на дверях которых повесили бы скупщиков, быстро бы был положен конец тем мошенническим манипуляциям, которые миллионы людей доводят до отчаяния и заставляют умирать от недостатка хлеба. Не пора ли, наконец, народным представителям сделать хоть что-нибудь побольше, а не предаваться пустой болтовне о тягостном положении, не принимая никаких мер к улучшению» («Друг Народа», газета от 25 февраля, цит. Кунов, стр. 466—467).

Далее Марат требует создания особого суда, который бы расправился с заговорщиками. «Законодательные меры помощи бесполезны,— пишет он.—Мы никогда не видели, чтобы они приводили к результатам; помощь дадут только революционные средства. Я не знаю никакого лучшего способа, более приспособленного к нашей расслабленности, чем следующий: Комитету Общественной Безопасности, который составлен из патриотов, необходимо поручить расследование дела. Пусть он крупнейших хлебных спекулянтов предаст государственному суду, составленному из 5 членов, не возбуждающих никаких сомнений в своей честности, и пусть он возбудит против них перед этим судом обвинение в государственной измене» (Ib.). Марат здесь отчетливо выражает свое отношение к террору. В терроре он видит одно из сильнейших средств в борьбе с продовольственной разрухой. Но идеи Марата, выраженные в этом номере газеты, интересны еще и в другом отношении. Интересна та обстановка, в которой зародилась мысль о создании Революционного Трибунала. Она зародилась под шум разгромляемых лавок, в момент стихийного выступления городской бедноты.

Мысль о необходимости создания особого суда для заговорщиков скоро сделается, опять-таки в значительной степени под давлением народных требований, предметом обсуждения в Конвенте.

В промежуток времени с 25 февраля по 8 марта, когда началась дискуссия в Конвенте по поводу организации Революционного Трибунала, происходили следующие события. Во Франции возникли контрреволюционные выступления в Лионе, Бордо и Дижоне; в начале марта

Началось восстание в Вандее. Кроме того Франция терпела ряд ударов на фронтах. Французы под натиском австрийцев должны были очистить левый берег Мааса, в это же время Дюмурье подготовлял свою измену.

В этот решительный момент, когда Франция была окружена со всех сторон опасностями, в Конвент был направлен целый ряд петиций с требованием принять меры для борьбы с врагами внутри страны. Петицию от Коммуны прочитал Шометт. Шометт сообщил о воинственном настроении масс, о том, что все молодые люди, служившие в разных бюро Коммуны, уходят в армию, что чрезвычайно успешно идет запись в добровольцы. «Но,—добавил он,—напряжение на фронтах обязывает Конвент к бдительности внутри страны. В то время, как одни будут защищать границы республики, другие должны строже блюсти законы».

Мы уполномочены,—говорил далее Шометт,—просить Конвент об организации Революционного Трибунала. Пусть декретируют его основные принципы, мы будем на страже» (Mon. XV, № 10, стр. 663).

Вопрос об организации Революционного Трибунала поставлен был в порядок дня. В тот же день началось обсуждение проекта организации Революционного Трибунала.

8-го марта был первый день дискуссии в Конвенте об организации революционного суда. В этот день была выработана редакция первого проекта организации чрезвычайного уголовного суда, который будет судить всех заговорщиков.

На этом первом проекте (принадлеж. Левассеру) и было оставлено все дело организации трибунала в этот день (Mon., XV, № 70, стр. 666). Суд еще не был сорганизован. Но в этот же день в Париже произошли события, которые заставили Конвент поторопиться с организацией чрезвычайного суда.

Об этих событиях мы узнаем из доклада Верньо, сделанного Конвенту, а также из сообщений Коммуны (Mon., XV, 668, № 70 и № 75, стр. 702 и сл.).

«Бешеные», за которыми стояли парижские ремесленники и рабочие, заподозрили измену Дюмурье раньше, чем это стало известно правительству, обвинили жирондистов в близости их к изменнику-генералу, развили по этому поводу сильнейшую агитацию, в результате чего 9 марта, в 7 часов вечера, группа людей в 200 человек, вооруженных пистолетами и саблями, направилась в типографию Горза, взломала дверь и переломала печатные станки. На следующий день движение обнаружилось выступлением клуба кордельеров (в котором было сильно влияние «бешеных») с резким обращением к Конвенту, требовавшим, чтобы коллегии выборщиков парижского департамента было предоставлено право отзыва всех неудобных ей членов Конвента (Mon., XV, № 75, стр. 704). К этому движению присоединилась секция Четырех Наций, секция Французского Театра и секция Пуассоньер. Секция Четырех Наций в свою очередь проявила инициативу и обратилась ко всем секциям со следующим воззванием: «Хотите ли вы быть свободными, хотите ли вы спасти свою родину, уничтожьте в корне замыслы Дюмурье, изгоните из Конвента бриссотинцев, объявите, что предполагаемая организация Революционного суда является паллиативной и сме-

хотворной мерой, ибо этот суд не посягает на врагов в самом Конвенте».

Кто же должен осуществлять террор по мнению выступивших? Это мы узнаем по отчету заседания секции Французского Театра. «Пусть комитетам секций будет дано право арестовывать граждан, которые кажутся им подозрительными, и пусть те же комитеты возьмут под защиту патриотов» (Mellié, стр. 128).

Так движение, начавшееся за отозвание бриссотинцев, выявило также и свое отношение к террористическим мерам, осуществляемым Конвентом. Оно отразило недовольство ремесленников и рабочих, стоявших за «бешеными», теми мерами, которые проектировались в Конвенте. Меры эти считаются недостаточными. Секции сами хотят взять на себя борьбу с подозрительными, требуют себе права арестовывать лиц, деятельность которых вредна для революции. Это движение, вызванное пропагандой «бешеных», вызвало сочувствие далеко не во всех секциях и отрицательное отношение со стороны всех групп якобинцев.

Монтаньяры выступают резко против устройства беспорядков, называя выступления «бешеных» заговором с целью погубить свободу, а инициаторов движения называя «злодеями», «убийцами», подкупленными аристократией (M. XV. 693). Но как ни отрицательно было отношение депутатов к этому движению, оно определило некоторые мероприятия Конвента. Так, оно ускорило организацию Революционного Трибунала и обострило борьбу мнений в Конвенте по этому вопросу.

10-го марта обсуждение организации Революционного Трибунала принимает необычайно бурный характер. Жирондисты выступают резко против организации Революционного Трибунала, указывая, что организация суда будет свидетельствовать о развитии деспотизма, что Конвент, сосредоточивая в своих руках все власти, неминуемо придет к тирании (Бюзо). Но, несмотря на протесты Жиронды, предлагается новый, необычайно радикальный проект организации трибунала, проект, в котором отразилась острота момента, в связи с движением, происходившим в Париже. Это—проект организации суда без присяжных и без всяких гарантий. Принадлежит этот проект Лэнде, который указывает, что члены Чрезвычайного Суда не будут связаны никакими формами для производства следствия. Приговоры будут выноситься на основании убеждения судей. После бурной борьбы монтаньяров с жирондистами было решено внести некоторые поправки в этот проект, так, было решено включение присяжных в состав Революционного Суда. На этом обсуждение организации Трибунала и прекратилось было. Регламент суда еще не был выработан. На трибуну поднялся Дантон и произнес страстную речь в защиту организации Революционного Суда.

Эта речь Дантона знаменательна. Она показывает, что, вопреки утверждениям Олара, Дантон в известный период явился наиболее страстным защитником террора.

В вопросе организации Революционного Трибунала Дантон сыграл решительную роль. Это он воодушевил членов Конвента на решительные мероприятия. «Как, в настоящий момент,—говорил Дантон,—когда наши позиции так слабы, что в случае поражения Миранды Дюмурье принужден был сложить оружие, вы могли бы разойтись, не приняв требуемых общественным делом мер? Я знаю, почему вы не желаете мероприятия, которое наказывает контр-революционеров, так как для в а с необходим этот трибунал, это для в а с этот трибунал будет заменять суд народной мести. Враги свободы бросают дерзкий вызов, повсюду измена, повсюду провокаторы. Обратитесь к гражданам в их хижинах, к ремесленникам в их мастерских и вы увидите, что большинство не за вами. Прислушайтесь к голосу народной мести. Человечество вас простит. Нет ничего труднее, как уничтожить политическое преступление, и тем более необходимы чрезвычайные законы, устрашающие преступника и уничтожающие виновных. Сохранение безопасности требует истребительных мер. Нет середины между обычными формами правосудия и Революционным Трибуналом. История оценит эту правду. В этом заседании часто обращались к тем кровавым дням, при воспоминании которых добрый гражданин содрогается (Дантон говорит о сентябрьских днях. *Р. А.*). Я говорю, что если бы тогда действовал Революционный Трибунал, народ, который так часто бесчеловечно упрекали, не пролил бы крови. Я говорю и в этом будут согласны все свидетели событий, что никакая человеческая власть не могла задержать в границах национальную месть. Исправим ошибки наших предшественников. Сделаем то, что не сделало Законодательное Собрание, будем истребительными, чтобы народ сам не был таковым. Создадим трибунал, не очень хороший, это невозможно, но по возможности наименее дурной, чтобы меч закона вознесся над головой всех его врагов». «Будьте бдительны,—продолжает Дантон,—вы отвечаете перед народом за нашу армию, за его кровь, за его ассигнации, так как, если поражение армии уменьшит еще их ценность, кто же может отвечать за исход злобы народной и мести. Если в данный момент вы будете вооружены всеми необходимыми силами, сегодня же враг будет отброшен от ваших фронтов. Я прошу, чтобы Революционный Трибунал был организован в это же заседание, чтобы исполнительная власть в ее новой организации получила то количество сил и энергии, которое ей необходимо, я прошу только ее реорганизации, только ее улучшения. Итак, в этот вечер организуйте трибунал, организуйте исполнительную власть, завтра двиньте ваши войска, пусть ваши эмиссары будут отправлены, пусть вся Франция поднимется, направится к армиям, пойдет на врага, пусть Голландия будет захвачена, пусть Бельгия будет освобождена, пусть промышленность Англии будет разрушена, пусть радуются друзья свободы, пусть наша армия повсюду победная несет народам освобождение и счастье, и пусть будет мир отомщен» (Mon., XV, стр. 683, № 72).

Итак, создание Революционного Трибунала казалось Дантону неизбежным. Борьба с врагами внутри страны давала возможность победить внешних врагов. В речи Дантона особенно резко подчерки-

валась необходимость создания организованного террора, проведение которого уничтожало возможность народных самосудов, какими, в сущности говоря, и были сентябрьские дни. Очевидно, движение 9-го марта, сопровождавшееся разгромом типографий, создало напряженное настроение и усилило угрозу неорганизованного выступления городской бедноты.

Дантон увлекает собрание, собрание решает утвердить регламент Революционного Трибунала. Вопрос об организации Революционного Суда был разрешен. В Париже будет учрежден и Чрезвычайный Уголовный Суд, который будет ведать все анти-революционные поступки. Приговоры будут приводиться в исполнение без обращения в кассационный суд. Выбор наказаний будет предоставлен усмотрению Революционного Трибунала.

Какое заключение можно сделать из рассмотрения истории возникновения Революционного Трибунала? Организация Революционного Трибунала происходила под определенным давлением народных масс. Желая итти согласованно с требованием последних, Конвент поставил организацию Революционного Трибунала в порядок дня и начал обсуждение различных проектов его установления. Попытки некоторых секций самостоятельно организовать революционный суд, выявившиеся в движении «бешеных» 9—11 марта, были угрозой самочинных выступлений и заставили Конвент поторопиться с изданием регламента о Революционном Трибунале. Но история организации Революционного Трибунала выявила также взгляды на террор вождей революции Марата и Дантона. Особенно интересны взгляды Дантона по этому вопросу. По мнению последнего, создание органа для проведения террора имеет самое решающее значение для судьбы Франции. «Человечность разума и сердца» Дантона молчит перед требованиями суровой необходимости.

После издания декрета об организации Революционного Трибунала начинается настоящая горячка создания террористических актов. Все увеличивается количество дел, которые попадают в ведение Революционного Трибунала, увеличивается также категория лиц, об'являвшихся вне законов. Террор в эту эпоху направляется, главным образом, против дворянства и духовенства. В издании многочисленных законов, направлявшихся против этих лиц, принимает участие опять-таки Дантон. Олар говорит, что Дантон громил аристократов, но он не говорит о том, что в борьбе с дворянской контр-революцией Дантон занимает особое место.

Когда в конце марта в Конвент стали поступать известия, что в провинциях не выполняются приказания Конвента и комиссары подвергаются оскорблениям на улицах и площадях, Дантон выступает на защиту самых решительных мер в борьбе с контр-революционными выступлениями. «Необходимо,—говорит Дантон,—чтобы Конвент сделался действительно революционным органом». «Необходимо, чтобы Конвент консолидировал свои действия с народом». Как, гражданская война во всех частях Франции, а Конвент бездействен! Революционный Трибунал декретирован, тот трибунал, который должен ка-

рать революционеров, и он еще не действует! Что должен сказать народ, как не то, что он должен поднять восстание. Он должен, он это чувствует, он скажет: слабость обуяла наших представителей, а между тем контр-революция убивает свободу. Вы не выполняете своего долга. Вы говорите, что народ заблуждается, но почему вы удаляетесь от народа? Революция должна быть консолидирована с народом» (заседание 27/III, Mon., XV, № 87, стр. 807). «Народ в революции, как металл, кующийся в огне испытаний. Статуя свободы еще не создана. Этот металл разгорячен. Если вы не приготовите горн, то вы будете сами сожжены. Необходимо немедленно вооружить весь народ. Необходимо об'явить вне закона всех, сочувствующих контр-революции. Итак, до тех пор, пока на улицах, в общественных местах оскорбляются патриоты, пока в театрах аплодируют репликам, которые несут несчастье родине, нужно дать пример доблести и силы моей родине. Я требую, чтобы каждый гражданин имел меч наготове. Я требую, чтобы Чрезвычайный Трибунал проявил достаточную энергию, я требую, чтобы Конвент оповестил весь французский народ, Европу, мир, что он революционное учреждение. Я обращаю вас к тем, кто с необходимостью вами управляет. Приблизьтесь к народу. Пусть каждый, в ком есть искра стремления к свободе, пусть приблизится к народу. Ведь готовили же гибель для революции августовские дни, но народ захотел—и враг был побежден. И в настоящий момент усилиями народа Франция может восстановить свои силы, слаться снова победительницей и заставить деспотов раскаяться в своих эфемерных победах» (Mon., XV, № 87, стр. 807—808).

Результатом речи Дантона было принятие целого ряда репрессивных мер. Было принято об'явление беспощадной борьбы с аристократами и со всеми врагами революции, они об'являются вне закона. Было принято решение, чтобы Революционный Трибунал, организованный 10-го марта, приступил к своей работе. В этих речах Дантона террор рассматривается как могущественное средство революционной борьбы.

Мы остановились подробно на моменте организации Революционного Трибунала и на нескольких законах против дворян, потому что как обстановка создания этих законов, так и причина, их вызвавшая, во многих отношениях типична. И органы революционного правительства (каким был Революционный Трибунал) и различные мероприятия, разившие мечом закона контр-революционные действия, создавались в моменты наиболее напряженной борьбы с европейской коалицией и с внутренней контр-революцией. Очень важно здесь отметить, что на создание различных террористических законов оказывали влияние различные движения, то и дело вспыхивающие в Париже и в окрестностях на почве продовольственного затруднения; к голосу этих движений прислушивались. Воззрение голодных масс городской бедноты, что террором можно уничтожить и контр-революцию и голод, передавалось в законодательный орган, каким был Конвент, и оказывало свое влияние на воззрение наиболее видных деятелей французской революции. В эту эпоху наиболее решительным защитником тер-

рористических мероприятий является Дантон. Но весною 1793 года опасность от контр-революции была еще очень сильна, может быть, сильнее опасности голода; вот почему наибольшее количество декретов властью издается против дворянства и духовенства, против тех, кто так настойчиво боролся за сохранение старого порядка.

Но вскоре власть станет лицом к лицу с необходимостью разрешить вопрос о продовольственном затруднении. В первый момент она встанет на путь террора, и тогда террор будет фактически поставлен в «порядок дня». Мы рассмотрим события осени 1793 года, когда Республика была на краю гибели. Состав Конвента был в значительной степени уже измененным в сравнении с весною того же года. С помощью 2-х восстаний 31/V и 2/VI народные массы добиваются очищения Конвента от жирондистских элементов. Управление Республикой переходит теперь к якобинцам с Робеспьером во главе, опирающимся на городское мещанство. Эта власть оставалась неизменной до термидорианских дней. Осенью 1793 года продовольственный и финансовый кризисы возросли еще в большей степени. Единственный финансовый ресурс страны—это ассигнации, распространявшиеся в массовом количестве во Франции. С увеличением выпуска ассигнаций ценность их неудержимо падает. Ценность бумажных денег к осени 1793 года пала на 80%. Продовольственный кризис всей тяжестью ложится на плечи неимущих элементов парижского населения, больше всего терпела от этого городская беднота, ремесленники и рабочие, одновременно страдая от безработицы и дороговизны. Все чаще вспыхивают движения на почве дороговизны в Париже и в предместьи, иногда они становятся грозными. Особенно важно подчеркнуть значение движения 4-го сентября, ибо оно определило характер заседания 5-го сентября, выработавшего ряд террористических мер.

В этот день, в 5 часов, рабочие были вызваны из мастерских (по протоколам Коммуны, это были, главным образом, каменщики) и на бульварах и около дома военного министерства образовали многолюдные группы: народ требовал «хлеба». Толпа возле дома Коммуны устроила бюро, составила петицию и отправила депутацию в муниципалитет. Главою этого движения сделался Шометт. Он вел переговоры между восставшими и Конвентом. Он же предложил восставшим просить у Конвента, чтобы он декретировал организацию революционной армии, которая бы направилась в деревню и доставила бы зерно в Париж, кроме того, остановила бы гибельные махинации эгоистов и направила бы на них меч закона (Mon., XVII, № 250, стр. 518).

Предложения Шометта были приняты восставшими. Было решено направить адрес Конвенту и требовать немедленного установления революционной армии, которая боролась бы с продовольственной разрухой, боролась бы с эгоизмом богатых и скупщиков.

На следующий день, 5-го сентября, происходит бурное заседание Конвента, на котором утверждаются самые решительные террористические меры, не без влияния требований и петиций, направленных в Конвент, как участниками выше обрисованного движения, так и солидарным с ними секциями. Оно открылось докладом Мерлена (из Дуэ),

сводящемуся к предложению, чтобы революционному суду предоставлялась возможность творить суд с большей быстротой. Для этого Мерлен предлагал разбить Трибунал на 4 отдела, увеличить количество судей и присяжных. Мера эта была сейчас же декретирована (Mon., XVII, № 249, стр. 575).

На заседание появляется депутация от Коммуны с петицией и с требованием организации революционной армии, а также представители от 48 секций. Шометт читает свой адрес, составленный представителями Коммуны совместно с рабочими и ремесленниками, участвовавшими во вчерашнем наступлении на Коммуну. Петиция Шометта говорит, что единственные виновники переживаемого голода— это богачи и скупщики. Единственный метод борьбы с богачами,—это террор. Новые господа,—говорит Шометт,—не менее ужасные, не менее жадные, поднялись на развалинах феодализма. Они захватили собственность, принадлежащую их старым господам, и продолжают двигаться по пути, проложенному преступлениями. Они овладели предметами первой необходимости. Вы нанесли им удар, но только оглушили их, и в тени даже закона они продолжают свои преступления. Вы создали мудрые законы, они обещают благополучие, но они не выполняются, потому что исполнительная власть отсутствует, и если вы ее сейчас же не создадите, они рискуют быть уничтоженными немедленно после своего возникновения. Враги народа, со словами свободы на устах, останавливают движение жизни. Несмотря на ваши благодетельные законы, они закрывают житницы, они холодно подсчитывают, какой доход принесет им неурожай, восстание или бойня. Вы передаете административным управлениям ключи от житниц и адскую счетную книгу этих чудовищ. Но где та сильная рука, которая повернет этот фатальный для изменников ключ? Где то благородное существо, недоступное и непоколебимое для всех родов интриги и подкупа, которая разорвет листки этой книги, записанные кровью, и которая нанесет смерть душителям». Он сурово осуждает нерешительность Конвента в борьбе с этими пресмыкающимися.

«Настало время, законодатели, прекратить нечестивую борьбу, которая продолжается с 1789 г. между детьми нации и теми, кто их покинул... Гора, будь для Франции Синаем. Довольно милосердия, мы должны уничтожить их, или они уничтожат нас. Положим между нами и ими барьер вечности. Настал день суда и гнева. Пусть сформируется революционная армия, пусть она ходит дозором по департаментам, пусть она усиливается всеми людьми, желающими единой и нераздельной республики. Пусть за этой армией последует неподкупный и непоколебимый трибунал и орудие, одним ударом пресекающее заговоры, пусть на ее знаменах будет начертано: «Мир людям доброй воли, война устроителям голодовки, покровительство слабым, война тиранам, справедливость и отсутствие угнетения» (Mon., XVII, № 250, стр. 521).

То впечатление, которое производит эта речь на Конвент, и энтузиазм, с которой она была выслушана и принята, показывают,

что в Конвенте еще живы были впечатления происшедшего накануне заседания.

На ряду с требованием и адресом Шометта выступают представители от 48 секций Парижа и якобинского клуба. Требования этого представителя сводятся к быстрому суду над арестованными жирондистами. «Спутники тирании,—говорит представитель 48 секций,—жестокие островитяне, тигры севера, которые приносят опустошение среди нас, значительно менее опасны, чем те, которые нас ожидают внутри, которые разделяют нас, которые вооружают нас один против другого; все друзья свободы видят, что проповедники федерализма не несут никакого наказания за свои преступления. В общественных местах республики с ненавистью говорят о преступлениях Бриссо. Его имя произносится с ужасом. Мы требуем, чтобы он подвергся суду, так же, как и его сообщники» (Mon., XVII, № 250, стр. 526).

Орудием открытой борьбы с врагами революции должен быть террор, по мнению представителя секций.

«Поставьте террор в порядок дня. Будем на страже революции, ибо контр-революция царит в стане наших врагов» (Mon., XVIII, № 250, стр. 526). Он требует, чтобы была организована революционная армия, чтобы она делилась на несколько частей и чтобы при каждой части был трибунал и чтобы эта армия и эти трибуналы оставались в действии до той поры, пока почва Республики не очистится от измены (Mon., XVIII, № 250, стр. 526).

Целый ряд репрессивных мер требует и депутация от секции «Единство». Она считает необходимым, чтобы знатные и священники были из'яты из гражданских и военных должностей, кроме того, она требует более сурового применения законов против ажиотажа и спекуляции, скорого суда над вдовой Капета и жирондистами, требует также, чтобы Конвент оставался на своем посту впредь до упрочения конституции (Mon., XVII, № 250, стр. 527).

Эти заявления оказались весьма внушительными. Мы видим, как на сторону требований секций и Коммуны прежде всего склоняются радикальные группы якобинцев в Конвенте в лице Билло-Варенна и Бурдона. Билло-Варенн в своих речах 5-го сентября оказался наиболее настойчивым сторонником решительных и немедленных репрессивных мер, решительного удовлетворения всех требований Коммуны и секций и, если в этом с ним кто-нибудь мог поспорить, то только, пожалуй, Дантон. Билло-Варенн требует немедленного ареста всех подозрительных лиц и организации революционной армии в этом же заседании. Немедленно военный министр должен представить план организации этой армии для того, чтобы сегодня же вечером Республика была в состоянии отразить своих врагов, чтобы об этом декрете экстренно известили все департаменты и представили право комиссарам, разосланным от первичных собраний, принять все меры для борьбы с продовольственными затруднениями. Леонард Бурдон определяет полномочия этой революционной армии. Ее задача—снабжать провиантом Париж и бороться с врагами свободы. Продовольственная армия должна была итти в сопровождении Революционного Трибунала, который

имел бы право скорого суда (в течение 24 часов). Если и были в этом заседании слабые попытки внушить членам Конвента необходимость большей осторожности в террористических мероприятиях, то они неизменно выслушивались с недоброжелательством. Сан-Андре говорит, что надо весь вопрос о репрессивных мерах передать в Комитет Общественного Спасения, но на это ему возражает голос Билло-Варенна, который твердил: «Надо действовать, надо действовать немедленно, я требую прекращения прений». (Mon., XVII, № 250, стр. 523).

Дантон и в этом заседании является решительным сторонником террора. Он вполне солидарен с Билло-Варенном. «Нужно немедленно выполнить все те требования, которые предлагает народ. Не нужно никаких иных средств в борьбе с врагами, как только те, которые предлагает народ, ибо ему диктует их национальный гений. Пусть Комитет вырабатывает свои меры, это не мешает тому, чтобы сейчас же декретировать организацию революционной армии. Революционный Трибунал действует слишком медленно. Нужно, чтобы ежедневно аристократ, злодей расплачивались за свои преступления головой. Кроме того, нужно вооружить всех граждан. Нужно каждому гражданину, каждому патриоту дать ружье для спасения родины» (Mon., XVII, № 250, стр. 523).

Обсуждение всех вопросов заканчивается сводкой всех петиций, внесенных за сегодняшний день. Сводку эту сделал Барер. «Только что произошедшее движение в Париже должно быть последним, оно вызвало организацию революционной армии, которая выполнит великий лозунг, провозглашенный Коммуной Парижа: «поставьте террор в порядок дня». Роялисты хотят крови, так и дадим же им кровь заговорщиков—Бриссо и Марии-Антуанетты; роялисты хотят разрушить труды Конвента,—заговорщики, Конвент разрушает ваши труды. Вы хотите погубить Гору, хорошо, так Гора вас раздавит» Mon., XVII, № 251, стр. 531).

Началась выработка репрессивных мер. В этом же заседании была организована революционная армия. В очень скором времени был реорганизован Революционный Трибунал, был издан закон о подозрительных. Революционная армия должна была бороться с продовольственной разрухой. Она должна была снабжать провиантом столицу. Она была создана для того, чтобы карать тех, кто укрывательством товаров, продажей по вольным ценам, различного рода спекуляцией наживал большие капиталы, еще более способствуя усилению голода и нищеты.

Революционная армия создавалась для того, чтобы проводить насильственные мероприятия в области продовольственного дела, для проведения закона о максимуме, в сущности говоря для насильственного регулирования экономической жизни страны. И наиболее видные деятели французской революции — Шометт, Билло-Варенн, Дантон — всячески защищают эту меру.

Правда, Дантон в дальнейшем изменил в значительной степени свои воззрения на террор и стал призывать к милосердию, но этим не изменяется, в сущности говоря, суть дела, т.-е., что в известный

период революции Дантон являлся самым решительным защитником террора, шел ли вопрос о борьбе с контр-революцией или о борьбе с продовольственной разрухой. Момент создания революционной армии и все заседание 5-го сентября интересно еще в другом отношении. Мы опять здесь видим влияние масс на революционное законодательство.

Движение 4-го сентября в Париже дало направление заседанию Конвента 5-го сентября, сделало депутатов более решительными в организации террора. И с этого момента террор действительно стал «в порядок дня». Целый ряд мероприятий, одно беспощаднее другого, проводятся в жизнь. Реорганизуется Революционный Трибунал, так как необходим был орган, который бы мог справиться со всей массой новых преступлений, явившихся следствием продовольственных законов. Издается закон о подозрительных. В число подозрительных включаются те, которые не докажут, чем они живут и как исполняют свои гражданские обязанности; опять-таки мера, направленная против лиц, спекулирующих на голоде. И, наконец, в значительной степени усиливается власть революционных комитетов. Они и ранее имели право ареста и выдачи свидетельств о благонадежности. Теперь по закону о подозрительных им поручается составление списков заподозренных и арестов последних. Революционные комитеты, как сетью, опутали всю Францию. В эту сеть попадались все противники революции и заговорщики всякого рода. Революционные комитеты, в громадном большинстве заполненные элементами городской бедноты и рабочих, отнеслись к своей новой функции с такой энергией, что скоро не стало хватать мест в тюрьмах и арестных домах.

Террор поставлен «в порядок дня». И наиболее видные деятели не протестуют против террора, проводимого революционными комитетами. Вот факт, который особенно ярко выявил отношение к этому вопросу Робеспьера.

После того, как революционные комитеты заполнили все тюрьмы и арестные дома заключенными, Конвент издает постановление от 18-го октября 1793 года, которым он вменяет в обязанность революционным комитетам об'яснить арестованным точные причины арестов и продставлять все списки об арестованных в течение трех дней Комитету Общественной Безопасности. При чем эти списки должны сопровождаться об'яснением причин всех арестов, имевших место до сего времени (Mellié, стр. 213). Революционные комитеты опротестовали это постановление Конвента (21-го октября 1793 года). «Мы,— сказано было в протесте комитетов,—с прискорбием узнали о декрете, требующем, чтобы арестованным сообщали о мотивах их ареста. Нравственное убеждение часто определяет те меры, какие направляются против этих людей. А потому было бы трудно изложить в протоколе мотивы их ареста. Кроме того, революционные комитеты, состоящие из санкюлотов, стали бы часто делать в редакции протоколов невольные ошибки, которыми пользовались бы контр-революционеры для того, чтобы освобождаться от ареста». Петиция была направлена в Комитет Общественной Безопасности. Робеспьер защи-

щает петицию революционных комитетов. «Предшествующий декрет,— говорит Робеспьер, — только заставил бы революционные комитеты выполнять излишние формальности и обескуражил бы всех великодушных граждан, имеющих мужество подвергнуть себя всей злобе аристократии. Эти люди, простые и добродетельные, уменьшат свои старания. Не время ослаблять национальную энергию», говорит Робеспьер. И декрет был отменен 24-го октября 1793 года (Mon., XVIII, № 35, стр. 215—216).

Победа в октябре придала еще большую смелость революционным комитетам, и в этот момент, по выражению Мелье, они делаются господами Парижа. Так, законник, по выражению Олара, Робеспьер выразил свое отношение к беззаконию, творимому революционными комитетами. Больше того, мы считаем нужным изложить те воззрения на террор, которые он выразил в своей известной речи о принципах революционного управления, а также и воззрения на этот вопрос Сен-Жюста, его преданного друга и сторонника.

Доклад Конвенту о принципах революционного правления Робеспьер читает несколько позже, а именно 25 декабря 93 года. Весь доклад в целом—это попытка определить задачи и принципы власти, действующей в эпоху революции, и разрешение этих проблем не только к данному случаю, к эпохе именно французской революции, но определение задач и принципов всякого революционного правительства. Он сознает трудности для создания такой теории, «ибо теория революционного правительства, — говорит Робеспьер, — так же нова, как революция, которая ее создала». «Искать эту теорию надо не в книгах политических мыслителей, которые не предвидели подобную революцию, и не в законах тиранов, они стремятся злоупотреблять ею, черпать эту теорию нужно из сознания общественной пользы» (Mon., XIX, № 97, стр. 51).

Далее он проводит отчетливое различие между обычными формами и задачами власти и задачами революционного правления: «Задачи конституционного управления,—говорит Робеспьер,— направить жизнь Республики, задачи революционного—ее создать». Каково же по своему характеру должно быть революционное правление? Революционное правительство должно быть чрезвычайно активным, именно потому, что оно правительство войны. Оно подчинено правилам, менее определенным и менее строгим, потому что обстоятельства, в которых оно находится, чрезвычайно бурны, изменчивы и особенно потому, что оно вынуждено применять беспрестанно новые, быстрые средства против все новых и новых опасностей» (Mon., XIX, № 97, стр. 51).

Как видно читателю, Робеспьер вовсе не такой сторонник «законных» средств, как это изображено у Олара. Он признает только одну цель—«спасение народа», один закон — «необходимость». Каков же основной принцип революционного правления, определяющий все его действия? Принцип этот — террор. Конституционное правление должно преимущественно заботиться о личной свободе, правление революционное — о свободе общественной. Революционное правитель-

ство защищает добрых граждан, оно знает только наказание смертью для врагов народа» (Mon., XIX, № 97, стр. 51).

«Эти замечания достаточны,—говорит Робеспьер,—чтобы об'яснить происхождение и природу законов, которые мы называем революционными. Те кто называют эти законы тираническими,— глупые софисты или испорченные люди, которые желают смешать понятия: они желают об'единить воедино мир и войну, здоровье и болезнь. В конце концов они хотят только зарождения тирании и смерти отечества» (Mon., XIX, № 97, стр. 51).

Итак, Робеспьер дает общую теорию революционного правления и говорит, что революционное правление по необходимости должно быть построено на терроре, что никакие иные законы не руководят этим правлением, как только законы спасения народа и необходимости, что революционное правление знает только наказание смертью для врагов народа. Разве это не самое полное выражение теории террора или, по выражению Олара, «теория насилия»?..

Чтобы покончить с этим вопросом, необходимо еще изложить содержание речи Сен-Жюста, произнесенной 10 октября 1793 года. Сен-Жюст разрешает сначала чисто практический вопрос, каким образом выйти из затруднений, в которые попала в данный момент Республика, и доходит до общих положений, утверждая, что терорр должен сделаться руководящим принципом революционной власти. Республике угрожают федерализм, заговоры и голод. Какие же средства для уничтожения этих опасностей? Ничто иное, как террор. «Нельзя надеяться на благоденствие,—говорит Сен-Жюст, — пока не исчезнет последний враг свободы. Вы должны наказывать не только преступников, но и индифферентных. Вы должны наказывать тех, кто бездейственен в Республике и ничего не делает для нее. Ибо все, кто препятствуют французскому народу, посягают на его независимость, все, кто посягают на его независимость, являются его врагами» (Mon., XVIII, № 23, стр. 106).

Но далее он выставляет уже общее положение, что миролюбие и правосудие хорошие принципы для мирного времени, но когда родина окружена врагами, то милостивые законы—меч для нее. «Правосудие и миролюбие—хорошие средства для друзей свободы, но для врагов они не что иное, как меч. Нужно управлять железом, если нельзя управлять законом» (Mon., XVIII, № 23, стр. 106).

Могут ли помочь конституционные средства Республике, окруженной врагами? «В том положении, в котором находится Республика, конституция не может быть установлена, она будет умерщвлена. Она допускает злодейства против свободы, ибо нет необходимых средств, чтобы их отразить». И здесь, вместо конституционной гарантии, само управление должно быть построено на принципах самого строгого контроля над действием властей, самой неукоснительной бдительности. «Невозможно, чтобы революционные законы выполнялись, если управление организовано не революционно». Революционное правление, по мнению Сен-Жюста, должно проявлять наибольшую бдительность по отношению к врагу, но также наибольший контроль над своими

собственными действиями. «Нужно точно определить обязанности, меч поставить на ряду со злоупотреблением, ибо все должны быть свободны в республике, за исключением тех, которые злоумышляют против нее и которые плохо управляют» (Mon., XVIII, № 23, стр. 106).

В речи Сен-Жюста мы находим в основном мысли сходные с Робеспьером по данному вопросу. И Сен-Жюст также считает, что революционное правительство—это нечто отличное от конституционного, управляющееся своими особыми принципами, и ему свойственна та мысль, что в момент, когда родина окружена всеми врагами, никакая другая власть, как только революционная, не может существовать. При революционном правлении иные средства невозможны, как только действие террором или, по его выражению, «действие железа».

«Взгляд на террор, как последствие войны, так часто развивался, что мне здесь незачем настаивать на нем», пишет Олар. Но если мы рассмотрим роль террора в эпоху, предшествующую падению якобинской диктатуры, то увидим, что война далеко не единственная причина, обусловливающая террор. В самом деле Франция, начиная с сентября месяца, одерживает победы, победы над европейской коалицией и контр-революционными выступлениями увеличиваются к декабрю; к весне 94 года Франция выходит победительницей и отразившей натиск европейской коалиции, а террор все еще продолжается. Что его обусловливает? Остановимся на этой странице в истории развития террора. 16-го октября была одержана первая большая победа над австрийцами при Ватиньи. Мобеж, осажденный австрийцами, был освобожден. В декабре у англичан был отнят Тулон штурмом. В Эльзасе и на Рейне республиканские армии, во главе с генералами Гош и Пишегрю, одерживают победу. Гош разбил австрийцев при Генисберге 25 декабря, и, наконец, победа при Флерюсе (25 июня 94 года) открыла французам дороги в Бельгию и была конечным успехом в борьбе, которую Республика вела в 93—94 году.

Контр-революционные движения внутри страны к концу 93 года оказываются в процессе ликвидации. Упорная война с Вандеей закончилась к концу декабря 93 года. Лион должен был сдаться еще раньше—9-го октября. К этому же времени было подавлено восстание марсельцев и в Бордо. Однако, никогда еще террор не действовал с такой силой, как в конце 93 года и в первой половине 94 года. Эта эпоха создает и закон 23 вентоза и закон 27 жерминаля и известный закон 22 прэриаля. Если в первую половину террористического режима террор обусловливался ясными, резко очерченными причинами, то во вторую половину эти причины не так очевидны, но, вероятно, не менее действенны.

В сентябре 93 года, в значительной степени под давлением секций был издан всеобщий закон о максимуме. Но, издав этот закон, Конвент встал перед необходимостью обеспечить его выполнение. Почти тотчас после издания общего закона о максимуме, Конвент создал специально для заведывания всеми делами, касающимися максимума, особую комиссию, которая и обратилась с циркуляром к местным властям, требуя от них скорости, точности и неумолимой суро-

вости в выполнении данного закона. Против нарушителей закона вырабатывается высшая мера наказания — смертная казнь. Но все эти меры мало помогают. В Революционном Трибунале то и дело рассматриваются дела этих нарушителей. Террор в значительной степени поддерживается необходимостью борьбы за максимум. В дальнейшем мы подробно займемся делами этого рода, но сейчас только укажем, что Революционный Трибунал был завален делами, связанными с обвинениями в продаже товаров не по максимальным ценам.

В Революционном Трибунале очень часто разбирались также дела по обвинению в укрывательстве, даже в порче товаров, произведенной с целью не продавать их по максимальным ценам. Революционный Трибунал карает этих людей смертью, законы по отношению к ним становятся все суровее, все чаще издаются законы, ускоряющие судопроизводство Революционного Трибунала. Закон 22-го прэриаля делает Революционный Трибунал комиссией, регистрирующей смертные казни, но до самого конца не уменьшаются дела, карающие преступления в нарушении закона о максимуме. С другой стороны, закон о максимуме только в незначительной степени ослабил продовольственный кризис.

За спекуляцией шло исчезновение продуктов. Отсутствие продуктов усиливало еще большие бедствия городской бедноты.

Из доклада Лежандра от 23-го февраля мы узнаем о необычайном мясном кризисе, который переживает страна. Мясо отсутствует отчасти из-за того, что оно привозилось из-за пределов Франции, теперь этого привоза не было. Весь наличный запас шел на потребление армии. Этот недостаток в мясе усиливался спекуляцией, идущей всегда за нуждой. Лежандр дает очень характерную картину, показывающую, кто, по его мнению, был алчным спекулянтом. По его мнению, несправедливо обвинять в спекуляции всех мясников огулом. Среди них есть добрые патриоты, а вот приказчики мясников, бесшабашные люди, из которых многие были прогнаны хозяевами за воровство, собирались на рынках и в складчину закупали все, что могли найти, с тою целью, чтобы путем скопления товаров наживать барыши. И частные мясники, говорит Лежандр, должны были скупать у них мясо (Mon., XIX, № 155, стр. 536).

Продовольственные затруднения, конечно, не ограничивались одним недостатком мяса, нет также хлеба, мыла и других предметов первой необходимости (Тарле. «Рабочий класс во Франции в эпоху революции», т. II, стр. 319). Бедствиями и недовольством городской бедноты питается фракционная борьба. И с недовольными и противниками жестоко расправляется власть, все усиливая темп террористической политики. Как известно, в марте 94 года наиболее радикальные группы якобинства, возглавляемые Шометтом и Гебером, задумали вооруженный переворот. Момент для этого был выбран удачно. Парижское население, как мы уже говорили, было измучено тяжелой зимой, недостатком продовольствия, в народе царило недовольство по поводу непринятия мер, достаточно обеспечивающих парижское население хлебом. Но восстание это потерпело неудачу из-за недостаточной

сорганизованности. Восставшие погибли. С участниками восстания расправились жестоко. Немедленно был издан декрет 23-го вентоза (13 марта 1794 г.). Декрет карает смертью всякую попытку воспрепятствовать предназначению Конвента, всякое покушение на узурпацию власти, безопасность и даже достоинство Конвента. По декрету должны были сорганизоваться немедленно шесть народных комиссий для скорейшего суда над всеми врагами революции.

Так на почве разочарований в «максимуме» и других продовольственных законах вырастает недовольство масс. Это недовольство используют враждебно настроенные фракции по отношению к правящей группе буржуазии для своих выступлений. С этими выступлениями власть жестоко расправляется. Создается ряд устрашающих мер.

Но никогда террор не достигал такого усиления, как в эпоху, предшествующую падению Робеспьера, в момент агонии якобинской диктатуры. В это время создается такая решительная террористическая мера, как закон 22-го прэриаля (10-го июня 1794 г.).

После гибели гибертистов и дантонистов диктатура мелкой буржуазии выразилась в господстве робеспьеровцев, т.-е. одной группы ее средне-зажиточных слоев.

Опираясь на столь узкий базис, эта диктатура находилась в состоянии неустойчивого равновесия. Смысл всех дальнейших событий в том, что эта группа стремится сохранить устойчивость и равновесие. Но кто мог ее поддерживать? Число врагов робеспьеровцев все растет и увеличивается. Рабочая масса, главным образом, разочарованная в силе продовольственных законов и «законов о максимуме», а также стесненная до крайности в своей борьбе за улучшение условий труда, не питает к робеспьеровцам никаких теплых чувств. Мелкая буржуазия, лишенная своих вождей: Шометта и Гебера, также не склонна была поддерживать правящую группу. Все вожди революции, поддерживающие интересы городской бедноты, рабочих, подмастерьев (такие, как Ру, Шометт и Гебер), были казнены. Но самое главное: на сцену выступил новый враг власти) — крупная буржуазия (nouveaux risches), воспитанная в атмосфере спекуляции, выросшая вследствие злоупотреблений при военных поставках, нарушения закона о максимуме и т. д. Положение Робеспьера и его сторонников делается весьма непрочным. Продержаться против многочисленных и все растущих врагов можно было некоторое время только путем беспощадного террора. Выражением всех этих условий был закон 22 прэриаля. Смысл его в том, что суд достигает максимальной быстроты делопроизводства, уничтожаются допросы свидетелей, выступления защиты. Суд делается судом без всяких гарантий. Единственным наказанием для всех названных в законе врагами народа делается смертная казнь (Mon., XX, № 264, стр. 694—695).

Действительно, если с окружающими опасностями приходилось бороться столь суровыми законами, значит они действительно были грозны. И не военные победы подготовили гибель Робеспьера, как это изображено у Олара. Его гибель явилась следствием слабости социальных основ его власти. Последнее показали дальнейшие события. Доста-

точно было сорганизоваться оппозиции против Робеспьера из остатков прежде разгромленных групп, радикальных якобинцев, сочувствующих казенным шометтистам и гебертистам, и части «болота», связанных с новой буржуазией, как власть Робеспьера рушится. 9-го термидора Робеспьеру не дали произнести в Конвенте приготовленную им речь. После бурной сцены голосами «болота» и «левых» прошло постановление об его аресте. Попытка Коммуны поднять парижских рабочих и ремесленников против Конвента оказалась безрезультатной. Массы были или равнодушны, или враждебны к пытавшейся поднять восстание группе. Да и могли ли массы, для которых в свое время эта группа сделала очень мало, вождей которых она казнила, подняться в защиту ее?

И не боязнь совершить насилие, как это изображено у Олара, сделала нерешительным Робеспьера (трудно говорить о боязни насилия про Робеспьера, публично защищавшего закон 22-го прэриаля). Эта нерешительность была следствием понимания Робеспьером истинного положения дел и прежде всего понимания того, что восстание, будучи об'явленным, обречено на неудачу.

Так в процессе революции выявились основные этапы в развитии и усилении террора. Террор, вызванный вначале опасностями войны и контр-революции, усиливается вследствие продовольственных затруднений и борьбы за проведение закона о максимуме.

«Максимум» в свою очередь порождает новые экономические затруднения, на почве которых вырастает недовольство масс. Этим недовольством питается борьба внутри самого якобинства. Еще большее усиление террора должно быть приурочено к моменту фракционной борьбы.

Наконец, террор делается беспощадным в момент агонии якобинской диктатуры, когда робеспьеровцы террором стараются укрепить свою пошатнувшуюся власть.

Выше, на основании протоколов Конвента, мы старались также показать, что, вопреки утверждениям Олара:

1) почти все наиболее видные деятели революции провозглашали террор, как средство спасения родины и революции. А в некоторых речах Дантона, Робеспьера и Сен-Жюста определенно высказываются общие мысли о роли террора в управлении государством и о задачах революционного правления.

2) Целый ряд фактов говорит за то, что неорганизованный террор, уличные движения, разгромы жирондистских типографий, выступления городской бедноты, ремесленников и др., требовавших усиления террора, в значительной степени влияли на создание террористических мероприятий.

3) В результате этого требования масс террор был поставлен «в порядок дня», таково выражение многочисленных петиций, подаваемых секциями в Конвент.

4) Материал, которым мы располагаем, дает возможность заключить, что террор во Франции определяется не только войной, он вызывается и многими другими причинами, среди которых первое место

занимает «закон о максимуме». Закон этот, явившийся превоначально следствием войны, принимает вскоре самодовлеющее значение. С одной стороны, власть пользуется террором в борьбе за проведение этого закона, с другой стороны, порожденные им экономические затруднения вызывают недовольство в известной части населения, которое в свою очередь подавляется террором. Эти отношения нашли свое выражение во фракционной борьбе: выступления «бешеных», гебертистов и др. питаются, главным образом, недовольством городской бедноты.

5) Само собой разумеется, что и падение Робеспьера обусловливается не только военными победами Франции, а является следствием коренных социальных изменений, нарождением контр-революционной силы в лице новой буржуазии, разочарования рабочих масс, неудовлетворенных революцией, и так далее.

Попытка Олара уничтожить террор французской революции привела его к явному искажению основных фактов революционной борьбы, а также к искажению взглядов видных деятелей революции.

Нужно было не посчитаться с целым рядом выступлений Робеспьера, Сен-Жюста, Дантона для того, чтобы выставить их противниками насилия.

Но террор французской революции вообще сделался таким вопросом, вокруг которого чаще всего возникали различные «легенды» и искажения фактов. Только другие историки искажали этот вопрос несколько иначе, чем это сделал Олар. Если Олар делает вождей революции безропотными агнцами, не желающими нанести меч над врагом из боязни насилия, то другие чаще всего обращали вождей революции в олицетворение «зверства», в людей, без разбора рубивших головы и знатных и бедняков — и даже чаще всего бедняков. Мы сейчас говорим о той группе историков, которая свою критику террористического режима сосредоточила, главным образом, на деятельности Революционного Трибунала. К этой группе принадлежит и французский историк Луи Блан и ряд наших русских исследователей: Боровой, Тарле и др. Эти историки много пишут о деятельности Революционного Трибунала. Большею частью деятельность суда рисуется ими следующим образом: Революционный Трибунал, призванный для борьбы с контр-революционной знатью и крупной буржуазией, боролся, главным образом, с «мелкотой».

Революционный Трибунал, говорят историки, беспощаден к ремесленникам и рабочим, за малейшее преступление он направляет их на гильотину. Количество «мелкоты», осужденной Революционным Трибуналом, значительно превышало количество знати.

Выше мы подвергли подробному обсуждению и критике точку зрения Олара. Ниже, во второй части статьи, мы рассмотрим взгляды Луи Блана и русских исследователей на деятельность Революционного Трибунала.

Мы остановимся подробнее на жизни революционного суда и на основании протоколов выясним его роль в судьбах «мелкоты».

II. Социальный состав осужденных Революционным Трибуналом [1]).

По вопросу о социальном составе казненных Революционным Трибуналом имеется довольно согласное мнение большинства исследователей, начиная с Луи Блана, кончая русскими исследователями французской революции, Тарле и Боровым, что Революционный Трибунал, особенно в последнюю эпоху своего существования, большею частью разит мелкоту [2]). Вот по поводу этого-то мнения историков нам и хотелось высказать несколько соображений.

Когда изучаешь протоколы Революционного Трибунала, то поражаешься одним обстоятельством, а именно: чрезвычайной неустойчивостью профессий, а вместе с тем известной текучестью социальных группировок, выявленных нашим материалом. В самом деле, революция до основания потрясла весь экономический строй в целом. Старые основы феодального хозяйства были окончательно разрушены, промышленность, торговля потерпели ряд ударов, часть низов, тесно связанная с существованием имущих классов, была также глубоко потрясена экономическим уничтожением имущих слоев населения, но вместе с тем появились новые источники наживы — это, прежде всего, война, различного рода поставки на армию, работы в тех отраслях промышленности, которые были расширены войной, кроме того, неустойчивость финансового аппарата страны давали возможность легкой наживы, путем различных форм ажиотажа.

Все это создавало необычайную неустойчивость профессий; многочисленные примеры этого факта нам дают дела Революционного

---

[1]) При изучении вопроса о социальном составе мы пользовались, главным образом, трудами Wallona «Histoire du tribunal revolutionnire», 1—4 том, и отчасти «Campardon Le tribunal revolut.», 1—2 том. И Валлон и Кампардон пользуются материалами архивов Национального Музея, делами Революционного Трибунала такими, как обвинительные акты, протоколами допроса обвиняемых и свидетелей и приговорами суда. В конце каждого тома в качестве приложения опубликовывается журнал Революционного Трибунала, который перечисляет все дела, решенные в Трибунале за тот или иной день, краткое содержание дела и приговор революционного суда. Валлон добросовестный собиратель всего этого материала. Его четыре тома очень подробно отражают жизнь Трибунала, и в этом смысле Валлон — чрезвычайно ценное пособие. Правда, он мало об'ективен в том смысле, что очень часто проскальзывает его чрезвычайно резкое отрицательное отношение к форме судопроизводства Трибунала, но у нас все же нет основания предполагать, что он искажает находящийся у него документальный материал настолько, чтобы им нельзя было пользоваться. Пользоваться им можно, если принять в соображение то обстоятельство, что мы не собираемся производить детальные исследования о социальном составе осужденных (это весьма благодарная задача, но задача особой статьи), а хотим только высказать несколько соображений и наблюдений, которые напрашиваются при изучении данного материала.

[2]) Последнее Луи Блан высказывает на страницах своей истории французской революции, том XI, стр. 125. О том же см. Боровой „История личной свободы во Франции", т. I, ч. 2-я, стр. 105. На беспощадность судей в деле присуждения наказания независимо от социального происхождения обвиняемого указывает и Тарле в редактируемом им сборнике документов „Революционный Трибунал в эпоху великой французской революции", т. I, стр. 122 т. II, стр. 3 и след.

Трибунала. Перед нами проходит галлерея лиц, обвинения которых основываются на делах, чрезвычайно далеких от их профессии. 4-го апреля судится некий Пьер Боссю. Он—шапочник. Но обвиняется он по недобросовестной поставке сапог, вместе с ним по этому же делу привлекается судья Трибунала Монтарги. Он участвует в поставке сапог, снабжает Боссю своими деньгами. В результате сапоги оказались плохими, и они оба были осуждены Революционным Трибуналом (Wall, т. III, стр. 228). Свободные профессии также не в большом почете. Особенно экономически подавлены художники, картины плохо сбываются. И один догадливый живописец, не долго думая, занялся поставками на армию, и 13-го декабря мы его видим на скамье подсудимых Революционного Трибунала, обвиняющегося за недоброкачественность своей поставки (Wall, т. II, стр. 547). Священник сделал менее удачную карьеру, он делается сельским хозяином и занимается землепашеством. На скамье подсудимых мы его видим, обвиняющегося за нарушение закона о максимуме (Wall, т. III, стр. 464). Таких примеров можно привести очень большое количество. Нотариальный чиновник делается булочником (Wall, т. IV, стр. 59). Некий Николай Шемель, аптекарь-химик, агент по сбору селитры, занимается делами, никакого отношения к селитре не имеющими. Он переправляет серебро эмиграции (Wall, т. III, стр. 434). Эту профессию находит выгодной также каретник и лакей, и притягиваются к суду за снабжение эмиграции французским серебром и т. д. Все эти факты говорят о следующем: 1) об образовании таких социальных прослоек, которые были выбиты из своей обычной колеи, остались не у дел, ищут приложения своего труда и добычи себе средств существования, и, само собой разумеется, большая их часть ищет легкой наживы; стремится приспособиться к выгодной поставке, к какому-нибудь делу, связанному с войной, эмиграцией, к какой-нибудь форме ажиотажа и т. д. Это замечание общего характера. Перейдем к более детальному анализу социального состава тех лиц, преступления которых были зафиксированы в делах Революционного Трибунала. Заметим, что нас, главным образом, интересует именно мелкота. Здесь, прежде всего, выступают дела довольно многочисленной группы лиц, так называемой господской прислуги. Чем можно об'яснить такую странную приверженность к старому этого многочисленного кадра мелкоты? Может показаться, что весь роялизм сосредоточился только у этих людей. Прислуга всячески способствует укрыванию своих господ от суда, она скрывает имущество своих хозяев, она направляется с ними в эмиграцию и, наконец, она проявляет всячески свой роялизм, понося всюду Конвент, республиканцев, Гору. Выкрики: «Да здравствует король, да здравствует Людовик XVII» раздаются, главным образом, из их уст. Обратимся к делам Революционного Трибунала. 23-го декабря судится лакей мадам Дюбарри, некий Дени Морэн, он укрыл от реквизиции ее драгоценности (Wall, т. II, стр. 488). Слуга Генье осуждается Революционым Трибуналом (13-го июня) за то, что он сопровождает своего господина в эмиграцию (Wall, т. IV, стр. 491). 5-го мая судится Лу-

Пьер Савари, лакей Ламбека, его также обвиняют в эмигрировании (Wall, т. IV, стр. 531).

Лакеи, служанки, повара, прачки и домашние портнихи оказываются в рядах самых озлобленных реакционеров. 27-го июня перед Революционным Трибуналом выступает лакей Максимилиан Лемо. Ему вменяются в преступление следующие сказанные им слова. Он доволен, что Дюмурье идет на Париж, он истребит всю партию Национального Конвента (Wall, т. IV, стр. 517). Несколько ранее (12 июня) обвиняется служанка Мария Ланглуа за публичное поношение присяжных священников и Конвента. Она собирает около себя толпу сограждан своей коммуны и, не смущаясь даже присутствием администрации, проповедует, что присяжные священники, выбранные народом, незаконны и к будущей Пятидесятнице должны вернуться старые, что присяжные священники не могут направлять души верующих, что день возмездия должен настать. Все, что делает Конвент, по ее мнению, является достойным только смеха, и она не может признавать законы этих людей. На допросе она держится очень смело. Утверждает, что она религиозна и потому не может признавать священников, поставленных людьми, а не епископом, что Конвент она не признает потому, что от самого бога ей известно, что все его дела не более, как игра детей и т. д. (Wall, т. IV, стр. 172—178). Не менее реакционны и в очень значительной степени привержены к роялизму прачки. 13-го июня на суде выступает Жюли Жермансон, молодая прачка, 24 лет. По донесению полиции она арестована была за то, что на улице кричала «да здравствует король, да здравствует королева», при чем прибавляла, что она не боится гильотины, ибо гильотина поглотила немало порядочных людей (Wall, т. IV, стр. 187). Через некоторое время опять пример такой же приверженности к старому со стороны этих людей. 23-го июня на суде выступает еще одна прачка Мария Коррье. Она была арестована за то, что она открывала окно и кричала «да здравствует король». На вопросы о мотивах такой приверженности королевской власти она отвечала, что ей так нравится, что она всегда говорит «да здравствует король», а потом прибавила, что «чем влачить несчастную жизнь, она предпочитает лучше умереть».

Таких примеров можно было бы привести еще очень много. И все они говорят, прежде всего, что в Париже довольно многочисленный слой господской прислуги, так как у прежних дворян и крупной буржуазии было в обычае держать многочисленный штат этих людей. Этот слой всеми корнями был связан с основами старого порядка. При старой жизни они были экономически даже более обеспечены, чем рабочие, и вели очень легкую, а некоторые,— даже совершенно праздную жизнь. Революция уничтожила все их благосостояние. Часть господ эмигрировала, часть погибла на гильотине, очень многие обеднели, их ждало самое безотрадное существование, нищета. Важно отметить, что это были непроизводительные элементы, не обладавшие достаточным навыком и способностями, чтобы приспособиться к новым условиям. Этим об'ясняется их озлобление против революции, их реакцион-

ность. Характерно, как они проявляют свое отрицательное отношение к революции. Они никогда не поднимают открытого восстания — они слишком трусливы для этого,—но их выступление всегда какой-нибудь выкрик, участие в какой-либо демонстрации. Известно, что роялисты использовали впоследствии эту массу для выступления против революционеров. И в эпоху реакции эта же масса содействует «золотой молодежи» в ее походе против республиканцев (Кунов, «Борьба классов и партий», стр. 44—45).

Близко примыкают к этому слою различные формы ремесл, обслуживающие состоятельный элемент общества: портнихи, парикмахерши. И они появляются в Революционном Трибунале такие же реакционные, такие же роялистичные, как и указанная выше господская прислуга. Большею частью и эти люди следуют за своими господами в эмиграцию. Одна молодая женщина, которую правительственный агент встретил в дилижансе, ему ответила: «Я—портниха, мои заказчики уехали в Германию, и я делаюсь эмигранткой, чтобы быть там, где они» (Кропоткин, «Великая франц. революция», стр. 248). Те, кто остался, мало способствует процветанию республики. 5-го мая в Трибунале разбиралось довольно крупное дело по разбрасыванию прокламаций, призывающих к уничтожению власти Конвента, террора, к восстановлению монархии. На скамье подсудимых три женщины —портниха, парикмахерша и работница в модной мастерской. В одной прокламации парижане призываются к тому, чтобы постараться освободить жертвы из тюрем и уничтожить гильотину. Воззвание кончается возгласом: «Идите к тюрьмам и освободите невинные жертвы». Другое, приписываемое парикмахерше Меланж Энуф, начинается так: «Да здравствует Людовик XVII. Необходимо установление его на троне. Граждане, откройте глаза. Пусть для вас власть злодеев, стоящих теперь во главе управления, будет нетерпима. Направьте свои силы против них, и вы будете счастливы». Третья была привлечена как сообщница этих двух. И все трое были осуждены (Wall, т. III, стр. 382—387).

Так же роялистична и проституция различного ранга. Коммуна организовала поход против домов терпимости, проституции, и, таким образом, революция уничтожила все материальные основы этой группы парижского населения. Здесь вспоминается один трогательный литературный образ проститутки Атенамс в романе «Боги жаждут» Анатоля Франса, так правдиво воспроизведшего эту черту эпохи. Она об'ясняет, почему она сорвала с себя кокарду и закричала: «да здравствует король». «Не потому, чтобы я любила короля,—говорит она,— вы понимаете, что я его никогда не видала и, может быть, он мало чем отличается от других людей. Но эти злы. Они жестоки с бедными девушками. Они хотят помешать мне заниматься моим ремеслом. Но у меня нет другого. Вы, конечно, понимаете, что если бы я знала другое ремесло, я бы не занималась этим». И на скамье подсудимых Революционного Трибунала они появляются необычайно озлобленные, реакционные, роялистичные, также принимающие участие в выкриках «да здравствует король». Возьмем хотя бы некую Мадлену Лекруа, су-

дившуюся 15 июня за то, что она несколько раз повторяла, что она хочет короля, что она желает возвращения короля и его семьи, направляла ругательства против нации и т. д. (Wall, т. IV, стр. 205).

Все те социальные группы, о которых приходилось говорить, являются все же мелкотой, пусть преступной и вредной для республики, но все же мелкотой. Но скоро перед нами выступит уже не мелкота, а та социальная прослойка, для которых уже их профессия является не показательной. Это все те, которые выступают как нарушители закона о максимуме, а также обвиняемые в различных формах ажиотажа и, главным образом, в различных поставках на армию. По своей профессии, по своему социальному составу—это, пожалуй, еще и мелкота — это ремесленники, связанные или не связанные своим производством с той или иной поставкой, фермеры, мелкие торговцы. Но в Революционном Суде они появляются, как целая организация поставщиков, как участники в крупных формах ажиотажа, как лица, занимающиеся торговлей деньгами, крупные ростовщики—это все nouveaux risches, новая буржуазия, жадная и хищная, различными манипуляциями нажившая большие капиталы. Этих людей трудно назвать мелкотой, для них социальное происхождение не показательно. Это—переродившийся слой мелкой буржуазии, правда, вышедший из несостоятельных элементов, но в период революции успевший создать себе капитал на недобросовестных поставках, на ажиотаже, на спекуляции, на различного рода аферах.

Перейдем к более подробному рассмотрению этого вопроса. Прежде всего остановимся на тех группах, которые обвиняются в нарушении законов о максимальных ценах, за сокрытие товаров и т. д. В сентябре 93 г. был издан всеобщий закон о максимуме. И с этого момента в Революционном Трибунале проходит целый ряд лиц, обвиняющихся в том или ином нарушении этого закона.

В качестве нарушителей выступают, главным образом, торговцы, фермеры, крестьяне. 25-го декабря Революционный Трибунал осуждает торговца хлебом Николя Гомо, он укрыл для продажи по вольным ценам 71 ливр хлеба более лучшего качества, чем тот хлеб, который он продавал. Кроме того, он обвиняется еще в том, что он рекламирует хлеб, продаваемый им по вольным ценам, как хлеб своего производства. Революционный Трибунал присуждает его к смертной казни (Wall, т. II, стр. 490). На следующий день другой торговец хлебом был осужден, ибо, по выражению обвинительного акта, «хотел уморить голодом народ» (Wall, т. II, стр. 533). 5-го февраля осуждается один булочник за скупку муки (Wall, т. II, стр. 540). А вот и другой пример продажи по более высоким ценам уже не хлеба, а мяса. Характер разбираемого дела таков: Пьер Монтазе, мясник, и Жан Марке, продавец быков, обвиняются в манипуляции с повышением цен. Мясник оправдывается. Он продавал мясо соответственно тем ценам, по которым он покупал быков, а продавец быков говорит, что он покупал быков по более высоким ценам у скотоводов, ибо поставщики в армию конкурируют с ними и дают более высокую цену на скот. Но его обвиняют в том, что он все же нажил 222 ливра 10 су на каждого быка и, таким образом, мясник по-

терял на своей покупке 424 ливра 19 су и должен был продавать не по максимуму. Продавец быков осуждается, мясник был оправдан (все это дело разбиралось 20 июня) (Wall, т. III, стр. 469). Ссылки на конкуренцию провиантмейстеров мы встречаем очень часто, очевидно, необходимость скорой и массовой доставки провианта заставляла провиантмейстеров отступать от покупки по максимальным ценам, и поставки провианта в армию были особенно выгодным делом, где процент наживы был особенно велик. Есть несколько дел по спекуляции с фуражем. 9-го июня обвиняются 2 крестьянина: Лорсе и Клод Соваж, мировой судья Бартелеми Рюйне, а также один коммерсант в том, что они спекулировали на фураже. Из допроса Лорсе мы узнаем, в чем было дело. Правда ли, говорит допрос, что после распоряжения правительства о доставке по дешевой цене фуража, соломы и овса вы из стремления к наживе продавали фураж по более высоким ценам? Крестьянин утверждал, что одну часть этого фуража он доставил Республике и только остаток из боязни его порчи он продал по цене покупки. Но, несмотря на это утверждение, все трое, кроме мирового судьи, были осуждены на смертную казнь (Wall, т. IV, стр. 490). В другом деле обвиняемые также крестьяне. Но повинны они уже в утайке от реквизиции определенного количества муки. 28 мая разбирается дело 9 крестьян из департамента Сены и Уаза. Они не желали произвести доставку продовольствия и укрыли у себя муку. Кроме того они оскорбили комиссаров, посланных для реквизиции хлеба. Они не отрицают своей вины, и все 9 человек были присуждены к смертной казни (Wall, т. IV, стр. 467).

Уже из приведенных примеров представляется возможным сделать следующий вывод. Закон о максимуме вызвал стремление его обхода и уничтожения среди чрезвычайно разнообразных социальных элементов населения Франции. Спекулируют все: торговцы хлебом и торговцы мясом, поставщики скота, муки и фуража. Спекулируют все, кто только надеется как-нибудь уберечься от всевидящего ока власти. И в виду того, что вся старая буржуазия, торговая и промышленная, была взята под перекрестный огонь надзора, в спекуляции участвует больше всего мелкота. Вспомним доклад Лежандра, который утверждал, что больше всего спекуляцией занимаются даже не сами мясники, а их приказчики, потому что они менее заметны, им легче уберечься от суда, они изворотливее, они значительно более хищники, чем старые торговцы, которые в более устойчивой экономической жизни старого времени выработали некоторое представление о законном барыше. Во всех вышеуказанных примерах фигурирует та же мелкота, это различные торговцы, большею частью булочники, мясники, фермеры, землепашцы. Но эти дела, к сожалению, не дают нам конкретных указаний на то, что эта мелкота уже, в сущности говоря, новая буржуазия. Мы только можем предположить с некоторой долей вероятности, что этот продавец быков, нажившийся на каждом быке 222 ливра, уже успел себе сбить определенный капитал, что он уже типичный представитель новой буржуазии, то же можно сказать про спекулирующих на фураже, но, в сущности говоря, конкретных данных для такого заключения у

нас нет. И в этом смысле значительно более выразительным является тот материал, который нам дают дела Революционного Трибунала по ажиотажу и разным манипуляциям с ценами, а также дела о поставках в армию.

Охарактеризуем, прежде всего, общую политику Конвента в борьбе с обесценением ассигнаций, его декреты, направленные на борьбу с этим обесценением, ибо нарушение этих декретов и дает многочисленные дела Революционного Трибунала. Когда ассигнации стали терять 50, 60 и даже около 80% своей нарицательной стоимости, то такое падение курса не могло не отразиться на товарных ценах, на сокращении покупательной силы бумажных денег и на различную расценку товаров в зависимости от того, производился ли платеж ассигнациями или металлическими деньгами. Тогда Конвент начал вести энергичную борьбу с неблагоприятной для него расценкой ассигнаций частным оборотом. Борьба эта начинается изданием ряда декретов, запрещающих сделки с металлической валютой. Декрет 16 апреля 93 года запрещает продажу звонкой монеты на всем пространстве Республики. Виновные присуждаются к шестилетнему тюремному заключению. Все платежи и сделки между частными лицами производятся ассигнациями. Большие строгости начинаются с сентября месяца. 5-го сентября издается декрет: «все лица, уличенные в отказе принять платежи ассигнациями или в отдаче и в получении их с какой-нибудь потерей, а равно разговор, клонящийся к возбуждению недоверия к ассигнациям, карается смертной казнью» (Mon., XI, № 250, стр. 527). 10-го мая 94 года вновь издается декрет, об'единивший все ранее изданные постановления о действиях, ведущих к обесценению ассигнаций. Смертная казнь грозит по этому декрету также и тем лицам, которые повинны в продаже и покупке металлических денег, а также предлагавшим различную расценку товаров, в зависимости от платежа ассигнациями или монетой. (Mon., XX, № 232, стр. 436).

Эти распоряжения Конвента, а также низкая расценка ассигнации в сравнении с металлическими деньгами привели к тому, что почти вся металлическая монета исчезла из обращения, стала припрятываться населением, а золото и серебро перестали поступать на монетный двор для перечеканки в деньги. Тогда правительство Конвента решило преследовать припрятывание и хранение благородных металлов и ценностей. 13-го ноября 1793 года Конвент постановил конфискацию в пользу республики золота, серебра и всяких иных ценных вещей, которые будут найдены зарытыми в землю, спрятанными в подвалах, скрытыми на чердаках, в стенах, в полу, в печке, в дымовых трубах и т. д. (Mon., XVIII, № 54, стр. 416). Не ограничиваясь этим, Конвент арестовывает всех банкиров, негоциантов, а также биржевых маклеров, подозреваемых правительством в спекуляции. На ряду с этим к ответственности притягиваются все лица, занимающиеся продажей денег или каких-либо других знаков, акций, банковых билетов, могущих конкурировать с ассигнациями. К числу тех же мер относится уничтожение ассигнаций с королевским изображением. Эти ассигнации, напечатанные еще до падения монархии, усиленно накапливались и припрятывались контр-

революционными элементами населения в расчете на быстрое падение республики. Все эти ассигнации декретом от 30 июля лишались законной платежной силы (Mon., XVII, № 213, стр. 278). На ряду с торговцами деньгами превлекаются также лица, наполняющие рынок фальшивыми ассигнациями. Все лица, занимающиеся производством фальшивых ассигнаций, приравниваются к врагам отечества и подлежат суду Революционного Трибунала (Mon., XVII, № 213, стр. 275).

Все многочисленные дела Революционного Трибунала этого порядка и являются отступлениями от вышеупомянутых декретов, варьирущимися самым разнообразным образом. Типичным преступлением этого порядка является скупка и продажа различных акций, конкурирующих с ассигнациями, торговля звонкой монетой, деньгами с королевским изображением, различная расценка товаров, в зависимости от того, расплачиваются ли за товары звонкой монетой или ассигнациями, упрятывание звонкой монеты в ценности, различные формы дискредитирования ассигнаций в речах или каким-либо иным образом и, наконец, производство фальшивых ассигнаций. Наиболее выразительными для постановки нашего вопроса являются торговля как различными акциями, так и звонкой монетой, а также упрятывание звонкой монеты и ценностей. Эти преступления мы будем рассматривать в дальнейшем ходе работы.

И здесь, прежде всего, мы должны будем рассмотреть громкое дело по ажиотажу, связанное с именем барона Баца. Этот интриган, искатель темных приключений, смелый, хитрый, изобретательный, руководит одной организацией, которая занималась ажиотажем и была замешана в целом ряде контр-революционных выступлений. Мы знаем, что эта организация завязала сношения с несколькими депутатами Конвента—Жульеном из Талузы, Делонэ из Анжера и бывшим капуцином Шабо для того, чтобы свободнее можно было спекулировать акциями Индийской компании. Эта спекуляция сводилась к тому, чтобы заставить при помощи хищнических махинаций упасть акции до 650 ливров, скупить в возможно большем количестве по этой цене, а затем успокаивающими приемами поднять их цену до 4000—5000 ливров. Но барон Бац и его сообщники были повинны еще в целом ряде дел. Он обвинялся в том, что пытался освободить Людовика XVI, когда его везли на казнь. С целой компанией он был на бульваре, через который должна была проезжать повозка Людовика XVI, и крикнул: «А мы те, которые хотим спасти короля». Ему инкриминировалось также составление плана освобождения семьи короля из-под ареста, сношения с Питтом, с контр-революционными областями и городами: Вандеей, Тулоном, Лионом, Марселем и т. д., а также целый ряд попыток всякими махинациями уничтожить республику и Конвент. Комитет Общественного Спасения и общественной безопасности об'явил его вне закона, об'явил, что за его выдачу он дает определенное вознаграждение, что он будет беспощадно расправляться со всеми теми, кто знает, где он находится, но скрывает это от властей. Все было тщетно. Барон Бац насмехался над бдительностью полиции. Все знали, что барон Бац жил в Париже. Знали великолепно, где он был, куда он должен был притти, но никогда не знали, где он находится в настоящий момент.

Но, наконец, удалось выследить и открыть его сообщников и помощников во всех его делах. Бац возглавлял обширнейшую организацию, в состав которой входили и бывшие графы, маркизы, английские банкиры, представители артистического мира Парижа. Так, например, ближайшей соучастницей всех дел барона Баца была певица итальянской оперы г-жа Грандмезон. Он содержал агентов всюду: в парижских секциях, в Коммуне, в приморских портах, в пограничных крепостях, в тюрьмах (Л. Б. Х., стр. 236). Удалось открыть и остальных его деятельных помощников. Все свои дела он проделывал при деятельном пособничестве маркиза де-ла Гиш, скрывавшегося под фамилией Савиньона, чиновника Национального Казначейства Дево, его ближайшего секретаря, а также при помощи некоего Корте, торговца овощами в секции Лепелетье, и др. (см. список всех обвиняемых — Wall, IV, стр. 256). Допрос и обвинительный акт дают много улик против Корте. Корте очень часто бывал в Шаронне, принимал участие в азартных играх, которые там производились, был деятельным организатором всех его дел. Барон Бац проживал часто у некоего Русселя, по выражению обвинительного акта, жившего на свои средства на улице Гельветиус или у того же бакалейщика Корте на улице де-Луа, или на даче «Эрмитаж» в Шаронне, принадлежавшей актриссе Грандмезон. Эта дача была центральным местом совещания всей организации. 30 сентября 1793 г. комитет секций Лепелетье пытался его задержать. Сделали обыск у Корте, там его не нашли, но Корте задержали; сделали обыск в Шаронне и убедились в том, что барон только что оттуда исчез. Слуга задержал комиссаров и полицейских агентов на 10 минут, и когда они вошли, барона Баца уже не было. Комиссар опросил садовника Робло, кухарку Ролле, хозяйку Грандмезон, кроме того, гостей маркиза Гише, Мариньона, старого актера итальянской оперы, а также литератора Сартижа. Все знали барона Баца, все его видели в Шаронне, он проводил здесь от 8—14 дней, но в этот день как раз его никто не видел. Секция Лепелетье целый ряд из вышеупомянутых лиц подвергла аресту, часть оставалась под домашним арестом, потом засадили и последних в тюрьму. Так было создано дело сообщников барона Баца (Wall, IV, стр. 256). Мы знаем, что количество его сообщников потом было значительно увеличено. К этому делу были привлечены все его агенты в секции Лепелетье, некий Лафосс, начальник полицейской охраны, несколько полицейских чинов, среди которых бывший живописец Марино, все его агенты в тюрьмах, привлеченных для того, чтобы сорганизовать общение с арестованными. Его сообщником в тюрьмах был некий Эгре, пивовар, Корадес, чиновник, Помье, торговец дровами, купцы, музыканты (Wall, IV, стр. 246). Изучение этого процесса, с точки зрения социального состава его участников,—вещь чрезвычайно поучительная. Новые времена, новые нравы. Бароны и маркизы—все самое блестящее из французского общества, общаются с такими parvenu, как продавец овощей Корте, делают его одним из главных организаторов всех своих дел, не гнушаются и пивоваром и мелкими торговцами; и сам овощник Корте не прочь, в подспорье к своему основ-

ному делу, заняться совсем пустячком, а именно—принять активное участие в самом крупном ажиотаже данной эпохи, в самой крупной организации, раскинувшей сети по всей Франции. Здесь мы наблюдаем трогательное единение разнородных социальных элементов, даже если мы рассмотрим только ближайших сотрудников Баца. Здесь представители старой знати, представители литературной и артистической богемы, чиновники, мелкая буржуазия, одним словом, эта крупнейшая организация, занявшаяся ажиотажем, вобрала в себя представителей всех слоев Франции, перемешала и перепутала все социальные различия, овощного торговца сделала биржевиком, представителя мелкой буржуазии сделала владельцем крупных капиталов.

Не менее показательны все дела по продаже звонкой монеты, ассигнаций с королевским изображением, преступления по укрывательству звонкой монеты и ценностей и тому подобное. Рассмотрим наиболее типичные из всех этих дел. Прежде всего обвиняемые в этого сорта делах выступают небольшими организациями. Дело такой небольшой организации рассматривается 22 февраля. 2 брата Климент и Николай Манжен и Гилльом Жантель обвиняются в продаже звонкой монеты. Их застали на месте преступления, когда они вытаскивали мешок с деньгами. Они оправдываются и говорят, что они желали свою звонкую монету обменять на ассигнации, боясь домашнего обыска и ответственности. Но это слабое оправдание. Декрет о запрещении продажи звонкой монеты был издан еще в апреле, непонятно почему они за целый год не успели избавиться от запрещенной монеты. Революционный Трибунал осудил 2 братьев Манжен и оправдал Гилльома Жантеля (Wall, II, стр. 513). Но пример 2 братьев не устрашил Жантеля. Он опять продолжает заниматься продажей денег. Накрывается опять, его дело разбирается 8-го апреля, и на этот раз он был осужден Революционным Трибуналом (Wall, III т., стр. 471). Но это все же небольшая организация лиц, социальное происхождение которых трудно выяснить на основании журнала Революционного Трибунала. В дальнейшем выступают более крупные процессы по количеству участников. Кроме того социальная физиономия их значительно яснее. Интересное дело рассматривается 17-го апреля. На скамье подсудимых лица, обвиняющиеся в скупке золота и переправке их неприятелю. Их всего пятеро лиц, самых разнообразных профессий. Двое из них полотеры, Мерлин и Симилл, один торговец полотном, некий Анри, один пирожник и один торговец вином—все они обвиняются в том, что они купили 400 золотых монет по 24 ливра каждая для переправки неприятелю. Полотеры, пирожники, торговцы—все занимаются делом, чрезвычайно далеким от своей профессии,—скупкой золота в довольно большом для военного времени количестве — и переправляют его к неприятелю (Wall, III, стр. 474). Нередко в этой махинации участвуют и женщины. 25-го апреля Революционный Трибунал присуждает к 4-летнему тюремному заключению 3-х женщин за продажу и покупку звонкой монеты (Wall, III, стр. 480). 26 июня обвиняются в скупке золотой монеты 12 человек, из которых 2-е слуг, 2-е старьевщиков, 2-е продавцов вина, один ко-

миссионер, один рабочий по выработке изделий из китового уса, один продавец книг, один бакалейный торговец, двое купцов (negociant). Все они обвиняются в скупке серебряных и золотых монет и переправке их эмигрантам. Факт сношения с эмигрантами не был установлен, их судят за скупку монет. Одному из них, слуге Малле Конте, задают такой вопрос: «Покупали ли вы монеты стоимостью в 200 луи и не платили ли вы за них 5900 ливров ассигнациями?» Обвиняемый не сознается в своей вине. Революционный Трибунал осуждает всю группу людей и присуждает их к смертной казни (Wall, IV, стр. 331 и 517). К сожалению чрезвычайно неполный материал допроса, приведенный у Валлона, не дает нам возможности более отчетливо выяснить себе характер обвинения и их доказательность, но само по себе это дело чрезвычайно характерно. Здесь участвует, конечно, мелкота, но для этой мелкоты их профессия уже является мало показательной. Все эти мелкие торговцы, слуги, рабочие, далекие от своих основных дел, ищут легкой наживы, все они втянуты в игру на неустойчивость финансового аппарата страны и все легко и просто наживают довольно большие состояния.

Мы их скоро встретим в числе лиц, зарывающих довольно большие капиталы в землю, ссуживающих деньги в заем в довольно больших суммах и т. д. 1 июня 1794 г. разбирается дело целого ряда лиц, обвиняющихся в зарытии в землю довольно большой суммы денег. В числе обвиняемых следующие лица. Это бухгалтер, счетовод, агент меняльной конторы, продавец ткани и его приказчик. Обвиняется в сущности бухгалтер в том, что он зарыл в землю большую сумму денег, остальные были его сообщниками. Бухгалтер зарыл в землю 12 миллионов ливров. Откуда он их взял? Очевидно, это не остаток от жалования, он их нажил какими-нибудь махинациями, в роде выше упомянутой торговли деньгами (Wall, IV, стр. 471).

Какая-то неизвестная женщина зарывает в погребе большое количество звонкой монеты, серебра различных акций (Wall, IV, стр. 499). Парикмахер оказывается крупным кредитором. Он дает взаймы около 7 тысяч ливров и кроме того у него еще остается 6 тысяч ливров про запас (Wall, IV, стр. 460).

Какой вывод напрашивается на основании рассмотрения всего этого материала? Революционный Трибунал в данном случае боролся уже не с мелкотой. Большинство лиц, дела которых мы рассмотрели, больше по названию своему—мелкота. По названию, это—мелкие торговцы разных типов и рангов, ремесленники, прислуга, но по своему материальному положению эти группы далеко уже отошли и переросли свою социальную сущность. За 5 лет революции этот слой мелкой буржуазии и городской бедноты подвергся значительному перерождению и видоизменению. Многие из них, вытолкнутые революцией из обычных, привычных для них условий жизни, привычных занятий, не сумевшие быстро приспособиться к какому-либо производительному труду, направили свою энергию на непроизводительные занятия и, подталкиваемые жаждой наживы, начинают спекулировать на неустойчивой денежной валюте, на скупке золота и серебра.

Очень многие остались только по названию в пределах своих обычных занятий и профессий. Увлеченные общим стремлением скорого и легкого обогащения они так же оказываются в числе принимающих участие в скупке и продаже звонкой монеты, ассигнаций с королевскими изображениями, а также переправкой звонких денег эмигрантам. А некоторым счастливчикам удается заняться и более крупными делами, сделаться пайщиками и активными участниками крупного ажиотажа, каким, например, было дело, возглавляемое бароном Бацом. Таким был продавец овощей секции Лепелетье, известный уже нам Корте.

Такую же картину, если еще не более выразительную, дают нам все дела о различных поставках на армию, которые мы и педвергнем детальному рассмотрению. Перед нами проходит целая галлерея недобросовестных подрядчиков всякого рода военного снаряжения, провианта, фуража, а также целая армия подрядчиков обуви. Фураж и овес оказываются подмоченными, значительно в меньшем количестве, чем полагается, сапоги оказываются камышевыми, никуда не годными, в меньшем количестве, чем это официально показывается. Революционный Трибунал беспощадно расправляется со всей этой армией людей, приравнивая преступление недобросовестной поставки к контрреволюции и государственной измене. Обратимся к делам Революционного Трибунала. Рассмотрим целый ряд дел по подрядам и поставкам обуви.

2 декабря рассматривается дело по недобросовестной поставке обуви. На скамье подсудимых подрядчик и его сподручник — башмачник. Оба обвиняются в том, что они доставляют на армию плохие сапоги, и оба присуждаются к смертной казни (Wall, II, стр. 162). 22 декабря новое дело по поставке обуви в армию. На скамье подсудимых сапожник, подрядчик на республиканскую армию. Но у него уже целая мастерская с определенным количеством рабочих. Один рабочий доносит на своего хозяина, что он доставляет армии плохие сапоги. Подрядчик попадает под суд и присуждается к смертной казни (Wall, II, стр. 480).

23 февраля к суду были притянуты 11 лиц, обвинявшиеся в недобросовестной поставке обуви на армию. Вся эта партия была оправдана, но для нас это дело чрезвычайно важно, ибо оно показывает, какие социальные элементы начинают заниматься поставками обуви на армию. Из 11 лиц 8 сапожников, 1 мануфактурный торговец, 1 торговец драпом, 1 бакалейный торговец, 1 торговец легкими напитками (лимонадом). Все они начинают поставлять армии сапоги, участвуют в различных подрядах (Emil Campardon. «Le tribunal revolutionnaire de Paris», т. I, стр. 231). 14 апреля рассматривается дело уже однажды упоминавшегося нами Мориссе, судьи трибунала в Монторги, и некоего Боссю, шапочника. Баллон спрашивает, каким образом судья и шапочник могли быть замешаны в это дело? Очевидно, полагает Валлон, подрядом сапог заниматься было выгоднее, чем производством шапок. И жажда наживы толкнула и того и другого на это дело. Судья давал деньги под проценты, а шапочник поставлял сапоги; в результате сапоги оказываются плохими, и Революционный Трибунал присуждает обоих к смертной казни (Wall, III, стр. 228).

17 мая судятся 2 пайщика по одному подряду—некий сапожник Лабортю и его товарищ по поставке. В результате работы двух пайщиков сапоги оказались с из'яном. Они оправдываются, что они произвели такую массовую доставку сапог, это этот из'ян не имеет значения. Но трибунал не принял во внимание их оправдания и присуждает их к смертной казни (Wall, III, стр. 494).

13 июня рассматривается дело одного портупейного мастера, который также решил заняться поставкой сапог на армию и привлекается за недобросовестность поставки. Он оправдывается, говорит, что количество плохих сапог чрезвычайно невелико, всего—60 штук на 8 или 10 тысяч. Но это уже было такое время, когда никакие оправдывания не принимались во внимание. Злополучный портупейный мастер был присужден к смертной казни (Wall, IV, стр. 490).

И, наконец, 24 июня рассматривается дело целой организации поставщиков обуви. Жак Тиеболь, комиссар полиции, уполномоченный по снабжению, Жан Боликур, чиновник по сбору пороха и селитры, и Клод Перре, сапожник. Тиеболь отдавал приказания, Жан Боликур был посредником, Перре исполнителем, и в результате сапоги оказались плохими. Кто виноват? Каждый приводит что-либо в свое оправдание. Перро говорит, что он еще не все сделал. Боликур полагал, что все обстоит благополучно. Тиеболь знал, что были плохие сапоги, и в свое время докладывал об этом. Последний был оправдан. Все же остальные были осуждены (Wall, IV, стр. 509).

Не будем фактами загромождать изложения. Картина довольно ясна и выразительна. Подряды всех свели с ума. Кто только не втянут в это дело? И судьи, и портупейный мастер, и бакалейщик, и шапочник, и мануфактурный торговец, и целая армия сапожников—все поставляют сапоги на армию, и большинство проворовывается. И социальная физиономия этих людей также представляется довольно ясной. Оставаясь мелкотой по названию (сапожник, бакалейщик, шапочник), это уже далеко не мелкота. Это все большею частью подрядчики, производящие массовую поставку сапог, организующие целые компании по поставке, иногда с участием посредников, имеющих мастерские с рабочими и т. д. И мы знаем по опыту нашей войны и революции, с какой быстротой на этих поставках наживают колоссальное состояние. Вчерашний бедняк сегодня оказывается богачем. Точно такая же картина в доставке фуража. Провиантмейстеры проворовываются, необходимый фураж не доставляется, ставятся большие количества израсходованного фуража, а остатки продаются в пользу заинтересованных лиц, различных военных чиновников и т. д.

11 июля провиантмейстер судится за недоставку должного количества продовольствия для армии (Wall, IV, стр. 487). Вместо вина в армию направляется почти что вода (Wall, IV, стр. 490). Доставляется недоброкачественное сено (Wall, II, стр. 506). Чиновник, ведающий переправой быков в армию, ставит в расход 100 возов сена вместо 50 (Wall, IV, стр. 162). Доставкой фуража начинают заниматься лица, никакого отношения к фуражу не имеющие. 28 апреля судятся за не-

добросовестную поставку фуража двое рабочих—один ткач, другой сапожник (Wall, III, стр. 482).

Та же недобросовестность и воровство наблюдаются в деле доставки орудий, лошадей, экипажей. 17 декабря судится некий Верле за недобросовестную поставку обоза и лошадей. По удостоверению свидетелей не было доставлено достаточное количество фуража, а кроме того вместо 1022 указанных лошадей было доставлено только 887 лошадей (Wall, II, стр. 488).

21-го февраля судится военный комиссар за недоставку лошадей для республиканской артиллерии (Wall, т. II, стр. 010). Орудия, доставленные в армию, оказываются непригодными для стрельбы, вследствие недобросовестности поставщиков. 24-го января судится некий Каррет за доставку плохих пушечных лафетов. Доставка провианта в армию затрудняется вследствие того, что обычные экипажи не действуют. А не действуют они потому, что их в армию доставляют никуда не годными. 11-го июня один такой недобросовестный поставщик экипажей попадает на скамью подсудимых. Он судится за то, что он доставлял экипажи с плохими колесами. Таких фактов очень много зафиксировано в делах Революционного Трибунала.

Рассмотрение дел Революционного Трибунала за вторую половину его существования (все факты взяты, главным образом, начиная с декабря 93 года по июль 94 года), касающихся, главным образом, мелкоты, убедило нас в том: 1) что довольно большое количество дел Революционного Трибунала касается мелкоты, по своим социальным корням тесно связанной со старым строем и действительно проявляющей необычайную роялистичность и реакционность (таков многочисленный слой господской прислуги; 2) очень большое количество дел Революционного Трибунала касается мелкоты, которая уже давно не мелкота, а определенный слой крупной буржуазии, вышедший из несостоятельных элементов, но на поставках, на ажиотаже успевший создать себе большие состояния.

Этот вывод делается очевидным из анализа имеющегося у нас материала. Революционный Трибунал, главным образом, борется с новой буржуазией, окрепшей в процессе революции.

Этим мы и заканчиваем рассмотрение социального состава осужденных Революционным Трибуналом.

Нам еще остается сделать несколько замечаний по вопросу о руководящих принципах революционного суда при определении наказания.

При рассмотрении протоколов Революционного Трибунала, естественно возникает вопрос о принципах его деятельности и, в первую очередь, о наличности классового принципа в судопроизводстве революционного суда. В самом деле, принималось ли во внимание социальное происхождение обвиняемого при определении наказания или этот принцип не является руководящим в деятельности революционного суда? Не вдаваясь в большие детали, можно положительно утверждать, что дворянское происхождение и знатность играли решающую роль в судьбе обвиняемых. Знатные люди за малейшее преступление отправлялись на гильотину. Был ли революционный суд более милостив по отношению

к ремесленникам, рабочим и т. д.? Не смягчалось ли наказание только в зависимости от социального происхождения этих лиц?

К сожалению, имеющиеся у нас протоколы Революционного Трибунала не дают нам конкретного материала по данному вопросу. Но некоторые декреты Конвента определяют руководящие принципы в деятельности революционного суда и других органов революционного правительства. И эти декреты дают санкцию революционному суду смягчать наказания, если обвиняемые ремесленники или рабочие.

С этой точки зрения любопытен декрет, изданный Конвентом 9-го июля 94 года, любопытны также все обоснования этого декрета.

9-го июля Конвент постановляет временное освобождение тех из подозреваемых, которые живут в деревнях, местечках и общинах, где число жителей не более тысячи двухсот человек, и принадлежат к классу земледельцев, поденщиков, жнецов, пивоваров и ремесленников. Исключение составляли только те, которые были заключены, как соучастники в преступлении государственной измены (Мон., XXI, № 293, стр. 184). Докладчиком по поводу этого декрета от имени Комитета Общественного Спасения и общественной безопасности выступает Вадье и произносит речь, в которой восхваляет доблести этих людей: «Дело идет здесь о людях,—говорит Вадье,—которые обладают республиканскими добродетелями, терпением, любовью к труду и которые введены в заблуждение аристократами, фанатиками, искателями мест... Народ всегда прав»—заключает Вадье.

Далее он определяет точно, кого он считает необходимым подвергнуть освобождению.

«Мы хотим освободить хлебопашцев, рабочих физического труда, руки которых покрыты мозолями, тех, которые обрабатывают сами землю и открывают нам ее сокровища, и, наконец, тех, за счастие которых мы должны пролить последнюю каплю крови. Конечно, мы думаем, что освобождению не должны подлежать люди, запятнавшие себя преступлениями государственной измены. Нужно исключить также тех, которые оказались способными на постыдное предательство, покровительствовали эмиграции, сдавали французские территории неприятелю».

Далее он указывает на то благодетельное значение, которое будет иметь отпуск на свободу всех этих лиц. «Есть очень много коммун, в которых есть арестованные граждане, но население этих коммун не превышает 500 человек. Большое количество этих граждан сможет возвратиться к обработке своих полей» (Мон., XXI, № 293, стр. 183).

Провинциальная администрация, говорит далее Вадье, не всегда с достаточным основанием направляет арестованных в Революционный Трибунал. Необходимо, чтобы Комитет Общественного Спасения и Общественной Безопасности контролировал действия администрации и в случае, если аресты производились без достаточных оснований, освобождал бы потерпевших. Он предлагает декрет, который в последней редакции гласит следующее:

1) Земледельцы, поденщики, жнецы, ремесленники и мастеровые деревень, городов, общин, население которых ниже 1200 жителей и

которые задержаны, как заподозренные, будут временно освобождены, с момента вступления в силу декрета.

2) Освобождению не подлежат те, которые обвинялись в вооруженных действиях против республики, а также те, кто способствовал вступлению врагов на территорию и обвиняются в государственной измене. Далее декрет указывает, что конвентским комитетам разрешается освобождать преступников, преданных революционному суду местной администрацией (Мон., XXI, № 293, стр. 184). Данное постановление в высшей степени любопытно. Оно показывает, что в вопросах о наказании социальное происхождение принималось во внимание: целые группы лиц освобождаются только на основании социального принципа.

Интересна также та позиция, которую занял в этом вопросе Робеспьер. В тот же день, когда был издан вышеупомянутый декрет, Робеспьер произносит речь в Якобинском клубе, в которой он отмечает неправильность некоторых арестов. Революционное правительство, говорит Робеспьер, издало весьма благодетельный декрет, поставивший на очередь дня трезвость и добродетель. Но что же делают люди, надевшие на себя маску патриотизма. Они оставляют на свободе аристократов и арестовывают бедных граждан. Такое истолкование декрета только способствует происками аристократии. Так революционные комитеты, призванные для того, чтобы бороться с аристократией, нередко арестовывают бедных ремесленников, добрых граждан, повинных только в том, что они в праздничный день выпили лишнее. Несомненно, пьянство болезнь, от которой нужно лечить людей, но тем не менее как преступна деятельность лже-патриотов, которые проявляют такую нетерпимость к народу и вместе с тем благосклонны к аристократам. И он требует освобождения ремесленников, арестованных за пьянство (Мон., XXI, № 300, стр. 239).

И декрет и выступление Робеспьера в защиту ремесленников показывают, что и Конвент в целом и также видные вожди революции стремились смягчить наказания, когда шел вопрос о мелкоте, о ремесленниках и рабочих. И данные факты только подтверждают выводы, сделанные на основании исследования протоколов Революционного Трибунала. Утверждения исследователей, говорящих, что Революционный Трибунал разил в эпоху революционного правительства, главным образом, мелкоту, противоречит как принципиальной постановке этого вопроса в Конвенте, так и практическому разрешению его в революционном суде. Как видел читатель, из многих разобранных дел революционного суда последний под видом мелкоты чаще всего разил крупную буржуазию. Что же касается принципиального разрешения вопроса в Конвенте, то последний является скорее защитником обвиняемой «мелкоты», чем грозным карателем ее.

В настоящей работе была сделана попытка рассмотреть террор в процессе нарастания и усложнения революционной борьбы. Каждый новый этап выдвигал и новые опасности для диктатуры мелкой буржуазии. Новые опасности вызывали еще большее усиление террора. Вначале власть мелкой буржуазии энергично борется с нашествием европейской коалиции и с контр-революцией внутри страны. Стихийно, отбиваясь от этих опасностей, она применяет террор. Но в дальнейшем террор делается осознанным методом борьбы, применяемым при каждой новой угрозе ее существованию. Революционная борьба осложняется вследствие продовольственных затруднений, усиливается террористическая политика власти. Начинаются выступления враждебных фракций, и здесь диктатура применяет террор. Наконец, террор сделался самым решительным средством борьбы с растущими врагами диктатуры в эпоху ее агонии, когда диктатура в терроре видит единственное средство для своего спасения.

Но в этой же работе была сделана попытка показать, что террор определялся той социально-экономической обстановкой, в которой пришлось действовать диктатуре мелкой буржуазии, выросшей на грани дворянской монархии и буржуазной республики и принужденной бороться как с феодальной знатью, так и с крупной буржуазией, со старой, и с новой, народившейся уже в эпоху революции.

Р. Авербух.

ИСКУССТВО И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ.

Проблема искусства является сложной и боевой проблемой. У Богданова она получает разрешение с организационной точки зрения, которая в дальнейшем подвергается нами критическому освещению под углом зрения марксистской методологии.

Вопросы искусства занимают видное место в работах Богданова. Монизм богдановской концепции и здесь оказывается выдержанным, и искусство попадает, как и все остальное, в сферу организационного опыта, который и «есть—весь наш опыт». Проблема искусства, которой Плеханов уделил столь видное место, бесспорно заслуживает самого острого внимания. Искусство, как одна из форм идейного творчества, являясь наиболее непосредственным отражением общественных отношений, способно наиболее полно ввести нас в социальную драму и выявить с наибольшей наглядностью развертывающиеся в ней сцены. Познание действительности и ее изменений находит в искусстве свое мощное орудие. Основным вопросом искусства является вопрос об отношении его к общественной жизни. В свете марксистской методологии ответ на вопрос о сущности искусства гласит,—искусство есть эмоциональное отражение общественных отношений в образах. Социальный процесс происходит диалектически, т.-е. движется противоречиями. В диалектике общественного процесса следует искать разгадки художественного сфинкса. Этот сфинкс останется неразгаданным, если искать решение в идеологических принципах.

Гегель, говоря о прагматической истории, имеющей своей целью моральное поучение, замечает вполне справедливо, что она бесцельна и бесплодна. Это вполне применимо к эстетике. Плеханов впервые осветил эстетику с точки зрения материалистического понимания истории, и в его работах об искусстве движение последнего, следуя железной логике бытия, или вернее, его диалектике, выступает в своей закономерности, которая есть лишь рефлекс закономерных процессов общественной жизни. Плеханов, разделяя положение Спинозы о моральном и эстетическом об'ективизме, не признавал за научной эстетикой элемента долженствования и права на предписания и ограничивал ее задачу наблюдением над возникновением различных течений и тенденций в различные исторические эпохи. Освещая искусство на фоне тех общественных отношений, на котором оно только и вырастает, он без идеологических натяжек вскрыл его классовые оттенки. Плеханов, несмотря на отчаянную борьбу, которую он вел против всевозможных попыток биологизировать исторический процесс, однако, был

настолько свободен в своих определениях, что в законных рамках всегда допускал биологизм, если он не выходил за известные пределы. Но допуская, что эстетическое чувство имеет свое основание в борьбе организма и вида за жизнь, т.-е. в основах биологии, он все же самым решительным образом подчеркивал, что биологизм беспомощен об'яснить различные явления в развитии искусства, что только при помощи материалистического метода можно понять, почему «у охотничьих племен господствует орнамент, заимствованный у животного мира, а у племен земледельческих, напротив, орнамент, взятый из растительного мира». Плеханов, прежде всего, стремился об'яснить формы сознания из форм бытия. С этой точки зрения, Плеханов стремился в эволюции искусства найти определяющие факторы, чтобы под их углом понять те его колебания, которые при посредстве идеологических ухищрений могут лишь быть затемнены. Только в общественных отношениях он ищет освещающих причины тех причудливых зигзагов художественной эволюции, которые в этом освещении приобретают закономерный характер.

Если наука стремится овладеть причинным механизмом вещей, то Плеханов бесспорно был прав, когда он стремился понять эволюцию искусства на основе общественной эволюции. Но для Плеханова, изучавшего явления идеологического порядка, с точки зрения материалистического понимания истории, принципы вытекали, как абстракция от тех общественных отношений, которые составляют поле исследования, способное приносить плоды. Если же мы обратимся к Богданову, то пред нами предстанет зрелище совершенно другого порядка. Принципы у Богданова выступают, как верховное мерило вещей. «Пролетарская поэзия,— говорит Богданов,— прежде всего п о э з и я, определенного р о д а искусство». (Искусство и рабочий класс (стр. 1). Сказать, что пролетарская поэзия. есть прежде всего поэзия, равносильно тому, что ничего не сказать. Разве поэзия Бодлера или Данта не есть поэзия? В этом определении сказывается лишь перемещение центра тяжести в область формальных отвлечений, в прокрустово ложе которых должна умещаться действительность. Научная эстетика, а именно марксистская, стремится об'яснить ход идей ходом вещей. Указанное же определение пролетарского искусства у Богданова, поражающее своей формально-логической природой, оказывается совершенно негодным, являясь бессодержательным и убогим. Тэн, например, был эстетиком-идеалистом. Однако, у него эстетические суждения пропитаны социологическим содержанием. Правда, перед Тэном, как перед идеалистом, вставали противоречия, которые он не был в состоянии разрешить. Это, однако, не мешает оставаться его рассуждениям об искусстве чрезвычайно содержательными в смысле их конкретности, они связаны с его социологическим анализом среды, ярко оттеняющим классовый характер искусства. Тэн понимал, что новая великая идея о природе и жизни, вложенная в умы какого-либо века, «вложенная таким образом, чтобы они (умы), ее прочувствовали, отдались всем сердцем и всеми силами воссоздали ее», обусловливая потребность в своем выражении, побуждает к изобретению форм искусства и целых групп и

фигур и оборотов речи. Такое понимание, понятно, не верно, так как новая идея сама есть результат новых потребностей, связанных с материальным процессом производства и получающих идеологическое оформление. Но, однако, формальная сторона его идеологического понимания нередко уживалась с довольно правильным освещением эстетической эволюции в связи с под'емом или падением общественной жизни, или вернее, определенного общественного класса, сопровождавшимся соответствующими колебаниями в научной и художественной областях.

Богданов же, находящийся всецело во власти организационного призрака, стремится без разбору подгонять к последнему все явления природы и жизни, не обращая внимания на имманентный процесс их развития. Дав указанное определение пролетарской поэзии, Богданов продолжает: «Нет поэзии,— как, вообще, нет искусства там, где нет живых образов. Если таблицу умножения, или законы физики изложить в каких угодно гладких и отделанных стихах, это не будет поэзией, потому что отвлеченные понятия—не живые образы». «Нет поэзии, как и, вообще, искусства также там, где нет с т р о й н о с т и в сочетании образов, взаимного соответствия и связи между ними—того, что называется организацией. Прежде всего неверно, что научные законы нельзя выражать в поэтической форме. Разве поэма Лукреция не поэтична, а между тем в этой поэме дается поэтическое выражение отдельным идеям Эпикуровой комогонии. Известно также, что Гете был большой мастер выражать отвлеченные идеи в весьма совершенной поэтической форме. Меринг, говоря о поэзии Фрейлиграта, замечает, что «внутренний смысл грандиозной фантазии «Калифорния» освещается, например, ярким светом только тогда, когда сопоставишь ее с тем, что Маркс сказал об открытии золота в Калифорнии, с исторической и экономической точки зрения. В этом не следует видеть упрека Фрейлиграту; напротив, что бы ни говорили о поэтической риторике или риторической поэзии, рифмованное слово, размерное следование слогов знает более высшие задачи, чем возбуждать неясное ощущение в слушателе или нравиться его ушам».

Но, с точки зрения Богданова, открытие золота в Калифорнии, как экономическое и историческое явление, не может быть выражено в поэтической форме, так как здесь дело идет об отвлеченной экономике. У Богданова, в конце концов, все сводится к организованности. «Искусство—организация живых образов», поэзия—организация живых образов в словесной форме». Образы организованы в «Антигоне» Софокла так же, как и в «Гамлете» Шекспира, «Фаусте»—Гете, новейших художественных произведениях (Верхарн, Джек Лондон, Синклер). Но способен ли критерий Богданова об'яснить что-нибудь в данном произведении? Способен ли он вскрыть его художественное содержание и идейную ценность? Являются ли, например, «Цветы зла» Бодлера, отражающие социальную реакцию, менее организованными, нежели его «пирушка тряпичников», где он увлекается рабочим движением? Разве поэзия Оскара Уайльда, поэзия аморального эстетиз-

ма, менее «организована», нежели поэзия Диккенса, где сквозь феерию художественных образов пробивается яркая этическая струя? Может ли пролить этот идеологический критерий хоть слабый свет на историю искусства, которая должна быть освещена на почве того общественного бытия, которое определяет его во всех его оттенках и видах? Искусство, как форма идеологического творчества, рассматриваемая с точки зрения материалистического понимания истории, дает, с одной стороны, свидетельство о том классе и его социальной психологии, идейным выражением которой она является, а, с другой стороны, выявляет свою идейную ценность с точки зрения того социального содержания, которое получило в нем свое идеологическое выражение. Если буржуазное искусство конца XIX и начала XX века индивидуалистично (Ибсен, Гамсун, Гауптман, Пшебышевский, Ведекинд), то это еще не значит, что оно неорганизовано, что его образы лишены эстетической стройности, находятся в безформенном и хаотическом состоянии. Но это означает, что образы этой поэзии, благодаря узости той сферы, в которой проявляется их действие, не могут иметь той эстетической полноты, которая выражается в способности производить мощную социальную эмоцию, определяющую эстетическую ценность данного художественного образа (Гюйо).

Плеханов говорил, что буржуазия не способна оживить свое искусство. Но не метафизические принципы руководили данным его суждением, а исключительно материалистический критерий общественности. Крайний индивидуализм буржуазного упадка закрывает от художника все источники истинного вдохновения. Он делает художника совершенно слепым по отношению к тому, что происходит в общественной жизни и осуждает его на бесплодную возню с совершенно бессодержательными личными переживаниями и болезненно-фантастическими вымыслами. В окончательном результате такой возни получается нечто, не имеющее никакого отношения к какой бы то ни было красоте. Но что может в данном случае говорить организация? Индивидуализм буржуазного искусства отражает упадочность класса капиталистов, потерявшего свою творческую инициативу в производственном процессе, задачи которого для него неисполнимы. Художественные идеологи буржуазии, всецело пропитанные ее настроением, далекие от революционных стремлений пролетариата, который в своей революционной борьбе потрясает капиталистический строй, сосредотачиваются на переживаниях индивидуальной психики, внутреннем мире, лелея созерцательные, мистические, половые и всевозможные другие экстазы самодовлеющего «я». Организованность или неорганизованность сами по себе слишком отвлеченны и метафизичны, чтобы они могли проливать свет на явления идеологического характера, а в данном случае на тяготение к индивидуально-обособленной психике, возникающее в условиях классовой борьбы; и вот Богданов для об'яснения индивидуализма обращается не к данным общественным отношениям в их конкретной исторической обстановке, а к вечному антагонизму организации и специализации, которая является источником и носителем всевозможных зол и бедствий.

Индивидуализм является, по мнению Богданова, продуктом специализации—второго разрыва трудовой природы человека, последовавшего за первым и основным разрывом—организатора от исполнителя. Если взять классические произведения буржуазного индивидуализма, то психология выводимых там персонажей совершенно необ'яснимая, с точки зрения организации и специализации, вполне уясняется, обращением к социальной психологии, присущей буржуазии на данной стадии ее развития. Богдановский принцип, несмотря на свою насильственную притягательность, оказывается чрезвычайно пассивным в деле подлинного об'яснения содержания литературного образа; художественное содержание и социальный генезис, таким образом, могут быть только затемнены. Так мы у Уптмана встречаем индивидуалистический апофеоз смерти. «Смерть—скажете—нечто великое. Смерть возвышает. Смерть также кротка, как и любовь. Слушайте, смерть оклеветали. Это—злейшая ложь в мире». (Художник Крамер). Но апофеоз смерти мы находим и у Шопенгауэра и у Леопарди, и в философии индусов, где он выступает в различных вариациях. Неужели же все разновидности этого индивидуалистического апофеоза смерти уясняются при помощи одного слова: специализация. Конечно, нет. Как у Шпенглера различные фазы искусства являются порождениями души в различные ее возрастные периоды, в которых они становятся действительностью (вся всемирная история Шпенглера есть «некоторая духовная возможность»), так и принцип специализации выступает у Богданова, как возможность всякого рода социальных диссонансов.

Эволюцию искусства освещают, понятно, не бессодержательные слова: организация и специализация, а диалектика общественного развития, вскрываемая при посредстве материалистического понимания истории. Социальная диалектика об'ясняет и освещает индивидуализм, его генезис, его развитие и его падение. Организация является пустым словом, как и специализация, когда претендует на познавательное значение и практическую действенность в любой сфере действительности, не подвергнутой познавательному исследованию в ее процессе и ее многогранной конкретности. Ибо только познание действительности в ее диалектическом развитии, давая верное изображение, чревато также возможностями практического воздействия на эту действительность, таит также верные тактические лозунги, способные направлять революционный класс и руководить его борьбой. Индивидуализм, понятно, не переживает никакого потрясения, если он будет заклеймен как продукт принципа специализации. Но индивидуализм в его самодавлеющей, изолированной замкнутости, изживается с определившим его общественным бытием, которое и подлежит осознанию, как социальный источник индивидуализма, преодолеваемый диалектикой истории. Искусство XIX века становится резко индивидуалистическим, доводит до последних пределов культ формы, так как при общем распадении оно также должно сосредоточиваться на самом себе, блуждать в эстетических спекуляциях, удовлетворяя требованиям взвинченного инди-

видуального вкуса. Художник замыкается в своей мастерской, и его жизнь и художественный стиль превращаются, по выражению Гаузенштейна, в род эстетической Робинзонады, которая не способствует расцвету искусства, а парализует его силу, подавляет его размах. Анархия производства в буржуазном обществе и господство стихийного начала обезоруживают даже даровитого художника, создают как бы «трагедию», вызванную господством индивидуалистического принципа. Создается та трагедия, отпечаток которой лежит и на творчестве таких корифеев Ренессанса, как Леонардо-да-Винчи, у которого, как замечает Гаузенштейн, катастрофа получает форму интеллектуальной иронии над смелым предприятием индивидуума, который дерзает с риском для себя заклинать духа земли. Но трагедия Леонардо, однако, была связана с гигантской мощью его творческой индивидуальности, которая, с одной стороны, не умещалась в творческих рамках своего времени, т.-е. окружавшей его общественности, а с другой,—не могла и переступить за эти рамки. Отсюда и трагедия Леонардо и его интеллектуальная ирония над дерзанием индивидуальности.

Индивидуализм, господствующий в эпоху буржуазного упадка, сказывается уже несравненно более болезненно на даровании. Гаузенштейн иллюстрирует это влияние на скульптурных работах Родена, «принужденного концентрировать свои силы на отдельных произведениях с округленной пластикой, которая ни к чему не прислоняется, которые одиноко стоят в пространстве с грубым самообузданием или напротив с бурной экспансивностью, но во всяком случае—теряясь». В данном случае трагедия творчества становится уже трагедией растерянности, которая у Леонардо не имела места. Но диалектика общественного процесса в лице ее прогрессивного носителя, пролетариата, простирающего свое художественное влияние на все ветви социального и культурного творчества, несет этому самодавлеющему индивидуализму неотвратимую смерть. Гибель эту несет ему не торжествующий принцип организации, празднующий свою победу над принципом специализации, его несет пролетарская революция, которая, расчищая дорогу к общечеловеческой культуре, расчищает ее также и для монументального искусства, атрибутом которого является уже не беспомощная растерянность, а мощная и уверенная общественность. Но пролетарская революция в мировоззрении Богданова есть совершенно ненужная вещь. Образование классов у Богданова есть не образование социального антагонизма, характеризуемого в первую очередь, как отношение эксплоатации и угнетения, а основной разрыв трудовой ингрессии, состоящий в обособлении организатора и исполнителя, отношение которых есть отношение руководства и выполнения. Какая идиллия. «В машинном производстве,— говорит Богданов,—впервые происходит срастание основных разрывов трудовой природы. В нем «рабочие руки» не просто руки, работник—не пассивный механический исполнитель. Он подчинен, но он управляет железным рабом—машиной». («Искусство и рабочий класс», стр. 19). Как видите, возврат к первобытной идиллии, срастание основных розрывов трудовой природы или, выражаясь яснее, уничто-

жение классов, осуществляется уже автоматически в процессе машинного производства, в котором исполнитель-рабочий становится также организатором-управителем. Машины творят историю, хотя для создания революции они, повидимому, слишком гуманны. Подобное срастание трудовых разрывов, как автоматическое уничтожение классов, в понимании Богданова говорит ясно о том, сколь мало общего имеет с пролетариатом «пролетарское» мировоззрение и «пролетарская» культура Богданова.

Искусство, как мы уже знаем, есть для Богданова организация живых образов. Где лежит начало поэзии, начало этой организации? Маркс говорит, что способ производства определяет социальный, политический и духовный процессы жизни, вообще. Художественная идеология в обществе, разделенном на классы, коренится в конечном счете в способе производства и обмена, в экономической анатомии, которая через общественное сознание кристаллизируется в общественной идеологии. Социальная психология всегда является необходимым посредствующим звеном при переходе от экономической структуры к монолитному облику всей строго определенной истории. Социальная психология выражается в тех «конкретных и точных умах, которые знакомят нас или с тем, какими были в действительности римские плебеи определенной эпохи, флорентинские ремесленники того периода, когда вспыхнуло движение Чиомпи, или с тем, какими были французские крестьяне, когда среди них, по выражение Тэна, в 1789 году самопроизвольно зародилась анархия и когда они, став свободными тружениками и мелкими собственниками или кандидатами на обзаведение собственностью, быстро превратились в победителей над иноземцами и в автоматическое орудие реакции» (Лабриола). Идеология данного класса связана с его психологией, которая в свою очередь связана с его ролью в производственном процессе. Черты классической французской трагедии нельзя, разумеется, понять, если оставить без внимания социальную психологию того класса, настроение, вкусы и потребности которого она изображает. Если ее основные черты заключаются в том, чтобы нравиться вельможам и придворным, чтобы «смягчить их силу, которая по самой природе часто грубовата, не выводить на сцену убийств, удалять неистовства и насилия, драку, смерть, крики, вопли» (Тэн), то это становится понятным, если видеть в ней создание аристократии. Определенное течение в искусстве связано с социальной психологией того класса, который находит в нем свое отражение. Для Богданова социально-исторический генезис искусства безразличен, так как оно организует человеческую жизнь и ее силу «совершенно независимо от того, ставит ли гражданские задачи или не ставит», т.-е. является ли оно реакционным или революционным, независимо от его социальной подкладки. Вместо того, чтобы исследовать социальные условия, при которых возникает теория чистого или гражданского искусства. Богданов, исходя из организационной роли искусства, отбрасывает обе теории, не вдаваясь в изучение их социального источника и классовой основы.

Совершенно верно полагает Богданов, что нет надобности навязывать искусству какие-либо задачи. Но, во-первых, если искусство ставит себе известные задачи, то нужно исследовать те социальные условия, при которых эти задачи возникают, и, во-вторых, прав был Плеханов, когда говорил, что «всякий сколько-нибудь значительный художественный талант в очень большой степени увеличивает свою силу, если проникается великими освободительными идеями нашего времени». А если это так,—а это так бесспорно,—то подобное безразличие отвечает эклектическому характеру концепции Богданова и лишь в таком смысле выдержано и состоятельно.

Где начало поэзии? Начало поэзии вообще, с точки зрения Богданова, лежит в трудовых криках, которые «об'единяли усилия работников, придавали им стройность, ритмическую правильность и связность». Однако, самые трудовые крики нуждаются в об'яснении, именно, ритмический характер этих криков. Дело в том, что в первобытной поэзии слово и мелодия проявляются одновременно и одно без другого невозможно. Существенным в этом двойственном образовании является ритм. Откуда же происходит этот ритм? «Ни один язык,—отвечает Бюхер,—насколько простираются мои познания, не строит сам себе своих слов и предложений ритмически. Если же это и замечается в обыкновенной речи, то это простая случайность и обыкновенно ускользает от нашего внимания. Поэтому совершенно невероятно, чтобы люди на основании простого изучения языка могли прийти к тому, чтобы измерять и сочетать слова и слоги по количеству или по силе тона, располагать повышение и понижение на одинаковом расстоянии, одним словом, придавать ему форму по определенному ритмическому закону. Так как поэтический язык не мог произвести ритм из самого себя, то он должен был его заимствовать извне; тем легче допустить, что ритмически-расчлененные рабочие движения могли сообщать образной речи законы своего следования, что соответствуют и общей склонности человека сопровождать свои движения при тяжелой работе звуками речи». Первобытные песни, по мнению Бюхера, соединены материально с работой и сопровождающими ее условиями, так что ритм, неизменно данный в песне, дан самой работой; следовательно, дело не в трудовых криках, ритмичность которых подлежит еще об'яснению, а в производительных процессах первобытного человека, производящих все роды поэзии, мифический, эпический и драматические элементы, которые появляются всюду, «где в работах с равным тактом передовой рабочий (запевало) чередуется в песне со своим помощником (хором)». Работа становится источником ритмической поэзии по той причине, что телесное движение «побуждало само перенести отношение своей меры на сопровождающие его звуки или слова вследствие того, что слово с ударением всегда совпадало с моментом высшего мускульного напряжения». Бюхер дальше указывает на мельничные песни, которые сопровождали единообразную работу размалывания зерен на ручной мельнице, как на особо чистый тип песен с рабочим тактом и наиболее распространенную их форму. Как иллюстрацию он приводит следующие

стихи из Лесбоса, могущие быть отнесенными к самым почтенным остаткам греческой народной поэзии:

Мели, мели мельница
Ведь и Питак мелет,
Царствуя в великой Митилене.

Подобные песни в их различных импровизациях вызывались простым ритмом молота. Аналогичной этой древне-греческой песне является следующая литовская песня, имеющая тот же источник:

Шумите вы, шумите
Мельничные кани,
Мне вспоминается, как я
Молола не одна.

Мне все думается,
Мне не мелется одной.

2) Одна я мелю,
Одна я пою,
Одна я ворочаю жернова.

Различные виды ручных мельниц требуют различных видов движений тела, что и выражается в ритме относящихся к ним напевов. Словом, дело не в трудовых криках, а в рабочем такте, который в связи с характером работы определяет форму и содержание песни.

Вторым корнем поэзии для Богданова является миф. Его жизненный смысл, по мнению Богданова, «его значение для общества представляется вполне определенным; это опять таки орудие организации в социально-трудовой жизни людей». Мифология, как форма первобытной идеологии, в которой поэзия, проза и наука нераздельно слиты, не получает еще об'яснения из факта ее организационной роли. Да, в конце-концов, то, что об'ясняет все, в сущности ничего не об'ясняет. Мифология есть сама поэзия в ее первобытной форме. Значит, по Богданову, поэзия коренится в поэзии! «Для чего,—спрашивает Богданов,—собираются, передаются в ряду поколений знания людей о них самих, о жизни, о природе? Для того,—отвечает Богданов,—чтобы с этими знаниями сообразовать, соответственно им направлять, соединять, вообще, чтобы на их основе организовать практические усилия людей. Первичный солнечный миф—описание смены времен года—давал необходимые руководящие указания для цикла земледельческих работ, а также для охоты, рыболовства, для всех тех организаций, которые опираются на планомерное распределение труда по сезонам, на ориентировку во времени. Миф о мертвецах давал указания для руководства гигиеническими мерами по отношению к трупам, например, как зарывать их достаточно глубоко, подальше от жилищ и т. п. Знание примитивное, поэтическое играло в тогдашней практике такую же организующую роль, как

новейшие точные науки современного производства». («Искусство и рабочий класс», стр. 7). Став животным, производящим орудия, общественный человек в организованных и дезорганизованных действиях стал определяться данной общественной техникой, которая в связи с данной экономической средой обусловливает идеологическую физиономию данного класса, так как все идеи в классовом обществе являются идеями господствующего класса. Идеологии появляются на сумеречном фоне данного класса, как отражение данных общественных отношений. Идеология в различных вариациях появляется там, где техническая среда приобретает известную прочность, зрелость, где различные виды социального антагонизма породили необходимость и условия для более или менее устойчивой социальной организации.

Идеология есть «ложно мыслительный процесс», когда она возводится в ранг мироорганизующей силы вместо того, чтобы быть об'ясняемой, выводимой из положительных источников и реальной действительности. Если рассматривать мифологию с точки зрения ее организационного характера, то ее происхождение и эволюция окажутся исторически непроницаемыми функциями. Как, например, с этой точки зрения понять превращение Индра, одного из важнейших богов индусско-арийской мифологии? Индра из бога племени Три превращается в неистового бога войны, потом в хранителя стад и ниспосылателя влаги, милосердного народного бога солнца; каждое из этих превращений вызывается новой фазой в экономическом развитии его почитателей. В древнейших гимнах Риг-Веды Индра является мощным богом войны, задачи которого сводятся к дарованию скота почитателям, ниспосланию грозовых туч и дождя, который освежил бы иссохшее пастбище. Эпитеты, которыми поэты награждают Индру, называя его владыкой быков, подателем коров, множителем скота, — становятся понятными у народа-завоевателя, богатство которого заключается, главным образом, в стадах скота.

Тебе, славный из самых сильных,
Тебе, великолепнейшему из быков,
Разрушителю укреплений, ниспосылающему коров,
Тебе, о Индра, возносим мы моление.

Такое обращение одного поэта из рода канвос к Индре ярко характеризует его, как бога скотоводческого периода. Но вот земледелие приобретает более важное значение, чем скотоводство, и Индра выступает богом солнца, задачей которого становится попечение о произрастании полевых плодов и о ниспослании солнечных лучей, под которыми созревают полевые растения (Кунов). Теперь Индра уже не рычит, как яростный бык, а фигурирует в качестве кроткого и благодетельного, благодушного бога, который снисходительно относится к слабостям арийцев, достигших зажиточности в этот новый период, и следует прекрасному правилу—«живи и давай жить другим» (Кунов). Но слава Индры шла параллельно благосостоянию свободных крестьян арийцев, падение которых повлекло за собой падение его славы. С углублением имущественных различий и обострением классовых противоположностей,

господство захватила каста жрецов-браминов, и на трон добродушного мужицкого народного бога Индра взошел аристократический царь, бог греческой касты—Брига Спантей, превратившийся в Браму (Кунов). Тайна мифологии,— этой первобытной поэзии, лежит в экономике, эволюция которой определяет эволюцию мифологии, каковая в свете организационного принципа Богданова не получает никакого об'яснения. Сказать, что корнем поэзии является миф, который должен об'яснять эту же самую поэзию и ее эволюцию, как ее подчиненный источник, равносильно созданию идеалистических сфинксов вместо их об'яснения.

Для Богданова, как мы видели, миф определял собою «цикл земледельческих работ», определял охоту и рыболовство для всех тех, организация которых опирается на равномерное распределение труда по сезонам. Если «общественное бытие определяет общественное сознание», то положение Богданова становится истинным в его перевернутом виде. Мы это отметили в отношении к мифологии. Обратимся к первобытному искусству.

Первобытное искусство в его первой фазе отличается резким натурализмом, который на дальнейшей стадии развития уступает стилистической нормировке. Где корни этого различия? Не организационная ли природа стилистического искусства, как практически более полезная, являлась причиной его возникновения? Способ производства, способ добывания средств к существованию определяет это различие и его генезис, дает разгадку этого явления. Первобытный охотник был натуралистом. Удивительная верность в изображении оленей, бизонов, лошадей, тонкая передача в немногих линиях характерных черт предмета и правильной перспективы составляет отличительную черту натурализма.

В отличие от этого натурализма, характеризующего искусство первобытного охотника, искусство земледельца резко проникнуто стилистической условностью. Фигуры животных и людей на урнах и бронзовых сосудах у последних лишены всякого следа верности природе, обнаруживая в их напряженной стилизованности фантастическую орнаментировку и причудливость. Об'ясняется такое различие отличием тех условий, в которых приходилось вести борьбу за существование этим двум социальным типам. «Феноменальная изощренность глаза и рук у первобытного охотника есть, с одной стороны, результат весьма тонкого приспособления мускулов, вызванного ремеслом охотника, как правильно указывает Гроссе, а с другой стороны, следствие практической необходимости з н а т ь животных в их естественной точности и детальности. Практический интерес, вытекавший из их способа добывания средств к существованию, определял их натурализм, ибо условия борьбы за существование направляют его интересы непосредственно на материальные предметы, привлекавшие всю его действительную энергию, возбуждавшие пыл его наблюдательности, заострявшие его зоркость. Глаз охотника, это—глаз естествоиспытателя: он удовлетворяет свою динамику наблюдением чувственно-конечного» (Гаузенштейн, «Искусство и общественная жизнь», стр. 43). Где же причины возникновения стилистической условности, стилистического орнамента, имеющего ме-

сто у скотоводов и земледельцев? Скотоводство и земледелие отличается по сравнению с условиями жизни палеолетического охотника большей оседлостью. Переход охотничьей жизни значительно ослабляет остроту внешних чувств, обусловливает «некоторую атрофию глаза, обоняния, осязания и тем самым более сильное развитие духовных инстинктов, которые были очень важны при начинающемся рационализировании внешнего существования» (Гаузенштейн). Жизнь скотовода протекает гораздо более нормально и упорядоченно, отличается большей целесообразностью, нежели жизнь охотника. Рост мифического и религиозного элемента на позднейших стадиях развития первобытного искусства обусловливается зарождением материальной обеспеченности, которая требует гарантии, вызывает опасения. Последнему требованию должен был удовлетворять «заклинательный» орнамент во всей его «идеологической» фантастике. Жизнь первобытного скотовода и земледельца, связанная с зарождающимся накоплением материальных ценностей, определяет заботу о последних, которая и направляется через посредство магического орнамента в потустороннее. Орнамент был магией, имевшей своей задачей заклинание духов и привлечение их на сторону заклинателя. Целый комплекс религиозных и мифических представлений, вытекавший из нового способа добывания средств существования, способствующего возникновению и развитию абстракций, находит свое выражение в фантастическом орнаменте. Дело шло о том, чтобы, как выражается Гаузенштейн, прочность экономического ритма укрепить метафизическим ритмом. По мере того как существование становится более упорядоченным, обеспеченным и рационализированным, потребность в его защите становится более интенсивной и упорной, а связанное с этой потребностью беспокойство превращается в преддверие к религиозной схематике, в «наивном теоретизировании и причудливо-жутком фантазировании». Словом, стилистическая условность первобытного мира есть «эстетическая надстройка в обществе, впервые ставшем перед лицом новых хозяйственных проблем и приобщающемся к новому способу производства, который, способствуя усиливающейся зависимости от неба и земли, определяет собою самые ранние мифы и религиозные представления». Эстетическую надстройку определяет таким образом материальный способ производства, а не организаторская мифология, которая, наоборот, является сама надстройкой, подлежащей об'яснению и выведению из общественных условий производства. Изменение в способе производства определяет изменение форм сознания. Разложение первобытного коммунизма и возникновение классов, связанное с возникновением прибавочного продукта на почве развития производительных сил и его присвоения, определяет собою новую форму сознания, новый эстетический стиль. Орнамент в поражающем единообразии его условностей является искусством «первобытной аграрно-коллективистической демократии»; по мере возникновения феодальной общественной организации он уступает место статуарному искусству, ставящему своей задачей художественное выделение общественных верхушек. Халдейский стиль человека-властелина возникает на фоне феодального способа производства, а именно

на почве присвоения прибавочного продукта могущественным светским дворянством и, в первую очередь, могущественным деспотом. Гаузенштейн связывает с феодально-деспотической культурой «культ количества», что находит самое яркое выражение в пирамиде. «Что такое пирамида? Она есть наиболее общая художественная формула для количественной культуры; она в наиболее строгом смысле суммарна; она есть чудовищная совокупность тысячи сил, обреченных на отбытие барщины» (Гаузенштейн, «Искус. и общ.», стр. 49). Феодально-деспотическая культура, определенная общественная структура, определенная классовая организация общества в данном случае об'ясняет колоссальность художественного изображения, подавляющую и гигантскую массивность, словом, сосредоточенную на количестве форму. Материалистическое понимание истории, исходящее из материального способа производства и обусловленной им классовой организации общества, проливает свет на все изгибы идеологической эволюции, в данном случае эстетической, показывая непреодолимую закономерность всех ее видоизменений.

С организационной точки зрения Богданова пролетариату, как известно, нужна особая пролетарская поэзия. Относительно этой пролетарской поэзии необходимо сказать, что пролетариат прежде всего стремится упразднить всякое классовое искусство, так что идеал чисто классовой пролетарской поэзии находится вообще в противоречии с классовым устремлением пролетариата. Пролетариат глубоко отличается от всех исторических предшествовавших ему классов, отличается своей коммунистической природой, которая образуется на основе капиталистической техники и капиталистического способа производства. Но эта коммунистическая природа делает его способным к самоупразднению и одновременному упразднению классового общества вообще. Диктатура пролетариата есть маленькое промежуточное звено между классовой организацией общества и бесклассовым коммунистическим обществом, так сказать, канат, протянутый между классовым обществом эксплоатации и угнетения и коммунистическим обществом свободного труда и коллективной солидарности. Маркс говорил, что пролетариат об'единяется, организуется, обучается самим механизмом капиталистического способа производства. Классовая солидарность, которая становится неот'емлемым атрибутом промышленного пролетариата, становится фундаментом социалистической культуры в его подлинной широте и силе. Революционная борьба пролетариата, победоносно развертывающаяся в ряде революционных битв, находит отражение в поэтическом творчестве близких к пролетариату и вдохновляемых его борьбой поэтов. Есть ли это, однако, чисто классовая пролетарская поэзия? Что такое пролетарская поэзия? Каковы ее черты? Богданов отвечает, что пролетарская поэзия—определенного вида искусство, что она организует жизненную силу пролетариата. Если же, однако, мы обратимся к этой поэзии, которая именует себя пролетарской, к так называемой «Кузнице», то нельзя не согласиться с тов. Троцким, указывающим, что «декларация «Кузницы» проникнута не духом классового мессианства, а кружкового высокомерия, несмотря на свой бурный и

могучий размах, который, не умещаясь в земных пределах, мчится в межзвездное пространство». Космизм выступает как тенденция новой пролетарской поэзии. Космизм, это так сказать,—неугомонная универсальность, преодолевающая социальную узость, окрыленная сверхземным рвением. Куда несется этот порыв? Куда мчится этот бешеный вихрь, который должен выйти за пределы земли и мощным взмахом крыльев охватить необ'ятный космос? Верный ответ дает на это тов. Троцкий. Тов. Троцкий отвечает, что он мчится к «святому духу». «И не потому поэт становится космистом, что население млечного пути властно стучится к нам, требуя ответа, а потому, что земные вопросы, столь трудно поддающиеся художественной обработке, порождают попытки скачка в потусторонний мир»... «Если же поэзия, которая все же поэзия, которая все же ближе всего идейно, эмоционально связана с пролетариатом, обнаруживает в своих поэтических усилиях попытки проникнуть в потусторонний мир, то можно ли в данном случае говорить о пролетарской поэзии? Не имея за спиной выработанной, отшлифованной эстетической культуры, пролетарские поэты бессознательно станут брать из эстетического наследия некоторые черты, вознесут их в ранг пролетарского идеала, думая, что оно так в действительности. Стиль жизни, как и отражающий его художественный стиль, вырабатывается в процессе медленного классового формирования, которое совпадает с научным, эстетическим и вообще культурным его созреванием. Библейское же — «да будет», — оказывается творчески совершенно бессильным, и его потуги больше говорят о его немощи, нежели о его силе». Гаузенштейн, констатируя в своей работе падение буржуазного искусства, переставшего быть общественным, надеется на его спасение социальным мироощущением, возможным лишь при наличии коллективно спаянного общества, строителем которого является пролетариат. Да, пролетариат ставит своей задачей построить общество без пролетариата; это же общество создаст органически то социальное искусство, которое будет искусством силы, которое не будет рваться в междузвездные просторы, а черпать вдохновение в том резервуаре социальных эмоций, какие будут пульсировать в недрах самого общества.

Организационная точка зрения сказывается, например, в новейшем футуризме, представители которого считают познавательную точку зрения на искусство буржуазной, подлежащей преодолению пролетарским жизнестроительным искусством. Искусство, согласно футуристическим теоретикам пролетариата, сводится к жизнестроению. В старом искусстве, по мнению этих теоретиков, лежит принцип безволия. Теоретики русского футуризма, опираясь на организационный принцип, рассматривают действительность, как нечто косное, застывшее, консервативное, которое не может стать об'ектом пролетарского искусства. Если пролетариат стремится преодолеть капиталистическую действительность, то эту преодолевающую мощь он почерпает из познания этой действительности, а не через бегство от последней. Но пролетарские теоретики футуризма, зачарованные волшебством организационной точки зрения,

предпочитают строительство без лишних познавательных усилий, характеризующих буржуазное искусство, забывая, что диалектика, сторонниками которой они себя об'являют, есть сама действительность в ее осознанности, прошедшей через горнило теоретического ума. Вдохновленные организационным пониманием, они видят задачу искусства в пренебрежении действительностью, забывая, что даже через неприятную действительность нельзя перепрыгнуть, но что ее можно только преодолеть. Преодолеть же действительность можно, лишь познав ее. Прудон, против которого Маркс так едко боролся, хотел конструировать идеальное общество, путем отрицания дурной стороны общественного процесса. Маркс же на это ответил, что с устранением этой дурной стороны отпадает сама действительность, и всякий процесс становится невозможным. Пренебрежение к действительности ведет к метафизике. Величие Генриха Гейне заключается во внушительно ярком выражении чувств современных ему угнетенных масс, в которых билось отчаяние борьбы, трепетал негодующий ропот против убогой действительности в ее пошлых и нелепых формах. И, когда он спрашивал: почему жалким и несчастным плетется под бременем креста тот, кто честен, между тем как негодяй гордо выступает на коне, точно победитель,—то такое внимание к действительности не лишало его поэзии ценности, а, наоборот, превращало ее в действительное орудие борьбы угнетенного человечества за освобождение, сделало ее революционной в лучшем смысле этого слова. Реалистическое искусство всегда давало лучшие произведения.

Бальзак является одним из титанов художественного творчества, потому что в его творчестве заключалось глубочайшее реалистическое содержание. Бальзак безжалостно опрокидывал те искусственные традиции, которые стояли между ним и окружавшей его социальной средой, которая могла выявить свои основные черты только на развалинах поверженной традиции, уступившей анатомическому ножу художественного познания. Художественное творчество Бальзака, как и Шекспира, есть сама действительность, преломленная в мощном художественном восприятии, которое не довольствуется видимостью определенных явлений, но художественно вскрывает их причины и, таким образом, делает искусство подлинным художественным познанием. Бальзак, например, не довольствуется тем, что изучает «женщину на улице, в гостиной, в спальне; он не довольствуется тем, что исследует ее душу; он старается исследовать, каковы естественные причины ее душевных состояний, женских страданий. Все немое горе слабого и страдающего существа оживает у него» (Брандес). Но неужели то обстоятельство, что он изображает народившийся капитализм, делает его искусство недостаточным? Неужели художественно познавательное восприятие общественности в ее трагических переживаниях, в борьбе и революциях должно уступить место жизнестроению из ничего, так как без познания жизни и ее законов нельзя знать, что строить и как направлять строительную инициативу. Но тут приходит на помощь теоретик футуризма, указывающий путеводную нить строительства. Искусство, «как единый радостный процесс ритмически организованного производства товароценностей в

свете будущего—вот какая программа и тенденция должна преследоваться каждым коммунистом» (Чужак). Вот перл организационной точки зрения на искусство. Пролетариат борется за упразднение товарного общества, стремится уничтожить анархию производства, свойственную обществу, где производятся товароценности, а теоретик пролетарского футуризма, дающий программу пролетарского искусства, видит его задачу в производстве товароценностей,.. да еще в свете будущего. Подобный пролетарско-футуристический перл, давая лучшую характеристику организаторской точки зрения на искусство, разоблачает ее полнейшую бессмысленность и бессодержательность, косвенно утверждая содержательность именно познавательного искусства. Лишь в той мере, в какой искусство воспроизводит и отражает данные общественные отношения, оно способно влиять на ход их развития, стать рычагом этого развития. Пассивность и активность искусства как бы нераздельно сочетается, воплощая в этой двойственности свое подлинное революционное назначение.

«Искусство,—говорит Гюйо,—это—сон человеческого идеала, вделанного в камень или полотно, и лишенного возможности встать и пойти». Это неверно. Идеал, как действительность завтрашнего дня, а не как парализованная фантазия находится в движении в той мере, в какой движется сама ж и з н ь, процесс которой есть имманентное осуществление идеала, коренящегося в развивающейся действительности. Искусство революционное отражает эту жизнь в ее восходящем темпе,—искусство упадочное носит исключительно охранительный характер. Искусство прогрессивное не сон человеческого идеала, пребывающего в окаменевшей неподвижности, а идеал в его процессе и осуществлении.

Проблема стиля занимает видное место в теории искусства и, следовательно, когда дело идет о пролетарском искусстве, то необходимо всплывает проблема пролетарского стиля. С точки зрения Богданова, согласно которой пролетариату нужна чисто классовая пролетарская поэзия, предполагается особый классовый пролетарский стиль, который тоже, повидимому, выполняет известную организующую функцию. Пролетарские поэты действительно заговорили о классовом пролетарском стиле. Они провозглашают, что стиль это—класс, что поэтому чуждые пролетариату писатели не могут создать художественный стиль, который отвечал бы природе пролетариата. Понимание стиля прежде всего требует понимания его эволюции на основании определенных социальных структур, предполагает социально генетическое исследование его форм в различные исторические эпохи. Понимание и толкование стиля с организационной точки зрения, которая не прислушивается к биению исторического пульса, а своим организационным устремлением подавляет его, оставляя на его месте организационные фикции, есть попытка творчества из ничего. Стиль, как и то содержание, с которым он связан, неразрывно вырастает из определенных общественных отношений. Согласно Гаузенштейну, социология стиля состоит в выявлении социально-эстетических ступеней, соответствующих социально-экономическим ступеням развития человечества. Дело не в том, чтобы ограничиться сведением искусства и стиля к организующему средству, а в том,

чтобы вскрыть социальные причины, лежащие в основе изменения стиля. Но точка зрения, которая все сводит к организации и специализации, совершенно оставляет без внимания социальный генезис искусства, эволюция которого в свете этой теории висит в воздухе. Богданов, например, констатируя организационную природу искусства, отбрасывает обе противоположные теории искусства, самодавлеющего и гражданского в виду того, что искусство организует жизнь человечества совершенно независимо от того, ставит ли оно себе гражданские задачи или не ставит. Но, если в истории искусства, перед нами выступают такие противоположные теории, то можно ли закрывать глаза на причины подобного явления? И, действительно, Плеханов с большим вниманием останавливался на факте самодавлеющего искусства. Прежде всего это явление важно потому, что «искусство самодавлеющее, остающееся слепым к идейному содержанию общественности, неизбежно понижается в своей внутренней ценности». Склонность к искусству для искусства является и упрочивается там, где есть безнадежный разлад между людьми, занимающимися искусством и окружающей их общественной средой. «Этот разлад выгодно отражается на художественном творчестве в той самой мере, в какой помогает художникам подняться выше окружающей среды. Так было с Пушкиным в Николаевскую эпоху. Так было с романтиками, парнасцами и первыми реалистами Франции. Умножив число примеров, можно было бы доказать, что так всегда было там, где существовал указанный разлад. Но, восставая против пошлых нравов окружающей их общественной среды, романтики, парнасцы и реалисты ничего не имели против тех общественных отношений, в которых коренились эти пошлые нравы. Напротив, проклиная «буржуя», они дорожили буржуазным строем сначала инстинктивно, а потом с полным сознанием. Чем больше усиливалось в новейшей Европе освободительное движение, направленное против буржуазного строя, тем сознательнее становилась привязанность к этому строю французских сторонников искусства для искусства. А чем сознательнее становилась у них эта привязанность, тем менее могли они оставаться равнодушными к идейному содержанию своих произведений. Но их слепота по отношению к новому течению, направленному на обновление всей общественной жизни, делали их взгляды ошибочными, узкими, односторонними и понижали качество тех идей, которые они выражали в своих произведениях. Естественным результатом этого явилось безвыходное положение французского реализма, вызвавшее декадентские увлечения и склонности к мистицизму в писателях, которые прошли реалистическую школу» (Плеханов. «Искусство и общественная жизнь»).

Теория искусства привлекает внимание Плеханова, который прежде всего находит в эстетическом самодовлении черты идейности, направленные против освободительных стремлений пролетариата, а во-вторых, констатирует бессодержательность их произведений, вызванное их слепотой по отношению к этим освободительным стремлениям. Мистические и декадентские аберрации становятся вполне понятными в свете Плехановской оценки самодовлеющего искусства и его социальной подоплеки. В такой же мере было бы бессодержательным индиф-

ферентное отношение к стилю в виду его организующей природы. Дело поэтому не в том, что пролетарские поэты говорят о стиле, а в том, что они о нем говорят. Стиль,—верно замечает Гаузенштейн,—есть синтез всех форм жизни. В нем сказывается органическая связанность данной эпохи, поскольку она является господствующим выражением определенного способа производства. Стиль, с этой точки зрения, является кристаллизованным выражением всей культуры в ее целом, в ее специфических чертах. Можно сказать, что индивидуалистический импрессионизм составляет наиболее характерный стиль капиталистической эпохи, который сказывается во всех областях культурного и экономического творчества: художества, поэзии, философии, этики, пластики и живописи. Анархия производства, отсутствие планомерно-организующего контроля над последним, господство стихийности, выражающееся в периодических кризисах, внезапно наступающих социальных потрясениях, характеризуют капиталистическую эпоху в период ее упадка, выступая как зловещие симптомы ее неотвратимого краха. Импрессионизм, характерный для капиталистической эпохи, вращается вокруг случайного впечатления; он усматривает центр тяжести в чувственном восприятии, в непосредственном индивидуальном переживании, чистом опыте, словом, сосредоточивается на психологическом координировании впечатлений; импрессионизм характерен для буржуазной философии данного периода, находящей свое выражение в психологическом натурализме Маха, стремления которого направлены на то, чтобы представить материальный мир в терминах психологии, разложив его на психологические элементы. Понятие лишено у Маха познавательной ценности, сохраняя лишь известную практическую ценность. Художник-импрессионист точно также исключает вносимое, так сказать, логической интерпретацией. Импрессионизм в его последовательном проявлении централизует свое внимание на воспроизведении цветовых и световых впечатлений, будучи лишен интеллектуальных переживаний. Подобный импрессионизм характеризует и поэзию данного периода. Драма, например, является изображением настроения; «отдельные акты драмы и отдельные главы романа не находятся между собою во внутренней связи, как подготовка к следствию, а образуют самостоятельные части с замкнутым действием и развитием, повторяющим основную тему в разнообразных вариациях» (Гаман.).

Эмиль Золя, классический художник капиталистической эпохи так и определяет искусство, как воспроизведение отрывка вселенной сквозь призму известного темперамента. Словом, внутренний мир, как панорама фрагментарных переживаний, лишенных об'единяющего начала, является художественным достоянием буржуазной литературы; с другой стороны, в н е ш н и й м и р, как ослепительная игра оттенков, передающая его преломление в художественном сознании в той психологической произвольности, лишенной всяких следов рационального контролирующего аппарата мышления, вместе с внутренним миром с о с т а в л я е т основные об'екты художественных импрессионистских устремлений, как наиболее характерных для капиталистической эпохи. А стиль пролетариата, разве он не стиль революционного коллекти-

визма? Стиль, как уже было сказано, есть синтез всех форм жизни и, следовательно, он может прийти лишь в результате сформировавшейся, достигшей зрелости, культуры. Можно-ли это положение применить к пролетариату? Прав в данном случае Троцкий, когда говорит, что вопрос не так уж прост, как кажется с первого взгляда, так как формирование культуры вокруг господствующего класса требует большого времени и достигает завершения в эпоху, предшествующую политическому упадку класса. «Именно потому, что стиль есть результат, а не отправная точка культуры, нелепо говорить о пролетарском классовом стиле; ведь у пролетариата нет культуры и не в его задачи входит создание пролетарской культуры, наоборот, задача его—историческое расчищение дороги для бесклассовой социалистической культуры. Поэзия, рождающаяся в огне пролетарских битв, сопутствующая революционным порывам, дающая поэтический рефлекс всех сложных революционных переживаний, перипетий, об'емлющих процесс его социальной борьбы, претендует на название революционной. И такая поэзия нужна и прогрессивна постольку, поскольку содействует сплочению трудящихся масс в борьбе с эксплоататорами».

Революционный пролетариат есть та сила, которая решает величайшую задачу бесклассовой социалистической культуры, и решить ее пролетариат призван логикой вещей. «Эта сила—мощный коллектив рабочих, новый народ,—по прекрасному выражению Рихарда Вагнера,—общество тех, кто испытывает общую нужду» (Гаузенштейн).

И. Вайнштейн.

ЕЩЕ РАЗ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ НАКОПЛЕНИИ[1]).

(Ответ тов. Бухарину).

В «Правде» от 12-го декабря 1924 г. помещена обширная статья т. Бухарина, в которой он обрушился против главы из моей работы «Новая экономика», помещенной в № 8 «Вестника Коммунистической Академии» под названием «Основной закон социалистического накопления».

Вопросы, поднятые в моей статье, являются коренными вопросами теории советского хозяйства, в статье т. Бухарина—коренными вопросами нашей экономической политики; они требуют самого вдумчивого к себе отношения. Настоящая моя статья является спешным и недостаточно полным ответом т. Бухарину. Более обстоятельным ответом ему явится вся моя книга.

Прежде всего я должен предупредить читателя, что ни статью тов. Бухарина, ни мой настоящий ответ нельзя понять целиком и до конца, не прочитав моей работы из «Вестника». По крайней мере, в изложении т. Бухарина я не всегда мог узнать те мысли, которые я развивал в журнальной статье. Мне придется поэтому здесь в самых кратких чертах прибегнуть к изложению моей точки зрения и своими словами и кое-где цитатами из статьи.

Основная, совершенно недопустимая ошибка (если это ошибка) тов. Бухарина, которую он проводит на протяжении всей своей статьи и которая заставляет его бить на версту от цели по основному вопросу спора, заключается в следующем: моя статья является попыткой теоретического анализа советского хозяйства, или, скромнее выражаясь, попыткой приступа к такому анализу. Наше советское хозяйство делится на государственное и частное. Государственному хозяйству присущи свои закономерности в развитии, частному—свои. Но и то и другое входит в единый организм всего хозяйства Союза в целом. Для теоретического анализа методологически необходимо рассмотреть отдельно и те и другие закономерности, а потом уже об'яснять, как получается равнодействующая реальной жизни. Но рассматривать тенденции развития государственного хозяйства необходимо в их чистом виде, т.-е. проанализировать их так, как если бы развитие государственного хозяйства шло, не встречая сопротивления частного хозяйства, рассматривать

---

[1]) Статья тов. Преображенского печатается в дискуссионном порядке. В следующей книге будет помещен ответ тов. Бухарина (Редакция).

закономерность оптимума. Это есть единственный правильный метод, унаследованный нами от Маркса. Только он дает нам возможность разобраться в пестрых фактах реальной жизни и понять внутренний смысл всего происходящего.

А что же делает тов. Бухарин?

Он анализ закономерностей развития государственного хозяйства (анализ, при котором приходится временно абстрагироваться от экономического и политического сопротивления частного хозяйства) и выводы из такого анализа смешивает с реальной экономической политикой пролетарского государства и, понятно, без особенного труда «открывает» здесь противоречие. Я не знаю, как назвать такое смешение, такую ошибку. Тов. Бухарин прекрасно понимает, в чем тут разница. Он сам не раз с успехом применял тот же метод исследования в своих экономических работах; на этом методе учится вся наша молодежь. Одно из двух: или он отказывается понимать теперь сущность этого метода анализа, что мало вероятно, либо он теоретическую добросовестность исследования принес в жертву задачам полемики сегодняшнего дня. И тогда он должен быть сфотографирован на месте преступления.

В чем сущность моего метода и моего построения?

Октябрьская революция означала прорыв человечества на одном участке земного шара к новой экономике. Эта новая экономика складывается, борется за свое существование и крепнет, развивая ряд закономерностей, только ей одной присущих. Базой этой новой экономики, врывающейся в законы товарного производства и изменяющей их, является государственное хозяйство пролетариата. Раз это хозяйство существует, оно не может не бороться за свое существование. А бороться за существование для государственного хозяйства, окруженного океаном мирового капитализма, значит бороться за свое расширение, за подчинение себе досоциалистических форм в одних случаях, за их приспособление—в других, за их поглощение—в-третьих. Бороться за свое существование для государственного хозяйства на данной стадии означает, как можно скорее пробежать тот опасный период его жизни, когда оно и экономически и технически слабее капиталистической экономики. Этот процесс расширения и укрепления государственного хозяйства может итти, как за счет его собственных сил и средств, т.-е. за счет прибавочного продукта рабочих государственной промышленности, так и за счет частного, в том числе крестьянского, в том числе и среднекрестьянского хозяйства. Может ли быть иначе? Выражаюсь самыми понятными словами: может ли быть взвалено развертывание государственной промышленности и перестройка всей технической базы ее только на плечи 3-х миллионов наших рабочих, или в этом деле должны принять участие и 18 милл. наших крестьянских хозяйств. Опыт нашего существования за 7 лет революции ответил и отвечает на этот последний вопрос положительно. Не может дело обстоять иначе и на будущее время. Но поскольку для государственного хозяйства неизбежна экспансия также и за счет частного хозяйства, то необходимо выяснить, через какие каналы идет этот приток средств в него и каковы тенденции развития государственного хозяйства в этом

направлении, взятые в их чистом виде, т.-е. отвлекаясь от сопротивления среды частного хозяйства, а тем самым и от реальной политики, которую по экономическим и политическим соображениям приходится проводить рабочему государству. Идут ли стихийные тенденции государственного хозяйства в его развитии за счет частного производства дальше того, что реально достижимо для экономическои политики государства? Разумеется, идут. Но значит ли это, что научный анализ этих тенденций, формулировка оптимума этих тенденций означает критику экономической политики государства и партии? Критику политики, которая, какова бы она ни была, всегда будет расходиться с этим оптимумом? Вопрос достаточно бессмысленный. Но этот бессмысленный вопрос вынуждает нас ставить тов. Бухарин, который ни единым словом не предупреждает читателя, что моя статья посвящена не экономической политике государства, а теоретическому анализу основных закономерностей нашего хозяйства. Эти закономерности вырастают исторически из Октябрьской революции, из самого факта существования и развития государственного хозяйства пролетариата. Их можно подметить и описать. Это помогает ориентироваться в хозяйственной обстановке и дает возможность делать меньше ошибок в практической политике. Их можно лишь смутно чувствовать и действовать в политике ощупью, от случая к случаю, получая необходимые «извещения» от бытия post factum. Но раз дается анализ этих законов, надо доказать, что этот анализ неверно сделан, а не путать тенденции развития с экономической политикой, не придираться к терминологии, если нечего сказать против по существу дела. Но это отнюдь не значит, разумеется, что из моей работы не вытекают определенные выводы для экономической политики государства. Эти выводы вытекают из нее. Они будут сделаны в той главе книги, где соотношение систем хозяйства рассматривается в разрезе классовых взаимоотношений между рабочими и крестьянами, где дается и анализ нашей экономической политики. Т. Бухарину следовало бы подождать напечатания этой части моей книги. Он увидел бы тогда, вероятно, что политические выводы, которые он делает из настоящей статьи моей, совсем не делает сам автор. Он не был бы вынужден также, чтобы оправдать размеры своего полемического замаха, вместо моих взглядов критиковать свои собственные построения, лишь приписываемые мне.

Детские колонии тов. Бухарина.

Первым пунктом нападения т. Бухарина является процитированная им в его статье моя формулировка закона социалистического накопления, где употребляется термин эксплоатация, во-первых, и слово «колония», во-вторых. Не потрудившись понять о чем идет речь и признавшись сам, что ему «неясно» о чем идет речь, т. Бухарин категорически вдруг заявляет: «Не подлежит сомнению, что т. Преображенский у рабочего государства видит колонии». Каждому, кто прочтет хотя бы только то, что цитирует т. Бухарин о колониях, должна быть ясна полная нелепость этого утверждения. Во второй части формулировки закона я говорил, что после социалистической революции в ка-

питалистических странах победившему пролетариату придется уменьшить неэквивалентность обмена с теми странами, которые были колониями капиталистических государств и с которыми теперь должны быть установлены отношения на новых основаниях. Т.-е. будет уничтожено колониальное рабство, национальное неравенство и вся система капиталистического колониального грабежа (стр. 58), будет уничтожена неэквивалентность обмена, поскольку она была связана с системой специфической капиталистической эксплоатации колоний, но останется неэквивалентность обмена постольку, поскольку она связана с общим взаимоотношением между социализмом и досоциалистическими формами хозяйства. Иными словами, не крестьянское хозяйство оказывается в положении колоний, а все колонии оказываются в положении крестьянского и вообще мелкобуржуазного хозяйства, поскольку структура хозяйства колоний является одинаковой с ними, т.-е. экономически отсталой. Т. Бухарин сам чувствует, что у меня идет дело о бывших колониях, которые, как колонии, прекращают свое существование, но остаются как полноправные члены союза в системе тех промышленных стран, которые перешли к социалистической организации производства. Но вместо простого указания, что в текст надо вставить слово «бывший», т. Бухарин разражается моральным негодованием и с серьезным видом запутывает совершенно ясный вопрос.

Теперь на счет термина «эксплоатация». Т. Бухарин сам признает, что социалистическая промышленность получает и должна получать «добавочные ценности в фонд накопления со стороны мелких производителей». Признав это, т.-е. признав и факт и неизбежность неэквивалентного обмена с частным хозяйством, во всяком случае активный баланс при обмене веществ на стороне государственного хозяйства, он признал мою основную постановку вопроса и тем самым лишил себя возможности вести принципиальный спор по существу всех выводов из этого положения. Ему осталось лишь одно: вытягивать на принципиальную высоту спор о терминах, выдавать отдельные частности за коренные вопросы и, кроме того, спутать отношение между классами с отношениями между формами хозяйства. Я говорил в статье об эксплоатации социалистической системой хозяйства досоциалистических форм. Если т. Бухарин придумает какой-нибудь новый термин, на что он был всегда большой мастер, я не буду возражать, лишь бы только этот термин отражал существо дела, т.-е. что остаток по балансу обмена веществ (что не равнозначуще с балансом по торговому обмену систем) между частным хозяйством и социалистическим отлагается на стороне последнего, а не наоборот. Замечу лишь, что если термин «эксплоатация» перевести из отношений между классами на отношения между системами хозяйства, то этот термин вряд ли уже так неверен, как это кажется тов. Бухарину. Ведь социалистическая форма, переходящая на известном уровне развития в коммунистическую, как раз и стремится к увековечению себя, но только не путем расширения, а путем сокращения территории досоциалистических форм хозяйства. Я прекрасно понимаю политические соображения тов. Бу-

харина, когда он так сильно обрушивается на термин «эксплоатация». С научной же точки зрения эти возражения несущественны. Они скорей напоминают народническое возмущение против научно-марксистского термина «мелкая буржуазия» в его применении к крестьянству. Перенесение термина из одной области явлений в другую совсем не предполагает тождества описываемых явлений, а лишь известную аналогию в сравниваемом пункте.

Но терминология—это дело маленькое. Хуже, что под шум своего морального негодования Бухарин проделывает замену одного моего понятия другим. Я говорил в своей статье об эксплоатации социалистической формой хозяйства досоциалистических форм, но нигде ни разу не говорил об эксплоатации пролетариатом крестьянства. Не говорил сознательно, потому что эксплоатация социализмом мелкого производства отнюдь не предполагает обязательно эксплоатацию пролетариатом мелких производителей. Возьмем следующий числовой пример. Допустим, рабочие в данном году производят новых ценностей на 1½ миллиарда рублей, из которых 700 миллионов прибавочного продукта, который вместе, скажем, с 800 милионами, взятыми с крестьянства, идет на содержание государственного аппарата, во-первых, и на расширенное воспроизводство — во-вторых. В следующем году, благодаря расширению производства и под'ему производительности труда, рабочие выработали на 1 миллиард 800 миллионов, из которых прибавочного продукта на 800 милл.; из последней суммы 750 милл. идет теперь в государство, а 50 милл. на увеличение заработной платы. Допустим, с крестьянства в этом году получилось также на 50 м. больше, т.-е. 850 милл. Выходит, что зарплата растет за счет роста производительности труда самих рабочих, одновременно растет и та доля, которую рабочие дают на госаппарат и в фонд накопления. Но вместе с тем, как мы видим по этому примеру, растет и доля мелких производителей, отчуждаемая на те же цели. Факт растущей эксплоатации мелкого производства социалистической формой хозяйства налицо, а эксплоатации рабочими крестьян нет, нет этой эксплоатации даже при росте зарплаты. Этот случай является типичным случаем для наших дней и будет типичным на много лет вперед. Крестьянское хозяйство при таком положении является не колонией госпромышленности, а участником расширенного социалистического воспроизводства. Рабочий является не эксплоататором крестьянства, а соучастником в отчислениях, делаемых на расширение воспроизводства, которое необходимо не только ему, а всему советскому обществу в целом, всем трудящимся классам. И в то же время эксплоатация одной системы другой имеется налицо. Однако, тов. Бухарин не против баланса с плюсом на стороне государственного хозяйства; он даже согласен на то, чтобы добавочные ценности притекали к рабочему классу, как классу, т.-е. повидимому, не только в систему государственного хозяйства, но и в его потребительский бюджет, что с моей точки зрения совсем необязательно. И, сделав столь

радикальный жест [1]), он просит лишь об одном: убрать слово «эксплотация».

Я охотно готов согласиться на то, чтобы убрать это слово. Но, убирая это слово, я считаю не лишним напомнить читателю на всякий случай слова Ленина по вопросу о борьбе двух систем: «Диктатура пролетариата означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация». «Насилие можно применить, не имея экономических корней, но тогда оно историей обречено на гибель. Но можно применить насилие, опираясь на передовой класс, на более высокие принципы социалистического строя, порядок организации. И тогда оно временно может потерпеть неудачу, но оно непобедимо». (Ленин. «К истории вопроса о диктатуре пролетариата», «Коммунистический Интернационал», № 14). Эти строки написаны в конце октября 1920 года, т.-е. в конце периода военного коммунизма. Но формулировка Ленина носит общий характер и с большей даже энергией, чем нужно, защищает мою основную постановку вопроса о борьбе двух систем от всяких упреков в расхождении с ленинизмом. Я еще раз подчеркиваю, что у меня здесь дело совсем не идет о том, на какие реальные уступки приходится рабочему государству итти по отношению к крестьянству. Это вопрос совершенно другой и в данной статье он не рассматривался. Полезно вспомнить вышеприведенные слова тов. Ленина еще вот почему. Только при вульгарном понимании ленинского отношения к крестьянству в период нэпа можно считать, что ленинизм в этой области означает максимальные уступки крестьянству и только. Ленин выдвигал и защищал уступки деревне как коммунист, т.-е. выдвигал их во имя укрепления железо-бетонного фундамента пролетарской диктатуры; эти уступки имели прежде всего в виду достижение этой основной цели, а никогда не являлись в его глазах самоцелью. Тов. Бухарин все это знает и знает гораздо больше того, что написано в сочинениях Владимира Ильича. Но его нападки на меня в этом пункте носят такой характер, как если бы он не считал нужным отмежевываться от вульгарного понимания ленинизма. Ведь простое повторение слов «рабоче-крестьянский блок» без анализа того, каково реальное взаимоотношение систем хозяйства, представляемых этими классами, лишь укрепляет вульгарное, обывательское, мелкобуржуазное понимание ленинизма в крестьянском вопросе, понимание, к которому стихийно тяготеют те группы советского общества, которые отражают на себе давление стамиллионной крестьянской массы страны.

[1]) Привожу его собственные слова: „Получит ли социалистическая промышленность добавочные ценности в этот фонд накопления со стороны мелких производителей? Да это не подлежит никакому сомнению. Есть здесь, таким образом, переход ценностей из рук одного класса в руки другого господствующего? Да, и это не подлежит никакому сомнению. Но можно ли это своеобразное отношение, используя грубейшим образом аналогию с капиталистическим обществом, назвать отношением эксплоатации? Можно ли на этом основании назвать пролетариат эксплоататорским классом (что неизбежно вытекает из предыдущего положения)? Нет, в тысячу раз нет".

О „пожирании“ мелко-буржуазного хозяйства.

В этом вопросе, как и в вопросе о колониях, как и во многих других местах своей статьи, т. Бухарин сначала строит ветряную мельницу, потом принимается за ее обстрел с видом глубокого внутреннего убеждения в своей правоте.

В одном месте статьи я писал о том, что социалистическая форма хозяйства не может существовать в окружении частного товарного производства на основе мирного сожительства. Я говорил о том, что самое существование этих двух систем, хотя и включенных в систему единого хозяйства страны, неизбежно приводит к тому, что либо социалистическое производство будет подчинять себе мелкобуржуазное хозяйство в одной части, приспособлять в другой и поглощать в третьей, либо само будет рассосано стихией товарного хозяйства. Слово «пожирание» является в данном контексте синонимом победы одной системы над другой. Это слово «пожирание» дает возможность т. Бухарину утверждать, что я расхожусь с ленинизмом в понимании дальнейшей эволюции крестьянского хозяйства.

Во-первых, я считаю, что мое утверждение есть настолько азбучная истина, много раз высказывавшаяся самим Лениным, что защищать ее просто нелепо. Возражать против этой мысли можно лишь в том случае, если исходить из положения, что борьба двух систем у нас кончилась установлением такого равновесия между ними, что между социализмом и товарным хозяйством произошло мирное разграничение «сфер влияния» на экономическое поле и обе системы развиваются, не врываясь в территорию другой. Насколько нелеп такой взгляд, станет ясно при первой попытке продумать взаимоотношение хозяйства СССР с мировым капитализмом. Наш внутренний капитализм, наше простое товарное производство, питающее этот капитализм, наш торговый капитал отрезаны нашей монопольной внешней торговлей, нашим таможенным барьером от мировой капиталистической экономики, т.-е. от главных сил нашего врага. Наш внутренний капитализм с его базой простого товарного производства, как отдельный отряд мировой капиталистической экономики, отрезаны нами, окружены и подвергаются соответствующему натиску со стороны государственного хозяйства в этой искусственной среде, на страже которой стоит все государство и его вооруженная сила. Но представьте себе на минуту, что эта плотина прорвана мировым капиталом. Что бы получилось? Получилось бы пожирание капиталистической системой нашего государственного хозяйства, пожирание, при котором внутренние силы нашего капитализма и всего товарного производства играли бы весьма активную роль в похоронах первого опыта социалистической промышленности. Эта возможность тем сильнее стучится к нам в двери, чем больше напор на нас капиталистических стран на экономическом фронте, чем более реальное место начинаем занимать мы в расчетах капиталистических стран в качестве рынков сбыта, источников сырья и сфер приложения экспортируемого капитала.

Но, с другой стороны, чем успешнее развертывается наше государственное хозяйство, чем сильнее подтягивает к себе все частное хозяйство страны, тем успешнее проходит процесс подчинения досоциалистических форм хозяйства социалистическим, приспособление их к последним, наконец, поглощение их последними.

Разумеется, для России весь этот процесс будет невероятно длинным, невероятно медленным; он будет проходить разным темпом в отдельные периоды, с перерывами, с остановками, с новым движением вперед. Но как бы медленен ни был этот процесс, особенно до прихода к нам на помощь пролетарской революции на Западе, однако этот процесс идет и должен итти, если нашему государственному хозяйству вообще суждено существовать. Равновесие наступит лишь тогда, когда частное хозяйство будет приближаться к уровню воды социалистического хозяйства, т.-е. когда оно будет ликвидироваться именно как частное хозяйство.

Но т. Бухарин уцепился за слово «пожирание» не для спора по существу,—потому что какой тут вообще может быть спор?—а, чтобы приписать мне конкретный план этого пожирания, а именно—развитие «собственного» земледелия пролетариата, т.-е. развитие советских хозяйств, которые должны «пожирать» крестьянское хозяйство в условиях общего нажима пролетариата на деревню. При этом пролетариат действует «по аналогии с рыцарями первоначального накопления». Сочинив за меня такую схему, которая не имеет никакого отношения к тому, что я фактически говорил, т. Бухарин решительно заявляет, что «все это в корне неверно».

В корне неверно прежде всего то, что т. Бухарин мне приписывает здесь. В моей статье я ни единым словом нигде не говорил о пролетарском земледелии в нашей стране. Я не упоминал ни разу о нем, когда касался вопроса о путях социализации крестьянского хозяйства. О «собственном земледелии» пролетариата говорится у меня лишь в отношении передовых промышленных стран, когда в них победит пролетариат и теперешнее крупное капиталистическое земледелие превратиться в земледелие социалистическое. Т. Бухарин ничего не может найти у меня на этот счет, между тем это был необходимый реквизит для той схемы, которую он приписал мне и которую подверг своему обстрелу. Здесь он не остановился перед операцией, давно известной в приемах полемики известного сорта и состоящей в «подстановке». Мне, разумеется, по-дружески очень жаль т. Бухарина, потому что без самой крайней нужды он не стал бы прибегать к этому приему. Я думаю, в другое время для него был бы интереснее спор по существу, если бы он не был связан определенными политическими заданиями, вступая со мною в полемику. О пролетарском земледелии у нас я не говорил, потому что на обозримом промежутке времени он вряд ли будет играть большую роль. Только в случае пролетарской революции в Европе можно ожидать большого интереса западного пролетариата к нашим свободным землям, что может изменить сильно всю картину. Вообще же я говорил, и вообще теперь стоит лишь говорить об основной форме социализации земледелия, т.-е. о производственной земледельческой кооперации крестьянства.

Как же обстоит здесь дело?

В своей статье об этом я пишу следующее: «мелкое производство разбивается на три части. Одна часть остается мелким производством; другая — кооперируется капиталистическим путем; третья — в обход этого последнего процесса—об'единяется на основах какой-то новой кооперации, представляющей из себя особый тип перехода мелкого производства к социализму не через капитализм и не через простое поглощение мелкого производства государственным хозяйством.

Эта новая форма кооперации при диктатуре пролетариата, одной из форм которой являются, повидимому, крестьянские коммуны и артели, еще должна только развиться. Мы не можем поэтому, давать теоритический анализ того, что не существует, а только должно возникнуть» (100 и 101 стр.).

Т. Бухарин тоже цитирует это место. Насколько верно он меня понял или, вернее, насколько правильно он излагает мои взгляды, видно из того, какой вывод он сделал из приведенных выше слов. Тов. Бухарин пишет: «Т. Преображенский думает, что законы эволюции сельского хозяйства при власти пролетариата остались теми же, что и при капитализме». Иными словами, т. Бухарин утверждает, что в своей статье я вижу главный путь к социализации крестьянского хозяйства в пожирании этого хозяйства государственным хозяйством. Все это совершенно неверно и совершенно противоречит тому, о чем я писал в статье. Нигде я не говорил о том, какой путь является главным и в какие сроки будут развиваться все процессы, связанные с социализацией крестьянского хозяйства. Сущность же моего взгляда в этом вопросе заключается в следующем: сейчас никто не знает и знать не может, как конкретно будет проходить трансформация крестьянского хозяйства в такой тип производственно-земледельческой кооперации, который будет переходным этапом к социализации земледелия. Это нежелание описывать в научной работе то, чего в жизни еще нет, понятно каждому, кто, во-первых, учился у Ленина (вспомните, как защищал Ленин на 8-м с'езде партии нашу программу), а во-вторых—понимает, чем наука отличается от беллетристики. В моей работе «От нэпа к социализму» я довольно подробно разобрал этот вопрос, но разобрал в форме гипотезы, потому что исполнить здесь желание т. Бухарина можно только в форме гипотезы и утопии. В названной книжке есть на счет эволюции крестьянского земледелия не только то, чем тов. Бухарин козыряет сегодня против меня с опозданием на два года, но кое-что, что и сверх этого.

Однако т. Бухарину все это кажется не убедительным. Как же это так? Преображенский находит возможным давать анализ закона накопления на 8-м году после пролетарской революции у нас и до революции на Западе, а вот о кооперировании крестьянского хозяйства отказывается говорить совсем. «Он не полемизирует с Лениным, который выставил ведь определенный громадный план, являющийся в то же время теоретическим предвидением; он просто «заявляет», что нельзя давать теоретического анализа того, что еще не существует, а только должно возникнуть. По-нашему это—увертка». Во-первых, 7 лет, во-

обще говоря, небольшой срок, но все же достаточный для того, чтобы приступить к теоретическому анализу того, что происходило за все это время и что теперь происходит на наших глазах. Напомню т. Бухарину, что он также до революции на Западе и не через 7 лет, а через 2 года после революции предпринял описание «общей теории трансформационного процесса» (Экономика переходного периода). Во-вторых, если бы я не был согласен с Лениным на счет роли кооперации, я бы прямо об этом написал. Сочинение Ленина не Талмуд и ленинцы не должны быть талмудистами. В-третьих, в статье Ленина о кооперации нет того, чего т. Бухарин требует от меня, т.-е. нет ничего на счет формы и путей производственного кооперирования деревни, а есть лишь принципиальное положение о роли кооперации в крестьянской стране. У Ленина и не могло быть ничего об этом, потому что он не любил утопий и сам никогда не занимался сочинением их. В-четвертых, я не только совершенно согласен со статьей Ленина о кооперации, но во всех своих выступлениях во время дискуссии 1923 года подчеркивал программное значение этой статьи, указывая на то, что значение этой статьи недостаточно понято партией и почти во все предлагавшиеся мною резолюции включал соответствующий пункт, где упоминал об этой статье. То, что т. Бухарин вынужден был здесь сочинить новую постановку на счет моего мнимого несогласия с Лениным в этом пункте, является лишним доказательством того, как трудно ему было выполнить свою политическую и полемическую задачу, не искажая смысла моих слов.

Теперь я перехожу к существу всего этого вопроса. Мы увидим сейчас, что моя концепция о накоплении не только не противоречит последней статье Ленина о кооперации, но, наоборот, находится с ней в непосредственной внутренней связи. На самом деле, что говорит в этой статье Ленин? «Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов руб., которые стоило рождение «свободного капитализма». Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный» (Ленин. «О кооперации»). В той же статье Ленин говорит о том, что мы должны материально поддерживать кооперацию. Т. Бухарин также цитирует приведенное место для доказательства моего расхождения с Лениным, но он благоразумно выпустил в цитате ту фразу, где говорится о том, что стоило рождение свободного капитализма. А между тем выраженная в этой фразе мысль прямым путем ведет к проблеме накопления. На самом деле, если кооперирование деревни может пойти быстро вперед лишь «при финансовой поддержке определенного класса»,—в данном случае при поддержке правящего класса,—то первый вопрос, который здесь возникает, заключается в том, откуда взять средства? В Союзе 18 милл. крестьянских хозяйств. Кредит по 100 рублей на одно хозяйство это уже почти 2 миллиарда, кредит по 50 р.—900 миллионов. Чтобы кредит для крестьянского хозяйства дал серьезный эффект, нужны миллиарды; чтобы он был хоть сколько-нибудь заметен, нужны

сотни и сотни миллионов. Где их возьмет пролетарское государство? Где оно возьмет их, если восстановление основного капитала промышленности и увеличение оборотного только до довоенных размеров потребует в ближайшие годы минимум миллиард? А ведь эти последние средства нужны в первую очередь... Я не говорю, что кредитование деревни и помощь в деле кооперирования крестьянского хозяйства—все это есть дело безнадежное. Наоборот, я считаю, что особенно долгосрочный кредит сыграет у нас огромную роль в деле кооперирования деревни и в то же время будет представлять из себя важнейший элемент увязки промышленности с земледелием. Но план развития долгосрочного кредита не безнадежен лишь постольку, поскольку не безнадежны успехи первоначального социалистического накопления. В сущности, до того, как закончится период первоначального социалистического накопления, долгосрочный, да и всякий кредит деревне хотя и будет расти, но не может быть особенно широким. Лишь тогда, когда закончится период первоначального накопления и промышленность будет стоять на новой технической базе,—только тогда поток ценностей из города в деревню по каналам долгосрочного кредита потечет широкой рекой. Как фактически сейчас обстоит дело в этой области, показывает следующий пример. В последнее полугодие промышленность вложила в кооперацию в процессе торговли в кредит только 100 милл. р. Но даже и эта сумма оказалась ей теперь не по силам, пришлось бить отбой и увеличивать размеры отпуска за наличные частному капиталу. Этот факт достаточно громко кричит о том, как бедно наше государственное хозяйство и какие огромные усилия ему предстоит сделать в деле накопления.

Таким образом, та помощь кооперации, о которой говорил Ленин, и те другие формы финансирования городом деревни, о которых он не говорил, возможны лишь на основе огромных успехов накопления в промышленности. До этих успехов наша помощь будет мала, часто будет скорее раздражать крестьянство своей мизерностью при неизбежно больших тратах на аппарат, чем вызывать чувство признательности к кредитующему классу. И я думаю, что все эти мысли нетрудно будет раз'яснить самой широкой массе крестьянства, которой отнюдь не чужды элементарные хозяйственные понятия о нашей экономике в целом [1]).

Это во-первых. А, во-вторых, в цитированном месте моей статьи я говорил о производительной земледельческой кооперации, а Ленин в своей статье говорит о кооперации вообще и потребительской в частности. Он нигде не говорит, что большая часть крестьянства в области своего производства кооперируется только через обмен, т.-е. главным образом через потребительскую кооперацию. К кооперированию на производственной основе у нас можно подойти и со стороны обмена, в том числе со стороны долгосрочного кредита и со стороны электри-

---

1) Именно поэтому нам не надо разбрасываться при кредитовании деревни и сосредоточить наши скромные средства на кредитовании крестьянина, как производителя, а не как потребителя. В первую очередь значит максимальный кредит на плуг, трактор и проч. орудия производства со льготами для коллективов.

фикации, и через развитие тракторной обработки земли. Как будет выглядеть эта неизвестная нам пока производительная земледельческая кооперация, каким преимущественно путем мы к ней подойдем, или комбинацией каких путей мы ее осуществим,—этого никто сейчас не знает и на счет этого Ленин в своей статье ни слова не говорит. Но о финансовой поддержке кооперации со стороны господствующего класса он говорит, а тем самым вплотную приводит нас к вопросу о накоплении в государственном хозяйстве. Если т. Бухарин убежден, что кооперирование деревни пойдет исключительно или главным образом через обмен, что вообще говоря не исключено и даже довольно вероятно, то, во-первых, он должен это еще доказать и именно он должен доказать, раз он утверждает, что в моей статье в этом пункте имеется брешь. Пусть он покажет, как именно кооперирование из сферы обмена будет захватывать производство. Если он напишет на эту тему больше того, что я написал по этому вопросу в книжке «От нэпа к социализму» и в статьях о долгосрочном кредите, если напишет больше того, что другие написали на эту тему, поблагодарим его за это. Но пусть напишет, а не прячется за статью Ленина, который этот вопрос в такой конкретной постановке вовсе не ставит.

Но если в данной статье Ленин ничего не говорит о том, как он представляет себе трансформацию крестьянского хозяйства; если в данной статье он ничего не говорит о роли крупной промышленности в деле этой трансформации, то в других местах своих речей и статей он не один раз останавливался на этом вопросе. Приведем немногие из этих мест, чтобы не удлинять нашего изложения. В своей речи на VIII Всероссийском С'езде Советов Ленин говорил: «Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество» (том XVII, стр. 428). В докладе о продналоге, сделанном на всероссийской партконференции 26 мая 1921 года, Ленин говорил: «Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества, является одна и только одна, это—крупная промышленность... мы эту базу крупной промышленности можем подвести под нашу экономику, подвести должны и подведем. Без этого ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи». В речи на заседании III Конгресса Коминтерна от 5-го июля 1921 года Ленин между прочим говорил: «Мы говорим: крупная промышленность—единственное средство спасти крестьянство от нужды и голода. С этим все согласны, но как сделать это? Восстановление промышленности на старой основе требует слишком много труда и времени. Мы должны придать промышленности более современные формы, именно перейдя к электрификации. Она требует значительно меньшего времени».

Я думаю, что тов. Бухарин не будет обвинять Ленина в недооценке роли крестьянства и в переоценке роли государственной промышленности. Он, я думаю, не решится обвинять его также в том, что в первой из приведенных цитат он выдвигал перспективу «пожирания» крестьянского хозяйства, когда говорил об электрификации не только промышленной, но и земледельческой. Но тов. Бухарин должен подумать об одной вещи, мысль о чем напрашивается сама собой. Как он предполагает сбалансировать свои возражения против меня с цитированными словами Ленина? Здесь мы подходим к центральному пункту нашего спора. Основной вопрос здесь стоит так: либо тов. Бухарин должен доказать, что статья Ленина о кооперации противоречит приведенными выше цитатами из Ленина, и тогда, он, в случае удачи этого предприятия, имел бы основание говорить не о моем расхождении с ленинизмом, а о своем расхождении со всем тем, что Ленин писал и говорил до этой статьи «О кооперации»; либо он должен доказать, что эта последняя статья Ленина не противоречит, а лишь развивает в определенной области те взгляды, которые Ленин развивал о перспективах нашего экономического развития раньше, развивал вообще, не только в связи с вопросом о кооперировании крестьянства, а в связи с общей перспективой нашего социалистического движения вперед. В последнем случае, однако, тов. Бухарину пришлось бы взять обратно всю свою аргументацию, которую он построил против моей статьи. Он должен здесь сбалансировать в своем понимании ленинизма, но он не должен тут балансировать. Вопрос здесь стоит прямо: или — или.

Я лично убежден, что статья Ленина о кооперации не противоречит всем тем взглядам, которые Ленин развивал на будущее социализма в нашей стране. Кооперирование крестьянства, какие бы формы оно ни приняло, есть лишь часть общего вопроса о нашем социалистическом движении вперед. Без быстрого развития государственного хозяйства не может быть и достаточно быстрого кооперирования крестьянства, если только это кооперирование не будет кооперированием против нас. А сколько-нибудь быстрое развитие государственной промышленности невозможно без достаточно быстрого накопления в нашей государственной промышленности. Изучать условия этого накопления, успехи, которые оно делает; препятствия, которые оно встречает,—значит изучать один из самых основных вопросов социалистического развития нашей страны. Возражения тов. Бухарина против меня имели бы смысл только в одном единственном случае: если бы он вздумал подвергнуть ревизии как все взгляды нашей партии на перспективы нашего экономического развития, так и то понимание диктатуры пролетариата и ту основную линию в наших взаимоотношениях с крестьянством, которой мы держимся, начиная с того момента, когда мы взяли курс на социалистическую революцию и социалистическое переустройство общества, освобожденного от власти капитала. Но эта ревизия была бы ревизией ленинизма не в полемическом, а в подлинном смысле этого слова, при чем аргументы тов. Бухарина били бы тогда гораздо дальше той скромной мишени, которой является в данном случае моя статья.

Как мы отчасти видели выше и как мы увидим сейчас, тов. Бухарин также переусердствовал в полемике и также мало сбалансировал по-ленински свои аргументы и в другом вопросе огромной важности, в вопросе о рабоче-крестьянском блоке в условиях диктатуры пролетариата.

Рабоче-крестьянский блок.

На тему о рабоче-крестьянском блоке т. Бухарин наговорил очень много на протяжении всей статьи. Но все сказанное им абсолютно бьет мимо цели, потому что эти общие формулировки, поскольку он в них точно излагает Ленина, являются истиной совершенно бесспорной и никем в нашей партии неоспариваемой. А поскольку он при этом неточно и неверно излагает мою статью, они ко мне не относятся и в напоминании о них я не нуждаюсь. Все его усилия доказать, что мое теоретическое построение противоречит ленинской позиции о рабоче-крестьянском блоке, оказались совершенно бесплодными. Он не может процитировать из статьи ни одной строчки в доказательство своих утверждений и не может потому, что эта проблема пока не затронута у меня и должна быть рассмотрена после анализа экономики промышленности и земледелия. Я уже говорил о том, что мне еще предстоит выяснить, по возможности в чистом виде, тенденции развития нашего товарного хозяйства, и тем самым выяснить экономическую основу той силы (мелких производителей), по отношению к которой необходимо осуществлять блок. Самый сильный аргумент т. Бухарина против меня состоит в том, что я выясняю проблему первоначального социалистического накопления путем сравнения этого процесса с фактами из эпохи первоначального капиталистического накопления. Эту аналогию т. Бухарин считает «чудовищной», потому что между рыцарями первоначального накопления и их вождями не может быть блока.

Во-первых, если я развиваю свои взгляды путем сравнения двух систем хозяйства и двух эпох, это относится прежде всего к методу изложения, а не к существу всего построения. Метод изложения может быть и другим, без сравнений по сходству и различию, от этого ничего не меняется в концепции, она может по-моему лишь пострадать с точки зрения более рельефного освещения отдельных ее сторон.

Во-вторых, с каких это пор научное сравнение, скажем, человека с собакой является унизительным для homo sapiens'a? Я не понимаю, почему мы, например, не можем научно сравнивать пролетарского государства с буржуазным, не можем сравнивать нашу юстицию с капиталистической и т. д.? Разве пролетарское государство делается от этого сравнения менее пролетарским, разве мы не видим лучше и отчетливее особенности пролетарского государства, когда сравниваем его с буржуазным? Все это так ясно, что скучно это повторять, вместо того, чтобы заняться исследованием новых проблем. Но в этом пункте тов. Бухарину совсем не повезло и с другой стороны. По иронии судьбы, как раз в статье Ленина о кооперации и как раз в той же фразе,

которую т. Бухарин благоразумно выпустил в своей цитате, Ленин, нисколько не смущаясь нарушить рабоче-крестьянский блок, говорит о том, чего стоило рождение «свободного капитализма», т.-е. сравнивает строителей социализма,—о ужас!—с рыцарями первоначального накопления. Но если «право на сравнение» нужно подтверждать логическими доказательствами и в частности цитатами из Ленина, то это доказывает только, в какой теоретический тупик мы можем попасть, если и дальше каждый шаг в деле научного изучения нашего хозяйства надо будет делать, перешагивая через такие баррикады, как разбираемая статья т. Бухарина.

В своем сравнении я оставался в пределах анализа систем хозяйства лишь с точки зрения обмена веществ между этими системами. Я не касался междуклассовых отношений в нашей экономике, именно потому, что политика есть концентрированная экономика и надо дать сначала анализ экономики со всеми ее тенденциями, взятыми в чистом виде. Я не знаю, может быть т. Бухарин, взявшись за аналогичное исследование, избрал бы другой путь, т.-е. он начал бы с политики, перешел бы затем к экономике и снова бы вернулся к политике. Мне же этот путь казался более длинным, неизбежно требующим повторений и неудобным еще потому, что причины часто перепутывались бы со следствием. Ведь закон первоначального социалистического накопления есть закон, коренящийся в экономике государственного хозяйства. Чтобы добраться до политики, до концентрата от целого, как я уже сказал выше, надо проанализировать в наших условиях законы товарного хозяйства, имеющие своей базой прежде всего частное хозяйство, а также влияние на нас мирового капитализма. Когда т. Бухарин упрекает меня в эклектизме и в том, что я мало говорю о политике, то это доказывает лишь, что в интересах именно политики и политической полемики он не постарался понять ни моего метода исследования, ни моего метода изложения.

Но так как т. Бухарин тянет меня за язык и сам соблазнился методом аналогий, то я должен здесь сказать несколько слов о взаимоотношениях пролетариата с крестьянством с историко-социологической точки зрения. Начнем прежде всего с аналогии т. Бухарина. Процитирую его собственные слова: «Сейчас у рабочего класса власть и промышленность; у крестьянства, фактически, земля и сельское хозяйство; крестьянин—продавец сельскохозяйственных продуктов и покупатель продуктов промышленности; рабочий—в общем наоборот. Непосредственно интересы сталкиваются именно по этой линии. Крестьянин к тому же—остаток старинного времени, хотя и громадный по своему удельному весу «остаток».

Это похоже вовсе не на отношение между рыцарями накопления и крестьянами. Это похоже на отношение между промышленной буржуазией и землевладельцами в определенный период развития их отношений, хотя, конечно, даже здесь аналогия крайне условная и идет далеко не по всем направлениям.

У буржуазии—власть и фабрики. У землевладельцев—земля. Противоречие интересов идет по линии цен. Отсюда—их борьба, иногда

при определенных условиях довольно острая. Но в то же время (мы говорим о периоде власти буржуазии) это есть блок, союз капиталиста и помещика против рабочего класса. Буржуазия руководит этим блоком, буржуазия опирается на землевладельцев и поддерживается ими.

Какова же была за последнее время эволюция этих классов? Она заключается в том, что через процессы обращения, через банки, через формы акционерных компаний и т. д. и те и другие (т.-е. и промышленные капиталисты и землевладельцы) в значительной мере стали превращаться в нечто единое, в получателей дивиденда. Дивиденд стал, так сказать, синтезом прежде разнокалиберных видов дохода, таковой по крайней мере была (и есть) основная тенденция развития в разбираемой сфере отношений.

Нечто формально сходное будет происходить,—если брать широкие исторические масштабы,—и с рабоче-крестьянским блоком. По мере того, как через процесс обращения крестьянское хозяйство будет все более и более втягиваться в социалистическую орбиту, будут стираться классовые грани, которые потонут в бесклассовом обществе.

Разумеется, это—музыка будущего. Разумеется, на очереди дня стоят сейчас иные проблемы, но нам нужно видеть перспективу, чтобы знать куда мы хотим «гнуть» свою линию. «И та перспектива, из которой исходит т. Преображенский, в корне неправильна».

Я не имею ничего против того, чтобы прощупать вопрос в плоскости той аналогии, которую проводит здесь т. Бухарин. Я только категорически возражаю опять против того, чтобы эту аналогию противопоставлять моей. Я говорил о том, что социалистическая система должна питаться не только из своих собственных источников, но из источников досоциалистических форм, так же, как ранний капитализм в своем развитии питался из ресурсов докапиталистических способов производства. Т. Бухарин в этом основном пункте, как мы видели, согласился со мной, оспаривая лишь терминологию. Между тем моя аналогия не идет дальше анализа обмена веществ между системами и баланса обмена. Т. Бухарин ставит новый вопрос и приводит аналогию совсем в другой плоскости.

В чем слабость аналогии т. Бухарина?

В том, что, взяв «широкие исторические масштабы», он перепрыгнул через особенность теперешнего периода и сделал он это не случайно, а именно потому, что из его аналогии в противоположность моей ничего не вытанцовывается, если сравнивать непроизвольно взятые периоды из сферы сравниваемых отношений, а взять аналогичные исторические периоды в развитии сравниваемых классов. Мы находимся в стадии первых лет социализма. Необходимо для этих первых лет, первых десятилетий брать соответствующий период истории капитализма, т.-е., примерно, период до буржуазных революций или в крайнем случае эпоху этих революций. А этот период существеннейшим образом отличается от той эпохи, когда крепостной помещик превратился в капиталиста-землевладельца, когда произошло сращивание с банками не только капиталистической про-

мышленности, но и капиталистического земледелия. Этой эпохе предшествовала сильнейшая классовая борьба городской буржуазии с крупным землевладением, борьба, в ходе которой крупное землевладение шло в блоке с духовенством против 3-го сословия. В эту эпоху буржуазия «не опирается на землевладельцев», а часто выпирается землевладельцами от власти путем ряда контр-революций, либо принуждается к серьезнейшим компромиссам, компромиссам, задерживающим буржуазное развитие, отбрасывающим его на Прусский путь вместо Американского (употребляя терминологию Ленина). Это во-первых. А во-вторых, блок этих классов осуществляется в конце концов на базе именно крупного капиталистического способа производства, которое превращает крепостное поместье в капиталистическую земельную фабрику, обрастающую сахарными, винокуренными пивоваренными и др. заводами. А ведь государственное хозяйство пролетариата и современное крестьянское хозяйство представляет исторически д в а р а з л и ч н ы х т и п а х о з я й с т в а, для унификации которых необходим огромный исторический период борьбы этих форм и приспособление низших форм к высшим.

Т. Бухарин, чтобы натянуть свое «крайне условное» сравнение, вынужден перепрыгивать через этот период, тогда как вся задача именно и заключается в том, чтобы показать, как мы пройдем этот период, в первую очередь, как пройдем хотя бы первые два десятилетия существования советской власти, когда классовая борьба вообще не прекратится, а лишь изменит свою форму. Когда т. Бухарин говорит, что эти построения, это—лишь музыка будущего и что «на очереди дня стоят сейчас иные проблемы», то он тем самым совершенно обесценивает все свое построение именно для нынешнего времени. Он сам тем самым признает, что ничего не говорит нам о з а д а ч а х с е г о д н я ш н е г о д н я и о р е а л ь н ы х о т н о ш е н и я х с е г о д н я ш н е г о д н я.

В чем сущность рабоче-крестьянского блока? В том, что пролетариат, как господствующий класс и, следовательно, как класс, отвечающий за все советское общество в целом, руководя крестьянством в своей борьбе за существование советской системы, выполняет при этом свою великую историческую миссию развития и укрепления нового типа хозяйства, борется со всеми колебаниями, разочарованиями, возмущениями и отходами от него своего союзника.

Против кого создан этот союз? Против внутренних сил—помещиков и капиталистов, а после их разгрома, прежде всего против мирового капитала. Крестьянство здесь неизбежно колеблется, потому что прорыв нашей системы, прорыв монополии внешней торговли и таможенного барьера обещают крестьянству более дешевый иностранный товар и отчасти увеличение цен на продукты сельского хозяйства, т.-е. обещают улучшение с точки зрения сегодняшнего дня. Но в то же время этот прорыв означает победу мирового капитала над нашей советской системой, а тем самым уплату этому капиталу по одним подсчетам 18-ти, по другим—16-ти миллиардов рублей золотом довоенных, военных долгов и всяких претензий. Это сумма, которая была бы

достаточна для полного восстановления нашей промышленности и нашего земледелия далеко за довоенный уровень. Такой оборот дела много хуже тех временных выгод, которые получило бы крестьянство, променяв блок с пролетариатом против мирового капитала на блок с капиталом против пролетариата. Не говоря уже о том, что такой исход означал бы превращение нашей страны в колонию. Если бы дело дошло до войны с капиталистическими странами, то для успеха в этой войне соответствующее настроение крестьянства имеет, разумеется, первостепенное значение. Но не меньшее значение имеют и успехи промышленности, без развития которой, без успеха в которой невозможны успехи и на военном фронте.

Рабоче-крестьянский блок нельзя рассматривать только под углом зрения компромисса с деревней. Этот компромисс нам нужен не сам по себе, а затем, чтобы крестьянство при одном из своих колебаний в сторону капитала не прервало той постройки всемирно-исторического значения, которую возводит пролетариат в виде государственного хозяйства, со всеми его возможностями и в том числе с возможностями для самого крестьянства. С этой точки зрения нижеприведенное место из нашей программы—и все то, что говорил Ленин о блоке рабочих и крестьян,—нисколько не противоречит излагаемой мною в статье точке зрения. Потому что это изложение есть анализ условий существования и развития той системы, во имя которой мы идем и пойдем в будущем на необходимые компромиссы, поскольку они будут нужны для сохранения пролетарской диктатуры и для предупреждения срыва развивающегося государственного хозяйства. Вот что мы читаем по этому пункту в нашей программе. «По отношению к среднему крестьянству политика РКП состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства. Партия ставит своей задачей отдалять его от кулаков, привлекая его на сторону рабочего класса внимательным отношением к его нуждам, борясь с его отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления, стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, к практическим соглашениям с ним, идя на уступки ему в определении способов проведения социлистических преобразований».

Все это твердо усвоено нашей партией; все это не требовало и не требует никаких ревизий и все это, насколько я знаю, и не вызывало до сих пор никаких ревизий. В нашей партии нет такого сумасшедшего, который не понимал бы, что если все здание пролетарской диктатуры заколеблется до самых своих основ, вследствие разрыва пролетариата с крестьянством, то пролетариат не выполнит своей исторической задачи и в деле развития государственного хозяйства.

Но с другой стороны было бы вульгаризацией ленинизма, если бы при изложении ленинского понимания проблемы рабоче-крестьянского блока мы бы избегали освещения другой стороны вопроса: ц е л и наших уступок, предела их, хотя бы в общем алгебраическом выражении. Не зря же Ленин не раз говорил на эту тему. Достаточно привести следующие его слова из доклада на всероссийской партконференции 26 мая 1921 г.:

«На формуле соглашения рабочего класса и крестьянства очень часто останавливаются и очень часто пускают ее в ход против нас враги Советской власти, потому что сама по себе эта формула совершенно неопределенна. Под соглашением между рабочим классом и крестьянством можно понимать что угодно. Если не иметь в виду, что соглашение с точки зрения рабочего класса лишь тогда является допустимым, правильным и принципиально возможным, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов, то формула соглашения рабочего класса с крестьянством, конечно, остается формулой, которую все враги Советской власти и все враги диктатуры в своих взглядах и приводят» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 257. См. там же еще стр. 271).

Но ведь диктатура пролетариата может подвергаться опасности не только постольку, поскольку нам не удается «ужиться» с крестьянством, вследствие ошибок в политике по отношению к деревне, но также и вследствие того, что наш экономический базис будет развиваться медленнее, чем растут капиталистические побеги нашей экономики на основе товарного хозяйства. И в этом случае, именно вследствие медленного развития промышленности трудно будет «ужиться». А отсюда в интересах того же блока и проверки его крепости надо изучать все, что происходит в нашем государственном хозяйстве. Нам надо внимательнейшим образом изучить основные предпосылки развития нашего хозяйства. Только обеспечив это их изучение, мы в состоянии будем знать, как в каждый данный момент обстоит дело с нашей базой, как выглядит производственная база той стороны, которая руководит блоком, каковы ее ресурсы на предмет уступок по отношению к союзнику и каковы естественные пределы этих уступок.

Своеобразие положения крестьянства при диктатуре пролетариата заключается в том, что этот класс не является господствующим классом в обычном смысле этого слова, но не является и угнетенным классом, хотя и представляет низшую форму производства, которая должна быть побеждена и трансформирована под действием исторически более высокой формы. Наоборот, мы видим в нашей системе следующее интересное явление. Часть правящего класса, т.-е. часть рабочих, теснейшим образом связана с крестьянством на экономической почве и, таким образом, в недрах самого правящего класса крестьянство имеет свое естественное представительство. Рост государственной промышленности, новые потоки рабочих сил из деревни, которые будут в нее приливать, будут обеспечивать систему этого представительства на долгие и долгие годы в будущем, представительства, которое, быть может, не менее важно, чем те права, которые предоставлены крестьянству по нашей советской конституции. Пролетариат и крестьянство в нашем советском обществе—это сообщающиеся сосуды. При волнении в крестьянском море происходит всегда движение воды и внутри пролетариата. Анализ пролетарской диктатуры в крестьянской стране именно под этим углом зрения был бы куда более плодотворным, чем условное сравнение крестьянства с классовыми помещиками.

а рабочих—с капиталистами, сравнение, при котором нарушены все исторические перспективы.

Наконец, еще более важен здесь анализ с такой точки зрения. Наше теперешнее крестьянское хозяйство по своему типу очень мало отличается от довоенного крестьянского хозяйства, внутренние изменения в нем, к сожалению, пока еще очень невелики. Между тем, наша экономика и направление ее развития, а также и взаимоотношения крестьянства по отношению к господствующему классу в корне изменились по сравнению с дореволюционным периодом. Следовательно, трансформирующим центром является город, является государственное хозяйство, а поэтому новый тип связи классов, новые основы советского общества, как небывалой еще в истории общественной формации, мы должны изучать с трансформирующего центра, что я и делаю в своей работе.

Об экономической политике.

Здесь, как это ни скучно, приходится сначала освободиться от «подстановок» тов. Бухарина при толковании моего текста. В своей статье я пишу: «... Мысль о том, что социалистическое хозяйство может развиваться само, не требуя ресурсов мелкобуржуазного и в том числе крестьянского хозяйства, является, несомненно, реакционной, мелкобуржуазной утопией. Задача социалистического государства заключается не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше из еще большего дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе мелкого хозяйства страны».

Выше мы видели, что т. Бухарин согласился с тем, что государственное хозяйство не может не использовать добавочных ресурсов из мелкого производства. Мы брали эти ресурсы до сих пор, берем и неизбежно будем брать. Каково же наше удивление, когда эту совершенно бесспорную мысль тов. Бухарин рассматривает, как стрелу, пущенную в «мелкобуржуазную политику нашей партии». Удивительно, как т. Бухарин не заметил этого противоречия в своей собственной статье. Вообще здесь я лишь описываю то, что у нас до сих пор имело место. Если т. Бухарин рассмотрит наши государственные бюджеты последних лет и в этих бюджетах обратит внимание на графу о сметных ассигнованиях на промышленность, то он увидит, что наша реальная политика была именно той, какой я ее описываю и каковой должна быть и на будущее время политика в период первоначального социалистического накопления. Эта политика осуществлялась, несмотря на давление мелкобуржуазной массы страны. И дальше, как с этим согласился тов. Бухарин, мы вынуждены будем брать ресурсы с частного хозяйства на восстановление и развертывание промышленности, на ее техническое переоборудование. Если же я говорю о мелкобуржуазных утопиях, то, во-первых, потому, что крестьянских стран без мелкобуржуазных утопий не бывает, а во-вторых, потому, что мы можем встретиться в будущем с попыткой ревизии экономической политики в этом пункте.

Это надо предвидеть и с этим надо бороться. Лучшим же способом борьбы с попытками ревизии нашей экономической политики в этом направлении является изучение условий существования и предпосылок развития государственного хозяйства.

Мою точку зрения в области политики цен т. Бухарин формулировал двумя словами: «бери дороже». Выражаясь мягко, это вопиющая неверность. В моей работе ни разу нигде не говорится об удорожании цен. Я специально оговариваюсь, что политика накопления у нас не только возможна, но и фактически будет происходить при снижающихся или стабильных ценах. Утверждение тов. Бухарина есть искажение и текста и смысла моих слов. Моя настоящая точка зрения в этом вопросе сводится к следующему. Правильная политика цен на продукцию государственной промышленности должна преследовать следующие три цели: накопление для расширенного воспроизводства и для технического переоборудования промышленности, повышение заработной платы, понижение цен. Достижимы ли эти цели одновременно, нет ли здесь противоречий? Достижимы. Противоречия были бы лишь в том случае, если бы все хозяйство находилось в стабильном состоянии, если бы в стабильном состоянии находились и размеры доходов, как в государственном, так и в крестьянском хозяйстве. Тогда накопление можно было бы осуществить лишь за счет снижения заработной платы или повышения цен; понижение цен было бы возможно лишь за счет накопления и понижения зарплаты и т. д. Но при росте производительности труда эта треугольная проблема разрешима одновременно. Тов. Бухарин поучает меня тому же самому, т.-е. тому, что я знал и высказывал до него. С обычной в данной статье точностью он говорит, что я занимаюсь дележом лишь стабильного дохода. Мне это наставление не нужно. Но оно полезно тов. Бухарину, потому что, если он понял этот пункт, он может усвоить и дальнейшее в моем изложении.

Итак, при росте производительности труда треугольная проблема разрешима. Это и есть, в сущности, формула блока рабочих и крестьян в важнейшем пункте экономического поля. Приведу числовой пример. Если, допустим, в данном году наша промышленность, благодаря большей загрузке предприятия, улучшению техники, более производительному труду рабочих, лучшей организации всего процесса и большей плановости во всем государственном хозяйстве, производит единицу продукции на 10% дешевле и в переводе на деньги, по отношению ко всей продукции, дает, скажем, лишних 150 миллионов, то правильная политика цен будет заключаться в том, чтобы эта «экономия» распределялась по трем линиям: по линии накопления, понижения цен и роста зарплаты. Такое распределение есть само не только функция роста производства и производительности труда, но является его необходимейшей предпосылкой. Только при такой системе распределения возможно не только стимулировать сбыт растущей массы продукции и постепенно удовлетворять нужды деревни (что есть только лишь одно из условий задачи, а не вся задача), но возможно и решение двух других условий, без которых движение вперед невозможно. Финансирование растущей производительности труда, т.-е.

рост зарплаты, есть необходимое условие для того, чтобы на этом поле не получилось стабилизации. Наконец, только при обеспечении накопления возможно дальнейшее развертывание производства. Ведь развертывание предполагает наличие нового капитала в разных пропорциях, «in natura», отлагающихся во всех отраслях, как необходимейшее условие расширенного воспроизводства, на следующем этапе. Как без прибавочной стоимости, превышающей по своим размерам потребление класса капиталистов о содерживаемых ими групп, невозможно расширение капиталистического воспроизводства, так и без определенного размера прибавочного продукта государственной промышленности немыслимо ее дальнейшее развитие. Идеально для нас политикой цен является такая политика, когда уровень цен, несмотря на их снижение, на основе успехов в производстве, предусматривает не просто воспроизводство, а воспроизводство расширенное плюс электрификация, и все это обеспечивается автоматически от одного цикла к другому. Если для некоторых отраслей такая политика невозможна, то тем более необходимо опереться в этом процессе на приток ресурсов из сфер, лежащих за пределами государственного хозяйства. Совершенно другой вопрос, в каких размерах возможно приближение к этому идеалу теперь. Здесь мы неизбежно должны учесть все условия решения задач: и сравнительно медленный рост накопления в крестьянском хозяйстве, и сравнительно медленный рост его покупательных способностей, и проблему пропорциональности в развитии промышленности и земледелия, и размеры урожая данного года, размеры возможного экспорта, цены на мировом хлебном рынке, цены на все предметы экспорта, и т. д., и т. д.

При проведении такой политики снижающихся цен мы встречаемся с одним важным затруднением. Поскольку розничная торговля находится по большей части в руках частного капитала, то наша политика понижения цен в отраслях, где производство отстает от спроса, наталкивается на серьезнейшее затруднение, парализующее политику снижения цен для потребителя. Так как большая часть розничной торговли находится в руках частного капитала, то при снижении цен в условиях товарного голода мы неизбежно имеем накопление именно в сфере частного капитала [1]). Большая доля от этого снижения

[1]) Приведу только один очень выразительный пример понижения цен при превышении спроса над предложением. Вся продукция текстильной промышленности за 1923/24 г. оценивалась в 570 миллионов руб. На одно только последнее снижение цен эта промышленность должна была пожертвовать свыше 40 миллионов рублей. Что получило от этого снижения среднее, бедное крестьянство, видно из следующих цифр. Из всей продукции текстильной промышленности прошлый год в деревню пошло хлопчатобумажной ткани 35%, шерстяных—27,6%, льняных—9,7%. А из всего деревенского потребления мануфактуры беднотой и середняками покупается около 60%. В то же время за прошлый год надбавки розничных цен в сравнении с оптовыми на ситец равнялись: 1-го апреля 1924 г. 31%, 1-го августа 38,5%, 1-го декабря 44,7%, т.-е. надбавки росли несмотря на снижение оптовых цен. Следовательно, огромную долю от снижения цен урвал себе частный капитал в мелкой торговле. Вот к чему приводит политика снижения цен во что бы то ни стало при недостаточном внутреннем производстве, т.-е. при недостаточном накоплении для расширенного воспроизводства.

попадает в его руки, и мы лишь отчасти достигаем улучшения положения потребителя, особенно деревенского потребителя. Если снижение цен срывает процесс накопления, т.-е. возможность расширенного воспроизводства в данной отрасли, то для нас закрывается путь для того, чтобы добиться реального снижения на следующем этапе. Ведь расширение требует добавочного капитала. Если этого добавочного капитала мы не получили за предыдущий цикл, то в новом году мы будем иметь размеры производства прошлого года. Ножницы между оптовыми и розничными ценами будут существовать, и потребитель попрежнему не сможет использовать выгод новой политики на снижение. В результате мы будем иметь застой в производстве и высокие цены в розничной торговле. В этом случае нам, разумеется, выгодно либо не понижает цен, пока мы не добились расширения производства, либо прибегнуть к товарной интервенции, если она в состоянии, с одной стороны, ликвидировать временный товарный голод, а с другой стороны—даст добавочные ресурсы нам для расширенного производства в данной отрасли в следующем сезоне. Отсюда ясно, что голый лозунг понижения цен, не контролируемый другими задачами, может в известных случаях приостановить развитие тех или иных отраслей нашей промышленности, не принося выгод широким массам потребителя, особенно деревенским. Мы должны стоять не на потребительской, а на производственной точке зрения и исходить из производства. Мы ведь живем еще не в социалистическом обществе с его производством для потребителя, мы живем в период первоначального социалистического накопления, под железной пятой закона этого накопления. Конечно, позиция производственника, в том числе и сознательного рабочего-производственника, не так популярна, как политика голого снижения цен во что бы то ни стало, не так популярна, как потребительский подход к нашей экономике. Но нужно помнить одно: политика снижения цен не превращается в фразу для низового потребителя лишь постольку, поскольку она является следствием накопления, расширенного воспроизводства на предыдущем этапе. Мы должны итти не от понижения цен к накоплению, а от накопления к понижению цен. Если для выхода из кризиса конца 1923 года нам было легко резко понизить цены, и это понижение имело положительный эффект и для самого производства, то только потому, что в предыдущий цикл мы накопили достаточно для этой операции, а может быть, и перенакопили сверх необходимого. При более или менее нормальных условиях развертывания нашей промышленности на будущее время такие скачки и материально невозможны для нас и нецелесообразны для всего хозяйства.

Необходимо здесь еще сказать, что одна из самых тяжких проблем нашей жизни—проблема о безработице—при всех попытках ее радикального решения целиком упирается в проблему накопления. Сотни миллионов ценностей в форме неиспользованного труда безработных рабочих, в виде стоящих заводов, с неиспользованным оборудованием, неэкономное использование капитала бывших заводов,—эти сотни миллионов гибнут, а люди голодают лишь потому, что мы только-

только еще приступаем к накоплению и делаем пока еще слабые успехи в этой области [1]).

Между тем, вопрос о безработице есть не только рабочий, но и крестьянский вопрос. Специальное исследование могло бы доказать, как много получила бы современная деревня с ее огромным резервуаром неиспользованной рабочей силы, если бы нам удалось установить довоенные соотношения между промышленностью и земледелием и тем самым занять сотни тысяч новых рабочих в производстве и еще большие массы крестьянских сил на различных сезонных работах.

Второй вопрос, на котором нужно здесь остановиться,—это вопрос о размерах обложения частного хозяйства в интересах развертывания промышленности. Выше я цитировал из своей статьи место, где говорилось о том, что наша задача в этой области заключается не в том, чтобы брать меньше, чем брал капитализм, а брать больше из еще более возросшего дохода. Тов. Бухарин называет эту мысль «здравой» (подумать только, честь какая!), но он не понимает, как эта мысль затесалась в то кладбище ошибок, которое он сфабриковал из моих взглядов для облегчения своих полемических задач. Между тем, у меня нет ничего, что противоречило бы этой мысли. Если, допустим, наше крестьянское хозяйство, благодаря интенсификации, через довольно продолжительный, разумеется, промежуток времени будет давать, скажем, в три раза больше дохода, чем давало до войны, что отнюдь не является утопией (наши агрономы считают возможным еще больший под'ем доходности), то почему мы не можем брать с него в полтора раза больше того, что брал капитализм? Или, если взять произвольный числовой пример: если капитализм брал, допустим, 20 рублей со ста рублей крестьянского дохода, почему социалистическое государство не может брать 30 рублей с 300 рублей дохода? Тем более, что через каналы долгосрочного кредита, одинаково выгодного при успешности накопления и промышленности и сельскому хозяйству, мы будем возвращать в капитал крестьянского хозяйства часть этих ресурсов. Все это не вызывает возражений т. Бухарина. Мало того: увлекшись этой перспективой, он даже дает здесь такую формулу, которая мало отличается от моей и гласит: «накопление в социалистической промышленности при большом удельном весе крестьянских хозяйств есть функция накопления в крестьянском хозяйстве». Тов. Бухарин не по-

---

[1]) Как трудно будет у нас проводить процесс этого накопления, видно даже в сфере теории. Еле-еле началось теоретическое осмысливание этого процесса, как уже раздался „караул"! Между тем без успешного накопления в промышленности проблема дальнейшего снижения цен неосуществима. Это путь трудный, но единственно для нас возможный. Если бы мы отказались от этого пути или тормозили движение на этом пути, то для снижения цен не что бы то ни стало остался бы об'ективно только один единственный выход: ликвидация монополии внешней торговли и смычка крестьянского хозяйства с иностранной промышленностью, т.-е. путь ликвидации государственной промышленности. Раз последнее для нас исключено, остается только путь через накопление. Значит, во имя снижения цен, во имя укрепления рабоче-крестьянского блока, во имя укрепления нашей диктатуры, во имя ликвидации безработицы, во имя роста заработной платы — необходимо возможно более успешное накопление.

нимает лишь, каким образом мой тезис согласуется с перспективой «пожирания» крестьянского хозяйства государством, согласуется с программой колониального обирательства деревни, игнорированием емкости крестьянского рынка и т. д. Но если принять во внимание, что и «пожирание», и колониальная политика, и т. д. есть лишь продукт «отрицательного расширенного воспроизводства» моего оппонента в области полемики, то противоречие сразу «снимается»; снимается гораздо проще, чем это нужно по Гегелю. Точно так же соображение тов. Бухарина насчет того, что я, якобы, предлагаю резать курицу, несущую золотые яйца для нашей госпромышленности, т.-е. предлагаю задерживать развитие крестьянского хозяйства,—находится в вопиющем противоречии с текстом моей работы. А нужно еще раз сказать, что в моей статье не дается цифрового анализа хозяйства, не дается оценки удельного веса этих отдельных частей в цифровом выражении. Т. Бухарин и здесь слишком поторопился вступить в бой, не дождавшись изложения моих взглядов на экономику современного крестьянского хозяйства Союза. И когда тов. Бухарин поучает меня насчет того, что накопление в крестьянском хозяйстве есть функция социалистического накопления, то он, во-первых, преподносит мне мой собственный тезис, выраженный лишь другими словами, а во-вторых, он преподносит его мне отнюдь не в улучшенном виде. В самом деле, говоря о зависимости государственного хозяйства от размеров обмена этого хозяйства с частным, я пишу: «В этом пункте (т.-е. в пункте обменной связи с частным хозяйством. *Е. П.)* пропорциональность в развертывании государственной промышленности зависит от пропорциональности развертывания в частном хозяйстве. Последнее же складывается стихийно. Здесь государственная промышленность привязана крепко к колеснице частного хозяйства. И как раз ее работа на рыночный спрос является необходимой предпосылкой самого социалистического накопления. Если накопление за счет частного хозяйства означает активный баланс обмениваемых ценностей на сторону государственного хозяйства, то этот баланс будет тем больше, чем больше при прочих равных условиях числовые величины обмена» (стр. 112—113). Иными словами, размеры накопления связаны с размерами обмена. Увеличение же обмена со стороны деревни возможно лишь на базе увеличения товарности крестьянского хозяйства, а рост товарности есть синоним под'ема хозяйства и его доходности; отсюда зависимость между размерами обмена и накоплением. Как все это похоже на то, что пишет мне тов. Бухарин!

Но изложение тов. Бухарина не является улучшенным по сравнению с моим, потому что не отражает огромной важности диалектического противоречия, которое связано с описываемым процессом. Это противоречие заключается в следующем. Чем быстрее поднимается крестьянское хозяйство и растет его товарность, тем больше база для социалистического накопления на этом участке. Это, с одной стороны. Но чем быстрее его рост, тем шире база для развертывания основных законов товарного хозяйства, тем глубже и шире волны колебания ры-

ночной стихии, тем шире база для образования на его основе капиталистических отношений, со всеми вытекающими отсюда и экономическими и политическими последствиями для социалистической системы. Условия роста на обоих полюсах есть в то же время условия роста противоречий между двумя системами, потому что одновременно растут и возможности более глубокого регулирования хозяйства со стороны государства и силы, противодействующие этому регулированию, срывающие его. Мысль эта, вообще говоря, не является новой. Она высказывалась не один раз. В иной форме она высказывалась и тов. Лениным. Но нам, во всяком случае, важно следить каждый данный момент за развитием этого противоречия и быть всегда в курсе дела насчет того, каковы арифметические выражения этих, с одной стороны, растущих, с другой стороны, сглаживающихся противоречий. Увлекшись задачей во что бы то ни стало «разбить Преображенского», тов. Бухарин усиленно занялся одной стороной проблемы, вторая же ускользает из его поля зрения.

Что касается емкости внутреннего крестьянского рынка и оценки его роли для нашей промышленности, то меньше всего я должен слышать здесь наставления от тов. Бухарина. Эту проблему я выдвинул полтора года тому назад в докладе и брошюре «Об экономических кризисах при нэпе», за что, по иронии судьбы, получил тогда от т. Ларина упрек в народничестве. Этой проблеме и в той моей работе, главу из которой критикует тов. Бухарин, также будет уделено много места. Тов. Бухарин говорит, что на эту тему у меня есть только одно замечание. Я согласен, что об этом сказано мало, мало по вполне понятной причине. Ведь, если бы я в одной главе мог написать сразу обо всем, тогда не нужно было бы и книги. Мало ли о чем в статье не сказано! Например, ничего не сказано и об емкости нашего городского рынка для крестьянского хозяйства, что также имеет огромное значение для нашей экономики и что усугубляет именно для крестьянства всю важность быстрого накопления, т.-е. расширенного воспроизводства в промышленности. Кризис животноводства этого года является выразительнейшей иллюстрацией этого.

Тов. Бухарин не согласен с моим утверждением насчет необходимости для нас на ближайшие годы падающих или неизменных цен; он считает правильным лозунг только падающих цен. На это я должен заметить следующее. Во-первых, у нас есть некоторые отрасли промышленности, где нам нет никакого смысла особенно заботиться о снижении цен: таковы, скажем, все производства, связанные с буржуазным спросом, например, производство предметов роскоши; таковы, например, производства спиртных напитков и т. д. К снижению себестоимости нужно стремиться и здесь, а прибыль этих отраслей переносить в другие производства, страдающие от недостатка капитала, поскольку эта задача не решается повышением акциза. Затем я говорил в статье не только о текущем годе и следующем. Когда у нас с еще большей остротой, чем теперь, станет проблема восстановления основного капитала промышленности и когда ножницы между ценами на промышленный и сельскохозяйственный товары достигнут мировых соот-

ношений либо наших довоенных пропорций,—политика цен должна будет перемежаться с продолжительными сроками стабильных цен, а при вздорожании сырья, особенно заграничного (хлопок, каучук, мягкая шерсть, толстая кожа и т. д.),—что не от нас зависит,—не исключено и колебание цен вверх. Поэтому-то я для осторожности не говорил только о понижающихся ценах.

Тов. Бухарин сильно обрушивается на одно мое замечание насчет невыгодности для нас «филантропической» торговли. О чем здесь идет речь?

Я говорил в данном месте статьи о нецелесообразности с точки зрения накопления занимать часть государственного капитала в такой торговле, которая не приносит нам прибыли и не решает других более важных проблем, т.-е. прежде всего проблемы дальнейшего расширения производства. При крайней нашей бедности капиталами государству каждый данный момент приходится решать вопрос о том, куда именно теперь настоятельно необходимо и выгодно направлять свои средства. Сейчас этот вопрос стоит перед нами во всей остроте. Выгодно ли нам занимать наши средства в торговле тогда, когда в промышленности резкий недостаток этих средств? Разумеется, нам не избежать помещения части государственного капитала в государственной торговле и в кооперации. Наши средства, помещаемые в этих областях, т.-е. в сфере обмена, будут, несомненно, расти. Но нам совершенно нецелесообразно именно в данный момент помещать эти средства в такой торговле, которая ничего не дает для дела накопления и решает только задачу уменьшения эксплоатации мелкого производителя со стороны частного капитала. Последняя задача, вообще говоря, является также важной, но здесь нам необходимо центр тяжести нашей политики переносить на вовлечение капитала самих мелких производителей в этого сорта торговлю, развивать на собственные средства крестьян кооперацию по сбыту и не связывать в этой торговле часть нашего государственного капитала, снимая его с производства. Мы еще сейчас недостаточно богаты, чтобы перейти в массовом масштабе к овладеванию и этой частью обмена. Вот все, что я имел в виду здесь сказать. На основании уже имеющегося опыта правильность этой мысли вполне подтвердилась опытом последнего года.

О движущих силах развития нашей экономики.

Тов. Бухарин в параграфе своей статьи, озаглавленном: «Монополистический паразитизм или социалистическое движение вперед», развивает ряд совершенно правильных мыслей на счет того, что должно толкать вперед нашу промышленность в условиях государственной монополии на крупное производство и транспорт. Я не понимаю лишь, почему эти мысли, которые я сам высказывал до появления статьи тов. Бухарина (что ему известно), должны явиться возражением против моей точки зрения. Если движущей силой капиталистического развития являлась и отчасти является теперь конкуренция, если капиталисти-

ческие предприятия под мечом банкротства должны были снижать цены и бороться за свое существование, повышая технику, поднимая производительность труда и снижая цены, если в то же время стимулом для капиталистов являлась погоня за прибылью, то государственное хозяйство пролетариата развивает другие стимулы и регуляторы производства, присущие именно этой системе хозяйства. Основным рычагом давления является здесь потребительский нажим рабочего класса на свое государство и его аппарат. С этой точки зрения не только давление беспартийных рабочих на профсоюзы и давление профсоюзов на хозяйственные органы и государство есть необходимейшая часть этого механизма новой экономики, но таковую же роль отчасти играет и стихийное давление рабочих, вплоть до так наз. «волынок». Здесь наша система, с одной стороны, сознательно организованно, с другой стороны, стихийно нащупывает внутри себя такие регуляторы, которые должны заменить стимулы конкурентной капиталистической борьбы и тем выполнить те же самые функции, но только другими средствами. Эти средства находятся в прямой зависимости от того, что государство у нас рабочее и промышленность у нас государственная и что эта государственная промышленность сращена с пролетарским государством.

Что касается потребительского нажима крестьян, то это давление не есть внутреннее давление социалистической формы, оно приходит извне, но по об'ективным последствиям близко к давлению рабочего класса. Разница же с рабочим давлением заключается здесь в следующем. Как конкуренция между капиталистическими предприятиями не затрогивает основ существования данной системы и в крайнем случае приводит лишь к банкротству и гибели отдельных слабых предприятий, так и рабочее давление на свое государство не может колебать основ этого государства, а лишь ускоряет темп развития промышленности, улучшает методы работы и качество работы его органов. Наоборот, крестьянское давление по своему социальному, классовому содержанию есть давление извне, оно может переходить рамки давления одного союзника на другого и с этой стороны принципиально отлично от рабочего давления. Но, как стимул к поднятию производства и его рационализации, это давление, поскольку оно не колеблет советской системы, может иметь те же последствия, что и потребительский нажим пролетариата.

Вот именно, наличие этих рычагов в нашей экономической системе при давлении иностранного капитала извне и гарантирует государственное хозяйство от загнивания на лаврах монополии и чем дальше, тем сильнее будет подгонять всю систему к более быстрому бегу вперед. И этот вопрос я не затронул в своей статье, потому что он должен рассматриваться в другой главе книги, где будет итти речь об организационной структуре нашего хозяйства, о накоплении социалистической культуры и о выработке нового типа работников государственного хозяйства.

Так как все написанное тов. Бухариным в этом § отнюдь не является возражением мне, то, чтобы найти здесь какое-нибудь разногласие со мною, тов. Бухарин приписывает мне защиту такой политики

повышения цен, которая-де должна быть «другой формой налогового обложения». Да, я стою за то, чтобы прямые налоги с деревни свести до минимума. Скажем, к одному подоходному налогу, а все остальное брать акцизами и соответствующей политикой цен [1]). (Кстати, это была и мысль Владимира Ильича, которую я от него не раз слышал в период нэпа). Но если мы вступим на этот путь,—а мы отчасти уже на этот путь вступили,—то это отнюдь не значит, что мы можем добиться своей цели только путем повышения цен. Я уже говорил выше о том, что это не только необязательно для нас в настоящих условиях, но, что, наоборот, мы сможем осуществлять эту политику при падающих или стабильных ценах.

О законе социалистического накопления.

Тов. Бухарин относится скептически к сформулированному мною основному закону первоначального социалистического накопления, не только с политической, но, повидимому, и с научно-теоретической точки зрения. Однако, что же выдвинул тов. Бухарин против моего закона? Должен признаться, что я с наибольшим интересом и с наибольшим вниманием штудировал именно эту часть статьи тов. Бухарина, которая ко мне действительно относится. На основании опыта прошлого года я не без некоторого основания ожидал, что тов. Бухарин именно здесь либо даст нам новый материал к иной постановке самого вопроса, либо противопоставит моему построению свое, как он обычно делал это в таких случаях. Но здесь мне пришлось разочароваться. Весь центр тяжести статьи его оказался в сфере политики, т.-е. в той области, которой я непосредственно не касался и где мой оппонент, как известно, не является большим специалистом.

Тов. Бухарин лишь в конце статьи вспомнил о том, с чего должен был начать и чему должен был посвятить главную часть своего ответа. Что же он выдвинул против меня?

В основе моего закона, по мнению тов. Бухарина, лежит простой трюизм. В стране с диктатурой пролетариата, где промышленность более развита, там и прибавочного продукта будет получаться больше именно от промышленности, чем от мелких производителей. Там же, где промышленность слабее, а мелкое производство очень сильно, там—наоборот. Я не возражаю, что это трюизм, как и тов. Бухарин не будет, вероятно, возражать против того, что отправным логическим пунктом всякого закона является какой-либо трюизм или аксиома. Дело все в дальнейшей цепи выводов. Тов. Бухарин не считает обязательным логически связать трюизм с утверждением, что чем больше удельный вес в социалистическом государстве мелкого производства в сравнении с государственным хозяйством, тем более неэквивалентным будет товарный обмен между этими системами. Во-первых, я го-

[1]) Я говорил об этом в январе 1924 г. на партконференции, за что был обвинен т. Ларинам с присущей ему развязностью в мелкобуржуазном уклоне.

ворил в законе об общем балансе обмена веществ между двумя экономическими формами, а не об одном только балансе товарного обмена между ними. Возражение тов. Бухарина в этом пункте совершенно не относится к делу. Ведь, если принять, что, скажем, у нас в России неэквивалентность обмена в условиях свободы конкуренции с капиталистическими странами будет меньше, чем внутри передовых капиталистических стран, то это отнюдь не говорит о том, что при той же самой технике, но при отсутствии свободы конкуренции и при социалистической монополии все это не изменилось бы в период именно первоначального социалистического накопления. Ведь, начав с трюизма, мы сейчас же наталкиваемся на тот факт, что в период первоначального социалистического накопления и на все время существования именно п е р в о н а ч а л ь н о г о социалистического накопления цены промышленности должны включать в себя не только все элементы воспроизводства, но и обеспечить (если это не будет достигнуто налоговым путем) переход промышленности на новую техническую базу. Совсем другой вопрос, насколько растянется весь этот процесс, насколько медленнее или быстрее будет проходить это накопление. Разумеется, при общей нашей нищете и при низком уровне нашего земледелия, весь этот процесс, если не будет поддержки со стороны европейской революции, будет протекать очень медленно. Но этот процесс есть неизбежный процесс, это вопрос жизни и смерти для советской системы хозяйства. Закон первоначального социалистического накопления есть закон борьбы за существование государственного хозяйства. Неэквивалентность обмена, которой он требует и в сфере товарообмена, есть не только воспроизведение той пропорции, в которой эта неэквивалентность существует в капиталистических странах, но и связана с известным плюсом сверх этого. Что же касается вопроса о том, будет ли, скажем, в социалистической Германии обмен города с крестьянской деревней более эквивалентным, чем в Советском Союзе, этот вопрос сейчас академический, потому что никто не может точно учесть в каком % на цены нашего внутреннего промышленного производства будет ложиться техническое переоборудование хозяйства, с одной стороны; с другой стогоны, никто не может учесть и того, какой будет удельный вес трудоемких культур в земледелии социалистической Германии. Если же при формулировке закона я упомянул об уменьшении неэквивалентного обмена с бывшими колониями, то я имел в виду ту сторону неэквивалентности обмена, которая специфически связана с капиталистической и империалистической эксплоатацией и политикой. Тов. Бухарин пишет, что вопрос о неэквивалентности обмена не так прост, как я его себе представляю. Я отнюдь не думаю, что этот вопрос является простым и что он не требует самого обстоятельного теоретического изучения. Я прекрасно понимаю разницу в этом пункте между странами, которые имеют на ряду с мелким крестьянским также и крупное капиталистическое землевладение (которое станет социалистическим при диктатуре пролетариата), и между теми странами, которые в промышленности имеют крупное производство, а в земледелии только мелкое или почти только мелкое производство, и где борьба

крупного производства с мелким принимает форму борьбы промышленности с земледелием, города с деревней.

Но из возражения тов. Бухарина я не вижу, чтобы он чем-либо усложнил здесь проблему по сравнению с тем, что говорил на эту тему я в своей статье. При всей моей готовности я, к сожалению, очень мало чем могу воспользоваться в этом пункте из возражений тов. Бухарина.

Точно так же и по поводу центрального пункта моей статьи, касающегося борьбы закона стоимости с законом социалистического накопления, тов. Бухарин ограничивается одним только примечанием, в котором также пытается доказать, что «дело обстоит гораздо сложнее, чем у тов. Преображенского». Процитирую здесь целиком это примечание тов. Бухарина. «Мы не можем здесь входить в подробный анализ одного общего теоретического положения т. Преображенского, где он (Преображенский) изображает процесс социалистического накопления, как борьбу двух законов: закона социалистического накопления и закона ценности. По мнению т. Преображенского, закон социалистического накопления частью парализует, частью «отменяет» закон ценности, который в данный период отходит совершенно на задний план.

Здесь мы заметим лишь следующее: добавочная «прибыль» высоких хозяйственных комплексов получается: 1) из того факта, что индивидуальная себестоимость здесь ниже общественной, т.-е. на основе закона ценности; 2) из факта монополии. Если рассматривать большой промежуток времени, то нетрудно увидеть, что первый закон выражает и опирается на р а з в и т и е производительных сил, тогда как второй более или менее связан с консервативными тенденциями в том смысле, о котором мы говорили в тексте. С другой стороны, закон ценности, который в неорганизованном обществе есть и закон распределения общественного труда, является определенной границей для монополии. Ибо есть об'ективная граница в распределении производительных сил; если эта граница перейдена, неизбежен резкий кризис. Наконец, универсальная «монополия», т.-е. всеобщая организация общества, превращает стихийный закон ценности в плановой сознательный «закон» экономической политики, закон рационального распределения производительных сил. Таким образом, дело обстоит гораздо сложнее, чем у тов. Преображенского».

Я думаю, что не я, а тов. Бухарин упрощенно понимает закон первоначального социалистического накопления. Борьба здесь идет между законом стоимости и плановым началом. Но на данной стадии, т.-е. в начальной стадии борьбы планового начала с рынком в условиях бедности капиталами и в условиях технико-экономической слабости государственного хозяйства, э т а б о р ь б а н е и з б е ж н о п р и н и м е т ф о р м у б о р ь б ы з а к о н а п е р в о н а ч а л ь н о г о с о ц и а л и с т и ч е с к о г о н а к о п л е н и я с з а к о н о м с т о и м о с т и. Закон этого накопления есть лишь первый этап, детский возраст планового начала. Регулирование развертывается не ради регулирования, а подчинено задачам первоначального накопления, как в период военного коммунизма попытки построения планового хозяйства

были подчинены не абстрактной цели социалистического плана, а задачам обороны страны в гражданской войне. Если отвлечься от диалектики всего этого процесса, если разбить все исследуемое поле на правильные квадратики абстракций и задержать по этому случаю ход истории, то мы, конечно, будем биться в тисках неразрешимых противоречий: между монополией, с одной стороны, и законом стоимости—с другой стороны, между капиталом в старом смысле слова и государственным капиталом в новом смысле этого слова. Но выход здесь есть. Он заключается в том, что реальная жизнь развивается по Гегелю, Марксу и Ленину, т.-е. развивается диалектически и тем разрубает противоречия, создаваемые схематизмом нашей мысли и неподвижностью терминологии, выработанной при анализе одной системы и часто отказывающейся служить при историческом переходе одной системы в другую.

С этой точки зрения замечания т. Бухарина на счет того, что к капиталу нельзя прикладывать продукта, являются совершенно правильными с точки зрения терминологической статики, но неправильными с точки зрения описания диалектического процесса. Я сделал здесь не терминологическую описку, а сознательно исходил из того факта, что превращение товаров в продукт и замещение частного капитала в старом смысле капиталом государственным происходит после революции на основе постепенного роста одной системы за счет другой. Если тов. Бухарин предложит здесь удачный выход из этого терминологического затруднения, я первый буду его приветствовать. Но пока что он этого не делает. Наоборот, целый столбец он убивает на то, чтобы поправить мою оплошность — употребление в 2—3 местах для краткости термина «социалистическое накопление» вместо «первоначальное социалистическое накопление». Я признаюсь здесь в своей оплошности и исправлю ее при первой возможности. Однако я буду ждать, что т. Бухарин не ограничится здесь на будущее время стрельбой из пушек по терминологическим воробьям и опискам, а скажет что-нибудь и по существу вопроса [1]).

Я должен самым решительным образом протестовать против заключительных строк т. Бухарина, когда он пишет: «Читатель, привыкший иметь дело с анализом различных идеологических оттенков, сразу распознает здесь цеховую идеологию, которой «нет дела» до других классов, которую не заботит основная проблема пролетарской политики, проблема рабоче-крестьянского блока и пролетарской гегемонии в этом блоке. Один шажок в сторону в том же направлении, и тогда у нас полностью дана полуменьшевистская идеология законченных тред-юнионистов российского образца: наплевать на деревенщину, больше концессий иностранному капиталу, ни копейки на кооперативные бредни и аграрщину, усиленный нажим на крестьянство во славу «пролетариата» и т. д. Сюда растет эта идеология».

Насколько, выражаясь мягко, неверны эти обвинения, искусственны и шиты белыми нитками, видно по одному единственно конкрет-

---

[1]) Я согласен, что я неправильно употребил термин „основной капитал" там, где нужно было сказать „функционирующий капитал".

ному пункту этого обвинения, именно по пункту «больше концессий иностранному капиталу». На счет концессий я в своей статье пишу следующее: «основная отрицательная сторона концессий заключается в том, что здесь государственное хозяйство в период первоначального социалистического накопления, т.-е. в период своей максимальной слабости, вступает в непосредственное соприкосновение с иностранным капиталом, идущим во всеоружии своей техники, излишков основного и оборотного капитала, имея большие резервы новых капиталов в своем буржуазном тылу... Итак, может быть положение такое, что слишком большая доза концессий, принятая в организм государственного хозяйства, начнет разлагать последнее, как в свое время капитализм разлагал более слабое натуральное хозяйство...

Во всяком случае, осторожность в области концессионной политики является отражением той же самой экономической необходимости, которая заставляет хозяйство СССР всемерно поддерживать монополию внешней торговли и систему самого жесткого протекционизма» (стр. 104—105).

Из всей моей статьи и в частности из этой цитаты видно, что осторожное отношение к концессиям находится в теснейшей внутренней связи со всей моей концепцией вообще. Если же т. Бухарин, без всяких доказательств и вопреки букве и смыслу статьи, утверждает обратное, то во всем этом есть также своя собственная внутренняя логика—логика политической полемики. Когда я вместе с другими т.т. привлекался по одному из процессов за принадлежность к партии в 1910 г. и нашему защитнику (небезызвестному Керенскому) указал на то, что его план защиты дает такой вариант, который расходится с действительностью даже там, где для защитника выгодней было бы просто говорить правду, то он мне ответил: «Нам надо создать такой вариант защиты, который легче усвоить и которому скорее поверят судьи, и не осложнять наши построения соображениями насчет того, как было дело в отдельных случаях».

Таковы правила защиты на суде. Но таковы же и правила политического нападения. При этом нападении не всегда нужно, а иногда даже и совсем не нужно говорить о том, что в действительности есть. Важно создать наиболее выгодный и в то же время наиболее избитый и легко укладывающийся в голове читателя вариант обвинений. Это правило как юридической, так и политической эстетики т. Бухарин начинает, повидимому, усваивать. И только этим можно об'яснить, что он решился обвинить меня в нежности к концессиям там, где я пишу как раз обратное.

Столь же похоже на правду обвинение в цеховщине, тред-юнионизме и т. д. Этот термин применительно к нашим внутрипартийным делам выдвинул Ленин. Он вполне правильно понимал под цеховщиной принесение в жертву потребительским интересам рабочих интересы удержания диктатуры, интересы развития всего социалистического хозяйства, интересы будущего рабочего класса и всех трудящихся. Наоборот, линия на накопление есть линия на защиту интересов хозяйства, как целого, его головной государственной части, кото-

рая является движущим центром всякого поступательного движения вперед к социализму, есть линия на укрепление экономической основы пролетарской диктатуры в борьбе с давлением потребительской стихии.

Т. Бухарин своей статьей открыл поход против одной из попыток продумать законы развития государственного хозяйства, условия его самосохранения и его противоречия с частным хозяйством в переживаемую эпоху. Что это такое? Нужен ли такой поход для успеха рабоче-крестьянского блока на основе сохранения диктатуры пролетариата? Нет, для этого нужно как раз обратное, для этого нужен холодный анализ того, на чем мы стоим, ради чего идем на компромиссы и каковы пределы наших уступок. И *чем больше эти уступки, тем более необходим этот анализ*. Крестьянину нужен от нас дешевый товар и поменьше налогов, он совсем не требует от нас теоретической капитуляции, отказа от анализа условий развития нашего хозяйства. А если бы эти требования заходили так далеко, то они должны встретить самый решительный отпор. Между тем, т. Бухарин дает отпор как раз в обратном направлении, и с этой точки зрения над этой статьей следует основательно призадуматься. Не является ли она первой попыткой уступки мелкобуржуазному напору на нашу партию в том пункте, где мы никогда не уступали, работая под руководством Ленина, и никогда не должны уступать на будущее время?

Моя статья о социалистическом накоплении посвящена вопросу, который будет стоять в центре нашего внимания минимум два десятилетия. Нам предстоит еще очень много спорить как по общим вопросам накопления, так и по вопросу об арифметических цифрах его. Вопрос этот совершенно новый. Именно поэтому я хотел поставить его сначала на предварительное обсуждение подготовленных читателей и именно поэтому поместил статью в академическом журнале. Вместо того, чтобы принять участие в таком предварительном академическом обсуждении вопроса, тов. Бухарин, перенеся обсуждение в газету, должен был смазать самую сущность вопроса, умолчать о том, что сам не хотел вульгаризировать; ради полемических целей он дал абсолютно неверное толкование всей статьи в целом и отдельных мест и в итоге, вместо того, чтобы постепенно поставить перед партийной мыслью всю проблему во всей ее сложности, окончательно запутал весь вопрос.

Я считаю вредным такой метод обсуждения, отказываюсь от него и предоставляю тов. Бухарину все лавры его дешевой «победы».

Е. Преображенский.

II. Стенограммы докладов, читаемых в Коммунистической Академии.

ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ?

(Доклад *И. И. Степанова-Скворцова*) [1]).

Покровский, М. Н. Заседание Коммунистической Академия об'явлено открытым. Слово для доклада имеет тов. Степанов.

Степанов-Скворцов, И. И.

В чем задача политической экономии?

Мы, марксисты, не поддаемся иллюзиям „чистой" науки, мы никогда не забываем, что во всякую историческую эпоху теория получает свои задания от практики. Поэтому мы без всяких колебаний и, вероятно, с полным единодушием ответим, не огорчаясь некоторой элементарностью предварительного ответа: задача современной политической экономии, или,—что то же самое, так как только марксистская экономия и является для настоящей эпохи наукой,—задача марксистской политической экономии заключается в познании экономики современного общества.

Под каким углом революционный марксист изучает современную экономику?

„Для практического материалиста, т.-е. для коммуниста, дело идет о том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически обратиться против вещей, как он застает их, и изменить их" [2]).

Или, как выражается Маркс в другом месте: „Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом реальное движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения вытекают из имеющихся теперь налицо в действительности предпосылок" („Архив" стр. 223).

Итак, наша политическая экономия изучает вещи (конечно, не „вещи" вообще, а „экономические вещи"), как она застает их, и тем самым раскрывает имеющиеся теперь в действительности предпосылки того реального движения, которое уничтожает современную экономику.

---

[1]) Заслушан 31/I 1925 г.

[2]) К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология,—„Архив К. Маркса и Ф. Энгельса", кн. 1, стр. 217. Д. Б. Рязанову принадлежит великая заслуга, что он раскопал и напечатал эту замечательнейшую работу, которая дает поразительно много для марксистской методологии.

Почти через 25 лет, в 1868 г., когда I том „Капитала“ уже вышел из печати и когда была подготовлена значительная часть рукописей следующих томов, Маркс писал Энгельсу:

„Случайно я нашел в одной маленькой антикварной лавочке Report and Evidence of Irish tenant right 1867. Это—замечательная находка. В то время как господа экономисты видят чисто теоретический спор (Dogmenstreit, спор догм) в вопросе о том, представляет ли земельная рента плату за природные различия почвы или же просто процент за вложенный в землю капитал, мы имеем здесь перед собою практическую борьбу не на живот, а на смерть между арендатором и лэндлордом: в какой мере рента кроме платы за различия почвы должна заключать и проценты на капитал, вложенный в землю не лэндлордом, а арендатором. Только таким способом, что на место conflicting dogmas (спора, столкновения догм, теорий) мы поставим conflicting facts (спор, столкновения фактов, „вещей“, действительных отношений) и реальные противоположности, которые составляют их скрытую подоплеку, можно превратить политическую экономию в положительную науку“ („Briefwechsel“, IV B., стр. 99).

Это—то же самое, что Маркс писал в половине 40-х годов: предмет политической экономии, как положительной науки (а неположительная наука вообще не наука),—реальные экономические отношения, „как она застает их“, т.-е. экономика, существующая в действительности, современная экономика.

Но что такое „вещи, как мы застаем их“, что такое „современная экономика“?

В марте 1868 г. Маркс занялся „между прочим“ работами „старика Маурера“ о древне-германских учреждениях (строй марки, деревни и т. д.). В связи с этим он писал Энгельсу:

„В человеческой истории происходит то же, что в палеонтологии. Вещей, которые лежат под самым носом, принципиально, вследствие ослепления известной предвзятостью, не видят даже самые крупные головы. Позже, когда придет время, удивляются, повсюду открывают следы того, чего не замечали раньше. Первая реакция против французской революции и связанного с нею просветительства была естественна: стали все видеть по-средневековому, в романтическом освещении. Вторая реакция—и она соответствует социалистическому направлению, хотя те ученые (как Маурер) и не подозревают, что она тесно связана с ним,—состоит в том, чтобы за средневековьем увидать первобытную эпоху каждого народа. Вот пример, насколько все мы ослеплены этой предвзятостью: как раз на моей родине, на Гунсрюккене, древне-германская система сохранялась до последних годов“ и т. д. („Briefwechsel“, IV B., стр. 29. См. также стр. 24: Маурер убедил Маркса, что, вопреки русским народникам, наша община ни в малейшей мере не может претендовать на оригинальность).

Вы думаете, что, сказав „капитализм“, вы исчерпали всю современную экономику? Нет, в ней до сих пор живет еще и средневековье,

а если приглядитесь к ней повнимательнее, то за средневековьем откроете и первобытные времена. И, во всяком случае, „вещи" в современном мире, как их застает революция, получат неполную, искаженную характеристику, если вы увидите в них „чистый капитализм" и вследствие ослепления предвзятостью запросто сбросите со счетов, что на ряду с ним сохраняется еще—и в каких громадных размерах!—и „средневековщина", „феодализм". Перешагнуть через „средневековщину" вы можете только в абстракции, а если попробуете попросту игнорировать в революционной борьбе, в „реальном движении", то будете наказаны „вещами, как вы застаете их", но как вы их не познали по своему ослеплению предвзятостью. Эти вещи активны. Это вам не какая-нибудь палеонтология!

Внимательнейший и строгий теоретический учет всего сложного переплета об'ективных отношений, лежащий в основе принципиально, классово выдержанной и в то же время гибкой революционной практики,—в этом суть марксизма и ленинизма, в этом прежде всего суть их политической экономии.

Задачами политической экономии, ее соотношением с практикой, само собой разумеется, определяется ее охват, а вместе с тем, как увидим ниже, и ее метод.

Прежде всего, что касается охвата, на этот счет четверть века тому назад среди нас не существовало никаких разногласий. Ленин признавал политическую экономию „наукой, изучающей общественные отношения производства и распределения в их развитии". Он находил, что эту науку „надо излагать не догматически (как это принято в большинстве учебников), а в форме характеристики последовательных периодов развития: периода первобытного родового коммунизма, периода рабства, периода феодализма и цехов и, наконец, капитализма". Он добавляет к этому: „именно так и следует излагать политическую экономию". Но при такой системе изложения приходится дробить один и тот же отдел и впадать в повторения. „Но этот чисто формальный недостаток вполне искупается основными достоинствами исторического изложения. Да и недостаток ли это? Повторения получаются весьма незначительные, полезные для начинающего, потому что он тверже усваивает себе особенно важные положения. Отнесение, напр., исторических функций денег к различным периодам экономического развития наглядно показывает учащемуся, что теоретический анализ функций основан не на абстрактной спекуляции, а на точном изучении того, что происходило в историческом развитии человечества (подчеркнуто, как и ниже, мною. *И. С.*). Представление об отдельных, исторически-определенных укладах общественного хозяйства получается более цельное. А ведь задача руководства к политической экономии состоит в том, чтобы дать изучающему эту науку основные понятия о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы; вся задача состоит в том, чтобы человек, усваивающий себе начальное руководство, имел в руках надежную путеводную нить для дальнейшего изучения этого предмета,

Почти через 25 лет, в 1868 г., когда I том „Капитала“ уже вышел из печати и когда была подготовлена значительная часть рукописей следующих томов, Маркс писал Энгельсу:

„Случайно я нашел в одной маленькой антикварной лавочке Report and Evidence of Irish tenant right 1867. Это—замечательная находка. В то время как господа экономисты видят чисто теоретический спор (Dogmenstreit, спор догм) в вопросе о том, представляет ли земельная рента плату за природные различия почвы или же просто процент за вложенный в землю капитал, мы имеем здесь перед собою практическую борьбу не на живот, а на смерть между арендатором и лэндлордом: в какой мере рента кроме платы за различия почвы должна заключать и проценты на капитал, вложенный в землю не лэндлордом, а арендатором. Только таким способом, что на место conflicting dogmas (спора, столкновения догм, теорий) мы поставим conflicting facts (спор, столкновения фактов, „вещей“, действительных отношений) и реальные противоположности, которые составляют их скрытую подоплеку, можно превратить политическую экономию в положительную науку“ („Briefwechsel“, IV B., стр. 99).

Это—то же самое, что Маркс писал в половине 40-х годов: предмет политической экономии, как положительной науки (а неположительная наука вообще не наука),—реальные экономические отношения, „как она застает их“, т. е. экономика, существующая в действительности, современная экономика.

Но что такое „вещи, как мы застаем их“, что такое „современная экономика“?

В марте 1868 г. Маркс занялся „между прочим“ работами „старика Маурера“ о древне-германских учреждениях (строй марки, деревни и т. д.). В связи с этим он писал Энгельсу:

„В человеческой истории происходит то же, что в палеонтологии. Вещей, которые лежат под самым носом, принципиально, вследствие ослепления известной предвзятостью, не видят даже самые крупные головы. Позже, когда придет время, удивляются, повсюду открывают следы того, чего не замечали раньше. Первая реакция против французской революции и связанного с нею просветительства была естественна: стали все видеть по-средневековому, в романтическом освещении. Вторая реакция— и она соответствует социалистическому направлению, хотя те ученые (как Маурер) и не подозревают, что она тесно связана с ним,—состоит в том, чтобы за средневековьем увидать первобытную эпоху каждого народа. Вот пример, насколько все мы ослеплены этой предвзятостью: как раз на моей родине, на Гунсрюккене, древне-германская система сохранялась до последних годов“ и т. д. („Briefwechsel“, IV B., стр. 29. См. также стр. 24: Маурер убедил Маркса, что, вопреки русским народникам, наша община ни в малейшей мере не может претендовать на оригинальность).

Вы думаете, что, сказав „капитализм“, вы исчерпали всю современную экономику? Нет, в ней до сих пор живет еще и средневековье.

а если приглядитесь к ней повнимательнее, то за средневековьем откроете и первобытные времена. И, во всяком случае, „вещи" в современном мире, как их застает революция, получат неполную, искаженную характеристику, если вы увидите в них „чистый капитализм" и вследствие ослепления предвзятостью запросто сбросите со счетов, что на ряду с ним сохраняется еще—и в каких громадных размерах!—и „средневековщина", „феодализм". Перешагнуть через „средневековщину" вы можете только в абстракции, а если попробуете попросту игнорировать в революционной борьбе, в „реальном движении", то будете наказаны „вещами, как вы застаете их", но как вы их не познали по своему ослеплению предвзятостью. Эти вещи активны. Это вам не какая-нибудь палеонтология!

Внимательнейший и строгий теоретический учет всего сложного переплета об'ективных отношений, лежащий в основе принципиально, классово выдержанной и в то же время гибкой революционной практики,—в этом суть марксизма и ленинизма, в этом прежде всего суть их политической экономии.

Задачами политической экономии, ее соотношением с практикой, само собой разумеется, определяется ее охват, а вместе с тем, как увидим ниже, и ее метод.

Прежде всего, что касается охвата, на этот счет четверть века тому назад среди нас не существовало никаких разногласий. Ленин признавал политическую экономию „наукой, изучающей общественные отношения производства и распределения в их развитии". Он находил, что эту науку „надо излагать не догматически (как это принято в большинстве учебников), а в форме характеристики последовательных периодов развития: периода первобытного родового коммунизма, периода рабства, периода феодализма и цехов и, наконец, капитализма". Он добавляет к этому: „именно так и следует излагать политическую экономию". Но при такой системе изложения приходится дробить один и тот же отдел и впадать в повторения. „Но этот чисто формальный недостаток вполне искупается основными достоинствами исторического изложения. Да и недостаток ли это? Повторения получаются весьма незначительные, полезные для начинающего, потому что он тверже усваивает себе особенно важные положения. Отнесение, напр., исторических функций денег к различным периодам экономического развития наглядно показывает учащемуся, что теоретический анализ функций основан не на абстрактной спекуляции, а на точном изучении того, что происходило в историческом развитии человечества (подчеркнуто, как и ниже, мною. *И. С.*). Представление об отдельных, исторически-определенных укладах общественного хозяйства получается более цельное. А ведь задача руководства к политической экономии состоит в том, чтобы дать изучающему эту науку основные понятия о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы; вся задача состоит в том, чтобы человек, усваивающий себе начальное руководство, имел в руках надежную путеводную нить для дальнейшего изучения этого предмета,

чтобы он получил интерес к такому изучению, поняв, что с вопросами экономической науки связаны важнейшие вопросы современной общественной жизни" („Мир Божий" 1898 г., № 4, стр. 98—99. Рецензия Ленина на первое издание „Краткого курса экономической науки" А. Богданова).

Последние подчеркнутые мною слова — приспособительное к тогдашней беспощадной цензуре выражение той мысли, что в экономической науке мы найдем теоретическое обоснование революционной борьбы.

Решительное, принципиальное ограничение политической экономии рамками капиталистических отношений принадлежит в русской литературе прежде всего Туган-Барановскому, который тогда все дальше и дальше шел от марксизма и в своих „Очерках по истории политической экономии", печатавшихся в „Мире Божием" 1901—1903 годов, окончательно расстался с ним. Он дал, действительно, принципиальное обоснование своей позиции. Всякая наука должна раскрывать закономерность, причинную необходимость изучаемых ею явлений. А так как, по уверению Туган-Барановского, воля и сознание людей перестают направлять экономические отношения только с того времени, когда все производство подпадает под власть стихийных сил рынка, который действует с неумолимостью законов природы, то собственно экономической науке нечего делать с докапиталистическими системами хозяйства. И при всем том Туган-Барановский продолжал ссылаться на Маркса.

Читатели, вероятно, уже заметили, что некоторые новейшие руководства политэкономии просто повторяют,—возможно без ведома авторов,—наложенную аргументацию Туган-Барановского, нисколько не заботясь о ее подновлении.

По выходе „Очерков" отдельными изданиями, я посвятил им большую статью в московском журнале „Правда" (1904 г., февраль), в редакции которого в то предреволюционное время значительную роль играли большевики,—впрочем, очень быстро вышибленные меньшевиками. Я показал в своей статье, что Туган-Барановский ушел от Маркса к Бюхеру и что он вместе с тем превратился в апологета капитализма. Я показал в то же время, что марксистская политическая экономия не замыкала и не замыкает своего кругозора пределами развитого капитализма, а раздвигает их в ту и другую сторону.

Товарищи, с которыми я говорил тогда об этом предмете, вполне соглашались со мною. Никто не возражал против моих доводов и моей точки зрения.

Я согласен, что отсутствие возражений со стороны товарищей — вовсе не довод. Я охотно допускаю, что они могли не досмотреть моих „уклонов" от Маркса и Энгельса или, в виду важности решительного размежевания с разными Туган-Барановскими, могли просто промолчать.

В виду этого постараемся найти у самого Маркса и Энгельса более или менее систематическое изложение их взглядов на предмет и метод политической экономии. То, что приведено в начале главы,—

отдельные мысли, может быть, „случайные“ высказывания, не связанные с существом их воззрений.

II.

Прежде всего—„Нищета философии“.

Эта работа переиздается у нас сравнительно редко. Изучают ее очень мало. Она нисколько не отразилась на большинстве новейших „марксистских“ курсов политической экономии и на статьях, посвященных выяснению предмета и метода этой науки.

Повидимому, по отношению к этой работе установился предрассудок, будто она неспособна дать ничего „нового“, так как написана около 80 лет тому назад; поэтому, определяя предмет и метод политической экономии, будет куда поучительнее адресоваться к „современникам“, хотя бы к Гильфердингу.

Однако „Нищета философии“, как и относящиеся к тем же годам „Коммунистический манифест“ и „Немецкая идеология“, представляют в известном смысле программные работы. В них то широкими мазками, то краткими замечаниями, которые в сороковых годах не могли остановить внимания читателей, то чисто мнемоническими отметками, смысл которых становится нам ясным только в свете позднейших работ, дан своего рода „план“ всей будущей колоссальной теоретической работы Маркса и Энгельса. Таким образом, в „Нищете философии“ дано уже многое из того, что впоследствии было развито в „Капитале“, а в „Немецкой идеологии“ и в „Святом семействе“ мы находим многие элементы „Антидюринга“, „Л. Фейербаха“ и „Происхождения семьи, частной собственности и государства“.

Только что названные работы — такие же программные работы для Маркса и Энгельса, как „Что такое друзья народа“... — программная работа для Ленина.

Но Марксу и Энгельсу впоследствии удалось осуществить только некоторую часть своей грандиозной программы научных работ. К некоторым вопросам, поставленным в ранние годы, они вообще не возвращались впоследствии, — или возвращались лишь мимоходом, напр., в переписке. Гениальные мысли, которые они с такой расточительностью разбрасывали в своих почти юношеских произведениях, — являющихся, действительно, „программными“ и с этой стороны, со стороны „тезисной“ сжатости, — так и не получили у них дальнейшего развития. Многие из них до сих пор ждут разработки.

„Нищета философии“ дает наиболее систематическое и обработанное изложение воззрений Маркса на предмет и метод политической экономии. Методология „Капитала“—методология „Нищеты философии“. Если бы еще оставались на этот счет какие-нибудь сомнения, мы найдем ряд убедительнейших доказательств, что Маркс и Энгельс до конца своей жизни не видали никаких оснований подвергать пересмотру методологию „Нищеты философии“. Да мы отчасти уже и видели эти доказательства, потому что „Нищета философии“ делает как нельзя более понятным отношение Маркса к работе Маурера.

Все это—достаточные основания для того, чтобы, рискуя показаться старомодным, обратиться за разрешением некоторых спорных вопросов не к Шумпетеру и даже не к Кунову, а к Марксу сороковых годов прошлого века.

„Экономисты,—пишет Маркс,—представляют отношение буржуазного производства—разделение труда, кредит, деньги и т. д. — в виде неподвижных, неизменных, вечных категорий... Экономисты об'ясняют нам, как производят при этих данных отношениях; но они не об'ясняют, как производятся сами эти отношения, т. е не об'ясняют исторического движения, вызвавшего их к жизни... Но раз не проследили исторического развития производственных отношений, а категории суть только их теоретическое выражение", то неизбежно перевертывают действительные отношения и начинают видеть в этих категориях самовозникшие идеи (K. Marx. „Das Elend der Philosophie", Stuttgart 1895, стр. 85—86. Отдельные места. как и в дальнейшем, подчеркнуты мною).

В работах сороковых годов под „экономистами" Маркс и Энгельс разумели исключительно буржуазных экономистов и обычно противопоставляли им коммунистов (и социалистов).

Следовательно, буржуазные экономисты берут сложившиеся отношения капиталистического общества и только ими и ограничивают свое изучение. В противоположность этому, задача коммунистов заключается в том, чтобы выяснить как эти отношения возникли в истории, проследить их историческое развитие. Они должны раздвинуть свой кругозор за пределы капитализма.

„Экономические категории,—продолжает Маркс несколькими страницами ниже, -суть теоретические выражения, абстракции общественно-производственных отношений... Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. С приобретением новых производительных сил люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства,—способа добывать средства существования,—они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает общество с феодалами, паровая мельница — общество с промышленными капиталистами. По те самые люди, которые складывают общественные отношения сообразно своему способу материального производства, формулируют также и принципы, идеи, категории сообразно своим общественным отношениям. Таким образом, эти идеи, эти категории столь же не вечны, как и отношения, которые они выражают. Они суть исторические, преходящие продукты" (стр. 90—91. Подчеркнуто у Маркса).

Коммунист должен понять исторический, преходящий характер этих идей и принципов и, конечно, и даже прежде всего, выражаемых ими производственных отношений. Такова в глазах Маркса одна из первых задач той экономической науки, которая противопоставляется буржуазной политэкономии.

„Рабство (чернокожих) есть экономическая категория, как всякая другая... Прямое рабство — ось буржуазной промышленности точно так же, как машина, и т. д. Без рабства нет хлопка; без

хлопка нет современной промышленности. Только рабство придало колониям их ценность; колонии создали мировую торговлю, а мировая торговля — условия крупной промышленности. Таким образом, рабство — экономическая категория самой высокой важности" (93).

Буржуазная экономия говорит об абстрактном капитализме, который знает только такие категории, как наемный рабочий, формально свободные договорные отношения, заработная плата и т. д. Маркс напоминает здесь, что для реального капитализма сороковых годов XIX века осью оставалось прямое, ничем не прикрытое рабство и что крупная промышленность тесно связывается своим развитием с колониальным рабством, создавшим необходимые для нее предпосылки. Буржуазная экономия со своими категориями, представляющими абстрактные выражения отношений крупного капиталистического производства, может в своих абстракциях попросту перемахнуть через рабство, — как современная буржуазная экономия отводит глаза и от едва прикрытого колониального рабства, и от перманентного разграбления колоний, которым сильно подкармливается современный капитализм. Но коммунисты не последуют за буржуазной экономией. Они прямо скажут, что рабство и колониальный грабеж — в такой же мере правомерные экономические категории реального, а не „умопостигаемого" капитализма, как „свободный наемный рабочий" и просвещенный биржевик, имеющий дела только с „бумагами".

Критически излагая Прудона, Маркс пишет: „Все, что существует, все, что живет на земле и в воде, существует только, живет только посредством какого-либо движения. Таким образом, движение истории порождает социальные отношения, промышленное движение дает нам промышленные продукты и т. д.

„Точно так же, как посредством абстракции мы превращаем всякую вещь в логическую категорию, — стоит только абстрагироваться от всех отличительных свойств различных движений, и мы придем к движению в абстрактном виде, к чисто формальному движению, к чисто логической форме движения. И раз только в логических категориях видят существо всех вещей, то воображают себе, будто в логической форме движения нашли абсолютный метод, который не только об'ясняет все вещи, но и охватывает движение вещей" (стр. 88) [1]).

Вот именно! Абстрагируются от исторически развившегося и существующего теперь капитала, построяют чисто логические формы капиталистических отношений — и воображают, будто уже получили об'яснение всех вещей, как они существуют в действительности, и будто вместе с тем уже охватили экономику и Египта, и Индии, и

[1]) Буквально так „воображают себе" и некоторые критики, которые в последнее время занялись моей брошюрой „Исторический материализм и современное естествознание". После моих возражений они стали искать спасения в повороте от Маркса „назад к Гегелю". Впрочем, мне придется заняться и другой раз.

Китая. И воображают, будто этот абстрактный капитализм сам из себя порождает все движение, будто все его „категории порождают одна другую, переплетаются и соподчиняются друг с другом исключительно в силу диалектического движения" (90).

Это—саморазвитие капитализма без исторических предпосылок, капитализма в абстракции: разумеется, мнимое саморазвитие, саморазвитие, совершающееся в „чистом эфире" абстракции.

Как подходит к делу коммунист?

По Прудону, говорит Маркс, „у каждого принципа был свой век, в котором этот принцип раскрывался. Для принципа власти, напр., был XI век, как для принципа индивидуализма XVIII век... Другими словами: принцип делал историю, а не история принцип". Но если мы поставим перед собой вопрос,—продолжает Маркс,—почему же такой-то принцип проявился как раз в XI или XVIII веке, то мы должны будем подробно исследовать, „каковы были люди XI и XVIII столетия, каковы были их потребности в каждом веке, их производительные силы, их способ производства, сырые материалы их производства, каковы, наконец, отношения человека к человеку, вытекавшие из всех этих условий существования. Выяснить все эти вопросы, не значит ли исследовать действительную обыкновенную („profane"—можно перевести «греховную», в противоположность заоблачной истории, совершающейся в «чистом эфире разума») историю людей каждого столетия, изобразить этих людей в том самом виде, как они являются одновременно авторами и исполнителями своей собственной драмы" (97 стр.).

Вы хотите знать современный капитализм? Учтите современную технику, учтите мощные монополистические тенденции, учтите получение сырых материалов из колоний и общие отношения к колониям: коротко говоря, внимательнейшим образом изучите весь тот сложный переплет реальных отношений, который мы охватываем словом „империализм",—и вы тогда, только тогда, поймете действительную, „греховную" экономику, в которой русский и китаец, англичанин и индус, американец и негр являются одновременно и авторами и исполнителями—да, и исполнителями—своей собственной драмы. Не так ли?

Но как же должны отнестись абстрактные экономисты к тем вещам, которые не укладываются в их нормальные категории и которых они все же не могут не замечать?

„Экономисты оперируют диковинным образом. Для них существует только два вида учреждений, искусственные и естественные. Учреждения феодализма суть искусственные учреждения, учреждения буржуазии—естественные. В этом случае экономисты уподобляются теологам, которые тоже различают два вида религий. Каждая религия, которая не является их собственной, есть изобретение людей, в то время как их собственная—откровение бога" (стр. 104).

Разумеется, современные абстрактные экономисты не говорят о „естественности" и „искусственности". Но не говорят ли они, что впредь возможна только чисто пролетарская революции, и что час для

нее пробьет лишь с того времени, когда вся мировая экономика уложится в строгие нормы их абстрактного, нормального, развитого, чистого и чистенького капитализма?

Они, продолжая рассуждения следующих страниц „Нищеты философии", видят в сохраняющихся до настоящего времени колоссальных напластованиях феодальной эпохи только „дурную сторону", только „из'ян" современной экономики, и не хотят понять, что на известной ступени развития, при известных предпосылках, эти „из'яны", порочащие чистый лик абстрактного капитализма, могут послужить моментами, толкающими к революционной борьбе и колоссально увеличивающими ее глубину в размах.

Это—то самое, что Ленин называл „условной революционностью мелкого производителя" (см. „Ленинский сборник", II, стр. 82).

Надо ли еще особо пояснять, какая бездонная пропасть пролегает здесь между современными коммунистами и абстрактными экономистами II Интернационала — Куновым, Реннерами, Гильфердингами?

Пропуская целый ряд чрезвычайно ценных для революционной теории и революционной практики методологических указаний: нельзя же перепечатывать всю вторую главу „Нищеты философии", — я остановлюсь еще только на одном пункте. Он лишний раз напомнит, что, употребляя выражения Маркса (стр. 121): „формулами еще не создашь никакой истории", — из абстрактных формул абстрактных экономистов не выведешь ни реальной действительности, ни реального движения.

„Рента в смысле Рикардо,—писал Маркс в 1847 году, — есть земельная собственность в ее буржуазной форме: т.-е. феодальная собственность, подчиненная условиям буржуазного производства" (стр. 144).

Эту мысль, конечно, в развитой форме, мы встречаем и в позднейших работах Маркса. „Где не существует земельной собственности,— фактически или юридически,—там не может существовать и абсолютной земельной ренты.—Эта последняя, а не дифференциальная рента, является адэкватным выражением земельной собственности" („Theorien über den Mehrwert" II B., 2 Th., стр. 108). Поставив вопрос, почему цены земледельческих продуктов не выравниваются по ценам производства, Маркс отвечает: это выравнивание вообще может происходить постольку, „поскольку все условия производства созданы самим капиталом". Что касается земледелия, то здесь существует земельная собственность, „и капиталистическое производство начинает свой жизненный путь при наличности вовникшей не из него, сложившейся уже до него земельной собственности" (там же, стр. 14). „Английские отношения—единственные, в которых адэкватно развилась современная земельная собственность, т.-е. собственность, модифицированная капиталистическим производством" (стр. 7). И здесь и во многих других местах Маркс настойчиво раз'ясняет, что предпосылки для ренты Рикардо существуют только там и постольку, где и поскольку капитализм успел модифицировать феодальную соб-

ственность, и что, в частности, для нее нет места ни в хозяйстве ирландского арендатора, ни в крестьянском хозяйстве (сравн. „Das Elend der Philosophie", стр. 145—150: они даже теперь очень полезны на ряду с „Theorien" и III т. „Капитала").

Получается все тот же вывод: из внутренних отношений самого капитала,—того капитала, как он существует для абстрактных построений абстрактных экономистов,—нельзя об'яснить того сложного комплекса отношений современного реального капитализма, который связан с земельной собственностью. Теория реального капитализма должна сделать громадный прорыв в феодальную эпоху, потому что до сих пор сохраняется колоссальный прорыв феодальной эпохи в современный капитализм: до сих пор сохраняется частная земельная собственность, которой капитал не создавал, которую он нашел в качестве своей исторической предпосылки.

Правда, буржуазные экономисты, начиная с классиков и конча. новейшими „земельными реформистами" (Bodenreformer), от Генри Джорджа до какого-нибудь Дамашке. заметили, что частная земельная собственность—нечто побочное, постороннее, инородное для буржуазных отношений, искажающее грязным пятном „готического варварства" чистый лик дорогого им капитализма: нечто „искусственное" по сравнению с „естественностью" капитализма.

Коммунисты не остановились на полдороге. Они, проследив развитие капитала—не в абстракциях, кое-где опирающихся на „робинзонады", а в действительной истории,—показали, что капиталистическая собственность и эксплоатация вообще развились из феодальной собственности и эксплоатации (в частности, уже „Нищета философии" дает в общих очертаниях знаменитые страницы „Капитала" о первоначальном накоплении и исторических тенденциях капиталистического способа производства). Они показали, что развитие капиталистических отношений было отрицанием отношений феодализма (различные формы и способы экспроприации непосредственных производителей средневековья), а для земельной собственности оно было всего лишь приспособлением к потребностям капитала. Но они показали также, что это приспособление проведено лишь в тех довольно исключительных случаях, где капитал овладел земледелием, подойдя к нему, как к какой-нибудь отрасли промышленности. А на ряду с этими островками капиталистического земледелия существует безбрежный океан некапиталистических арендаторов и крестьянских хозяйств, этого наследия тоже феодальной эпохи. Коммунисты открыли, что феодализм продолжает существовать и в форме абсолютной ренты, которой не знает абстрактная буржуазная экономия, и в виде постоянного урезывания „предпринимательской прибыли" и „заработной платы" мелкого производителя, и во всевозможных способах „внеэкономического" гнета и принуждения.

Надо ли говорить, какое гигантское практическое, революционное значение для коммунистов—здесь прежде всего вспоминается Ленин—приобрело это изучение реальной экономики капитализма: того капитализма, как он существует в действительности, а не в „чистом

эфире разума"? И надо ли напоминать, что только это теоретическое познание действительного капитализма и сделало возможной принципиальную выдержанность и революционный размах нашей тактики, которая, об'единив крестьянство в боевом союзе с пролетариатом, низвержение феодальных пережитков в политическом строе продолжила низвержением феодальной собственности, а ликвидацию феодальной собственности связала с революционным отрицанием капиталистической собственности и социалистическим строительством?

Конечно, без „экономических категорий, представляющих только теоретические выражения, абстракции капиталистических производственных отношений", невозможно было бы то теоретическое познание реального капитализма, которым мы обязаны Марксу и Ленину. Но экономические категории абстрактного капитализма послужили для них только ключем, необходимым для расшифрования фактических отношений.

Экономические категории чистого капитализма составляют орудие, но отнюдь не все содержание марксистской политической экономии.

Не скажут ли нам, что задача экономической науки или теоретической экономии, целиком исчерпывается отыскиванием ключа и кончается, как только этот ключ начинают применять к экономическому познанию действительности? И не скажут ли нам, что самое выковывание этого ключа идет в кузнице, в которой обрабатывают действительность, вышелушенную от всякого реального содержания, превращенную в пустые, бесплотные, но и бесплодные абстракции? Но уж не придется ли в таком случае признать, что в настоящее время попытки построить политическую экономию, не роняющую достоинства теоретической науки, мы находим только у рыцарей предельной полезности, этой прекрасной дамы, которая, обитая в „чистом эфире разума", остается незапятнанной соприкосновением с шумом и грохотом, грязью и кровью, грандиозными преступлениями империалистических войн и повседневным грабежом и мошенничеством на всех „цветных" континентах и островах? Однако тот ключ, с которым красуются рыцари этой дамы,—не ключ к расшифровке этой действительности, а всего лишь ключ, который, непригодный ни для какого практического употребления, имеет одно предназначение: служит украшением для камердинеров буржуазии, когда они с расширением ее придворных штатов переименовываются в камергеров.

III.

„Анти-Дюринг" Энгельса в известном смысле является подведением общих итогов почти сорокалетней совместной революционной борьбы и работы Маркса и Энгельса. Эти итоги подводились Энгельсом в постоянном контакте с Марксом, о чем теперь свидетельствует их переписка („Briefwechsel"). Тем большую ценность имеют в наших глазах страницы, посвященные Энгельсом задачам и методологии политической экономии. Нас нисколько не удручает ни тот факт, что

эта страницы написаны почти сорок лет тому назад, ни тот факт, что они как будто совершенно игнорируются в большинстве новейших руководств политической экономии, хотя это не мешает их авторам упорно рекомендовать свои руководства, как выдержанно марксистские.

В самом деле, для меня представляется загадкой, каким образом авторы - марксисты, недавно выступившие с очень претенциозными статьями по методологии политэкономии, обошли полным молчанием книгу Энгельса. Разгадка может быть только одна: или они просто „забыли" об этой книге, что было бы очень странно для марксистских теоретиков,—или же с самаго начала поняли, что им пришлось бы направить свои критические замечания непосредственно и почти полностью против Энгельса. А на это они, по понятным причинам, не могли пойти.

Второй отдел „Анти-Дюринга" носит название „Политическая экономия" и открывается главой „Предмет и метод". Первые же шесть страничек (F. Engels, „Dührings Umwälzung der Wissenschaft", Stuttgart 1904, стр. 149—154) дают по этим вопросам ясный, простой, отчетливый ответ, не оставляющий, казалось бы, возможности никаких вывертов, увиливаний и лицемерных истолкований. Хотя, впрочем, как показывает практика, при известном желании от Энгельса можно уйти к Гегелю,—и мало ли еще куда можно уйти.

„Политическая экономия, в широком смысле,—начинает Энгельс,—есть наука о законах, подчиняющих производство и обмен материальных средств существования в человеческом обществе".

„Условия, при которых люди производят и обмениваются,—продолжает Энгельс,—изменяются от страны к стране, и в каждой стране—из поколения в поколение. Следовательно, политическая экономия не может оставаться одной и той же для всех стран и для всех исторических эпох".

Нам настойчиво повторяют в последнее время, что политическая экономия может возвыситься до уровня науки лишь постольку, поскольку она ограничивается выяснением экономических закономерностей капиталистического общества. Нет,—говорит Энгельс,—эта наука, оставаясь наукой, изучает законы, управляющие производством и обменом и в других странах, и в другие эпохи, кроме капиталистических. Он поясняет свою мысль следующим образом:

„От лука и стрелы, от каменного ножа и наблюдающегося только в виде исключения обмена у дикаря до паровой машины в тысячу лошадиных сил, до механического ткацкого станка, железных дорог и Английского банка—чудовищное расстояние. Огнеземельцы далеки от массового производства и мировой торговли, как далеки от бронзовых векселей и биржевых крахов". Но значит ли это, что экономической науке нечего делать с огнеземельцами? Нет, из этого получается более сложный вывод:

„Кто захотел бы подвести экономику Огненной земли под одни и те же законы с современной Англией, тот, очевидно, не мог бы преподнести ничего иного, кроме самого банальнаго общего места. Таким образом, политическая экономия есть существенно историческая

(подчеркнуто у Энгельса) наука. Она изучает историческую, т.-е. постоянно меняющуюся материю (подчеркнуто мною, как и в дальнейшем, где нет особых оговорок. *И. С.*). Она исследует сначала особенные законы каждой отдельной ступени в развитии производства и обмена и, лишь завершив это исследование, может указать немногие совсем общие законы, относящиеся к производству и обмену вообще. Однако при этом само собой разумеется, что законы, относящиеся к определенным способам производства и формам обмена, остаются в силе и для всех периодов истории, которым общи эти способы производства и формы обмена. Так, напр., с введением металлических денег вступает в действие ряд законов, относящихся ко всем странам и отделам истории, где обмен обслуживается металлическими деньгами".

Итак, политическая экономия—историческая наука, которая, далекая от ограничения себя эпохой и странами капитализма, изучает „историческую материю" и, исследуя особые законы отдельных периодов развития, не отказывается и от выяснения некоторых общих экономических закономерностей.

Кто не вспомнит в связи с этой страничкой известного замечания Маркса (в I т. „Капитала"), что каждая историческая эпоха имеет свой особый закон населения? Не следует ли теперь вставить к этому месту такое примечание: но было бы умалением теоретического достоинства политической экономии, если бы она увидала свою задачу в установлении закона (или законов) населения для до-капиталистических эпох.

Энгельс показывает, как применяются эти общие методологические указания.

„Вместе со способом производства и обмена определенного исторического общества и с историческими предпосылками этого общества дан в то же время и способ распределения продуктов".

Я преднамеренно подчеркнул слова: „историческими предпосылками". Для абстрактного экономиста, который принципиально не хочет ничего знать и видеть, кроме капиталистических отношений, распределительные отношения капиталистической эпохи целиком определяются капиталистическим способом производства и обмена. Неправда!— говорит Энгельс. Вы проглядели чрезвычайно важный соопределяющий момент распределения в капиталистическом обществе. Вы забыли, что капиталистическое общество вышло из феодализма. И этот прыжок через исторические предпосылки отрезывает путь к познанию не только деревенских отношений, но и исторического развития рабочего класса и его современного положения. А после работ Ленина мы еще добавим, что это забвение „исторических предпосылок" современного капитализма сделало бы нас слепыми к тому, насколько естественным, насколько экономически обоснованным является революционный союз пролетариата и крестьянства. Феодализм давит рабочего не только политически, но и экономически. Через остатки феодальных отношений—и какие громадные остатки!—„мертвый хватает живого" не только в земледелии, но и в промышленности.

„В родовой или деревенской общине, — продолжает Энгельс,— с общей земельной собственностью, с которой—или с весьма заметными остатками которой — все культурные народы вступают в историю, довольно равномерное распределение продуктов разумеется само собою; там, где выступает значительное неравенство в распределении между членами, оно является уже симптомом начавшегося разложения общины. Крупное, как и мелкое, земледелие, в зависимости от исторических предпосылок (опять эти „исторические предпосылки"! *И. С.*), из которых они развились, допускают очень различные формы распределения. Но ясно, что крупное земледелие всегда обусловливает совершенно иное распределение, чем мелкое; что крупное предполагает или порождает классовую противоположность: рабовладельцев и рабов, сеньеров и барщинных крестьян, капиталистов и наемных рабочих, между тем как мелкое земледелие отнюдь не обусловливает классовых различий среди лиц, занятых в земледельческом производстве, и, наоборот, простая наличность этих различий свидетельствует о начавшемся разложении парцеллярного хозяйства... Введение и распространение металлических денег в стране, в которой до того времени существовало исключительно или преобладающе натуральное хозяйство, всегда связано с более или менее медленным или быстрым переворотом в существовавшем до того времени распределении, а именно, с все усиливающимся ростом неравенства распределения между отдельными лицами, противоположности богатых и бедных. Локальное, цеховое ремесленное производство средних веков делало невозможным появление крупных капиталистов и пожизненных наемных рабочих" и т. д.

Мы видим, что Энгельс бегло наметил целый ряд экономических законов, устанавливаемых изучением самых разнообразных общественно-экономических формаций. И он прямо указывает, что выяснение этих законов входит в задачи политической экономии.

Конечно, если бы это изучение прошлой экономики, „доисторической" по отношению к капитализму, имело только одно окончательное предназначение: раскрыть те немногие, совершенно всеобщие законы, действие которых можно наблюдать во всех общественно-экономических формациях—,можно было бы по справедливости усомниться в плодотворности такой науки, которая хочет сочетать абстрактность с историчностью. Здесь с исследователем случилось бы одно из двух: или вместо общих закономерностей, — раскрытие которых можно отнести к задачам исторического материализма, который таким образом диалектически переплетается с политической экономией, — он начал бы преподносить пустые общие места; или же от отчаянности он стер бы, отбросил бы то особенное, конкретное, качественно отличное, что отделяет прошлые экономические эпохи от капиталистической эпохи, и пошел бы по тропинке, давно проторенной буржуазными исследователями: открыл бы частную собственность у обезьяноподобного предка человека, нашел бы „мировую торговлю" в древнем Перу, разукрасил бы древний Рим всеми красками капиталистического общества.

Абстрактные экономисты органически не в состоянии понять, что для марксистской политической экономии ценно не только то, что

общее всем экономическим эпохам, но и то, что отличает одну эпоху от другой. Теоретическое познание ремесленной эпохи промышленности, раскрытие условий, при которых существовало ремесло, уже само по себе делает понятными судьбы ремесла в эпохи торгового и промышленного капитала и вместе с тем бросает яркий свет на многие явления в мелком земледельческом производстве капиталистической эпохи. Изучение родовой и деревенской общины средневековья и установление хотя бы тех закономерностей, на которые так кратко намекает Энгельс в только что приведенной цитате, делает возможным освобождение от народнических иллюзий.

Марксистская экономическая теория стремится, в противоположность буржуазной, не консервировать существующее, а видит свою задачу в том, чтобы в самой действительности раскрыть условия движения, переворота. Не ясно ли, что, если мы найдем только определения, общие для современной и древнейшей эпохи, мы тем самым абстрагируемся от всякого движения? Через конкретное, через то, что отличает одну эпоху от другой, мы познаем движение и железную необходимость движения. „Определения, относящиеся к производству вообще, должны быть расчленены, чтобы из-за единства не были забыты существенные различия. И, напр., в забвении этого заключается вся мудрость современных экономистов, которые доказывают вечность и гармонию существующих социальных отношений“ [1]).

Впрочем, все это с такой исчерпывающей полнотой и отчетливостью выражено в „Анти-Дюринге“, что, если бы это предположение не было таким чудовищным, пришлось бы спросить, уж нет ли „заговора молчания“ против старого Энгельса [2]).

„Однако политическая экономия,—пишет Энгельс,—как наука об условиях и формах, в которых различные человеческие общества производили и обменивались и в которых сообразно этому распределяли продукты,—политическая экономия в таком об'еме еще только должна быть создана. То, чем мы до сих пор обладаем из экономической науки, ограничивается почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа производства: она начинается критикой остатков феодальных форм производства и обмена, раскрывает необходимость их замены капиталистическими формами, затем развивает законы капиталистического

[1]) K. Marx. „Zur Kritik der Politischen Oekonomie“. Einleitung, Stuttgart, 1907. стр. XV—XVI.

[2]) „Но мы не считаем ни рабочих (хотя бы и слабо развитых), ни учащихся „небогими“ (убогими калеками), мы не думаем, что им „не по зубам“ те орехи, которые разгрызают даже беззубые старцы, мы не считаем нужным кормить их всякою завалью, всем тем, что было „почти свежим“ лет 30—40 назад. Мы полагаем, наоборот, что им надо сообщать то, что составляет последнее достояние науки“ (подчеркнуто мною. *И. С.*). Л. Любимов, „Азбука политической экономии“, Гиз, 1924. стр. 4. Это заодно может служить примером той невыносимой болтовни, банальщины и претенциозности, которой характеризуются „Азбука“ и в особенности „Курс“ этого автора. Очень хорош он, когда преподносит свои „открытия“ якобы „в развитие Маркса“. От этих „открытий“ он не пощадил даже злополучных читателей „Азбуки“.

способа производства и соответствующих ему форм обмена с положительной стороны, т.-е. с той стороны, с которой они содействуют общим целям общества, заканчивает социалистической критикой капиталистического способа производства, т.-е. изложением его законов с отрицательной стороны, раскрытием того, что этот способ производства своим собственным развитием толкается к тому пункту, где он сам делает себя невозможным".

Итак, чем была и остается до настоящего времени политическая экономия?

Была она теорией развития капитализма из феодализма, теорией „радостей и горестей" капитализма: его возникновения, развития и неминуемого крушения.

Чем должна быть политическая экономия, что она должна дать?

Она должна дать теорию не какой-либо отдельной эпохи экономического развития, а теорию движения и смены различных общественно-экономических формаций; их возникновения, развития и причинно- необходимого замещения другими экономическими формациями: развития одних экономических форм из других.

Внимательнее вчитаемся в только что приведенную цитату и сопоставим ее с предыдущими и последующими замечаниями Энгельса, которых я не привожу потому, что 1) нельзя же переписывать всю главу и 2) читатели-марксисты и без того сумеют раскрыть в дальнейшем обычный для Энгельса и Маркса ход мыслей. Мы видим что Энгельс бросает здесь поразительно яркий свет на историю политической экономии, как науки.

Вы говорите, что политическая экономия становится и остается наукой лишь постольку, поскольку она ограничивает себя изучением внутренних закономерностей и внутренней логики абстрактного капитализма? Пустяки! Сущая метафизика! Для своего времени наукой была классическая политическая экономия, которая, действительно, исчерпывала свои задачи тем, что развивала исключительно законы капиталистического способа производства и соответствующих форм обмена, да и в этих-то законах видела единственно их положительную сторону—именно ту сторону, что они. согласуются с общими интересами общества. Эта политическая экономия замечала остатки феодализма, но рассматривала их, как какой-то посторонний нарост, препятствующий капитализму, этой единственно „естественной" для человечества форме экономических отношений, излить на человечество все свои благословения.

Когда капиталистический способ производства оставил позади себя значительную часть своей восходящей линии и когда в ворота уже постучал его преемник и могильщик, политическая экономия, как наука, сделалась невозможной для буржуазии. Экономисты-классики вымерли и сменились вульгарными экономистами.

В то же время развертывалась критика капитализма в двух направлениях. С одной стороны, появляются социалисты, которые, видя в нищете, порождаемой капитализмом, только нищету, взывают к

чувству, к морали и справедливости. А с другой стороны, складывается научный социализм или коммунизм, который видит в тех же страданиях, сопровождающих капиталистическое развитие, симптом приближающегося освобождения, раскрывает, что капиталистический способ производства своим собственным развитием порождает силы, которые ведут к его гибели и к смене социалистическим способом производства и соответствующими формами распределения.

Таким образом, политическая экономия, бывшая в свой классический период идеологическим оружием буржуазии, превращается научным социализмом опять в науку,—но уже в теоретическое обоснование революционной борьбы рабочего класса. Сообразно новой эпохе и новым задачам, изменился исторический охват политической экономии. Она—уже не теория только капитализма: она кроме того 1) теория генезиса и развития капиталистического способа производства из феодального и 2) она—теоретическое исследование того, каким образом среди разлагающейся формы экономического движения складываются элементы будущей, новой организации производства и распределения.

Значит, расширение поля зрения и в ту, и другую сторону: и вперед и назад,—и к социализму, и к феодализму. Но и это последнее расширение, теоретический охват средневековой экономики, еще недостаточно. Мы помним, как Маркс писал, что надо шагнуть дальше: надо „за средневековьем увидать первобытную эпоху каждого народа", т.-е. ввести в кругозор политической экономии теоретическое познание и первобытной экономики. И мы видим, что Маркс очень выразительно добавляет к этому: такое расширение, освобождающее нас от ослепления известной предвзятостью, „соответствует социалистическому направлению". Значит, коммунист, если он хочет научно познать экономическую действительность, должен итти в таком направлении. Мы скоро увидим, что то же самое повторяет и Энгельс.

Для метафизика политическая экономия, как наука, превращается в некую застывшую „сущность". Только та политическая экономия,—говорит он,—является наукой, которая дает теорию абстрактного чистого капитализма.

Для диалектика определение (или определения) всякой науки не выводится из какой-то „идеи" этой науки, не творится произвольно в голове, „чистом эфире разума": оно не отделимо от ее исторического развития, от ее связи с конкретными особенностями различных эпох и с теми историческими задачами, которые выдвигает и разрешает каждая эпоха. Рикардо мог определять политическую экономию, как науку об абстрактных законах капитализма: в такой ее разработке была великая сила Рикардо, это дает ему право на одно из почетнейших мест в истории нашей науки. Но классической политической экономии не оживить и не возродить. То, чем для своего времени была политическая экономия, в настоящую эпоху сделался научный социализм.

Обрисовав, каким образом капиталистическое развитие подготовляет „скачок человечества из царства необходимости в царство свободы", Энгельс продолжает:

„Совершить это освобождающее мир дело,—в этом историческое призвание пролетариата. Открыть исторические условия этого дела и вместе с тем самую его природу, и, таким образом, привести призванный к действию, ныне угнетенный класс к сознанию условий и природы своих собственных действий,—в этом задача теоретического выражения пролетарского движения, научного социализма" („Dührings Umwälzung", стр. 306).

Вот чем для настоящей исторической эпохи сменилась, не переставая быть теоретической наукой, политическая экономия классиков.

А теперь возвратимся к прерванному изложению начала первой главы второго отдела „Антидюринга" (стр. 149—154): каков исторический охват политической экономии, как науки.

Итак, развитие капиталистических отношений в реальной действительности начинает упираться в отрицание капиталистических отношений. И вместе с тем теоретическое утверждение капиталистических отношений сменяется в политической экономии, поскольку она остается наукой, отрицанием этих отношений, критикой буржуазной экономики.

Но,—продолжает Энгельс—„чтобы с необходимой полнотой провести эту критику буржуазной экономики, недостаточно было знакомства с капиталистической формой производства, обмена и распределения. Предшествующие ей—или еще и теперь существующие в менее развитых странах рядом с нею—формы точно так же, хотя бы в главных чертах, должны были быть (здесь я сознательно приношу чистоту русского языка в жертву точности перевода. *И. С.*) исследованы и привлечены к сравнению".

Но кто же и когда это делал?—с недоумением спросят „абстрактные" теоретики, которые видят основное содержание „Капитала" Маркса в его наиболее абстрактных отделах, относящихся к выяснению законов капиталистического способа производства? [1]). Но спросят только потому, что они, абстрагировавшись от работ Маркса и Энгельса и подгоняя их под свое собственное естество, хотят выхолостить из них все реальное содержание.

[1]) „Коли уже оценивать Маркса со стороны изложения, то следует сказать, что более всего силен он там, где наименее конкретизирует, где он более абстрактен" (И. Петров, в № 5—6 „Большевика" за 1921 г., стр. 97). Уж не доживем-ли мы до того времени, когда с нескрываемым состраданием начнут говорить о тех отделах „Капитала", где Маркс ослабел настолько, что, опустившись с высот абстракций, унизился до изложения развития реальной техники, реального фабричного законодательства, реального первоначального накопления и т. д.? В этих глубокомысленных—в действительности до отчаяния безграмотных—попытках построения двух Марксов: „абстрактного" и „конкретного", воскресают измененные сообразно новым условиям убогенькие соображеньица приснопамятного народничества об „экономической теории" Маркса, за которую они снисходительно его поощряли, и об его „исторической" или „историко-философской теории", над которою их, разумеется, возвышала эклектическая окрошка из самых несовместимых воззрений. По полному непониманию единого и целостного метода Маркса оба эти разграничения стоят одно другого.

„Такое исследование и сравнение,—говорит Энгельс,—до сих пор в общем и целом производилось только Марксом (а мы добавим: и Энгельсом), и потому его (их) исследованиям мы почти исключительно обязаны тем, что до сих пор установлено теорией относительно докапиталистической экономики".

А затем, чтобы еще с большей выпуклостью показать, насколько важен этот прорыв экономической наукой исторических рамок капитализма, Энгельс коротенько характеризует экономистов-классиков и определяет их место в развитии философии и науки.

„Возникнув в гениальных головах к концу XVII века, политическая экономия в узком смысле, в ее положительной формулировке у физиократов и Адама Смита, тем не менее—в существенном дитя XVIII века и примыкает к завоеваниям современных ей великих французских просветителей со всеми достоинствами и недостатками той эпохи. Что мы сказали о просветителях, относится и к тогдашним экономистам. Новая наука была для них не выражением отношений и потребностей их эпохи, а выражением вечного разума; открытые ею законы производства и обмена были не законами исторически определенной формы этих видов деятельности, а вечными естественными законами; их выводили из природы человека. Но при внимательном рассмотрении этот человек оказывается тогдашним средним бюргером, проделывающим свой переход в буржуа, и природа его сводилась к тому, чтобы фабриковать и вести торговлю при тогдашних, исторически определенных условиях".

Как мы видели в начале этой главы, Энгельс говорит прежде всего, что такое политэкономия в широком смысле, от ее возникновения и до научного коммунизма. Это—„наука о законах, подчиняющих производство и обмен материальных средств существования в человеческом обществе".

Теперь он выясняет, чем была политическая экономия в узком смысле, т.-е. чем она сделалась в XVIII веке, в этот исторически определенный период своего развития, когда она получила положительную формулировку, т.-е. когда в раскрываемых законах капиталистического производства видела только одну сторону: их соответствие с тогдашними интересами общества. Дитя своего века, политическая экономия у физиократов и Смита воображала, что она раскрывает законы не человеческой экономики на определенном уровне ее развития, а общие внеисторические законы, определяемые природою человека, вечно пребывающей неизменною. У этой политической экономии не было глаза к развитию, к движению, к истории,—и не нужна была ей история, если внеисторична „природа" человека, и если чисто рационалистическим путем можно построить те экономические формы, которые единственно способны во все времена обеспечить благополучие этого „внеисторического" человека, человека „вообще". Одного только не замечала эта политическая экономия: что предполагаемая ею „общая природа" человека есть в действительности „природа", сложившаяся „в тогдашних исторически определенных условиях".

Таким образом, становятся ясным, что воззрения экономистов XVIII века на предмет и метод их науки определились историческими задачами, которые стояли перед буржуазией XVIII столетия, и связанными с ними общим характером науки и философии того времени, просветительской, рационалистической по преимуществу.

IV.

Переписка Маркса и Энгельса могла бы дать дополнительное подтверждение, что „Капитал" и все его отделы писались в полном соответствии с этими воззрениями на соотношение „абстрактной теории" и „конкретной истории" [1]). Но пора подвести некоторые предварительные итоги.

Мы уже упоминали об одной недоконченной работе Маркса, перепечатываемой теперь в качестве „Введения" к „Критике политической экономии". Это „Введение", несомненно, набросано в 1857 г., т.-е. в то время, когда писалась и „Критика политической экономии". Третий параграф „Введения" говорит о „методе политической экономии". „Христианская религия,—пишет Маркс,—только тогда оказалась способной подняться до об'ективного понимания прежних мифологий, когда ее самокритика до известной степени, так сказать dynamei (потенциально), была готова. Точно так же и буржуазная экономия только тогда пришла к пониманию феодального, античного, восточного общества, когда началась самокритика буржуазного общества" („Zur Kritik", стр. XLII). Или,—как выражается Маркс на той же страничке,—„анатомия человека—ключ к анатомии обезьяны. Намеки на высшее у низших видов животных могут быть понятны только в том случае, если само это высшее уже известно. Буржуазная экономия—ключ к античной" и т. д..

Без понимания капиталистических отношений невозможно притти к пониманию ни феодальных отношений, ни тех форм, которые буржуазное общество получило от феодализма. „Земельная рента не может быть понятна без капитала, но капитал можно понять безземельной ренты. Капитал—все подчиняющая экономическая сила буржуазного общества. Он должен составить исходный и конечный пункт и его понятие следует развить" (при изучении, при исследовании) „раньше, чем понятие земельной собственности. После того, как то и другое рассмотрено в отдельности, необходимо перейти к их взаимоотношению".

Это—общие указания, каким образом политическая экономия, являющаяся исторической наукой [2]), от познания развитых отношений

[1]) См. в частности очень выразительные места в письме Маркса к Энгельсу от 2 апреля 1858 г., где Маркс намечает общий план „Капитала". Например: „Переход капитала на земельную собственность является в то же время историческим, так как современная форма земельной собственности есть продукт действия капитала на феодальную и т. д. земельную собственность. Точно так же переход земельной собственности в наемный труд не только диалектический, но и исторический, так как последним продуктом современной земельной собственности является всеобщее утверждение наемного труда, который затем выступает базисом всей полебки" („Briefwechsel", II B., стр. 265. Сравн. также стр. 266 и III B. стр. 380, 383).

[2]) „Как во всякой исторической науке, по отношению к ходу экономических категорий следует постоянно иметь в виду"... и т. д. („Zur Kritik", стр. XLIII).

буржуазного общества приходила к познанию прошлых общественно-экономических формаций, и с каким теоретическим вооружением должен подходить исследователь к изучению как современной, так и прошлой экономики.

В начале той же главы (стр. XXXV и след.) Маркс показывает, каким путем *исторически* шла политическая экономия в изучении действительности, и какой метод является правильным в научном отношении. „Конкретное конкретно, потому что оно представляет совокупность многих определений, единства многообразия. Поэтому для мышления оно является процессом соединения, результатом, а не исходным пунктом, хотя оно—действительный исходный пункт, а вместе с тем и исходный пункт созерцания (Anschauung) и представления... Абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления".

Что это значит?

Политическая экономия,—конечно, всходя из реальной действительности, наиболее общим, основным и решающим определением которой является господство капитала,—раскрывает категории капиталистической экономики в их чистом, абстрактном виде. Но таким образом она еще не приходит к завершению своей задачи, к познанию действительной экономики. Это—только ключ к познанию экономической действительности. Эти категории абстрактного капитализма надо применить к изучению буржуазного общества, как оно существует, со всеми его историческими предпосылками: надо посредством мышления *воспроизвести это конкретное, дать его картину*. В этом и заключается задача той политической экономии, которая хочет быть наукой в современную историческую эпоху [1]).

В последнее время мы переживаем любопытную полосу „ослепления известной предвзятостью", которая мешает понять метод „Капитала" и вместе с тем метод Ленина.

Начиная с элементарных кружков политграмоты и кончая коммунистическими университетами, у нас уже около четырех лет повторяют, как прочно установленную, стоящую выше всех сомнений истину, будто марксистская—и прежде всего Марксова—политическая экономия есть „теория *только* (подчеркнуто у автора. *И. С.*) менового общества", „наука о законах товарно-капиталистического общества"; будто преступно „обязывать экономическую науку быть исторической в своем целом" и т. д. (Н. *Петров*, в „Большевике" 1924 г., № 5—6, стр. 92). Поистине с трогательной убежденностью вещают, будто „*абстрактно-аналитический* метод Маркса тем и характеризуется,

[1]) Сравн. „Послесловие" Маркса ко 2 изд. т. „Капитала": „Способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено *действительное движение*. Раз это удалось, и *жизнь материала получила свое идеальное отражение*, то на первый взгляд может показаться, что перед вами априорная конструкция" („Капитал", т. I, русск. изд. 1923 г., стр. XLVII). Вот и говорите после этих прямых заявлений Маркса об его „абстрактно-аналитическом методе".

что он адекватен тому предмету, который исследуется при его помощи, капитализму" (там же, стр. 94 и др.). И, наконец, с самым серьезным видом уверяют нас, будто Маркс „более всего силен там, где наименее конкретизирует, где он более абстрактен" (стр. 97).

Мы уже видели, каким образом Маркс и Энгельс обрисовывают действительные предмет и метод своей политической экономии. Поэтому мы сразу убеждаемся, что тов. Петров, воображая, будто он толкует о марксистской политической экономии, в действительности очень удачно характеризует, чем была политическая экономия по своему охвату и методу у классиков, прежде всего у Рикардо. Тов. Петрова я привожу просто в качестве примера. Такая полоса у нас выдалась, что имя т. Петровым — легион. Надо быть очень старомодным человеком,—и надо хоть на время не думать о тех скорпионах, которые обрушатся на тебя за выступления против „ослепления известными предрассудками,"—чтобы самым смиренным образом возразить: вы боретесь за прямо противоположное тому, за что боролись Маркс и Энгельс.

Метод Маркса—диалектическое единство абстрактно-аналитического и конкретно-исторического метода. Расщепление, раздвоение, раскол этого метода дает в одну сторону классиков (а для настоящей эпохи—Grenznützler'ов, сторонников предельной полезности, которые, впрочем, при выведении своих „абстрактных определений" совершенно игнорируют капитализм и берут за исходный пункт абстрактнейшего „человека вообще"; зато от своих абстракций они так и не доходят до „процесса соединения", до воссоздания реального капитализма посредством мышления). А с другой стороны, путем такого расщепления мы получаем беспринципный и абсолютно бесплодный историзм так называемой „исторической школы" в политической экономии (в действительности она стоит вне политической экономии, как науки).

А вот рассуждение первой же страницы одного из самоновейших учебников политической экономии, типичное для всех многочисленных произведений этого рода, появляющихся в последнее время: „Политическая экономия является наукой, изучающей капиталистическое хозяйство. Предшествующие докапиталистические стадии хозяйственного развития ею не изучаются. Изучение этих форм хозяйства составляет предмет другой науки—истории хозяйства".

Невыразимая методологическая нелепость подобных разграничений не бьет в глаза ни авторам, ни читателям: установившаяся у нас „предвзятость" делает и авторов и читателей слепыми к подобной чепухе.

Казалось бы, чего естественнее вопрос: а неужели невозможна история капитализма? Или вы, возвратившись в своих определениях и методах к классикам, неосознанно идете еще дальше и склонны сказать, что у капитализма нет истории? Что он, следовательно, единственно нормальная форма экономических отношений, вытекающая из самой природы „человека вообще"? В таком случае вы абсолютно правы: такая политическая экономия должна

разрабатываться исключительно абстрактно-аналитическим методом. Вот жаль только, что она перестанет быть современной наукой.

Будем ждать, что с такой убийственной методологией доберутся до биологии. Тогда с самым невозмутимым видом станут угощать нас таким глубокомыслием: биология—наука об общих закономерностях органической жизни в современную геологическую эпоху. Изучение прошлых стадий и развития органических форм одних в другие составляет задачу другой, „идеографической", чисто описательной науки (которая, говоря по правде, между нами, недостойна называться наукой). И при таком-то богатстве истинно мольеровских сюжетов у нас все еще нет Мольера!

Уж много раз повторяли, что Маркс сделал для обществознания то же, что Дарвин для биологии. Маркс не случайно и в своих работах и в переписке с Энгельсом и другими снова и снова возвращается к Дарвину. Выше мы видели, между прочим, как поражен был Маркс, когда он лишний раз убедился, что в „человеческой истории происходит то же, что в палеонтологии". И Маркс и Энгельс, отмечая кое-что слабое и недостаточное у Дарвина, тем не менее не могли не радоваться, так как Дарвин применил к биологии тот же метод, который оба они стали применять к обществознанию еще полутора десятками лет раньше.

В самом деле, какой метод применяется Дарвином в его „Происхождении видов"? „Индуктивный" или „дедуктивный"? Нет, ни тот, ни другой,—или, вернее, и тот, и другой. Дарвин, сам не подозревая этого, дал блестящий пример того, как плодотворно для биологии применение того метода, который представляет диалектическое единство индукции и дедукции. Только область-то Дарвина относительно проще, и только нет в нем той титанической силы, которая превратила „Капитал" в такое целостное произведение.

Небольшой нюанс разделения „абстрактного" Маркса и, к его вреду, „конкретизирующего" Маркса представляет такое воззрение; все-таки суть „Капитала" — в его абстрактнейших отделах, напр., в главах I—VII, XIV—XVI первого тома, во втором томе, за малыми пятнающими его исключениями, и т. д. А остальное, презренное „конкретное", — это почти внешний придаток, механически связанный с существенным содержанием „Капитала", ну, „иллюстрации", своего рода картинки, которыми завлекают малых ребят от политической экономии. Одно слово, „история" в противоположность чистой „теории" которая строится абстрактно-аналитическим методом".

Но странный человек был этот Маркс. Он не понимал, в чем он „более всего силен", и, не особенно огорчаясь тем, что в сущности попортил I том „Капитала" своими „историческими экскурсами", уводящими от чистой теории, хотел сделать то же самое и с III томом. По крайней мере, так рассказывает Энгельс в предисловии к этому тому:

„Для отдела о земельной ренте Маркс в семидесятых годах предпринял совершенно новые специальные изучения. В продолжение нескольких лет он изучал в подлинниках... русские статистические иссле-

дования и другие издания о земледелии, доставлявшиеся ему русскими друзьями с желательной полнотой, делал из них выписки и намеревался воспользоваться ими при новой переработке этого отдела. При разнообразии форм землевладения и эксплоатации земледельческих производителей в России в отделе о земельной ренте Россия должна была играть такую же роль, какую играла Англия в первой книге, при исследовании промышленного наемного труда. К сожалению, ему не удалось осуществление этого плана".

Что же, эти материалы требовались Марксу для „иллюстраций" общих законов капитализма? Нет, после того, что мы слышали от самого Маркса о соотношении конкретного и абстрактного, об использовании „абстрактных определений" для „воспроизведения конкретного посредством мышления", мы скажем, что он считал их необходимыми для обще-теоретического познания современного ему капитализма.

И здесь же я могу сообщить великую новость: тот план, который, к сожалению, не был осуществлен самим Марксом, осуществил через четыре—пять лет по выходе III тома достойный продолжатель Маркса. Это сделано Лениным в „Развитии капитализма в России".

И вот тут-то я позволил бы себе почтительнейше обратиться с одним вопросом к „абстрактным экономистам". Итак, политическая экономия остается наукой до тех пор, пока она изучает „капиталистическую форму общества" и пока применяет для ее изучения абстрактно-аналитический метод. Неужели же вам невдомек, что вы таким образом выбрасываете из области вашей науки значительную часть работы Ленина, одного из величайших экономистов? Куда вы приткнете его „Развитие капитализма в России", его изумительные по теоретической глубине работы о наших аграрных отношениях? Недостаточно гладко острижен для вашей чистой науки даже его „Империализм", не говоря уже о такой книге, как „Новые данные о законах развития капитализма в земледелии". Что вы тут будете делать? Сунете где-нибудь к „описательной" или к „прикладной" экономии?

Такая-то путаница и такие-то конфузы получаются для тех, кто политическую экономию, какой она была в одном из периодов своего развития, выдает за политическую экономию вообще, за всю экономическую науку, и методы, вытекавшие из конкретных, из исторических условий того периода, отождествляет с методами этой „абсолютной экономической науки", не видя ее связи ни с общим движением общества, ни с общим развитием науки. Одна наука и одни методы, когда капитализм поднимался по восходящей линии развития, и совсем иные, несмотря на связь преемственности с классической экономией, когда капитализм так ярко выявляется в своем „загнивании". Одна наука и одни методы в XVIII веке, чуждом идее развития,—и другая наука, другие методы в век Маркса и Дарвина.

С точки зрения марксистской политической экономии вопрос о месте Ленина в развитии этой науки решается просто и быстро, без всяких натяжек. Конечно же, Ленин становится рядом с Марксом, как теоретик, заслуги которого в выяснении современной мировой

экономики мы начали глубже оценивать после его смерти, но все еще не оценили в достаточной мере. И Ленин представляет для нас пример такого же органического соединения абстрактно-аналитического метода с конкретно-историческим методом, какое мы открываем в работах Маркса, если не хотим обкарнать его под Рикардо.

Ну, а как же быть все-таки с „абстрактной теорией" и с экономической „историей"? Не смазывается ли всякая разграничительная черта между ними? Совершенно пустой вопрос! Все зависит от конкретных обстоятельств: не только от характера работы, но и от особых задач исследователя, и от того места, какое та или иная работа занимает „в пространстве и времени". Если рассматривать некоторые главы I тома „Капитала" в н е их связи с целым, они окажутся изумительно написанными очерками по и с т о р и и техники, применения женского и детского труда, по истории первоначального накопления, фабричного законодательства и т. д. Но в то же время они так глубоко, органически спаяны со всем содержанием капитала, что в м е с т е с абстрактнейшими главами ведут к основной цели: к познанию законов развития капитализма, как он возник и вырастал в реальной действительности со всеми его историческими предпосылками.

Или возьмем из III тома „Капитала" главу 47: „Генезис капиталистической земельной ренты". Она з а в е р ш а е т отдел о земельной ренте и дает пример применения абстрактных определений, полученных посредством „абстрактного анализа" основных форм ренты в капиталистическом обществе. При всей своей краткости эти замечания бесценны для познания того, каким способом капитал овладевал — только еще овладевал и о в л а д е в а е т — деревенскими отношениями. Они устанавливают целый ряд законов, относящихся не только к промышленно-капиталистической, но и к торгово-капиталистической и даже к еще более ранним эпохам. Они заставляют повторить за Энгельсом, что, действительно, мы бесконечно обязаны Марксу (и Энгельсу) за то, что до сих пор установлено т е о р и е й относительно добуржуазной экономики. И всякий, кто перечитает эту главу, а затем вспомнит „Развитие капитализма в России" и ряд других работ Ленина об аграрных отношениях, глубже поймет, чем обязана Марксу и Ленину н а у к а п о л и т и ч е с к о й э к о н о м и и.

Если политическая экономия, действительно, наука о законах развитых капиталистических отношений, и если только то составляет ее действительное приобретение, что добыто абстрактно-аналитическим методом, то надо будет признать, что этой наукой Ленин занимался только в 90-х годах прошлого века, а с эпохи „Искры" совершенно ушел в область „прикладной" или „описательной" экономии. Не так-ли?

Профессорского глубокомыслия и профессорских колпаков надо искать не только в германских университетах, и ученейшие бонзы водятся не только в Китае.

V.

Всякий непредубежденный читатель согласится, что вопрос о задачах, предмете и методе марксистской политической экономии не дол-

жен был бы возбуждать никаких споров: так ясно он решается и общим характером работы Маркса и Энгельса, и их прямыми заявлениями. Что касается предубежденных читателей, которые, действительно, „известной предвзятостью" ослепили себя, для них все будет недостаточно доказательно.

Тем не менее небесполезно будет произвести дополнительную проверку: посмотреть, в каком виде представлялось это дело Ленину.

Правда, работ, посвященных специально методологии политической экономии, мы у него не найдем. Он не разглагольствовал о методе: он с несравненным блеском применял метод Маркса к раскрытию и выяснению условий революции в современной экономике.

Тем не менее мы найдем у него многочисленные замечания по интересующему нас вопросу. Нисколько не претендуя на полноту, приведем некоторые из них.

В 1913 г. Владимир Ильич написал для словаря Граната статью о К. Марксе. При словарной сжатости этой статьи она поражает ясностью, отчетливостью, глубокой продуманностью буквально всякой строки, всякого выражения. Когда мы дойдем до издавна собственной „Энциклопедии", мы не сумеем сделать ничего лучшего, как просто перепечатать эту статью, дополнив ее, может быть, некоторыми библиографическими данными, появившимися после 1913 года.

Излагая содержание первых, абстрактнейших глав I тома „Капитала", переходя в частности к тому анализу формы стоимости и денег, который дан Марксом, Ленин пишет:

„Главной задачей Маркса является при этом изучение происхождения денежной формы стоимости, изучение исторического процесса (подчеркнуто, как и выше, Лениным) развертывания обмена, начиная с отдельных случайных актов его... вплоть до всеобщей формы стоимости".

Начинающие изучать „Капитал" обычно и не подозревают, что простая форма стоимости, с анализа которой начинается первая глава, характеризует целую эпоху экономического развития, и что ее господство можно еще и теперь наблюдать в некоторых областях земного шара. Их окончательно запутывают и сбивают с правильного пути те конкретные товары, которые у Маркса обмениваются один на другой в случайном акте обмена: 20 арш. холста = 1 сюртуку. Мысль читателя успокаивается: ясно, что это чисто „воображаемый", измышленный, насквозь „фиктивный" пример, который Маркс „выдумал", „абстрагировавшись" от реальной действительности. И вся единичная форма стоимости — не выражение громадного куска исторической действительности, которая еще не окончательно ушла в прошлое, а вольная выдумка, которая просто „иллюстрирует" один несомненнейший факт: я отдаю в акте обмена вещь, которая не представляет для меня потребительной стоимости, и т. д.

И те экономисты, которые не пускают политическую экономию за пределы капитализма, по-своему совершенно последовательны, если они запросто выбрасывают все формы стоимости, кроме денежной: ведь и простая, и развернутая, и отчасти даже всеобщая формы стои-

мости выводят вас в такие исторические эпохи, когда не было не только „сюртука", но и „холста"; когда люди ходили голыми или в невыделаных звериных шкурах,— и когда не пахло не только капитализмом, но и простым товарным производством.

Эти формы сами по себе, независимо от всего остального, опрокидывают утверждение, будто политическая экономия исследует только законы капиталистических отношений, и что ее метод только абстрактно-аналитический. А между тем Маркс ясно сказал, какое значение придавал он именно этим примитивным формам обмена. Подходя к их анализу, он пишет: „Нам предстоит здесь исследовать вопрос, который буржуазная политическая экономия даже не пыталась поставить,—именно показать возникновение денежной формы, т.-е. проследить развитие того выражения стоимости, каким является отношение стоимости товаров, от его простейшей, наиболее скромной формы и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег" (отдельные места подчеркнуты мною. *И. С.*).

Выходит, таким образом, что, оставаясь в пределах капиталистических отношений, мы не можем раскрыть загадку денежной формы, что за ее об'яснением нам приходится спуститься к экономике дикарей, что без истории денег нет их понимания. А ведь если какая-нибудь форма обмена и адэкватна капитализму, так именно денежная. И если даже ее нельзя об'яснить исключительно из самих капиталистических отношений, что же можно об'яснить, не покидая почвы этих отношений?

Некоторые „абстрактные" экономисты милостиво включают в свои руководства развитие форм стоимости в виде „исторических экскурсов", насильственно вдвинутых в основное содержание. Но этим они только показывают, что не умеют свести концов с концами и что у марксистской экономической науки есть своя логика.

Возвращаемся к статье Ленина о Марксе.

Сжато изложив, каким образом, Маркс изучает исторический процесс развертывания обмена от простой до денежной формы, Ленин продолжает:

„Маркс подвергает чрезвычайно детальному анализу различные функции денег, при чем и здесь (как вообще в первых главах „Капитала") в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства" (подчеркнуто мною. *И. С.*).

Форма изложения абстрактна и кажется иногда чисто дедуктивной. Но в действительности она воспроизводит гигантский исторический материал. И материал этот относится не только к капиталистической эпохе: он охватывает и возникновение обмена, и дальнейшие его ступени, между прочим и простое товарное производство, которое еще не вводит нас в развитые капиталистические отношения. Всякий согласится, что это — точная характеристика действи-

тельного содержания первых трех глав „Капитала". И всякий раз увидит, что Ленин утверждает здесь то же самое, что Маркс в „Послесловии" ко 2 изд. I т. „Капитала".

Конечно, все это необходимо для понимания современного капитализма, потому что господство капитала—основная характеристика современной экономики. Но это бесконечно далеко отстоит от об'яснения капитализма из него самого или, употребляя слишком неосторожные выражения тов. Петрова („Большевик" 1924 г., № 5—6, стр. 96), от „политической экономии, как теории капитализма, изучающей капитализм на основе им самим создаваемых отношений". Маркс и Ленин никогда не опрокидывали элементарнейших требований диалектического метода, что было бы неизбежно, если бы они трактовали экономические вопросы так, как требует тов. Петров.

Едва ли есть необходимость доказывать, что коммунисты строят свою программу на научном фундаменте. Научное обоснование нашей программы — в нашей политической экономии [1]).

Марксистским соотношением нашей программы и нашей науки в сущности уже предопределяется, что такое наша политическая экономия, каковы ее задачи, предмет и метод. В этой связи материалы к выработке нашей программы 1903 года, впервые опубликованные в „Ленинском сборнике", т. II, приобретают громадный теоретический интерес.

При выработке программы, главным образом, именно ее вводной, теоретической части, наметились существенные разногласия между Лениным и Плехановым. Вдумываясь в них, мы раскрываем, что именно эти разногласия развернулись впоследствии в противоречия между Коминтерном и II Интернационалом.

Приведем некоторые замечания Ленина на плехановский проект программы.

Ленин возражает против того, будто в современном обществе „рост неравенства порождается только ростом эксплоатации наемного рабочего". В действительности, говорит Ленин, „он порождается: 1) экспроприацией мелкого производителя +2) обнищанием мелкого производителя +3) ростом эксплоатации +4) ростом резервной армии" (стр. 26).

Подчеркнутыми у меня пунктами Ленин говорит: вы забываете, что в реальной жизни еще происходит первоначальное накопление, и еще сохранились мелкие производители, нищающие под ударами капитала, но еще не превратившиеся в наемных рабочих.

Поэтому и своем проекте программы Ленин пишет следующие слова:

„Ближайшие цели русской социал-демократии значительно видоизменяются однако тем, что многочисленные остатки докапиталистического, крепостного (подчеркнуто мною. *И. С.*) общественного порядка задерживают в сильнейшей степени развитие произ-

[1]) Сравни заключительное слово Ленина к прениям о программе на VIII съезде РКП (Стенографический отчет, стр. 88—89).

водительных сил, делают невозможным полное и всестороннее развитие классовой борьбы пролетариата, принижают жизненный уровень трудящегося населения, обусловливают азиатски-варварские формы эксплоатации и мучительное вымирание многомиллионного крестьянства" (стр. 45, 51).

„Плеханов составил второй проект программы,—и Ленин начинает свои замечания на него следующими словами:

„Самым общим и основным недостатком, который делает этот проект неприемлемым, я считаю весь тип программы, именно: это не программа практически борющейся партии, а Prinzipienerklärung" (провозглашение принципов), „это скорее программа для учащихся (особенно в самом главном отделе, посвященном характеристике капитализма), и притом учащихся первого курса, на котором говорят о капитализме вообще, а еще не о русском капитализме" (стр. 65).

Запомним: говорить о капитализме вообще—это достаточно для учащихся первого курса. На следующем курсе экономист должен говорить о реально существующем капитализме, использовав для его понимания крайне важные знания, полученные на первом курсе.

Резюмируя свои возражения, Ленин еще раз указывает на такие недостатки проекта Плеханова:

„Крайняя абстрактность многих формулировок, как будто бы они предназначались не для боевой партии, а для курса лекций".

„Отстранение и затемнение вопроса о специально-русском капитализме—особенно важный недостаток, ибо программа должна дать свод и руководство для агитации против русского капитализма. Мы должны выступить с прямой оценкой его и с прямым об'явлением войны именно русскому капитализму" (стр. 86).

Затем Ленин повторно резюмировал, что именно делает для него проект Плеханова неприемлемым. Он отмечает следующие недостатки:

„По способу формулировки важнейшего отдела, относящегося к характеристике капитализма, этот проект дает не программу пролетариата, борющегося против весьма реальных проявлений весьма определенного капитализма, а программу экономического учебника, посвященного капитализму вообще".

„В особенности непригодна программа для партии русского пролетариата, потому что эволюция русского капитализма, порождаемые русским капитализмом противоречия и общественные бедствия почти совершенно обойдены и затемнены благодаря той же системе характеризовать капитализм вообще. Партия русского пролетариата должна в своей программе самым недвусмысленным образом наложить обвинение ею русского капитализма. Необходимо это тем более, что русская программа не может быть в этом отношении одинакова с европейскими; эти последние говорят о капитализме и буржуазном обществе, не указывая, что эти понятия приложимы и к Австрии, и к Германии и т. п., ибо это подразумевается само собою. По отношению к России этого подразумевать нельзя.

„Отделаться же тем, что капитализм „в развитом своем виде" отличается вообще такими-то свойствами, — а в России капитализм „становится преобладающим", значит уклониться от того конкретного обвинения и об'явления войны, которое для практически борющейся партии всего важнее.

„Проект не достигает поэтому одной из главных целей программы: дать партии директиву для ее повседневной пропаганды и агитации по поводу всех разнообразных проявлений русского капитализма" (стр. 88—89).

В высокой степени знаменательны возражения Плеханова. Он полагает, что если исполнить пожелания Ленина, то придется, чего доброго, „дать неверную (подчеркнуто у Плеханова) характеристику капитализма, так как русские экономические отношения далеко не обладают еще всеми типическими чертами развитого капитализма" (стр. 94).

Вот это—вполне последовательное применение „абстрактно-аналитического" метода, вот это—полное его торжество. Но вместе с тем—и непреднамеренное доведение до абсурда.

Теперь, когда мы—секция Коминтерна, мы говорим: как передовой отряд борющегося пролетариата, ведущего за собой крестьянство и колониальных рабов капитала, мы должны самым недвусмысленным образом изложить обвиневне современного капитализма, об'явление войны современному капитализму, всему его разрушительному хозяйничанью в метрополии и колониях. Наша теория,—как прекрасно выразился Ленин,—„прежде всего и больше всего руководство к действию" (стр. 353. Так подчеркнуто у Ленина). Мы—не студенты первого курса. Не с „капитализмом вообще", не с абстракциями об'ективно мы должны иметь дело, какое бы колоссальное познавательное значение они ни имели. Наша задача теперь — и все изучение реальной экономики показывает, что это именно задача, поставленная историей к осуществлению — в том, чтобы мобилизовать массы на борьбу „против весьма реальных проявлений, весьма определенного капитализма" [1]).

Нет,—отвечает в настоящее время II Интернационал,—обрисовав капитал в эпоху его гниения, т.-е. обрисовав мировой капитал, каким мы его знаем и каким он сложился, вы даете неверную характеристику капитализма, так как „современные экономические отношения далеко не обладают еще всеми типическими чертами развитого капитализма". Вы—азиаты, вы—восточные социалисты. И первая задача вашей партии—сделаться европейцами по своим воззрениям и тактике.

[1]) Ударная формула Ленина: „руководство к действию" поразительно напоминает уже известные нам слова Маркса, которых Ленин в 1917 году не знал, так как тов. Рязанов только летом 1924 г. опубликовал отрывок из „Немецкой идеологии": „Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом реальное движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения вытекают из имеющихся теперь налицо предпосылок". Эти слова можно было бы поставить эпиграфом к речам Владимир Ильича на VIII с'езде, — да и ко многим другим его речам. См. также первый тезис Маркса о Фейербахе.

Не случайность, что для всех теоретиков II Интернационала (может быть, за исключением только Каутского, бессильного свести свое жалкое настоящее со многими элементами своего прошлого) политическая экономия—наука о законах развитого капитализма и что ее метод—абстрактно-аналитический.

Они скажут, что и их политическая экономия обосновывает их „программу", и что программа — тоже их „руководство к действию". И это руководство—наиболее совершенное, так как оно точно фиксирует момент, когда должна наступить пора действий. Это—тот момент, когда реальная экономика „верно" воспроизведет все типические черты „умопостигаемого" развитого капитализма.

Подождать надо, пока реальные капиталистические отношения не дозреют до того уровня, который предусмотрен нашими учебниками первого курса „о капитализме вообще".

VI.

В последние годы у нас признано аксиомой, будто марксистская теоретическая политическая экономия изучает чисто экономические закономерности товарно-капиталистического общества, или, в еще более суженной формулировке, „слепые законы рынка". И обычно принимают на веру, что Маркс обосновал такой взгляд на политическую экономию в конце II главы I тома „Капитала", на страницах, раскрывающих „товарный фетишизм и его тайну".

Между тем из содержания этого параграфа с непререкаемой несомненностью следует, что фетишизм — то явление, что общественные отношения выступают в вещной оболочке, приобретают видимость физических природных свойств вещей—порождается именно в сфере рыночных отношений, и что для его раскрытия надо опуститься к докапиталистическим формам производства. Это Маркс и делает, обращаясь: 1) к построению „робинзонады", 2) к европейскому средневековью, 3) к патриархальной промышленности крестьянской семьи, 4) к союзу свободных людей.

Но курьезнее всего, что новейшие абстрактные экономисты проглядели совершенно недвумысленные заявления Маркса. Он прямо говорит, что это буржуазная экономия ограничивает свой кругозор „внутренними зависимостями буржуазных отношений производства". Он об'ясняет такое сужение ее исторического захвата ее буржуазной ограниченностью: „формулы, на лбу которых написано, что они принадлежат такой общественной формации, где процесс производства господствует над людьми, а не человек над процессом производства,— эти формулы представляются ее буржуазному сознанию чем-то само собою разумеющимся, на столько же естественным и необходимым, как сам производительный труд". Наконец, он отвергает и осмеивает такое сужение экономического кругозора: „добуржуазные формы общественно-производственного органивма третируются ею поэтому приблизительно в таком же духе, как дохристианские религии отцами

церкви [1]). И здесь же он приводит уже знакомую нам цитату из „Нищеты философии" об учреждениях „естественных" и „искусственных"...

Что же, в самом деле, мы должны сделаться христианскими святыми отцами или хотя бы елейными благочестивейшими попами в политической экономии? Но останется ли она после того марксистской политической экономией и вместе с тем останется ли наукой?

Чуждо было Марксу и намерение ограничивать политическую экономию изучением „слепых законов рынка". Он прямо указывает, что экономические категории, которые знает рынок, „тоже носят на себе следы своей истории". („Капитал", т. I, русск. изд. 1923 г. стр. 139). С несравненным сарказмом он говорит: „сфера обращения, или товарообмена, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы (и которую, заметим, склонна ограничить сферу своего изучения буржуазная политическая экономия, в особенности когда она становится вульгарной экономией),—сфера обращения есть истинный эдем прирожденных прав человека. Здесь господствует только свобода, равенство, собственность и Бентам" (стр. 146. См. также стр. 147).

В плане всего „Капитала" мы знаем, что означают эти бичующие слова. Вы, мелочные торговцы, идеями свободной торговли хотите представить буржуазную экономику в чистеньком виде? И поэтому вы хотите остаться в пределах рыночных отношений с их формальными свободой и равенством? А я приглашаю вас спуститься в эту сферу, где производится сам капитал, и вы тогда увидите, что вашими свободой и равенством прикрываются отношения беспощадного экономического принуждения. А затем мы посмотрим, как возник капитал, как он „первоначально" накоплялся, и тогда убедимся, что самое его образование было отрицанием собственности, — экспроприацией непосредственных производителей. И в конце-концов у нас получится вывод, что „свобода, равенство, собственность и всеобщая гармония личных интересов"—просто прикрытие новых форм эксплоатации, которые развились из столь осуждаемого вами феодального принуждения.

В самом деле, не таков ли общий план I-го тома „Капитала"? И не следует ли сказать, что тот, кто не понял этого плана, ничего не понял в „Капитале", — и прежде всего не понял того громадного шага, который представляет „Капитал" по сравнению с классиками, не высовывавшими своего носа из „чистых" отношений „чистого" капитализма. Между прочим для него останется загадочным, почему в подзаголовке своей основной работы Маркс сохранил название „Критика политической экономии". Он не поймет всей глубины, всего колоссального значения этого подзаголовка; не поймет, что им определяется действительное историческое соотношение между классиками и Марксом. Маркс, действительно, не только продолжатель, но и критик классиков. И это — и со стороны исторического охвата, и со стороны метода.

---

[1]) „Капитал", т. I., рус. изд. 1923 г., стр. 39—46, 47—49.

Не знаю, отмечали ли до настоящего времени несомненнейшую аналогию между отношением Маркса к „чисто экономическим" категориям „чистого" капитализма, к тем формальным свободе и равенству, которые господствуют в сфере товарообмена, и отношением Маркса к политической демократии, к порождаемым ею фетишам и иллюзиям. Но в то время, как Маркс (при содействии Энгельса) успел заложить прочный фундамент критики политической экономии, он (и Энгельс) дали только гениальные зачатки критики буржуазной демократии и еще меньше могли дать для выяснении тех политических форм, которые создаст пролетариат в своих окончательных битвах с буржуазией. Эта задача нашла блестящее завершение в „Государстве и революции" Ленина, который сделал для разрушения политических фетишей то самое, что Маркс — для разрушения товарного экономического фетишизма. Маркс показал, что капиталистическая эксплоатация — прямая наследница и продолжательница феодального угнетения, что изменилась только форма последнего. Ленин раскрыл, что политическая демократия — только капиталистическая маскировка фактического рабства наемного рабочего, вуалирующая власть собственности над трудом.

Как это ни грустно, а все же приходится признать, что у нас до сих пор часто не охватывают общего построения I тома „Капитала" и потому разделяют в своих фантазиях „абстрактного" Маркса и „конкретного" Маркса. Между тем так легко заметить, что абстрактнейшие I и II главы настойчиво отсылают к очень „конкретной" XXIV главе „Так называемое первоначальное накопление", постоянно подчеркивают, что чистые экономические категории капитализма „носят на себе следы своей истории", и, таким образом, для полной разгадки тайны стоимости и прибавочной стоимости адресуют к „историческим предпосылкам капитализма".

I и II главы указывают, что от внешней видимости явлений от тех экономических категорий, которые мы наблюдаем в товарообмене, надо спуститься к области производства. Только тогда мы разгадаем тайну капиталистического производства: присвоение неоплаченного труда, которое, вопреки краснобайству буржуазных экономистов („свобода, равенство, собственность и Бентам"), роднит его и с рабовладельческой и с феодальной системой.

Но в то же время I и II главы раз'ясняют, что полную разгадку капитала мы получим, если обратимся к истории его возникновения, что и составляет предмет упомянутой XXIV главы. Эта глава углубляет ту критику буржуазной экономии с ее чистенькими экономическими категориями абстрактного капитализма, которая общими штрихами намечена уже в I и II главах.

Здесь что ни слово, то удар бича по буржуазной экономии, которая в лице вульгарных экономистов преднамеренно закрывает глаза на реальный капитализм и на его исторические предпосылки.

„Первоначальное накопление, — говорит Маркс, — играет в политической экономии приблизительно такую же роль, как первородный грех в теологии. Адам вкусил от яблока и вместе с тем в род человеческий вошел грех. Возникновение известного явления об'ясняют,

рассказывая о нем, как об историческом анекдоте, случившемся в глубокой древности". Эти представления, — говорит Маркс всем содержанием главы, — отвод глаз от того реального исторического факта, что капиталистическое общество построено на эксплоатации, и что капиталистическая форма последней есть продукт превращения феодальной эксплоатации.

Маркс отмечает дальше, что буржуазная экономия снова и снова переживывает эти детские побасенки. Но что тут поделаешь? „Раз дело касается вопроса о собственности, священный долг повелевает поддерживать точку зрения детского букваря, как единственно правильную для всех возрастов и ступеней развития". Но Маркс, именно как критик политической экономии, сейчас же продолжает: „как известно, в действительной истории крупнейшую роль играет завоевание, порабощение, разбой,—одним словом, насилие. Но в чистенькой (sanfte — кроткой, опрятненькой) политической экономии искони царствовала идиллия. Право и „труд" были искони единственными средствами обогащения—всегдашнее исключение составлял, разумеется, „нынешний год" (стр. 706—707).

Действительно, в реальном капиталистическом мире каждый „данный год" был исключением; потому что каждый год были в силе какие-нибудь законы, закрепощавшие сельскохозяйственных рабочих помещикам, каждый год посылались военные экспедиции для „открытия" новых рынков и каждый же год вызывалась вооруженная сила для расправ со стачечниками.

Ну, а в нашу, в марксистскую теоретическую политическую экономию укладывается ли эта реальная действительность капитализма и эта его реальная история? Маркс блестяще показал, что не только укладывается, но и составляет необходимейший элемент действительно научной теории капитализма. Не понимать этого, значит вообще не понимать „Капитала", как критики буржуазной политической экономии.

Еще раз повторим: чрезвычайно поучительно было бы изучить работы и речи Владимира Ильича именно с точки врения методологии политической экономии. Спор этот не может решаться в „чистом эфире рассудка": решение должно исходить и из того, чем является теоретическая политическая экономия в работах гениального продолжателя Маркса и Энгельса.

Но это могло бы составвть предмет особой статьи.

А на этот раз просто отметим, что с той же точки врения очень ценный материал дают прения VIII с'езда РКП, предшествовавшие принятию нашей теперешней программы. Владимир Ильич защищал ту же позицию, что и в 1902 г. в своих возражениях Плеханову. Надо исходить из того, „что есть", из учета „действительности", а не из схематических чертежей. „Если мы будем решать вопрос о нашем отношении к этому чуть ли не средневековому явлению (к среднему крестьянству), стоя исключительно на точке врения империализма и диктатуры пролетариата, мы много набьем себе шишек". „В тот переходный период, который мы переживаем, мы ив этой мозаичной действительно-

сти не выскочим. Эту составленную из разнородных частей действительность отбросить нельзя, как бы она неизящна ни была".

Благодаря строжайшему учету реальных условий, Ленин уже на VIII с'езде предостерегал против того, чтобы мы в своих планах исходили из веры в близость западных революций. «Это может случиться в ближайшие месяцы, но мы не знаем, когда это случится». И по той же причине нет никакого разрыва между Лениным 1919 года, боровшимся против товарищей, готовых в абстракции перешагнуть через все реальные препятствия, и Лениным 1921 года, который докладом о продразверстке и продналоге призвал к строительству социализма в реальных русских условиях.

В настоящее время нельзя без улыбки читать те наивности, с которыми оппоненты выступили против Ленина. Они исходили именно из абстракций: из развитого капитализма, из развитого империализма. Конечно, они тоже весело рассмеются, если вспомнят о своих «левых ребячествах» [1]).

Можно ли отрицать, что споры о том, какова должна быть теоретическая часть нашей программы, на что она опирается, являются в то же время спорами и о том, какова должна быть марксистская политическая экономия. Это не мертвый профессорский учебник, устанавливающий законы абстрактного «развитого» или «чистого» капитализма, которому никогда не суждено реализоваться, несмотря на всю помощь вождей II Интернационала. Это — научное обоснование программы борющегося пролетариата, его «руководства к действию»: к перевороту не в том капитализме, которого никогда не будет в действительности, а в современном империалистическом капитализме, как он уже существует и господствует над земным шаром.

У Маркса, Энгельса и Ленина вопрос ставится так ясно, что, на первый взгляд, кажется положительно загадочным, каким образом он мог быть до такой степени извращен и затемнен.

«Политическая экономия есть наука о законах капиталистического общества», «политическая экономия — абстрактно-дедуктивная наука»: мы можем установить годы, когда эти положения приняли у нас характер боевых лозунгов и очень быстро завоевали господствующее положение в наших университетах и большинстве руководств политэкономии. Это, вне всякого сомнения, годы военного коммунизма. Такие воззрения на предмет и метод политической экономии — всего лишь «теоретические выражения, абстракции» характернейших, типичнейших черт военного коммунизма с его «волевыми нажимами», которые должны были перенести через «пеструю мозаику действительности» и которые знают только строительный материал, предполагаемый развитыми капиталистическими отношениями.

Если экономическое развитие еще не создало чистых форм капитализма (пролетариат — буржуазия), то мы должны восполнить из'яны действительности «волевыми нажимами».

---

[1]) См. „VIII с'езд РКП. Стенографический отчет". М. 1919, стр. 4—50, 67—68, 70, 75, 86—90, 92—96. См. там же доклад Ленина о работе в деревне, стр. 294—306.

На первый взгляд, «внеэкономическое» насилие очень революционно. Но в качестве метода социалистического строительства оно революционно только как фраза.

Мы — ленинцы по своей программе.[1]). Мы все более и все сознательнее становимся ленинцами и в своей практике.

Но нам надо быть ленинцами и в теории.

Возврат в политической экономии к Рикардо, это неосознанный троцкизм в теории. Последовательный ленинизм требует, чтобы наша политическая экономия опять сделалась тем, чем она была у Маркса, Энгельса и Ленина. Наша политическая экономия должна раскрывать исторические условия освобождения пролетариата, служит теоретическим выражением его борьбы не в каком-то «умопостигаемом», а в том реальном капиталистическом мире, который существует в настоящее время.

Прения по докладу тов. Степанова-Скворцова.

(*Продолжение заседания 31/I 1925 г.*)

Покровский, М. Н. Слово предоставляется тов. Бухарину[2]).

Бухарин, Н. И. Товарищи, я прежде всего должен сказать, что после того, как И. П. говорил здесь о „троцкизме", я для того, чтобы защищать противоположную точку зрения, должен был бы просить вас, по меньшей мере, чтобы вы послали приветственную телеграмму Ленинскому ЦК. Я думаю, однако, что словеса о „троцкизме" припутаны здесь ни к селу, ни к городу, точно так же, как ни к селу, ни к городу припутан сюда вопрос о левом коммунизме. Это все равно, что я сказал бы вам, что, вот, несколько товарищей из присутствующих здесь, которых я называть не буду, голосовали в свое время за заем свободы и благодаря такому голосованию как раз и пришли к постановке вопроса о теории политической экономии, которую здесь развивали. Это было бы весьма не остроумно, и я думаю, что нам такие вещи нужно совершенно выкинуть из нашего рассмотрения. И. И., который вообще не сумел понять степень применяемости абстрактных положений теории к конкретной экономической действительности, запутывал вопрос, когда приводил массу неоспоримых истин, даже не из первого класса, а из приготовительного,—что капиталисты расстреливали стачечников, что „Правда" выходила давным-давно, что при капитализме оплачивают зачастую неполную стоимость рабочей силы. Все это поучительно только для приготовишек. Вместе с тем И. И. поднял здесь чрезвычайно большие Вавилоны: с одной стороны, „троцкизм" (страсти-мордасти!), с другой стороны — Коммунистический Интер-

---

[1]) ... „борясь с его (среднего крестьянства) отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления"...

[2]) Стенограмма выступления тов. Бухарина приведена в несколько сокращенном виде.

национал. Но пикантно то, что проект программы Коммунистического Интернационала, на который в пользу своей точки зрения И. И. ссылается, составлял ваш покорный слуга. Не мог же я, исходя из совершенно неверной теоретической концепции в политической экономии, создать правильную концепцию при построении программы. Можно быть при построении программы непоследовательным, но нельзя быть непоследовательным в основных вопросах.

Я, т.т., должен сказать, что та психология, на которой здесь играл И. И., ошибочна. Тетива, на которую натягивал свои стрелы громовержец Иван Иванович, есть борьба против абстрактной теории Ленина и Маркса, каковы бы ни были дипломатические рассуждения И. И. относительно „возврата к Рикардо". И. И. должен понимать, что хотя эти великие люди, Маркс и Ленин, умерли, они оставили все-таки после себя некоторое наследство, и большое притом. Позвольте привести несколько цитат, маленьких, не таких больших, как у И. И., но все же нужных, чтобы не могли меня здесь упрекать в какой-либо подделке. Вот вам одна цитата из статьи, переведенной под редакцией И. И. Маркс говорит, что „при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции. Но товарная форма продукта труда или форма стоимости товара есть форма экономической клеточки буржуазного общества. Для непосвященного анализ ее покажется просто рядом хитросплетений и мелочей. И это действительно мелочи, но мелочи такого рода, с какими имеет дело, напр., микроскопическая анатомия".

Значит, если в естественных науках (спросите Тимирязева) мы работаем с микроскопом, то этому соответствует в политической экономии—сила абстракции. А ее тут больше всего громил И. И. Как $2 \times 2 = 4$, выходит, что в политической экономии важна сила абстракции, а между тем И. И. глубокомысленно возвещает: это троцкизм. Нет, это уже извините И. И., это есть всамделишный марксизм! В предисловии или „послесословии" ко 2-му изд. 1-го тома „Капитала" Маркс приводит ряд написанных на „Капитал" рецензий. (Между прочим, по французски написано—„monsieur Marx", а в русском переводе—„тов. Маркс"). Что же пишет этот „товарищ Маркс":

„... Парижская Revue Positiviste" упрекает меня... в том, что я рассматриваю политическую экономию метафизически"... „По поводу упрека в метафизике",—продолжает Маркс—„проф. Зибер замечает: „Поскольку дело касается теории в собственном смысле этого слова, метод Маркса есть дедуктивный метод всей английской школы, недостатки и преимущества которой разделяют все лучшие экономисты-теоретики". С этим замечанием Зибера Маркс целиком, на сто процентов солидаризируется.

Мы видим, таким образом, как И. И. попадает пальцем в небо. Маркс признает и утверждает: моя политическая экономия оперирует абстрактно-дедуктивным методом. А И. И. говорит совсем другое. Или, быть может Маркс ничего не соображал, когда писал это дурацкое место в своем собственном предисловии? Так выходит, что ли, И. И.?

Может быть кто-нибудь скажет: здесь не непоследовательность — весь „Капитал" построен по Степанову, а предисловие написано по II Интернационалу, по Троцкому. Но ведь это же нелепость. Всякое предисловие, как говорят некоторые неглупые люди, есть послесловие, т.-е. некоторый чистый итог того труда, к которому предисловие пишется. Теперь позвольте привести некоторые цитаты из Ленина. Может быть, Маркс устарел в этом смысле слова. Есть такие люди, которые считают, что он устарел. Посмотрим же, что говорит Ленин. Тов. Скворцов думает, что согласно той точке зрения, которую я защищаю в теории политической экономии, Ленин до почтенного возраста не мог принадлежать к теоретикам-экономистам.

Я беру одну из самых ранних статей Ленина. В своих статьях о теории рынков Ленин имеет вполне ясную точку зрения на абстракцию. Вот что он пишет: „Во-вторых, Струве... смешивает абстрактную теорию реализации (о которой исключительно и трактовали его оппоненты) с конкретными историческими условиями реализации капиталистического продукта в той или другой стране, в ту или иную эпоху. Это все равно, как если бы кто-либо смешал абстрактную теорию земельной ренты с конкретными условиями развития земледельческого капитализма в той или другой стране".

На стр. 482: „Струве напрасно называет теорию реализации теорией пропорционального распределения. Это неточно и неизбежно ведет к недоразумениям: Теория реализации есть абстрактная теория, показывающая, как происходит воспроизводство и обращение всего общественного капитала".

Сиворцов. Совершенно верно.

Бухарин. Если это „совершенно верно", то это целиком бьет и ваши суровые сравнения с „Бентамом". И. И. сознается, что теория дает „ключ" к конкретному анализу. Однако, ваш „ключ" затерян где-то в мусоре. Ключа вашего никто не заметил. Если вы всерьез говорите о „ключе", то прежде, чем этим ключем отпирать замок, нужно его принести в кармане. Ключ прежде всего делают, оттачивают, шлифуют, чтобы отпереть им замок, и нужно было этим теоретическим ключем повертывать 3 раза, а И. И. повернул два раза и потому попал в лужу...

Далее, тов. Скворцов, уверяющий всех, что он находится в первом классе, совершенно не представляет себе—какие течения сейчас борются в области политической экономии, что сейчас буржуазия предлагает, с чем приходится теоретически сражаться. И. И. цитирует только тех буржуазных экономистов, которые существовали во времена Маркса. А нам приходится бороться, если мы действительно сидим в первом классе, с очень мощной экономической теорией. Мы имеем своеобразный расцвет буржуазной политической экономии, насчитывающей в своем составе целый ряд школ. Если сидеть в первом классе, то следует уметь ставить перед собой стратегически-важные теоретические проблемы, уметь располагать аргументы надлежащим образом, нужно уметь подчеркивать и выдвигать для борьбы с враждебными школами как раз то, что необходимо для того, чтобы практически вновь

строить, как следует. Вот как нужно поставить вопрос. Что вы видите в лагере буржуазной науки? Что историческая школа там не похоронена, что теперь она начинает возрождаться, отчасти в той же самой Германии. Социальная причина этого понятна. Чтобы дать надлежащий отбой, чтобы критически отравить эти выступления буржуазной науки, основная задача должна заключаться в том, чтобы, в первую очередь, еще более совершенствовать, шлифовать наш „ключ“ и нашу теорию. И нельзя ошибаться в применении этого ключа. Если неправильно подойти, то все пойдет к чорту. И поэтому совершенно правильно этот теоретический костяк, т.-е. определенная сумма теоретико-абстрактных положений, нами выставляется на первый план. Это есть наша теоретическая опора, и кто, как И. И., обстреливает эту опору, тот попадает безнадежно мимо цели. Математическая школа в ее чистом виде и австрийская школа—главные враги, которые стоят перед нами. В чем же основа их ошибок и с методологической и с классово-политической точек врения? Что есть наиболее вредного у них? То, что они универсализировали категории политической экономии, то, что у них заработная плата была, есть и пребудет, то, что ценность у них была, есть и пребудет, то, что прибавочная ценность (в наших терминах) у них была, есть и пребудет. Вот что самое характерное. Здесь лежит основная линия нашей политической экономии, та, по которой действительно надо бить ваших противников.

Меня здесь И. И., не называя имени, старательно обстреливал. Однако, он внает, что у меня есть одна теоретическая работа по интересующему здесь нас вопросу, что я этот вопрос поставил всеми буквами. Что значит, что марксизм есть историческая наука? Тут могут быть два совершенно различных понимания. Вспомните, как Маркс определил буржуазную политическую экономию в первом томе „Капитала“. Возьмите множество цитат и посмотрите.

Что вменяется Марксом в основной порок буржуазной политической экономии? То, что она универсализирует категории капиталистического общества, универсализирует все категории, которые являются исторически ограниченными: универсализируется капиталистическая заработная плата, универсализируется капиталистическая прибыль и т. д. Буржуазная наука делает категории политической экономии вечными. Таково мнение Маркса. А тов. Скворцов предлагает, чтобы политическая экономия изучала все исторические эпохи. У тов. И. И. путаница понятий. Одно дело, когда говорят, что политическая экономия должна быть исторической наукой, и при этом понимают, что она оперирует категориями известного, исторически ограниченного строя, капиталистического строя. В этом смысле говорят, что политическая экономия—историческая наука. Совсем другое дело „историческое“ понимать в том, что, по-моему, на самом деле является „не историческим“, поскольку оно годно для всех времен, для всех народов и все изучает. Это—не историческая наука. Маркс, стоявший на позиции классовой борьбы с буржуазией, говорил сикофантам: Вы — мошенники, вы переносите одну теорию решительно на все эпохи, все народы. Вас нужно разоблачить..

Наша теоретическая ось—это о с о б е н н о с т и капиталистического строя. А тов. Скворцов смазывает этот вопрос, думая, что это пустой разговор. Между тем, это приводит к определенным теоретически неправильным построениям. Не случайно в курсе тов. Богданова и Степанова говорится о свойствах продуктов в первобытном материальном коммунизме, что эти свойства суть — „общественная стоимость и общественная полезность". Но я должен сказать, дорогие товарищи, что у Маркса совершенно противоположное. Маркс неоднократно подчеркивает исторически ограниченный характер категории „стоимости" или „ценности". Какую бы то ни было „общественную стоимость" или ценность в натуральном хозяйстве Маркс решительно, с полной категоричностью отрицает.

И если здесь не школьники из „приготовительного класса", то надеюсь, с моей стороны, совершенно излишне приводить по этому поводу соответствующие цитаты.

У Маркса ценность—это категория, годная только для товарного хозяйства, а у И. И. она универсальная. Ведь вы же не будете отрицать, что понятие ценности считается у нас центральным понятием политической экономии. Защитники марксистской ленинской ортодоксии в первую очередь должны бить по этому пункту. И. П. бьет по совершенно другому. Может быть, мне возразят таким образом: позвольте, милый друг, что вы говорите. Вы запрещаете нам изучать другие экономические формации, кроме буржуазной. Это не по Марксу. Маркс в своем анализе брал не только абстрактный капитализм. Он изучал капитализм и в его неразвитом состоянии. Но я должен подчеркнуть, что я сохраняю полностью всю диалектическую перспективу. Я утверждаю, что категории капиталистического хозяйства надо брать и в их развитии и в их уничтожении. И. П. своим заключительным аргументом приводит: развитие денежной формы стоит у Маркса и до капитализма, и до просто товарного хозяйства. Вы себя опровергаете, И. П. Почему? По очень простой причине. П. И. ссылался на широкое понятие политической экономии у Энгельса. Что сказано у Энгельса, если лучше посмотреть? Там сказано,— что это есть наука, изучающая „отношения производства и о б м е н а" и т. д. Если вы, И. И., мне докажете, что обмен существует в натуральном хозяйстве, а не в товарном, тогда я с вами поговорю.

Мы знаем, что для т. Скворцова буржуазной политической экономии не существует, он борется лишь с „троцкизмом" в политической экономии. Однако, чрезвычайно крупное в нашей борьбе все-таки заключается в том, что мы выясняем, каковы в настоящем экономические капиталистические категории. Ведь всем же известно, что споры о прибыли,—в коммунистическом обществе или в социалистическом,—о капитале, о всех этих категориях, о ценностях—у нас существуют.

Наша первостепенная задача сводится к тому, чтобы открыть и выделить какую-нибудь особенность капиталистической экономики и таким путем строить систему политической экономии. Мы должны ставить на первый план теоретическое рассмотрение. П. П. для

доказательства приводил первоначальные формы обмена, имевшие место на заре экономического развития. Но все это относится к товарному хозяйству и к его зачаткам. Вот я вас попрошу в заключительном слове назвать хотя бы 5 штук проблем, увязанных друг с другом, однако в которых бы не оперировали категориями ценности, заработной платы, прибыли, капитала, основного, оборотного и всяких других, ренты и прочих вещей. Это все—категории менового хозяйства. Вы хотите построить другую политическую экономию. Вот вы, пожалуйста, и постройте такую науку без этих категорий. Я ее не видел.

Сиворцов. А античное общество?

Бухарин. Опять-таки, И. И., и античное общество политическая экономия может изучать лишь постольку, поскольку в нем налицо категории менового общества. Но вы попробуйте построить науку без этих категорий. Что у вас получится?

Сиворцов. Ничего.

Бухарин. Тогда вы сдали свою позицию целиком. Если у вас ничего не получится, то позвольте вас поздравить. Я подписываюсь под этим открытием обеими руками. Это—то, что и требовалось доказать. Вы спекулируете на исторических хвостиках обмена, но эти хвостики не натурального хозяйства, а товарного денежного. Что же у вас получается? Вы начинаете строить политическую экономию тогда, когда в вашем поле зрения появляются хвостики товарного хозяйства. А это целиком противоречит вашей точке зрения относительно вечности и универсальности политической экономии. Я скажу вам, что и натуральный строй может быть об'ектом теоретического изучения, но не об'ектом теоретической экономии. Это уже не будет политическая экономия.

Анализируя систему натурального хозяйства, вы будете говорить о зависимости процесса производства продуктов—от колебания, от распределения наличных производительных сил, относительно сил развития этого общества, его идеологии и пр. Тут много будет и описательных элементов. Но тут будет отсутствовать специфическая логическая структура элементов капитализма и товарного хозяйства,—тут будет налицо совершенно другой переплет. В этом логическое основание для выделения этих элементов в особую научную дисциплину, в особый теоретический об'ект.

Самый главный аргумент И. И. насчет схоластицизма не был даже и аргументом. У нас есть две опасности, которых не учитывают наши т. т.: одна заключается в том, что нельзя чересчур талмудически, схоластически поучать аудиторию. Эта опасность есть. И. И. с бешеной энергией отмечал эту опасность. Мы должны этой опасности противодействовать—совершенно верно. Но есть еще другая опасность, и она вполне реальна. Она сводится к тому, что нашу теорию, необходимость орудования „силой абстракции" об'являют метафизикой, аристотелевщиной и пр. Иввините, это тоже есть реальная опасность. Я согласен с И. И. в том, что проклятые капиталистические категории еще и посейчас не снимают с себя своей собственной шкуры. Здесь не только формальная сторона. Здесь есть две стороны: одна, формальная по отношению к одному роду явлений, и не формальная по отно-

шению к другому роду, и они сцеплены между собой по-различному. Так что тут получается колоссальнейший переплет, который чрезвычайно трудно уловить. Если рабочий работает в механическом предприятии государственном, или рабочий работает в частном, мы говорим—прибыль там и тут. У нас язык не выработан, и это создает громаднейшие трудности, и практические и теоретические, вплоть до выработки соответствующей терминологии.

Так вот, И. И., я должен сказать, что если мы не втолкуем в головы товарищей, которые зависят от нас идеологически, всю принципиальную разницу этих категорий, то мы провалимся в пропасть. С этой точки зрения та тенденция, которая вами представлена, которая универсализирует категории, есть вреднейшая политическая тенденция. Тут дело именно в разграничении. А вы смазываете это. Мы должны быть чрезвычайно осторожны. Соотношение между абстрактным и конкретным, сочетание между обоими моментами мне представляется таким образом. Наша теория—это абстрактная теория, или, как сам Маркс выразился, абстрактно-дедуктивная теория. Нельзя смешивать научно-закономерную абстракцию с абстракцией пустой, высасываемой из пальцев: глупо отрицать, что абстрактная теория—это такая, которая опирается на огромный конкретный материал. Это имеется не только в учебниках первого класса, но и в элементарной логике. Мы должны иметь дело с абстрактной теорией, которая разрабатывает вопросы, обобщает на основе широкого материала. Это есть ключ, его прежде всего нужно уметь применять. Теперь о конкретном. Если мы возьмем „Капитал", то в нем мы можем выделить вещи более конкретные и менее конкретные. Если вы введете, например в анализ промежуточные классы, вопрос о крестьянстве, то это есть более низкая ступень абстракции, большее приближение к конкретному. Но если вы будете вводить в анализ еще и равные прослойки внутри крестьянства, введете сельскохозяйственных полупролетариев, — это будет еще более конкретно. Тут целая цепочка. Поэтому совершенно ясно, что такое понятие, как ценность и пр., нужно уметь держать, чтобы дойти до самого последнего полупролетария, до самой последней конкретной детальной частицы. Вот как обстоит вопрос с абстрактным и конкретным.

Теперь об „историческом" и „неисторическом". Я считаю, что политическая экономия есть теория капиталистического хозяйства. Это не значит, что другие формы хозяйства не могут быть об'ектами теоретического изучения, но это значит, что структура элементов этих хозяйственных форм будет иной, чем та, которая имеется в иррациональном неорганизованном хозяйстве.

Нужно, конечно, и хвостики назади видеть, нужно видеть, как возникает капитализм и куда он переходит, т.-е. вы должны и категории абстрактные, которые вытащены и абстрагированы от капиталистически-производственных отношений,—вы должны их понять, как исторически обусловленные. Надо посмотреть, что за ними и до них. Но ни за что не теряйте заветного ключа, не забывайте про изучение самих капиталистических производственных отношений. Характерно,

что с И. И. был такой казус. Он начал читать теорию политической экономии, дочитал, кончая феодализмом, а потом все пропустил до империализма, потому что это требовало много времени, и таким образом, теория капитализма у него выскочила. Я это говорю не в доказательство, а просто для иллюстрации. Нельзя читать политическую экономию так, как он. Знание очень хорошая вещь, я не противник знания, очень хорошо знать все, но должен вам сказать что ваши курсы нужно все-таки проходить так, чтобы проходить и капитализм. Уклон с такими пропусками вреден. Если вы все это не забудете, то да благо вам будет и да долголетни будете вы на земле. В противном случае вы потеряете тот ценный ключ, который всегда нужно носить в кармане на все случаи жизни.

Я извиняюсь перед И. И. ва некоторые мои выпады против него, но я думаю, что он простит мне, поскольку вспомнит, что я поступал лишь по методам „эквивалентного обмена." (Аплодисменты).

Дволайцкий, Ш. М. Т.т. после того, что сказал т. Бухарин, мне много говорить не придется. Выступление т. Скворцова сводилось к тому, что в настоящее время изучать экономику капитализма можно, лишь базируясь на знании предшествующих общественных формаций Но для доказательства этой бесспорной истины не было никакой необходимости в специальной дискуссии. На самом деле, как может понять конкретный капитализм, в котором есть остатки чуть не родовых, крепостных, феодальных и т. д. отношений, тот, кто с этими отношениями незнаком? И доказывать нам, что для изучения политический экономии, в собственном смысле, нужно предварительно изучить все основные стадии экономического развития рода человеческого,—совершенно излишне. Мы, преподаватели политической экономии, и до выступления И. И. всегда старались давать в наших курсах историческое введение, необходимое и достаточное для понимания самого капитализма и той докапиталистической среды, в которой реально протекает его развитие.

Суть дела, однако, не в этом. Тов. Скворцов и топ. Богданов считают, что экономическое развитие человечества, или, вернее, р а з л и ч н ы е ступени этого развития, изучается о д н о й и т о й же наукой, которая пользуется о д н и м и и т е м и ж е м е т о д а м и. Эту точку зрения мы и оспариваем. Правда, универсальный метод Маркса, метод диалектического материализма, остается в силе при исследовании экономической структуры человеческого общества независимо от той или другой ступени его развития. Но если вы подойдете к марксовой методологии, применяемой им для анализа товарно-капиталистических отношений, то вы увидите, что эта методология (повторяю: базирующаяся на общей методологии Маркса) заключает в себе специфические моменты, делающие его политическую экономию наукой sui generis.

Вопреки мнению тов Скворцова, я утверждаю, что сущность марксовой политической экономии заключается в ее т е о р и и ц е н н о с т и и в р а с к р ы т и и основных экономических категорий, т.-е. ценности, прибавочной ценности, заработной платы, прибыли, ренты и т. д., которые сами по себе являются категориями ценностными.

На самом деле, производственные отношения в товарно-капиталистическом обществе осуществляются и могут осуществлятся не иначе, как через вещи. Отсюда вывод, что общественные отношения представляются нам как отношения вещей, т.-е. в фетишизированном виде. И великая заслуга Маркса заключается именно в том, что он вскрыл фетишизм капиталистических категорий. В этом мы и усматриваем всю сущность марксовой политической экономии.

Иной точки зрения придерживаются на этот счет т.т. Богданов и Степанов. В IV выпуске II тома их „Курса политической экономии" мы читаем: „Самый момент раскрытия затемняющих познание форм мышления (т.-е. экономических категорий. *Ш. Д.*) еще не относится к ней (т.-е. марксистской теории экономики капитализма). Она принадлежит к учению об идеологиях. Таким образом, наша экономическая теория имеет дело уже с прозрачными производственными отношениями". Это утверждение, формулированное А. А. Богдановым, но разделяемое и И. И. Степановым, ошибочно. По их мнению, политическая экономия начинается лишь там, где кончается разоблачение экономического фетишизма. На наш взгляд, задача политической экономии на этом, пожалуй, кончается. Ибо что такое марксовое учение о зарплате, о ренте, о прибыли и т. д., как не вскрытие отношений, которые выступают перед рядовым наблюдателем и буржуазным экономистом, как определенные вещи (денежные суммы). Ошибочно думать, что разоблачение экономического фетишизма есть предмет одной только главы «Капитала». Нет, этим делом занят весь „Капитал" от начала до конца. А это и выделяет марксову политическую экономию, как науку sui generis.

Для того, чтобы проделать эту сизифову работу, Маркс широко пользовался абстрактно-аналитическим методом,—и в этом тоже особенность его экономической системы. Не так смотрят на дело т.т. Богданов и Степанов. В уже цитированном мною курсе мы читаем: „Конкретно описательный метод сам по себе совершенно не в силах познавательно об'единить такие на вид различные формы, как европейский средневековый строй, индусский кастовый, гомеровский, славяно-русский удельный, ранний египетский и т. д. Необходимы были большие усилия абстрактного анализа, чтобы во всем этом многообразии выделить основной структурный элемент этих форм". Пусть это будет так. Для того, чтобы разграничить и выделить определенные экономические формации, действительно требуется абстракция, необходимая при любой классификации (см. морфологию растений). Но при рассмотрении каждой доменовой формации в отдельности an und für sich на первый план выступает именно простое описание. При анализе же менового общества вы голым описанием ровно ничего не сделаете. Когда вы подходите к докапиталистическим или, вернее, к доменовым общественным формациям, чтобы анализировать их экономику, то вы это делаете совершенно иными методами, чем при анализе капитализма. Наши авторы спрашивают: да разве вам в коммунистическом обществе не придется изучать закономерности, определяющие равновесие между отдельными отраслями хозяйства? (**Бухарин.** И есть и пить придется). И вы ду-

масте, продолжают они, что для этого будет достаточно экономической географии На первый вопрос я отвечаю утвердительно: условия равновесия хозяйства изучать, конечно, придется, ибо без этого организованное хозяйство существовать не может. Другой вопрос, как, какими методами мы будем их изучать. Признаюсь, насчет одного я не тверд. (**Бухарин**. Об этом не говорят, в чем не тверд).— Будем ли мы иметь дело с экономической номографией, как утверждает Бухарин, или с чем-нибудь другим, но зато я категорически утверждаю, что методы изучения коммунистической экономики будут в корне отличаться от методов изучения капитализма. Мы спросим И. И.: скажите, пожалуйста, когда вы излагаете доменовые общественные формации и картину будущего социалистического, коммунистического общества, или когда это делает т. Богданов в «Красной Звезде», то пользуетесь ли вы категориями капиталистического общества? Конечно, нет. Ибо основная экономическая категория капитализма, ценность, не имеет здесь абсолютно никакого познавательного значения. Если вы склонны отождествлять ее со средними трудовыми затратами, то вы ошибаетесь, ибо эти затраты являются действительно руководящим моментом для регулирования планового хозяйства, тогда как категория ценности, в нашем понимании этого слова, не имеет абсолютно никакого значения для строящего свое хозяйство капиталиста. Но если в плановом обществе нет категории ценности, то нет в нем ни заработной платы, ни прибыли, ни ренты, т.-е. ни одной из обычных категорий теоретической экономии. А если это так, то этой самой теоретической экономии тут нечего делать. Повторяю: теоретическая политическая экономия имеет своей основной задачей раскрытие фетишистских категорий. Если это сделано, то у вас в кармане ключ, при помощи которого вы можете приступить к изучению конкретной экономической обстановки. Но тогда вы из области теоретической экономии вступаете в область прикладных экономических наук.

Покровский. Об'являю перерыв прений. О дне возобновления прений будет об'явлено.

Заседание Коммунистической Академии 14/II 1925 г.

Покровский М. Н. Об'являю заседание открытым. Продолжаются прения по докладу тов. Степанова о политической экономии.

Богданов, А. А. Прошлый раз по докладу выступили оппонентами Бухарин и Дволайцкий. Как водится, начали с Богданова, что и вызвало необходимость моего выступления, которого я не предполагал. Начали не без оригинальности. Бухарин приписал И. И. Степанову мою формулировку, формулировку еретическую, и этим И. И—ча опровергал. Формулировка такая: продукт во всяком обществе, натурально-хозяйственном или меновом, имеет два общественных свойства, общественную стоимость и общественную полезность. Вот та страшная ересь, которая, будучи высказана мною, по неизвестным причинам послужила к опровержению И. И. Степанова, который никогда под ней не подписывался, и даже во время речи Бухарина сказал, что с Бухаривым согласен, что стоимость и ценность одно и то же. Ну, хорошо. И. И., конечно, не по-

винен. А все же, что это за ересь? Что значит—вещь имеет общественные свойства, продукт имеет общественные свойства? Это значит только одно, что общество находится в том или ином отношении к этой вещи,—потому что сама вещь к обществу ведь не принадлежит, значит в ином смысле общественных свойств иметь не может. Что же, к продукту общество находится в одном отношении или в двух? Общество продукт производит, общество продукт потребляет. Это одинаково в натурально-хозяйственных формациях и меновых. Если оно его производит, оно на него затрачивает труд, продукт ему стоит труда, имеет общественно-трудовую стоимость; этого факта ничем не изменить. В обществе социалистическом, якобы, не может быть стоимости. Позвольте, но как же социалистическое общество может организовать, как оно может рассчитывать свои потребности и свое производство, как оно может координировать одно с другим? Я могу здесь взять ответ у Маркса. Он говорит, что при планомерной коллективной организации „рабочее время играло бы двоякую роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями, и различными потребностями. С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, в индивидуально потребляемой части всего продукта“ и т. д. [1]). Другими словами, основа производства и распределения при коллективизме—рабочее время. Это значит, должен производиться расчет, сколько потребуется данного продукта для общества, сколько единица продукта стоит труда и, следовательно, сколько всего надо рабочего времени для его производства.

Дволайцкий. Это только для планового общества.

Богданов. Я полагаю, планомерная организация есть такая организация, которая исходит из накопленного знания о том, какова стоимость продукта, и которая сочетает это с знанием о потребности в продукте для организации производства. Иначе это будет организация не планомерная. Итак, перед нами факт, которого ничем не устранить. Продукт стоит труда. Это его общественное свойство. Это факт, который в данном случае обозначается, как ересь. И вы не можете даже сказать, как сказали бы, вероятно, при других условиях: тем хуже для факта, у Маркса его нет. Как видите, у Маркса этот факт есть,—что для меня, впрочем, совершенно безразлично. Я хочу только обратить вашевнимание на то, что когда какое бы то ни было великое учение делают предметом веры, как в данном случае марксизм, тогда перестают его знать и понимать,—и в этом, по моему, трагическая судьба марксизма.

Дальше, тов. Дволайцкий приписал Степанову другую мою ересь: о прозрачности общественных отношений для марксиста-экономиста.

Он абсолютно никакого права не имел приписывать эту ересь И. И., потому что И. И. даже печатно отрекся от той книги, в которой это напечатано. Все же и относительно этой ереси. Дело обстоит очень странно. Шолом Моисеевич, как вы выберетесь из такой дилеммы: вы марксист-экономист, что же для вас экономические отношения современные прозрачны или нет? Если не прозрачны, то вы значит о них

[1]) „Капитал“, том I, глава первая, последний параграф.

знаете не больше, чем буржуазные экономисты. Если они прозрачны, значит я сказал правду.

А теперь я позволю себе точно процитировать это место, ибо Дволайцкий его совершенно безбожно цитировал, даже нельзя было понять. Я сказал, что марксизм (я не сказал — политическая экономия) преодолевает фетишизм менового общества; „и раз это сделано, непрозрачности нет, меновые отношения так и рассматриваются, как отношения людей"... Но как раз в этом пункте и начинается марксистская политическая экономия, потому что самый момент раскрытия затемнявших познание форм мышления, еще не относится к политической экономии. Он относится к учению об идеологиях, и раскрытие производится методом исторического материализма вообще. Вот, собственно, каково положение. Марксист-экономист может работать только после того, как выполнена предварительная работа раскрытия фетишизма и когда перед ним, действительно, прозрачные отношения.

Между прочим, из этого делается вывод: раз отношения прозрачны, никакого исследования дальше уже не требуется. Такова позиция Бухарина. Поэтому я позволю себе прочитать еще немного дальше,—как я на это смотрю. „Поясним это простой аналогией из микроскопической техники. Непрозрачный препарат, положим, из тканей животного, может быть „просветлен", т.-е. сделан прозрачным через промывание подходящим реактивом. Разве тогда прекращается надобность в его исследовании? Нет, но только тогда оно гораздо успешнее: под микроскопом выступает более глубокое строение ткани. Буржуазная экономическая теория рассматривала отношения капитализма в „не просветленном" виде, и не могла поэтому видеть их глубокого, основного строения, а овладевала только их поверхностью; марксовская теория „просветлила" их и проникла в их глубину" [1]).

Затем Дволайцкий, также в опровержение И. И., цитирует другую мою ересь. Вот она какова. Я утверждал, что экономическая теория феодализма получается методом абстрактного анализа, как и экономическая теория капитализма, и утверждал, что это начинается с ее первых понятий. „Откуда, каким способом получилось самое понятие об экономике феодализма, как об особой определенной системе? Из простого исторического описания? Из „экономической географии" феодальной эпохи или разных феодальных эпох? Безусловно, нет. Конкретно описательный метод сам по себе совершенно не в силах познавательно об'единить такие на вид различные формы, как европейский средневековый строй, индусский кастовый, славяно-русский удельный, ранний египетский и т. д. Необходимы были большие усилия а б с т р а к т н о г о а н а л и з а, чтобы во всем этом разнообразии, отвлекаясь и от многочисленных пережитков родового строя, и от развивающихся в разной мере зародышей товарно менового, выделить основной структурный элемент этих форм—авторитарное производственное отношение, а затем основные типические комбинации таких элементов—соседскую кооперацию

[1]) Богданов-Степанов. „Курс политической экономии", т. II, вып. 4, стр. 15, 2-е изд.

патриархально-семейных крестьянских хозяйств общины, двойную цепь военных и мирных организаторов и т. д. [1]). Именно абстрактный метод и только он способен связать и дать единую теорию для всех этих чрезвычайно разнообразных и раньше считавшихся совершенно различными систем.

Но Дволайцкий говорит, что для исследования капитализма нужен совершенно особый метод абстрактного анализа. Это совершенно неверно и вредно для тех, кого обучаешь. Метод абстрактного анализа один и сущность его очень проста. Дело заключается в том, чтобы путем устранения осложняющих моментов получить основу явления, как предпосылку для дедукции. Различны вовсе не методы, а только исходные абстракции, и, конечно, исходные абстракции для феодализма не те, что для капитализма. Это совершенно понятно, потому что исторический материал совершенно разный. Но исходные абстракции получаются путем сопоставления того исторического материала, который входит в исследование, для феодализма—путем сопоставления исторически разных видов феодализма, при чем устраняются их специфические частные черты, отбрасываются частные особенности, получается общая схема феодализма. Таким же образом получаются основные абстракции для исследования капиталистического хозяйства, получаются путем сопоставления исторически данных комплексов... Так они получены в „Капитале" Маркса. Каким способом? Я позволю себе для сокращения времени прочитать несколько строк из Маркса „О товарном фетишизме": „Это—о б щ е с т в е н н о-з н а ч и м ы е, следовательно, об'ективные формы мысли в рамках производственных отношений данного исторически определенного способа производства—товарного производства. Весь мистицизм товарного мира... немедленно исчезает, как только мы переходим к другим формам производства" [2]).

Значит, исчезновение фетишизма, т.-е. раскрытие его, было достигнуто путем перехода к другим формам производства. Так поступил сам Маркс. И к каким же именно формам он перешел? Он сопоставлял капиталистические отношения, производственно-меновые отношения, с некоторыми воображаемыми и с некоторыми реальными отношениями — каковы феодальные отношения и отношения крестьянского хозяйства. В феодализме, например, отношение эксплоатации не маскируется фетишем капитала. Трудно для понимания при капитализме то, что капиталист покупает рабочую силу на свободном рынке по ее настоящей стоимости, а между тем получается каким-то образом эксплоатация; и эта трудность понимания об'ясняется тем, что здесь имеются маскирующие фетиши капитала и ценности. В феодализме этого нет, отношения более прозрачны, и эксплоатация проявляется, как опирающееся на связь личной зависимости присвоение добавочного труда: что там неясно, то здесь ясно. Сопоставлением затемненных отношений с ясными получается возможность затемняющее отбросить. Раз сущность, таким образом, раскрыта,

1) Богданов-Степанов, т. II, вып. 4, стр. 15—16. 2-е изд.

2) „Капитал", т. I, гл. I, стр. 44. по переводу Базарова-Степанова, издание 1920 года.

что можно всходить из полученной абстракции в дальнейших исследованиях и построениях. И совершенно так же к другой основной абстракции Маркс приходит через сопоставление капитализма с крестьянским хозяйством. В крестьянском семейном хозяйстве разделение труда не маскируется товарообменом, а представляет прозрачное органически выросшее соотношение реальных жизненных функций. Сравнивая его с товарно-меновой системой, Маркс получает абстракцию „общественное разделение труда", которая и подставляется под наблюдаемые на рынке отношения, где вовсе, видимо, не фигурирует труд, а между тем под меновыми процессами скрыто именно разделение труда.

Итак, вот к чему сводится и в чем заключается этот „необыкновенный, совершенно особенный" абстрактный метод для капитализма. Никакого о с о б е н н о г о метода здесь нет. Все это в высшей степени подобно процессу, которым получаются основные абстракции для того же феодализма. Например, если держаться на почве чистого описания, то никогда не удастся вскрыть реального смысла обособления сословия жрецов и экономического значения такого фактора, как десятина: на почве „идиографического метода" можно только сказать, что жрецы—служители богов, потому что они сами и другие так говорят,—а что десятина есть жертва богу. Только путем сопоставления сословия жрецов с их предшественниками—авторитарными организаторами патриархальных общин — мы видим, что в жреце сохраняется остаток мировой организаторской функции патриарха предыдущей эпохи, и что десятина имеет такое же значение, как всякая другая эксплоатация, как барщина или оброк, и т. д.

Итак, мы видим, абстрактный метод Маркса дважды историчен—историчен в момент создания первичных абстракций и затем в момент раскрытия фетишизма.

У меня остается небольшая задача—мне надо решительным образом отгородиться от И. И. Степанова, с которым меня подчас смешивают. Действительно, и я, и он признаем основной историзм политической экономии. Это об'ясняется тем, что мы оба исходили из Маркса, но я должен сказать, что с его методом доказательства я в общем не согласен. В его докладе есть, правда, и научные доказательства, но они решительно тонут среди ненаучных. К ним я отношу, во-первых, доказательство посредством т е к с т о в. Ив. Ив. привел значительное количество несомненных, подлинных текстов из Маркса и Энгельса. Без сомнения, Маркс и Энгельс стояли на исторической точке зрения, и тексты ясны. Но что это доказывает? Ведь Туган-Барановский, Гильфердинг, Бухарин знали Маркса, и знали еще многое, чего Маркс не мог знать. Если они заняли определенную позицию, у них могли быть важные основания для этого; и то, что Маркс и Энгельс занимали не такую позицию, это ничего не доказывает. Это—одна группа аргументов Степанова. Другая сводится к тому, что я назвал бы, пользуясь удачным выражением Бухарина, „стратегией". Степанов доказывал, что с помощью исторического понимания политической экономии, и только его одного, можно обосновать нынешнюю коммунистическую программу. Но у него же вместе с тем получалось, что помощью н е исторического понимания хорошо обосновывалась программа военного комму изма.

Что же это за обоснование? Вчера была программа одна, для нее подходило рикардианское буржуазное определение политической экономии. Сегодня — новая экономическая политика. К ней подходит историческое определение. А завтра что будет? Партия — живая организация: у нее завтра может быть другая программа. Так доказывать нельзя. Дело в том, что суб'ектом науки является не партия, а суб'ектом науки является человечество в его развитии. Если я не раз говорил и говорю о „пролетарской науке", то я имею в виду пролетариат, как представителя наиболее прогрессивных тенденций всего человечества. Способ доказательства у Степанова заключает в себе, я бы сказал, строгую оппортунистически-научную предпосылку, т.-е. такую предпосылку, что наука есть что-то такое, что сегодня может пониматься так, а завтра иначе.

В этой странвой методологии я не вижу разницы между Степановым и Бухариным. Конечно, у Бухарина текстов было мало, собственно один, и то двусмысленный. Он взял у Энгельса текст, где сказано, что политическая экономия есть „наука о законах производства и обмена". Это ничего не говорит против историзма. Бухарин сделал вывод, что раз нет обмена, то нет и политической экономии.

Голос с места. Скажите это И. И.

Богданов, А. А. Почему же я должен это сказать И. И.? Я не совсем понимаю, чего вы хотите. Совершенно ясно, что если мы имеем двучлен, производство и обмен, и если один член превращается в нуль, то перед нами выступает упрощение, и является возможность определить сущность явлений. Например, это относится к той же самой капиталистической эксплоатации. Она затемняется обменом, прибавочной стоимостью. Превращаем второй член двучлена — обмен — в нуль, и получается организация производства вроде феодальной, где эксплоатация выступает в чистом виде, и вопрос о сущности капиталистической эксплоатации решается. В математике самая обычная вещь — длинный ряд, в котором все члены, кроме первого, обращаются в нуль; этого часто специально стараются достигнуть. Разве формула, положим, Мак-Лорена, тогда теряет свое значение? Конечно, нет. Напротив, тогда получается решение задачи.

Если стоять на точке зрения текстов, то, пожалуй, позиция Бухарина все-таки сильнее. Ибо, хотя текстов у И. И. больше и они ясны, зато текст Бухарина темен и неопределенен. А если дело идет об абсолютной истине, то разве не очевидно, что она никак не может выразиться в том, что ясно, и всякому понятно, — она может найти выражение только в том, что темно и неясно. Так что в этом смысле И. И., конечно, терпит поражение.

Что касается стратегии, опять-таки И. И., повидимому, применяет более широкую стратегию, берет целую программу. Бухарин зато говорил о стратегии более гибкой, злободневной: у него стратегия дня. Сейчас, допустим, возрождается буржуазно-историческая школа — марксизм должен быть анти-историчен: сейчас математическая — марксизм должен быть анти-математичен, и т. д. Конечно, может показаться, на первый взгляд, что позиция И. И. шире. Но зато насколько гибка позиция Бухарина! У него основные понятия науки должны меняться

день ото дня, в его точке зрения не окажется ничего твердого, застывшего... Вот это настоящая стратегия! Да и какой, собственно, стратег И. И? А Бухарин выступил в совершенно официальном мундире стратега: Бухарин заявил, что он писал программу Коминтерна, следовательно, он в этом деле компетентен. Я не знаю, какой стратег может быть компетентнее того, который пишет программу Коминтерна. В старые времена даже думали, что программа вообще есть дело не индивидуальное, а коллективное, и тогда никто не решился бы сказать, что лично он писал программу. Теперь это, повидимому, не так. Но ясно, что если кто-нибудь может сказать, что он писал программу Коминтерна, то это должен быть самый компетентный стратег,—кто может быть компетентнее? Итак, и со стороны стратегии я должен был бы отдать предпочтение Бухарину. Но меня все это не убеждает, ко мне все это отношения не имеет. Я вспоминаю, кто и когда доказывал текстами и стратегией. Это в феодальные времена текстами доказывали жрецы, стратегией доказывали бароны и герцоги. Это феодальный пережиток; для меня он не обязателен. И потому я в споре Ивана Ивановича с... Николаем Ивановичем позволю себе сохранять нейтралитет, конечно, нейтралитет совершенно невооруженный, самый безоружный.

Преображенский, Е. А. Товарищи, прежде чем дать ответ на стратегическую речь А. А. Богданова, мне надо потратить много времени на И. И. и поэтому очень интересному оратору будет уделено мало внимания. Но я думаю, что товарищи, которые за мной последуют, восполнят этот пробел.

Когда я прочитал весь доклад И. И., то первое впечатление, которое он на меня произвел, заключалось в том, что автор находился в состоянии некоторой запальчивости и раздражении: это сквозит почти в каждой странице, поэтому я отнесся с некоторым недоверием к об'ективному подбору тех цитат, которые И. И. привел из Маркса для доказательства того, что Маркс стоит ва его, Ив. Ивановича, точке зрения в вопросе о методе и предмете политэкономии.

Мне, товарищи, пришлось проделать поэтому небольшую работу, просмотреть три тома „Капитала“ и отметить те места, которые И. И. д о л ж е н б ы л п р и в е с т и в своем докладе, раз уж он взялся характеризовать точку зрения Маркса в вопросе о предмете и методе политической экономии.

Во всем докладе И. И. имеются цитаты, которые не являются наиболее яркими и характерными для точки зрения Маркса в рассматриваемом вопросе, и, наоборот, все ваиболее яркве, ваиболее существенные—полностью отсутствуют в докладе И. И. Поэтому разрешите привести несколько аргументов от писания. Писание, Александр Александрович (обращаясь к Богданову), имеет для нас большое значение. Вот почему. Мировоззрение Маркса есть стройная и продуманная до конца система. И поэтому, когда мы устанавливаем расхождение с этой системой в отдельном существенном пункте, мы в условиях внутренней логичности всей системы устанавливаем расхождение с марксизмом в целом. Поэтому всеми ссылками на христианскую и другие религии нас нельзя запугать тем, кто этими ссылками прикрывает и оправдывает свой отход от марксизма.

В 3-м томе „Капитала“ Маркс по вопросу, который нас интересует, писал (цитирую на память): „Если бы форма проявления совпадала с сущностью вещей, то не было бы места для науки“. Вывод отсюда таков, что по отношению к общественным формациям, где сущность отношений людей и форма их проявления совпадают, например, по отношению к законченному социалистическому обществу, где закономерности будут проявляться не в стихийной форме неосознанных и непредвидимых процессов, и отношения между людьми не будут казаться отношениями между вещами,—по отношению к этим общественным формациям политическая экономия так, как понимал эту науку Маркс, является ненужной. Здесь не нужно добираться путем абстрактного анализа до внутренних имманентных законов, действующих в системе хозяйства, где отношения между людьми складываются стихийно, и за их спиной назревают противоречия, сотрясающие всю систему. Я не слышал, как т. Бухарин возражал Ив. Ив., но, зная его точку зрения, я утверждаю, что он прав, он стоит в этом вопросе целиком на точке зрения Маркса. Для всякого, кто имеет правильное представление о том, что такое социализм, здесь вообще нет вопроса. Но как обстоит дело по отношению к формациям, предшествовавшим капитализму?

И. И. доказывает, что по отношению к предшествующим формациям мы имеем такой материал исследования, который требует применения того же самого метода, какой мы применяем к более сложным общественным отношениям капитализма. Я думаю, что это неверно. По отношению к докапиталистическим формам, конечно, дело обстоит сложнее, чем по отношению к социалистическому обществу, где отношения будут более прозрачны. Но, во всяком случае, и здесь материал исследования совершенно другой, чем при капитализме, и отношения несравненно проще и прозрачнее. Если А. А. Богданов нам здесь заявлял, что для анализа чистого феодализма также нужен абстрактный метод, как и для анализа чистого капитализма, то я ему возразить могу пока одно: ведь каждое чувственное восприятие тоже представляет из себя абстракцию. Если становиться на вашу точку зрения, то нужно ликвидировать вообще самую постановку вопроса об особенностях метода именно политической экономии, об особенностях при приложении метода диалектического материализма, именно при изучении капиталистической экономики. В этом пункте Ив. Ив. и А. А. Богданов стоят на одной точке зрения. Теперь идем дальше. У Маркса мы находим вторую цитату, тоже полезную для доклада И. П., но о которой он также благоразумно умолчал. „Вообще при капиталистическом производстве...“ (читает). И. И. утверждает что эта цитата за него. Извините. Раз капиталистического процесса производства в чистом виде мы не имеем, не имеем примера, чтобы общество распадалось только на рабочих и капиталистов, а имеем очень пестрые отношения, где есть капиталистические формы, обернутые целым рядом экономических формаций, существовавших до капитализма и далее, раз мы имеем, если дело идет о переходном периоде, осложнение с другого конца, со стороны планового начала, то здесь при анализе нужно больше напряжения, абстракции, чем при анализе совершенно чистого капиталистического общества, если таковое существовало. Тот,

кто не изучал законов капитализма, взятого в чистом виде, никогда не разберется в сложных закономерностях смешанных типов хозяйства. Исследователь должен в своей голове иметь совершенно ясное представление об основных законах капиталистического производства и обмена и их основных тенденциях; с другой стороны, ему надо иметь представление о тенденциях развития других докапиталистических форм. Затем надо взять это все вместе, учитывая линию развития основной формы хозяйства, и только после того, как вы проделали эту операцию, вам может удасться понимание равнодействующей реального экономического процесса. Тому, кто не изучал законов капитализма в чистом виде, кто чурается теоретической экономии и предпочитает более легкое описание, тому такой действительно научный и действительно марксистский анализ реальной экономики какой-либо страны будет не по плечу. Теперь дальше. И. И. в одном месте своего доклада, приведя из предисловия I тома „Капитала" одно место, где Маркс говорит, что метод исследования надо отличать от метода изложения, добавляет: „Вот и говорите после этого об „абстрактном-аналитическом методе Маркса"!.. Разумеется, не надо смешивать метода исследования с методом изложения, потому что, когда Маркс доходил до того, что он изложил в „Капитале", он, несомненно, шел разными путями—и путем дедукции и индукции. Но не надо смешивать и другие две вещи: тот путь, каким Маркс дошел до открытия абстрактных законов капитализма, которых второй раз нам открывать не нужно, и тот путь, который проделывает экономист в деле усвоения уже формулированных законов и в деле их приложения к изучению конкретной экономики. Если при создании „Капитала" у Маркса метод исследования был иной, чем метод изложения, то каким образом этот факт оказывается против абстрактно-аналитического метода при анализе капиталистических отношений? Вообще приходится нам различать: 1) метод исследования автора; 2) его метод изложения,—при чем важен также и метод усвоения—и 3) метод применения категорий абстрактного капитализма в сфере конкретных исследований. В докладе не проведено этого различия и в этом его важный недостаток. Когда Ив. Ив. говорит: „Метод Маркса—диалектическое единство абстрактно-аналитического и конкретно-исторического метода". Это же путаница—вот в каком смысле. Если дело идет о том, чтобы установленные законы теоретической политической экономии применить к исследованию конкретных явлений,—это одно, а когда мы ставим перед собою вопрос,—каким образом вообще возможна наука теоретической политической экономии,—то это другое.

Теперь перейдем к предмету политической эковомии. Здесь И. И. много раз цитировал Энгельса. Он очень удачно его цитировал, но я, относясь опять-таки с некоторой подозрительностью к тому, все ли нужные цитаты привел Ив. Ив., процитирую кое-что из „Анти-Дюринга". Я приводу место, которое имеет для нас тот интерес, что здесь как раз дело идет о цитате из главы, которую написал для „Анти-Дюринга" сам Маркс. Но сначала два слова о цитатах Ив. Ив. из Энгельса. В цитируемом место Энгельс говорит о том, что политическая эковомия, как наука о хозяйственных законах, общих всем формам хозяйства, еще не существует, она только должна быть создана. Таким образом, мы констатируем

здесь, что цитата, которую привел И. И. из Энгельса, утверждает, что та самая политическая экономия, о которой мечтает И. И., еще только должна быть создана, что та политическая экономия, которую мы имеем, в том числе и Марксова политическая экономия, есть наука о законах капиталистического хозяйства, а не наука о законах других экономических формаций. Но ведь это и требуется нам доказать. Значит, и тов. Бухарин и все мы правильно и согласно с Марксом определяем то, что из себя представляет не та полит. экономия, которая еще не создана, а та, которая создана Марксом.

Богданов. А если только должна быть создана, то и создавать не надо?

Преображенский. Ее создать надо, если это возможно. Я боюсь только, что когда мы эту науку создадим, тогда у нас будет социалистическое общество, т.-е. тогда не нужна будет никакая политическая экономия.

И. И. не привел той цитаты, на которую я хочу обратить ваше внимание. В главе „Анти-Дюринга" „Из критической истории" имеется следующее место: „Политическая экономия, как она исторически выступает, представляет собою, в сущности, не что иное, как рассмотрение экономических вопросов в период капиталистического производства". Следовательно, политическая экономия к тому времени, когда писались эти строки, представляла из себя это. Под политической экономией Маркс в этом месте не понимает ничего другого кроме науки, которая анализирует экономические отношения капитализма. Есть ли между этим местом из Маркса и тем местом, которое приводил И. И. из Энгельса, внутреннее противоречие, я не берусь здесь разбирать. Не исключено, что здесь точка зрения Маркса формулирована более точно, чем это сделано Энгельсом в другом месте „Анти-Дюринга". Не берусь об этом говорить. Но если мы хотим характеризовать точку зрения Маркса, то мы должны для изложения этой точки зрения привлечь точно также цитированное мною место. А если это место сопоставить с теми местами, о которых я говорил, то получится картина совсем не та, которую рисует в своем докладе И. И.

И. И. очень много останавливался на той рецензии, которую Владимир Ильич написал на книгу А. А. Богданова. Когда это было? Эта рецензия была написана, если не ошибаюсь, в 98 году. Тогда политическая экономия Богданова представляла из себя очень крупный революционный факт. Все марксисты, тогда боровшиеся с народничеством и самодержавием, должны были политически защищать это литературное произведение. Рецензию В. И. не следует использовывать теперь в наших методологических спорах, упуская из виду ту политическую обстановку, при которой тогда вообще мы писали какие бы то ни было научные рецензии.

И. И. ссылается на то, что у В. И. мы не найдем абстрактных теоретических работ, что его работы были конкретны.

И. И., дело здесь вот в чем. Мне кажется, что вы недостаточно понимаете общую причину этого явления. Ленин имел перед собой теоретическую экономию, уже разработанную Марксом. Ему приходилось применять основные конструктивные идеи Маркса для исследова-

ния конкретных экономических отношений. Он никогда не дублировал теоретических исследований там, где эту работу в совершенстве и достаточно полно исполнял Маркс. Было бы нелепо требовать от Ленина, чтобы он писал второй раз „Капитал". Именно поэтому центр тяжести трудов Ленина находится в области конкретной экономии. Но в тех случаях, когда ему приходилось защищать марксизм в области чисто теоретических проблем, он отдавал необходимую дань и абстракции.

Для того, чтобы покончить с моей критикой И. И., я скажу несколько слов относительно его замечательной заключительной части. Во-первых, он подводит некоторый социальный базис под то, что является абстрактной политической экономией, о которой он здесь говорил, и приписывает все это грехопадение абстракции военному коммунизму. Я думаю, что это совершенно неверно, потому что при военном коммунизме мы имели попытку натурализации нашего хозяйства, т.-е. мы сделали шаг на пути превращения всех отношений хозяйства в нечто более прозрачное, в сравнении с фетишизированными отношениями капитализма. Следовательно, эпоха военного коммунизма меньше всего могла способствовать тому, чтобы мы в области политической экономии повернулись от Маркса, стоящего на точке зрения И. И., к Марксу абстрактному, представляющему из себя выдумку Н. И. Бухарина. Следовательно, социологическое об'яснение Ив. Ив. никуда не годится. Но можно иначе об'яснять, почему мы стоим на правильной точке зрения в рассматриваемом вопросе и почему ошибается Ив. Иванович. Ив. Ив. усвоил себе определенный взгляд на предмет и метод политической экономии еще в 90-годах, усвоил не вполне верно и держится с тех пор одного и того же взгляда. Но с тех пор марксизм стал, если можно так выразиться, государственной идеологией победившего пролетариата. Мы изучаем его с гораздо большей основательностью, чем когда-либо и где-либо, изучаем тысячами голов и, естественно, исправляем те ошибки, которые делались различными комментаторами Маркса.

Теперь мне осталось сказать несколько слов по поводу выступления А. А. Я должен сказать, что в своей речи он, нападая на „стратега" Бухарина, сам здесь проявил стратегию очень высокой марки. Его выступление по вопросу о предмете и методе политической экономии было выступлением тактически-стратегическим и выводило нас из пределов науки в область политики. Я начну с его попытки защищать, как он сам признается, еретическую точку зрения по вопросу о стоимости. У меня в руках „Анти-Дюринг", где Энгельс чрезвычайно ярко доказывает, что категория стоимости рушится вместе с капитализмом, и что бессмысленно было бы будущему обществу прямой путь измерения того, что стоит изготовление того или иного предмета, заменять окольным путем стоимостного измерения (**Богданов.**—Конечно). Конечно. А если стоимостное измерение отпадает, то, значит, понятие стоимости неправильно применять по отношению к социалистическому обществу. И я имею смелость утверждать и на основании того, что я знаю из экономических работ А. А. Богданова, и на освовании его сегодняшнего выступления, что закона стоимости Маркса он не понимает. Я берусь

на специальной дискуссии, на основании сличения экономических работ А. А. и „Капитала", доказать это. И вполне понятно, что сделавши эту ошибку в этом основном вопросе, считая приложимым понятие стоимости к другим экономическим формациям, смешивая здесь не термин стоимости с ценностью, а конструктивные понятия, естественно, что он и в области применения марксова метода исследования стоит на другой точке зрения. Почему? Потому что, если стоимость в его понимании существует и в других формациях, то тогда и разница между капиталистическими формациями и другими представляется менее существенной, значит, и метод исследования разных формаций—более общим. А. А. Богданов здесь ставил перед нами такой вопрос. Скажите, разве феодализм в чистом виде бывал? И что такое вообще абстракция? Разве мы не анализируем абстрактный феодализм? Разве это не тот же абстрактный метод анализа? Конечно, феодализма в чистом виде так же не существовало, как и чистого капитализма. Но А. А. смешивает здесь две вещи. Если стать на его точку зрения, то можно спросить, а разве каждое значительное восприятие, разве восприятие вот этого стакана, стоящего пред мной, не есть абстракция? Но тогда смазывается вся постановка вопроса о том особенном применении метода диалектического материализма, которого требует самый материал исследования, требуют структура и законы развития капитализма. Представление о феодализме в чистом виде облегчает понимание феодальных отношений. Но ведь это только первый шаг абстракции для понимания капитализма. А дальше ведь надо исследовать закономерности этого чистого капитализма и также абстрактно-аналитическим путем. Между тем отношения чистого феодализма, ясные в своей социальной сущности, такого анализа вовсе не требуют. Я кончаю по поводу А. А. и хочу сказать, что последняя часть его речи представляет из себя бунт против начала доклада И. И. И. И. вполне правильно доказывает в начале доклада, что основная задача политической экономии в конечном счете сводится к руководству действием, имеет целью изменение социальных отношений в интересах пролетариата и революции. Нечего указывать, что здесь А. А. совершенно неправ. (**Богданов.**—Как всегда вообще).

В конце своего доклада Нв. Нв. к числу прочих открытий и изобретений нашего времени прибавил новое, а именно, что защита абстрактно-аналитического метода это есть троцкизм в области теории. Я вам процитировал место из Маркса, которое показывает, что та точка зрения, которую мы все защищаем вместе с Бухариным, защищаем в рассматриваемом вопросе—это есть точка зрения самого Маркса. Выходит поэтому, что Маркс был троцкистом. Это очень недурно, как недурно и то, что А. А. Богданов оказывается здесь левинцем.

Осинский, В. В. На выступлении тов. Богданова я остановлюсь подробнее только в том случае, если у меня хватит времени. Вообще о нем я хотел бы сказать только следующее. Неприятное впечатление произвели на меня настоящие прения. О Богданове приходится прямо сказать: он, очевидно, перестал быть марксистом. Раньше я думал, что он в основе все же марксист, пусть с некоторыми „своеобразиями" и отклонениями. Теперь я убеждаюсь, что он не марксист.

Богданов. Вы имели смелость так думать.

Осинский. Да, имел.—Дальше я буду говорить специально о т. Скворцове. Правильно отмечал т. Преображенский, что т. Скворцов не расчленяет ряда вопросов, как, например, вопроса о методах теоретического построения, вопроса о приемах приложения теоретических предпосылок к конкретным явлениям и т. д. Все это у т. Скворцова свалено в одву кучу и путем такого смешения он пытается достичь тех результатов, которые нам желает внушить. Неправильность рассуждений т. Скворцова можно показать еще и другим способом, который, правда, не встретит сочувствия у т. Богданова, но я-то, в свою очередь, не склонен обращать внимания на требования т. Богданова. Т. Богданов смеялся над апелляцией к Карлу Марксу, над цитатами из Маркса. Такие приемы доказательства для него неубедительны. Можно, конечно, аргументировать и не „по Марксу",—пусть это делает т. Богданов,—но мы-то с тов. Скворцовым марксисты. И потому для нас важно и убедительно сопоставить две вещи: как у самого Маркса построен „Капитал", и как строит свою политическую экономию И. И. Скворцов.

И. И., между прочим, сам ссылается на структуру „Капитала" и утверждает, что она имеет исторический характер. Он берет первый том „Капитала", берет, в частности, главу „о так назыв. первоначальном накоплении" и утверждает, что она является одной из важнейших, что эта глава, равно как и ряд других мест, которые обычно считаются лишь историческими иллюстрациями, имеют первостепенное теоретическое значение и составляют равнозначащие теоретические величины с абстрактными построениями „Капитала".

Я думаю, что с „Капиталом" вопрос на самом деле обстоит иначе. Если мы разберем, как построен „Капитал", начиная с первой главы, то увидим следующее. Маркс начинает с того, что констатирует: при известном общественном строе вещи, продукты принимают о б щ е с т в е н н у ю ф о р м у товара. Между прочим, этот термин—форма—применяется на протяжении первой главы много раз, при чем довольно различные, возникающие друг из друга явления обозначаются этим термином. Почему употребляется этот термин, останавливаться на этом было бы слишком долго. Итак, эта форма—товар—появляется перед нами расщепленной на две противоречивых формы: с одной стороны, на потребительную ценность, с другой стороны, на меновую ценность. В дальнейшем разборе намечается все новое и новое расщепление противоречий и форм. Каждый раз при этом возникновение новой формы происходит таким образом, что в предшествующей форме обозначаются два противостоящие друг другу полюса, и каждая новая форма получается из расщепления в противоречии формы предшествующей. Так происходит это расчленение и наслоение сперва форм, затем категорий в процессе перехода от более простого к более сложному. Так фактически построен „Капитал" и то, чем И. И. Скворцов хочет придать ему историко-динамический характер, есть в действительности только и с т о р и ч е с к и е и л л ю с т р а ц и и к теоретическому построению, которое само по себе динамично. Ибо суть состоит в том, что Маркс ведет свое построение по д и а л е к т и ч е с к о м у м е т о д у, который соединяет

в себе в „логическую“ и „историческую“ последовательности. Вот если бы И. И. начал свои рассуждения по политической экономии с разбора того, что означает собой приложение диалектического метода к политической экономии, он поступал бы „по Марксу“ и легко понял бы, в чем действительная сущность дела.

Что представляет собой этот диалектический метод построения, по которому сконструирован „Капитал“, и притом не только первый том его, как часто думают, а весь „Капитал“. Позвольте для доказательства кое-что отметить насчет хотя бы второго тома „Капитала“. Если Бернштейн утверждал, что, пококетничав в первой главе „Капитала“ гегельянской терминологией, Маркс затем совершенно выбросил из своего употребления диалектический метод, то это совершенно неверно, даже если брать диалектику в узко-формальном смысле, в смысле диалектических схем. Если в первом томе „Капитала“ (наиболее отчетливо в первой главе этого тома) Маркс разворачивает нам „диалектические фигуры“, которые представляют собой выражения противоречий движения по прямой, то в первой части второго тома „Капитала“ Маркс разворачивает „диалектические фигуры“, которые знаменуют противоречия в круговом движении—соответственно тому, что здесь речь идет об обращении капитала. Эту тему я могу, если бы это потребовалось, развить когда-нибудь в отдельном выступлении—она сама по себе очень интересна.

Так вот, в чем же сущность диалектического способа построения „Капитала“? Она в том, что формы, категории, понятия понимаются как находящиеся в движении, а раз они понимаются как движущиеся, значит их надо брать в последовательности во времени, но в совершенно абстрактной опять-таки последовательности во времени. Надо хорошенько понять: берутся отвлеченные, абстрактные формы и категории, вытекающие одна из другой; берутся не в своем конкретном, историческом приложении, проявлении. Мы не делаем конкретного—описания. Мы именно делаем абстракцию, вытяжку, форм и категорий из конкретных экономических явлений. Но в то же время эта абстракция—и в этом отличие от классиков—взята в движении, расположена в идеальной последовательности во времени. Это есть соединение не в порядке эклектического винегрета, а в порядке органического слияния—двух подходов,—с одной стороны, подхода абстрактно-логического, с другой стороны, подхода исторического и динамического.

Пытался ли И. И. Скворцов подойти к „Капиталу“, на который он так часто ссылался, с этой точки зрения? Нет. Он только обращал внимание на те случаи, когда Маркс дает конкретные исторические иллюстрации для того, чтобы показать, как формы и категории, сведенные им в его диалектической схеме, разворачивались в различных конкретных случаях реальной жизни. Он делал эти иллюстрации в „Капитале“ только для пояснения своего абстрактного (и в то же время „динамического“) построения, но эти конкретные пояснения кажутся И. И. Скворцову относящимися к теоретической части рассуждений Маркса. Конечно, это совершенно неверно, конечно, к теории

это отношения не имеет. И, конечно, вовсе не требуется таким смешением теоретических и конкретно-описательных элементов отделять Маркса от абстрактно-логических экономистов: он от них ясно отделяется уже в своей „чистой" теории.

Все это происходит с И. И. Скворцовым потому, что у него нет водхода к политической экономии с точки зрения диалектического метода. До реферата И. И. я думал, что он в своей политической экономии придерживается исторического способа изложения. Это ничего ужасного собой не представляет: можете излагать, как хотите, в зависимости, скажем, от конкретных педагогических заданий, вами себе ставимых. Не делайте только себе кумира из этого метода изложения. Но после этого доклада должен сказать, что И. И., по-моему, основывает историческую школу марксистской экономии. И вот это-то и недопустимо, и неправильно.

Здесь ссылались на то, что вот-де в 1898 году писал же Ленин благоприятный отзыв об учебнике Богданова, построенный по тому же историческому методу изложения. Совершенно верно, но тогда Богданов был марксистом, а теперь он стыдится того, что можно быть марксистом. Он был тогда марксистом, применявшим своеобразный и условный способ изложения. И тогда можно было отнестись с одобрением к учебнику, поскольку его специфический метод изложения еще не возводился в метод рассуждения и поскольку отдельные недостаточно точно сформированные положения не были позже развиты в определенном направлении. Теперь мы этот учебник должны рассматривать в свете того, что получилось из его положений позже. Теперь мы к этому делу должны отнестись иначе, так как дальше автор раскрыл нам, почему он так это излагает, и т. п.

В связи с этим перехожу к дальнейшему. Очень интересный вопрос был затронут т. Богдановым. Он является защитником того взгляда, что т. н. категория „стоимости" будет существовать и в социалистическом обществе.

Между прочим, после выступления Богданова я пришел к твердому убеждению, что впредь буду употреблять термин „ценность", а не тот, который Богдановым и Скворцовым был вновь введен в нашу марксистскую экономическую литературу—т.-е. „стоимость". Тут мы опять имеем ретроспективный урок. После того, как т. Богданов нам здесь выяснил, что из этого термина можно сделать и к чему он может привести, нам нужно выбрать другой термин, так как у Богданова на базе в значительной мере терминологии, получается, что „стоимость", может существовать в социалистическом обществе.

Богданов. А ценность—нет?

Осинский. Ни ценность, ни стоимость в социалистическом обществе существовать не могут и не будут. Но только тогда еще можно зацепиться за формулировку и говорить, что в социалистическом обществе может существовать стоимость, если в это понятие вкладывать только затрату труда; а это всего легче сделать, если пользоваться словом „стоимость". Тогда получается просто: каждый продукт в каждом обществе всегда будет стоить труда, если это обозначается по-

нятием стоимость, то ясно, что такое понятие может и должно автоматически перейти и в социалистическое общество. Поэтому-то я и думаю, что безопаснее будет это бросить и говорить — „ценность".

Теперь по существу о том, почему в социалистическом обществе не может быть ценности. Т. Богданов процитировал нам одно место из 1 главы I тома „Капитала" Маркса, цитировал, однако, не полностью, урезками. В этом месте говорится, что рабочее время может в социалистическом обществе служить мерилом в двояком смысле: с одной стороны, мерилом того, какую затрату общественного труда можно сделать на производство того или иного вида продукта, а с другой стороны,—и вот тут-то Богданов и не доцитировал—также мерилом участия каждого отдельного работника в продукте, мерилом распределения. Между тем у Маркса перед тем делается очень определенная оговорка по последнему поводу: „Способ этого распределения будет меняться вместе со специфическим видом общественного производственного организма и соответствующим историческим уровнем развития производителей. Только для параллели с товарным производством мы предполагаем, что доля каждого производителя в средствах существования определяется его рабочим временем". Почему Богданов не подчеркнул нам этой оговорки Маркса, которую сам Маркс подчеркивает весьма определенно? Потому что Маркс всюду стоит на той точке зрения, что надо иметь в виду различные фазы социалистического развития, не только первоначальную фазу, но и фазу коммунистического общества, где никакого распределения по рабочему времени не будет. По Богданову получается, что во все периоды социалистического развития будет распределение по затраченному между отдельным производителем рабочему времени, а по Марксу в коммунистическом обществе отпадает надобность в распределении „по труду" и настает эпоха распределения „по потребности" — согласно формуле — „от каждого по его способностям, каждому по его потребностям". Уже по этой причине никакой „стоимости" в коммунистическом обществе не требуется, надобность в ней отпадает, так как она уже не регулирует распределения.

Но есть и еще одна сторона дела. Я ее выясню на параллели с обществом капиталистическим, где получается к ней своеобразная обратная аналогия. Возьмем введение новой машины в капиталистическом обществе. Бывают случаи, рассказанные Марксом, когда появляется машина, способная производить тот или иной товар дешевле, в смысле суммарной затраты рабочего времени, чем если не употреблять этой машины; но, тем не менее, машина не вводится, потому что цена рабочей силы так низка, что с точки зрения хозяина, с точки зрения получаемой им в том и другом случае прибавочной ценности и прибыли ему выгоднее производить данный товар не машинами, а ручным трудом. Здесь даже при капитализме ценность, так сказать, отстраняется временно в сторону, как фактор, регулирующий перераспределение производительных сил, замену ручного производства машинным: прибыль оказывается более мощным фактором. В обществе социалистическом

точно так же затрата труда может не иметь значения для распределения производительных сил, но по совершенно другим основаниям. Возьмем такой случай: имеется машина, которая может сократить применение живого человеческого труда или изменить форму его применения, во сама эта машина может „стоить очень дорого", так что при ее применении человеческий труд оказывается менее производительным, чем до ее введения. И, тем не менее, эта машина будет вводиться в том случае, если этот труд без машины является отвратительным или нездоровым. С точки зрения подхода от богдановской „трудовой стоимости" такую машину в социалистическом обществе вводить бы не нужно. Но так как там „стоимость" не будет кумиром, а общественный человек будет исходить из другой точки зрения, то могут быть введены машины „непроизводительные" или „менее производительные", чем ручной труд, в том случае, если он является отвратительным или нездоровым. Вот этот пример также вам показывает, что совершенной чепухой является утверждение, исходящее из урезанного Маркса, что нельзя в социалистическом обществе обходиться без „стоимости".

Здесь позвольте особенно подчеркнуть нижеследующее. В наше время, в нынешний переходный к социализму период, для чего мы восстановили товарный рынок и денежное обращение, для чего мы ввели нэп? Надо ведь сказать, что за этим скрывается, в конце концов, введение в действие категории ценности, и на этой почве ценностных отношений вообще, категории заработной платы, категории прибыли. В том ли было дело, что при плановом натуральном хозяйстве военного коммунизма мы, за исчезновением категории ценности, были не в состоянии правильно делать расчеты производства и потребления? Ибо ведь действительно, в эпоху военного коммунизма, когда деньги потеряли всякое значение и вместе с тем лопнула категория ценности, начались большие затруднения и длительные дебаты насчет того, в каких же собственно единицах сводить баланс производства и потребления. Эти дебаты, между прочим, обнаружили интересную вещь: большую трудность осуществления предложения некоторых товарищей, которые советовали ввести исчисление в трудовых единицах. А между тем по Богданову чего проще—стоимость-то (не ценность) ведь не лопнула, отчего же не исчислять в трудовых „стоимостях"?

Такие затруднения были, такие дебаты показали, что сознательное исчисление в трудовых единицах отнюдь не неизбежный и не легкий прием в переходном периоде, но почему же мы все-таки перешли к нэпу? Перешли мы к нему из-за трудности исчисления, из-за того, что при наличии денег мы можем легче строить свой баланс, хотя бы и не непосредственно в трудовых единицах? Нет, по другой причине. По той причине, что мы повсеместно, и не только в крестьянском хозяйстве, ввели „хозяйственный расчет". Когда вы вводите расценку на деньги, когда вы пускаете в ход такую категорию, как ценность, то в этом случае каждый в значительной мере должен отвечать за себя, и рабочий, когда он продает свою рабочую силу и получает цену ее

в деньгах, автоматически вынуждается держать производительность труда на нормальном уровне, так как у него в этом получается „заинтересованность". Мы не только мужику дали денежный стимул при нэпе, но мы с системы натурального пайка перешли на денежную заработную плату, мы предприятия перевели на „хозрасчет", т.-е. пустили в ход категорию прибыли. Тогда лишь можно уничтожить категорию ценности и ее регулирующее значение, когда у людей настолько разовьются новые социальные инстинкты, что не надо будет пускать в ход „стимула личной материальной заинтересованности". Тогда у всех будет такая социальная спайка, благодаря которой овв будут сознательно и деятельно работать для общества и затем продукты будут распределяться также просто по общественной целесообразности или по потребностям. До тех пор, пока это перевоспитание не закончится, будет действовать ценностный стимул.

Это приоткрывает нам край завесы над основной характеристикой категории ценности, которой я сейчас давать не могу: ценность есть категория, которая может и неизбежно должна существовать только в таком общественном порядке, когда „каждый за себя, а один бог за всех", когда люди еще не имеют или вообще еще не могут иметь (в начале капиталистического развития) такой социальной спайки и такого сознания общих интересов, которые позволили бы обходиться без категории ценности, когда люди знают друг друга, только через вещи и их общественные отношения выражаются в форме отношения вещей. Только в таком „фетишистском" обществе и имеет социальное значение категория „ценности": она заставляет всю машину стихийно крутиться, действие ее составляет условие развития производительных сил. И у нас пока она составляет такое условве. И только пока категория ценности имеет значение для того, чтобы крутились эти колеса, до тех пор она и жива. Дело совсем не в расчетах производства по трудовым единицам и в распределении по труду. В развернутом социалистическом обществе, в коммунизме, если мы доживем до него, и ненужна будет ценность, да и расчеты будут вестись не только в единицах рабочего времени.

Остановлюсь еще на одном моменте. Входят ли в предмет политической экономии не только отношения товарно-капиталистические, но и хозяйственные отношения предшествующих эпох? Прошлый раз один товарищ с места задал вопрос, который не был ясно расслышан, но это вопрос к делу и вопрос правильно поставленный. Он спросил: не есть ли политическая экономия анализ производственных отношений? Если да, то анализ производственных отношений феодального общества относится к политической экономии и даже те общественные формы, которые существовали до феодальной эпохи, могут опять-таки дать материал для анализа политической экономии. Я думаю, что к этому вопросу нужно подойти иначе. Что такое политическая экономия? Это—наука об общественном „народном" хозяйстве.. Когда возникла политическая экономия? Она возникла в конце XVIII века, тогда, когда в развитии капиталистического строя начало складываться народное хозяйство. В феодальном обществе (поскольку нет еще связи между отдельными

хозяйственными единицами), нет еще народного хозяйства. Существуют только отдельные хозяйства, которые соединены друг с другом по смежности, но поскольку не существует обмена, постольку не существует и народного хозяйства, постольку не существует и политической экономии. Такая постановка вопроса может показаться чисто терминологической, чисто словесной. В действительности такое разделение вполне научно обосновано, и его можно подкрепить еще с другого конца. Проанализировать производственные отношения феодальной эпохи—это гораздо более простая и по существу отличная задача по сравнению с анализом товарно-капиталистических отношений, именно потому, что там не стоит вопрос об общественной связи хозяйственных единиц, да еще в форме обмена. Там вы разбираете структуру довольно-таки простую—отдельных единиц и путем анализа только отбираете общие типичные черты. Вам здесь т. Богданов рассказывал, что будто бы основной об'единяющей чертой различных докапиталистических экономических форм являются авторитарные отношения. Эти „авторитарные отношения", которые, милостью божией и Богданова, появились на свет, право же, не представляют собой такого понятия, для создания которого требовалось много и глубоко думать, и сомнительно, чтобы требовалась уж очень большая доза абстракции, дабы произвести на свет эти авторитарные отношения. Эти авторитарные отношения, если хотите, можно отнести к исторической науке. Почему вы считаете, что только политическая экономия есть наука, которая вправе производить абстрактный анализ? Почему вы хотите упрятать теоретический анализ типа ячеек феодального общества, не имеющего социально-хозяйственных связей, не имеющего социального хозяйства, в политическую экономию? Этот анализ вполне находит свое место в истории хозяйственного быта, где может быть произведен, для каждой эпохи, абстрактный анализ, выясняющий общие черты различных видов хозяйственных ячеек эпохи, в частности, феодального времени. Зачем вы должны это присоединять к теории политической экономии, науке с цельным и логически замкнутым обширным содержанием иного рода? Совершенно непонятно.

Можно было бы привести еще и другие доводы, как например, тот затронутый мною только что мимоходом, что политическая экономия есть наука, в основе которой лежит понятие ценности, и это ее отделяет радикально от анализа отношений, где это понятие не имеет значения. Может быть, эту тему разовьет кто-нибудь из последующих ораторов. Но и того построения, которое мною сделано, вполне достаточно. Оно показывает, что никакой надобности упрятывать абстрактный анализ хозяйственных форм до-товарного периода в политическую экономию нет.

Между тем это упорно стараются делать. И в этом есть большое практическое неудобство, большая опасность, как подчеркнул т. Бухарин. И. И. в своем докладе в сущности уже подошел к тому положению, что чистого капитализма, капитализма вообще нет, что такового не надо изучать, а надо изучать конкретные капитализмы, что есть различные капитализмы. Точно так же, как известный Герц написал книгу об „аграрных вопросах", а не об аграрном вопросе, ибо такого общего аграрного вопроса нет, точно так же у т. Скворцова выходит, что суще-

ствуют капитализмы, а не капитализм—что-то похожее на Зомбарта. Вот с чем мы сталкиваемся, если становимся на эту точку зрения. В действительности же нам надо анализировать капитализм и выяснять его противоречия. Мы должны показать рабочему классу, в чем основные противоречия капиталистического строя, который развивает неизбежно эксплоатацию пролетариата и т. п. В особенности это необходимо теперь в преддверии коммунистической революции в других странах. Поэтому необходимо отказаться от исторического подхода в построении политической экономии. Я вообще бы сказал, что, будучи марксистом, если бы я писал учебник политической экономии, то излагал бы предмет тем способом и порядком, каким это делал Маркс, и не потому только, что это делал Маркс, а потому, что я стою на точке зрения диалектического метода, и такое построение для меня само собой разумеется.

Покровский, М. Н. Я полагаю, что наступило время перейти к плановому хозяйству. Сейчас у нас совершенно стихийно развился капитализм в наших прениях. Нам необходимо положить этому конец. Поэтому я думаю, что нам следует ограничить следующих ораторов 10-ю минутами и предоставить мне держать в руках прения. В порядке записи слово принадлежит мне.

Я ожидал, что т.т. Бухарин, Преображенский и Осинский, можно сказать, в лепешку расплющат бедного И. И. Увы, увы! Тов. Бухарин произнес в прошлый раз блестящую митинговую речь. Я лишний раз наслаждался его ораторским искусством, но ораторское искусство—одно, а политическая экономия—другое. В прежнее время говорили, что история есть прежде всего дело ораторское, но о политической экономии никто не говорил, что это дело прежде всего ораторское. Что же касается двух сегодняшних противников И. И., то даже в ораторском отношении, я извиняюсь, буду совершенно об'ективным, они меня не удовлетворили. Прежде всего, отличительная особенность каждого оратора—это не давать аргументов против себя, а оба—и тов. Преображенский и тов. Осинский—против себя дали сколько угодно аргументов. Что говорил тов. Преображенский? Он тут развивал ту мысль, что когда наступит социалистический строй, то никакой науки, об'ясняющей общественные отношения, не будет. Вот как обстоит дело. Дальше, товарищи. Значит, теория электричества была возможна во времена Гальвани и Вольта, в XVIII веке. Но теперь, когда мы электрифицируем все, когда у нас горят эти лампы, когда звонят телефоны, ходят трамваи, такая наука об электричестве не нужна. Без всякой науки, просто подойти и все. (Смех). Это не смешно, это чрезвычайно грустно, потому что в 18 году мы иной раз так именно и подходили к делу, за которое мы отвечали не только перед нашими массами, но перед всем миром, поскольку мы начинали мировую революцию. В социалистическом мире никакой экономической науки не нужно. Все это чепуха. Это вчера нужно было.

Осинский наговорил очень много интересных вещей, хотя довольно элементарных—учил т. Степанова диалектическому материализму,—это у нас проходят на приготовительном отделении Института Красной Про-

фессуры, но И. И. во всяком случае мы не собираемся отдавать учиться, так как он-то во всяком случае это все усвоил,—и, повторяю, т. Осинский говорил вещи бесспорные. Но для нас, марксистов, важно не то, что человек говорит, а что он делает. И тут на трибуне т. Осинский кое-что делал. Он сделал попытку об'яснить политическую биографию А. А. Богданова методами его изложения политической экономии. Был человек марксистом, затем стал излагать историческим методом политическую экономию в 90-х годах,—и перестал быть марксистом. А что у Богданова кроме литературной деятельности была и политическая, что-он принимал, например, активное участие в первой революции,—это ни, какого значения для биографии А. А. не имеет. Я, гелертер, профессор-постыдился бы, если бы меня поймали на таком об'яснении,—а это говорит практический деятель, который им вчера был и завтра им будетя Это маленький образчик того, как т. Осинский делает историю, он для меи. гораздо показательнее всех его бесспорных разговоров на счет диалектики Он на этот счет рассказал много интересных вещей, но беда в том, что это все слова, а когда от слов переходят к делу, то получаются разные результаты. Что же касается методов политической экономии и того, что представляет собой политическая экономия, то с этой точки зрения я понимаю, почему и Бухарину пришлось говорить так и почему опять-таки уважаемые предыдущие ораторы хотели раз'яснить еще эти мысли Маркса, хотя они написаны до последней степени ясно. О чем идет дело: о политической экономии, как о методе писания политэкономических книжек или как о методе исследования известного круга явлений? Разумеется, дело идет о последнем, и Маркс говорит до такой степени ясно и определенно, что моим уважаемым противникам остается только заподозрить точность перевода. „Конечно,—говорит—он, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение. Раз это удалось, и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то на первый взгляд может показаться, что перед нами априорная конструкция“ [1]). Маркс даже предвидел возможность истолкования этого метода, как абстрактного, и сделал специальную оговорку. Все это совершенно бесспорно, и тут никаких споров не должно было бы быть. Маркс был историком, конечно, не в буржуазном смысле, но историком материалистом и диалектиком. Он был историком, точно так же как был таковым и Ленин, и его историзм заключается в его конкретном подходе, в предварительном изучении конкретных фактов, а потом уже в отвлечении того, что нужно. Первый из ораторов, который выступил, т. Бухарин, великолепно это понимает. К сожалению, стесненный дьявольскими условиями своей работы—он должен был поступить наоборот, но, выпустив свою „Экономику переходного периода“, он начал собирать конкретный материал и поставил своей задачей проверить на собранном материале свои выводы. Он так посту-

[1]) „Капитал“, т. I, предисловие ко 2-му изданию.

пил, потому что не мог раньше собрать материалов. Он понимал связь этих двух вещей, так что и он, по существу дела, стоит на этой же точке зрения.

Теперь, товарищи, только два слова, почему я, не теоретик, вмешиваюсь в это дело, в этот спор. Потому что я вижу, как неправильно понимается метод Маркса, это заставляет молодых людей, готовящихся быть профессорами, тратить массу времени зря, писать и печатать книжки, которые не нужно не только печатать, но и писать, потому что они ни на иоту не двигают нас вперед и, в конце концов, ставят учреждение, чрезвычайно мне близкое, в идиотское положение. От меня требуют и законно требуют, говорят: дайте нам людей, знающих факты в той или другой области, а мне приходится говорить, что здесь не фактами занимаются, а изучением теории ради теории.

Марецкий. Я хотел бы указать на некоторый наносный элемент, который был в докладе тов. Степанова. Мне кажется, что тов. Степанов развил неправильную стратегию в том смысле,—я уже не говорю о его замечании насчет „троцкизма“,—что он совершенно неправильно изобразил противоположную ему точку зрения.

Дело вовсе не в том, что противники тов. Степанова стоя за абстрактную теоретическую экономию и против практической, против „Развития капитализма в России“, как говорил тов. Степанов, а дело заключается в вопросе: в каком сочетании одно с другим должно находиться и нужно ли провести грань, соблюсти определенную дифференцированность разных областей знания. Раз тов. Степанов взялся за разрешение вопроса о том, что является предметом теоретической экономии, он должен был прежде всего отграничить одну научную дисциплину от других дисциплин. Один из самых основных моментов, который ему нужно было иметь в виду, это момент дифференцированности знания. Каждая научная дисциплина должна иметь свой специфический об'ект. Проделал ли эту работу в своем докладе тов. Степанов? Нет,—не проделал. Существуют дисциплины—история хозяйства, теоретическая экономия, экономическая политика, организация производства, экономическая география. Есть ли в докладе тов. Степанова хоть малейшее разграничение между этими дисциплинами? Нет. Пусть он попытается это сделать в заключительном слове.

Вот между прочим один из образцов аргументации тов. Степанова. Ведь Маркс, рассуждает тов. Степанов, имел в виду не только меновое общество в качестве об'екта политической экономии, ведь у Маркса в первой главе „Капитала“ сказано не только о неорганизованном обществе. Маркс берет для примера изолированное хозяйство Робинзона, берет средневековое общество, берет свободную ассоциацию производителей общества будущего. Маркс их касается. Раз Маркс их касается, значит, они являются предметом политической экономии. Но тогда можно поздравить вас, тов. Степанов, с тем, что робинзонада является предметом политической экономии.

Чего не проделал тов. Степанов в своем докладе,—это отграничения теоретической экономии от других наук. Он смешал в одну кучу и историю хозяйства и теоретическую экономию. Это две разные науки.

Покровский. Для буржуазии различные.

Мареций. М. И. полагает, что это различные науки для буржуазии. По-моему, как раз наоборот. Именно буржуазная историческая школа политической экономии смешивает предмет истории хозяйства с предметом политической экономии. Для нее не было различия между историей хозяйства и политической экономией, последняя была простым „отображением", „описанием" конкретного исторического процесса.

Отмечу некоторые частности в докладе тов. Скворцова.

Тов. Степанов побивает своих противников так. Вы уверяете, что специфическим об'ектом теоретической экономии является определенная система категорий неорганизованного хозяйства, товарно-капиталистического. Но возьмите знаменитые формы ценности, которые имеются в первой главе „Капитала" у Маркса. Эти формы ценности, справедливо говорит И. И., являются не просто дедуктивным развертыванием отдельных положений, но они являются отображением конкретного исторического процесса. Следует ли, однако, из этого, что формы ценности являются элементами товарного, доменового хозяйства? Нет, конечно, именно постольку существовали эти формы ценности, как исторические формы обмена, поскольку в общественном хозяйстве развивался обмен, поскольку в обществе создавался, вызревал, появлялся рынок. И только постольку устанавливались, „становились", соответствующие категории. Точно также рента. Рента, поскольку она существовала при феодализме, не представляла собой материал „проблемного" характера. Вполне понятно, что то, что крестьянин давал помещику-феодалу оброк,—это еще не было проблемным материалом, экономической загадкой Но когда рента стала проблемой? Когда экономисты вдруг вообразили, что рента вырастает из земли? Тогда, когда рента вошла в систему обмена, в систему капиталистических категорий, сочеталась с прибылью, с процентом и т. д. Тогда рента приобрела характер „проблемы". Тогда она стала действительным об'ектом теоретической экономии.

И подобно тому, как мы имеем ряд категорий, находящихся „в становлении", категорий вызревающего товарно-капиталистического хозяйства, подобно этому можно усматривать в настоящее время те же категории в процессе отмирания. В переходный период мы наблюдаем, как категории товарно-капиталистической системы,—прибыль, ценность, рента, заработная плата и т. д.—находятся в процессе отмирания. Поскольку в процессе отмирания находится и рынок, поскольку существуют и поскольку отмирают эти категории, постольку они, конечно, являются об'ектом теоретической экономии.

Пусть тов. Степанов в заключительном слове скажет, признает ли он дифференциацию наук или предлагает нам всеобщую дезорганизационную экономическую науку.

Слепков. Тов. Степанов, да и тов. Покровский, защищая здесь свою точку зрения, говорили о марксистском историзме. Я тоже хочу сказать о нем несколько слов. Марксистский историзм в изучении общества проявляется, во-первых, в том, что суб'ект изучения понимает связь различных общественных структур, новой общественной системы со старой, улавливает преемственность различных исторических эпох. Но не только в этом. Это понимали очень давно и до марксизма.

Марксистский историзм сказывается, кроме того, в том, что, на ряду с пониманием исторической преемственности различных эпох, у марксистов имеется и понимание специфической особенности каждой исторической эпохи, историческая исключительность той эпохи, которая в настоящее время переживается. И вот эта вторая весьма существенная особенность марксистского исторического мировоззрения отсутствует у обоих историков, которые здесь выступали. Я считаю и И. И. историком, потому что лучшее, что, он написал,—его книга о торговом капитализме,—историческая работа.

Маркс написал „Капитал", в котором имеются исторические главы. Но если взять эти главы, то что в них имеется? В них не дана история вообще, а выясняется генезис промышленного капитализма, изучается не то, что вообще предшествовало капитализму, а то, как вот эта, находящаяся в центре внимания и поле зрения исследователя, капиталистическая система складывалась. И только с этой точки зрения Маркса интересует до-промышленно-капиталистическая эпоха. Затем он дает анализ специфически-ограниченной эпохи, которая является промышленно-капиталистической.

Напрасно И. И. пытается опереться на Ленина. Возьмите некоторые из блестящих экономических работ, которые имеются у Ленина—хотя бы его работу о продналоге. В этой работе Ленин вскрывает сочетание различных структур в современном советском обществе. Тут и натуральные формы хозяйства, и простое товарное хозяйство, и частный капитализм, и госкапитализм, и социализм. Ильич представлял себе это в той реальной общественной структуре, которая имелась перед ним, он дал разделение ее на определенные специфические системы и предлагал подходить к изучению сложного явления, именно, учитывая особенности тех элементов, которые затрогивали всю эту сложную общественную систему. Он предлагал при исследовании поступать обратно тому порядку, который предлагает И. И. Он понимал, что советская система—это система сложная. Но чтобы понять особенности сложного об'екта нашего изучения, нужно раньше понять, что из себя представляет натуральное хозяйство отдельно, простое товарное хозяйство отдельно, частный капитализм отдельно, госкапитализм отдельно и социализм отдельно,—это нужно раньше понять, чтобы понять все советское общество в целом.

Скворцов. Но ведь это за меня.

Слепков. Тов. Скворцов все говорит, что это за него. Пусть утешается.

Возьмем другой пример из Ильича. Ильич писал о кооперации. Он был одним из самых серьезных критиков эсеровского кооперативизма, он говорил, что при условии господства буржуазии кооперация врастет в социализм, разовьет капитализм, и он же сказал в одной из своих последних работ, в одном из этюдов о кооперации, что в наших условиях крестьянская кооперация, расчет на развитие которой при крепнущем капитализме был утопичным, теперь при перспективе крепнущего социалистического развития в условиях диктатуры пролетариата больше утопией не будет. И там и здесь—кооперация, но в ней

заключается разное социальное содержание. Это нужно понять.

И когда мы говорим о марксовых категориях капитализма, то не нужно забывать социального содержания этих категорий. Ценность—это есть категория, рисующая отношения между собственниками и товаропроизводителями, как прибавочная ценность предполагает отношения капиталиста и рабочего, и если у Маркса не понимают в его категориях их социального содержания, — значит Маркс не понят. Во всяком случае, необходимо понимать структуру капитализма, как таковую, законы движения капитализма, как таковые, ибо вяское замазывание специфических особенностей этой системы и содержания ее — политически опасно.

Не случайно у А. А. Богданова в оценке теории классов имеется такая замазанность—неумение из анализа реальных тенденций капиталистического общества дать картину социальной революции,—у него тут произошел подмен эксплоататоров и эксплоатируемых организаторами и организуемыми. А. А. Богданов в поисках общего всем системам универсализировал частный момент (организационную роль) и прозевал сущность отношений эксплуатации, ярко вскрытых Марксом в анализе специфически капиталистического общества. Не случайно, поэтому, в оценке Октябрьской революции А. А. не видит социального содержания этой революции, не видит, что переменилась система производственных отношений, и, конечно, не в состоянии увидеть, что идет что-то новое на смену, что перед нами стоит проблема создания нового советского общества.

Розит. Я с самого начала должен оговориться. Я не имел возможности прослушать весь доклад т. Степанова и не имел возможности прочесть его по стенограмме. Я успел только частично с ним познакомиться. Но, насколько мне удалось с ним познакомиться, я увидел, что по сути дела мы здесь не имеем нечто оригинальное, особенное. По сути дела мы здесь имеем старое известное явление, которое мы можем и в других местах встретить, и поэтому необходимо остановиться на тех положениях, которые здесь даны.

Кое-какие настроения, которые выражает т. Степанов, являются чрезвычайно вредными и опасными. Возьмите вы т. Лядова, в особенности его статью в журнале „Красная молодежь“ (№ 1—за 1925 г.), который читает наша учащаяся молодежь... Он там прямо говорит, что для нашего времени, для наших работников, для нашей молодежи не нужно изучения теоретической политической экономии, как она была разработана Марксом и как эту дисциплину отстаивает в нашем споре т. Бухарин. У т. Степанова дана попытка теоретического обоснования такого взгляда. То, что он оперирует цитатами из Маркса и Ленина, не меняет существа дела. И, вот, мне кажется, нам по этому вопросу нужно договориться определенно Одно из двух: или знание теоретической политической экономии нам до зарезу необходимо, или вся та работа, которую наша учащаяся молодежь ведет по изучению теоретической политической экономам, является излишней, напрасной. Мы должны ответить совершенно определенно. Понимать марксистскую поли-

тическую экономию в настоящих конкретных условиях сейчас, в 25 году, в условиях нэп'а, означает понимать ту механику, благодаря которой вырастает в данный момент капиталист. Тот, кто не знает теоретической политической экономии, тот не понимает, не знает этой механики, не имеет теоретического осмысливания этого явления. Мало просто описывать явления, мало дать просто историю этих явлений. Этого мало. Непонимание этой механики нашей пролетарской молодежью сделает ее слепой. Она не будет понимать самого существенного, самого главного: как нарождается из нэп'а капиталист. Надо понимать ту механику, благодаря которой он нарождается в настоящих условиях. Эту механику нарождения и роста об'ясняет теоретическая политическая экономия. Некоторые думают, что только в педагогических целях иной раз можно об'яснить капиталистическое общество, изучая абстрактную теорию стоимости, применяя абстракцию чистого капитализма. Но это не так. Здесь речь идет не о педагогике. Речь идет о классах и классовом соотношении сил. Без теоретической политической экономии нет теоретического понимания классовых противоречий, их непримиримости, самой анатомии капиталистического общества. Думать в условиях нэп'а и капиталистического окружения СССР, что все это не имеет актуальнейшего значения, в высокой степени наивно. Чтобы победить врага, необходимо знать его природу. Изучение теоретической политической экономии нашей молодежи дает это знание капитализма и, таким образом, служит орудием победы над капитализмом.

Я еще хотел бы остановиться в заключение на одном вопросе. Тов. Покровский предупреждал красных профессоров,— но это относится не только к ним, но ко всей молодежи, которая изучает теоретическую политическую экономию,—что слово „красный профессор" в Донбассе является ругательным словом. Почему это является ругательным словом в Донбассе? Нужно понимать в чем здесь ошибка, и нужно просто-на-просто ее исправить. Нужно понимать, что для понимания советской действительности слишком мало знать только теоретическую политическую экономию. Чтобы уметь ориентироваться в конкретной действительности, надо знать конкретную экономическую политику диктатуры пролетариата.

Дволайцкий, Ш. М. И экономическую географию.

Розит. Тов. Дволайцкий предлагает добавить и экономическую географию. Я думаю, что это верно. В наших рабфаках и комвузах мы имеем чрезвычайно слабую постановку изучения экономической политики советской власти. Эта слабая постановка изучения экономической политики имеет место и в Институте Красной Профессуры, при хорошо поставленном в общем изучении теоретической политической экономии. Этот недостаток необходимо устранить.

Я хотел остановиться еще на той квалификации, которую т. Степанов дает марксистскому пониманию политической экономии, т.-е. тому пониманию, которое здесь представлял тов. Бухарин. По этому вопросу тов. Степанов говорит в конце своего доклада, что возврат политической экономии к Рикардо — это неосознанный троцкизм в теории. Видите, товарищи, мне кажется, что в данном случае дело, конечно, не

в Рикардо. И Маркс кое-что похвалил у Рикардо. Но в данном случае такая выходка т. Степанова совершенно не к месту. Речь идет о теоретической политической экономии, речь идет о том, что ее изучение, ее понимание квалифицируется как неосознанный троцкизм в теории. Мне кажется, эту выходку нельзя квалифицировать, мягко выражаясь, иначе как неосознанием, недомыслием в области теории.

Кон, А. Ф. Я, товарищи, к сожалению, не слышал сегодняшнего выступления тов. Богданова. Поэтому на нем не смогу остановиться. Но мне кажется, что и тов. Степанов в своем выступлении в прошлый раз дал достаточно материала для критики. Основной ошибкой тов. Степанова является несомненно то, что он не учел целеустремленности марксистской теории. Маркс говорит, что пролетариату для того, чтобы изменить существующее общество, надо его изучить. Мне казалось бы, что эта фраза будет верной и в том случае, если мы ее перевернем и скажем: пролетариату для того нужно изучить общество, чтобы его изменить. Но и только для этого. Нам не нужна теория как самоцель, нам нужна теория только как орудие изменения общества. Если мы это признаем, а мы это несомненно признаем, то мы должны будем притти к выводу, что нам надо изучать то общество, которое нам предстоит изменить. Несмотря на то, что современное общество в определенном смысле представляет собой эмульсию, что здесь имеется смешение капиталистических форм с формами докапиталистическими, несмотря на это,— и мы и тов. Степанов все-таки не поколеблемся назвать современное общество—обществом капиталистическим, а не каким-нибудь другим.

Степанов. Совершенно верно.

Кон, А. Ф. А если это верно, то мы должны будем сказать, что целью политической экономии, ее предметом является капиталистическое общество, современное общество. Если предметом политической экономии является капиталистическое общество, а не все общественные формации, когда-нибудь и где-нибудь существовавшие, то мне кажется—мы уже кое-чего достигли.

Мы можем прибегать к помощи исторической науки, мы можем прибегать к помощи экономической истории, но только постольку, поскольку нам необходимо выяснить определенные элементы капитализма, лучше их осознать. Исторический метод изучения капитализма не в смысле исторического понимания отдельных капиталистических категорий, а в смысле исторической последовательности изложения, мне кажется, совершенно не приемлем для изучения теории капиталистического общества. Как бы капиталистическое общество ни было смешано, как бы оно ни было нечисто, во всяком случае оно не представляет собой суммы составляющих его общественных отношений, а представляет собой определенную систему отдельных частей, которые находятся в определенной связи, и, только в этой связи изучая общественные явления, вы можете их понять. Если вы захотите исторически изучать капиталистическое общество, вам придется встретиться с отдельными категориями экономическими и общественными не в той последовательности, которая требуется целью изучения капиталистического общества и которая способствует выявлению связи этих явлений в реальной действительности,

а в той последовательности, в которой эти явления зарождались и развивались. Допустим, мы встречаемся в учебнике т. Степанова с акционерными обществами в эпоху торгового капитализма. Никто не станет отрицать, что акционерные общества появились в XVII или даже в XV веке, но всякий будет сомневаться в том, что они в XV веке имели такую же сущность, такое же содержание, какое они имеют в XX веке. Если вы акционерные общества включите в круг своего изучения не тогда, когда это требуется нуждами понимания системы капитализма, а тогда, когда эти акционерные общества появились, вы несомненно выхолостите из данной экономической категории все ее содержание и оставите только форму.

Здесь много говорилось о том, что нужно изучать явления в их диалектическом развитии, что основным нашим методом является диалектика. Это, конечно, несомненно. Между тем мне кажется, что исторический метод изучения в степановском понимании исключает возможность широкого применения диалектического метода. То противоречия, которые двигают и развивают всю систему общественных отношений и отдельные ее звенья, возникают не в каждой общественной категории, взятой в отдельности, но внутри всей системы, взятой в целом. И если ваш метод, тов. Степанов, изолирует отдельные общественные категории от всей системы капиталистических отношений, вам не удастся понять всей системы в целом и уловить тех противоречий, которые здесь возникают, и тех движущих сил, которые имеет каждая система и, в частности, капиталистическая. Поэтому мне представляется, что ваш метод будет методом не диалектическим.

Т. Степанов почему-то боится слова „абстракция". Я совершенно не ожидал такого выступления от тов. Степанова вообще, а в частности сейчас, когда мы имеем широкий поход против абстрактной теории. Абстрактная теория вовсе не должна быть оторвана от реальной действительности. Она не представляет собой схемы, высосанной из пальца. Конкретная реальная жизнь бесконечно многообразна. Законы общественной жизни имеют слишком много частных проявлений и никогда не проявляются в таком виде, чтобы их можно было уловить путем простого наблюдения и описания. Поэтому ясно, что если вы хотите иметь дело не с поверхностными явлениями, если вы хотите изучать не только форму экономических категорий, а также и их содержание,— то вам придется отвлечься от этих конкретных проявлений и установить абстрактный закон, который проявляется в каждом отдельном случае, но который может преломляться в конкретной действительности, отклоняясь от своего идеала.

Когда вы говорите о первом и втором классе, то мне кажется, что вы не учитываете того, что нужно для перехода во второй класс. Прежде всего при этом нужно знать абстрактные законы, которые, конечно, нужно изучать в связи с капиталистической действительностью и на основе конкретного материала, а не как упавшие с неба схемы.

Стэн. Товарищи, мне кажется, что тов. Кон как раз подошел к тому основному вопросу, который составляет центральный пункт той дискуссии, которая сейчас поставлена в порядке дня.

Основной методологический вопрос заключается в том, чтобы осветить с точки зрения диалектического материализма соотношение исторического и логического. В этом отношении тов. Кон ухватил вопрос за „живое", и мне придется непосредственно его продолжать. Тов. Кон говорил, что нельзя излагать марксистскую теорию политической экономии в порядке исторического развития отдельных категорий. Отдельные категории, входящие в состав капиталистического общества, как элементы, конечно, существовали раньше. Маркс этот вопрос точно и недвусмысленно ставит в введении к „Критике политической экономии", имеющей непосредственное отношение к обсуждаемому вами вопросу. Маркс спрашивает: „Не имеют ли эти простейшие категории независимого исторического или естественного существования раньше более конкретных?" На этот вопрос он отвечает, что „деньги могут существовать и существовали исторически раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д. С этой стороны можно сказать, что простейшая категория может выражать собою господствующие отношения неразвившегося целого, которые уже существовали исторически раньше, чем целое развилось в том направлении, которое выражает конкретная категория. Постольку законы абстрактного мышления, восходящего от простого к сложному, соответствуют действительному историческому процессу". Простейшая категория, встречающаяся в более ранних общественных формациях, свой специфический смысл, свое конкретное выражение находит только в развитом товарно-капиталистическом обществе. Если в известном относительном смысле можно говорить о соответствии исторического порядка развития отдельных категорий, их логической связи в развитом капиталистическом обществе, то категории, выражающие его отношения, могут служить в некоторой степени ориентирующим началом для подхода к изучению предшествовавших общественно-экономических форм. Но отсюда ни в какой степени не вытекает тот вывод, что изучение остальных экономических форм есть необходимая составная часть марксистской теории политической экономии. Если анатомия человека дает ключ к анатомии обезьяны, то отсюда вовсе нельзя заключить о необходимости растворения анатомии человека в анатомии обезьяны, или наоборот. Что логическая структура марксовой теории политической экономии определяется соотношением отдельных категорий в развитом капиталистическом обществе—ясно из следующих слов Маркса: „Таким образом, совершенно неподходящим и ошибочным приемом было бы брать экономические категории в том порядке, в каком они исторически играли решающую роль. Наоборот, их порядок определяется тем отношением, в котором они стоят друг к другу в современном буржуазном обществе, при чем это отношение прямо противоположно тому, которое кажется естественным и соответствующим последовательности исторического развития. Речь идет здесь не о том месте, которое занимают экономические отношения исторически в чередовании различных общественных форм... Речь идет об их группировке в рамках современного буржуазного общества". Прав был т. Бухарин, когда он в своей речи указывал, что мы не имеем ничего против изучения об-

щественно-экономических формаций, предшествовавших капиталистическому обществу, а дело заключается в том, чтобы не смешивать закономерностей различных экономических форм в одну кучу. Марксистская теория политической экономии, как дальше заметил тов. Бухарин, отличается своеобразным „логическим свойством". Если порядок исторического развития категорий и их логическая связь в капиталистическом обществе не совпадают, то нельзя говорить о создании универсальной, однородной по своей логической природе, экономической науки. К вопросу о различии между теоретическим анализом и историческим исследованием экономических вопросов Маркс в первой части III тома „Капитала" замечает следующее: „В ходе научного анализа исходным пунктом образования общей нормы прибыли является промышленный капитал и конкуренция между ними, и только позже вносится поправка, дополнение и модификация вследствие вмешательства купеческого капитала. В ходе исторического развития дело обстоит как раз наоборот. Капитал, который сначала определяет цены товаров, более или менее по их стоимости, есть торговый капитал, и та сфера, в которой впервые образуется общая норма прибыли, есть сфера обращения, которая служит посредствующим звеном для процесса производства. Первоначально торговая прибыль определяет промышленную прибыль. Только после того, как внедрился капиталистический способ производства и производитель сам сделался купцом, торговая прибыль сводится к такой соответственной части всей прибавочной стоимости, которая приходится на долю торгового капитала, как соответственной части всего капитала, занятого в общественном процессе воспроизводства". Здесь мы имеем применение Марксом своей методологической постановки к частному вопросу.

Неправ был т. Покровский, когда он, цитируя предисловие ко второму изданию I тома „Капитала", говорил о необходимости различать способ исследования от способа изложения и на этом основании старался доказать существование марксовой политической экономии, как всеобщей исторической науки.

Покровский. Это не я говорю, а Маркс говорит.

Стэн. Маркса надо не только читать, но, читая, и понимать. В этом заключается, тов. Покровский, весь вопрос. Когда Маркс подходил к анализу капиталистического общества, он исходил из конкретных данных, материалов, дававших ему возможность обозреть экономику капитализма. Он исходил из т. называемого „первого конкретного", расчленял его на абстрактные категории и из них восстанавливал „второе конкретное"—познанную капиталистическую действительность. Нельзя абсолютно противопоставлять метод изложения методу исследования. Метод изложения у Маркса есть вторая часть метода исследования. Задача Маркса заключалась не только в том, чтобы анализировать, разложить на абстрактные определения капиталистическую экономику, но и в том, чтобы из этих абстрактных определений синтезировать капиталистическую действительность. В этом отношении ход изложения отдельных категорий в „Капитале" вскрывает вторую часть метода исследования. Если в I томе „Капитала" мы имеем анализ производства капитала, а во II томе анализ процесса обращения капитала, то

в III томе Маркс нам дает развернутую познанную капиталистическую действительность. У Маркса, т. Покровский, имеется исторический подход, но исторический подход в определенных рамках. Если же исторический подход толковать таким образом, что политическая экономия превращается в теорию хозяйства вообще, то историческое как раз исчезает. Маркс же диалектически историческим подходом устанавливает особенные свойства капитализма. Совершенно неправ был выступавший здесь Богданов, зачислявший экономический анализ феодализма и других общественных экономических формаций в марксовую теорию политической экономии только на том основании, что, видите ли, и при анализе феодализма нам приходится применять абстрактвый метод. Дело вовсе не в этом. Ведь как Степанов, так и Богданов заявляют себя сторонниками абстрактно-аналитического метода. Дело заключается в логическом содержании этого анализа, отражающего определенный тип связи данной общественно-экономической формации. Только исходя из этого содержания мы можем отграничить одну науку от другой. Ведь иначе, если исходить из того, что абстрактный анализ применим ко всем экономическим формам, то ведь и исследование природы придется зачислить в экономическую науку, ибо и тут мы не обходимся без абстрактного метода. Вычеркивая анализ содержания, рассмотрения качественной стороны данной формы общества, мы создаем богдановскую всеобщую организационную экономическую науку. Методологически в этом отношении Степанов целиком стоит на почве Богданова.

Прав был т. Осинский, когда он заметил, что Степанов создает своеобразную историческую школу политической экономии. Тов. Степанов исходил из совершенно правильного положения, что нам, как практическим материалистам, т.-е. коммунистам, для того, чтобы действовать надо вещи знать, как они есть. Но когда мы начинаем действовать и производим изменение мира, является опасность сосредоточить свое внимание только на отдельные вещи, изменением которых мы заняты, и упустить из виду общую закономерность. Когда мы изменяем вещь, мы подходим к ней так близко, что становится трудным заметить ее общие связи, ее опосредствования с другими вещами. Ревизия тов. Степанова как раз отражает эти настроения и это положение, создающееся в связи с нашей практической деятельностью, изменяющей мир. Чтобы правильно действовать, недостаточно иметь представление об отдельных вещах, а необходимо знать законы развития. Если мы имеем капиталистическое общество, капиталистический способ производства, то нельзя говорить о том, чтобы на равных теоретических правах производить анализ всех сохранившихся в капиталистическом обществе других общественно-экономических укладов. При условии господства капитализма закономерность развития остатков прежних общественно-экономически формаций, как-то: патриархального хозяйства, феодализма и др., подчиняется основной, господствующей закономерности капиталистического развития. Поэтому, если мы в своей практической деятельности должны принять в расчет остатки прежних экономических формаций, то их настоящую роль можно выяснить только на основе знания общих законов капитализма, подчиняющих себе эти остатки.

Сапожников. Вопросы, которые затронуты тов. Степановым в его докладе, уже нашла себе в выступлениях предыдущих оппонентов достойный ответ. Мне лично хотелось бы коротко затронуть два момента: во-первых, определение предмета политической экономии и, во-вторых, вопрос о сочетании конкретного с абстрактным в методе марксизма. Степановское определение предмета политической экономии прежде всего, обходит, игнорирует основное требование со стороны научной методологии: точно отграничить предмет данной науки от предметов других дисциплин, дабы не смешивать различные ряды явлений. И только изучив данный ряд явлений в их „чистом" виде (конечно, беря их в развитии и пр.), необходимо дальше связать их с рядом других явлений, служащих предметами других наук. А тов. Степанов этому правилу в определении предмета полит. экономии как раз и не хочет следовать.

Далее, беря предметом марксистской политэкономии историю экономических отношений вообще, тов. Степанов по существу рассматривает ее вслед за Богдановым, как науку о трудовых отношениях вообще. Но с точки зрения методологии Маркса совершенно неверно сваливать в одну кашу общество организованное и общество неорганизованное, ибо они управляются различными законами и далее так как в основе экономики неорганизованного, т.-е. товарного, общества лежит закон стоимости, тогда как общество организованное, где товарное производство отсутствует, управляется и регулируется, конечно, не этим законом.

Теперь, как понимали предмет политической экономии Маркс и Энгельс. Тов. Степанов приводил слова Энгельса из «Анти-Дюринга» о том, что политической экономии в широком смысле слова еще нет и что она должна еще быть создана. Но ведь следом за этим Энгельс указывает, что сейчас задача политэкономии в том, чтобы показать возникновение, развитие и умирание капитализма. Любопытно, что Маркс в предисловии ко 2-му изданию первого тома „Капитала" указывает, что политическая экономия, как наука, возникает только с момента развития буржуазного общества. „Но,—подчеркивает он,—едва наступили условия, при которых буржуазная наука политической экономии казалась возможной, как она уже снова сделалась невозможной", именно в силу того, что она не могла научно осмыслить противоречия капитализма и неизбежность его уничтожения. Это значит, что буржуазная политическая экономия рассматривала буржуазное общество в абстрактном виде, как вечную категорию, не беря его в развитии, не беря его, как процесс, который приводит к уничтожению себя и замене социализмом. Не следует ли из этого, как полагает тов. Степанов, что нужно отказаться от марксистской политической экономии, как науки о законах, управляющих производством и обменом развитого товарного, т.-е. капиталистического, общества и поставить знак равенства между политической экономией и историей хозяйственных форм и т. д.? Совсем напротив. Именно марксистская, т.-е. пролетарская политэкономия должна поставить своим предметом изучение законов капитализма и тенденций его гибели, и только постольку, поскольку

другие формы общества порождают капитализм и продолжают существовать внутри его в том или ином виде, марксистская полит-экономия должна брать и их и изучать их возмущающие влияния.

Далее, поскольку политическая экономия Маркса есть наука, изучающая производство и обмен капиталистического общества, но не как вечную форму, а в его противоречивом движении, и указывает его гибель и т. д., постольку она является и критикой политической экономии, потому что она показывает, исторически преходящий характер капиталистического общества, с уничтожением которого теряется и надобность в политической экономии, как теоретической науки, изучающей общество, в основе которого лежит и управляет закон стоимости. Тов. Степанов, в подтверждение правоты своей точки врения, ссылается на спор Ленина с Плехановым по вопросу о программе. Но что доказывает этот спор? Отнюдь не то, что Ленин отвергал необходимость абстрактной политической экономии, как науки о законах развития и падения капитализма. Напротив того, Ленин подчеркивал необходимость именно так понимать и обстоятельно штудировать эту марксову науку. Но это первый класс марксистской науки. Чтобы перейти во второй класс и дать программу пролетарской партии борющейся за власть, нужно пойти дальше и, опираясь на теорию полит-экономии, разобрать законы конкретного капитализма и условия борьбы с ним. Таким образом, без первой ступени не было бы второй. Пусть тов. Степанов докажет нам, что Ленин не понимал политической экономии, как науки о законах развития и смерти капитализма. Он этого не докажет. Любопытно вспомнить, что Ленин в споре с народниками в своей работе „Что такое друзья народа", возражая народникам—Михайловскому и другим,—определенно указывал, что задача Маркса в области исследования экономических законов заключалась именно в том, чтобы изучить законы движения капиталистической формации общества.

Тут мы подходим к вопросу о методе Маркса в политэкономии, в частности, к вопросу о соотношении в нем конкретного и абстрактного. Как он стоит у Степанова у и Маркса? Тов. Степанов говорит: „Метод Маркса есть диалектическое единство абстрактно-аналитического и конкретно-исторического метода". Но ведь сказать так,—это значит, во-первых, приравнивать конкретное описательно-историческому, а во-вторых, не понимать соотношения конкретного и абстрактного у Маркса. Для Маркса абстрактное должно оставаться на почве конкретного, фактического, исторического, а конкретная истина есть всегда результат сложнейшей аналитическо-синтетической работы. Об этом Маркс прямо говорит во введении „К критике полит-экономии".

Опираясь на свой метод, Маркс в своем „Капитале" и во всех своих работах шел следующим путем: он берет сырой материал фактов пестрой действительности, извлекает из него ту область явлений, которые его интересуют, отбрасывает затем видимость и берет сущность явлений; изучает затем формы ее проявления в их чистом движении, особенности и взаимодействии. А дальше что? А дальше он начинает показывать, как эти взятые в чистом виде законы, например, капитализма, видоизменяются наличием других хозяйственных структур,

которые тоже осталась в недрах капитализма от прошлого, как затем на целый ряд капиталистических экономических категорий оказывают влияние недостройки и „возмущающие влияния". Возьмем теперь Ленина. Но тов. Степанову выходит, что если не стать на его точку зрения, то нельзя ни понять, ни отнести к теории политической экономии такие работы Ленина, как „Развитие капитализма в России", „Империализм" и проч. Мы думаем, что наоборот: они именно, пользуясь тем же методом, что и Маркс, являются продолжением марксовой политической экономии, применением ее к изучению уже не капитализма в чистом виде, а капитализма в определенной стране, в определенную эпоху. При этом Ленин пользовался именно методом Маркса, умеющим пользоваться силой абстракции, оставаясь на почве действительности, и умеющим благодаря этому найти истину, соответствующую действительности и представляющую венец сложнейшей анализо-синтетической работы.

Таким образом, те положения, которые развивал тов. Степанов, и те возражения, которые он выставлял по отношению к своим противникам,—не могут найти себе почвы ни в работах Маркса ни в работах Ленина.

Крицман, Л.Н. Товарищи, от доклада тов. Степанова у меня получилось такое впечатление, что в основе его построения лежит неправильное применение, неправильный вывод из диалектического характера познания вообще. Дело в том, что каждая истина, разумеется, конкретна. Это положение общеизвестно. Но, с другой стороны, конкретное познается, т.-е. усваивается, мышлением не непосредственно. Непосредственно как конкретное оно дано в представлении, но в этом виде представляет лишь исходный пункт познания. Чтобы мышление усвоило себе конкретное, как таковое, для этого нужна предварительная работа абстракции, разложение конкретного на определенные элементы. Только после этого возможно усвоение конкретного мышлением через посредство воспроизведения его из абстрактных элементов [1]).

Тов. Степанов основывается на том, в сущности, правильном положении, что теоретический разбор действительности не заканчивается построением абстрактной системы. Это есть только п е р в ы й шаг теоретической работы. Положение это само по себе правильно. Можно самую конкретную вещь разобрать теоретически, если только ее разложить на ее составные элементы и построить ее вновь из известных абстрактных положений. Но тов. Степанов отсюда сделал другой вывод, который тов. Бухарин обозначил как универсализацию категорий капиталистического общества, как попытку распространить их на все развитие человеческого общества. Может быть, я тов. Степанова неправильно понял, но попытка построить политическую экономию, как науку, охватывающую все эпохи человеческого общества, на мой взгляд, неправильна. Она не может не натолкнуться на то препятствие, что в разные эпохи своего развития человеческое общество представляет собой нечто совершенно различное, и поэтому совершенно невозможно

[1]) См. К. Маркс. „Введение к критике политической экономии".

на основании одних и тех же законов познать эти различные эпохи. Тут целый ряд товарищей указывал, что те категории, которыми мы пользуемся в политической экономии, ничего не могут дать, если мы перенесем их в докапиталистическое общество, в первобытное общество, ибо там они познавательно не применимы. Воспроизвести конкретное из абстрактного возможно лишь в том случае, если абстракции получены из того (принципиально) конкретного материала, для воспроизведения которого они должны послужить. Таким образом, вывод, который сделал тов. Степанов, по-моему, совершенно неправилен.

Разумеется, разграничение различных эпох условно. В каждой данной эпохе имеются зародыши будущего, имеются остатки прошлых эпох, но все же любая эпоха имеет нечто основное, для нее характерное, и в соответствии с этим первый шаг теоретического познания связан с анализом того основного содержания, которое данную эпоху характеризует. Политическая экономия есть теоретическое выражение эпохи капитализма, поэтому ее теоретическая система есть теоретическая система капитализма. Я поэтому думаю, что теоретические выводы, которые делает тов. Степанов, неправильны. Необходимо, однако, отметить еще одно обстоятельство. Я не был во время речи тов. Осинского, но, как говорят, он охарактеризовал выступление тов. Степанова, как попытку построить историческую школу марксизма. Мне кажется, что здесь такая тенденция имеется. И она является реакцией на то явление, которое наблюдается в нашей действительности. У нас существует, с одной стороны, тенденция вообще изгнать теорию как систему, под видом установления связи ее с практикой, а, с другой стороны, тенденция к абсолютно „чистой“ теории. Познание ценности теории может быть обнаружено только на практике. В конце-концов, то познание оказывается правильным, которое дает правильные практические результаты.

С другой стороны, ценность метода, который составляет основную часть всякой теории, также выявляется лишь в применении этого метода. Но что получается в том случае, если метод не применяется, а если им занимаются сами по себе? В этом случае метод превращается в свою противоположность, он превращается по сути дела в неподвижную систему, которая представляет собой метод, лишенный того, что в нем существенно, метод, который не применяется, как метод. И вот, у нас в действительности наблюдается такая тенденция, связанная с известным, на некоторое время неизбежным попутным явлением нашей действительности. Дело в том, что у нас сейчас существует целая категория людей, специализировавшаяся на том, чтобы метод марксистский не применять, а излагать. У нас значительная масса людей занимается чисто педагогической деятельностью, а это накладывает известный отпечаток на характер изложения марксистской политической экономии, ибо люди эти практически в своей работе имеют дело не с методом, а с системой. Это явление есть результат нашего роста, ибо не что иное, как громадная потребность колоссальных масс в усвоении марксистской теории вызывает такое одностороннее направление громадного количества сил в эту сторону.

А с этим связан, по-моему, определенный характер в изложении марксистской политической экономии у очень многих товарищей. Мне кажется, что в известной мере выступление тов. Степанова является реакцией против этого явления.

Смирнов, В. М. Товарищи, я, к сожалению, не был на докладе тов. Степанова и только между прениями успел просмотреть тот доклад, который был им в прошлый раз прочитан здесь.

Насколько я понял, два основных положения, которые выдвигает тов. Степанов, заключаются в следующем:

Во-первых, предметом политической экономии могут быть не только производственные отношения капиталистического общества, но и производственные отношения других общественных формаций.

Во-вторых, что при изучении и капиталистического общества действительной политической экономией мы можем назвать только ту, которая изучает это общество во всей его конкретности, в совокупности со всеми пережитками прежних экономических формаций.

Определив так предмет политической экономии, тов. Степанов энергичнейшим образом возражает против абстрактного метода и в заключительной части своего доклада приходит к выводу, что защита абстрактного метода в политической экономии является возвратом к Рикардо и даже „неосознанным троцкизмом в теории".

Так это или не так — об этом поговорим потом. Пока же отметим, что Рикардо жил в те времена, когда тов. Троцкого не было на свете, и что если в области политической экономии он применял абстрактный метод исследования, то происходило это не потому, что он был троцкистом, а потому что в той области, которую он изучал, были, очевидно, какие-то особенности, которые и заставили его прибегать к абстрактному методу, как то было и с физиократами, и с Адамом Смитом, и с Марксом.

В чем тут дело? Почему в политической экономии, которая изучала капиталистическое общество, нужно было так или иначе прибегать к абстрактному методу?

И вот мне кажется, что тов. Степанов не обратил внимания на характернейшую особенность капиталистического общества. Он считает что капиталистическая экономия есть наука, изучающая производственные отношения людей всякого общества, и забывает при этом то, что в капиталистическом обществе эти производственные отношения людей принимают форму отношения вещей, выражаются в виде свойств вещей и только в таком виде непосредственно воспринимаются участниками производственного процесса. Если так, то понятно, почему для изучения производственных отношений капиталистического общества, прежде чем перейти к их конкретному описанию, необходимо прежде всего снять с них видимость вещественных отношений, потому что предварительно нужно понять, что означает превращение производимых продуктов в товары, появление особого свойства продукта — стоимости. Как бы вы конкретно не изучали капиталистическое производство, вы никогда не сумеете при помощи конкретного описания розобраться в этих явлениях, не установив предварительно при помощи

абстрактного метода, какие производственные отношения скрываются за такими категориями капиталистического общества, как ценность, капитал, прибыль и т. п. Политическая экономия, изучающая капитализм, неизбежно должна была пользоваться абстрактным методом, более того, именно абстрактный анализ категорий капиталистического общества и являлся до настоящего времени содержанием той политической экономии, которую мы знаем.

Не приняв в соображение этого обстоятельства, тов. Степанов приходит к весьма опасным выводам. Так, например, для того, чтобы показать необходимость конкретного изучения, он говорит, что понимание денежной формы стало возможным только после того, как были изучены формы обмена у дикарей. Я останавливаюсь в совершенном изумлении перед этим утверждением. Ведь загадку денежной формы вскрыл отнюдь не дикарь, а Маркс, и именно на основе анализа капиталистических отношений. Иначе и быть не могло: при натуральном обмене продуктами денежная форма находилась в самом зачаточном, неразвитом виде, и понять ее смысл было, конечно, нельзя. Сделать это можно было только тогда, когда эта форма стала господствующей всеобщей формой, а тогда прибегать к анализу обмена у дикарей совершенно необязательно: продавцы холста и сюртуков, фигурирующие в „Капитале" Маркса, отнюдь не дикари. А именно так и понимает дело т. Степанов и тем, в сущности, предлагает вместо анализа развития форм стоимости заняться описанием обмена в различных исторических формациях. Это—прямая дорожка к исторической школе в политической экономии.

И с этой точки зрения он обрушивается на абстрактный метод. По его словам выходит, что абстрактный метод в политической экономии заключается в том, что автор, ничего не зная о конкретной экономике, на основе нескольких априорных положений, выводит законы капиталистического общества. Это, конечно, совершенно неверно. Возьмите хотя бы Рикардо, построение которого, на первый взгляд, как бы более всего подходит под это определение. Для всех, однако, ясно, что эти построения основываются на весьма глубоком знании современной ему экономической действительности, с одной стороны, и являются необходимым ключем для настоящего положения действительности—с другой. У Маркса даже и по форме видно, что все его построение есть целиком и всецело обобщение фактов капиталистической действительности, что его теория вытекает не из общих свойств человеческой природы, а из конкретных фактов определенной исторической эпохи—капитализма. Историзм и „абстрактный" метод находятся здесь в гармоническом сочетании. Но тов. Степанов перескакивает здесь на другой вывод, целиком, как уже отмечалось другими авторами, отбрасывающий его на точку зрения исторической школы, пытающейся теоретические исследования заменить простым описанием явлений. „Вы хотите знать, что такое современный капитализм,—спрашивает он,—я отвечаю, что для этого нужно изучить конкретно, в каких странах производятся сырые материалы, необходимые для производства развитых капиталистических стран, в каких местах они сбы-

вают свои продукты, каковы их естественные богатства и т. д." Конечно, все это вещи очень полезные и нужные, но если вы будете знать только это, то ни взаимной связи этих явлений, ни тенденций их развития вы не поймете.

А это и есть точка зрения простого описания, точка зрения исторической школы.

Тов. Богданов ставит вопрос обратно: „Абстрактный метод,—говорит он,— необходим, но ограничиваться им нельзя. Надо, пользуясь им, подходить к изучению конкретной экономической действительности, и только это может быть названо работой по политической экономии". Конечно, правильно, что знание „Капитала" Маркса не дает еще знания хотя бы русской экономики даже довоенного периода. Но делать отсюда вывод, что только то произведение можно назвать работой по политической экономии, которое занимается конкретным изучением экономических фактов, это значит выключить и Смита, и Рикардо, и Маркса из числа творцов политической экономии или, в лучшем случае, признать их таковыми лишь постольку, поскольку в их работах в качестве иллюстраций к их теоретическим построениям дан тот или иной фактический материал, признать, что вся классическая политическая экономия являлась не политической экономией, а лишь разработкой метода политической экономии. Тов. Богданов и становится на этот путь, насилуя все исторически сложившееся понимание термина политической экономии, имеющее, как вы видели выше, полнейшее теоретическое оправдание в той основной особенности капиталистического общества, которая называется товарным фетишизмом.

И ему вторит тов. Степанов: „Помилуйте, говорит он, ведь, с вашей точки зрения такое гениальное произведение, как „Развитие капитализма в России" Ленина, является только работой по прикладной экономике". Можно выразить по поводу этой тирады только величайшее изумление: откуда у тов. Степанова, марксиста и коммуниста, прекрасно знающего, что задача всякого знания, всякой теории сугубо практическая, такое пренебрежение к прикладной науке, что работу над ней он считает недостойной гениального человека. На вопрос т. Степанова мы можем ответить с полным спокойствием: да, работа Ленина—работа по прикладной экономике, и она не могла бы быть проделана без работы Маркса по теоретической экономике. Но работа над столь „низким" предметом ни в малейшей степени Ленина унизить не может. Ленину и РКП, которые вели революционную работу в России, надо было, конечно, конкретно знать и конкретно изучать те конкретные условия, в которых им приходилось работать, и прикладная работа Ленина легла в основу всей деятельности партии, под руководством которой начался социалистический переворот в мировом масштабе. По-моему, этого совершенно достаточно даже и для гениального человека, и мы можем совершенно спокойно пройти мимо трагической тирады т. Степанова.

Скворцов-Степанов. (Заключительное слово). Товарищи, сегодня я настолько болен, что мне не следовало бы выступать. Да, я мог бы отказаться и от заключительного слова. Мой доклад пойдет в печати

в том самом виде, как я здесь прочитал его. Я внес в корректуру буквально только одну короткую фразу, резюмирующую один отдел доклада. А затем в „Вестнике Коммунистической Академии" доклад будет напечатан вместе с сделанными против него здесь возражениями. Беспристрастные сопоставления убедят вас, что эти возражения были направлены против кого и чего угодно, но только не против меня и моего доклада. Вот вам пример. Оппоненты один за другим повторяют: надо бороться с историзмом в политической экономии, надо всеми силами защищать абстрактно-аналитический метод, так как Степанов значительнейшим образом отвергает его или относится к нему пренебрежительно. Читая мой доклад, читатели удивятся: ничего подобного у меня нет. Напротив, я много раз настойчиво повторяю: абстрактные категории, которые мы получаем, взяв капитализм в воображаемом чистом виде, представляют высокую познавательную ценность,—они дают ключ к пониманию действительности. Что же, товарищи, неужели вы хотите сказать, что я признаю ненужным тот ключ, который служит к познанию действительности? Но каким образом мы получаем этот ключ? Абстрактным анализом. Так к чему же защищать вам политическую экономию от грядущей в моем лице „исторической школы"?

Осинский. Вы же ругаете Рикардо!

Степанов-Скворцов. Тов. Осинский, я Рикардо не ругаю, а сказал о нем в докладе буквально следующее: „Рикардо мог определять политическую экономию, как науку об абстрактных законах капитализма: в такой ее разработке была великая сила Рикардо, это дает ему право на одно из почетнейших мест в истории нашей науки".

Дволайцкий. Вы применяли это только к Рикардо.

Степанов-Скворцов. Теперь насчет троцкизма. Я не хотел к этому возвращаться. Но позвольте мне прочитать вам хотя бы одно место: „Методология меньшевизма характеризуется отказом от марксистской диалектики и возвратом к буржуазной метафизике... Вместо того, чтобы ставить практически и конкретно—по-революционному—вопрос о новой полосе капитализма и о необходимости разрушения буржуазного строя и борьбы за диктатуру пролетариата, теоретики II Интернационала рассуждали о капитализме и демократии вообще, о „мирном врастании" и классовой борьбе вообще, отодвигая историческую задачу пролетариата в неопределенное будущее. Таким образом, вместо того, чтобы, пользуясь диалектическим методом Маркса, развивать революционную теорию применительно к новой исторической эпохе и борьбе пролетариата за власть, вместо этого меньшевики опошляют эту теорию, подменяют ее пустыми догмами, схематикой, бессодержательной абстракцией, метафизической эклектикой".

Товарищи, не находите ли вы, что здесь есть нечто, напоминающее некоторые положения моего доклада? Но я говорил о троцкизме, в этой же статье говорится о меньшевизме и на дальнейших страницах о II Интернационале. Но это пишет тот самый тов. Сапожников, который здесь выступал против меня. И где он это пишет? Он пишет в „Большевике" за 1924 г., № 15—16, стр. 136. Значит то, что повво-

лительно писать в „Большевике", это непозволительно говорить в Коммунистической Академии.

Голос с места: он старый эсер.

Я не знаю.

Голос с места: вот именно, что вы не знаете.

Вы хотите сказать, что я говорю то, что говорится эсерами? Я говорю то, что печатается в „Большевике". Идем дальше. Защита абстрактно-аналитического метода от меня представляется по меньшей мере недоразумением, потому что доклад ясно обрисовывает мое отношение к нему. Вопрос ведь только таков: результаты, которые вы получаете абстрактно-аналитическим методом—являются ли они орудиями науки, или же они составляют все содержание науки теоретической политической экономии? Я отвечаю: это—орудия, но они еще не дают всего содержания теоретической политэкономии, не дают всего содержания экономической науки. Я говорю: совокупность тех результатов, которые получаются абстрактно-аналитическим методом, и тех результатов, которые получаются от применения этого орудия, и составляют теоретическую науку политэкономии.

Дальше тов. Бухарин очень остроумно говорил о той нелепости, которая приключилась со мной, когда я, начав лекции по политэкономии, завяз на феодализме и дальше не сдвинулся. Это смешно. Но это было весной 1920 г... Это было в разгар гражданской войны, когда многие тов., начав курс, вынуждены были прерывать его, где придется. Уж если вспоминать об этом, вспомним и о другом. Те мысли о политической экономии, которые я развивал здесь, изложены в одной статье, напечатанной в журнале „Коммунистическая революция" еще осенью 1922 года и в статье „Правды" того же времени, представляющей краткое ее изложение. Уже там я указывал на стремление выделять из „Капитала" Маркса только абстрактнейшие главы и показал, к чему это привело. Вы, верно, помните, как свердловцы, у которых весь курс составлял тогда 6 месяцев, почти все время ухлопывали на вопрос о том, что такое труд производительный и что такое труд непроизводительный.

Двойлайцкий. Непроизводительнейшее занятие.

Степанов-Скворцов. Да, я тоже думаю, что в их положении это был непроизводительнейший труд, как правильно мне подсказывают. И выходило так, что свердловцы, еле-еле разобравшись в том, что такое производительный и непроизводительный труд, отправлялись на фронт. Но ведь нам нужны не такие анекдоты, нам надо разобраться в деле.

В прошлый раз я рассказывал вам о странных учебниках политэкономии. У нас много развелось теперь закройных дел мастеров по части учебников. Но вот перед вами учебник тов. Михалевского. Общее впечатление таково, что это отнюдь не закройных дел мастер, что это вдумчивый, добросовестный работник. Но то, что у него получилось, тесно, логически связано с модными теперь воззрениями, будто политическая экономия—наука о закономерностях только абстрактного капитализма. Михалевский чувствует, что в эту политэкономию не укладывается многое такое, безусловная необходимость чего для него вне

сомнений. Как он вышел из такого положения? У него появилось две части: одна часть чисто описательная, другая теоретическая. Первая описательная в самом узком смысле. Экономист-теоретик должен овладеть, полагаю я, и техникой. Но техника не укладывается в абстрактные категории чистого капитализма Михалевского и ее нет в теоретической части. Его капитализм без технического базиса. Несчастье его в том, что он—жертва моды. Империализм отнесен у него к теоретической части. И здесь ничего нет о том техническом базисе, на котором развился финансовый капитал. Но тот, кто не видит технической базы империализма, теоретически не понимает последнего.

Дволайцкий. Это—простой промах.

Степанов-Сиворцов. Нет, тов. Дволайцкий, в таких промахах есть система, и если вы посмотрите на теперешние учебники политической экономии, то скажете, что такие „промахи" действительно составляют систему. Дальше, тов. Бухарин, защищая в прошлый раз иные, чем я, воззрения на предмет и метод политической экономии, между прочим зачем-то решил взять под свою защиту взгляды, о которых я выразился резко,—что это „чепуха и безграмотность". Именно, в одном учебнике политической экономии, который еще не появился из печати, говорится о „первоначальном капиталистическом накоплении". Защищая это выражение, тов. Бухарин говорит, что толкуем же мы о „первоначальном социалистическом накоплении". Когда тов. Покровский крикнул: „нельзя говорить о первоначальном капиталистическом накоплении, можно говорить о первоначальном накоплении капитала",—тов. Бухарин заявил, будто тов. Покровский сдает позиции. Это—вовсе не сдача позиций хотя бы потому, что и Энгельс употребляет выражение первоначальное накопление капитала. Но нельзя говорить о первоначальном капиталистическом накоплении: л и б о первоначальное, либо капиталистическое. Первоначальное накопление в смысле Маркса, это—когда непосредственный производитель отделяется от средств производства, превращающихся в капитал. Реального накопления здесь нет. Поэтому Маркс и говорит о „т а к н а з ы в а е м о м" первоначальном накоплении. После того, как возник капитал, начинается уже капиталистическое накопление. А теперь,—что такое первоначальное предсоциалистическое (но отнюдь не социалистическое) накопление? У Маркса уже дана его концепция, которая прямо напоминает о гегелевской триаде. У нас оно развернулось, главным образом, в 1917—1918 годах. Это была национализация земли и крупной промышленности. Первоначальное предсоциалистическое накопление в основных чертах пока завершилось, а теперь идет, главным образом, уже не п е р в о н а ч а л ь н о е п р е д с о ц и а л и с т и ч е с к о е накопление,—оно осуществляется преимущественно методами ведомства Сокольникова,—а идет с о ц и а л и с т и ч е с к о е накопление. В эпоху военного коммунизма, когда мы склонны были говорить о гегемонии промышленности, еще можно было толковать, будто первоначальное предсоциалистическое накопление все еще продолжается. Но говорить о первоначальном социалистическом накоплении, будто оно идет и теперь, не согласуется с общим характером нашей экономической политики, не согласуется и с нашими отноше-

ниями к деревне,—не согласуется и с статьями тов. Бухарина против тов. Преображенского. Вы видите, что спор идет как будто о пустяках, о словах, но за словами открывается нечто очень реальное и очень существенное.

Я не совсем понимаю постановку вопроса у тов. Бухарина. Мне приходится больше всего останавливаться на нем, потому что сегодня в основных чертах были повторены его прошлые возражения.

Он говорил: Вот Степанов сидит у себя в комнате и не понимает, с какими реальными опасностями нам приходится бороться. А нам приходится бороться с теоретиками II Интернационала, нам приходится поэтому строить свою политическую экономию таким образом, чтобы мы могли бороться именно со II Интернационалом. Товарищи, для меня совершенно непонятно, как будет тов. Бухарин вести эту борьбу. Если II Интернационал говорит, что политэкономия до той поры остается наукой, пока она работает абстрактно-аналитическим методом, я как раз и указываю, каким способом бороться с этой политической экономией. Этой экономической науке II Интернационала, которая явным образом направлена против революции, этой политической экономии, говорю я, необходимо противопоставить действительную политическую экономию Маркса, ту политическую экономию, которая изучает современный капитализм, для которой абстрактные категории чистого капитализма служат орудием. Между прочим, тов. Бухарин в подтверждение своего понимания приводил следующую цитату из Ленина. К сожалению, других его цитат я не мог найти, потому что они не попали в стенограмму его речи. Вот его цитата: „Теория реализации есть абстрактная теория, показывающая, как происходит воспроизводство и обращение всего общественного капитала. Необходимыми посылками этой абстрактной теории является, во-первых, абстрагирование внешней торговли, внешних рынков. Но абстрагируя внешнюю торговлю, теория реализации отнюдь не утверждает, чтобы когда-либо существовало или могло существовать капиталистическое общество без внешней торговли. Во-вторых, абстрактная теория реализации предполагает и должна предполагать пропорциональное распределение продукта между различными отраслями капиталистического производства... Но, предполагая это, теория реализации отнюдь не утверждает, что в капиталистическом обществе продукты всегда распределяются или могут распределяться пропорционально". Очень хорошо. Никто никогда не отрицал, что теория реализации, которая дана во II томе „Капитала",—абстрактная теория реализации. Но как будто все еще мало содержащихся в цитате указаний на тот счет, каким образом эта абстрактная теория реализации применяется к изучению реальных отношений, Ленин в примечании к этому месту особенно еще раз указывает: „Излагая абстрактную теорию, надо указать на те противоречия, которые присущи действительному процессу реализации". („Собрание сочинений" т. II, стр. 482—483). Это как раз совпадает с тем, на чем я настаиваю в своем докладе. Не сидите, не оставайтесь в этом приготовительном классе, на этом первом курсе. Эта абстрактная теория реализации, развитая во II томе „Капитала", еще не дает вам

теоретического познания современной экономики, еще не представляет, вопреки тому, что говорил тов. В. М. Смирнов, всей науки; изложив абстрактную теорию реализации, надо указать на те противоречия, которые присущи действительному процессу реализации.

Двойлайцкий. Вы предлагаете абстрактную теорию действительности.

Степанов-Скворцов. Совершенно верно. В моем докладе неоднократно подчеркивается: „господствующая экономическая форма современности—капитализм", „современная экономическая эпоха характеризуется господством капитала". Уже этого достаточно, чтобы сказать, что я не являюсь представителем какой-то „исторической школы" в марксистской политической экономии. Всякий понимает, что в устах марксиста означают слова: „современная экономическая эпоха характеризуется господством капитала". Это означает, что первенствующее значение для нас имеет именно „первый курс" политической экономии, познание абстрактных категорий капитализма. Но, познав только это, мы, по всей вероятности, блуждали бы в потемках, в частности, не знали бы, где искать союзников. Но как раз ближайший подход к действительности раскрывает в ней не только капитализм, но и остатки феодализма, которые с величайшей убедительностью показывают, где нам искать этих союзников. Здесь, впрочем, мне достаточно будет напомнить вам известные места из II „Ленинского сборника", в котором так ярко обрисовались противоречия между абстрактным Плехановым и учитывающим современный капитализм Лениным. Сказав, что современность характеризуется господством капитала, я тем самым уже сказал, какое первенствующее значение имеет познание стоимости и прибавочной стоимости и тех форм, какие они принимают в капиталистическом обществе. Следовательно, возражения, которые делал тов. Стен,—мнимые возражения, они бьют мимо цели. Все это имеется в моем докладе. Между прочим, тов. Преображенский привел несколько цитат, которые должны опровергать меня. Но в действительности они являются для меня дополнительным подтверждением. Помнится, товарищ же Преображенский говорил, что политическая экономия, которая теоретически охватывала бы по Энгельсу различные эпохи хозяйства, еще только должна быть создана, но она не будет создана, так как для этого не будет времени. А теперь такой политической экономии нет. Однако, посмотрите, что говорит Энгельс о политической экономии Маркса. Она не является только учением о внутренних закономерностях капитализма. Нет, он берет за последний пункт феодализм, потом дает теорию развития феодализма в капитализм, а затем показывает, каким образом капитализм должен превратиться в свою собственную противоположность, в социализм. Так вот чем является марксова политическая экономия. Она охватила феодализм, капитализм и превращение капитализма в социализм. Нельзя изображать дело таким образом, как его изображает т. Бухарин: будто политическая экономия историческая наука только в том смысле, что капитализм представляет лишь историческую преходящую форму. Это значит излагать не всего Маркса, не всего Энгельса, это вначит преднамеренно обходить те

ясные цитаты и те связи, которые приведены и установлены в моем докладе.

Не знаю, товарищи, часто ли бывали в Коммунистической Академии такие доклады, которые в печатных гранках раздавались бы вероятным оппонентам за 4—5 дней до доклада.

Дволайцкий. Раньше не было.

Степанов-Сиворцов. Ни разу не было. Значит, товарищи, мой доклад—первый такой доклад. Если бы я что-нибудь спарлатанил с цитатами или их толкованием, воображаете вы, как бы в таком случае со мною расправились. Конечно же, за этот срок мои цитаты проверили, и конечно же нашли, что они правильны. И когда перед читателями будет мой доклад и возражения моих оппонентов, у читателей получится удивительное впечатление: противники не бьют моего доклада, они возражают кому-то другому. Тов. Бухарин приписывает мне универсализацию категорий капитализма. Кто-то другой, а я меньше всего склонен их универсализировать: об этом ясно говорит мой доклад. Во время возражений тов. Бухарина я сделал один не совсем правильный цвишенруф (Zwischenruf). Когда тов. Бухарин говорил: „а когда хвостиков обмена не останется, что же останется от капиталистических категорий?" Я ответил: „Ничего". Конечно, от капиталистических категорий ничего не останется, но это было понято, будто бы для теоретической политической экономии ничего не останется. Нет, тт., для теоретического анализа останется очень много, хотя бы обмен был сведен до таких размеров, как в феодальную эпоху, когда он играл незначительную роль. Когда преобладающим было феодальное хозяйство, тогда решающую роль играло производство не стоимости, а потребительной стоимости. В противоположность капиталистической эпохе феодальная эпоха характеризуется как раз почти полной неразвитостью обмена. И тем не менее теоретический анализ этой эпохи возможен. Этим анализом занимались Маркс и Энгельс и дали ряд положений, которые мы и теперь признаем правильными. В том „Курсе политической экономии", который я писал вместе с тов. Богдановым, посмотрите мои отделы о феодализме, ремесле, крепостнической эпохе: вы должны будете признать, что тут установлен ряд закономерностей, которые имеют чрезвычайную важность и для понимания современной экономической эпохи. Но тут нет никакого отождествления или хотя бы только сближения с капитализмом. Нет, об универсализации категорий капитализма, разумеется, говорить не приходится.

В сущности в основных чертах я ответил всем оппонентам, в том числе и тов. Дволайцкому. Тов. Дволайцкий так и начал: „Степанов преподносит нам азбучные, известные истины". Конечно, интересно изучать и феодализм, и другие эпохи хозяйства—родовую и т. д. Все это интересно и все это по мере возможности надо делать.

Товарищи, надо различать две вещи, которые не всегда различают: политическую экономию, как науку, и политическую экономию, как предмет преподавания. О политической экономии как предмете преподавания, можно умолчать в данной связи: здесь решающее значение имеют соображения педагогической целесообразности. Но речь идет не

об этом: речь идет о политической экономии, как науке. А тут надо прямо сказать: политическая экономия—историческая наука в том смысле, что она не является исторически-ограниченной дисциплиной. В принципе ее исторический охват не ограничивается какой-нибудь определенной эпохой хозяйства. Но чем она была в своем историческом развитии? У физиократов и классиков она была теорией капиталистического общества. У Маркса, оставаясь теорией капиталистического общества, она сделалась теорией развития феодализма в капитализм и теорией развития от капитализма к социализму. И Энгельс и Маркс в принципе считали необходимым раздвинуть исторический охват политической экономии.

Я не буду останавливаться на многих мелочах, которые сделаются сами собой ясными, когда перед читателями будут стенограммы доклада и возражений. Резюмирую: абстрактно-аналитический метод дает нам возможность познать отношения чистого капитализма. Эти абстрактные категории имеют для нас колоссальную ценность. Это—орудие познания современной действительности, которая в первую очередь характеризуется именно господством капитала. Если бы эти абстракции были почерпнуты не из анализа капиталистического общества, а, например, из анализа психики какого-нибудь „человека вообще", если бы это были, следовательно, такие абстракции, как, например, у Grenfznützler'ов (сторонников теории предельной полезности), они не имели бы познавательной ценности, не могли бы служить для познания современного капитализма. Тов Бухарин указывал, что необходимо бороться со школой предельной полезности. Но если эта школа говорит: метод политэкономии абстрактно-аналитический, а мы повторяем то же самое, разве это борьба? Мы отвечаем: со своими абстракциями вы, пожалуй, можете исследовать некоторые явления, например, монопольных цен, но до познания капитализма вообще и современного капитализма вы никогда не дойдете. А вот метод Маркса, который сочетает в диалектическом единстве абстрактный анализ с изучением реальной действительности, дает это познание—и даже возможность предвидения, предсказаний. Вот в каком направлении надо вести борьбу с австрийской и англо-американской школой. Пусть мне не говорят, что это будет своего рода „историческая школа" в марксизме. Тов. Бухарин говорит, что ему приходится вести борьбу и с возрождающейся исторической школой. Но можно ли бороться с ней так, как он предлагает? Нет. Неужели это будет борьба, если он станет говорить: политическая экономия — абстрактная наука. Предыдущие экономические формы и их развитие из одной в другую ее вовсе не интересуют.— Нет, мы должны сказать, что марксистский историзм в политической экономии—совершенно другое дело. Нам не нужен бесплодный беспринципный описательный историзм, который будто бы свободным от всяких теоретических предпосылок подходит к изучению действительности. Нам нужен тот историзм, который, пользуясь абстрактно-аналитическим методом, затем „воспроизводит конкретное посредством мышления".

Товарищи, я ожидал, что подвергнусь жестокому разносу. Я был приятно удивлен, что разносят меня много слабее, чем я ожидал.

Я думал, что на первое время у меня не будет ни одного союзника. Но у меня нашелся союзник. Этот союзник—тов. М. Н. Покровский. Тов. Богданов во многих пунктах весьма решительно отмежевывается от меня. Во многом он занял своеобразную позицию. Но, товарищи, меня мало огорчает, что в первое время у меня оказался только один союзник. Пройдет несколько месяцев, и вы заметите, что что-то делается с учебниками, что-то делается с преподавателями, пробивается какая-то новая струя, пробуждается интерес к конкретной действительности. У нас сейчас наблюдаются многие явления. Выступают люди, которые говорят и печатают в журналах, что существуют какие-то самостоятельные области философствования, какие-то специфические методы философского исследования. Они свысока относятся к науке и полагают, что философия должна предписывать науке ее выводы. У нас существует не только комчванство. Имеются различные виды чванства: чванство „философов" перед научными исследователями, чванство абстрактных теоретиков перед теми, кто изучает реальную действительность. Тов. В. М. Смирнов полемически превосходно перевернул дело и приписал мне то мнение, будто „чистая абстрактная теория" выше работ, посвященных теоретическому познанию реальных отношений. Указанные виды чванства—отрыжка старой истории: теория, видите ли,—нечто возвышенное, а изучение действительности—нечто низкое.

Голос с места. Описание легче.

Степанов-Скворцов. Ну вот, видите ли: то что Ленин сделал, это хорошо, но это легче, чем то, что сделал Маркс. Товарищи, отделять Маркса абстрактного от Маркса конкретного—ведь это нелепость. Абстрактное и конкретное составляет у него глубокое органическое единство. Абстрактное и конкретное, вместе взятые, составляют науку политической экономии. Нельзя говорить, что конкретно-исторические главы „Капитала" только иллюстрации, нечто побочное и внешнее по отношению к общему теоретическому построению. Это такой же необходимый материал для здания „Капитала", как и абстрактнейшие главы I тома, как и абстрактный анализ реализации, данный во II томе.

Итак, товарищи, еще раз повторяю: я не ожидал, что нападки на меня будут так мягки. Но если бы даже они были много сильнее, я спокойно ушел бы из этого заседания, ибо ясно, что первобытная чистота и невинность в области политической экономии скоро будут вами утрачены.

М. Н. Покровский. Заседание закрывается.

III. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Имела ли место национализация русского капитализма накануне войны.

(Н. Ванаг. Финансовый капитал и России накануне мировой войны. Опыт историко-экономического исследования системы финансового капитала в России. М. Издат. Свердл. ун-та. 1925 г.).

Как известно, марксист—исследователь русской истории—всегда стоит перед необходимостью чрезвычайно критического подхода к целой массе укоренившихся мнений, предвзятых положений, неверных теорий, обладающих, однако, зачастую прочностью предрассудка. Что же удивительного, если в пылу, если можно так выразиться, критической инерции этот исследователь станет брать под сомнение вещи совершенно бесспорные, начнет опровергать теории, абсолютно неопровержимые. В этом следует видеть только некоторый перегиб палки, который лишь коллективными усилиями авторов и добросовестной критики может быть исправлен.

Такой перегиб палки мы находим в работе тов. Ванага, вообще говоря появляющейся как нельзя более кстати. Большой заслугой автора является уже одно то обстоятельство, что он фиксирует внимание на мало исследованном у нас и чрезвычайно интересном и важном вопросе. Мало исследованном, ибо—как справедливо отмечает т. Ванаг в своем предисловии—до сих пор этим вопросом занимались преимущественно буржуазные экономисты (Гольдштейн, Кафенгауз; можно было бы прибавить С. Загорского и некоторых др.), для которых понимание империализма, как особой стадии капиталистического развития, является книгой за семью печатями; единственная же марксистская работа, касающаяся этой темы („Синдикаты и тресты в России" тов. Цыперовича), далеко не исчерпывает вопроса с достаточной полнотой; в сущности, она скорее является очень удачной популярной компиляцией, чем результатом исследования по первоисточникам и сырым материалам. Поэтому здесь перед марксистской исследовательской мыслью открывается непочатый край работы, гораздо более благодарной, чем раскопки в писцовых книгах или архивах XVIII века и даже чем анализ третьестепенных подробностей парламентской стряпни приснопамятной государственной думы. Вопрос о развитии русского империализма и, в особенности, о его *месте*, *положении* и *связях с мировой* империалистической *системой* имеет для нас в настоящее время не исключительно академический, но, по-

жалуй, и злободневно-практический интерес [1]). Поэтому, между прочим, всякие ошибки и дефекты в исследовании этой проблемы должны быть вскрыты возможно тщательнее. Нам представляется, что важнейшие ошибки и перегибы палки нашим автором выступят наиболее отчетливо, если взять за исходный пункт дальнейшего рассмотрения вопрос о *национализации русского капитализма.*

I.

По мнению тов. Ванага, „выводы о национализации русского капитализма основываются на... официальных материалах, опубликованных министерствами финансов и торговли и промышленности, но дело в том, что эти материалы ложно отражают совершавшиеся в русском капитализме процессы". Ложный и обманчивый характер этих данных происходит оттого, что официальная статистика „распределяла капиталы по группам обществ, работавших на основании русского устава, во-первых, и работавших на основании иностранного устава, во-вторых". Между тем, „европейский банковый капитал, расширяя в XX веке свою монополию в области русской промышленности, подчинял себе русские предприятия, сохраняя их русскую форму, но превращая их в компании, работающие на основании иностранного устава" (стр. 27—29). Далее автор находит, что „точно так же критически следует отнестись к суммам эмиссии русских ценных бумаг, статистика которых на первый взгляд тоже подтверждает теорию национализации". Мы узнаем, что „впервые мысль о критическом отношении к статистике русских эмиссий родилась у автора в связи с чтением маленькой заметки в „Биржевке" (от 3/XII 1913 г.). В этой заметке, которую автор считает настолько „любопытной", что приводит ее целиком, говорится о том, что „голые цифры об эмиссионной деятельности внутри России далеко не говорят, что капиталы были собраны действительно только в России" (стр. 30).

Сдается нам, что автор напрасно прибег к авторитету „Биржевки". Что касается недопустимости учета иностранного капитала по одним лишь обществам, работающим официально на основании иностранного устава, то об этом отлично известно было решительно всем, кто писал об иностранных капиталах в России. Многие из них, разумеется, вышеназванной заметки не видали по той простой причине, что они исследовали этот вопрос лет за 10—15 до появления оной [2]).

Более того: это обстоятельство, повидимому, было отлично известно даже... тем самым „царским чиновникам", в „заскорузлых умах"

[1]) Стоит лишь вспомнить проблему (экономическую и политическую) нынешнего продолжительного сосуществования СССР с мировым капитализмом.

[2]) Чтобы не быть голословным, назову лишь наиболее старых из исследователей: 1) Брандт. Иностранные капиталы в России (говорит на эту тему особенно подробно применительно к каменно-угольной промышленности, а также в иных местах). 2) Воронов. Иностр. к-лы в России. 3) Об этом же говорит Lauwick. L'industrie dans la Russie méridionale. Мы не говорим уже о более новых исследователях, как Зин. Ленин, Зак и, в особенности, Оль

которых автор видит причину появления нелепой „теории национализации“: в выпускаемом „редакцией период. изданий м-ва финансов“ ежегоднике „Народное хозяйство России“ за 1914 г., мы читаем буквально следующее: „иностранный капитал нередко является в акционерном деле в скрытой форме, под флагом русского“ (стр. 230).

Но в чем же дело в таком случае? Откуда тов. Ванаг взял, что „продолжая классифицировать капиталы по принятому образцу, не отвечавшему по существу поставленной задаче, статистики министерства финансов и торговли и промышленности положили основу ложной по своему существу теории национализации русского капитализма?“

Загадка раскрывается довольно просто. Дело в том, что один из приверженцев „теории национализации“, ее виднейший представитель в марксистской литературе, тов. М. Н. Покровский, в своих работах действительно упоминает насчет распределения вновь открываемых обществ на общества русские и иностранные (т.-е. работающие по русскому или по иностранному уставу) и приводит данные, из которых явствует, что относительная величина капиталов последних (т.-е. иностранных обществ) в годы, предшествовавшие войне, падает неуклонно (см. „Русская история в самом сжатом очерке“ ч. III, в. 1, стр. 24, и „Очерки по истории революционного движения в России“, стр. 160—161).

Однако, внимательный читатель без труда заметит, что эти данные служат тов. Покровскому не доказательством, а лишь иллюстрацией его „теории национализации“. В самом деле, в первой из двух названных работ („Русская история в самом сжатом очерке“) автор сначала подчеркивает, что „русское туземное накопление держалось, главным образом, на хлебном вывозе“ (стр. 23); приводя данные о росте этого вывоза, а главное о росте дохода от вывоза (ценность вывоза росла быстрее, вследствие роста мировых хлебных цен), тов. Покровский далее делает следующее заключение: „Очевидно, что накопление должно было пойти быстрее, и мы имеем в первое десятилетие XX века очень любопытное явление, которое можно назвать „национализацией русского капитализма“. Лишь после этого следуют смутившие тов. Ванага цифры касательно русских и иностранных обществ. Таким образом, нас нельзя упрекнуть в чтении чужих мыслей, если мы изобразим ход рассуждений т. Покровского в следующем виде: 1) предпосылка „процесса национализации“— рост туземного накопления; 2) иллюстрация этого процесса—относительное увеличение доли акц. общ., работающих на основании русского устава [1]). Точно такое же изложение „теории национализации“

[1]) О том, что несовпадение национальной „формы“ и „содержания“, открытое тов. Ванагом, не составляло секрета для тов. Покровского, свидетельствует хотя бы следующая фраза: „Даже русские, номинально, предприятия существовали часто на иностранные деньги, полученные правительством в виде иностранного займа и переданные фабриканту в виде субсидии“ (там же, стр. 25). Таким образом, тов. Покровский допускает еще большую возможность маскировки национального лица инвестируемого капитала.

находим мы во второй из названных работ; там этот тезис формулирован следующим образом:

„Вот эта-то золотая река, которая лилась в карман русского капитала в виде активного торгового баланса (активный баланс в 1909 г. достиг огромной, рекордной цифры в 581 мил., золотых рублей), это-то и оплодотворяло теперь русский капитализм, который рос не на счет притока заграничных капиталов, как это было раньше, а на счет „туземного накопления" (стр. 161).

Нечего греха таить, и в этой своей работе тов. Покровский приводит „цифры капиталов разрешенных акционерных компаний русских и иностранных". Можно быть разного мнения насчет того, насколько пригодны эти цифры для *иллюстрации* основного тезиса тов. Покровского о национализации русского капитализма на базе возросшего туземного накопления. Отлично понимая, что капиталы иностранных обществ—это еще *не вся сумма* иностранных капиталов в русском акционерном деле, можно предполагать, что все же изменения первых дают известное представление о движении вторых. Повторяем, пока детально не исследован по сырым материалам (и отчасти по скрытым данным) весь процесс движения иностранных капиталов в русском акционерном предпринимательстве, такой взгляд является лишь более или менее удачной, более или менее вероятной гипотезой. Однако, уже сейчас ясно, что утверждение тов. Ванага, будто „основу" теории национализации русского капитализма „положила" „заскорузлость ума" (или „умысел другой тут был") статистиков царского министерства финансов, является, мягко выражаясь, чрезмерным преувеличением. При таких обстоятельствах у нас невольно возникает сомнение насчет того, способствует ли подобная „обличающая царизм" версия теоретическому разрешению вопроса.

Справедливость этой версии вызовет у нас еще больше сомнений, ежели мы от историка-марксиста перейдем к буржуазному экономисту, приверженцу той же „теории национализации". Оставляя в стороне Кафенгауза и других, которых вряд ли можно подозревать в излишней самостоятельности, обратимся к писателю, в своем роде, наиболее авторитетному. Речь идет о М. И. Туган-Барановском. Рассматривая промышленный под'ем 1909—1913 г.г. в сравнении с расцветом промышленности во вторую половину 90 годов прошлого века, Туган отмечает: „Самым важным из этих различий (между этими двумя периодами промышленного расцвета. *Л. Л.*) является то, что под'ем девяностых годов возник всецело на основе прилива к нам иностранного капитала и постройки за счет этого капитала новых железнодорожных линий, между тем как современный под'ем (писано в конце 1913 г. *Л. Л.*) имел в своей основе, главным образом, скопление значительных капиталов в самой России. Это можно ясно видеть по движению вкладов в наших кредитных учреждениях". Здесь приводится таблица, к данным которой мы еще будем иметь случай вернуться, и далее Туган резюмирует: „За пять лет сумма вкладов в кредитных учреждениях России возросла более чем на два с четвертью миллиарда рублей. Эти два новых миллиарда

капитала и были той силой, которая привела в движение нашу промышленность и создала переживаемый под'ем" [1].

Эти, быть может, слишком подробные цитаты понадобились нам лишь для того, чтобы показать, что автор разбираемой нами работы, как это ни странным может показаться, понимает опровергаемую им теорию с совершенно иной стороны, чем приверженцы последней. А так как еще древняя мудрость констатировала бесплодность спора в том случае, когда спорящие стороны опираются на различные исходные положения, или, еще паче, вкладывают различное содержание в одно и то же понятие, то попытаемся прежде всего формулировать, о каких явлениях идет речь, когда говорят о национализации русского капитализма.

Как понятно всякому, капитал с неба не падает и из земли не вырастает. Капитал получается в результате накопления: первоначального или обычного капиталистического. Последнее заключается, в наиболее общей формулировке, в капитализации (накоплении, аккумуляции тож) прибавочной ценности. Накопление произведенных в передовых капиталистических странах (или вообще *принадлежащих* им) масс прибавочной ценности в форме импорта капитала дает мощный толчок капиталистическому развитию стран отсталых.

Так было и в России. Капитализм не явился здесь наносным явлением, чужеродным телом в народно-хозяйственном организме страны, ибо внутренние тенденции экономического развития толкали Россию на путь капитализма. Но темп развития русского капитализма был бы совершенно иным, если бы оно было предоставлено самому себе и питалось бы исключительно капитальными ресурсами первоначального накопления. Европейский капитал, нахлынувший в особенности в конце века, приводит к (относительно) гигантскому и ускореннейшему росту капитализма (прежде всего—в его двух наиболее интенсивно растущих формах: 1) капиталистической крупной индустрии и... 2) госуд. долга—стоит здесь вспомнить, как Маркс характеризовал этот „единственный вид подлинно национального достояния" в „Капитале"). Тот уровень капиталистического развития—и прежде всего развития крупной индустрии,—которого Россия достигла к началу века, в львиной доле определялся именно притоком иностранных капиталов; эта истина уже превратилась в трюизм. Но в следующие затем полтора десятилетия, а в особенности в предвоенное пятилетие Россия делает дальнейшие шаги на капиталистическом пути; промышленность растет и растет не вегетативно, а при помощи огромных новых капитальных вложений. Встает вопрос: *откуда* последние берутся? Берутся ли они из заграничного сундука, и в каком именно отношении к капиталам русского происхождения? Происходит ли туземное капиталообразование и какую долю совокупного инвестирования капитала оно составляет?—Все это вопросы, от которых не отмахнуться презрительным словом по адресу „царских чиновников". Не в них тут сила, а в том непреложном факте, что туземное нако-

[1] Ежегодник газеты „Речь" на 1914 г., ст. „Народное хозяйство", стр. 349.

пление, составлявшее в конце века *относительно* небольшую величину, в предвоенный период сильнейшим образом возросло. Это—основной факт, обозначаемый громким (быть может, не совсем удачным) термином: национализация русского капитализма.

II.

Однако, здесь нам могут заметить, что ведь эпоха финансового капитала характеризуется как раз таким положением, когда крупнейшие капиталисты прибирают к своим рукам огромные массы более мелких капиталистических единиц. Ведь формы финансового капитала: акционерные предприятия, система участия и финансирования создают такие условия, когда элемент руководства, распоряжения, а подчас в фактического владения сплошь и рядом отделяется от момента юридического владения. Все это чрезвычайно марксистски, и разумеется, совершенно справедливо. Поэтому заметим тут же, во избежание всяческих недоразумений, что „национализацию русского капитализма" следует понимать в весьма условном, разумеется, смысле (поэтому мы и оговорились, что, быть может, самый термин следует признать не особенно удачным). Памятуя, что мы сейчас говорим о национализации в *весьма условном* в *вышеразъясненном* смысле, обратимся далее к нашему автору.

Основной вывод, к которому т. Ванаг приходит и который, по его справедливому мнению, „плохо вяжется с теорией национализации" русского капитализма в предвоенный период, сводится к следующему: „Начало развития русского монополистического капитализма тесно связано с международным банковым капиталом, который к кануну войны фактически монополизовал почти всю систему русского промышленного капитала, по крайней мере, ее командные высоты. Только монополизация русской промышленности международным банковым капиталом совершалась в утонченной форме, скрывавшей от постороннего наблюдателя существо происходившего процесса: международный банковый капитал подчинил себе русскую промышленность через русские акционерные коммерческие банки, своей вывеской скрывавшие существо происходящего" (стр. 25).

По сути дела, вся работа тов. Ванага направлена к доказательству этого основного тезиса. Следует тут же отметить, что работа эта проделана с чрезвычайной добросовестностью; автор перерыл груды газетных и архивных материалов, тщательно подбирал, сопоставлял и использовывал всякое указание, могущее пролить свет на ту или иную сторону в структуре финансового капитализма в России, на те или иные связи и отношения между банками и промышленностью. И все же следует признать, что в такой категорической форме („международный банковый капитал... к кануну войны фактически монополизовал почти всю систему русского промышленного капитала"... повидимому, должно быть: капитализма. *Л. Л.*), тезис автора остается *недоказанным*. Повидимому, причина этого заключается не в тех либо иных дефектах выполнения работы, а в коренной неправильности

исходных пунктов автора. Его погрешности в этом отношении мы свели бы к следующим пунктам.

1) Тов. Ванаг сильнейшим образом подпал под „диктатуру финансового капитала", и под диктатуру довольно жесткую. В самом деле, рассматривая одну за другой важнейшие отрасли индустрии (в особенности, тяжелой) он авализирует их почти исключительно со стороны финансовой организацвв; проблемы монополистической организации производства и сбыта оставляются в стороне, несмотря на то, что они составляют немаловажный признак империалистического перерождения капиталистической системы. Монополистические тенденции затрогиваются автором лишь постольку, поскольку они непосредственно связаны с финансовым состоянием, и, разумеется, освещение других сторон дела остается далеко недостаточным. В то время как по части финансовых взаимоотношений банков и промышленности тов. Ванаг извлек из-под спуда массу ценнейшего фактического материала, он в отношении обрисовки монополистического перерождения не привел даже наиболее важной части из общеизвестного материала.

2) Положивши в основу своего исследования ленинскую схему империализма, он использовал ее, однако, далеко недостаточно. Ленин говорит:

„Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствования". Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения".

К сожалению, тов. Ванаг забыл эти условия „познания предмета". Он, скорее, „берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно, или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим" [1]). Вместо *применения* абстрактной схемы империализма к *конкретной* картине изучаемой им *русской* экономической действительности канува мировой войны, автор поступает в значительной мере *наоборот*, пытаясь уложить последнюю в узкие *рамки* схемы, к тому же не совсем правильно понятой.

3) Это не совсем правильное понимание ленинской схемы империализма проявляется у автора в пункте, составляющем одно из важнейших *отличий* ленинской схемы от схемы, например, Гильфердинга. Речь идет о контроверзе: господство банков над промышленностью или сращивание банкового и промышленного капитала. Наш автор везде употребляет, правда, термин „сращивание", но вкладывает он в этот термин такое содержание, которое весьма родственно „творимой легенде" Гильфердинга,—насчет „шести банков", владеющих всей страной. Здесь не место для более подробного рассмотрения этого вопроса. Отметим лишь, что один из наших экономистов, занимающийся исследованием структуры финансового капитала, совершенно справедливо заявляет: „Трактовка финансового капитала, как органического единства, в котором слизается баввовый капитал и промышленный, не предрешает еще вопроса о *соотношении элементов*, составля-

[1]) Ленин, собр. соч. т. XVIII, ч. I, стр. 60.

ющих единство. Факты реальной жизни говорят о том,—указывает этот исследователь далее,—что „сращивание" бывает разных типов, с *перевесом того или другого* из двух входящих в единство элементов" [1]).

Как легко заметит читатель, мысль эта не нова; однако в работе тов. Ванага мы напрасно стали бы искать конкретного разбора „соотношения элементов" в системе русского финансового капитализма, напрасно стали бы искать какой бы то ни было попытки разобраться в вопросе о том, *какой* из двух составных элементов имел *перевес*. Между тем, этот вопрос имеет далеко немаловажное значение, в особенности, когда речь идет о России, и в частности, еще более, когда речь идет о *влиянии иностранного капитала* на развитие российской экономики. Разумеется, эта проблема требует тщательнейшего детального изучения, и мы не беремся здесь формулировать тот или иной тезис. Но на основании некоторого ознакомления с ролью иностранного капитала в экономическом развитии России, а в особенности — на основании целого ряда фактов, бросающихся в глаза своей наглядностью, мы бы дерзнули формулировать гипотезу (отлично понимая всю условность ее значения) следующего рода. Весьма вероятно, что завоевания иностранного капитала шли в России *от* промышленности (разумеется, в первую очередь — важнейших отраслей тяжелой индустрии) *к* кредитной системе. В пользу этой гипотезы говорит уж один тот неоспоримый факт, что иностранный капитал в важнейших отраслях тяжелой индустрии занимал командные высоты с самого их *зарождения* в России (уголь, нефть, металл на юге, в значительной мере — польская индустрия), между тем как распространение его влияния на русскую кредитную систему относится к *позднейшему* периоду. Один лишь этот факт должен вызвать живейшее сомнение в том, что в России банки подчиняли своей диктатуре промышленность, ибо последняя, являясь представительницей более мощного иностранного капитала, вряд ли была слабейшей стороной. Уж не проходил ли процесс сращивания в диаметрально-противоположной форме? Уж не было ли в этом процессе, во всяком разе, *чрезвычайного своеобразия*? Мы здесь не беремся ответить на этот вопрос в том или ином направлении, мы лишь хотим показать, что эта проблема *существует*, что она *требует разрешения*, что от нее не отвертеться исследователю финансового капитала в России.

Впрочем, наш автор сам лучше кого-либо другого *показывает*, что эта проблема существует, что она требует разрешения. Быть может, бессознательно наш автор строит схему, чрезвычайно сходную с построением Гильфердинга насчет „шести банков". „Об'ективная причина сращивания нашего промышленного капитала с банковым в дореволюционную эпоху состояла в том, что процесс концентрации промышленного капитала, усилившийся с затяжным застоем нашей промышленности, об'ективно не мог происходить без широких

---

[1]) См. А. Мендельсон. „К вопросу о формах финансового капитала, глава из работы „Экономическая структура современной Австрии", помещена в виде статьи в журнале „Плановое хозяйство" № 1 за 1925 г., стр. 193. (Курсив мой. *А. Л.*).

долгосрочных кредитов... Русские коммерческие банки (к этому моменту) находились в таком положении, что без дальнейшей мобилизации и концентрации своих капиталов не могли оказать активного содействия промышленности" (стр. 31). Поэтому „банки вынуждены были черпать капиталы на стороне", т.-е. за границей (стр. 37). Иностранный капитал завладевает таким образом русской банковской системой. Правда, в одном месте у автора мелькает *сомнение* насчет взаимоотношений банкового и промышленного капитала, хотя бы лишь в смысле *инициативы* в деле „сращивания". „Французский банковый капитал пользуется слабостью наших кредитных учреждений для активного наступления на русский промышленный капитал, включая его в сферу своих монополий через русскую кредитную систему. Активность, проявленная в этом деле международным банковым капиталом, а в первую очередь—французским,—колоссальна, и на деле почти невозможно разобраться в том, *с чьей стороны* (с русского промышленного или с иностранного финансового капитала) [1]) *проявлена инициатива* в той или другой комбинации. Одно только можно сказать с уверенностью, — продолжает наш автор,—что с известного момента, с упрочнения влияния иностранного капитала на русскую банковую систему, инициатива полностью переходит на сторону (т.-е. в руки. *А. Л.*) иностранного, а в первую очередь—антантовского, банковского капитала, и он становится монопольным вершителем судеб нашей крупной индустрии, начиная к кануну войны подчинять себе и легкую промышленность,—в том числе даже искони русскую—мануфактурную" (стр. 41).

Рассмотревши (во введении) ход завоевания русских коммерческих банков иностранным капиталом и обнаруживши там сильнейшую концентрацию и полную диктатуру иностранного капитала, наш автор в следующих частях работы последовательно устанавливает диктатуру иностранного капитала (через русскую кредитную систему) в области главнейших отраслей тяжелой индустрии, затем—транспорта (частного железнодорожного и водного) и, наконец, рассматривает влияние этого капитала в области легкой индустрии. Схема Гильфердинга торжествует. Хуже, однако, чувствует себя наш автор, когда ему приходится разбирать, как иностранный капитал „становится вершителем судеб" промышленности через посредство системы коммерческих банков.

Присмотримся внимательно к этой части работы. Там мы найдем, прежде всего, характерное явление, которое аккуратно повторяется при анализе каждой отрасли тяжелой промышленности. Как понятно без дальнейших слов, иностранный капитал не мог стать вершителем судеб в целом ряде отраслей тяжелой индустрии по той простой причине, что он уже был таковым (т.-е. вершителем) с самого возникновения этих отраслей. Между тем тов. Ванагу необходимо доказать, что иностранный капитал именно становится владыкой важнейших отраслей при помощи банков. Поэтому ему приходится совершенно серьезно

[1]) За стиль автора, разумеется, мы не отвечаем. (Курсив наш). *А. Л.*

искать признаков „денационализации“ в таких случаях, когда ее не может быть по той простейшей причине, что данная индустриальная отрасль никогда не была национальной. Между тем всякий поймет, что денационализировать можно лишь то, что раньше носило национальный характер. Этот мистический процесс „денационализации“ обнаруживается тов. Ванагом в области таких старых, можно сказать, исконных доменов иностранного капитала, как 1) южная металлургия (стр. 68—69), 2) польская металлургия, 3) крупнейшее машиностроение и механическое производство, 4) каменноугольная, 5) нефтяная, 6) электротехническая промышленность. Совершенно ясно, что автору удается недурно иллюстрировать самый факт господства иностранного капитала во всех этих отраслях. Менее удачны бывают его попытки показать, что это господство является результатом денационализации этих отраслей, которые, как известно, никогда национальными не были. Проанализируем для примера главу о каменноугольной промышленности.

Начнем с конца. Сопоставим окончательные результаты исследования тов. Ванага о роли иностранного капитала в донецкой угольной промышленности с теми сведениями, которые имеются насчет этой роли к началу века. Получим следующую картину (к сожалению, нам удалось найти сравнимые данные лишь относительно добычи, но разумеется, это в данном случае основной показатель). Наш автор берет все общества, имеющие какую-либо *связь* (т.-е. как находящиеся действительно в постоянной связи с банками — путем системы участия в акционерном капитале, в облигационных займах и пр., так и общества, относительно которых тов. Ванагу посчастливилось найти какое-либо упоминание в печати насчет — иногда мимолетной — связи с банком), с каким-либо банком, (т.-е. как действительно с иностранным банком, так и с любым из русских банков, над которыми наш автор ранее „установил“ диктатуру иностранного капитала). В результате он получает, что на долю всех этих обществ в предвоенный период приходится 63,1% добычи угля Донбаса (стр. 122).

Запомним хорошенько этот процент и обратимся к свидетелю, который нам расскажет, как обстояли дела в смысле „национализации“ и „денационализации“ *в начале столетия*. Мы имеем в виду безусловно компетентного в этой области исследователя — Брандта. Правда, этот исследователь гораздо менее обстоятелен. Он берет лишь крупнейшие предприятия: общества с добычей свыше 10 миллионов пудов, и устанавливает, что на долю этих обществ приходится 75% всей добычи Донбасса. Далее, он из числа этих обществ выделяет девять предприятий, которые находились целиком или в значительной части во владении иностранных капиталистов, эти девять предприятий дают 73% всей добычи крупнейших предприятий [1]), или около 57% всей добычи бассейна. Итак, в 1899—1900 г. г.—57%, а у нашего автора, при гораздо более легком зачислении в „иностранный легион“, в 1913 г. оказалось 63,1%. При таких условиях толковать о

[1]) Брандт. „Иностранные капиталы в России“, ч. II, стр. 116—118.

„денационализации" угольной промышленности, разумеется, не приходится.

И тем не менее, наш автор об этом толкует. „Годы кризиса депрессии (т.-е. 1900—1909 г. г. *А. Л.*) являются для русской каменноугольной промышленности, точно так же, как и железной, годами углубления вширь [1]) процесса ее „денационализации" (стр. 113). Этот „процесс денационализации" автор иллюстрирует мало удачными примерами. Он приводит три случая перехода русских предприятий в иностранные руки. Относительно первого—Алексеевского горнопромышленного о-ва—нам не удалось проверить сообщения автора. Что касается второго — общества южно-русской каменноугольной промышленности, — то автор сам указывает, что оно состояло „клиентом парижских банков еще в 90-х г.г.", так что „денационализировать"-то было нечего. Наконец, третье о-во — „ртутное и угольное дело А. Ауэрбаха",—о котором автор обходится глухим упоминанием насчет того, что оно „попало в сферу влияния французского банкового капитала", но неизвестно почему, „французские банки воздержались рекламировать свою фирму в России" (что за излишняя скромность!? *А. Л.*)— представляется нам по меньшей мере, мягко выражаясь, спорным.

В одном из компетентных источников, откуда часто черпает сведения и ваш автор, мы находим утверждение, что это предприятие раньше принадлежало бельгийцам, а теперь находится исключительно в русских руках [2]).

„Не останавливаясь на прочих примерах,—продолжает наш автор,— остановимся несколько на вопросе о включении добычи каменного угля в сферу влияния французского финансового капитала через русские металлургические заводы" (стр. 115). Здесь при перечислении случаев, когда металлургические предприятия обзаводятся своими угольными рудниками (некоторые из этих случаев еще нуждаются в выяснении „национальности" рудников), сообщается такой факт, как приобретение „Брянским металлургическим обществом" (в 1912 г.) по настоянию и при содействии „Société Générale" Рутгенковских каменноугольных рудников. Это ли не денационализация, когда Брянское о-во скупает рудники... ф р а н ц у з с к о г о общества, действующего на основании французского устава и, стало быть, даже „заскорузлыми умами царских чиновников" отнесенного в рубрику иностранного капитала. И действительно, после приведения этих примеров автор победоносно заключает: „Таков процесс денационализации русской каменноугольной промышленности иностранным... капиталом, воочию имевший место в период от революции 1905 г. до кануна мировой войны. К сожалению, нет об'ективной возможности проследить этот процесс из года в год в точно подсчитанных цифровых единицах. Приведенные данные неоспоримо (ну, еще бы. *А. Л.*) свидетельствуют о наличии процесса" и т. д. (стр. 116).

---

[1]) За это „углубление вширь" мы, разумеется, не отвечаем, но мысль автора совершенно ясна и ни в каком „углублении вширь" не нуждается. *А. Л.*

[2]) „Русские Биржевые Ценности", под ред. Боголепова, стр. 324.

Не лучше обстоят дела у нашего автора при анализе других важнейших отраслей, составлявших домены иноземного капитала с самого своего возникновения в России. Везде повторяется та же картина: автор чрезвычайно ярко рисует зависимость этих отраслей от международного банкового капитала к моменту войны, но он совершенно неубедителен в своей попытке трактовать эту зависимость, как результат „денационализации" этих отраслей индустрии [1]). Казалось бы, чего проще: требуется доказать денационализацию — поэтому прежде всего следует дать сравнение, сопоставление доли участия иностранного капитала до этого процесса и после него, т.-е., примерно, к 1900—1901 г.г. и к 1913—1914 г.г. Однако, такого сопоставления мы напрасно стали бы искать у нашего автора. Разумеется, разработка такого сравнения требует значительных трудов, но сдается нам, что уже на основании приведенных нами соображений мы могли бы предположить, что подобное сопоставление показало бы для важнейших из перечисленных отраслей, что угодно, только не процесс „денационализации".

III.

Так обстоят дела при разборе отдельных отраслей индустрии. Казалось бы, опять-таки, что для иллюстрации (если уже не для подтверждения) своей теории денационализации русской промышленности иностранным капиталом в целом нашему автору далеко не лишне было бы сопоставить общий удельный вес иностранного капитала в русской экономике до и после этого процесса. Однако, напрасно стали бы мы искать и этого. Автор приводит чрезвычайно убедительные данные, свидетельствующие о потрясающей роли иностранного капитала в ряде важнейших отраслей, но... нигде он не показывает, что эти позиции были *завоеваны* иностранным капиталом именно в предвоенный период.

Попытаемся восполнить пробел, оставленный нашим автором, хотя бы в одном отношении. Попытаемся определить удельный вес иностранного капитала к 1900 и к 1914 г.г. следующим образом: попробуем определить, какую долю основного капитала акционерных предприятий России составляет иностранный капитал. Следует здесь же сделать две существенные оговорки. Первая заключается в том, что при состоянии наших статистических данных мы можем распола-

---

[1]) О том, что денационализировать-то было нечего, мы находим превосходные данные (к сожалению, не по всем отраслям одинаково полные) у того же Брандта. Относительно нефтяной промышленности он, например, отмечает „сильнейший прилив иностранных капиталов в 1900—1901 г. г.", когда иностранцы скупили предприятия Тагиева (за 5 мил. руб.), Шибаева (за 3½ мил. руб.), Арафелова, Будаговых (за 7 мил. руб.) и др. Если учесть, что самый толчок к развитию русской нефтепромышленности был дан основанием иностранного Нобелевского предприятия в 1870-х г. г., то, пожалуй, ясно станет без дальнейших слов, что в послереволюционный период (1905 — 1914 г. г.) денационализировать тут было нечего. (См. подробнее: Брандт. „Иностранные капиталы в России", т. 4, стр. 303—304; относительно металлической промышленности см. там же, т. 2, стр. 54—56).

гать, разумеется, лишь весьма приблизительными сведениями; точность здесь далеко не гарантирована. Однако, сдается нам, что это обстоятельство не может существенно помешать нашей цели: ведь нам важны не абсолютные величины, а только соотношения; нам следует раскрыть тенденцию, и при некоторых условиях все же возможно, по нашему мнению, подобрать данные, которые обнаружили бы эту тенденцию с достаточной степенью вероятности.

Другая оговорка существеннее. Разумеется, следует отдавать себе полный отчет в том, что роль, значение иностранного капитала в экономике страны лишь весьма приблизительно может быть отражена движением доли его участия в совокупном акционерном капитале.

Разумеется, ни на минуту не следует забывать того обстоятельства, что новейшие формы финансового капитализма знают тысячи способов, посредством которых крупный концентрированный монополистический капитал становится подчас полным властелином крупнейших хозяйственных отраслей. Не следует забывать, что в русской экономике период монополистического перерождения падает именно на рассматриваемый нами отрезок времени—на предвоенное десятилетие. Поэтому следует тут же категорически подчеркнуть всю условность нашего сравнения, косвенный характер нашего сопоставления. Но не надо перегибать палку в другую сторону. До тех пор, пока нам не докажут, что элемент владения теряет свое значение при новом этапе капитализма,—а доказательство такого тезиса безусловно означало бы полный переворот, если не в этнографии, то, по крайней мере, в науках экономических,—мы будем твердо считать, что отношения собственности кое-какое значение, и притом не из последних, имеют. Более того. Если не подходить к процессу монополистического перерождения с абстрактной мертвой схемой, если желать изучить этот процесс в той или иной стране во всей его конкретности—надо на отношения собственности и владения опираться, как на исходные пункты анализа. Когда имеешь дело с такими, подчас невесомыми экономическими категориями, как „участие", „влияние", „связь", „руководство", „контроль" и т. п., чрезвычайно важно иметь реальную почву в качестве основной базы для дальнейших гипотез и выводов; в данном случае такой реальной почвой могут служить сведения об отношениях владения. Когда имеешь дело сплошь и рядом со специфическими категориями эпохи господства „фиктивной" формы капитала, когда фетишизация общественных отношений возводится в квадрат, а подчас и в куб, вовсе не бесполезно иметь под руками хотя бы первое приближение к реальным общественным отношениям; важно хотя бы попытаться извлечь корень (квадратный, либо кубичный) из запутанного клубка фетишизированных отношений. Не для праздного любомудрия все это должно служить, а для предохранения от скороспелых заключений, от непроверенных выводов, от схематизации многогранной живой экономической действительности. Опасность целиком подпасть под власть предвзятых положений тем более велика, что дело у нас идет о проблеме чрезвычайно мало исследованной, о проблеме, где исследователь на первых порах неизбежно бродит в потемках.

Перейдем к сопоставлению данных об участии иностранного капитала в совокупном акционерном капитале страны. Для 1901 г. мы имеем попытку учета доли иностранного капитала в докладной записке, представленной А. Вороновым Обществу московских промышленников [1]). Итоговые цифры, к которым он приходит и которые мы считаем возможным принять в качестве весьма вероятных, таковы:

Общая сумма акционерных капиталов в России . . .	2.396,5 млн. руб.
В том числе иностранного капитала	691 „ „
%% отнош. иностр. капитала	28,8%

Что касается первой цифры общей суммы акцион. капитала, то она взята из официальных источников министерства финансов и не может возбудить сомнения.

Гораздо сложнее обстоит дело, на первый взгляд, со второй цифрой. Общий подсчет участия иностранного капитала, выступающего сплошь и рядом в прикрытой форме—дело очень сложное; кроме того, мы имели бы полное основание заподозрить автора, доставляющего материал для „борьбы с засильем" истинно русским капиталистам, в плохих отношениях с истиной. Однако у нас есть ряд данных, в значительной мере рассеивающих эти сомнения. Вот, прежде всего, свидетельство французского исследователя того же вопроса [2]), который, казалось бы, не имел своекорыстных оснований преувеличивать значение иностранных капиталов в России. Это—тогдашний секретарь французского посольства в России, Verstraete, который—в докладе под названием «Les capitaux étrangers, engagés en Russie dans les sociétés industrielles», представленном на «Congrés international des vaieurs mobiliers, Paris, 1900"—считает общую сумму иностранного капитала в акционерных предприятиях России равной 778 млн. руб. (2.075 млн. франков), т.-е., примерно, на 100 млн. руб. больше, чем дает в своем подсчете Воронов. Заметим здесь, что при приятии цифры Verstraete доля участия иностранного капитала в русском акционерном деле была бы равна 32%.

Теперь перейдем к 1914 году. Некоторые трудности составляет получение общей суммы акционерного капитала в России к 1914 г.; в готовом виде нам не приходилось в официальных изданиях министерства финансов встречать эту цифру, поэтому нам приходится ее выводить самим. По нашему подсчету эта сумма должна составить около $4^1/_2$ миллиардов рублей [3]). Что касается до общей суммы ино-

[1]) А. Воронов. „Иностранные капиталы в России", доклад Моск. отд. о-ва для содействия русской торговли и промышленности. М. 1901, стр. 24—26.

[2]) Это свидетельство приводится Вороновым в его цитированной выше работе.

[3]) Мы взяли данные, опубликованные в „Стат. Ежегоднике" В. Шарого на 1914 г. В 1911 г. сумма акционерного капитала составляла 3.300 млн. руб., к этой сумме мы прибавили 522 млн. руб.—такова сумма капиталов о-в, открывших действия за 1912 и 1913 г.г.—и 700 млн. руб.—сумму, на которую увеличился акционерный капитал существующих о-в в течение 1912 и 1913 г.г. В итоге получаем 4.522 м. р. Разумеется, следовало бы из этой суммы вычесть капитал обществ, ликвидировавшихся за 1912—1913 г.г., и ту сумму, на которую уменьшился капитал существующих обществ; но так как перед нами годы промышленного под'ема, то можно предполагать, что эти суммы весьма незначительны и компенсируются некоторой неполнотой предварительных данных.

странных капиталов, то наиболее компетентный исследователь этого вопроса определяет величину иностранного капитала в русском акционерном деле на 1 января 1914 года в размере около $1^1/_2$ миллиарда рублей [1]). Таким образом, мы можем составить табличку для 1 января 1914 г., аналогичную той, которую мы имеем для 1901 г.

Общая сумма акционерных капиталов в России .	4.522 млн. руб.
В том числе и иностр.	1.532 „ „
% отнош. иностр. капиталов ко всей сумме акц. капиталов	33,8%

Таким образом, в 1901 г. иностранный капитал составлял 28,8% всего акционерного капитала в России, а к 1914 г. этот процент повысился до 33,8% [2]). Таков итог нашей попытки сравнения реальных данных, свидетельствующих о роли иностранного капитала.

Доля иностранного капитала возросла весьма незначительно; принимая в расчет приблизительный характер наших данных, вряд ли какой осторожный исследователь решился бы сделать из этого незначительного увеличения широковещательный вывод о „денационализации" русского капитализма. Этот процесс во всяком случае заслуживает более скромного наименования, и мы убеждены, что, если бы автор разбираемой здесь работы попытался произвести этот подсчет, он избежал бы многих преувеличений, на которые его натолкнуло чтение экономической прессы с ее постоянными биржевыми сенсациями [3]).

Таково положение в акционерном деле—наиболее важном и решающем участке „фондового капитализма", если подходить с точки

---

[1]) Точнее—1.532 млн. руб.; см. З и в. „Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности"; опыт подсчета иностранных капиталов на 1 янв. 1914 г., стр. 123. У нас более известна цифра $2^1/_4$ миллиарда, которую дает О л ь в своих „Иностранных капиталах в России"; не следует забывать, что О л ь берет сумму этих капиталов на 1. я н в а р я 1917 г., когда, разумеется, дело значительно разнилось от довоенного состояния; тут возникают совершенно новые проблемы и новые трудности.

[2]) Эта незначительная разница станет еще меньше, если мы попробуем отделить цифры, дающие акционерный капитал лишь промышленных и торговых предприятий (т.-е. за исключением кредитных). Известно, что как раз в банковском деле иностранный капитал сделал особенно значительные завоевания в предвоенный период. Если из наших цифр вычесть суммы капиталов кредитных учреждений, то % отношение иностранного капитала составит

для 1901 г.	30,7%
для 1914 г.	32,5%

Соответственные же абсолютные цифры будут иметь следующий вид (в млн. р.):

	1901 г.	1914 г.
1. Сумма акц. капиталов торг.-промышл. предприятий . .	2.204	3. 937
2. В том числе иностр. капитала	676	1.282

Примерно, те же цифры (с округлением) дает т. Кричман в своей статье „Русская промышленность перед революцией" в „Ежегоднике Коминтерна". Он исчисляет совокупный акционерный капитал „почти в 4.000 млн. руб.", а долю иностранного капитала—„свыше 1.340 млн. руб." (стр. 334—335).

[3]) Не так давно, в сходном случае упрощения сложнейших экономических явлений современности одним товарищем, тов. Радек очень кстати напомнил, что еще „Парвус, будучи марксистом, должен был об'яснять реформисту Кальверу, изучающему очень тщательно биржевую цидулку и товарные индексы, что они являются недостаточным источником марксистского понимания истории" (см. „Большевик" № 2 (18), стр. 103).

зрения его удельного веса и экономического значения. Но капитальный рынок не исчерпывается этой формой. Прежде чем перейти непосредственно к вопросу о капиталообразовании, о туземном накоплении и притоке иностранного капитала (сдается нам, что и эти вопросы имеют некоторое отношение к вопросу о „национализации или денационализации"), не лишне набросать картину участия иностранного капитала во всей системе „фондового капитализма" в России. Применим здесь тот же метод сопоставления данных за 1901 и 1914 г.г.

Относительно 1901 г. мы находим следующую таблицу у исследователя, данными которого мы уже пользовались [1]):

(В миллионах рублей).

	Общая сумма.	Принадлежит иностран. капиталу.	% иностр. капитала.
1. Государств. и гарант. правительством % % бумаги	7.859,6	4.250	54,0
2. Обязательства долгосрочн. кредита (обляг. займы, зем. банк. и т. д.)	2.010,5	201	10,0
3. Акции торг.-пром. предприятий .	2.396.5	691	28.8
Итого	12.266,6	5.142	41.9

На своем варварском экономическом языке Воронов формулирует здесь роль иностранного капитала следующим образом: „иностранному капиталу принадлежит 41,9% движимого богатства страны".

Теперь попытаемся определить, какова была доля иностранного капитала в том же „движимом имуществе страны" накануне войны. Как известно, этот вопрос ныне, при задержке мировой революции, имеет для нас—увы—не только теоретический интерес; каждая цифра здесь проверяется—далеко не теоретически только—представителями раз'яренных английских, французских и других ростовщиков. Поэтому от этих вычислений нельзя отмахнуться отговоркой, что, мол, иностранный капитал здесь участвовал „в скрытой форме, под флагом русского". С тех пор все скрытое давно уже стало явным.

Общая сумма государственного долга России составляла на январь 1914 г. 8.811 млн. рублей. Сумма гарантированных правительством железнодорожных облигаций (плюс небольшая сумма гарантированных ж.-д. акций) составляла 1.772 млн. руб. Наиболее компетентные исследователи [2]) считают, что *иностранная* задолженность по этим двум

[1]) А. Воронов, там же.
[2]) См., напр., Зак. „Госуд. банкротство России".

статьям составляла накануне войны около 45%. По данным проф. Любимова [1]) задолженность России за границей по этим двум статьям (без Германии) составляла 5.175 млн. руб., что составит около 49% к общей сумме, приведенной нами выше. Некоторое преувеличение доли иностранной задолженности здесь имеет место потому, что общую сумму мы берем на 1 января 1914 г., а данные по внешней задолженности взяты к моменту об'явления войны, когда, возможно, общая сумма государственного и гарантированного долгов возросла. В общем, мы можем принять иностранную задолженность по этим двум статьям равной от 45% до 50%.

Следующая группа—это обязательства долгосрочного кредита. По данным Любимова, в иностранных руках (без Германии) этих бумаг находилось на сумму 520 млн. руб., а если прибавить 50 млн. руб., находившихся в руках Германии [2]), то всего в руках иностранного капитала окажется около 570 млн. руб. Из данных, приведенных выше, видно, что к 1901 г. доля обязательств этого рода, находившихся в руках иностранного капитала, составляла 10% всей суммы эмиттированных в России обязательств долгосрочного кредита. Есть полное основание предполагать, что общая величина % иностранного капитала по этой группе вряд ли потерпела значительные изменения. Общая сумма эмиттированных накануне войны обязательств подобного рода должна составить, по нашим примерным подсчетам на основании данных „Ежегодника М-ва Ф-ов", от 5 до 6 миллиардов рублей.

Таким образом, мы можем получить для 1914 г. таблицу (*более или менее* сравнимую [3]) с таблицей, приведенной нами для 1901 г., отлично помня приблизительный характер ее данных):

(В миллионах рублей).

	Общая сумма.	Принадлежит иностран. капиталу.	% иностран. капитала.
1 группа	10.583	5.175	49,8%
2 группа	5—6 млд. р.	570	10—12%
3 группа	4.522	1.532	33%
Итого.	20—21 млд. р.	7.277	33—35%

[1]) П. П. Любимов. „Баланс взаимных требований СССР и держав согласия", стр. 20.

[2]) Там же, стр. 26.

[3]) Мы оговариваем: „*более или менее* сравнимую", ибо весьма возможно, что *методы* и *принципы* подсчетов (которые мы в значительной мере берем в готовом виде из опубликованных уже источников) при тщательнейшей проверке могут оказаться *не вполне индентичными*. Дальнейшее уточнение может, разумеется, несколько повлиять на окончательные результаты, получаемые нами здесь; однако, нет оснований предполагать, что сама *тенденция*, *направление* движения может претерпеть в результате подобного уточнения какие-либо значительные пертурбации.

Более чем вероятно, что дальнейшее уточнение этих подсчетов внесло бы известные коррективы. Но уже при данной степени точности можно с уверенностью формулировать общий вывод, к которому мы приходим на основании сопоставления долей иностранного капитала в совокупном „фондовом богатстве" (фиктивном капитале) страны.

В 1901 г. эта доля составляла около 42%. В 1914 г.—33—35%. Не может быть сомнений, что в период „денационализации" (по т. Ванагу) русского капитализма общая доля иностранного капитала в совокупной массе русских „фондов" у м е н ь ш и л а с ь.

Таков чрезвычайно существенный вывод, к которому мы приходим на основе всего предыдущего исследования.

IV.

Этот вывод не явится для нас неожиданностью, если мы попытаемся разобраться в процессе туземного накопления в предвоенной России; выше мы уже отмечали значение этого вопроса.

Послушаем прежде всего, что нам говорит на этот счет т. Ванаг „Разрешив вопрос о причинах мобилизации банкового капитала в пореволюционной России, нам следует [1]) разобраться в вопросе о том, как совершался этот процесс, из каких источников черпался мобилизованный капитал.

С одной стороны,—продолжает наш автор,—неблагоприятная экономическая кон'юнктура 1906—1909 г.г., а в частности неблагоприятная кон'юнктура хлебного рынка (годы 1906—1908 относятся к числу лет неблагоприятных по урожаю и экспорту), исключала возможность найти необходимые ресурсы внутри страны, с другой—процесс усилившегося накопления туземного капитала с 1909 г. в своем темпе значительно отставал от потребностей в наличных средствах со стороны банкового и промышленного капиталов" [2]).

Это утверждение служит т. Ванагу *наиболее общей предпосылкой* для его „теории денационализации". Однако, напрасно стали бы мы искать у нашего автора какой бы то ни было попытки доказательства [3]) этого тезиса, кроме... той же теории денационализации. Таким образом, денационализация в значительной степени обосновывается отставанием туземного накопления от роста потребностей народного хозяйства, а это последнее „отставание" доказывается... денационализацией. Это—первый недостаток разбираемого тезиса.

Второй его грех, более существенный, в том, что он попросту н е в е р е н. Во-первых, несправедливо подозрение автора, будто в течение 1906—1909 г.г. накопления не происходило.

---

[1]) Надо бы сказать: „мы должны" и т. д.

[2]) Стр. 37.

[3]) Нельзя же в самом деле считать доказательством положения, идущего в разрез с достаточно обоснованным в экономической литературе взглядом, те выдержки из обнаруженных нашим автором в архивах писем Коковцева и тому подобной литературы, которые приводит автор и в которых говорится о том, что... России нужен иностранный капитал и кредит. Подумаешь, какая Америка! Как будто без *Коковцева* мы этого не знали!

Автор приводит данные об уменьшении вывезенной пшеницы, но, повидимому, страна нашла другие источники туземного накопления. Во всяком случае, по данным „Статистического Ежегодника" В. И. Шарого, сведенным в таблице о „свободных капиталах и данных о видимых народных сбережениях" [1]), картина получается совершенно иная. Если сопоставить сведения на 1 января 1905 и 1910 г.г., то мы получим общую сумму „вкладов, текущих счетов и процентных бумаг" (для всей страны)

в 1905 г. . . . . 5.314 мил. руб.
„ 1910 г. . . . . 7.355 „ „

При перечислении на душу населения мы получаем общую сумму „сбережений":

в 1905 г. . . . . 36.9 руб.
„ 1910 г. . . . . 45.7 „

Увеличение, как видим, далеко не шуточное; вполне понимая всю условность этих данных, мы все же должны заметить, что они показывают безусловное наличие туземного накопления и в период 1905—1910 г.г.

Во-вторых, дела принимают еще худший для нашего автора оборот, если мы обратимся к 1910—1914 г.г. Общая сумма вкладов и текущих счетов в русских кредитных учреждениях и сберегательных кассах составляла на 1 января [2]):

1910 г. . . . . 3.833 мил. руб.
1913 г. . . . . 5.228 „ „

Разумеется, наибольший рост дали вклады и текущие счета коммерческих банков:

1 января 1910 г. . . . . 1.262 мил. руб.
1 „ 1913 г. . . . . 2.293 „ „
1 „ 1914 г. . . . . 2.541 „ „

Всякий поймет, что не в форме вкладов и текущих счетов происходило вливание иностранного капитала в русскую кредитную систему. Так же быстро растет операция переучета и перезалога, за которой скрывается позаимствование средств у Гос. Банка:

1 января 1910 г. . . . . 58 мил. руб.
1 „ 1913 г. . . . . 330 „ „
1 „ 1914 г. . . . . 334.7 „ „

На ряду с этим, идет, разумеется, и известный рост корреспондентских счетов, за которыми, конечно, в значительной степени скрывается приток иностранных капиталов и краткосрочных кредитов:

1 января 1910 г. . . . . 410,8 мил. руб.
1 „ 1913 г. . . . . 827 „ „
1 „ 1914 г. . . . . 993 „ „

---

[1]) „Стат. Ежегодник" на 1913 г., стр. 500—503.

[2]) Откуда брались эти суммы,—указывает нам совершенно здравое замечание, которое мы находим в ежегоднике „Нар. Хозяйства России за 1913 г.", стр. 548: „Подавляющая масса вкладов попрежнему принадлежит петроградским банкам, черпающим эти средства из провинции при помощи своих провинциальных отделений".

Сделав открытие, что иностранный капитал часто инвестируется в русском народном хозяйстве в скрытой форме, т. Ванаг склонен подозревать в иностранном происхождении всякую цифру статистического справочника.

Действительно, точный учет и подсчет иностранных вложений представляет значительные трудности,—мы это видели выше. Однако, отбросив всякий мистицизм, следует понять, что иностранный капитал мог вливаться в народнохозяйственный организм России при посредстве ее кредитной системы в двух главнейших формах:

1) Если речь идет о долгосрочном вложении капитала, то здесь путь один—приобретение русских фондов; завоевания иностранного капитала на этой стезе мы уже подвергли некоторому рассмотрению.

2) Если речь идет о краткосрочных кредитах, то они шли, главным образом, по корреспондентским счетам; по свидетельству лица, довольно близко стоявшего к банковским сферам [1]), эти суммы иностранного происхождения составляли до войны в среднем около 200—300 мил. руб., т.-е. не больше того, что коммерческие банки получали от Государственного Банка.

Если определить долю участия иностранного капитала в акционерном капитале русских коммерческих банков в сумме 250 мил. руб. (по подсчету В. Зива) и далее прибавить сюда 200—300 мил. руб. краткосрочных кредитов, то получится полмиллиарда рублей р е а л ь н о г о иностранного капитала, долженствующего „через русскую кредитную систему"—денационализировать народное хозяйство России. Маловато—что и говорить!

Разумеется, трудно досконально показать, что „темп туземного накопления" н е отставал от „роста потребности народного хозяйства в капиталах"; такая постановка вопроса грешит некоторой метафизичностью, если выражаться высоким штилем. Все же мы думаем, что приведенные нами данные свидетельствуют о весьма значительных размерах *туземного* накопления.

Теперь попробуем подойти к этому вопросу с другой стороны. Как известно, по смыслу марксовой теории кризисов и цикличности капиталистического хозяйства, толчок к оживлению после периода депрессии и затишья дается процессом обновления основного капитала. В переводе с материально-вещественного языка на язык фетишистических категорий капитализма это означает, что подобным толчком служит известное накопление и инвестирование новых капиталов. Именно скопление значительных средств путем туземного капиталообразования явилось таким толчком, обусловившим поворот от затяжной депрессии 1900—1909 г.г. к под'ему в конце 1909 г. Попробуйте отказаться от этого более или менее общепринятого и вполне реалистического об'яснения. Что тогда можно рассматривать, как толчок к под'ему?

Положим, в качестве такого толчка рассматривается прилив иностранного капитала; но тогда встает вопрос, почему он „не приливал" до 1909 г., или почему он не стал „приливать" значительно позже?

[1]) З. С. Каценеленбаум. „Учение о кредите", стр. 109.

Ведь в истории мирового денежного рынка 1909 г. ничем особенным не ознаменован.

Зато кое-чем в действительности ознаменован 1912 г. и, в особенности, 1913 г. Неблагоприятная политическая обстановка—балканские войны, подготовка мировой войны—ведет к сильнейшему сжатию мирового денежного рынка, начиная с конца 1912 г.[1]) Если бы зависимость России от мирового денежного рынка была так сильна, как это думает т. Ванаг, — наступление кризиса было бы неизбежно в 1913 г. или в первые же месяцы 1914 г. Как известно, этого не случилось.

V.

Сделаем некоторые заключения из нашего разбора „теории денационализации" русского капитализма, выдвинутой т. Ванагом (еще раз оговариваемся, что менее всего склонны брать под сомнение ценность его работы в целом, справедливо уже отмеченную у нас в периодической печати).

Не из соображений „великорусского шовинизма" и даже не по мотивам „национальной гордости великороссов" следует признать неверной „теорию денационализации", следует показать, что в предвоенный период русская экономика обнаружила ряд характерных черт, получивших (вполне справедливо) название „процесса национализации". Реабилитировать „теорию национализации" следует лишь потому, что, не поняв этого процесса, мы не поймем всего своеобразия экономической обстановки в довоенной и дореволюционной России, не поймем ряда явлений и событий предвоенного периода в области политической жизни страны, не поймем, наконец, что важнее всего, 1) своеобразия нашего нынешнего положения в капиталистическом окружении и 2) перспектив революции в ряде полуколониальных и отчасти колониальных стран.

В самом деле. „Что волки жадны, всякий знает". Что новейшая фаза капитализма характеризуется вывозом капитала, достигающим колоссальных размеров и значения,—об этом знает всякий.

---

[1]) „По подсчетам „Bankers Magazine" общая курсовая ценность 387 руководящих бумаг, котирующихся на Лондонской бирже, понизилась с конца декабря 1912 г. по конец декабря 1913 г. на 168 мил. ф. ст., или на 5,2%". (Статья Туган-Барановского в „Ежегоднике" „Речи" за 1913 г., стр. 357). „На берлинской бирже мы наблюдаем понижение с колебаниями курсов, начиная с 1912 г.". „В октябре (1913 г.) многие английские кредитные учреждения, посредничающие при заключении займов, постановили отказаться от выпуска новых займов до нового года. Поводом для этого решения послужила неудача последнего Ново-Зеландского займа, из которого только 8% было размещено среди публики, а 92% остались на руках у банков" (Там же, стр. 354—355).

Вот почему столь любезный сердцу т. Ванага тогдашний председатель Совета министров Коковцев имел основание сообщить депутации от Донской области, явившейся просить о проведении новой железной дороги, что Россия может рассчитывать занимать за границей на нужды железнодорожного строительства не более 250—300 мил. р. в год. Это—при потребности в 900 мил. руб. в год, необходимых для осуществления программы железнодорожного строительства.

Вот где ножницы между „темпом" и „потребностью", тов. Ванаг.

Что этот капитал вывозится, в общем, из стран богатых и передовых в капиталистическом смысле в страны отсталые, колонии и полуколонии, а не наоборот,—в этом тоже вряд ли кто усумнится. Что с ростом миграции капитала растет связь между странами—экспортерами капитала и странами—импортерами последнего, при чем первые страны захватывают гегемонию над вторыми, а не наоборот,—все это совершенно бесспорно, по крайней мере, для последователя Маркса—Ленина. По если бы вся современность свободно улеглась, по равжиру, в рамки этих истин, то, право же, легким делом было бы не только писать историю, но и творить ее.

На самом деле экономическая структура мирового капитализма последней эпохи бесконечно сложнее. Так, например, связи между экспортерами и импортерами капитала, степень, характер и конкретные формы зависимости вторых стран от первых,—все это отличается бесконечным разнообразием. Чтобы охватить действительность во всем ее конкретном своеобразии, следует не только остерегаться ее шаблонизирования, но необходимо также внимательнейшим образом учесть и обнаружить т е н д е н ц и и ее развития, быть может, лишь еще слабо намечающиеся в данный момент.

Поясним это на конкретном примере. Индия—колониальная страна. Туда иммигрирует английский капитал. Он там захватывает определенные экономические позиции („кредитную систему" и пр.). Отсюда и колоссальная зависимость политическая, культурная и пр. и пр. Завоевание Индии английским капиталом—не дело последних лет и даже десятилетий, и тут значительного переворота в отношениях не может произойти без вмешательства чужеродной силы. Положим, таким пертурбационным фактором послужила мировая война. Приток английского капитала на некоторое время ослабел или прекратился вовсе. Спрашивается: разве для марксиста-исследователя индийской экономики безразлично, *каким путем* пойдет дальнейшее развитие отношений между иностранным и туземным капиталом? Разве не ясно, что его задача—учесть с величайшей скрупулезностью даже подчас небольшие изменения в удельном весе того и другого в экономике страны? И разве не понятно, что в первую очередь следует обращать внимание ва рост и развитие *туземного* капитала, на рост тувемного накопления: ибо приток английского капитала—дело для Индии *привычное*, а вот появление туземного капитала—явление *новое*, которое следует учесть внимательнейшим образом. И разве не бесспорно, что в зависимости от того, откроется ли перед нами т е н д е н ц и я к „национализации" индийского капитализма, или же мы обнаружим перевес противоположной т е н д е н ц и и,—в совершенно различном виде нам будут рисоваться перспективы п о л и т и ч е с к о й жизни Индии: национальная борьба буржуазии, революционное движение пролетариата, шансы на успех революции буржуазной или демократической, перспективы изолированного существования революционной Ивдии в течение ряда лет.

Поставьте повсюду вместо Индии—Россию, вместо английского капитала—международный банковый капитал, вместо войны—период 1900—1909 г.г. в развитии русского хозяйства, послуживший водораз-

делом между двумя значительными отрезками в развитии русского капитализма (известно, что после кризиса 1900—1901 г. г. некоторые иностранные капиталы—в первую очередь бельгийские—удирали из России) внесите соответственные изменения в дальнейший ход рассуждений, и значение нашего спора будет ясно.

В самом деле. Что развитие типичной для современной капиталистической промышленности (тяжелой индустрии) в России шло в значительнейшей части за счет прилива иностранного капитала,—это явление более или менее о б щ е е для всех отсталых стран. Что сумма иностранных капиталов в акционерном деле России за полтора десятка лет перед войной удвоилась—в этом нет ничего своеобразного: мировой денежный рынок велик и обилен! Но тот факт, что за эти полтора десятка лет удвоился (почти) также туземный капитал в акционерных русских предприятиях,—это явление чрезвычайно *своеобразное;* без учета этого обстоятельства невозможно понимание экономического развития России в предвоенный период.

Далее. Что в эпоху господства финансового капитала отдельные национальные хозяйства тесно переплетаются друг с другом тысячью различных нитей,—совершенно бесспорный факт. Что при этом импорт капиталов теснейшим образом связывает страну, ввозящую капитал, с теми странами, которые этот капитал вывозят,—это непреложная истина. Связи русской системы финансового капитала с системами бельгийской, французской, английской—вне всяких сомнений. Но ведь дело в том, чтобы раскрыть *конкретный* характер этих связей, чтобы определить тип связи. Была ли связь между империалистической системой России и Англии того же типа, как между Англией и Францией, или как между Англией и С. Ш. С. Америки, или как между Англией и Индией, или как между Англией и Китаем?

Если эта связь не может быть вполне приравнена к одному из перечисленных типов, если это связь промежуточного типа, то в чем ее особенности? Мы никогда не поймем этих особенностей, если упустим из виду процесс растущего туземного капиталообразования, который заставлял иностранный финансовый капитал п р и с п о с о б л я т ь с я, приноравливаться к существующим внутри страны условиям, заставлял его, по всей вероятности, не раз и не два итти на уступки, на соглашение с капиталом туземным. Разумеется, детальное раскрытие фактически существовавшего типа связи—дело специальных исследований, но с уверенностью можно сказать, что эти исследования не пошли бы дальше наиболее известных общих мест, если бы они не вскрыли всего своеобразия развития русского финансового капитализма.

Если мы захотим конкретно, без шаблонизирования, поставить этот вопрос о т и п е с в я з и, то перед нами встанет чрезвычайно интересная проблема насчет степени „национализма" того или иного иностранного капитала в той или иной стране, в тот или иной период времени. У обстоятельных немцев существует специальная литература, посвященная конкретному и детальнейшему изучению проблем, связанных с системой экспорта капитала. В этой литературе на основании ряда соображений всяческого рода (соображения психологического

и т. п. порядка играют здесь немалую роль) устанавливается, например, что эмиграция капитала одновременно с его владельцем (т.-е. в форме единоличного предпринимательства) имеет в корне отличный характер в сравнении с эмиграцией фондового капитала. Далее отлично известно, что последствия иммиграции капитала сильнейшим образом варьируют в зависимости от того: 1) куда направляется этот капитал (в какие отрасли народного или государственного хозяйства); 2) кому этот капитал принадлежит (капитал германский, например, действует за границей иными методами, чем французский капитал) и т. п. Наконец, в период бешеного роста мировых хозяйственных связей, в период возникновения многочисленных **многонациональных** (т.-е. международных) об'единений капитала, голый тезис о „денационализации" еще ничего не говорит о том, является ли эта „денационализация", скажем, русской экономики обратной стороной ее „интернационализации" или же обратной стороной ее „национализации" чужестранным капиталом. Но, само собою разумеется, во всех этих сложнейших проблемах можно разобраться сколько-нибудь удовлетворительно лишь при том необходимом условии, которое заключается в конкретном, чуждом шаблонизирования, изучении действительности.

Таким образом, чрезвычайно важная и большая проблема **конкретных взаимоотношений** между иностранным и туземным капиталом в экономической структуре страны останется для нас столь же „темной и непонятной", как история мидян по Иловайскому,—если мы пожелаем ограничиться голыми абстракциями „денационализации" или „национализации", не расшифровывая конкретнейшим образом, в каком именно смысле мы употребляем то или другое звучное словцо. Пожалуй, можно согласиться, что голая схема национализации поможет нам в этом отношении не на много больше, чем голое утверждение насчет денационализации. Пожалуй, можно согласиться, что понятие национализации в смысле старого национал-либерального русского патриотизма дало бы нам извращенное представление о происходивших процессах. Пожалуй, можно согласиться, что поскольку „теория национализации" должна была бы подготовить почву для империалистического блока кадетов с царизмом, для развития идеологии à la „гром победы раздавайся",—ее научная ценность оказалась бы весьма сомнительной. По всем этим причинам можно, пожалуй, согласиться, что если бы работа тов. Ванага появилась лет этак 12 тому назад,—его марксистское артистически заостренное перо должно было бы поражать, опровергать, разоблачать подобные иллюзии, вскрывать диспропорциональность между довольно скромными фактическими процессами и—широковещательными выводами. Но и тогда наш автор оказал бы более чем сомнительную услугу революционному марксизму, если бы он позволил себе в полемическом пылу увлечься настолько, чтобы вместе с водой выплеснуть и ребенка, чтобы вместе с **неправильными** политическими выводами оспаривать совершенно **верно** подмеченные **тенденции** в экономическом развитии страны. Тем более ошибочен такой подход в нынешнее время. На протяжении нашей статьи мы неоднократно, подчеркивали, что о „национализации" рус-

ского капитализма речь может итти лишь в строго определенном, довольно ограниченном смысле. Национализация в этом смысле ничего общего не имеет, разумеется, с той национализацией, которая, быть может, занимала известное место в послеобеденных грезах русских национал-либералов, ориентировавшихся на сближении с Англией, Францией и Бельгией, т.-е. как раз со странами—инвесторами значительнейших капиталов в России. Примерно, те же круги русской буржуазии с особенной силой подчеркивали эксплоатацию русского народного хозяйства Германией во внешнеторговых отношениях этих стран. Но точно так же, как мы не можем à priori отвергнуть факт систематической неэквивалентности во внешнем обмене России [1]), по той единственной причине, что из этого факта делали вывод: „бей немца!“, точно так же мы не имеем оснований отвергать „теорию национализации“ на том единственном основании, что она „во время оно“ вдохновляла литераторов из „Речи“ и „Современки“.

Л. Леонтьев.

---

[1]) Мы предполагаем, между прочим, подвергнуть особому исследованию этот любопытнейший вопрос в подготовляемой работе, посвященной предвоенному положению России в системе мирового хозяйства.

По поводу одной книги.

В. В. Святловский.—„История профессионального движения в России.—От возникновения рабочего класса до конца 1917 года".— Изд. Ленинградского Совета Профессиональных Союзов 1924 г.—345 стр.

Есть книги, мимо появления которых на книжном рынке нельзя пройти молча: мимо одних потому, что к ним необходимо привлечь внимание читающего мира; мимо других — чтобы самым настоятельным образом предостеречь читателя от пользования ими. Лежащая ныне перед нами последняя работа проф. В. Святловского, посвященная истории профессионального движения в России, именно принадлежит к этим последним. Книга эта уже вызвала ряд далеко не положительных отзывов, однако, нам представляется, что ей должно быть уделено значительно больше внимания, чем это было сделано до сих пор. Необходимо более обстоятельно, чем это делается в обычной рецензии, показать читателю, с каким „надежным" источником он будет иметь дело в данном случае. Необходимо особенно потому, что книга вошла, очевидно, по недосмотру составителей, в число рекомендованных недавно изданным ВЦСПС Указателем книг для рабочих библиотек.

Ниже мы и попытаемся заняться этим далеко неблагодарным делом.

Проф. Святловский не новичек в области истории профессионального движения в России. Его работа, „Профессиональное движение в России", вышедшая в 1907 году, до сих пор является одним из важных источников нашего ознакомления с первым периодом открытого массового профессионального движения в годы первой революции. Правда, и в той работе автор проявил совершенно некритическое отношение к использованному им материалу (что, между прочим, уже отмечалось в литературе), но все же она и до сих пор может служить как бы первоисточником, так как содержит в себе значительное количество сырого фактического и оригинального материала. И приходится только пожалеть, что автор, выражаясь его собственными словами, „не стремился воспроизвести" исторический документ тогдашнего времени „во всей его неприкоснов-нности". Ибо во вновь вышедшей работе как раз ценные стороны первой работы почти отсутствуют, в то время как все то новое, что внесено в нее автором и в области, так сказать, „философии движения", и в освещении его исторического

развития, исключительно слабо или просто неверно как в теоретическом, так и в историческом отношении.

В этом мы не замедлим убедиться, как только ближе ознакомимся с книгой. Отметим только заранее, что, поскольку идеологическая путаница, внесенная в нее автором, уже получила более или менее обстоятельную оценку в литературе, мы свое внимание уделим почти исключительно исторической стороне работы.

Уже самый беглый просмотр книги показывает, с какой степенью серьезности автор подошел к своей работе. „От возникновения рабочего класса до конца 1917 года" — так гласит данный автором подзаголовок книги. То же самое определение хронологического об'ема ее мы находим в „общем предварительном обзоре", в котором автор пытается установить основные этапы и моменты развития движения. И что же? — В работе, занимающей в общей сложности 845 стр., такому важному периоду движения, как десятилетие 1908 — 1917 г.г. (подчеркнем, что сюда входит и развитие движения в период февральской революции) посвящено всего на всего 22 стр.; все же остальное относится к 1905 — 1907 г.г. и периоду, им предшествующему. Этого мало. О предвоенном под'еме движения, о котором автор, правда, упоминает в своем предварительном обзоре, в самом тексте книги нельзя найти так-таки ни одного слова, а изложение развития движения в 1917 г. умещается самое большее на 16 страничках, которые, кроме изложения отдельных постановлений III всероссийской конференции профессиональных союзов, содержат в себе лишь несколько общих мест.

И вполне естественно. Автор не потрудился даже ознакомиться с литературой движения, которая не была использована в его первой работе. Во всей книге, пестрящей, нужно сказать, библиографическими справками, мы нашли ссылки всего лишь на три работы, вышедшие после 1908 г. (мы не считаем, конечно, статей самого автора). Работы эти следующие: книга Тюрина о Московском Ц. Б. профсоюзов (содержание которой, кстати сказать, не использовано автором), изданная ВЦСПС в 1917 г. брошюра с отчетом и постановлениями III всероссийской конференции и „Резолюции всероссийских конференций и с'ездов профессиональных союзов", изданные под редакцией и с предисловием Г. В. Цыперовича.

И на основании таких источников пишется „история"!

Но и в основной части работы, посвященной 1905 — 1907 г.г. мы найдем ту же случайность в доле внимания, которую автор уделяет тому или иному моменту. Так, например, союзным об'единениям автор посвящает каких-нибудь 16 страничек, при чем все эти странички содержат в себе материал лишь о Центральных Бюро: об'единениям же союзов отдельных профессий автор вообще не уделяет никакого места.

Однако не будем задерживаться на этом, и от того, чего нет в книге, перейдем к тому, что в ней (к сожалению!) имеется.

Свое изложение автор начинает с возникновения рабочего класса в России. И здесь мы сразу натыкаемся на такую путаницу понятий, на такой набор утверждений и фактов, что трудно будет понять,

в чем, собственно говоря, проф. Святловский усматривает основные моменты возникновения рабочего класса в России.

До сих пор среди марксистов (да, впрочем, далеко не только среди одних марксистов) не возникало сомнений, что рабочий класс (пролетариат) — есть класс свободных наемных работников, не имеющих собственных орудий и средств производства и вынужденных существовать продажей своей рабочей силы. Проф. Святловский, конечно, тоже „марксист", однако, на сей счет у него, очевидно, своя теория. Впрочем, не будем излагать ее, а, во избежание упреков в неточной передаче, предоставим слово самому автору.

„Русский рабочий класс — пишет он — зарождается и складывается постепенно. Начало его возникновения теряется в XVI столетии, когда страна переходит от старого натурального к новому денежному порядку. В это время из общей массы населения выделяются ремесленники, труженики ручного труда" (стр. 3). И далее: „История русского хозяйства считает XVI век — временем возникновения торгового капитала. В то же время трудящееся земледельческое население выделило из своей среды значительные группы ремесленников. Это происходило в конце XV и начале XVI столетия. Таким образом, ранняя пора нашего денежного хозяйства застает Россию на ступени довольно развитого ремесленного производства. Ремесленники — первое зародышевое ядро рабочего класса в России, русского пролетариата" (стр. II. Курс. наш *Р. Я.*). Наконец, мы находим и такое место: сообщая о большом количестве профессий, на которые подразделялись ремесленники, автор продолжает: „перед нами уже налицо значительное разделение (дифференциация) и с течением времени эта дифференциация делается глубже" (стр. 13).

Здесь и теоретические, и исторические ошибки нагромождены одна на другую.

Прежде всего, проф. Святловский упустил из виду одну, „маленькую разницу": различие между общественным разделением труда и классовой дифференциацией. Конечно, рабочий класс не появился в один прекрасный день в готовом виде. Его развитие и оформление явилось результатом довольно длительного процесса экономического развития (точнее: роста капиталистических отношений). Развитие это проявлялось во все большем росте той части трудящихся, которая лишалась собственности на орудия и средства труда (пролетаривовалась) и вынуждалась тем самым продавать свою силу нарождающемуся капиталу. Вот этот процесс появления и роста такого слоя и является процессом возникновения и развития рабочего класса (пролетариата). Действительно верно, что этот процесс отражался в первую очередь и в гораздо большей степени на составе трудящихся в области обрабатывающей промышленности. Однако, последнее обстоятельство ни в коем случае не должно затемнять сознания того, что выделение из общей массы трудящегося населения, занятого сельскохозяйственным трудом, отдельных специалистов, занятых изготовлением тех или иных орудий труда или предметов обихода (ремесленников), и пролетаризация — превращение части трудящихся в наемных работников, —

явления совершенно различного порядка. В первом случае перед нами общественное разделение труда, во втором — классовая дифференциация общества. И хронологически, и с точки зрения общественных отношений эти два явления далеко между собой не совпадают.

Нам несколько совестно повторять эти прописные истины. Однако, очевидно, они остались совершенно не понятыми автором. Для него „ремесленники — первое зародышевое ядро рабочего класса"; сюда же он, говоря о наличности большого количества ремесленных профессий в Московской Руси, припутывает вопрос о дифференциации в таких выражениях и в таком контексте, что очевидно, что эта самая „дифференциация" в глазах автора и является процессом роста русского рабочего класса.

Если проф. Святловский хотел бы быть последовательным в этом отношении, то ему следовало бы искать начало возникновения „зародышевого ядра" рабочего класса в России несколько раньше, чем в XVI веке. Известно, что выделение ремесленников, обслуживающих изготовляемыми ими предметами прочих членов общины, — явление, знакомое уже эпохе общинного хозяйства.

Наконец, если можно, хотя и со значительными оговорками [1]), принять выдвинутый Туган-Барановским тезис о развитии торгового капитализма еще в до-петровской Руси, то во всяком случае неверно, что этот капитализм много успел в направлении подчинения своему влиянию ремесла и превращения его сначала в т. н. домашнюю промышленность, а затем и в мануфактуру. Этот классический путь создания капиталистической промышленности, который в его наиболее чистом виде мы можем наблюдать в истории Англии, — совершенно не характерен для экономического развития России в XVII и XVIII веках. Тот же Туган-Барановский в очень яркой форме отметил это, говоря о создании петровской мануфактуры.

Вообще автор дает исключительно сбивчивое представление о развитии промышленности в России. Вот несколько примеров.

Посвятив ряд страниц сообщению о различных видах ремесла в Московской Руси, он далее, как бы мимоходом, сообщает, что „в Москве в начале XVII в. уже встречается новое лицо — наемный рабочий" (курсив автора) и, приведя несколько данных о его положении, сразу переходит к положению рабочих на „первых заводах". Но когда же в истории хозяйства России начинается создание этих заводов? Когда же мы действительно можем говорить о крупной промышленности в России и каков ее экономический характер в первый период? — Вот вопросы, которые необходимо хотя бы вкратце осветить, когда говоришь об истории русского хозяйства. Послушаем проф. Святловского.

Перед нами две следующие цитаты из его работы:

„Первые шаги к развитию в России крупного производства — говорит автор — были сделаны в самом конце XVII столетия в царство-

---

[1]) Сошлемся хотя бы на Г. В. Плеханова („История русской общественной мысли") и М. Н. Покровского („Русская история с древнейших времен").

вание и при дворе царя Алексея Михайловича, когда появилась необходимость в целом ряде новых изделий и товаров. Вместе с тем родился русский капитализм из ряда правительственных монополий и субсидий" (стр. 18), а четырьмя страницами далее мы читаем заявление, сделанное уже в „несколько" ином тоне: „Оглядываясь назад на русское экономическое прошлое, не видишь следов появления фабрики в так называемое до-петровское время, если, конечно, не считать некоторых небольших единичных попыток устройства крупного производства в XVI и XVII веках иностранцами, да изредка боярами, конечно, при поддержке правительства" (стр. 22. Курсив всюду наш).

Одно из двух: или действительно не видишь „следов появления фабрики" в до-петровское время — тогда не приходится говорить о развитии на ряду с этими первыми „следами" фабрики, русского капитализма, выросшего на почве „государственных монополий и субсидий"; или приходится поневоле „считать" те отдельные попытки, которые делались в Московской Руси в области насаждения крупного производства. Уж во всяком случае, если можно „считать" ремесленников XVI века „зародышевым ядром" русского пролетариата, то без всяких сомнений следует отнести хотя бы „мельничные заводы" [1]), построенные в 30-х годах XVII века в Тульской губ. Виниусом к „следам" появления фабрики в до-петровское время.

А вот еще один пример „четкого" изложения проф. Святловским сведений о развитии русской крупной промышленности: „В 1779 г. вообще кончились привилегии русских фабрикантов. Их права были переданы (? *Р. Я.*) вновь учрежденной Мануфактур-Коллегии, государственного (ному?) учреждения (нию?) особой, с точки зрения меркантилизма, важности. Мануфактур-Коллегия должна была руководить промышленностью и являться инициатором (? *Р Я.*) в этой сфере" (стр. 26).— Понять, что хотел в приведенных фразах сказать автор, довольно трудно.

Не будем, однако, больше останавливаться на этой части работы. Отметим только, что когда проф. Святловский, наконец, действительно подходит к периоду развития именно капиталистической промышленности и — соответственно — промышленного пролетариата, то тут он уже отказывается от столь „обстоятельного" изложения и считает возможным ограничиться самыми общими замечаниями.

Не более продуманно автор подходит и к ряду других вопросов, на которых он останавливается в своей работе. Мы не имеем возможности рассматривать большинства из них, но некоторым следует уделить внимание.

Остановимся прежде всего на вопросе об обществах и кассах взаимопомощи. В специально посвященной им главе автор смешал воедино общества и кассы взаимопомощи, построенные на основе добровольного членства, и заводские страховые кассы, участие в которых было обязательно для всех работающих в данном предприятии, и даже ссудо-сберегательные кассы и товарищества, об'единявшие

[1]) Чугунноплавильные.

в своем составе далеко не одних лиц наемного труда. „Таким образом,— пишет он — выясняется следующая схема касс, обществ и товариществ: 1) взаимопомощи, 2) ссудо-сберегательные, 3) сберегательно-вспомогательные, 4) потребительские. Они подготовили и взрыхлили рабочую среду к проникновению в нее идей организационной кристаллизации и профессиональной сплоченности и солидарности и явились, таким образом, предтечами профессионального движения" (стр. 79. курсив наш. *Р. Я.*).

Таков вывод, который делает проф. Святловский из обзора деятельности этих касс. Мы не будем останавливаться на разборе его по существу, хотя не можем не заметить в скобках, что с таким же успехом как ссудо-сберегательные товарищества, можно назвать предтечами профессионального движения... ну хотя бы те артели, которые история труда в России знает по крайней мере с XVI века. И эти последние также были хронологически предшественниками („предтечами") профессиональных союзов; что же касается внесения первыми в рабочую среду идей „кристаллизации и профессиональной сплоченности и солидарности", то, пожалуй, как увидим ниже, и сам проф. Святловский не так уж твердо в этом убежден [1]).

Во всяком случае приведенное место должно, казалось бы, убедить нас в том, что проф. Святловский в так называемой дискуссии об „истоках" профессионального движения занимает позицию сторонника той точки зрения, что от обществ и касс взаимопомощи ведет свое начало российское профессиональное движение. Но... — и в этом характерная черта делаемых автором обобщений — у него в запасе и утверждение „несколько иного" порядка. Открываем страницу 60-ю и читаем: „До 1905 года большинство организаций взаимопомощи не только служило орудием экономической и политической борьбы (?? *Р. Я.*), но зачастую они, как раз обратно, превращались в орудие борьбы хозяев с входившими в них рабочими массами" (к. и.).

Не менее достопримечательно и изложение автором истории „закона 4-го марта", „издания которого,—по словам проф. Святловского,—рабочие требовали еще осенью 1905 года".

— „До 1905 года,—сообщает нам автор,—бесправие было особенно свирепым и тяжелым". Но вот осенью 1905 года образовалось в Питере Ц. Б. профсоюзов. „Принимая в нем активное участие, — продолжает проф. Святловский,—я выдвинул на очередь вопрос о необходимости энергично домогаться издания специального закона о союзах. Глава тогдашнего правительства С. Ю. Витте согласился с тем, что вопрос „назрел", и вскоре техническое выполнение законопроекта было поручено старшему делопроизводителю главного по фабричным делам присутствия Ф. В. Фомину, человеку начитанному по экономическим вопросам, весьма доброжелательно настроенному к интересам рабочего класса" (стр. 255). Одним словом, все очень замечательно: Святлов-

[1]) См. приведенное ниже место из 60-й стр. его работы.

ский „выдвинул", Витте „согласился" и поручил делу Фомину, человеку „начитанному" и „доброжелательно настроенному". Но послушаем дальше.

„Фомин согласился принять в основу волеиз'явление петербургских организованных рабочих" (стр. 256) и „в результате получился вполне выдержанный законопроект" (там же), который „содержал (в себе? *Р. Я.*) важнейшие требования пролетариата" (стр. 263). „Но,— сожалеет проф. Святловский, — „временные правила 4-го марта", получившиеся в итоге „переработки" (законопроекта Фомина. *Р. Я.*), далеки, как известно, от разумного законодательства о профессиональных организациях пролетариата" (стр. 256).

Все было бы хорошо, да вот сначала комиссия Тимирязева, а потом Государственный Совет, что называется, „подкузмили" и... в итоге мы имели каторжные правила 4-го марта.

Так пишется история...

Хорошо еще, что автор приводит самый текст законопроекта Фомина, а то было бы несколько непонятно, как это произошел такой любопытной случай, что бюрократический аппарат правительства Николая II начал с выработки законопроекта, отвечающего „волеиз'явлению петербургских организованных рабочих" и удовлетворяющего „важнейшие требования пролетариата", и кончил правилами 4-го марта. Ларчик, однако, открывается очень просто. Самый беглый просмотр законопроекта покажет нам, что между началом и концом этого прожектирования была дистанция уж не такого большого размера. Так, например, пункт первый законопроекта говорил только о лицах, занятых „в предприятиях обрабатывающей и горной промышленности" и тем самым лишал права организации многочисленные группы торговых, железнодорожных, муниципальных и иных рабочих и служащих, не говоря уже, конечно, о служащих государственных учреждений, а пункты 15 и 16 вводили фактически разрешительный порядок образования союзов, ставя их в этом отношении под бдительный надзор „присутствия по фабричным и горнозаводским делам". Нужно быть исключительно „доброжелательно настроенным" к автору законопроекта, чтобы не видеть всех этих сторон его.

Когда читаешь посвященные этому вопросу страницы, становится совершенно непонятным, чем же была вызвана тогда непримиримая позиция автора при обсуждении правил 4-го марта на II всероссийской конференции профессиональных союзов, которая, по теперешнему заявлению автора, „некоторый диссонанс внесла" в общее решение рабочих организаций использовать эти правила.

Примерно, в таком же духе ведется изложение в ряде иных вопросов, на которых останавливается автор. К этому нужно прибавить, что вся книга пестрит рядом, порой совершенно непростительных, ошибок. Попытка исправить все эти ошибки заняла бы чересчур много места, но вот ряд наудачу выбранных примеров:

1. „Зубатовщина (полицейский социализм), — пишет автор, — лоно будущего экономизма" (стр. 5). Иными словами, у Святловского выходит, что на почве зубатовщины, развернувшейся, главным образом,

в начале девятисотых годов, выросло то течение российской социал-демократии, которое получило свое оформление еще в 90-х годах прошлого столетия и к моменту наибольшего под'ема зубатовщины уже падало под ударами „Искры".

2. Южно-русский рабочий союз был в 1875 г. „организован группой интеллигентов" (стр. 43). И это все, что автор находит нужным сообщить по поводу Союза в то время, как именно его основной особенностью для того времени был почти исключительно рабочий состав организации. Так, на процессе Союза мы не увидим, кроме Заславского, ни одного интеллигента.

3. В 1903 году „в Москве организуется **всеобщая** стачка политического характера, **устроенная профессиональным союзом**" (стр. 50 к. н.).— Комментариев, кажется, не требуется.

4. Председателем зубатовского „общества ткачей" был избран Красивский (стр. 84).— Это абсолютно неверно. Красивский, крупнейшая фигура и идейный руководитель Московских зубатовцев, никогда не занимал в „обществе" официальных постов.

5. Стокгольмский Об'единительный С'езд Р.С.-Д.Р.П., по номенклатуре автора — „второй партийный с'езд" (стр. 204).

6. Так называемая первая конференция профессиональных союзов „установила примерную программу с'езда (всероссийского с'езда союзов. *Р. Я.*), исходя из принципов, установленных еще в Харькове обществом взаимного вспоможения занимающихся ремесленным трудом..." (стр. 236). Таково утверждение автора. Между тем, Харьковское общество предполагало организовать созыв обществ взаимопомощи, а первая конференция отвергла Харьковский проект и приняла предложение, внесенное социал-демократами.

7. „Об'единение текстильных рабочих — по Святловскому — началось с организации легальных касс взаимопомощи" (стр. 112). — Это абсолютно неверно. Как раз среди текстильных рабочих легальные общества и кассы взаимопомощи встречаются реже, чем у огромной части других профессий. Кроме указываемого автором Костромского общества, история зарегистрировала всего лишь одно „общество ткачей" (зубатовское) в Москве. Во всяком случае, об'единение текстилей Центрального Промышленного района в эпоху первой революции, приведшее в конце-концов к созданию союзов, началось с неоформленных нелегальных организаций, а не с касс взаимопомощи...

И так далее, и тому подобное. Всех таких мест не перечислишь...

Подводим итоги. Совершенно неправильная постановка ряда вопросов, большое количество фактических ошибок, ряд взаимно противоречивых утверждений, и наконец, исключительно случайный подбор материала и совершенно случайная доля внимания, уделяемого тому или иному вопросу — вот отличительные черты работы проф. Святловского. Остается только пожалеть, что Ленинградский Совет Профессиональных Союзов издал такую книгу.

Р. Якуб.

IV.—ХРОНИКА.

ПРОТОКОЛ

общего собрания членов Коммунистической Академии

29 ноября 1924 г.

Присутствовали: Члены Коммунистической Академии: М. Покровский, Е. Преображенский, П. Стучка, А. Мартынов, П. Лукин, Д. Кузовков, В. Базаров, А. Богданов, В. Фриче, В. Волгин, А. Тимирязев, П. Дауге, А. Деборин, Ш. Дволайцкий, О. Ерманский, Б. Горев, В. Переверзев, М. Павлович, Л. Крицман, М. Бронский, О. Шмидт, Бела-Куи.

Научные работники Коммунистической Академии: Ю. Ключников, Цинкин, П. Иванов, М. Дрей, Г. Беткин. Секретарь Академии: П. А. Меницкий.

ПОРЯДОК ДНЯ:

1. Отчет о работе Коммунистической Академии за истекший год и о планах на 1924—1925 год.
2. Доклады о работе секций и кабинетов.
3. Доклад о работе Библиотеки.
4. Перевыборы Президиума.

Покровский М. Н. (Председательствующий). Товарищи, разрешите заседание открыть. Я должен предупредить. Должен был быть доклад тов. Милютина. Он болен, так что доклад сделает т. Преображенский. Слово для доклада имеет т. Преображенский.

Преображенский Е. А. Товарищи, для того, чтобы ясно было, какую роль Коммунистическая Академия играет в научно-исследовательской теоретической работе, которая в данный момент ведется в нашей стране, для этого целесообразно будет поставить вопрос о том, какие вообще проблемы стоят перед марксистской мыслью в настоящий момент. Эти проблемы я расположил в некоторой логической связи и перечислю их. Я назову их исключительно затем, чтобы легче было излагать по отдельным пунктам, что мы, как Коммунистическая Академия, сделали в разработке отдельных отраслей марксистской теории.

Каковы же в настоящий момент основные задачи марксистской теории?

Во-первых, ряд задач связан с дальнейшей разработкой метода диалектического материализма. Вы все знаете, что наследство, которое мы получили от Маркса и Энгельса, здесь весьма велико, но оно не систематизировано. Здесь дальнейшая разработка совершенно необходима.

Что в этом отношении было сделано у нас на территории нашего Союза?

Нужно сказать, что вопросы методологии являются, несомненно, наиболее сложными в марксизме, наиболее трудными. Наибольшие споры возникают, именно, в этой области. В области метода диалектического материализма я не мог бы отметить работ, заслуживающих внимания, кроме статей А. М. Деборина, хотя работ по диалектическому материализму вообще у нас появилось достаточно, по крайней мере, за тот отчетный год, о котором я здесь говорю. Но это были работы по комментированию того понимания метода, какое установилось у старых марксистских писателей; это были часто, скорее, ученические работы.

Несколько лучше обстояло дело с приложением диалектического метода к общим вопросам естествознания, теории познания и психологии. Здесь мы имели несколько работ, но бедность и здесь была очень велика. Мы отмечали уже неоднократно, что у нас имеются естественники коммунисты, которые в то же время не считают себя достаточно компетентными в вопросах марксистской философии. У нас есть философы, которые не считают себя достаточно компетентными в вопросах естествознания. А между тем в настоящий момент является в высшей степени необходимым и своевременным освещение общих проблем естествознания и физики под углом зрения применения диалектического метода. Здесь мы стоим перед затруднением, из которого можем выйти лишь постепенно, по мере того, как будут готовиться новые кадры, или по мере того, как старые кадры будут более заниматься изучением областей, смежных у общественной науки с естествознанием. Что касается теории познания, то здесь мы имеем несколько преимущественно ученических работ.

Третий пункт, это область психологии. Здесь у нас произошло за последнее время интересное явление: ряд психологов проделал некоторую эволюцию, по крайней мере, словесную эволюцию к марксизму, при чем со стороны действительных марксистов они не получили надлежащего отпора. Я укажу, например, на Челпанова, брошюру которого вы, вероятно, все читали. И здесь приходится отметить, что надвигается целый ряд проблем, которые идут из области психо-физиологии, например, проблемы, поставленные Павловской школой; накопился ряд вопросов, которые требуют от нас не теоретических отписок, а серьезного теоретического ответа. Нельзя сказать, чтобы и здесь наши работы блистали полнотой и достаточной научной солидностью. Лучшее, что мы здесь имеем, это работа т. Бухарина, посвященная критике Энчмена. Появилось еще несколько журнальных статей, также посвященных этим проблемам. Перехожу дальше. Поскольку дело идет о разработке ряда вопросов из истории философии с точки зрения марксизма, то в этом отношении мы

имели, я скажу, урожай, поскольку под руководством т.т. Деборина, Аксельрод и Вариаша в Институте Красной Профессуры мы организовали питомник молодежи, который занимался марксистским анализом различных философских систем и дал несомненные результаты. Большинство работ, относящихся к этой области, печаталось в журнале „Под знаменем марксизма". Эти работы также иногда носят ученический характер, но дело здесь основательно двинуто вперед и будет развиваться дальше. Не все работы еще изданы. Часть их будет издана под редакцией т. Деборина в том сборнике, который печатается нашим Издательством. Можно рассчитывать на то, что товарищи, которые занимались в Институте Красной Профессуры 2—3 года и пока делали только подготовительные шаги, несомненно, продвинут в области философии марксистскую мысль, поскольку они будут заниматься самостоятельно научной работой. В этом не приходится сомневаться, потому что мы имеем несколько талантливых товарищей в числе наших молодых философов

Следующий пункт,—это вопросы, связанные с теорией исторического материализма и с применением теории исторического материализма к изучению общественных явлений. В деле обсуждения методологии исторического материализма начало у нас сделано. Всем вам известно, что т. Бухарин выступил с изложением его точки зрения на теорию исторического материализма, как на марксистскую социологию. По этому вопросу была полемика, полемика, правда, недостаточно оживленная и недостаточно содержательная. И пока мы не имеем ни одной солидной работы, которая была бы противопоставлена работе т. Бухарина об историческом материализме. Вопрос, поднятый т. Бухариным, остается дискуссионным и требует дальнейшей коллективной разработки. Что касается применения метода исторического материализма к конкретным исследованиям, наибольшие успехи мы имеем в области истории. Михаил Николаевич, как руководитель соответствующего семинария в Институте Красной Профессуры, сгруппировавший вокруг себя, кроме институтской публики, ряд товарищей, которые заняты вопросами истории, имел несомненный успех. Мы имеем здесь целый ряд ценных научных статей и даже отдельных монографий. Я не буду их перечислять, потому что это слишком удлинило бы мой доклад.

В области экономии мы имеем дело со следующими видами работ: вопросы метода, проблемы теоретической экономии, конкретные экономические исследования. Чисто методологических работ за этот год я не помню; кажется, их не было совсем. Что касается новых исследовательских работ в области теоретической экономии, то можно указать на работу Рубина, посвященную теории стоимости Маркса. Появился ряд новых исследований по вопросу о накоплении. Здесь в первую голову приходится отметить ценную работу о накоплении т. Бухарина, печатающуюся в „Под знаменем марксизма", ряд статей т.т. Кричмана, Дволайцкого и др., статей, которые были напечатаны в „Вестнике Коммунистической Академии" на ту же тему. Новых учебников по политической экономии появилось достаточно, но их качество обратно пропорционально количеству.

Что касается проблем, связанных с изучением периода распада капиталистического общества, с изучением новой экономики, то здесь нужно указать на следующее. Маркс дал теорию капиталистического общества и, в частности, теорию капиталистического хозяйства. Мы вступили в период распада капитализма. Следовательно, мы вступили в эпоху, где начинают действовать иные закономерности. И, наконец, мы имеем страну с диктатурой пролетариата, приступившей к организации нового типа хозяйства, где действуют эти закономерности в большей мере, чем где-либо. Следовательно, здесь мы стоим перед проблемами, связанными с теорией нового периода.

Что мы имеем в этой области? Начало теории нового периода положено в работах Ленина как социологических, относящихся к советскому обществу, так и экономических, относящихся к советскому хозяйству. За последний год появилось несколько работ, комментирующих Ленина в области теории. Предстоит-же нам здесь работа огромного масштаба. Приложить к изучению советского хозяйства основные идеи Ленина и продолжать его дело путем анализа новых проблем советского хозяйства. В этом отношении наши работы не продвинулись вперед сколько-нибудь заметно. Они только что начинаются. Можно указать на несколько статей, которые появились в „Вестнике Коммунистической Академии". Было сделано два доклада на эту тему. Здесь перед нами огромное поле для работы, и я думаю, что, опираясь, главным образом, на новые силы, которые мы подготовили, мы в состоянии будем двинуть вперед нашу работу.

Что же касается описательных экономических работ, в частности работ, посвященных экономической политике, то в них недостатка не было.

Вот, приблизительно, те задачи, которые перед нами стоят, и то, что было сделано вне Коммунистической Академии и, в частности, Коммунистической Академией.

Теперь после всего сказанного разрешите перейти к более конкретному докладу относительно работ именно Коммунистической Академии.

Я начну прежде всего с перечисления тех докладов, которые мы имели на протяжении истекшего отчетного полугодия. За последнее время у нас был прочитан доклад тов. Тимирязева „Теория относительности", который вызвал довольно оживленные прения; затем в нашей Секции методологии был прочитан доклад тов. Юринца „Эйнштейн и махизм", доклад тов. Харазова „Математическая критика теории относительности", доклад тов. Вариаша на пленуме Коммунистической Академии „История философии и марксистская философия истории". Затем за последнее время было прочитано два доклада—тов. Радека относительно плана Дауэса и затем доклад тов. Крицмана, посвященный теоретическому анализу системы военного коммунизма. Нужно сказать, что с точки зрения количества докладов наше отчетное полугодие отличается от предыдущего в невыгодную сторону. В предыдущем было 20 докладов, в этом я мог насчитать только 6.

Теперь, переходя к работе наших кабинетов, я должен заметить, что я буду говорить только о тех кабинетах, которые развили опреде-

ленную конкретную работу. Те кабинеты, о которых ничего сказано не будет, никакой работы сколько-нибудь заметной не вели.

Начну с кабинета мировой политики. Деятельность этого кабинета, кроме работы, которая была направлена на пополнение кабинета книгами и журналами, о чем более подробно скажет тов. Ключников, заключалась в некотором руководстве работами слушателей отделения внешних сношений на ФОН'е.

В области издательской работы кабинетом было сделано много. Мы приступили к изданию „Международной Летописи", затем целого ряда переводных работ, касающихся международных вопросов и документов. В области исследовательской деятельности этот кабинет проявил достаточно энергичную деятельность. Но журнал, который издается кабинетом международной политики, не мог выходить регулярно по вине Госиздата. После трех книг они убедились, что это издание убыточное. Теперь мы принимаем меры к более аккуратному выходу журнала „Международной Летописи" и уменьшению его дефицитности.

Перехожу к следующему кабинету—к секции права. Секция общей теории права и государства поставила перед собой задачу создать энциклопедию государства и права. Вероятно, проект ее известен членам Академии, и я в двух словах скажу о ее содержании. Она должна включать более 900 слов, и в ней предполагаются следующие отделы: государственное право, гражданское и уголовное право и процессы, международное, трудовое, административное, финансовое право, а также философия права и социология. Сейчас подготовлена почти половина намеченного материала. Все издание рассчитано приблизительно на 50 печатных листов в форме одного большого тома и будет издаваться в нашем издательстве. Успех издания, как нам кажется, будет обеспечен. Что касается отдельных изданий, которые были выпущены секцией, то об этом я буду говорить тогда, когда буду говорить о нашем издательстве.

Затем идет секция советского строительства. Задача ее состояла в том, чтобы обслуживать в сфере научного изучения советского строительства наши центральные учреждения. Первой работой секции было редактирование журнала „Власть Советов". Журнал в настоящее время издается в количестве 15.000 экз. и имеет значительный успех. Затем еще секцией издана работа Михайлова „О подготовке работников по советскому строительству", работа Гурвича: „Принципы автономизма и федерализма". Кроме того, в секции ставятся доклады о советском строительстве.

Теперь перехожу к кабинету по истории революционного движения. Деятельность кабинета выразилась, между прочим, в следующем: была проделана работа по подготовке систематического сборника легальной с.-д. литературы за определенный период. Работа эта уже готова и издана; размером работа в 16 печатных листов. Затем подготовляется издание полного собрания сочинений Ткачева; удалось уже собрать соответствующий материал для этого. Недавно было приступлено к подготовке издания сочинений бывшего члена нашей Академии, тов. Воровского. В настоящее время производится подбор всех тех статей, которые были написаны Воровским в нелегальных органах. Тов. Кривцов принимает участие и в этой работе.

Теперь перехожу к нашей секции методологии. Секция методологии представляет из себя институт, который перешел к нам от Наркомпроса. За тот промежуток времени, пока эта секция находится при Академии, она провела порядочную работу. Я уже говорил о некоторых докладах, которые читались в этой секции. Секция в настоящий момент наметила себе разработку следующих проблем: используя теоретический анализ капитализма, данный Марксом, произвести конкретное исследование мирового хозяйства по его схемам; подставить цифровые величины в схемы Маркса из II-го тома „Капитала", т.-е. арифметически выразить процесс капиталистического воспроизводства. То, что было разработано здесь, печатается в виде отдельных выпусков, которые выходят под общим названием: „Мировое производство в сравнительных цифрах и диаграммах". Первый выпуск этих работ, включающий мировую статистику по топливу, был издан в 23 году силами студентов 1-го М. Г. У. В настоящее время, с организацией методологической секции, явилась возможность продолжать эту работу. В настоящее время намечается подготовка второго выпуска, посвященного металлопромышленности и машиностроению. Методологическая сторона, а также анализ ценностного состава капитала изложены в особой работе, вернее, в одной главе этой работы, под названием „Теория и практика воспроизводства капиталистического хозяйства" в 10-й книге „Вестника Ком. Академии". Затем предстоит анализ по тому же методу и процесса обращения. Происходит изучение конъюнктуры мирового хозяйства с конструированием соответствующих кривых, по которым можно наглядно изучать все основные процессы мирового хозяйства. Кроме статистическо-экономического анализа современного мирового хозяйства, секция ставит перед собой задачу восполнить тот пробел, который мы все особенно сильно чувствуем в последнее время, а именно, заняться вопросами применения диалектического метода к области точных наук. Она ставит также перед собой разработку вопросов относительно применения статистического метода к процессам обществоведения и ряд других интернаучных проблем. По этому вопросу более подробно мог-бы сделать доклад один из членов Академии и руководитель секции тов. Тимирязев, если бы члены Академии этого пожелали.

Теперь перехожу к нашему издательству. Что касается нашей издательской деятельности, то здесь в первую очередь я должен остановиться на „Вестнике Коммунистической Академии". „Вестник Коммунистической Академии" еще не нашел как следует своего места в серии тех журналов, которые в настоящий момент обслуживают нашу читающую публику. Материал его книг был довольно разнообразен по содержанию, что одним нравилось, а другим, которые видели задачу „Вестника" в ином, не нравилось, потому что вопросам методологии сначала мы посвящали сравнительно мало места. В дальнейшем мы все больше и больше отходим, именно, на эту позицию, которая нами с самого начала была намечена. Мы не могли еще пока сгруппировать вокруг себя соответствующий кадр постоянных сотрудников, которые могли бы писать, и

писать достаточно, именно по этим вопросам. Что касается вышедших книг, то я на них останавливаться особенно не буду. Скажу только, что мы пытались по возможности по всем вопросам общественных наук дать что-либо новое. У нас наиболее богато, чем все другое, представлена экономика; экономические статьи преобладают и, повидимому, будут преобладать в нашем „Вестнике". Что касается вопросов философии и вопросов, связанных прямо и косвенно с философией, то до сих пор наш „Вестник" был слаб и оставался позади журнала „Под знаменем марксизма", отчасти вследствие того, что товарищи, работающие в „Под знаменем марксизма", не уделяют достаточно времени „Вестнику Коммунистической Академии", хотя и состоят членами Академии. Затем у нас до сих пор слабо освещается все то новое, что появляется в заграничной литературе в области естественных наук и что имеет общий интерес. При всех наших усилиях наладить соответствующую информацию нам до сих пор ничего не удалось сделать. Дальше я должен указать еще на следующее обстоятельство. Некоторые товарищи возражают против того, что иногда на страницах „Вестника Коммунистической Академии" мы печатали статьи, которые имеют определенный теоретический уклон от марксизма. Я укажу, например, на статью Лукача, которую мы пустили, и некоторые другие, с менее заметными отступлениями от марксизма. Я считаю, что здесь нападки на нас несправедливы и вот почему. Привожу пример. Если появляется, допустим, в области теории определенное течение, которое только начинает расходиться с марксизмом, и если мы не будем иметь возможности выявить это течение иначе, как напечатавши более характерное из этой области, то мы не будем иметь возможности читателю нашего журнала дать возможность, во-первых, ознакомиться с тем, о чем идет речь, а во-вторых, противопоставить ошибочным работам соответствующую антикритику. В частности, вместе со статьей тов. Лукача, которую мы поместили с редакционным примечанием, мы пустили статьи тов. Рудаша, которые дают критику теоретических уклонов статей Лукача, и потом выйдут в виде отдельной книжки. Я думаю, что это один из лучших способов борьбы с теоретическими уклонами. С другой стороны, есть ряд вопросов, где наша теория очень слабо разработана. Я уже указал, как печально обстоит дело в области психологии. Есть другие области, где дело обстоит так же. В этих областях придется прокладывать совершенно новые пути. Поэтому мы считаем совершенно правильным, если в журнале типа нашего „Вестника" мы помещаем дискуссионные статьи. Хотя наш „Вестник", как теоретический орган, имеет определенное направление, т. е. защищает в области теории марксистско-ленинскую линию, тем не менее он должен давать большие возможности для дискуссии, чем, например, газета или чисто политический журнал. И на будущее время мы постараемся именно таким образом выявлять шатания в области теории и коллективно исправлять и ликвидировать их.

Дальше, в связи с „Вестником Коммунистической Академии", я должен указать на следующее. В этом году мы выпускали „Вестник" крайне неаккуратно. Это об'яснялось прежде всего летним временем, в течение которого, как известно, всякая работа ослабевает, а с другой

стороны, главным образом, препятствиями чисто технического характера. Нужно сказать, что последняя книжка № 9 печаталась в Госиздате почти 4 месяца, т.-е. совершенно неслыханный срок, а вследствие того, что не появлялась 9-я книжка, не могла появиться и 10-я. Вследствие независящих от нас причин, мы не выполним нашего обещания перед подписчиками выпускать журнал через каждые 2 месяца. Как мы предполагаем выйти из того затруднения, с которым мы встретились в области техники? Госиздат много раз обещал нам аккуратный выпуск наших книг. Мы заключили с ним сначала контракт, по которому он должен был печатать книжку журнала в месяц после сдачи материала, затем пришлось продлить по настоянию Госиздата этот срок. В общем же никогда наши книжки в назначенный срок не выходили. Наконец, мы, после заседания Президиума Академии с участием представителя от Госиздата, решили твердо: контракт с Госиздатом не возобновлять с января 25 года и вести издательство нашего „Вестника" собственными силами, ибо для этого соответствующие технические данные есть, так как издательство наше функционирует удовлетворительно. „Вестник" есть самое главное наше академическое издание и он будет издаваться аккуратно. Из других периодических изданий я уже сказал относительно „Международной Летописи". Затем к нам обратился вновь организованный орган „На аграрном фронте", который имеет задачей теоретическое изучение существующих аграрных отношений и в котором будут даваться информации о положении деревни в настоящий момент. Этот журнал не является журналом академического типа, но мы всетаки решили включить его в нашу издательскую программу. Было бы жаль, если бы этот орган вынужден был стать ведомственным органом в ущерб своим исследовательским задачам. Затем дальше я скажу несколько слов относительно того, что мы издали в 1924 г. в нашем издательстве; сколько книг и брошюр было напечатано нами, с каким тиражем. Вот названия: По секции права и государства. *Стучка, П.* Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. 3-е пересмотренное и дополненное издание. *Разумовский, И.* Социология и право. *Пашуканис, Е.* Общая теория права и марксизм (распродано). *Гурвич, Г.* Право и нравственность. *Стучка, П.* Классовое государство и гражданское право. По секции советского строительства. *Сапронов. Т.* Очередные вопросы советского строительства. *Гурвич, Г.* История советской конституции. *Михайлов, Г.* Подготовка работников по советскому строительству. *Гурвич, Г.* Принцип федерализма и автономизма в советской системе. *Ленин, В.* О советском строительстве. Составил *В. Максимовский.* По секции экономики. *Преображенский. Е.* Экономические кризисы при НЭП'е. *Иванов, И.* Соединенные Штаты и Европа в мировом хозяйстве. *Кричман, Л.* Три отзыва о работах представителей современной мелкобуржуазной политической экономии. По секции истории общественной мысли и революционного движения в России. *Меницкий, И.* Революционное движение военных годов, т. т. I и II. *Легальная* социал-демократическая литература в России за 1906—14 г.г. (библиография), под редакцией *Г. Бешкина.* По кабинету международной политики. *Лондонская конференция* (16 июля—16 августа 1924 г.) со вступ-

пительной статьей *К. Радека. Каутский, Карл.* Марксова теория государства в освещении Кунова, пер. с немец. *В. Ленин (Ульянов).* Теория и практика диалектического материализма. *Лукин, И.* Парижская коммуна. Изд. 2-е (XXVI), исправленное и дополненное.

Вот то, что мы сделали в нашем издательстве. Нужно сказать, что наше издательство неудовлетворительно в том отношении, что оно не похоже на издательство академическое. То, что мы издавали, это был материал очень разнообразного типа и содержания. Мы должны будем стремиться к тому, чтобы наше издательство, главным образом, издавало труды членов Академии, труды более или менее солидные. С другой стороны, мы думаем приступить к изданию некоторых классиков политической экономии и социализма, а также некоторых старых материалистов, не дублируя, разумеется, с Институтом Маркса и Энгельса. На книжном рынке есть большой спрос на книги такого типа; от старого времени их осталось немного, а нужда в них есть.

Теперь разрешите в двух словах сказать относительно того, что предполагается нами сделать в области развития нашей деятельности и выполнения тех заданий, которые нам поставлены предыдущими пленумами Академии, заданий, которые по разным причинам мы не выполнили.

Прежде всего в области идеологической мы должны поставить себе задачу обслуживать не только СССР, но, по возможности, и другие страны. Что здесь возможно сделать? Наше издание — „Вестник Коммунистической Академии" мы не имеем возможности издавать на иностранных языках. При Коминтерне организуется под редакцией Бухарина теоретический орган и здесь возможно наше сотрудничество в том отношении, что те статьи „Вестника", которые имеют интерес для наших европейских читателей, будут переводиться и печататься в этом органе. Следовательно, в этой части „Вестник Коммунистической Академии" может сделаться международным. Затем, поскольку мы в настоящий момент отмечаем некоторые ошибки теоретические, которые в области философии особенно заметны и с которыми мы начали бороться, то, чтобы эту борьбу продолжать дальше, мы должны более внимательно наблюдать за развитием теоретической мысли в коммунистических партиях других стран. А для этого необходимо гораздо лучше организовать информацию. Для того, чтобы отчасти разрешить эту задачу, мы имеем в виду в „Вестнике Коммунистической Академии" завести соответствующий новый отдел, в котором корреспонденты наши из-за границы должны будут нам сообщать все новости в области теоретической, все, что появляется нового в области марксизма. Мы намерены такие обзоры издавать и отдельно и переводить на иностранные языки. Кроме того, мы предполагаем давать систематические обзоры всех теоретических работ коммунистов СССР, сначала без оценки, а со временем и с краткой критической оценкой от имени Академии.

Далее у нас намечается реорганизация кабинета по III Интернационалу, о чем более подробно скажет тов. Лукин, и организация сначала секции, а в дальнейшем, если это будет по силам, кабинета по ленинизму. Мы еще не знаем, как мы это сделаем с точки зрения технической, т.-е.

мы не знаем, можно ли будет в кабинете III Интернационала организовать секцию, а затем отдельный кабинет, или придется решить эту задачу иначе. Мы предполагаем вступить в переговоры с Институтом Ленина по поводу той части работ Ленина, которую легче было бы разработать нам, поскольку дело идет о теории. Институт Ленина справиться с этой чисто теоретической работой вряд ли сможет лучше нас.

Мы ставим себе задачей продолжить те посвященные Ленину доклады, которые были у нас намечены и которые не были у нас закончены. Эти доклады, прочитанные здесь, мы думаем издать в виде отдельного сборника Коммунистической Академии.

Затем мы предполагаем усилить борьбу с идеологией II Интернационала, а для этого нам опять-таки нужно внимательней следить за тем, что делается в области теории за границей, и привлечь больше теоретических сил иностранных коммунистов.

Дальше у нас намечен целый ряд докладов на подобие тех, о которых я говорил. Нужно сказать, что в этом году предложения со стороны докладчиков поступают довольно скудно.

Что касается плана работы отдельных кабинетов, то эту часть доклада должен был читать тов. Милютин, который заболел перед заседанием. Я за час до заседания не мог подготовиться, чтобы его заменить. Если угодно будет собранию, можно сейчас выслушать отдельных товарищей, заведующих соответствующими секциями; они сообщат, какие планы работ намечены у них на ближайшее полугодие.

Разрешите на этом кончить мой доклад.

Покровский. М. Н. Желает ли собрание выслушать заведующих отдельными кабинетами. Возражений нет против этого? Нет.

Тов. Стучка!

Стучка, П. И. Товарищи, я думаю, что к праву вообще особенного интереса нет, поэтому я скажу лишь несколько слов о секции права и государства.

Секция пока не оформлена и только по появившимся сочинениям и работам можно судить о той работе, которая делается. Достаточно сказать, что по нашей секции постоянно работает только один человек, остальные члены ее все заняты и перегружены разной работой. Поэтому, когда мы распространили свой проспект об издании Энциклопедии государства и права, то все сомневались в его успешности. Даже я сам сомневался, но сейчас я должен сказать, что мы эту работу сделаем, я полагаю, в течение первой половины будущего года. Для такого заявления у меня уже есть все данные. Я не скажу, чтобы эта первая работа была особенно блестяща, будут в разных статьях, вероятно, и разногласия, но при разработке с марксистской точки зрения такого неясного вопроса, как право, все это совершенно понятно. Когда подходишь к таким вопросам, как гражданское или международное право, то с точки зрения марксистской приходится серьезно задуматься, ибо никаких подготовительных работ в этом отношении нет. Тут единственное спасение в самой жизни: сама жизнь нас толкала вперед все время в революционную сторону и мне думается, что учет этой революционной практики нам кое-что даст. Из дальнейших работ мы наметили сборники статей по нашей секции, это—нечто вроде журнала. Мы

пришли к этой мысли совершенно практически. Мы должны дать некоторый проспект своей будущей работы, помещая туда пробные статьи из энциклопедии. Затем, работа, которая намечена у нас еще и которая необходима, это—переиздание разных старых авторов. У нас буквально нет никакого литературного материала, знакомящего с революционной точкой зрения на право. Особенно интересно проследить в этом отношении революционные периоды, хотя бы, например, Великую Франц. революцию. У нас, кроме книжки Леруа, до сих пор ничего не было. До войны, однако, вышла серьезная работа Саньяка. Хотя это и буржуазный писатель, мы решили издать ее перевод, ибо он дает великолепные данные для сравнения с нашей революцией.

Ключников, Ю. В. Товарищи, перспективу работы кабинета международной политики мы берем в трех плоскостях—в библиотечной, чисто научной и педагогической.

В плоскости библиотечной работы задача на ближайший год заключается в том, чтобы, давая текущую литературу по вопросам международных отношений, вместе с тем заполнить кабинет необходимыми основными трудами, относящимися к более старому времени. Здесь все дело в количестве и правильном использовании имеющихся в распоряжении кабинета средств,—выписывать слишком много старых изданий, значило бы для нас отказаться от ряда новых. С другой стороны, один из важнейших для нас вопросов—это вопрос о выписке для кабинета журналов и газет. Хотя и с трудом, но мы сумели в текущем году обеспечить кабинет важнейшими журналами главнейших стран, т.-е. такими журналами, которые с точки зрения данной страны наиболее полно отражают важнейшие из ее политических проблем. В дальнейшем нам остается несколько пополнить список газет и журналов.

Научная работа кабинета будет итти в том направлении, в котором указывал тов. Преображенский в своем докладе, сосредоточивая в первую очередь свое внимание на издании журнала „Международная Летопись" и библиотеки того же названия. Международная Летопись, ставящая своей задачей давать исчерпывающую документацию, хронику и библиографию международных событий, пережила несколько критических дней в связи с переговорами с Госиздатом, который то соглашался ее издавать, то опять отказывался, а главное чрезвычайно задержал выход в свет всех приготовленных работ.

Так перевод „Плана Дауэса" и статьи к нему были уже готовы к печати еще в мае, но мы все еще ждем, что он выйдет, а тем временем он вышел в другом издании.

Теперь, товарищи, несколько слов относительно дальнейшей работы в более перспективном смысле, т.-е. в смысле новых задач на будущее. Здесь, помимо той библиотеки, о которой говорил тов. Преображенский, надо затронуть и журнал „Международная Жизнь", который издается Наркоминделом, и который посвящен международным текущим вопросам. Эти вопросы он излагает и освещает в форме статей. Журнал пытается дать также и фактический материал в смысле документации, но это ему не удается, так как две задачи, которые он себе поставил, очень трудно сочетать.

По соглашению с Литиздатом НКИД решено согласовать дело издания обоих журналов с тем, чтобы установить согласованную редакцию их и строго распределить отделы. НКИД оставит себе для „Международной Жизни" статьи, обзоры и критическую библиографию,—мы в „Международной Летописи"—всю документацию с комментариями к ней, всю хронику и описательную библиографию. Параллельно будут издаваться две библиотеки монографий: под маркой НКИД „Международные Проблемы" (при нашем ближайшем участии), под нашей маркой—„Библиотека Международной Летописи". Первые книги обеих этих серий уже подготовлены.

Затем чрезвычайно важно с научной точки зрения установить связь кабинетов Академии с заграницей, с тем, чтобы научно-подготовленные товарищи, имеющиеся во всех представительствах за границей, были корреспондентами наших кабинетов и как можно скорее извещали нас относительно заграничных литературных новинок. Кроме того необходимо придать кабинету педагогическое направление. Желательно было бы установить так, чтобы молодые слушатели вузов, вступив в кабинет, с одной стороны, могли бы получить там для себя указания и руководство, а с другой стороны, могли бы приносить пользу кабинету, работая в области библиографии, картотеки и по журналу. Нужно пополнить кабинет известным количеством новых научных работников, т.-к. наличные штаты недостаточны. Вот этим тройным рядом предложений: пополнять должным образом библиотеку, выпускать в свет исчерпывающую документацию по международным вопросам и правильно организовать научно-педагогическую работу в области изучения международных отношений, пока и исчерпывается программа работы нашего кабинета на ближайший год.

Бешкин, Г. (Кабинет русского революционного движения). Научная работа кабинета заключается, с одной стороны, в общем руководстве при распределении материалов и книг по отделам, с другой, во всяких справках читателям кабинета, а именно: указание источников по различным вопросам общей литературы, легальной и нелегальной и т. д.

Непосредственная работа научных сотрудников, согласно постановления Президиума, должна заключаться в собирании и полном описании революционной литературы за вторую половину XIX и XX века, таким образом, вся работа сосредоточена на издании соответствующих библиографических работ. В № 5 „Вестника Коммунистической Академии" были напечатаны материалы по „Народной воле", в № 8—„Указатель по историческим журналам за 1923 г.". Вышеупомянутые работы шли под редакцией М. И. Дрея. По истории русского социализма середины XIX века напечатан „Обзор литературы о петрашевцах" Г. Бешкина.

Далее Президиумом было поручено приступить к полному собранию и описанию, в виде указателя с соответствующими примечаниями, партийной социал-демократической литературы как легальной, так и нелегальной. Первая часть этой работы закончена и сдана в печать под названием „Легальная социал-демократическая литература" (1906—1914 г.г.), здесь собраны и описаны журналы всех социал-демократических направлений, с соответствующими указаниями; при этом были использованы

материалы не только кабинета, но и всех крупных московских книгохранилищ и архивов. Эта работа представляет собой первую попытку полного собрания материалов по нашей партийной истории в эпоху реакции, мало разработанную вообще. Кроме того, кабинет издал работу тов. Меницкого: „Революционное движение военных годов" (1914—16 г.г.) т.т. I и II. Работа представляет собою тщательно собранный по архивам материал по рабочему движению и партийной истории в вышеуказанный период. Работа представляет научный интерес в виду того, что является одной из первых попыток детального изучения русского рабочего движения в эпоху империалистической борьбы.

Теперь несколько слов о перспективах на 1925 г. Разработкой отдельных периодов русской истории революционного движения занимается целый ряд учреждений. Истпарт, располагающий архивами, систематически опубликовывает в своем журнале „Пролетарская революция" ряд документов по истории рабочего движения, далее Центроархив в журнале „Красный Архив" дает материалы по истории XIX и XX века. Опубликованием материалов занимаются также: „Каторга и ссылка", „Красная Летопись" и др. Институт имени Ленина собирает и подготовляет полное собрание сочинений В. И. Таким образом, имеется налицо ряд организаций, собирающих и издающих материалы по истории революционного движения, но не об'единенных между собой и не согласующих друг с другом своей работы.

Такое положение вещей приводит часто к параллелизму в работе — необходимость связи и единого организующего центра дает себя особенно остро чувствовать в научной работе. Далее, у нас нет серьезного журнала по методологии русской истории отдельных эпох, а между тем целый ряд вопросов теоретико-исторического характера, целый ряд спорных пунктов исторического анализа той или иной эпохи и появление новых материалов, меняющих старые исторические построения, выдвигают на первый план необходимость создания соответствующего журнала по методологии истории; такого журнала у нас пока нет. Нам думается, что при кабинете русской истории должен быть руководящий исторический журнал (под редакцией ученого руководителя кабинета М. Покровского) при участии представителей Истпарта, Института Ленина, Центроархива и Семинария русской истории Института Красной Профессуры, единственной пока организации, разрабатывающей марксистскую методологию русской истории.

Далее, кабинет революционного движения Ком. Академии мог бы подготовить к изданию собрание сочинений, например, Ткачева, Засулич, Русанова и др., ибо кабинет обладает наиболее богатой литературой именно в этой области. Однако первым условием серьезной работы кабинета должно быть действительное участие в работе, хотя бы одного из членов Академии.

Конкретно намечены следующие работы на 1925 год: подготовка к печати второго выпуска указателя социал-демократической литературы. Эта работа потребует, быть может, и не одного года, ибо прежде всего осложняется техническими затруднениями, кропотливостью и т. д.. Далее тов. Дреем подготовлена к печати библиография по истории

революционного движения 70-х годов. Предполагается описание исторических журналов за 1924 год.

Однако прежде всего следовало бы обратить внимание на подготовку издания собрания сочинений Воровского, статьи и отдельные работы которого следовало бы, быть может, напечатать и отдельно. Думаем, что первой задачей Ком. Академии должно явиться издание сочинений покойного члена Коммунистической Академии. Работа по собиранию материалов литературного наследства Воровского частично уже сделана в библиографическом сборнике легальной социал-демократической литературы, где собраны статьи тов. Воровского, писанные в легальных журналах за 1906—14 годы.

Дволайцкий, Ш. М. Я оглашу коротенький письменный отчет о работе курсов марксизма, так как я думаю, что это будет короче, чем если бы я стал говорить устно.

В текущем 1924 году на курсах марксизма состоялся выпуск курсантов, поступивших в 1922 году.

Новый состав курсантов приступил к работе в марте месяце 1924 г. Все курсанты командированы ЦК РКП (б). Всего прибыло 72 человека. осталось от прошлого курса 3 чел., выбыло по 1/X—5 чел., состоит на 1 октября 70 человек действительных слушателей и 82 чел. вольнослушателей.

Состав курсантов следующий:

По партстажу: Вступивших в партию до 1917 г. — 34 чел.
„ „ в 1917 г. — 22 „
„ „ в 18—20 г.— 14 „

По социальному положению:

Рабочих	— 48 чел.
Интеллигентов . .	— 16 „
Крестьян	— 3 „
Казак	— 1 „
Служащих	— 2 „

По образованию:

С низшим образованием	— 48 чел.
„ незаконченным средн.	— 1 „
„ средним	— 20 „
„ незаконченным высшим	— 1 „

По возрасту:

От 20 до 25 лет . .	— 15 „
„ 26 до 35 „ . .	— 40 „
„ 36 лет	— 15 „

За истекший период учебный план выполнен следующим образом.

За 1-й триместр (март—июнь):

а) Семинарии тов. Дволайцкого по полит. экономии: проведены 4 вступительные беседы, одна экскурсия и проработаны 4 первые темы.

б) Семинарии по экономике России:

1) тов. Крицмана: проработано 5 первых тем путем устных докладов.

2) тов. Дубровского: проработано 7 тем путем устных докладов.

в) Прослушано 5 лекций-бесед тов. Рязанова по истории классовой борьбы на Западе, начиная с эпохи половины XVIII века до Великой Французской революции.

г) Прослушано 2 лекции по историческому материализму.

Курсанты занимались также следующими необязательными предметами: русским языком (2 группы), математикой (3 группы), немецким языком (2 группы).

2-й триместр начался 10/IX—1924 г.

Ведутся занятия в следующих семинариях: а) политэкономии, б) экономики России, в) истории РКП и основы ленинизма.

По необязательным предметам: по русскому языку—2 группы, по математике—3 группы, по немецкому языку—3 группы.

Лекции по историческому материализму и семинарий по истории классовой борьбы на Западе не начались, т. к. преподавателей нет в Москве.

Если будут вопросы, я охотно дам исчерпывающие об'яснения.

Покровский, М. Н. Есть ли возражения по поводу этого сообщения? Нет. Вопросов тоже нет? Нет. Тогда позвольте предоставить слово тов. Лукину [1]).

Покровский, М. Н. (Председательствующий). Угодно взять кому нибудь слово по поводу заслушанных докладов? Нет. Есть, может быть вопросы?

Ермансний, О. А. Можно ли получить справку относительно общего положения финансов?

Бронсний, М. Г. Каково сейчас положение издательства, как такового, его юридические формы? В какой связи оно находится с Академией?

Дауге, П. Г. Как обстоит дело с залом заседаний?

Мартынов, А. Вы говорили, что у вас имеются книги из архива Семевского? Я с ним был знаком. Он мне рассказывал, что он писал автобиографию. Меня интересует, имеется ли эта автобиография?

Дерман, Г. К. Переписка есть, автобиографии нет.

Покровский, М. Н. (Председательствующий). Слово для ответа на вопросы имеет т. Меницкий.

Меницний, И. А. На 1923—24 г. смета на всю Коммунистическую Академию и на Курсы Марксизма была утверждена в сумме 51.521 р., кроме зарплаты. При разассигновании по кварталам было ассигновано—46.722 р., но фактически было получено меньше, а именно—43.723 р. Полученная сумма была израсходована следующим образом: на покупку книг—15.200 р. на учебную, научную деятельность—4.500, на остальные хозяйственные расходы—24.023. Что касается зарплаты, то по Коммунистической Академии — получено 105.960, по Курсам Марксизма — 115.200. Что касается сметы на предстоящий год, то она уже прошла в несколько повышенном размере. Общая сумма, кроме зарплаты исчисляется в 72.000 р.

Теперь я приведу цифры, характеризующие финансовое положение издательства и дающие вместе с тем ответ на поставленные здесь вопросы.

На январь 1924 года (деятельность издательства началась в 1923 году) наш баланс был утвержден Отделом Доходов НКФ с прибылью

---

[1]) Доклад Н. М. Лукина о работе библиотеки напечатан отдельной статьей в отд. „Хроники" (Ред.).

в 10.650 р. 79 к. С этим капиталом издательство и вступило в 1924 г. К этому капиталу в течение этого года прибавилась сумма, ассигнованная на издание „Власть Советов". Сумма эта выражается в цифре— 15.000 р. Кроме того у нас от издания „Вестника Коммунистической Академии" и от других изданий собралась сумма в общем 6.045 р. 22 к.

Таким образом весь капитал издательства выражается в сумме 31.696 р. 01 к.

В течение отчетного периода было выпущено 13 книг с общим количеством печатных листов—96. Стоимость себе этих изданий выражается в сумме 22.811 р. 19 к., номинал—62.700 р. Общий коэффициент издательства является таким образом—2,7. Сюда не входят периодические издания и в частности журнал „Власть Советов".

Что же касается распространительской части, то положение следующее: на январь 24 г. у нас от прошлого года осталось книг по себестоимости на сумму—3.455 р. 21 к. За это время новых изданий, считая и „Власть Советов", поступило в распространение по себестоимости на 56.631 р. 94 коп. В течение этого года было продано на сумму 76.738 р. 26 к. Остаток на 1 октября по себестоимости—14.515 р. 78 к. (25% всей продукции). Валовая прибыль за это время выражается суммой 22.329 р. 28 к. и чистая в сумме 15.111 р. 02 к. Таким образом капитал издательства на 1/X—24 г. составляет—52.629 р. 17 к. При рассмотрении баланса издательства в Отделе Доходов НКФ было признано, что накладные расходы у нас минимальные и деятельность Издательства признана удовлетворительной.

С октября месяца у нас имеется более значительная продукция, нежели за истекший год: так, уже вышло две книжки по 25 печатных листов, в ноябре тоже две в 52 печатных листа. Что же касается находящихся в печати, то их в общей сложности около 150 печатных листов. Мы можем отметить, что из месяца в месяц деятельность Издательства значительно расширяется.

На 1-е января 1925 г. наша издательская работа покажет еще больший доход, так как от издания мелких брошюр издательство перешло к более солидным и более доходным изданиям. В прошлой нашей работе мы почти не пользовались кредитами, производили расчеты наличными предоставляя к тому же нашим покупателям трехмесячный и еще больший кредит.

Таким образом, с финансовой стороны у нас не встречалось никаких затруднений к развертыванию работ нашего издательства.

Развертыванию работ как издательства, так и всей Академии в целом в сильной степени мешает теснота помещения. „Власть Советов", ютится в одной комнате, в которой помешаются и другие редакции. Это создает совершенно невозможные условия для работы.

В таком же положении находится и вся публичная деятельность Академии. Целый ряд докладов не состоялся из-за отсутствия помещения. Мы в президиуме в прошлом году поставили вопрос о подыскании соответствующего помещения. Было указано на здание бывш. Военной Академии, но в последнее время там начал развертываться музей Красной Армии и в этом помещении нам отказано. Поэтому необходимо войти

в положение работников Академии и как можно скорее разрешить вопрос о помещении. Необходима поддержка членов Академии, чтобы этот вопрос поставить в соответствующих инстанциях и разрешить в положительном смысле.

Рябов. Я хотел вкратце остановиться на нескольких пунктах. Первое—организационный вопрос. При существующем положении вещей, когда в состав Президиума входит целый ряд товарищей чрезвычайно перегруженных всякими прочими работами, они, естественно, не успевают уделять должного внимания делам Президиума, следствием чего является большая организационная невязка. Причина этого, конечно, лежит в той об'ективной обстановке, в которой Академия находится, и которая отзывается и на всей вообще работе Академии.

В будущем ЦК должен будет предоставить Президиуму двух—трех товарищей, для которых работа в Академии была бы основным делом.

Теперь о значении Комм. Академии в партийной среде, и среди беспартийных масс.

Значение Комм. Академии возросло, а наши работники районов о ней почти ничего не знают. Виновата в этом и плохая информация о Коммунистической Академии, и то, что до сих пор не удается достигнуть широкого проникновения результатов наших работ в середняцкую массу. Это потому, что организационные щупальцы Комм. Академии хромают. Это надо так или иначе учесть. Следующей очередной задачей Коммунистической Академии является более широкое вовлечение в ее состав ленинцев, рабочих с наших фабрик и заводов. Стремление мы такое имеем, надо его осуществить.

Теперь последний вопрос относительно курсов марксизма. У Президиума Коммунистической Академии не хватало до сих пор времени, чтобы более полно наладить взаимоотношения с курсами марксизма. Правда, у нас есть представительство в Президиуме—т. Преображенский, т. Дволайцкий, но все-таки у слушателей очень часто возникает целый ряд вопросов, для разрешения которых было бы весьма целесообразно, если бы мы могли принимать участие в работе Президиума Коммунистической Академии и делать кое-какие указания. Необходимо для этого ввести в Президиум одного представителя от курсов.

Затем еще один вопрос относительно помещения. Задачи перед Комм. Академией большие. Помещения нет. Необходимо решительным образом поставить вопрос о помещении и принять более решительные меры.

Бронский, М. Г. Я хочу сказать несколько слов по поводу одного вопроса, который был затронут в докладе тов. Преображенского,—это относительно издания классиков. Если не ошибаюсь, в прошлом году еще, в Президиуме был поднят проект об издании такой библиотеки, но, к сожалению, не удалось сговориться с Госиздатом. Мне поручено было это сделать, но меня запрягли в другую работу, и для этого дела у меня не оказалось времени. Вопрос этот до сих пор стоит открытым. Нужно его вновь поднять и взяться за это дело. Прежде всего было бы желательно сговориться с издательствами, которые пойдут навстречу этому делу.

Затем другой вопрос. Несколько месяцев тому назад я получил запрос от одного отдела Агитпропа по вопросу об организации института мирового хозяйства. Я тогда ответил, что это вопрос очень серьезный и желательно было бы, чтобы им занялась Комм. Академия. Агитпроп прислал бумагу в Академию, и я не знаю, приняла ли Академия какие-нибудь меры в этом отношении или нет. Я думаю, что Академии следовало бы организовать институт по мировому хозяйству и что эта работа больше бы подходила Академии, нежели издательская работа. У меня такое впечатление, как будто бы наш издательский отдел идет по линии наименьшего сопротивления и занимается изданиями, которые не особенно приличествуют Академии.

Шмидт, О. Ю. Коммунистическая Академия, сняв с себя ограничительное название „Академии Общественных Наук" взяла на себя обязательство быть центральным марксистским научным учреждением не только по общественным, но по всем наукам, также и по наукам естественным. На деле, однако, Академия ограничилась общественными науками. Работа в области естественных наук носит случайный характер. Иногда устраиваются доклады, имеющие характер более или менее интересных собеседований, но в этой части Академия до сих пор своей центральной роли не выполнила. Почему? Я думаю, что отчасти прав тов. курсант в том именно, что в Академии не хватало лиц, работающих в области естествознания, и особенно коммунистов. А между тем, тут нужно сделать очень многое. Во-первых, среди значительной части беспартийных ученых, особенно молодежи, мы имеем определенную тягу к созданию серьезного научного мировоззрения в естественных науках на основе марксизма. Этому стремлению мы должны помочь, одновременно оберегая начинающих ученых-коммунистов от наездничества и поверхностно-огульного отношения к трудам буржуазных ученых.

Во-вторых, надо пойти навстречу тяге лучшей части ученых к переходу от разрозненной работы к коллективной. Необходимо готовиться к перестройке науки на четко материалистических началах. Это надо сделать коллективно вокруг Коммунистической Академии, как центра. Возьмите пример — историю точных наук. Она до сих пор всегда трактовалась, как самое яркое доказательство независимости человеческого духа, который идет от открытия к открытию. Марксистский пересмотр истории точных наук, есть, несомненно, насущная задача и задача, которая может быть разрешена только коллективно, в виду огромной раздробленности этих наук и огромного количества фактического материала. Буржуазная наука также обладает богатейшими средствами, большим числом работников. Несомненно в выдвигаемых ею теориях есть много действительно научно-ценного, об'ективно-верного, но не меньше и теоретического вымысла, продиктованного определенной идеологией. Надо все это распутать. Возьмите пример с Эйнштейном. У нас здесь невероятный разнобой. Одни товарищи считают, что специальный принцип относительности есть материалистичный, а общий — идеалистический, другие, наоборот, что специальный принцип относительности — выдумка, не заключает в себе ничего

материалистичного, а общий годится; третьи считают, что нужно просто отвергнут всю теорию Эйнштейна. В нашем лагере есть три точки зрения, которые высказываются, — одна — за, другая — против, третья — половинчато. Это происходит, конечно, от того, что нет центра коллективной проработки. Каждый старается выловить научное ядро, и по иному перекроить хотя бы ту же теорию относительности Эйнштейна.

Теперь другой пример, — психоанализ Фрейда. Одни считает ценным то, что Фрейдом сорвана маска буржуазного лицемерия; тов. Залкинд считает, что все у Фрейда материалистично, хотя и выражено на чуждом языке; а третьи, что материалистического мало и т. д. Почему? Потому что нет центра коллективной проработки вопроса, которая прежде всего расчленит эту теорию Фрейда на кусочки, выделит ту основу, на которой эта система построена. Для этого нам надо иметь как бы центральный утилизационный завод, чтобы все отдельные элементы, которые остаются от буржуазной науки, после проверки и чистки, были использованы, а не выброшены со всеми отбросами. Мне кажется, что эта отрасль — естественных наук — должна получить гораздо больше развития в работе Коммунистической Академии в наступающем году.

Крицман, Л. Н. Я прежде всего присоединяюсь к предложению О. Ю. Думаю, нам нужно сделать практический вывод и создать в секции естественных и точных наук хотя бы небольшой кадр работников. Мне кажется, что дело тогда будет сдвинуто с места. Коммунистическая Академия — единственное учреждение, которое может к этой задаче подойти.

Еще несколько слов по поводу вопроса, поднятого здесь тов. Рябовым, о приближении деятельности Академии к рабочим массам. В этом отношении уже кое-что сделано, хотя бы в смысле постановки наших общедоступных докладов. Необходимо эту работу вести и дальше. Но я не думаю, чтобы именно в этом отношении нужно было прежде всего расширять деятельность Коммунистической Академии. Что ценно в этих докладах. Ценной прежде всего является связь работников Академии с рабочей массой. Но что касается связи Коммунистической Академии, как коллектива, то здесь дело несколько сложнее. Эта связь может осуществляться через целую систему зубчатых колес, при чем Коммунистическая Академия должна быть непосредственно связана с промежуточными звеньями, а те уже с рабочей массой. Основная работа Коммунистической Академии не в непосредственном воздействии на рабочие массы, а в воздействии на тех, кто ведет работу среди рабочих масс.

Тимирязев, А. К. Я всецело поддерживаю ту точку зрения, которую высказал О. Ю. Но я хотел бы внести некоторые поправки. О. Ю. говорил, что вопрос об истории естествознания никем и никогда не затрагивается. В настоящее время Об-во Воинств. Материалистов уже обсудило этот вопрос и им предприняты уже переводы нескольких книг, которые могут послужить основой для нашей дальнейшей работы. Наша беда заключается в том, что каждый из нас работает в целом ряде учреждений с весьма сходными задачами. О. Ю. указывал на Институт имени Тимирязева. Действительно там ведется работа сходная с работой секции научной методологии нашей Академии. Значительная часть работ-

ников Ком. Академии и Института имени Тимирязева входят в общество Воинствующих Материалистов, которое ставит себе те же задачи. Когда я знакомился с программами этих учреждений, то оказалось, что ставятся те же самые доклады, а иногда и докладчики оказываются одни и те же!

Я несколько несогласен с оптимизмом О. Ю., который говорит, что мы должны ознакомиться с новыми достижениями современной науки, современного естествознания и научиться отбрасывать тот идеалистический нарост, которым очень часто обрастают эти модные новые течения. К сожалению я должен сказать, как раз в последнее время стали появляться научные работы, в которых этот идеалистический налет проник очень глубоко и операция его удаления не очень легка. Здесь нужна серьезная работа. В частности, в теорию квантов, начинает проникать самый настоящий идеализм. Современные исследователи прямо и откровенно заявляют, что нам нужно в этой области науки отказаться от закона причинности и от принятого теперь в естествознании пространственно-временного описания. Значит, здесь имеется нечто более серьезное, чем внешний нарост. Я думаю, что нашей Академии действительно следовало бы этими вопросами заняться и в первую очередь поставить ряд докладов содержащих обзоры этих новых течений.

Покровский, М. Н. Желающих высказаться больше нет. Позвольте мне сказать маленькое заключительное слово. Товарищи, я бы вкратце так резюмировал нашу жизнь за последние три года. В конце 21 года Академия, тогда Социалистическая, а не Коммунистическая, была просто библиотекой, $^3/_4$ которой лежало не разобранной, и только одна четвертая часть была кое-как подобрана. Сейчас эта библиотека разобрана, рационально организована и правильно функционирует. Кроме того, есть журнал, издательство, которое критиковалось с разных точек зрения, но которое есть вполне живая часть нашего учреждения. Так что Академия, несомненно, живет и развивается, но должен сказать совершенно прямо,— она живет и развивается в значительной степени стихийно, благодаря самоотверженной работе второстепенных работников. Что же касается ее верхушки, то тов. Рябов прав. Поскольку мы не будем иметь трех товарищей, для которых работа в Академии будет основной,—то, само собою разумеется, многого ждать нельзя. Это совершенно верно. Я не питаю оптимистических надежд, что мы получим такую тройку товарищей немедленно, но позволю себе высказаться, что в течение этого года такая тройка будет. Что она будет делать? Между прочим, конечно, связываться с рабочими массами. Если Академия до сих пор ничего не сделала в этой области, это ее вина. Правда, Академия есть советское учреждение, которое в советском порядке противостоит другому огромному учреждению—Всероссийской Академии Наук,—учреждению, которое нам досталось от старой России, и которое до сих пор во всем мире представляет русскую науку, т.-е. науку СССР. Она и добивается того, чтобы ее признали учреждением союзным, а не только учреждением РСФСР, и до известной степени она этого добилась—в бюджетном порядке она была выделена из ряда учреждений РСФСР. Но это все-таки не наши люди, мы должны иметь свое советское учреждение, которое пред-

ставляло бы нам нашу Россию и перед всем миром представляло бы науку этой нашей России. Наука создается нашей молодежью, ибо, если мы сравним старых профессоров и наш молодняк, то разница получается колоссальная. Возьмите вы тот же Институт истории, членом которого я состою. Сравните вы его с марксистскими учреждениями и вы получите небо и землю в этом отношении, где землей будет, во всяком случае, этот Институт истории. Такое научное учреждение, повторяю, совершенно необходимо, и оно должно более определенно наметить и выполнить свои функции.

Наша Академия могла бы связаться с массами с тем, чтобы привлекать их из районов. Но как это сделать? Помогать организации библиотек—это вещь неподходящая. Слияние с рабочими массами могло бы итти вот по какой линии. У нас до сих пор не организовано популярное научное издательство для масс, а это, несомненно, нужно. Большой процент наших прежних научных книжек издается для интеллигентов. Повторяю, несомненно, что мы могли бы в широких размерах пустить научную пропаганду в рабочих районах, конечно, кроме обществоведения, так как этим уже занимаются другие учреждения; а вот пропаганда наук точных и экономических—это должно быть поставлено нами, и я надеюсь, что мы это сделаем. Но, кроме этого, мы не должны забывать и нашей основной задачи, а это—методологическая научная работа. Мы ее должны вести, потому что это есть та специфическая функция, которая на нас лежит. И я могу только в виде пожелания сказать, что на этот год, а может быть и на будущий год—это будет зависеть от многих обстоятельств—нам нужно поставить себе две задачи; во-первых—чтобы действительно, рабочие массы знали о существовании Коммунистической Академии и знали бы, что она для них полезна,—надо, чтобы она сделалась популярной; второе,—чтобы те западно-европейские науки, которые существуют в разных странах,—чтобы они были организованы также и у нас в СССР под главенством нашей Коммунистической Академии.

Товарищи, всякие западно-европейские дипломаты, если так можно выразиться, признали нашу Коммунистическую СоветскуюРоссию и официально принимают ее представителей. Неужели же мы не добьемся, что и нашу коммунистическую советскую науку признают? Должны признать, в конце-концов. Есть же у нас какой-то приводной ремень по отношению к массе буржуазной профессуры, который мы должны использовать,—это секция научных работников. Все люди, которые вступили в эту секцию, подписали то положение, по которому они являются частью общей профсоюзной организации. Они не коммунисты, не марксисты, но они тянутся к нам даже идеологически. Я укажу на такой пример, как академик Марр, который в последнее время становится марксистом, а ему уже больше 60-ти лет и работает он в области языковедения. Оказывается, что язык растет под влиянием роста хозяйства, и он это доказывает научно. Он говорит, что лингвистику нужно переделать.

Нам придется этим ремнем воспользоваться, и тогда мы сможем втянуть их в наше общесоюзное рабочее движение.

Я не жду этого ни в будущем году, ни через два года, может быть к 10-летнему юбилею нашей республики нам удастся это сделать. Этим пожеланием позвольте закончить настоящий отчет. Одним наиболее конкретным пожеланием является такое—я рад, что т. Сырцов присутствует здесь и это слышит,—это, чтобы известное количество товарищей было закреплено за Коммунистической Академией. Затем позвольте перейти к следующему и последнему пункту порядка дня—о перевыборах Президиума.

Тут есть два момента. Первый заключается в том, что мы постоянно находимся в отчаянных поисках кворума для заседания Президиума. Об этом не говорилось на сегодняшнем заседании, но вообще об этом говорилось на предшествующих заседаниях. Теперь мы решили довести число членов президиума до 12 человек в надежде, что тогда мы будем иметь обеспеченный кворум в 5 чел. Мы предлагаем в Президиум ввести двух представителей от научных сотрудников. Вообще этот обычай старый. У нас в старом составе старой Академии были представители—сначала студентов, когда Академия была учебным заведением, а потом научных сотрудников. Затем это отпало, и мы представительства научных сотрудников не имели. Мы думаем несколько омолодить наш Президиум и ввести представительство научных сотрудников.

Далее мы переименовали нашу Академию в прошлом году в Коммунистическую Академию. Это было принято, утверждено всеми инстанциями и налагает на нас известные обязательства по отношению к коммунизму. Мы говорили об этом достаточно и между прочим о том, что мы должны выполнять известные обязательства перед коммунизмом и коммунистическими партиями других стран. Мы должны связаться с Коминтерном, мы должны связаться с ЦК нашей Коммунистической Партии. Поэтому мы предлагаем ввести в состав президиума представителя агитпропа ЦК РКП и представителя Коминтерна. Персонально—тов. Сырцова и тов. Бела-Кун. Таким образом включая двух представителей от научных сотрудников и 2 представителей от партии и Коминтерна, получается 16 ч. Теперь, как мы всегда делали, я предлагаю приступить к баллотировке.

Двойлайцкий, Ш. М. Здесь речь идет о научных сотрудниках. Если нельзя предоставить место представителю Курсов Марксизма, то я предложил бы заменить одного научного сотрудника курсантом.

У нас связь с Курсами Марксизма чрезвычайно слаба. Она слаба по разным причинам, на которых я останавливаться не буду. Я очень извиняюсь, что не поставил этого вопроса на предварительное обсуждение, но, по-моему, это возражений встретить не должно. Мы должны просто оставить товарищам место, и они сами выберут из своей среды представителя.

Покровский, М. Н. Я предложил бы персонально не включать и предоставить одно место слушателям Курсов. Есть против этого возражения? Нет. Нет возражения против того, чтобы дополнить президиум 17-ым человеком, представителем Курсов Марксизма? Нет.

Мениций, И. А. (оглашает предполагаемый список Президиума): *Покровский, М. Н., Бухарин, Н. И., Преображенский, Е. А., Милютин, В. П.,*

Ротштейн, Ф. А., Волин, В. П., Лукин, Н. М., Тимирязев, А. К., Криман, Л. Н., Дволайцкий, Ш. М., Рязанов, Д. Б., Бубнов. От научных работников: *Максимовский, В. Н., Пашуканис, Е. Б.*, представитель ЦК РКП — *т. Сырцов*, представитель агитпропа Коминтерна—*т. Бела-Кун*, представитель от Курсов Марксизма.

Дволайцкий, Ш. М. Я прошу меня из списка вычеркнуть, потому что заседания Президиума происходят в рабочее время и в ближайший год я не смогу принимать в них участия.

Покровский, М. Н. Я просил бы самым решительным образом отвергнуть просьбу тов. Дволайцкого, потому что решительно все мы сейчас же сделаем подобные заявления, придется выбирать только отсутствующих—Бухарина, Бубнова и т. д.

Меницкий, И. А. Список проходит полностью.

Покровский, М. Н. Если нет никаких вопросов, то я об'являю заседание закрытым.

Работа библиотеки Коммунистической Академии

за 1923/24 бюджетный год.

Работа библиотеки за отчетное время была сосредоточена на скорейшем приведении в порядок неразобранных частей библиотеки, проведении элементарных форм учета книжного состава, заполнении наиболее зияющих пробелов и постепенном развертывании систематического комплектования. Условия выполнения намеченных задач складывались далеко не благоприятно.

В начале под'отчетного года штат библиотеки был сокращен на 15% при все увеличивающейся текущей работе. Новых поступлений книг за этот год было на 90 %, и выдача книг читателям на 10.000 кн. единиц больше, чем в предыдущем году.

Работа с читателями. Работа с читателями характеризуется за под'отчетный период следующими цифрами. Посещений за год 40.000, читательских билетов выдано 1.200, годовая выдача книг 75.000. Однако, пользуемость книгами нашей библиотеки и работа с читателями этими цифрами не совсем точно определяются. При системе открытого доступа к полкам читатели часто не обращаются к библиотекарю с требованием на книгу, а сами берут книгу с полки, число таких использованных книг не поддается учету, и работа библиотекаря весьма усложняется при такой системе: читатели неизбежно вносят беспорядок в систематическую и алфавитную расстановку книг, и поэтому требуется усиленное наблюдение за полками со стороны библиотечных сотрудников.

Читатели библиотеки Академии распределяются по группам следующим образом: работающих по заданиям партийных и советских учреждений—30%, слушателей Инст. Кр. Проф.—23%, слушателей Унив. им. Свердлова—19%, слушателей друг. высш. уч. зав.—18%, слушателей Курсов Марксизма—4%, работающих по заданиям Комм. Академии—4%, производящих собственные научные работы—2%.

Относительная пользуемость отделов библиотеки может быть охарактеризована следующими числами, выражающими процентное отношение выданных из отделов книг к общему числу выдач из библиотеки: отдел Экономики дает 37% общего числа выдач, отдел Истории Революционного Движения в России—21%, отдел Рабочего Вопроса—15%, отдел Международных отношений—13%, отдел Идеологии—10%, отдел III Интернационала—3% и отдел Советского Строительства—1%.

Поступления. За истекший год через регистратуру библиотеки прошло всего 83 тысячи печатных единиц, не считая газет, плакатов и мелкого печатного материала. Ежемесячно через регистратуру проходило 6.900 единиц в среднем, с максимальным поступлением—почти 10.000 единиц—в марте месяце. Из всего количества зарегистрированных книг 74 тысячи единиц включено в библиотеку и 9 тысяч единиц, т.-е. 12% общего числа поступлений, передано в обменный фонд библиотеки.

Крупные поступления—библиотеки, которые были переданы Коммунистической Академии—из-за недостатка в сотрудниках частью еще не разобраны и не зарегистрированы.

По видам литературы поступления распределяются так: на книги падает 20% общего числа, на брошюры (т.-е. печатные произведения от 2-х до 80 страниц)—29% и на журналы—51% общего числа поступлений.

Общее число период. изданий, получаемых б-кой, равняется 2.262 названиям, из коих 1.371 название приходится на русские журналы (не считая изданий национальных меньшинств, которые в б-ку не включаются), 291 название иностранных журналов и газет и 600 названий русских газет, из которых ежедневно получается на 22 языках около 250 номеров.

Источники поступления следующие: Книжные Палаты (Российская Центральная и Украинская) дают 40% общего числа, поступления от издательств в порядке постановления С. Н. К. об обязательной присылке 3-х экземпляров—31%, разного рода безвозмездные получения (пожертвования, бесплатная присылка, передача конфискованных книг и т. д.)—23% и, наконец, покупка—6%.

Центр. Книжная Палата. Центральная Книжная Палата, значительно наладившая за последнее время свою работу, дает теперь гораздо более полное собрание изданий, выходящих в СССР (кроме Украины), чем 1—2 года тому назад. Однако, и до сих пор еще некоторые категории литературы (газеты, мелкий ведомственный материал, также издания, выходящие на окраинах Союза) поступают через Книжную Палату со значительными пробелами, которые отчасти заполняются непосредственным поступлением литературы от издательств в порядке постановления СНК. Но главная ценность этого источника поступления (непосредственно от издательств) для б-ки в том, что он дает ей немало необходимых дублетов, которые иначе пришлось бы закупать. Б-ка поэтому принимает все меры к тому, чтобы закрепить и, по возможности, расширить этот способ получения русской литературы.

Книжная Палата Украины. Очень важным было также окончательное установление в истекшем году регулярной присылки литературы Книжной Палатой Украины, вследствие чего 1923 годом ограничился тот значительный пробел в б-ке, который давало отсутствие украинских изданий последних лет.

Библиотека Мельгунова и Каллаш. Из наиболее крупных поступлений русских книг необходимо отметить переданную Академии библиотеку Мельгунова (10.600 т. т., из которых не все еще прошли через регистратуру) с хорошим подбором книг по истории общественного движения, а также неразобранную еще библиотеку Каллаш историко-литературного, по преимуществу, содержания.

Архив Семевского. Вместе с библиотекой Мельгунова был передан в б-ку Комм. Академии и рукописный архив Семевского. Собственно, в состав этого архива вошли и некоторые документы из личного архива С. П. Мельгунова, но в такой незначительной пропорции, что всей совокупности архива может быть по праву присвоено имя В. И. Семевского.

В Академию архив был доставлен буквально в растерзанном виде. Многие документы были раз'единены на части, от других остались только обрывки. И все было перемешано в полном беспорядке.

Приступая к разборке архива б-ка поставила себе целью в наискорейший срок привести хотя бы в предварительную известность состав архива и описать его таким образом, чтобы стала возможной последующая его более исчерпывающая обработка, библиотечная и научная.

Для означенной предварительной разборки и описания архива было привлечено несколько библиотекарей, при чем в разное время работало от 2 до 6 человек. На приведение этой работы к концу потребовалось около $3^1/_2$ месяцев.

В результате, разобранные документы были сведены в 296 папок и описаны более или менее подробно в инвентарной описи на 61 страницах машинной печати. Для удобнейшего пользования архивным материалом и для предварительного ориентирования в их описи, составлены еще два карточных указателя: 1) алфавитный указатель главнейших лиц, о которых есть данные в архиве, с приведением против каждой фамилии №№ описи и соответствующих папок, содержащих эти данные; 2) алфавитный указатель главнейших вопросов, для освещения которых имеются материалы в архиве, при чем и здесь указаны №№ описи и папок, содержащих эти материалы.

Что касается характера этих последних, то их можно разбить на 3 категории.

Во-первых, это—рукописи статей или сырых материалов, уже напечатанных где-либо.

Во-вторых, это—рукописные копии сырых материалов, по преимуществу архивных, либо вовсе не напечатанных, либо опубликованных только частично.

В-третьих, это—подлинные документы разного рода, частью опубликованные, частью же, повидимому, еще не видевшие света, по крайней мере в полном виде.

Необходимо заметить, что, в виду срочности работы, выяснение того, напечатаны ли те или другие документы, могло производиться лишь мимоходом, не имея поэтому исчерпывающего и вполне точного характера.

Останавливаясь, прежде всего, на рукописях статей или материалов первой из названных категорий (т.-е. уже напечатанных), следует отметить, что если ценность их, естественно, незначительна, ими все же нельзя вполне пренебрегать: при царской цензуре не все, бывшее в рукописи, попадало в печать, и может оказаться, что и в данных рукописях имеются подобные нецензурные остатки.

Что касается документов второй из названных категорий, т.-е. представленных в копиях и совсем или не вполне напечатанных, то из них необходимо отметить следующие группы. Больше всего имеется копий с материалов по истории русского крестьянства, собранных В. И. Семевским при его работах в разных архивах. К ним примыкают довольно обильные материалы по истории русских горнорабочих и рабочих на золотых приисках—тоже в связи с исследованиями В. И. Семевского. Следующую значительную группу материалов в копиях составляют документы по дипломатической истории России и западных держав, преимущественно первой четверти XIX века и времен русско-турецкой войны 1877—1878 г. г. Порядочная их часть скопирована во французских архивах. Далее, большое количество копий снято с архивных и иных дел о декабристах и петрашевцах, опять в связи с соответствующими работами В. И. Семевского. Немало материалов относится затем к общественному и революционному движению, начиная с Александра I и кончая последним царствованием (между прочим, аракчеевщина, масонство, земское и городское движение, политические партии, университетские и студенческие дела, цензура и т. д.). Наконец, есть и некоторые материалы о политических событиях наших дней.

Обращаясь теперь к третьей категории имеющихся материалов, т.-е. к подлинным документам, их можно разбить, в свою очередь, на несколько групп. Наиболее значительной из них является огромное количество (несколько тысяч) писем к В. И. Семевскому разных лиц: ученых, литераторов, общественных деятелей последней четверти XIX века и начала текущего века. Посвященные разным вопросам науки, литературы и общественной жизни, подобранные за много лет от самых различных лиц, они представляют большую историческую ценность. К тому же разряду подлинных писем относится также эпистолярный архив фамилии Белоголовых (больше тысячи писем от лиц нескольких поколений), такой же, хотя и менее содержательный, архив В. Скалона. Далее—архивы декабристов Завалишина и Е. Оболенского фамилии Норовых, Татариновых, Петрашевских (со многими письмами М. В. Петрашевского) и петрашевцев (Д. Ахшарумова и друг.), переписка Н. С. Тургенева с женой, переписка и иные документы, подлинные, из архива Т. Полнера, переписка Зубатова с Бурцевым, архив народовольца Суханова и т. д. К категории подлинных документов принадлежат еще подлинные дневники разных лиц, частью напечатанные, частью еще не опубликованные (кн. Д. М. Волконского. М. Бутурлина, А. Шуберт, С. П. Мель-

тунова и др.). Сюда же относятся различные подлинные документы к истории общественного и революционного движения в России (масонство, аракчеевщина, земское движение, политические партии, в частности — С.-Р. и Н.-С. в последние годы, университетские и студенческие дела и т. п.). Наконец, особую рубрику подлинных материалов составляют некоторые рукописи сочинений и лекций В. И. Семевского и, главным образом, обильная библиография по разным вопросам русской истории, которыми занимался В. И. Семевский.

В заключение следует отметить, что архив В. И. Семевского, освещая немало вопросов нашей истории, содержит и значительное количество обстоятельных и ярких данных для составления научной и частной биографии самого В. И. Семевского.

Поступления иностранной литературы. Крупным поступлением иностранной литературы является парижская библиотека доктора Лейбовича, состоящая исключительно из французских книг,—по французскому социализму, философии, социологии и литературе. Эта библиотека тоже еще не разобрана и не прошла через регистратуру.

Иностранная литература поступала в б-ку также путем приобретения ее за границей. По мере отпущенных для этого средств, б-ка старалась закупать за границей важнейшую текущую литературу, при чем было установлено некоторое равновесие для изданий важнейших стран, прежде резко нарушенное в пользу Германии. Всего б-ка приобрела 3148 книг и получала по подписке 156 названий журналов, что составляет только 40% заказа. Литиздат НКИД, через который была сделана подписка на иностранные периодические издания, на 60% не выполнил заказа из-за крайне нерациональной постановки дела выписки инопрессы.

Вторым источником поступления иностранной литературы является присылка своих изданий иностранными пролетарскими организациями, не достигшая, однако, ожидавшихся размеров. Тем не менее, этот источник увеличивает число получаемых б-кой периодических изданий до 291. Для усиления бесплатного получения литературы из-за границы предприняты некоторые шаги через Коминтерн. Далее, состоялся обмен небольшими партиями книг с некоторыми иностранными учреждениями и организациями (Лондонский Университет, London school of Ekonomics, Labour Party, Библиотекой Конгресса в Вашингтоне и др.). Необходимо, однако, признать, что пополнение библиотеки иностранной литературой является совершенно недостаточным; наличные средства не дают возможности закупать даже по важнейшим отделам, что было бы необходимо для научной работы в Академии. Принимая во внимание, что другие б-ки Москвы в еще меньшей степени снабжены текущей иностранной литературой, легко понять всю важность достаточного получения ее нашей библиотекой.

Комплектование. Комплектование библиотеки ведется систематическим порядком. Главная из этих работ — комплектование периодических изданий центральных советских и партийных учреждений

с 1917 года — почти закончена. Путем тщательного просмотра комплектуемых изданий, просмотра всякого рода отчетного ведомственного материала, справок в учреждениях и у отдельных лиц, обследования библиотек и складов, были собраны сведения о всех периодических изданиях, выпускавшихся, начиная с 1917 года, советскими и партийными учреждениями Москвы и Ленинграда, Коминтерном и Кимом, выяснено число вышедших номеров периодических изданий, их взаимная связанность и т. д. Вместе с тем были использованы все возможности (вплоть до обращения к отдельным лицам, сотрудничавшим в том или ином органе) для пополнения недоставших б-ке номеров. В результате работы б-ка располагает возможно полным собранием этих изданий, почти абсолютно полным и, во всяком случае, наиболее полным из всех существующих собраний. Многие комплекты имеются в двух экземплярах, некоторые в 3-х, при чем третьи включены в обменный фонд. В настоящее время делаются последние попытки достать недостающие еще номера и редактируется полный список изданий, могущий пригодиться и для других библиотек и учреждений. Любопытно отметить, что при работе была установлена наличность таких изданий, которые оказывались неизвестными самим издававшим их учреждениям. Попутно составлена картотека (пока черновая) всех указателей к вошедшим в список изданиям, заключающихся в самых изданиях, а также имеющихся в них всякого рода библиографических материалов.

Подобная работа была начата и с профессиональной прессой периода 1917—1923 г.г. Были собраны сведения относительно 1156 названий профессиональных периодических изданий, из них в б-ке Комм. Академии оказалось 410 названий, т.-е. всего только 35%, при чем громадное большинство из имеющихся названий представляет из себя неполные комплекты. При обследовании оказалось, что б-ка ВЦСПС располагает еще меньшим количеством названий — 214, что составляет только 18% всех названий, но эти цифры достаточно рельефно рисуют размеры стоящей пред нами задачи.

Что касается провинциальных изданий, то здесь пока проводится предварительная работа по комплектованию. Оказалось, что в б-ке имеется около 1000 назв. провинциальных журналов с 1917 г., при чем сюда не вошли еще не затронутые работой Украина и Кавказ, установлено 700 не имеющихся в б-ке названий. С целью пополнения собрания б-ки разослано в первую половину отчетного года в разные провинциальные учреждения всего 233 запроса о высылке недостающих б-ке периодических изданий; 191 учреждение ответило, при чем б-ка получила 816 нужных ей печатных единиц. Во второй половине года работа была возобновлена рассылкой повторных писем с обращением в учреждения, в первый раз пропущенные. Было послано вновь 81 письмо (взяты только 4 губернии), ответов получено 38, при чем б-ка приобрела еще 263 нужных ей номера. В настоящее время переписка с провинциальными учреждениями не производится вследствие недостатка сотрудников.

Необходимо указать, что отдел комплектования разослал в течение подотчетного периода свыше 1000 писем разным русским и нностранным обществам и учреждениям.

Из кабинетов усиленно комплектуется сейчас кабинет III Интернационала, поставивший задачей собрать, по возможности исчерпывающе, всю литературу коммунистических партий и их предшественников, а также все важнейшее по социализму. Исполком Коминтерна, заинтересованный в создании хорошего кабинета при б-ке Академии, идет навстречу этой работе.

Разгрузка библиотеки. Параллельно с комплектованием идет разгрузка б-ки от ненужной ей литературы. Установилось, что при получении новой литературы б ка сразу же передает ненужные ей книги — специальные — в соответствующие специальные б-ки (Наркомздрава, НТО ВСНХ, Сельско-Хоз. Академии и др.), а популярную, агитационную и детскую — в б-ки Хамовнических казарм, подшефного детдома, Щаповского с.-х. техникума и др. Немало было передано туда также и прежде имевшейся в б-ке ненужной литературы. Много книг, главным образом по изящной литературе, было передано в клуб месткома. Всего за год передано безвозмездно в разные библиотеки 12.798 книг.

Книжный обмен Обмен с русскими учреждениями протекал в следующем виде: состоялся обмен с Румянцевским музеем и б-кой Книжной Палаты, откуда получена библиографическая литература; с Центроархивом, откуда поступили недостающие б-ке номера периодических изданий с 1917 г., главным образом, провинциальных; состоялся обмен большими партиями литературы с Институтом Маркса и Энгельса; отправлено большое количество литературы на восточных языках, преимущественно газет, в Туркестанскую Государственную б-ку.

Из иностранных учреждений, как уже было указано, состоялся обмен с Лондонским Университетом, с London School of Economics, с б-кой Конгресса в Вашингтоне, и с Labour Party.

Всего передано в обмен на книги — 1.336 книг, получено 2590 книжных единиц, а всего из обменного фонда передано 14.134 книги.

Разборка книжных завалов. Работы по приведению б-ки в элементарный порядок, намеченные в начале отчетного года, в общем закончены. Прежде всего были ликвидированы завалы неразобранной литературы, заполнявшие подвальное помещение б-ки. Все нужное б-ке (такового оказалось немало) было влито в нее, остальное включено в обменный фонд. Полуразобранная фундаментальная б-ка была систематизирована, причем выделены в обменный фонд многочисленные мультиплеты. Громадные залежи газет были разобраны, иностранные — вполне, русские — еще не до конца. Из иностранных газет в б-ке оставлены только коммунистические, социалистические, профессиональных организаций, колониальные и по 1—2 крупных газет для каждой из главнейших стран; остальные переданы Ленинской б-ке. Из русских газет, кроме текущего года, в порядке находится только

1923 год, который зарегистрирован на карточках; разборка предыдущих лет заканчивается.

Инвентаризация. В отчетном году была закончена инвентаризация всей б-ки. По инвентарной записи в библиотеке имеется всего 510.945 кн. единиц.

Регистрация журналов. Регистрация журналов на карточках была самой крупной из всех произведенных в истекшем году организационных работ, отнимавшей наибольшее число рабочих единиц. С сентября 1923 года, когда началась эта работа, прошло через регистрацию около 173.000 книжек журналов, занесенных на карточки. Но это не была только регистрация в узком смысле этого слова, а целый комплекс работ, направленных к приведению журналов в полный порядок: разбор журнальных завалов в подвале, собирание каждого названия из десятка разных отделов, где оно находилось, подбор комплектов, выделение обменного фонда, занесение на карточки основных и дублетных комплектов, инвентаризация, штемпелевка, отчасти переплет. Значение этой работы понятно: учтена и приведена в известность значительная часть б-ки, создана возможность комплектования ее, образован запасный фонд важнейших журналов, получен в виде обменного фонда журналов значительный ресурс для пополнения б-ки, созданы условия для контроля полноты текущих поступлений и т. д. В настоящее время эта работа проходит последние этапы: заканчивается регистрация в отделе библиографии и нелегальных периодичеких изданий, потом сверка каталогов, их об'единение и окончательное редактирование.

Опись на формулярах. С целью хотя бы минимально привести в известность другую и большую часть б-ки—непериодические издания—была предпринята опись их на формулярах. Эта работа, начатая еще в предыдущем году, теперь также закончена. Имеющаяся в результате картотека формуляров, далеко не совершенная и ни в какой мере не заменяющая каталога, дает, однако, возможность производить самые грубые справки и тем облегчает как пользование, так и пополнение б-ки.

Каталог. Что касается настоящей описи библиотеки, составления предметного каталога, то, как известно, раньше была произведена каталогизация кабинетов истории революционного движения и рабочего вопроса, а также читального зала, имеющих свои, правда, несовершенные алфавитные каталоги. За отчетный год работа по составлению каталога библиотеки не возобновлялась, ограничиваясь только текущими поступлениями в упомянутые отделы, уже имеющие каталоги.

В ближайшем времени, однако, составление предметного каталога должно возобновиться и в следующем году будет, несомненно, занимать главное место среди организационных работ библиотеки. Работа начнется с кабинета экономики, как наиболее важного и актуального сейчас. Одновременно с составлением каталога будет производиться и систематизация литературы. В настоящее время принимаются некоторые подготовительные меры к началу этой ра-

боты: производится ознакомление с таблицами систематизации книг, сделан перевод части некоторых таблиц на русский язык, подготовляется каталогизационный материал, значительно пополнено собрание библиографических справочников, необходимых при каталогизации и т. д.

Переплет. За год было переплетено всего около 8 тысяч книг в мастерской Академии и 500 экземпляров вне Академии. Академическая переплетная, таким образом, не работает в среднем и 700 книг в месяц, при среднем месячном поступлении около 7 тысяч новых книг, давая при этом попрежнему «немые» книги—без тиснения.

Помещение. Помещение библиотеки за истекший год значительно увеличилось. О расширении кабинета экономики мы будем еще говорить, кроме того, значительное пространство в подвале было оборудовано полками, что дало возможность разместить газеты, запасные части библиотеки и обменный фонд. Тем не менее, нужда в помещении остается еще очень большой, в особенности кабинеты идеологии, рабочего вопроса и фундаментальная библиотека находятся в стесненном положении. Некоторое облегчение в этом смысле может быть достигнуто путем дальнейшей постановки полок, к которой необходимо тотчас же прибегнуть. Необходимо оборудовать под книгохранилище одну из комнат, занимаемых кабинетом идеологии, одну комнату кабинета международных отношений, часть комнаты кабинета рабочего вопроса и всю оставшуюся еще свободной площадь нижнего этажа.

Кроме перечисленных работ, которые были намечены, в начале подотчетного периода, библиотека приступила к реорганизации читального зала, экономического кабинета и к организации справочного отдела.

Общий читальный зал. Главную массу читателей принимает читальный зал, на который падает больше 70% общего числа посещений библиотеки. Занимая во многих отношениях неудобное помещение, читальный зал с трудом поддается внешнему благоустройству; тем не менее, кое-что удалось сделать для создания более благоприятной обстановки для занятий читателей. Основной работой, предпринятой библиотекой в читальном зале и в настоящее время продолжающейся, является полное переформирование книжного собрания, находящегося при читальном зале. С целью сохранения полноты основных собраний библиотеки, заключающихся в ее кабинетах и фундаментальной библиотеке, решено было комплектовать читальный зал исключительно из дублетов, лишь в виде исключения допуская временное хранение там первых экземпляров—в том случае, когда они не представляют первостепенного интереса для кабинетов. В силу этого решения было передано в кабинеты из читального зала около 3 тысяч книг, ранее недостававших кабинетам. Далее, было положено начало систематическому комплектованию библиотеки читального зала, в противоположность бывшему до сих пор довольно случайному собиранию литературы; при этом в основу комплектования был положен реальный критерий спрашиваемости книги (в противо-

положность прежде принятой отвлеченной энциклопедичности). Вследствие того, что наиболее спрашиваемыми являются основные произведения марксизма и ленинизма и основная литература по истории общественного движения, РКП и октябрьской революции, подбор литературы в результате комплектования должен принять гораздо более ярко выраженный марксистский характер, чем прежде. Работа по систематическому комплектованию читального зала выполнена в своей первой части—произведена его разгрузка от литературы, не читаемой. В то же время начато пополнение читального зала книгами, часто спрашиваемыми, путем передачи их из фундаментальной библиотеки (дублеты кабинетов) и закупки недостающих. Организуется в Ч. З. особый отдел «Ленин и ленинизм», в котором будут собраны все сочинения т. Ленина и все книги о Ленине и его работах.

Календарные выставки. Так как большинство наших читателей—члены Р.К.П., ведущие партийную агит-проп. работу, в читальном зале введены выставки, приуроченные к текущим политическим событиям, партийным кампаниям и мемориальным дням. За подотчетный период были организованы следующие выставки:

1.	«Германская революция».	13/XII—21/XII — 1923 г.
2.	«Памяти Розы Люксембург и К. Либкнехта».	Январь 1924 г.
3.	«9-ое Января».	
4.	«Памяти В. И. Ленина».	
5.	«8-ое Марта».	Март 1924 г.
6.	«Пятилетие Коминтерна».	
7.	«Денежная реформа».	
8.	«Парижская Коммуна».	Апрель 1924 г.
9.	«1-ое Мая».	
10.	«I Интернационал».	Сентябрь 1924 г.
11.	По Китаю.	

Выставки новой литературы. Вне читального зала продолжала существовать выставка новой текущей литературы, русской и иностранной. Эта выставка за отчетный год была расширена еще тем, что выставляются последние №№ иностранных журналов и дается список поступлений иностранных книг за весь последний год. В связи со смертью В. И. Ленина была устроена выставка, посвященная его памяти, состоящая из его произведений, литературы о нем, его портретов и откликов на его смерть. Выставки привлекают большое внимание читателей библиотеки.

Читальный зал отдела экономики. Отдел экономики, как уже отмечалось выше, выдает наибольшее число книг (37% общего числа выдач из кабинетов). Большинство лиц, работающих в читальном зале, занимается вопросами экономики. С другой стороны, помещение, занимавшееся кабинетом до сих пор, давно уже перегружено литературой сверх всякой меры, между тем, как наибольшее число поступлений падает опять-таки на кабинет экономики. Все эти

обстоятельства заставили решительно и немедленно приступить к расширению помещения кабинета и открытию его для читателей в вечернее время. Кабинету был предоставлен зал, занятый прежде аудиторией, стены которого были оборудованы полками; в этом помещении устроен второй читальный зал, открытый в продолжение 12 часов; для книгохранилищ экономического кабинета отведена еще одна комната, примыкающая сзади к его старому помещению. В кабинете произведена предварительная систематизация книг. Окончательная систематизация и составление предметного каталога для этого кабинета является неотложной задачей, стоящей перед библиотекой.

Справочный отдел. Первого сентября 1924 г. был открыт справочный отдел, в который собрана вся справочная литература, имеющаяся в б-ке. Необходимость организации справочного дела в б-ке давно уже была ясна, но в последнее время особенно участились обращения за справками со стороны читателей и разного рода учреждений (советских и партийных учреждений, библиотек и др.). Удобства для читателей в существовании справочного аппарата очевидны. Справочный отдел будет первой инстанцией, куда попадает каждый читатель, незнакомый еще с нашей б-кой; здесь будет устанавливаться предмет его занятий, здесь он получит все сведения о литературе по предмету его занятий, здесь же будет стоять каталог, из которого он узнает, что из нужной ему литературы он может найти в б-ке; в справочный же отдел читатель будет приходить и в течение своей работы за дополнительными библиографическими справками и для пользования справочными сочинениями.

Насколько назрела необходимость в открытии специального справочного отдела, указывает тот факт, что в течение одного месяца в ответ на запросы, кроме летучих указаний, было составлено более 20-ти библиографических списков, в большинстве, на экономические темы. В справочный отдел поступило задание от председателя СТО тов. Каменева Л. Б., в справочный отдел обращались Институт Маркса и Энгельса и Центральная б-ка г. Москвы.

Штаты. Как уже было указано, в самом начале отчетного года штат б-ки был сокращен на 15%; б-ка имеет, таким образом, в настоящее время 68 человек. Между тем, работа б-ки растет вместе с ростом читателей и ростом поступлений. Благодаря кабинетной системе и открытому доступу к полкам, работа с читателем отнимает исключительно много сил, а теперь открыт еще новый читальный зал для отдела экономики, потребовавший штат сотрудников с воскресными и вечерними дежурствами. Открытие справочного отдела, устройство выставок, систематическое комплектование читального зала и другие работы, предпринятые в отчетном году, в целях наилучшего обслуживания читателя, требуют лишних сил. С другой стороны, все увеличивающиеся текущие поступления книг непосредственно из издательств,—все это чрезвычайно увеличило работу по включению в б-ку новой литературы. Работы по ликвидации книжных завалов прежних лет и введению элементарных форм учета сейчас заканчиваются, но при этом они переходят

в текущие формы, становятся текущими работами. Разборка книжных завалов прежних лет закончена, но часть новых поступлений за подотчетный период, как уже было указано, из-за недостатка сотрудников не могла быть разобрана и не включена в библиотеку. Регистрация журналов заканчивается, но составленную картотеку нужно продолжать для вновь поступающих журналов; формулярная опись составлена, но текущие постановления должны в нее заноситься и т. д. Вследствие этого часть сотрудников, освобождающихся при окончании указанных работ, должна быть уделена на ведение вновь возникших при их окончании текущих работ, в то время как другая часть их переходит на увеличившуюся текущую работу по обслуживанию читателей и приему новых поступлений. Остаются необеспеченными рабочей силой те отрасли работы, которые требуют как раз наиболее квалифицированных сотрудников. Вновь поставленное справочное дело потребует, несомненно, новых сотрудников, притом квалифицированных. Систематическое комплектование, как видно из отчета, затрогивает лишь маленький уголок б-ки; в большей части б-ки попрежнему зияют пробелы. Комплектование б-ки должно быть серьезно поставлено в предстоящем году; несколько подготовленных сотрудников должно быть уделено на эту работу. Наконец, б-ка Коммунистической Академии должна поставить на должную высоту научно-библиографическую работу. Весьма многие актуальные библиографические темы ждут разработки именно от б-ки Академии. Вообще с окончанием простой «черной» работы по разборке и учету, б-ка переходит в новую фазу с преобладанием работ научно-библиографического характера, требующих квалифицированных сотрудников. Нужно прямо сказать: с наличным штатом библиотека с этими работами не только не справится,—она не сможет их и поставить: необходимо увеличение штата приглашением хорошо подготовленных научных сотрудников-библиотекарей.

Редакционная коллегия:

Бухарин. Н. И., Милютин, В. П., Покровский, М. Н., Преображенский, Е. А., Крицман, Л. Н., Ротштейн. Ф. А., Деборин. А. М., Двойлайцкий, Ш. М.

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	Следует:
Стр. 45, 1 строка снизу	вытавшиеся	пытавшиеся
„ 51, 14 строка сверху	слона—финансового капитализма.	слона финансового капитализма.
„ 56, 2 стр. сверху	не превосходил, если не отставал, французского. Так Кайнс. 1913	не превосходил французский, если не отставал от него. Так Кэйнс. 1912
„ 69, 4 стр. сверху	Д-т-$Д_1$	Д-Т-$Д_1$
„ 79, примеч., стр. 6-я снизу		
„ 80, примеч., стр. 4-я снизу	золота.	золота“.
„ 105, 3 стр. снизу	вспыхнет революция. [3])	вспыхнет революция“ [3]).
„ 106, 20 стр. сверху	Я отдал...	„Я отдал...
„ 123, 11 стр. снизу	ines Genius	„seines Genius
„ 130, примеч., 10 стр. снизу	Тут Маркс сам себе противоречит	Тут Меринг сам себе противоречит
„ 130, 9 стр. сверху	неприятен [2])	неприятен“ [2])
„ 132, примеч., 2 стр. снизу	Bebend III, 66	Ibidem, S. 66.
„ 134, примеч., 8 стр. снизу	Возвращаясь к этому кругу	Вращаясь в этом кругу
„ 136, примеч., 14 стр. снизу	и рабочими Лене	и рабочими Ленена
„ 138, 7 стр. сверху	Spectakelstück oder Ibillie	Spectakelstück oder Idillie.
„ 143, примеч., 14 стр. снизу	Industrier Kittertum	Industrierittertum
„ 165, примеч., 11 стр. снизу	2) Wallon. Ge terreur	2) Wallon. La terreur.
„ 165, 9 стр. снизу	4) Mautoucqet. Le douvernement.	4) Mautouschet. Le gouvernement.
„ 165, 8 стр. снизу	5) Mellié. Ges sections de Paris	5) Mellié. Les sections de Paris
„ 184, 17 стр. снизу	Но самое главное: на сцену выступил новый враг власти)	Но самое главное: на сцену выступил новый враг власти
„ 185, 3 стр. сверху	казенным	казненным
„ 193, 25 стр. снизу	(Mon XI, № 250 стр. 527)	(Mon XVII № 250, стр. 527)
„ 195, 21 стр. снизу	гостей маркиза Гише	гостей: маркиза Гиш,
„ 198, 7 стр. снизу	Баллон спрашивает	Баллон спрашивает
„ 206, 20 стр. сверху	организацией	организацией“.
„ 293, 17 стр. снизу	„послесословии“	„послесловии“
„ 307, 9 стр. снизу	Писание	Марксово писание
„ 308, 10 стр. снизу	„Вообще при капиталистическом производстве...“ (читает)	„Вообще всегда при капиталистическом производстве всеобщий закон пробивает себе дорогу (durchsetzt) как господствующая тенденция лишь весьма запутанным и приблизительным образом, как некая средняя вечных колебаний, не поддающаяся точной фиксации“. („Kapital“, т. III, стр. 140).
„ 311, 3 стр. сверху	исполнял Маркс	уже выполнил Маркс

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Коммунистической Академии.

ОТКРЫТА подписка на 1925 год
на
„Вестник Коммунистической Академии“

3-й год издания.

(Выходит раз в 2 месяца книгами размером в 26 печатных листов). Научно-исследовательский журнал, выходящий под редакцией т. т.: **Бухарина Н. И., Милютина В. П., Покровского М. Н., Преображенского Е. А., Крицмана Л. Н., Ротштейна Ф. А., Деборина А. М., Двалайцкого Ш. М.**

Журнал ставит своей задачей разработку вопросов методологии и исследование отдельных проблем в области общественных и точных наук в свете марксизма. Являясь органом Коммунистической Академии, журнал отражает на своих страницах ее работу, как научно-исследовательского коллектива.

Помимо статей и исследований, в приложениях к журналу даются систематические, библиографические указатели по различным вопросам.

Подписка принимается исключительно собственным аппаратом Издательства Академии. В связи с тем, что в прошлом 1924 году, когда издание находилось в ведении изд. Академии, отмечались недочеты и жалобы, как на несвоевременное печатание, так и на неаккуратную доставку подписчикам, Издательством Академии **приняты все меры** к своевременному выпуску издания и правильному снабжению подписчиков.

Условия подписки: На **6** книг **14** руб., на **3** книги **7** руб. **50** коп.

СПИСОК СОТРУДНИКОВ.

Адоратский, В., Авербух, Р., Аксельрод, Л. (Ортодокс). Базаров, В., Бавыкин, С., Баммель, Г., Бешкин, Г., Богданов, А., Бронский, М., Бухарин, Н., Вайнштейн, И., Варьяш, А., Вейц, В., Виноградская, П., Волгин, В., Горев, Б., Гурвич, Г., Двалайцкий, Ш., Деборин, А., Дитякин, В., Дрей, М., Дубровский, С., Ерманский, О., Иванов, И., Каплун, С., Клер, В., Кривцов, С., Крицман, Л., Кузовков, Д., Ларин, М., Лейкин, Э., Леонтьев, А., Литвинов, И., Лозовский, С., Лукин, Н., Луначарский, А., Меерсон, Г., Мещеряков, Н., Милютин, В., Моносов, С., Мороховец, Е., Мотылев, В., Нахимсон, М. (Спектатор), Никольский, В., Осинский, В., Орлов, И., Павлович, М., Пашуканис, Е., Переверзев, А., Покровский, М., Попов, П., Преображенский, Е., Прингожин, А., Пятаков, Г., Разумовский, И., Рейснер, М., Ротштейн, Ф., Рудаш, Л., Рязанов, Д., Сказин, Е., Смит-Фалькнер, М., Степанов-Скворцов, И., Стучка, П., Тальгеймер, А., Тимирязев, А., Троцкий, Л., Тюменев, А., Харазов, Г., Удальцов, А., Фриче, В., Циперович, Г., Шмидт, О., Шпильрейн, И.

Адрес Редакции: Знаменка, 11, тел. 1-94-66.

Подписку направлять по адресу: Москва, Знаменка, 10. Главная Контора Издательства Коммунистической Академии. Тел. 1-94-54.

В провинции подписка принимается областными представительствами издательства в городах: Ленинграда, Минске, Ростове-на-Дону, Свердловске, Нове-Николаевске, Ташкенте, Харькове, Оренбурге, Киеве, Иркутске, Самаре, Саратове—и агентами, снабженными соответствующими документами.

Издательство КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Открыта подписка на 1929 год на

„НА АГРАРНОМ ФРОНТЕ“. Ежемесячный журнал.

Под редакцией: т. т. Анцеловича Н. М., Дубровского С. М., Крицмана Л. Н., Ларина Ю., Милютина В. П., Теодоровича И. А., Яковлева Я. А. Ответств. секретарь Д. А. Батуринский. Журнал ставит себе целью теоретическую разработку **марксизма и ленинизма в аграрном** вопросе **в** борьбу с идеологическими противниками на аграрном фронте.

Журнал особое внимание уделяет изучению развития современной деревни и сельского хозяйства СССР и в других странах, разработке вопросов современного с.-х. строительства и работе партии в деревне.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

1. Сельскохозяйственная политика.
2. Сельскохозяйственная экономия.
3. Сельскохозяйственная статистика.
4. История аграрных отношений и аграрной революции в России.
5. Вопросы мирового крестьянства и батрацкого движения.
6. Работа партии в деревне.
7. Обзоры мирового сельского хозяйства и СССР.
8. Хроника.
9. Критика и библиография.

СОТРУДНИКИ ЖУРНАЛА.

Анцелович Н. М., Базыкин С. С., Батуринский Д. А., Беленький М. Н., Бицонко А. А., Бронский М. Г., Богданов Н. С., Бушинский В. П., Бухарин Н. И., Варга Е., Варжанский С. Л., Бгрейнис Н. М., Вильдо Ю. Н., Виноградов А. Н., Вишневский Н. М, Волков Е. З., Вольф М. М., Гетечкорн А., Гериле, Гойхбарг А. Г., Гордеев Г. С., Громан В. Г., Гуров П. Я., Двойлайцкий Ш. М., Домбаль Т., Дубровский С. М., Дудник А. М., Есин В. З., Кастель-Жап, Зиновьев Г. Е., Калинин М. И., Каменев Л. Б., Каминский Г. Н., Казаков А. С., Каринский В., Квиринг Эр., Кедер А. Я., Клименко И. Е., Козырев М. Н., Ке... В., Кржижановский Г. М., Крицман Л. Н., Крупская Н. К., Кузовков Д. В., Кули... ...ов В. П., Кушнер ... Ларин Ю., Лацис М. И., Лежнев-Финьковский П. Я., Лозовой А. Н., Лосицкий А. Е., Лященко П. И., Мартынов А. С., Мещеряков В. Н., Мещеряков Н. Л., Милютин В. П., Мир... ...ин Я. А., Мяртов П. А., Митрофанов А. Х., Молотов В. М., Один..., Ос...ский В. В., Павлович М. П., Першин П. М., Пеппер Дж., Петровский Г..., ...цон А. Н., О...овский М. Н., ...цонов Н. Н., Преображенский Е. А., Прищепов Д. Ф., Раковский Х., Покр... ...ау Г., Рено Жан, Рой М., Рудин Н. Н., Рыков А. И., Сарабьянов В. Н., Свидерский А. И., Середа С. П., Степков А. М., Смилга И. Т., Смирнов А. П., Соколов В. Н., Сосновский Л. С., Сталин И. В., Степанов-Скворцов И. И., Струмилин С. Г., Стучка П. И., Тараненко К. С., Теодорович И. А., Терлецкий Е. П., Троцкий Л. Д., Тюменев А. И., Ужанский С. Г., Шефлер М. Е., Шестаков А. В., Щелок П. Ф., Хидыр-Алиев П., Целько Ф. А., Хевешн А. В., Хрящева А. И., Яковлев Я. А., Ярославский Е.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на 1 год 12 рублей, на 6 месяцев 6 рублей, на 3 мес. 3 руб.

„Энциклопедия государства и права“.

Под общей редакцией члена Коммунистической Академии П. И. Стучка.

СЕКЦИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ПРИСТУПАЕТ К ИЗДАНИЮ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.

Цель издания — дать энциклопедический словарь, в котором основные вопросы права и государства впервые подвергнуты революционно-марксистской разработке, при чем все статьи составляются и редактируются **исключительно коммунистами**. Это последнее обстоятельство подчеркивается потому, что вопросы права и государства только на основе **последовательного ленинизма** могут получить правильную марксистскую оценку и верное марксистское освещение, свободное от всяких **пережитков буржуазной идеологии. Ленинская теория** в практика государства в учение о классовом праве должны найти широкую дорогу в пролетарские массы и помочь **им бить буржуазию ее же излюбленным оружием — законностью**. Но только законностью революционною. Цель энциклопедии — объединить практические и теоретические задачи, знакомить практика с теорией и теоретика с практикой. Работа рассчитана на широкие массы и не будет поэтому загромождена подробностями. Издание выходит под общей редакцией председателя секции общей теории права и государства Коммунистической Академии П. И. Стучка.

В ИЗДАНИИ БУДУТ СЛЕДУЮЩИЕ ОТДЕЛЫ:

1. Теория общества, государства и права — В. Адоратский, В. Максимовский, П. Стучка. 2. История финансового права — П. Разумовский. 3. Международное право — Е. Пашуканис. 4. Государственное право — Г. Гурвич. 5. Административное право — Г. Михайлов. 6. Трудовое право — И. Войтинский. 7. Уголовное право — А. Эстрин. 8. Уголовный процесс — А. Вышинский. 9. Гражданское право — П. Стучка. 10. Гражданский процесс — С. Прушицкий. 11. Финансовое право — Д. Кузовков. 12. Торговая политика — Б. Штейн.

Все издание рассчитано не менее, **чем на 50 печатных листов** большого формата убористой печати в два столбца (**свыше 800 страниц**). Издание выйдет в начале 1925 года.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на „ЭНЦИКЛОПЕДИЮ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА“ с доставкой и пересылкою в обложке — 10 руб., **в роскошном переплете с золотым тиснением — 12 руб.**

Энциклопедия печатается в ограниченном количестве экземпляров, **и по выходе в свет цена ее будет значительно повышена.**

„Международная Летопись“.

Ежемесячный журнал. Под редакцией **Ф. А. Ротштейна**. Журнал посвящен вопросам международной политики, экономики и права и дает на своих страницах исчерпывающую хронику и документацию международных отношений. **УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ**: на 1 г. — 16 р., на 6 м. — 8 р.

В подписную плату включена пересылка и доставка. Подписную плату направлять по адресу: Москва, Знаменка, 10, Главная контора Издательства. В провинции подписка принимается областными представителями Издательства в городах: **Ленинграде, Минске, Ростове-на-Дону, Свердловске, Ново-Николаевске, Ташкенте, Харькове, Оренбурге, Киеве, Иркутске, Самаре, Саратове** — в агентами, снабженными соответствующими документами. **Требуйте специальные проспекты и каталоги бесплатно.**